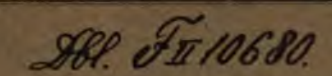

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

LG

ВНѢШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССІИ

ВЪ НАЧАЛѢ ЦАРСТВОВАНІЯ ЕКАТЕРИНЫ II.

1762—1774.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ
Н. Д. Чечулина.

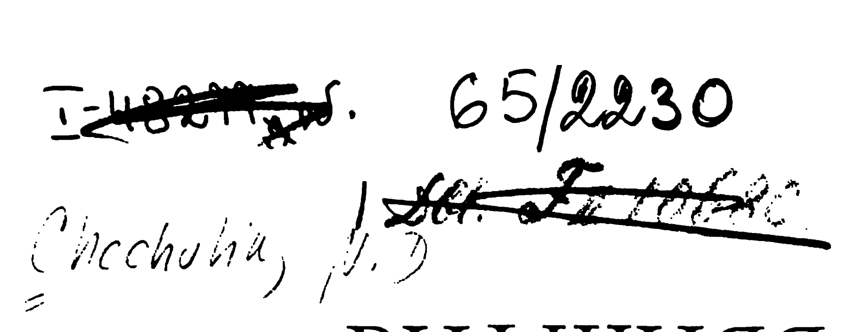

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.
1896.

Многоуважаемому
Михаилу Ивановичу
Горчакову
от автора.

Н. Д. Чечулинъ.

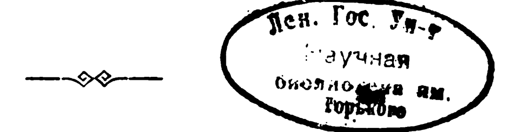
ВНѢШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССІИ.

ВНѢШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССІИ

ВЪ НАЧАЛѢ ЦАРСТВОВАНІЯ ЕКАТЕРИНЫ II.

1762—1774.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Н. Д. Чечулина.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.
1896.

По опредѣленію Историко-Филологическаго Факультета Императорскаго С.-Петербургскаго Университета печатать дозволяется. 12 сентября 1896 г.

Деканъ *И. Помяловскій.*

Предисловіе.

Въ настоящее время никто не сомнѣвается въ великой важности изученія внутренней исторіи государства, внутренней жизни народа; направивъ свое вниманіе на подобнаго рода изслѣдованія историческая наука въ значительной мѣрѣ способствовала успѣхамъ всѣхъ соціальныхъ наукъ и болѣе правильной оцѣнкѣ многихъ явленій, которыя имѣютъ важное значеніе и въ современной жизни государства и народа. Но несомнѣнно также, что и внѣшняя политика государства должна быть предметомъ не менѣе внимательнаго изученія. Обстоятельное знакомство съ нею необходимо для полноты и точности нашихъ свѣдѣній о прошломъ, а полнота и точность свѣдѣній—это условія обязательныя для того, чтобы сужденія наши объ данномъ предметѣ были правильны, чтобы наше знаніе могло быть основаніемъ какихъ либо истинно цѣнныхъ и важныхъ выводовъ; къ тому же въ иныя эпохи внѣшняя политическая дѣятельность занимала особенно важное мѣсто, была господствующимъ, преобладающимъ проявленіемъ дѣятельности народа и незнакомство съ нею повлекло бы за собой совершенно неправильное представленіе обо всей дѣятельности даннаго народа въ извѣстный

По опредѣленію Историко-Филологическаго Факультета Императорскаго С.-Петербургскаго Университета печатать дозволяется. 12 сентября 1896 г.

Деканъ *И. Помяловскій.*

Предисловіе.

Въ настоящее время никто не сомнѣвается въ великой важности изученія внутренней исторіи государства, внутренней жизни народа; направивъ свое вниманіе на подобнаго рода изслѣдованія историческая наука въ значительной мѣрѣ способствовала успѣхамъ всѣхъ соціальныхъ наукъ и болѣе правильной оцѣнкѣ многихъ явленій, которыя имѣютъ важное значеніе и въ современной жизни государства и народа. Но несомнѣнно также, что и внѣшняя политика государства должна быть предметомъ не менѣе внимательнаго изученія. Обстоятельное знакомство съ нею необходимо для полноты и точности нашихъ свѣдѣній о прошломъ, а полнота и точность свѣдѣній—это условія обязательныя для того, чтобы сужденія наши объ данномъ предметѣ были правильны, чтобы наше знаніе могло быть основаніемъ какихъ либо истинно цѣнныхъ и важныхъ выводовъ; къ тому же въ иныя эпохи внѣшняя политическая дѣятельность занимала особенно важное мѣсто, была господствующимъ, преобладающимъ проявленіемъ дѣятельности народа и незнакомство съ нею повлекло бы за собой совершенно неправильное представленіе обо всей дѣятельности даннаго народа въ извѣстный

періоды: напримѣръ, иногда только изучая именно внѣшнюю политику, мы получаемъ такія свѣдѣнія о внутреннихъ побужденіяхъ, цѣляхъ прежнихъ людей, которыя въ высшей степени важны для правильнаго пониманія всей ихъ дѣятельности и которыя, вмѣстѣ съ тѣмъ, безъ изученія внѣшней политики могли остаться или вовсе незамѣченными или по крайней мѣрѣ не выясненными достаточно.

Предлагаемое изслѣдованіе посвящено изученію внѣшней политики Екатерины II въ первый періодъ ея царствованія, окончившійся первою турецкою войной и первыми пріобрѣтеніями отъ Польши.

Мнѣ кажется, что этотъ предметъ вполнѣ заслуживаетъ самаго внимательнаго изученія. Обстоятельства сложились такъ, что въ это время внѣшняя политика занимала преобладающее мѣсто въ дѣятельности русскаго правительства; насколько послѣдовавшій затѣмъ періодъ былъ періодомъ внутреннихъ реформъ по преимуществу, такъ что въ теченіе 10—15 л. не произошло въ области внѣшней политики ничего такого, что не было бы явно лишь естественнымъ завершеніемъ начатаго въ первые годы царствованія императрицы, настолько же избранный нами первый періодъ есть періодъ по преимуществу важной и активной внѣшней политики. При изученіи ея, вмѣстѣ съ тѣмъ, предъ нами раскрываются нѣкоторыя изъ руководящихъ идей екатерининскаго царствованія, уловить и уразумѣть которыя въ высшей степени важно для пониманія всей этой любопытной и знаменательной эпохи вообще.

Какъ наиболѣе цѣнный результатъ предлагаемаго изслѣдованія мнѣ представляется именно то,

что мнѣ удалось—смѣю, по крайней мѣрѣ, думать—твердо установить положеніе, что правительство Екатерины въ первую половину ея царствованія постоянно и неуклонно преслѣдовало выгоды русскаго государства и народа, что оно не подчинялось никакимъ постороннимъ вліяніямъ, не жертвовало силами и средствами русскаго народа для достиженія цѣлей, ему совершенно постороннихъ, и что оно прямо признавало своимъ долгомъ такъ дѣйствовать. Такой взглядъ раскрывается и высказывается всего яснѣе именно въ дипломатической перепискѣ тогдашняго русскаго министерства и неоспоримо, что признаніе его въ высшей степени важно не для изученія внѣшней политики только. Констатированіе такого факта, конечно, не предрѣшаетъ нимало вопроса о томъ, правильно или нѣтъ понимаемы были выгоды и потребности русскаго народа, а тѣмъ болѣе—въ томъ, что касалось политики внутренней; несомнѣнно извѣстно, что въ то время на многое господствовали взгляды, которыхъ ошибочность и несостоятельность теперь всѣмъ совершенно ясна; но очевидно, что сколько бы ошибокъ во внутренней политикѣ екатерининскаго правительства не было раскрыто и доказано, — фактъ постояннаго стремленія его къ выгодамъ русскаго народа, къ усиленію русскаго государства сохраняетъ все свое значеніе для оцѣнки и пониманія всей эпохи.

Въ изслѣдованіи своемъ я особенно стремился къ точному и вѣрному изображенію фактовъ. Въ результатѣ болѣе полнаго и обстоятельнаго разсмотрѣнія всѣхъ дошедшихъ до насъ извѣстій о нѣкоторыхъ отношеніяхъ и фактахъ явилось иногда и

изображеніе ихъ въ значительной степени непохожее на прежнія, а въ зависимости отъ этого и въ многихъ выводахъ своихъ я разошелся съ писавшими ранѣе меня о той же эпохѣ и о тѣхъ же отношеніяхъ; между прочимъ и такое крупное событіе, какъ первый раздѣлъ Польши, пришлось излагать совершенно не въ томъ видѣ, какъ представляли его за послѣднія 30—40 лѣтъ. Вообще лишь въ точномъ и полномъ знаніи фактовъ, по моему глубокому убѣжденію, можемъ мы получить твердое основаніе для ясныхъ и вѣрныхъ сужденій о всякомъ предметѣ, явленіи или вопросѣ, равно какъ только въ немъ же можно найдти надежнѣйшее, если не единственное, средство для борьбы съ мнѣніями ложными и съ всевозможными неправильными и поверхностными выводами и обобщеніями.

Въ твердомъ убѣжденіи, что въ научномъ изслѣдованіи необходима только одна полная истина и что только истина полезна, я не позволялъ себѣ нигдѣ не мало прикрашивать или прикрывать многія дѣйствія русской дипломатіи, хотя они и не могутъ не казаться иногда возмутительными для тѣхъ, кто не привыкъ къ зрѣлищу дипломатіи прошлыхъ вѣковъ. Дѣйствительно, трудно было бы указать, какое предписаніе нравственности не было нарушено въ международныхъ отношеніяхъ европейскихъ государствъ въ прошломъ вѣкѣ. Такъ какъ въ моемъ изслѣдованіи особенно подробно изложена по преимуществу русская политика, то особенно часто и много мы имѣемъ дѣло съ проявленіемъ несимпатичныхъ и дурныхъ пріемовъ дипломатіи русской. Но я позволю себѣ прямо сказать, мнѣ, кажется, это и само по себѣ ясно, что даже въ тѣхъ,

сравнительно немногихъ и кратко изложенныхъ случаяхъ, когда намъ приходилось касаться дипломатическихъ дѣйствій другихъ европейскихъ гусударствъ, мы видимъ постоянно поступки ужъ ни въ какомъ случаѣ не лучшіе, чѣмъ поступки дипломатіи русской, а кто знакомъ съ пріемами и исторіей западноевропейской дипломатіи XVIII в. болѣе обстоятельно, или кто дастъ себѣ трудъ прочесть книгу Сореля или хотя бы «Исторію XVIII в.» Шлоссера, тотъ, конечно, признаетъ, что въ коварствѣ, въ интригахъ, въ хитростяхъ русскіе дипломаты безспорно являлись лишь учениками западноевропейскихъ, учениками, которые если и усвоили себѣ всѣ выработанные уже пріемы, то сами ничего къ нимъ не прибавили и не примѣняли пріемовъ своихъ учителей и старшихъ товарищей шире и чаще, чѣмъ они сами. Русскіе дипломаты въ сношеніяхъ съ западноевропейскими дѣйствовали тѣмъ же оружіемъ, какимъ дѣйствовали противъ нихъ—этого совершенно достаточно, чтобы намъ сосредоточить все свое вниманіе не на оцѣнкѣ ихъ способа дѣйствій, а на разсмотрѣніи ихъ и на оцѣнкѣ ихъ результатовъ.

Какъ слѣдствіе всѣхъ тѣхъ отношеній, которыя мы изучали, явилось очень замѣтное усиленіе международнаго значенія Россіи. Для насъ безспорно, что и всегда таковъ же будетъ результатъ политики истинно національной, такой политики, которая цѣли ставитъ себѣ соотвѣтствующія всему прошлому народа, его существеннымъ потребностямъ и стремленіямъ, а пріемы свои и дѣйствія основываетъ на самомъ высокомъ уваженіи къ чести и достоинству своего народа.

Выпуская эту книгу и разставаясь такимъ образомъ съ работою, которая почти шесть лѣтъ преимущественно занимала мои силы и вниманіе, я не могу не сказать о своей глубокой благодарности многимъ лицамъ, которымъ обязанъ и за цѣнныя указанія ученаго характера и за не менѣе цѣнную нравственную поддержку и помощь въ нѣкоторые тяжелые дни, выпавшіе на мою долю. Уже помянуть, къ великому моему сожалѣнію, а не благодарить, приходится мнѣ своего учителя, профессора Егора Егоровича Замысловскаго, который былъ для меня, какъ и для многихъ другихъ, внимательнымъ и заботливымъ руководителемъ на первыхъ шагахъ моей ученой дѣятельности, и который въ моей памяти навсегда останется образцомъ научной добросовѣстности и строгаго отношенія къ своей работѣ и къ своему долгу вообще. Академикамъ Константину Николаевичу Бестужеву-Рюмину, Василію Григорьевичу Васильевскому и Леониду Николаевичу Майкову приношу я глубокую благодарность за самыя различныя указанія и за совѣты, которыми я имѣлъ счастіе пользоваться и въ теченіи этой работы и ранѣе. Георгію Θедоровичу Штендману искренно благодаренъ я за множество цѣнныхъ указаній, имѣвшихъ ближайшее отношеніе къ моей работѣ; Владиміру Петровичу Ламбину свидѣтельствую я здѣсь съ особеннымъ удовольствіемъ свою глубокую признательность за ту любезность, съ какою онъ содѣйствовалъ постоянно работамъ моимъ въ русскомъ отдѣленіи Императорской Публичной Библіотеки. Наконецъ, особѐнно благодаренъ я моимъ друзьямъ, Василію Григорьевичу Дружинину,

Сергѣю Ѳедоровичу Платонову и Сергѣю Михайловичу Середонину: со стороны ихъ я не только видѣлъ неизмѣнно самое сердечное отношеніе и ко мнѣ лично и къ моей работѣ, но и многократно пользовался ихъ самою любезною помощью, которою они существенно облегчали мнѣ работу.—Изъ людей, которымъ я много обязанъ не за поддержку ученаго характера, но за ихъ постоянное расположеніе ко мнѣ, за ихъ сердечное участіе и въ радостяхъ моихъ и въ печаляхъ, тоже, увы! помянуть долженъ я инженера путей сообщенія Василія Сергѣевича Сумарокова; затѣмъ свидѣтельствую свою безграничную благодарность моему высокопочитаемому дядѣ, инженеръ-генералъ-лейтенанту Николаю Павловичу Петрову, свѣтлѣйшему князю Константину Александровичу Горчакову и его сыну, моему молодому другу, князю Александру Константиновичу Горчакову. Я долженъ ограничиться этими словами, хотя они и являются лишь очень блѣдными выраженіями чувствъ, какими обязанъ я этимъ лицамъ и какія я къ нимъ питаю, но мнѣ трудно было бы кончить, если бы я сталъ подробнѣе вспоминать, сколько добра видѣлъ я отъ этихъ людей. Вообще же могу лишь каждому пожелать столько же наслажденій и отъ ученой работы, и отъ столкновеній съ хорошими людьми, сколько испыталъ я самъ; умственный трудъ и кругъ высшей интеллигенціи, куда онъ открываетъ путь, съ избыткомъ вознаграждаютъ за то тяжелое, что приходится испытывать въ жизни и что неизбѣжно.

Н. Чечулинъ.

11 сентября 1896 г.

Глава первая.

Общій очеркъ внѣшней политики Россіи въ первой половинѣ XVIII в. — Предварительныя замѣчанія о политикѣ Екатерины II.

I.

Съ конца XV вѣка, съ того времени, какъ изъ отдѣльныхъ русскихъ княжествъ сложилось единое русское государство, возобновились почти прерванныя татарскимъ игомъ сношенія русскаго народа съ Западною Европою; однако въ теченіе долгаго времени развивались они очень медленно. Нѣкоторые государи, особенно Іоаннъ IV Грозный, сознательно стремились сдѣлать сношенія эти болѣе живыми, но разныя условія, создавшіяся и на русской почвѣ и внѣ ея, мѣшали этому стремленію осуществиться. Сосѣди московскаго государства съ опасеніемъ смотрѣли на быстрое развитіе его силъ и не только ничего не дѣлали, чтобы облегчить ему сношенія съ западноевропейскими странами, но всѣми мѣрами старались эти сношенія затруднять; затруднялись эти сношенія и давнимъ отчужденіемъ русскаго народа отъ народовъ западноевропейскихъ, къ которымъ относились съ недовѣріемъ, развившимся отчасти на почвѣ религіозной, наконецъ, необходимостью переработать и разрѣшить многіе трудные и серьезные внутренніе вопросы. Но русскій народъ постоянно развивался, русское государство постепенно крѣпло, то и другое препятствіе ослабѣвало; въ XVII вѣкѣ стало уже очевидно, что сближеніе Руси съ западомъ близко и неизбѣжно. И вотъ настала эпоха одного изъ величайшихъ историческихъ дѣятелей, Петра Великаго.

Онъ сумѣлъ вызвать и обнаружить въ Россіи такія громадныя силы, какихъ въ ней до тѣхъ поръ не видѣли, какихъ не сознавали за своимъ народомъ и сами русскіе люди, онъ заставилъ русскихъ людей работать съ гораздо большимъ напряженіемъ своихъ силъ, чѣмъ прежде—и послѣ долгой, побѣдоносной и славной борьбы съ могучимъ сосѣдомъ Россія вступила въ ближайшія сношенія съ западомъ, получила непосредственное и сильное вліяніе на ходъ многихъ общеевропейскихъ дѣлъ. Мы можемъ не останавливаться на разсмотрѣніи вопроса о томъ, насколько въ соотвѣтствіи съ истинными началами русской исторической жизни дѣйствовалъ Петръ Великій, а тѣмъ болѣе вопроса о томъ, правильно или неправильно, къ выгодѣ-ли русскаго народа и государства, пошли его преемники по пути, который былъ имъ проложенъ; мы думаемъ, что перемѣны такія великія, какія совершились въ Россіи въ то время, не могутъ происходить иначе, какъ въ силу исторической необходимости, хотя бы она и не была намъ ясна; на долю вліянія отдѣльныхъ лицъ, какъ бы геніальны они ни были, мы можемъ относить лишь частности, сравнительно несущественныя. Во всякомъ случаѣ, фактъ участія Россіи послѣ Петра во многихъ общеевропейскихъ дѣлахъ остается несомнѣннымъ, и въ то же время не можетъ быть подвергаема никакому спору законность и даже обязательность для Россіи близкаго участія въ общеевропейскихъ дѣлахъ. Великій народъ обязанъ участвовать въ общей жизни цивилизованныхъ народовъ, обязанъ оказывать все вліяніе, какое только можетъ оказать, на жизнь всего человѣчества, чтобы вносить въ нее выработанные имъ идеалы, чтобы осуществлять во взаимныхъ отношеніяхъ государствъ и въ жизни народовъ тѣ понятія о благѣ, о должномъ, о справедливомъ, самостоятельное опредѣленіе которыхъ составляетъ существенный отличительный признакъ великаго народа. И какъ ни мѣнялись послѣ Петра взаимныя отношенія европейскихъ государствъ, сколь ни были различны личности, отъ которыхъ въ то или другое время зависѣло ближайшимъ образомъ направленіе русской политики—Россія продолжала неизмѣнно принимать ближайшее участіе въ дѣлахъ общеевропейскихъ; измѣ-

нялись сила этого вліянія, его формы, самый духъ и характеръ его, но оно продолжалось непрерывно.

На первое время этотъ фактъ именно благодаря своей новизнѣ вліялъ и на политику русскую относительно западноевропейскихъ государствъ и на политику этихъ послѣднихъ относительно Россіи такъ, что въ результатѣ русскіе дѣятели обратили слишкомъ большое вниманіе на внѣшнія отношенія, Россія приняла въ общеевропейской политикѣ слишкомъ разностороннее участіе и вмѣстѣ съ тѣмъ — не получила вліянія, соотвѣтствующаго затраченнымъ ею на эти отношенія силамъ и вниманію.

Когда Петръ Великій послѣ продолжительной борьбы окончательно одолѣлъ Швецію, почти столѣтіе занимавшую одно изъ первыхъ мѣстъ въ Европѣ, западноевропейскія державы не могли не признать политическаго значенія Россіи; онѣ обратили на нее чрезвычайно большое вниманіе и съ тѣхъ поръ постоянно вводили въ свои разсчеты русскія силы: однѣ державы всѣми способами старались привлечь на свою сторону содѣйствіе этой новой силы и всякими путями старались вовлечь Россію въ общеевропейскія дѣла и интересы, другія, чтобы лишить своихъ соперниковъ поддержки Россіи, столь-же сильно желали устранять ее отъ участія въ общеевропейскихъ дѣлахъ и для этого стремились создать ей затрудненія со стороны какого нибудь изъ сосѣдей, но и этимъ, очевидно, привлекали вниманіе Россіи къ дѣламъ общеевропейскимъ не менѣе чѣмъ тѣ, кому участіе ея было желательно.

Отношенія, создававшіяся такимъ образомъ, были совершенною новостью для русскихъ людей; до XVIII в. западноевропейскія державы имѣли слишкомъ малое знаніе силъ Россіи и если и принимали ее въ разсчетъ, то лишь какъ возможнаго союзника противъ Турціи и никогда особенно не старались вовлекать Россію въ свои собственные споры и въ свою борьбу; прежнія отношенія Московскаго государства къ остальной Европѣ не могутъ быть и приблизительно сравниваемы по своему значенію, разнообразію и по своей широтѣ съ тѣми, въ какія стали Россія и Западная Европа послѣ Петра Ве-

ликаго, когда иностранныя государства можно сказать наперерывъ вовлекали Россію въ область политики общеевропейской; въ то же самое время не менѣе естественныя и сильныя причины, имѣвшія значеніе лишь для русскихъ людей, въ свою очередь привлекали особенное вниманіе русскихъ дѣятелей къ политикѣ внѣшней.—Россія вступала въ оживленныя общеевропейскія сношенія, можно сказать, сразу. Для другихъ европейскихъ государствъ международныя отношенія, существовавшія въ началѣ XVIII в., являлись результатомъ давней совмѣстной ихъ дѣятельности; для западноевропейскихъ политиковъ было болѣе или менѣе ясно, какіе вопросы тѣсно связаны съ отношеніями давнишними и затрогиваютъ существенные интересы государствъ, какіе возникли до извѣстной степени случайно, имѣли значеніе временное, и не были связаны съ отношеніями наиболѣе важными для того или другаго государства; для нихъ было гораздо легче опредѣлить значеніе и важность разныхъ вопросовъ, стоявшихъ тогда на очереди въ общеевропейской политикѣ; многіе пути, многіе способы взаимныхъ отношеній и воздѣйствій были уже извѣстны, давно испытаны и вѣрно оцѣнены. Очевидно, что русскіе дѣятели во всемъ, что касается этого, были въ положеніи совершенно иномъ. Имъ представилась разомъ масса самыхъ сложныхъ отношеній, самыхъ различныхъ вопросовъ,—почти безъ всякихъ указаній на то, какіе вопросы какимъ путемъ и какъ приблизительно разрѣшались ранѣе, какія отношенія слѣдовало считать болѣе прочными, какъ обусловленныя глубокими историческими причинами, какія были до извѣстной степени случайны, созданы или вызваны искусственно и потому не могли оказывать вліянія долго, или могли быть безъ особаго труда измѣнены, если не устранены совсѣмъ. Къ тому же самый духъ европейской политики, ея основныя положенія и ея стремленія, выработанныя въ теченіе вѣковъ всѣмъ предшествующимъ ходомъ западноевропейской исторіи, самый языкъ и пріемы дипломатіи представлялись для русскихъ людей чуждыми, неясными и потому усвоеніе ихъ было для русскихъ дѣятелей особенно трудно. Быстро и правильно разобраться въ той массѣ самыхъ различныхъ отношеній, какая

представилась русскимъ людямъ, было совершенно невозможно; а разъ невозможно было разобраться и выдѣлить въ нихъ главнѣйшее, существенное — нужно было обращать вниманіе на все, чтобы не упустить существеннаго, главнаго; въ политикѣ же XVIII в., быть можетъ въ еще большемъ чѣмъ теперь количествѣ, существовали самые сложные вопросы и отношенія самыя запутанныя и при полномъ незнаніи, какія изъ нихъ были болѣе прочны и надежны, какъ болѣе естественныя, было гораздо легче обратить вниманіе не сразу на существенное, а остановиться на второстепенномъ, иногда поставить себѣ такія цѣли, невозможность достиженія которыхъ была бы ясна при знаніи отношеній предшествовавшихъ. Наконецъ, вступая въ тѣсную уже семью европейскихъ государствъ, въ которой всѣ мѣста были уже заняты, Россія всякій разъ, какъ только она хотѣла сколько нибудь выдвинуть свои интересы, должна была, такъ сказать, раздвинуть европейскія государства, потѣснить очень многихъ; а это тоже, конечно, представляло свои затрудненія, тѣмъ болѣе, что русская дипломатія не располагала сразу же достаточно большимъ числомъ людей, способныхъ вступить въ успѣшное состязаніе съ испытанными и давно выработавшими свои пріемы европейскими дипломатами.

Эти причины оказывали сильное и неблагопріятное вліяніе на русскую политику въ теченіе почти 40 лѣтъ послѣ смерти Петра Великаго. Россія, правда, не сошла совершенно со своего давняго и естественнаго пути: попрежнему она преслѣдовала въ области внѣшней политики двѣ главныя, указанныя ей природою и исторіей цѣли: она имѣла въ виду борьбу съ Турціей на югѣ и борьбу съ Польшею на западѣ; борьба съ Турціей должна была обезпечить за имперіею обладаніе плодородными областями и естественными границами, слѣдовательно, имѣла огромное экономическое значеніе, борьба съ Польшею должна была доставить русскому народу совершенно необходимое для полнаго развитія всякаго народа національное единство [1]. Но

[1]) Въ западноевропейской исторической наукѣ долго держалось положеніе, что политика Россіи опредѣлялась не истинными интересами страны, а прихотями правящихъ лицъ. Такъ говорили еще въ XVIII [illegible] ты и государи,

когда установились оживленныя сношенія Россіи съ Западною Европою, разрѣшеніе этихъ обоихъ вопросовъ осложнилось, съ ними сплелось множество новыхъ отношеній и въ теченіе довольно долгаго промежутка времени на обоихъ этихъ путяхъ были достигнуты успѣхи очень незначительные сравнительно съ тѣми затратами русскихъ силъ, какія произведены были на работу въ области внѣшней политики; вниманіе русскихъ государственныхъ дѣятелей, а чрезъ то и силы Россіи, направляясь на эти важнѣйшіе вопросы, въ то же время, вслѣдствіе выше указанныхъ обстоятельствъ, тратилось на достиженіе многихъ другихъ, несравненно менѣе важныхъ цѣлей. Впервые при Екатеринѣ II достигнуты были и противъ Турціи и въ отно-

враждебно настроенные по отношеніи къ Россіи — напр. Кауницъ, въ 1749 г., (см. *Соловьевъ*, книга V, 890), многократно Людовикъ XV—(см. напр. *Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго общества*, LXIV, 239 и *Rambaud*, Recueil des instructions, données aux ambassadeurs et ministres de France, XI. Russie, 265, 289, 306 и др.). Такой взглядъ повторенъ затѣмъ во множествѣ трудовъ, посвященныхъ исторіи Россіи, авторы которыхъ не находили нужнымъ для того чтобы писать русскую исторію, изучать ее по важнѣйшимъ документамъ, а считали вполнѣ достаточнымъ повторять слова современниковъ, тѣмъ болѣе—дипломатовъ, хотя бы эти свидѣтели и говорили о томъ, чего не знали близко и точно. Соловьевъ возражалъ уже противъ такого взгляда (кн. V, 890—891); особенное значеніе имѣло то, что онъ далъ довольно полное изображеніе русской политики, указывая связь послѣдующаго съ предшествующимъ и во многихъ случаяхъ блистательно указывая. Нельзя не чувствовать удовольствія, что въ послѣднее время и въ западноевропейской наукѣ распространяется болѣе вѣрная оцѣнка русской внѣшней политики благодаря лучшему изученію ея. Сорель въ своемъ чрезвычайно замѣчательномъ трудѣ «Европа и французская революція», I, 405—406, говоритъ: «русскіе государи стремились лишь къ полезнымъ завоеваніямъ; они предпринимали только популярныя войны; они составляли, въ интересахъ государства, только такіе планы, которые могли быть поддержаны національнымъ чувствомъ. Ихъ политика, внушенная природою вещей, проста и ясна: именно это и объясняетъ ея неизмѣнность, вопреки перемѣнамъ царствованій и вопреки рѣзкимъ различіямъ въ индивидуальности государей, наслѣдовавшихъ престолъ послѣ Петра Великаго. Традиціи этой политики не поколебались среди самыхъ критическихъ для страны обстоятельствъ. Движимые однимъ и тѣмъ же чувствомъ русскіе государи стремились къ Черному и Балтійскому морямъ, а затѣмъ къ центру Европы; всѣ имѣли стремленіе расширить свои предѣлы въ сторону Турціи, Швеціи и Польши. Когда Екатерина II вступила на престолъ, пути были уже намѣчены. Екатерина приводила въ исполненіе традиціонные пути русской политики». Эти прекрасныя слова столько же дѣлаютъ чести историческому таланту Сореля, сколько подтверждаются внимательнымъ изученіемъ екатерининскаго царствованія.

шеніи Польши замѣтные успѣхи. Не трудно убѣдиться, припомнивъ лишь самые главные моменты въ исторіи екатерининскаго царствованія, что и въ теченіе его русское правительство преслѣдовало постоянно важнѣйшія, существенныя для Россіи задачи. Въ первыя 12 лѣтъ царствованія Екатерины все вниманіе обращено было на отношенія польскія, но не въ силу какихъ нибудь случайныхъ обстоятельствъ, тѣмъ болѣе не въ силу личныхъ разсчетовъ, а потому, что вопросъ шведскій былъ уже удовлетворительно разрѣшенъ, къ разрѣшенію же вопроса турецкаго не рѣшались еще приступить, а вопросъ польскій казался—и совершенно основательно—такимъ, въ которомъ всего легче было достигнуть успѣховъ; въ этотъ первый періодъ царствованія Екатерины отношенія Россіи ко всѣмъ другимъ европейскимъ государствамъ опредѣлялись главнымъ образомъ отношеніемъ ихъ къ дѣлу польскому. Затѣмъ, съ конца 70-хъ годовъ XVIII в. на первый планъ въ русской политикѣ выступили отношенія турецкія — опять таки, главнымъ образомъ потому, что, хотя польскій вопросъ не былъ еще разрѣшенъ окончательно, но выяснилась невозможность, при тогдашнихъ политическихъ отношеніяхъ всей Европы, разрѣшить его безъ того, чтобы предварительно совершенно обезопасить себя со стороны Турціи, которая, къ тому же, очевидно, становилась уже только безпокойнымъ но не опаснымъ соперникомъ. Только въ послѣдніе годы екатерининскаго царствованія русская политика сошла съ этихъ реальныхъ путей, отчасти потому, что состарѣлась императрица и слишкомъ поддалась вліянію нѣкоторыхъ личностей, незаслуживавшихъ такого довѣрія, отчасти же подъ вліяніемъ тѣхъ великихъ, полныхъ и ужаса и глубокаго историческаго значенія событій, какія совершались тогда во Франціи. Нельзя удивляться, что не сразу и даже что не скоро европейскія правительства поняли все значеніе этихъ событій и не сразу уяснили себѣ, какой политики держаться, когда очевидно возобладали въ народахъ новыя идеи, новыя воззрѣнія и понятія. Долгая борьба старой Европы противъ Франціи и новыхъ ея идей кончилась въ общемъ торжествомъ этого новаг[illegible] что было въ немъ дѣйствительно б[illegible]

опредѣляющаго права и обязанности людей и задачи управленія; многое же другое, что первое время представлялось даже особенно важнымъ, было устранено, какъ вовсе не пригодное въ практической жизни или даже какъ слишкомъ крайнее, въ своей крайности впадавшее даже въ противорѣчіе со своимъ же основнымъ принципомъ. Намъ кажется, что правильная оцѣнка всей внѣшней политики Екатерины заслонена для многихъ отчасти ошибками и колебаніями послѣднихъ лѣтъ царствованія императрицы, а еще болѣе, повидимому—русскою политикою начала XIX в., когда,—но уже не при Екатеринѣ—Россія играла, можно сказать смѣло, первую роль въ борьбѣ съ революціонною Франціею, въ борьбѣ, полной міроваго значенія и своими послѣдствіями наполняющей всю исторію XIX вѣка; результаты-то этой борьбы и принимаются иногда за результаты политики Екатерины. Обязанность историковъ XIX столѣтія разъяснить, насколько цѣлесообразно — и съ точки зрѣнія истинныхъ интересовъ всей Европы и особенно съ точки зрѣнія интересовъ русскаго народа — прилагаемы были въ этой великой борьбѣ противъ великаго народа силы другаго великаго народа—русскаго — и не удалось ли кому другому воспользоваться въ свою выгоду результатами, которые добыты были главнымъ образомъ усиліями Россіи. Мы не коснемся въ предлагаемой книгѣ этой эпохи и этихъ вопросовъ; но смѣемъ надѣяться, что изъ книги нашей выступитъ съ достаточною ясностью тотъ выводъ, приложимый и къ исторіи Россіи въ XIX в., что представленія о русской политикѣ, извлекаемыя изъ сочиненій иностранныхъ писателей, оказываются совершенно невѣрными гораздо чаще, чѣмъ можно бы думать, и что для уясненія истинныхъ цѣлей русскихъ дѣятелей и истиннаго значенія многихъ общихъ у Россіи съ другими государствами дѣлъ совершенно необходимо преимущественное изученіе русскихъ источниковъ и документовъ.

Предлагаемое изслѣдованіе посвящено ближайшему изученію обстоятельствъ и результатовъ внѣшней политики Екатерины II въ періодъ, оканчивающійся ея первыми рѣшительными успѣхами—первыми пріобрѣтеніями отъ Польши и первою побѣдоносною борьбою съ Турціей; можно смѣло сказать,

что этотъ періодъ вполнѣ заслуживаетъ самаго большаго вниманія не только по своимъ результатамъ, но и по многимъ подробностямъ дѣятельности русскихъ дипломатовъ, которая къ тому же, очень часто изображается совершенно невѣрно. Но чтобы яснѣе можно было понять значеніе многаго, сдѣланнаго въ этотъ періодъ екатерининскаго царствованія, мы считаемъ не лишнимъ представить сначала краткій общій обзоръ внѣшней политики Россіи за то время, когда Россія, дѣятельностью Петра Великаго введенная въ кругъ интересовъ европейскихъ государствъ и поставленная въ ближайшія сношенія съ ними, не имѣла уже болѣе этого удивительнаго государя въ первомъ ряду своихъ работниковъ. Въ этомъ краткомъ обзорѣ мы не задаемся цѣлью очертить хотя бы самыми общими штрихами всѣ поднимавшіеся за указанный періодъ дипломатическіе вопросы и всѣ результаты внѣшней политики Россіи; наша цѣль — отмѣтить преимущественно тѣ неблагопріятныя вліянія, тѣ затрудненія, какія существовали тогда для русскихъ политиковъ въ сношеніяхъ ихъ съ Западною Европою, и какихъ они не умѣли успѣшно преоборотъ, указать, какихъ ошибокъ не умѣли они избѣжать, какихъ нежелательныхъ для Россіи слѣдствій не могли они отклонить. Знать это необходимо, чтобы вѣрно цѣнить внѣшнюю политику Россіи при Екатеринѣ на той почвѣ, на которой стояли и дѣйствовали тогдашніе русскіе работники—т. е. на почвѣ предшествовавшихъ имъ и потому вліявшихъ на нихъ отношеній, и чтобы не судить тогдашнихъ дѣятелей съ точки зрѣнія эпохи позднѣйшей, основываясь уже отчасти на результатахъ ихъ же дѣятельности. Знакомство съ тѣми трудностями, какія существовали для русскихъ дипломатовъ первой половины прошлаго столѣтія, съ тѣми ошибками, въ какія не рѣдко впадала тогда русская дипломатія, поможетъ намъ правильнѣе оцѣнивать дѣятельность ихъ непосредственныхъ преемниковъ и продолжателей.

II.

Кончина Петра Великаго создала для р
много потрясеній и замѣшательствъ. У
лись опасенія, у другихъ надежды, что

послѣ смерти великаго государя совершенно иначе. Послѣдовавшія за смертью императора событія внутри Россіи до нѣкоторой степени поддерживали такія предположенія, хотя, конечно, какъ мы теперь это знаемъ, они были основаны на неправильныхъ представленіяхъ о ходѣ исторической жизни народовъ: великія измѣненія, происшедшія въ Россіи при Петрѣ Великомъ, глубоко коренились въ русскомъ прошломъ; смерть этого государя не могла ихъ не потрясти, но уже ничто не могло вернуть жизнь къ прежнему теченію, къ отказу отъ того, что проявилось въ русскомъ народѣ при Петрѣ Великомъ.

Въ моментъ кончины Петра у Россіи шла война съ Персіей; воевала противъ Персіи и Турція; но отношенія Россіи и Турціи были далеко не дружественныя; разныя пререканія, взаимные упреки и неудовольствія между ними не прекращались; самый миръ съ Турціей казался совершенно не прочнымъ [1]). Въ Петербургѣ желали—главнымъ образомъ въ виду отношеній къ Турціи—заключить союзъ съ Германскою имперіей; но въ Вѣнѣ были не довольны тѣмъ, что въ тотъ моментъ Россія дѣйствовала сообща съ Турціей, тѣмъ болѣе, что Турція была настроена по отношенію къ Австріи особенно враждебно, такъ какъ только что предъ тѣмъ испытала отъ нея пораженіе въ двухъ войнахъ; недовольны были въ Вѣнѣ и отстраненіемъ отъ престола в. кн. Петра Алексѣевича, родственника супруги императора Карла VI, и потому относились къ русскому правительству чрезвычайно холодно. Попытки сблизиться съ габсбургскою монархіей оказывались безуспѣшными; но онѣ были достаточны для того, чтобы возбуждать недовѣріе къ русскому правительству во Франціи; плохія отношенія Россіи къ Турціи еще болѣе поддерживали неудовольствіе Франціи, такъ какъ Турціею Франція издавна пользовалась, какъ постоянною союзницею противъ Австріи. Предвидя, что Россія можетъ впослѣдствіи отвлекать силы Турціи отъ поддержки Франціи въ борьбѣ съ Австріей, Франція искала

---

[1]) *Сборникъ*, LV, (Журналы Верховнаго Тайнаго Совѣта), 5, 21 — начало 1726 г.: «понеже по турецкимъ поступкамъ въ Персіи войны съ ними миновать невозможно будетъ».

возможности парализовать поддержку Россіею Австріи; она съ этою цѣлью обратила особенное вниманіе на Швецію. Швеція была съ 1724 г. въ союзѣ съ Россіею [1]), но, конечно, у нея не было искренняго расположенія къ своей побѣдительницѣ; съ Франціею же у Швеціи были старинныя связи; но въ это именно время Франція утвердила въ Швеціи свое вліяніе [2]), съ которымъ потомъ Россіи приходилось считаться такъ часто и долго. За Франціею и Англія, тогдашняя ея союзница, вела себя относительно Россіи прямо грубо; въ Петербургѣ знали о предполагаемыхъ Англіею дѣйствіяхъ, совершенно непозволительныхъ въ правильныхъ международныхъ отношеніяхъ, но не сумѣли такъ отнестись къ извѣстіямъ объ этихъ намѣреніяхъ, чтобы Англія не рѣшилась ихъ привести въ исполненіе [3]), между тѣмъ какъ извѣстно, что достаточно бываетъ показать только самую необходимую твердость, чтобы Англія соблюдала полнѣйшую вѣжливость... Такимъ образомъ, русское правительство видѣло со всѣхъ сторонъ непріязненныя отношенія къ себѣ изъ-за стремленія своего къ союзу съ Австріей, которая въ то время враждовала съ половиною Европы, изъ-за стремленія къ союзу, воспользоваться которымъ прямо въ интересахъ Россіи не имѣлось никакого плана. Союзъ этотъ былъ заключенъ въ августѣ 1726 г.; обѣ стороны гарантировали владѣнія другъ друга и обязались взаимно другъ друга защищать противъ нападеній [4]). Моментъ для союза былъ выбранъ неудачно. Россія, которой не угрожала никакая близкая война, ибо войны съ Турціей вполнѣ можно было избѣжать, вступила въ союзъ съ государствомъ, которому несомнѣнно предстояла тяжелая война, какъ оно и вышло на дѣлѣ. Но мало этого: русскіе тогдашніе дѣятели не только не умѣли, они, можно сказать, и не пытались воспользоваться этимъ союзомъ на пользу Россіи — по крайней мѣрѣ, въ ихъ дѣйствіяхъ мы видимъ постоянно странную, намъ почти непо-

---

[1]) *Соловьевъ*, книга IV, 737—738.
[2]) *Соловьевъ*, книга IV, 995—999.
[3]) *Соловьевъ*, книга IV, 960—964; 1007, 1115 и др.; *Сборникъ*, LV, 289, 332.
[4]) *Соловьевъ*, кн. IV, 969; *Мартенсъ*, Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами, I, 32—44.

нятную, уступчивость передъ Австріею [1]), полное молчаніе о русскихъ интересахъ, полное отсутствіе стремленія провести что либо выгодное для Россіи; въ засѣданіяхъ Верховнаго Тайнаго Совѣта прямо заявлялось, что дѣйствовать русское правительство находитъ возможнымъ только согласившись предварительно то со Швеціей, то съ цесаремъ, потому что «безъ ихъ вспоможенія одни не въ состояніи что начинать» [2]). Въ 1729 г. происходилъ конгресъ въ Суассонѣ, на которомъ должно было состояться примиреніе Франціи и Испаніи съ Англіей и Германіей. Россія, какъ союзница императора, послала на конгресъ своихъ представителей. Мы не говоримъ уже о томъ, что во всѣхъ документахъ, какими обмѣнивались въ то время Россія и Австрія императоръ германскій неизмѣнно упоминается на первомъ мѣстѣ предъ русскимъ, а со стороны русскаго правительства не было сдѣлано даже ни одного заявленія о желательности установить альтернативу, т. е. попеременное именованіе впереди то того, то другаго государя. Но въ это самое время въ Вѣнѣ очень холодно отнеслись къ просьбамъ русскаго правительства—постараться на конгресѣ о признаніи за Россіею ея недавнихъ пріобрѣтеній и о вознагражденіи герцога голштинскаго. Не смотря на это русскому представителю въ Суассонѣ предписано было дѣйствовать во всемъ согласно съ цесарскими министрами; никакихъ самостоятельныхъ дѣйствій ему не было предписано производить; быть больше всего въ согласіи съ цесарскими министрами, за тѣмъ «искать довѣренности» кардинала Флери, наконецъ возбуждать недовѣріе противъ Англіи и увѣрять, что Россія ни мало не думаетъ силою возвести герцога голштинскаго на шведскій престолъ — вотъ и вся программа, данная представителю Россіи [3]). Русская дипломатія словно торопилась обнаруживать свою слабость и несамостоятельность: не ожидая еще исхода Суассонскаго конгреса, гдѣ австрійскіе дипломаты могли бы показать хоть видъ заботливости о русскихъ интересахъ, изъ Петербурга увѣряли въ Вѣнѣ, что твердо рѣшено

---

[1]) *Сборникъ*, LV, 347, 353, 470; LVI, 288, 354, 362 и др.
[2]) *Сборникъ*, LV, 20, 21, январь 1726 г.
[3]) *Соловьевъ*, книга V, 1120, 1122.

ненарушимо сохранять союзъ съ цесаремъ, хотя на всѣ авансы петербургскаго кабинета цесарское правительство не обнаруживало никакой особенной любезности [1]). Дѣйствія австрійскихъ дипломатовъ, согласоваться съ которыми прежде всего должны были русскіе, привели къ тому, что Испанія заключила союзъ съ Франціей, Англіей и Голландіей, которыя обѣщали ей доставить то, чего Испанія не могла добиться отъ Австріи. Такимъ образомъ Россія осталась одна съ Австріею.

Послѣ смерти Петра II и вплоть до воцаренія Елизаветы Петровны отмѣченныя нами нежелательныя явленія въ русской внѣшней политикѣ не только не ослабѣли, но скорѣе развились; у дѣятелей, направлявшихъ русскую политику въ это время, не только не прибавилось умѣнья обращаться среди сложныхъ европейскихъ интригъ, но явилось еще какое то особенное равнодушіе къ русскимъ интересамъ; иностранцы по происхожденію они всѣ въ большей или меньшей степени склонны были искренно ставить выше интересы западноевропейскихъ государствъ, чѣмъ интересы Россіи, не говоря уже о томъ, что иногда предпочитали свои личные интересы изысканію и преслѣдованію истинныхъ интересовъ русскаго народа и государства. Въ самомъ началѣ царствованія Анны Іоанновны у Россіи было одно важное общее съ Австріею дѣло: долженъ былъ освободиться польскій престолъ, такъ какъ король Августъ II умиралъ, и вопросъ, кто займетъ его мѣсто имѣлъ большое значеніе. Прежде всего Россія и Австрія не желали допустить воцаренія кандидата Франціи, какимъ являлся Станиславъ Лещинскій; затѣмъ для Россіи важно было имѣть въ Польшѣ такого короля, при которомъ не было бы опасности, что Польша вступитъ въ союзъ съ Турціею и Швеціей противъ Россіи [2]), и была бы надежда достигнуть чего либо въ пользу диссидентовъ, которымъ явно покровительствовали уже съ Петра Великаго; естественнѣе всего было, слѣдовательно, избрать кого нибудь изъ польскихъ вельможъ, который бы самъ не могъ сохранить трона безъ чужеземной поддержки и потому дѣлалъ бы уступки тѣмъ, кто сталъ бы его поддерживать;

---

[1]) *Соловьевъ*, кн. IV, 1122; *Сборникъ*, LV, 39, 51.

[2]) *Герье*, Борьба за польскій престолъ въ 1793 г., 43.

Австрія и Пруссія исключали изъ кандидатовъ курфирста саксонскаго,—первая потому, что онъ не признавалъ прагматической санкціи, вторая—какъ постоянная соперница саксонскаго дома. Переговоры по этому поводу происходили въ Берлинѣ и въ декабрѣ 1732 г. состоялось соглашеніе, по которому Россія, Австрія и Пруссія обязались не допускать избранія французскаго кандидата и своимъ кандидатомъ выставляли португальскаго принца Эммануила [1]); кромѣ того въ этотъ договоръ внесено было условіе, что въ случаѣ прекращенія герцогскаго курляндскаго дома на курляндскій престолъ будетъ избранъ прусскій принцъ. Въ Вѣнѣ этотъ договоръ не былъ ратификованъ, какъ составленный слишкомъ явно въ интересахъ Пруссіи; императоръ Карлъ VI призналъ бы условіе о Курляндіи, если бы Пруссія отказалась отъ своихъ притязаній на нѣкоторыя спорныя у нея съ Австріей земли; но такого условія въ договоръ включено не было [2]). Изъ Петербурга ратификація была отправлена и договоръ не состоялся единственно вслѣдствіе несогласія Австріи. Австрія и далѣе дѣйствовала въ этомъ вопросѣ вполнѣ самостоятельно: когда Августъ саксонскій призналъ прагматическую санкцію, Австрія начала поддерживать его кандидатуру [3]), а Россія не-

---

[1]) Онъ былъ въ ссорѣ съ братомъ-королемъ и жилъ въ Вѣнѣ на пенсіи отъ австрійскаго правительства. *Герье,* Борьба за польскій престолъ 127—130.

[2]) *Герье*, 54 — 59; *Мартенсъ*, I, 65. Проф. Мартенсъ изложивъ главныя условія этого, такъ называемаго Левенвольдова трактата, говоритъ: «сверхъ того къ Пруссіи присоединяются еще нѣкоторыя германскія земли, на которыя она давно претендовала»—но, какъ это ни странно—это заявленіе вполнѣ ошибочно: въ договорѣ о таковомъ присоединеніи *нѣтъ ни слова*, самыя имена спорныхъ владѣній не упомянуты. Договоръ этотъ напечатанъ въ томъ же томѣ изданія проф. Мартенса, 311—324.

[3]) Проф. Мартенсъ говоритъ (Собраніе трактатовъ, I, 65): «въ скоромъ времени выяснилось, что ни португальскій принцъ, ни кандидаты на престолъ изъ числа самихъ поляковъ не имѣли никакихъ шансовъ стать во главѣ Речи Посполитой. Только партія саксонскаго курфирста, сына покойнаго короля, могла спорить съ приверженцами Станислава Лещинскаго. Самъ курфирстъ вступилъ въ непосредственные переговоры съ вѣнскимъ и петербургскимъ кабинетами и на основаніи состоявшагося соглашенія оба императорскіе двора обѣщали ему свою помощь»—и т. д.; тутъ, очевидно, пропущена главная причина перемѣны взгляда вѣнскаго двора, и дѣло представляется такъ, будто-бы новое рѣшеніе было одинаково естественно для Австріи и Россіи, между тѣмъ въ дѣйствительности Россія послѣдовала за Австріей, которая

медленно уступила своему союзнику и своими войсками поддержала избраніе Августа въ короли польскіе и удалила Лещинскаго, который тоже былъ провозглашенъ королемъ. Эта уступка Россіи въ пользу Австріи вызвала на долгое время охлажденіе къ Россіи въ Пруссіи [1]), тогда какъ со времени Петра Великаго Пруссія была чуть-ли не единственнымъ государствомъ, которое его собственныя выгоды побуждали дорожить дружбою съ Россіей и которымъ, конечно, можно было до извѣстной степени пользоваться въ интересахъ Россіи. Прошло какихъ нибудь два года послѣ уступки со стороны Россіи въ вопросѣ польскомъ—и Россія отправила 20,000-й корпусъ, по тому времени цѣлую армію, для поддержки Карла VI противъ Франціи, которая начала съ нимъ войну; русскій корпусъ дошелъ до р. Инна, и хотя въ битвахъ участія не принялъ, но его движеніе побудило Францію начать мирные переговоры [2]); миръ и былъ потомъ заключенъ не безъ выгоды для императора. Не успѣлъ корпусъ вернуться въ Россію, какъ на Россію поднялась Турція, главнымъ образомъ за вмѣшательство Россіи въ дѣла польскія и за этотъ именно походъ, очень непріятный Франціи, а Франція имѣла въ Турціи вполнѣ достаточное вліяніе, чтобы поднять ее на войну. По договору 1726 г. Австрія обязана была оказать Россіи помощь войсками; война началась раннею осенью 1735 г.—Австрія завела длинные переговоры, выражала желаніе узнать заранѣе, чего Россія желаетъ отъ Турціи [3]), предлагала, еще не вступивъ въ войну, свое посредничество для заключенія мира и только въ январѣ 1737 г. подписана была особая—повидимому совершенно лишняя—конвенція о помощи Россіи со стороны Австріи; но союзники наши начали свои дѣйствія лишь въ іюлѣ 1737 г., послѣ того уже, какъ Минихъ взялъ Очаковъ. Дѣйствовали австрійцы крайне медленно, испытали рядъ болѣе или менѣе крупныхъ неудачъ, и не постѣснились заключить отдѣльный миръ въ прямое нару-

одна за свою поддержку Августа получала нѣкоторое вознагражденіе—въ видѣ признанія Саксоніей прагматической санкціи.

[1]) *Соловьевъ*, кн. IV, 1272—1275, 1586.

[2]) *Соловьевъ*, книга IV, 1311—1312 и слѣд.

[3]) *Мартенсъ*, I, 80.

шеніе трактата, не говоря уже о неприличіи такого поступка вообще; на упреки съ русской стороны императоръ ограничился заявленіями, что такъ сдѣлано было безъ его вѣдома и только [1]); между тѣмъ въ теченіи войны, не смотря на то, что война велась со стороны Россіи несравненно болѣе энергично, чѣмъ со стороны Австріи, изъ Вѣны нѣсколько разъ дѣлали въ Петербугъ, въ довольно неделикатномъ тонѣ, напоминанія, что бы не возлагали всю тяжесть войны на одну Австрію, и не допустили Россію принять участіе въ подписаніи окончательнаго мирнаго трактата между Австріей и Франціей, хотя Россія высылала войска на помощь Австріи и хотя императрица Анна Іоанновна выражала желаніе приступить къ этому миру [2]). Намъ трудно даже представить себѣ, что когда нибудь было возможно подобное отношеніе къ Россіи [3])! Русскіе люди въ царствованіе Анны Іоанновны были очень недовольны иноземцами, обвиняли ихъ въ томъ, что они небрегутъ интересами Россіи; бироновскій режимъ сдерживалъ проявленіе этого недовольства, но оно съ чрезвычайною яркостью обнаружилось по вступленіи на престолъ Елизаветы Петровны [4]); но и другіе замѣчали невниманіе къ Россіи со стороны иностранныхъ государствъ; такъ еще до войны русскому резиденту въ Константинополѣ Неплюеву говорили турецкіе министры, что они вовсе не вѣрятъ въ существованіе между Россіей и Австріей союза, потому что отношеніе австрійской дипломатіи къ русскимъ представленіямъ

---

[1]) *Мартенсъ*, I, 125.

[2]) *Мартенсъ*, I, 85, 111.

[3]) Странно и въ настоящее время читать по поводу всѣхъ этихъ отношеній такія замѣчанія: «Однако, хотя дѣйствительно были заключены сепаратные мирные договоры, все таки вѣнскій и петербургскій дворы рѣшились поддерживать прежнія союзническія отношенія. Для того, чтобы уничтожить въ этомъ отношеніи всякое сомнѣніе, русскій резидентъ въ Константинополѣ Вешняковъ представилъ при размѣнѣ ратификацій на трактатъ декларацію о неразрывномъ союзѣ между Россіей и Австріей»—*Мартенсъ*, I, 126; странно, какъ находитъ авторъ такой тонъ, такія слова, какъ будто онъ повѣствуетъ о чемъ то совершенно естественномъ, понятномъ, законномъ, тогда какъ ему приходится имѣть дѣло съ возмутительнымъ невниманіемъ къ интересамъ русскаго народа и съ непозволительною уступчивостью русскаго правительства предъ чужимъ.

[4]) *Соловьевъ*, книга V, 145—147.

исключаетъ возможность допускать существованіе между ними союза; сама императрица Анна жаловалась на то же самое предъ императоромъ Карломъ, но находила возможнымъ ограничиваться только жалобами [1]). Русскій представитель въ Парижѣ, кн. Кантеміръ, указывалъ, что французское правительство никогда не желаетъ искренно сдѣлать что-либо для Россіи, а если и оказываетъ иногда вниманіе къ русскимъ представленіямъ, то лишь тогда, когда находится само въ затрудненіи, а какъ только затрудненія минуютъ, то сейчасъ же прекращается и всякое вниманіе со стороны Франціи по отношенію къ Россіи [2]). Правда, подобнымъ образомъ, и обыкновенно относятся одно государство къ другому; но только въ ту эпоху съ русской стороны такое отношеніе встрѣчалось такъ пассивно, съ какою то покорностью и даже безъ попытокъ получить отъ своихъ союзниковъ какую нибудь пользу для Россіи. Конечно, не могла Россія съ успѣхомъ и выгодой для себя принимать участіе въ тогдашней общеевропейской политикѣ, если въ высшихъ правительственныхъ кругахъ Петербурга выставлялось какъ аксіома положеніе, что «французское королевство такъ могущественно, что ни одно государство въ мірѣ не можетъ съ нимъ сравняться» [3])—а эта Франція тогда была враждебна Россіи.

Особенно характерны для изученія русской политики за время отъ Петра до Екатерины II колебанія русскаго министерства при началѣ войны за австрійское наслѣдство. Когда Фридрихъ II нарушилъ обязательства, принятыя имъ предъ Карломъ VI, и напалъ на Австрію, Россія была въ союзѣ съ Австріей; въ то же время началъ домогаться союза съ Россіей и Фридрихъ [4]). Россіи представлялась возможность, при политикѣ ловкой и твердой, занять чрезвычайно выгодное положеніе: силы обоихъ главныхъ нѣмецкихъ государствъ были заняты, вопросъ ихъ раздѣлялъ не такой, чтобы можно было опасаться, что они примирятся на какихъ-нибудь незначитель-

[1]) *Соловьевъ*, книга IV, 1316, 1321; *Мартенсъ*, I, 80.
[2]) *Соловьевъ*, книга IV, 1571, 1596.
[3]) *Герье*, 64.
[4]) *Соловьевъ*, книга V, 56—58.

ныхъ уступкахъ—споръ шелъ изъ-за обладанія Силезіею, одною изъ лучшихъ провинцій Австріи. Еслибы въ это время Россія заговорила языкомъ твердымъ, то могли бы быть достигнуты чрезвычайно полезные для Россіи результаты. Но въ петербургскомъ министерствѣ принято было рѣшеніе выжидать, не примирятся ли Пруссія и Австрія, смотрѣть, какъ будутъ дѣйствовать по отношенію къ Австріи другіе ея союзники, Англія и Голландія, и сообразоваться съ ихъ поступками; въ Петербургѣ только еще заговаривали о томъ, что слѣдовало бы обсудить положеніе и составить правила, какъ поступать по отношенію къ другимъ державамъ; находили, что «составивши такой планъ, легко будетъ министерству говорить съ пребывающими въ Петербургѣ чужестранными министрами и содѣйствовать интересамъ ихъ дворовъ» [1]. И это не была оговорка; въ самомъ дѣлѣ забота объ интересахъ чужихъ дворовъ стояла на первомъ планѣ; совершенно забывалось, что есть и у русскаго народа свои интересы, удовлетворять которымъ обязано русское правительство. Въ такое время, когда энергическимъ вмѣшательствомъ несомнѣнно можно было достигнуть большихъ выгодъ, искали возможности уклониться отъ поддержки Австріи, ссылаясь на истощеніе турецкою и персидскою войнами; что же касается прусскихъ предложеній союза, то допускали возможность заключить его, если австрійскій посолъ признаетъ, что въ прусскихъ предложеніяхъ нѣтъ ничего, противнаго интересамъ его двора. Впослѣдствіи, при изученіи политики Екатерины, мы увидимъ, какъ вліяли на ея сотрудниковъ воспоминанія о такихъ прежнихъ отношеніяхъ Россіи и Австріи.

По двумъ пунктамъ, однако, петербургское правительство предъявляло свои претензіи предъ вѣнскимъ: въ это довольно критическое для Австріи время оно требовало признанія императорскаго титула русскихъ государей и просило, чтобы въ перепискѣ вѣнскаго двора съ русскимъ былъ допущенъ, вмѣсто латинскаго языка, нѣмецкій, какъ понятный правительницѣ и ея супругу. Насъ не удивитъ, конечно, что правительству, которое въ такую серьезную минуту только такія два требованія и нашло предъявить, было въ нихъ отказано—подъ тѣмъ пред-

[1]) *Соловьевъ*, книга V, 56—57.

логомъ, что у вѣнскаго двора и такъ слишкомъ много враговъ и что допущеніе съ его стороны какихъ-либо новшествъ непремѣнно еще увеличитъ число его недоброжелателей [1]); въ дополненіе къ этому отказу изъ Вѣны напоминали Россіи, что по трактатнымъ обязательствамъ Россія должна помочь Австріи войскомъ [2]). Это раздражило даже и тогдашнее русское министерство; оно рѣшилось отвѣтить, что если кто можетъ жаловаться на неисполненіе союзническихъ обязательствъ—то конечно, Россія; но сейчасъ же послѣдовали завѣренія, что для избѣжанія непріятныхъ послѣдствій мы предаемъ забвенію все. Въ то же время русское министерство, точно какое министерство второстепеннаго государства, жаловалось въ Вѣнѣ на интриги Франціи въ Швеціи; въ Вѣнѣ слушали и находили возможнымъ заявлять, что все-таки могла бы Россія, хотя и воюетъ со Швеціей, удѣлить часть войскъ въ помощь Австріи! А Россія вела войну со Швеціей, совершенно ей ненужную, окончившуюся совершенно безъ результата для Россіи, войну, начатую Швеціею несомнѣнно на французскія деньги, по настояніямъ прусскаго короля Фридриха,—это было извѣстно— и все-таки и войну продолжали, и вели переговоры съ Фридрихомъ о союзѣ, переговоры, очевидно, совершенно безцѣльные [3]). Нечего удивляться при этомъ, что въ дѣйствіяхъ другихъ державъ по отношеніи къ Россіи совершенно незамѣтно даже мысли о томъ, что Россія имѣетъ и свои интересы [4]).

---

[1]) *Соловьевъ,* книга V, 57—58.

[2]) *Соловьевъ,* книга V, 59—60.

[3]) *Соловьевъ,* книга V, 64. *Өеоктистовъ,* Отношенія Россіи къ Пруссіи въ царствованіе Елизаветы Петровны, 11, приводитъ выдержку изъ переписки Фридриха: «Бель-Иль не рѣшится, конечно, отрицать, что онъ положительно обѣщалъ мнѣ, что шведы нападутъ на русскую Финляндію, лишь только я подпишу трактатъ съ Франціей. Теперь все готово для этого, а Швеція продолжаетъ выставлять разныя затрудненія. Предупреждаю, что трактатъ нашъ разлетится въ прахъ, если вы не одержите полнаго успѣха въ Стокгольмѣ».

[4]) *Соловьевъ,* книга V, 63—66, 70; *Өеоктистовъ,* 65: «Фридрихъ какъ будто и не признавалъ, что Россія имѣетъ свои законные интересы, съ которыми слѣдуетъ считаться; въ безконечномъ рядѣ его писемъ мы не видимъ, чтобы онъ когда-нибудь хоть на минуту счелъ нужнымъ стать на эту точку зрѣнія, а потому всѣ,—къ сожалѣнію очень немногіе — наши государственные люди, которые отстаивали національную политику, являлись въ его глазахъ интриганами, руководившимися самыми низкими корыстными разсчетами».

Россія очень запуталась въ это время въ своихъ европейскихъ отношеніяхъ: нерѣшительное поведеніе ея относительно Австріи побуждало Францію и Пруссію поднимать противъ Россіи Швецію, чтобы ея силами удержать Россію отъ поддержки Австріи; когда война со Швеціей казалась очень вѣроятною, Россія стала искать союзника противъ Швеціи — и нашла его въ лицѣ Фридриха II; такимъ образомъ Россія оказалась въ союзѣ съ двумя воюющими сторонами и навлекла на себя войну союзомъ съ одной изъ нихъ; Фридрихъ, конечно, обѣщалъ Россіи помогать противъ Швеціи войскомъ, хотя бы самъ занятъ былъ войною, но, конечно, обѣщанія не исполнилъ—самъ же онъ и поднималъ Швецію; еще менѣе обращалъ онъ вниманія на увѣщанія изъ Петербурга примириться съ Австріей. Мало того—только что заключивъ союзъ съ Россіей, онъ рѣшился уже заговорить въ Петербургѣ угрожающимъ тономъ,— а изъ Петербурга на это отвѣчали лишь жалобами и упреками, говорили, что Россія оказала бранденбургскому дому большія услуги, много содѣйствовала его усиленію, поступаетъ относительно прусскаго короля съ доброю вѣрою, вѣрностью и наилучшими намѣреніями, что поведеніе прусскаго короля относительно Австріи, дѣйствительно, неодобряютъ, но что объ этомъ прямо и чистосердечно и заявили и что вообще Россія не заслужила упрековъ и недовѣрія Пруссіи [1]); но, конечно, такими рѣчами ничего добиться было невозможно. Когда Швеція уже начала войну, русскій представитель въ Берлинѣ, Бракль, получилъ предписаніе просить у Фридриха условленной помощи. Но можно ли было ея ожидать, если въ депешѣ Браклю стояло: «хотя нельзя надѣяться, чтобы король склонился дать намъ союзническую помощь, однако разсудили потребовать ея на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) если бы мы этого не сдѣлали, то король могъ принять дѣло такъ, что мы отъ союза напередъ отступили; 2) требованіе наше можетъ нѣкоторымъ образомъ способствовать тому, чтобы Пруссія не вступала въ дальнѣйшее сближеніе со Швеціей; 3) король не можетъ объявить достаточно важной при-

---

[1]) *Соловьевъ*, книга V, 67—68.

чины къ отказу намъ въ помощи, ибо хотя мы старались отвратить его отъ силезскаго предпріятія сильными увѣщаніями, однако противъ него по сіе время не дѣйствовали». Конечно и тонъ представленій курляндца Бракля вполнѣ соотвѣтствовалъ по своей твердости тону полученныхъ имъ наставленій. Фридрихъ увѣрялъ, что въ Швеціи онъ ничего противъ Россіи не предпринималъ, въ помощи отказалъ, ссылаясь на то, что самъ находится въ тяжелой войнѣ и толкуя трактатъ въ томъ смыслѣ, что и Россія, такъ какъ на нее напали, имѣетъ право тоже неподавать ему помощи. Такимъ образомъ Россія должна была вести войну за то, что была въ союзѣ съ Австріей, отъ другаго же своего союзника, Фридриха, помощи не получила; Австрія была лишена помощи со стороны Россіи, и достигши этого Фридрихъ, можно сказать, порывалъ союзъ съ Россіей. Аудіенція у него Бракля окончилась тѣмъ, что Бракль, по его собственнымъ словамъ «имѣлъ смѣлость со всякимъ почтеніемъ представить королю» злыя слѣдствія союза его съ Франціею, выставляя необходимость примиренія Пруссіи съ Австріею и совмѣстныхъ дѣйствій Пруссіи, Австріи и Россіи противъ Франціи [1]); конечно, Фридрихъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на эти «почтительнѣйшія представленія» и продолжалъ свою политику, политику вполнѣ въ духѣ того времени, т.-е. политику пріобрѣтеній, которой слѣдовали тогда всѣ государи и правители, но никто такъ рѣшительно и беззастѣнчиво какъ онъ.

Неуспѣхъ за неуспѣхомъ преслѣдовалъ русское правительство въ короткій періодъ полнаго господства въ Россіи нѣмцевъ, при Аннѣ Іоанновнѣ. Польскій король, ею отчасти посаженный, тоже прямо приступилъ къ союзу съ Пруссіей и Франціей; съ Турціей Россія подписала конвенцію, по которой Турція признавала императорскій титулъ русскихъ государей, а Россія взамѣнъ того, срывала укрѣпленія Азова; гр. А. И. Румянцевъ, который велъ эти переговоры, посылалъ въ Петербургъ успокоительныя извѣстія о настроеніи Порты, увѣрялъ, что съ нѣкоторою твердостью можно добиться отъ Турціи многихъ уступокъ—но въ Петербургѣ боялись и предпочитали рѣшить

[1]) *Соловьевъ*, книга V, 76—77.

дѣло какъ нибудь, хотя со всякими уступками, но рѣшить поскорѣе [1]).

При такой своей неумѣлости вообще, при неспособности твердо отстаивать интересы Россіи и не разъ уже поступившись ими въ угоду союзникамъ въ довольно важныхъ случаяхъ, русская дипломатія того времени обнаруживала необыкновенную охоту заключать союзы, вступать въ обязательства. Такъ, отъ себя она начала переговоры съ королемъ Англіи, высказывая желаніе заключить союзъ и съ нимъ, увѣряя, что усиленіе прусскаго короля опасно для всей Европы и что вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо для Европы поддерживать прагматическую санкцію и вообще Австрію. Мало того, былъ планъ вступить въ оборонительный союзъ даже съ Франціей, той самой Франціей, которая являлась главнымъ противникомъ главнаго союзника Россіи, Австріи [2]). Это стремленіе искать повсюду союзниковъ—очень характерно для тогдашней русской дипломатіи; она не понимала, что союзъ со всѣми государствами, которыя между собою боролись и воевали—въ сущности вполнѣ равняется полному отсутствію союзовъ, полному одиночеству, но только въ невыгодныхъ его сторонахъ, потому что союзники Россіи получали поводъ къ разнымъ непріятнымъ объясненіямъ, къ требованіямъ разныхъ уступокъ со стороны Россіи, отъ которыхъ Россія не умѣла тогда уклониться и въ то же время сами, какъ болѣе ловкіе политики, находили возможность отказывать Россіи во всякомъ, сколько нибудь энергичномъ содѣйствіи ея видамъ. Эта, такъ сказать, суетливость русской дипломатіи въ періодъ господства у насъ нѣмцевъ служитъ лучшимъ свидѣтельствомъ, что у тогдашнихъ дипломатовъ нашихъ не было не только яснаго пониманія русскихъ интересовъ, но даже не было еще и стремленія себѣ эти интересы уяснить; это было, такъ сказать, отправленіе текущихъ дѣлъ, безъ системы, безъ плана, безъ ясно поставленной цѣли, безъ выработанныхъ пріемовъ; подыскивалось рѣшеніе, сколько нибудь подходящее, для всякаго отдѣльнаго, вновь возникающаго случая, и даже попытки не дѣлалось привести свои дѣйствія въ одну систему,

[1]) *Соловьевъ*, книга V 81—83.
[2]) *Соловьевъ*, книга V, 89, 90.

направить ихъ къ одной цѣли. Тотъ же самый Остерманъ, который въ началѣ царствованія Анны Іоанновны доказывалъ полную безполезность союза съ Франціей, въ 1741 г., въ отвѣтъ на представленія вице-канцлера Головкина, что «зѣло потребно бы было всячески стараться себя изъ рукъ Франціи вывесть въ разсужденіи ея тайныхъ непріятельскихъ поступковъ», заявлялъ, что мнѣніе это основательно, но, такъ какъ Франція была посредницею при заключеніи мира между Россіей и Портой и приняла на себя его гарантію, то «при нынѣшнихъ конъюнктурахъ не надо ее огорчать никакимъ наглымъ поступкомъ, но всячески менажировать, ибо хотя она теперь тайно намъ злодѣйствуетъ, однако наружно всякую дружественную апаренцію оказываетъ; но когда мы что нибудь явно ей учинимъ, тогда она уже наружнымъ образомъ намъ вредить можетъ; и такъ лучше ея злости истинною твердостью удерживать, нежели самимъ въ чемъ либо зачинщикомъ быть, чтобы весь свѣтъ видѣлъ, какую мы къ ней умѣренность показываемъ, и лучше тайное ея злодѣйство нынѣ сносить, чѣмъ явно ее на себя подвигнуть» [1]). Эти разсужденія ясно обнаруживаютъ взглядъ на Россію, какъ на силу и величину второстепенную, международное положеніе и значеніе которой опредѣляется отношеніями къ ней другихъ державъ, а не ею самою активно.

Пятнадцать лѣтъ такой политики съ безцѣльною затратою русскихъ силъ, съ неоднократными пораженіями русской дипломатіи, съ пониженіемъ международнаго значенія Россіи, раскрыли, наконецъ, неосновательность и вредъ такой политики предъ тѣми, кому дороги были интересы и достоинство русскаго государства и кто способенъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ понимать событія, охватывать ихъ въ цѣломъ ихъ объемѣ и въ ихъ истинномъ значеніи. И какъ только, съ воцареніемъ Елизаветы Петровны, получилъ большое значеніе въ направленіи внѣшней политики Россіи Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ, одинъ изъ послѣднихъ птенцовъ Петра Великаго, впослѣдствіи канцлеръ и графъ — внѣшняя политика Россіи получила другой характеръ. Бестужевъ-Рюминъ не только видѣлъ всѣ печальные результаты безсистемнаго участія Россіи

[1]) *Соловьевъ,* книга V, 91—92, 95; *Герье,* 60.

въ очень сложныхъ взаимныхъ отношеніяхъ многочисленныхъ, и совершенно ненужныхъ и неискренныхъ союзниковъ Россіи; онъ понималъ, что необходимо уяснить себѣ, куда свои усилія направлять, необходимо что-нибудь преслѣдовать, для того, чтобы чего нибудь полезнаго и выгоднаго достигнуть. И среди многихъ вопросовъ и отношеній, съ которыми имѣла тогда дѣло русская дипломатія, онъ съ большимъ тактомъ остановилъ свое вниманіе на отношеніяхъ прусскихъ. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ государственныхъ людей тогдашней Европы, понявшихъ, какими осложненіями грозитъ всѣмъ европейскимъ державамъ чрезмѣрное и слишкомъ быстрое усиленіе Пруссіи; онъ былъ первымъ, который понялъ, что необходимо противъ этого усиленія бороться, не поддаваясь искушенію иногда съ этимъ новымъ могуществомъ вступить въ соглашеніе и въ союзъ, для достиженія какихъ нибудь другихъ, хотя бы дѣйствительно выгодныхъ цѣлей. Пруссія усилилась необыкновенно быстро: менѣе чѣмъ въ теченіе столѣтія поднялась она изъ числа третьестепенныхъ государствъ Европы въ рядъ главныхъ державъ, пользуясь прежде всего—постоянною враждою и борьбою Франціи и Австріи, а затѣмъ—сначала умѣренною поддержкою Петра Великаго, потомъ ошибками его преемниковъ, и начала́ уже оказывать сильное вліяніе на общеевропейскую политику и проявлять тѣ несимпатичныя черты, какими характеризуется вся новая исторія прусской политики. И вотъ, два брата Бестужевы-Рюмины, Михаилъ (старшій), бывшій русскимъ посломъ послѣдовательно при многихъ дворахъ, и особенно—Алексѣй, впослѣдствіи русскій канцлеръ, выступили самыми послѣдовательными и принципіальными, самыми неутомимыми двигателями идеи о необходимости задержать дальнѣйшее усиленіе Пруссіи. И—что особенно важно—Бестужевы находили это нужнымъ не въ интересахъ всей Европы, главнымъ образомъ, а прежде всего—въ интересахъ Россіи. Впервые послѣ долгаго промежутка времени встрѣчаемъ мы на первомъ планѣ рѣчь о «выгодахъ», «интересахъ имперіи россійской» въ политической перепискѣ обоихъ братьевъ Бестужевъ, особенно послѣ Ахенскаго мира (1748 г.), окончившаго войну за австрійское наслѣдство, когда начались въ Европѣ

оживленные переговоры, имѣвшіе цѣлью опредѣлить новую группировку державъ. М. П. Бестужевъ-Рюминъ еще въ 1744 г. въ письмѣ къ своему брату, высказывался, что, хотя король прусскій и старается усыпить всѣми способами вниманіе русскаго двора, не скупясь на выраженія дружбы и преданности, но съ дальнѣйшимъ увеличеніемъ силъ онъ непремѣнно сдѣлается для Россіи опасенъ и что потому необходимо принимать какія нибудь мѣры, чтобы не допустить этого дальнѣйшаго его усиленія [1]). Графъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ думалъ точно такъ же; въ перепискѣ своей съ графомъ М. И. Воронцовымъ, сопровождавшимъ императрицу въ поѣздкѣ ея въ Кіевъ, въ перепискѣ, очевидно, предназначенной для доклада императрицѣ, онъ перечислялъ отступленія Фридриха отъ принятыхъ имъ на себя обязательствъ, нарушенія имъ договоровъ, и говорилъ, что если бы король прусскій и не былъ даже «такого непостояннаго, захватчиваго, безпокойнаго и возмутительнаго характера, каковъ у него есть», то и тогда чрезмѣрное усиленіе его государства должно было бы составить предметъ особенной заботы для русской императрицы; въ перепискѣ А. П. Бестужева встрѣчаемъ слѣдующія слова, очень замѣчательныя для дипломата XVIII в.: «ея императорскаго величества честь и слава требуютъ принятыя съ союзниками своими обязательства нынѣ исполнить. А хотя бы ея императорское величество такихъ обязательствъ и не имѣла, то однако-жъ интересъ и безопасность ея имперіи всемѣрно требуютъ такіе поступки, которые изо дня въ день опаснѣе для насъ становятся, индифферентными не поставлять» [2]). Бестужевъ неоднократно напоминалъ, что при Петрѣ Великомъ прусскій дворъ положительно зависѣлъ отъ Россіи, самъ по себѣ не имѣлъ почти никакого значенія, особенно въ Польшѣ, и указывалъ, что возрастающее вліяніе его въ Польшѣ прямо противно интересамъ Россіи; онъ говорилъ, что прежде, при Аннѣ Іоанновнѣ, совѣтовалъ заключить союзъ съ Пруссіей именно для того, чтобы ею руководить, но что съ тѣхъ поръ, какъ Пруссія такъ усилила свое вліяніе въ Швеціи, посред-

[1]) *Соловьевъ*, книга V, 284—285, 367.
[2]) *Соловьевъ*, книга V, 287, 361, 362, 507, 508.

ствомъ жены наслѣднаго принца, родной сестры короля прусскаго Фридриха II, и въ то время, какъ Фридрихъ соединился съ Франціею и явно враждуетъ съ союзнымъ России саксонскимъ домомъ—необходимо рѣшительно стать на сторону противниковъ Пруссіи [1]). Бестужевъ высказывалъ даже опасенія, что, со временемъ, Пруссія, въ явный ущербъ Россіи, присоединитъ къ себѣ Курляндію и будетъ стараться о пріобрѣтеніи польской Пруссіи [2]); а по убѣжденію Бестужева никоимъ образомъ нельзя было считать выгоднымъ какое либо усиленіе Пруссіи, полагаясь на существующій съ нею союзъ: на дружбу Фридриха полагаться нельзя: считая своимъ главнымъ врагомъ австрійскій дворъ онъ непремѣнно будетъ интриговать противъ насъ въ Турціи и въ Швеціи, чтобы лишить Австрію русской помощи. Въ 1744 г. Фридрихъ рѣшился, по прежнему союзному договору, просить отъ Россіи вспоможенія войскомъ; но не надѣясь, чтобы такое, даже по словамъ Соловьева, «уже слишкомъ наглое требованіе» было исполнено, онъ одновременно просилъ Елизавету Петровну принять на себя посредничество между нимъ и Маріей Терезіей. Требованіе это, конечно, исполнено не было; въ томъ же 1744 г. при петербургскомъ дворѣ происходили секретнѣйшія совѣщанія, на которыхъ рѣшено было силою поддерживать Саксонію и въ маѣ 1744 г. подписанъ союзъ съ Австріей; Бестужевъ находилъ, что прусскій король до такой силы дошелъ, «что подлинно наиопаснѣйшій сосѣдъ есть»; но въ то же время, и въ Вѣнѣ, конечно, подъ вліяніемъ Бестужева русскій резидентъ, Ланчинскій, давалъ уже несравненно болѣе самостоятельные и твердые отвѣты, чѣмъ прежде [3]).

Естественно, что Бестужевъ, такъ энергично указывая русскому могуществу достойныя его цѣли въ общеевропейской политикѣ, встрѣчалъ не мало противодѣйствія, частью со стороны русскихъ же людей, не привыкшихъ еще къ такой энергичной и самостоятельный политикѣ, а еще больше — со

---

[1]) *Соловьевъ*, книга V, 300, 358—359, 434, 507, 781.

[2]) *Соловьевъ*, книга V, 782, 783.

[3]) *Соловьевъ*, книга V, 344, 347—348, 360—362, 366, 415—417, 507—508, 782; *Мартенсъ*, I, 146—179; прекрасная характеристика Бестужева—у *Бильбасова*, Исторія Екатерин II, I, 67—72.

стороны иностранныхъ правительствъ, неустанно интриговавшихъ противъ него. Но онъ успѣшно боролся со всѣми своими врагами. Силою своего свѣтлаго ума, своею энергіею, а также и своею ловкостью въ интригахъ и въ борьбѣ, своимъ умѣньемъ раскрыть самые хитрые замыслы враговъ — не будемъ только говорить о средствахъ, какими онъ этого достигалъ, они были въ духѣ времени, этимъ довольно сказано — Бестужевъ успѣвалъ сохранить свое преобладающее вліяніе въ петербургскомъ правительствѣ; вліяніемъ этимъ онъ пользовался вполнѣ по праву; императрица не особенно любила его лично, но въ дѣлахъ государственныхъ она всегда оказывала ему неизмѣнно твердую поддержку. И одинъ за другимъ пали и были удалены и Шетарди, и Лестокъ, и Мардефельдъ, и принцесса Іоанна-Елизавета, мать великой княгини Екатерины Алексѣевны—всѣ, кто пытался вырвать у Бестужева то значеніе, какимъ онъ пользовался, и повернуть политику Россіи сообразно своимъ цѣлямъ и противно интересамъ русскаго народа; всѣ ихъ интриги были раскрыты Бестужевымъ и всѣ усилія ихъ парализованы.

Но въ 1755 г. Бестужева постигъ очень тяжелый ударъ. Какъ на естественныхъ союзниковъ Россіи и Австріи въ борьбѣ противъ Пруссіи и союзной съ нею Франціи, Бестужевъ указывалъ постоянно на Англію. И дѣйствительно, давнишнее соперничество Англіи и Франціи давало повидимому, всѣ основанія надѣяться, что Англія будетъ стоять твердо на сторонѣ противниковъ Франціи и Пруссіи. Но въ 1755 г. англійское правительство совершило неожиданно самый крутой поворотъ въ своей внѣшней политикѣ: оно заключило союзный договоръ въ Пруссіей. Со стороны Англіи рѣшеніе это было принято потому, что король англійскій чрезвычайно боялся, какъ бы Фридрихъ не захватилъ внезапнымъ нападеніемъ на Ганноверъ огромныхъ богатствъ короля англійскаго, тамъ хранившихся; чтобы обезопасить ихъ отъ Фридриха и отъ Франціи король англійскій и заключилъ союзъ съ Россіею и Австріей; но затѣмъ, довольно неожиданно, было принято рѣшеніе обезопасить эти богатства соглашеніемъ съ Фридрихомъ; англійское министерство предполагало обезопасить Ганноверъ

отъ Пруссіи союзомъ съ нею, союзомъ съ Австріею оно разсчитывало удержать Францію, а на всякій случай надѣялось сохранить и союзъ съ Россіей, который заставлялъ бы Фридриха болѣе цѣнить его новый союзъ съ Англіей; русскому правительству англійское министерство надѣялось представить всѣ предшествовавшіе переговоры въ такомъ смыслѣ, что имѣлась въ виду преимущественно Франція, а не какія либо другія державы и что поэтому соглашеніе Англіи съ Пруссіей не мѣшаетъ соглашенію Англіи и Россіи. Еще Соловьевъ замѣтилъ, что этотъ шагъ былъ вполнѣ въ духѣ англійской политики, которая всегда и во всемъ совершенно игнорируетъ всякіе чужіе интересы, а признаетъ и преслѣдуетъ только свои [1]). Фридрихъ же, какъ это теперь несомнѣнно доказано, шелъ на этотъ договоръ главнымъ образомъ потому, что составилъ себѣ совершенно неправильное представленіе о вліяніи Англіи въ Петербургѣ, думалъ, что черезъ Англію удержитъ Россію отъ враждебныхъ дѣйствій противъ Пруссіи, чего онъ особенно опасался [2]).

Эта перемѣна фронта Англіею нанесла страшный ударъ Бестужеву; оказалось, что онъ ошибался, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ своихъ разсчетахъ. Разсматривая дѣло совершенно безпристрастно, надо, кажется, придти къ заключенію, что нельзя винить Бестужева въ этомъ происшествіи; очень вѣроятно, что успѣху этого шага, столь вреднаго для Бестужева, содѣйствовало именно заблужденіе Фридриха, съ которымъ уже нѣсколько лѣтъ были прекращены у Россіи дипломатическія сношенія: если бы Фридрихъ зналъ, что заключеніемъ союза съ Англіей онъ лишь ускоритъ нападеніе Россіи на Пруссію — онъ-бы, вѣроятно, на этотъ шагъ не рѣшился [3]) и въ разсчетахъ Бестужева не было бы видно ошибки. Но во всякомъ случаѣ ударъ былъ очень тяжелъ для канцлера и, конечно, онъ всего болѣе содѣйствовалъ тому, что при слѣдующей же неудачѣ Бестужевъ потерялъ довѣріе императрицы и лишился мѣста. Но на этотъ

---

[1]) *Соловьевъ*, книга V, 891—892.
[2]) *Ѳеоктистовъ*, 114—115.
[3]) *Бильбасовъ*, Исторія Екатерины II, I, 310—311.

разъ онъ еще успѣлъ отстоять свою идею о необходимости борьбы противъ Пруссіи. Австрія, узнавъ о соглашеніи Англіи съ Пруссіей, сблизилась со своею давнею соперницей, Франціей; Россія тоже пошла на соглашеніе съ этимъ своимъ давнимъ непріятелемъ, чтобы бороться противъ другаго, который тогда былъ опаснѣе, противъ Пруссіи; на конференціяхъ, на которыхъ въ Петербургѣ разсуждали о войнѣ или мирѣ, прямо заявлено было, что выгоды Россіи требуютъ войны противъ Пруссіи [1]). Натянутыя и запутанныя отношенія европейскихъ державъ разрѣшились семилѣтнею войною.

Противъ Фридриха составилась грозная коалиція. Россія, Австрія, Франція, Саксонія и Швеція были его противниками; онъ на своей сторонѣ имѣлъ только одного, вообще ненадежнаго союзника, Англію. Благодаря своимъ блестящимъ военнымъ способностямъ, еще болѣе благодаря превосходнымъ генераламъ, которыхъ оставилъ ему его отецъ, а всего болѣе — благодаря неумѣлости своихъ противниковъ, полной бездарности почти всѣхъ главныхъ предводителей австрійскихъ, русскихъ и французскихъ, Фридрихъ держался въ теченіи войны очень хорошо. Въ первую же кампанію русскія войска нанесли прусскимъ сильное пораженіе при Гросъ-Эгерсдорфѣ. Побѣда эта вызвала общее ликованіе союзниковъ, и тѣмъ сильнѣе была ихъ досада, когда Апраксинъ, начальникъ русской арміи, вдругъ пошелъ обратно въ Россію. Теперь доказано положительно, что причиною отступленія былъ недостатокъ провіанта и фуража [2]); но тогда непремѣнно хотѣли видѣть въ этомъ отступленіи что то преступное; нужно было найдти виновныхъ, чтобы успокоить союзниковъ въ твердости рѣшеній русской императрицы. Открылось, что Апраксинъ былъ въ частной перепискѣ съ Бестужевымъ; наряжено было слѣдствіе и судъ; не было найдено ничего, что могло бы быть почитаемо дѣйствительно преступнымъ; Бестужевъ не имѣлъ никакого вліянія на рѣшеніе Апраксина отступить, оно принято было по соображеніямъ чисто военнымъ; но это была не-

---

[1]) *Соловьевъ*, V, 903—904: *Өеоктистовъ*, 127.

[2]) *Соловьевъ*, книга V, 994—998; *Масловскій*, Русская армія въ семилѣтнюю войну, I, 307—312.

удача; у канцлера было множество враговъ, открылось, что онъ былъ въ перепискѣ и съ великою княгинею Екатериною Алексѣевною, это показалось подозрительнымъ—и Бестужевъ былъ лишенъ званія, чиновъ, орденовъ и сосланъ въ свои деревни, фельдмаршалъ графъ Апраксинъ умеръ во время слѣдствія отъ апоплексическаго удара [1]); Бестужевъ и онъ явились несомнѣнно жертвами, которыя принесены были для успокоенія общества и союзниковъ. И личное паденіе Бестужева было въ то же время торжествомъ его идеи, его политики. Онъ палъ, потому что борьба, которую онъ велъ, чтобы доставить торжество своимъ идеямъ, создала ему слишкомъ много враговъ; пока внѣшнія дѣла Россіи шли успѣшно, враги ничего не могли сдѣлать противъ канцлера, такъ высоко стоявшаго по своему уму, энергіи, неподкупности. Но двѣ последовательныя неудачи дали, наконецъ, возможность столкнуть его съ его высокаго мѣста; однако, преемникъ его могъ только продолжать его политику. Замѣнилъ Бестужева въ званіи канцлера вице-канцлеръ графъ Михаилъ Илларіоновичъ Воронцовъ; въ началѣ 40-хъ годовъ Воронцовъ вполнѣ раздѣлялъ взгляды Бестужева на опасность для Россіи чрезмѣрнаго усиленія Пруссіи и находилъ необходимымъ задержать это усиленіе. Но затѣмъ онъ не устоялъ въ той сложной и отчаянной борьбѣ, какую вели въ Петербургѣ противъ Бестужева Шетерди, Лестокъ, Мардефельдъ; Воронцовъ тоже сталъ находить поступки канцлера слишкомъ опасными и кромѣ того, онъ не былъ такимъ убѣжденнымъ сторонникомъ союза съ Англіей, какимъ являлся канцлеръ. Но теперь, занявши мѣсто канцлера, Воронцовъ не нашелъ возможнымъ ни въ чемъ измѣнить политику Россіи, опредѣленную Бестужевымъ. Борьба съ Фридрихомъ продолжалась еще энергичнѣе, чѣмъ раньше, и Пруссія испытала самые тяжелые удары именно отъ Россіи. 30 апрѣля 1760 г. императрица Елизавета утвердила постановленіе конференціи, чтобы окончательно присоединена была къ Росссіи Восточная Пруссія, уже съ 1758 г. находившаяся въ русскомъ управленіи; императрица написала на этомъ прото-

---

[1]) *Соловьевъ*, книга V, 1029—1244.

колѣ «быть по сему» [1]); рѣшенія этого не успѣли, однако, привести въ исполненіе. Во всякомъ случаѣ, къ концу царствованія Елизаветы Петровны Фридрихъ былъ обезсиленъ окончательно и положеніе его было настолько безнадежно, что даже онъ не рѣшился приписать въ своихъ историческихъ сочиненіяхъ свой благополучный выходъ изъ критическихъ обстоятельствъ своей ловкости и призналъ, что спасла его лишь смерть императрицы Елизаветы Петровны и возшествіе на престолъ императора Петра Өеодоровича, который считалъ возможнымъ пожертвовать интересами Россіи своимъ личнымъ чувствамъ уваженія къ Фридриху, и заключалъ съ нимъ миръ, за который Фридрихъ воскурилъ такой өиміамъ Петру Өеодоровичу, какой едва ли былъ бы пріятенъ истинно русскому человѣку отъ врага Россіи [2]).

Но хотя воцареніе Петра Өеодоровича и придало дѣламъ ходъ необычайно благопріятный для Фридриха и вредный для интересовъ Россіи, Фридрихъ вышелъ изъ семилѣтней войны совершенно обезсиленный. Мы видѣли, что Бестужевъ высказывалъ опасенія, какъ бы Фридрихъ не задумалъ захватить Курляндію. Неизвѣстно, конечно, предпринялъ ли бы что нибудь Фридрихъ въ этомъ направленіи, если бы не было семилѣтней войны; вся его политика даетъ полное основаніе думать, что онъ не преминулъ бы такъ или иначе вмѣшаться въ разрѣшеніе стоявшаго на очереди вопроса объ отношеніяхъ Курляндіи къ Польшѣ и Россіи. Но во всякомъ случаѣ, послѣ

---

[1]) *Русская Старина*, 1873, т. VII, 705—713.

[2]) «Pierre III avait le coeur excellent et des sentimens plus nobles et plus relevés qu'on ne les trouve d'ordinaire chez les souverains. Il se prêta à tous les désirs du Roi; il alla même au delà de ce qu' on pouvait attendre. De son propre mouvement il rappela de l'armée autrichienne M. de Czernichew avec son corps; il n'exigea du Roi aucune cession, quoique' il fut autorisé à le faire, sans qu' on pût y trouver à redire; il hâta la négociation de la paix, et ne demanda pour tout retour que l'amitié et l'alliance du Roi. Un procédé aussi noble, aussi généreux, aussi peu commun, non seulement doit être transmis à la postérité, mais devrait être gravé en lettre d'or dans les cabinets de tous les rois»... Oeuvres de Frédéric le Grand, Berlin, 1847, V, 156—157. Довольно такихъ похвалъ нѣмецкаго государя русскому! къ сожалѣнію число ихъ можно было бы еще увеличить; да, дѣйствительно о поступкахъ Петра Өеодоровича слѣдовало graver en lettre d'or dans les cabinets de tous les... souverains allemands, но какъ о нихъ говорить въ исторіи Россіи?!

семилѣтней войны Фридрихъ не могъ уже и думать ни о чемъ, кромѣ какъ о сохраненіи мира; вопросъ курляндскій былъ разрѣшенъ Россіей безъ всякаго вмѣшательства Пруссіи; въ дальнѣйшемъ изложеніи мы еще увидимъ въ политикѣ Россіи и Пруссіи болѣе ясные слѣды вліянія семилѣтней войны. Такимъ образомъ, политика Бестужева не пропала даромъ; она, главнымъ образомъ и послужила основаніемъ тому международному положенію Россіи, какое оказалось возможнымъ создать въ царствованіе Екатерины.

Кратковременное правленіе Петра Өеодоровича внесло вдругъ страшную путаницу въ отношеніи Россіи къ другимъ европейскимъ государствамъ.

Петръ Өеодоровичъ во всемъ, что только могъ онъ сдѣлать въ этомъ отношеніи, шелъ на перекоръ сдѣланному въ царствованіе Елизаветы, особенно въ послѣдніе его годы. Тѣсный союзъ съ Австріею и Франціей, сообща съ которыми Россія боролась противъ Пруссіи, былъ порванъ; съ Пруссіей и Англіей былъ заключенъ миръ; русскій посланникъ въ Константинополѣ получилъ предписаніе дѣйствовать во всемъ согласно съ посланникомъ прусскимъ и поднимать Порту противъ Австріи; новая война грозила Россіи, такъ какъ отношенія къ Даніи быстро обострились до послѣдней степени, благодаря спорамъ изъ-за наслѣдственныхъ голштинскихъ владѣній Петра Өеодоровича. Этотъ крутой переворотъ въ отношеніяхъ Россіи къ другимъ державамъ былъ основанъ на личныхъ симпатіяхъ и антипатіяхъ тогдашняго императора; принимаемыя имъ рѣшенія, какъ и въ какую сторону направить русскія силы въ области иностранной политики, были, конечно, исполняемы, но не пользовались ни малѣйшею популярностью и никакимъ сочувствіемъ даже среди самыхъ близкихъ къ императору русскихъ людей [1]). Послѣ полугодоваго царствованія Петръ Өеодоровичъ революціею, вспыхнувшею въ гвардіи и петербургскомъ насе-

---

[1]) Баронъ Гольцъ, посланникъ Фридриха при Петрѣ III, доносилъ, что Мельгуновъ кажется ему особенно опаснымъ; по словамъ Фридриха Д. В. Волковъ неутомимо интриговалъ противъ прусскихъ интересовъ при Петрѣ Өеодоровичѣ—см. *Щебальскій*, Политическая система Петра III, 155, 156; *Сборникъ*, XXII, 182.

леніи, при участіи императрицы и преданныхъ ей офицеровъ, былъ устраненъ съ престола и 28 іюня 1762 г. воцарилась императрица Екатерина II Алексѣевна. Подробное изученіе внѣшней политики Россіи въ царствованіе императрицы Екатерины II, до заключенія Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, и составитъ предметъ дальнѣйшаго изложенія. Мы считаемъ нужнымъ начать его съ разрѣшенія нѣсколькихъ общихъ и болѣе или менѣе спорныхъ вопросовъ, которые имѣютъ отношеніе къ изученію всей вообще внѣшней политики Екатерины. Такъ какъ съ тѣмъ или другимъ рѣшеніемъ ихъ намъ придется имѣть дѣло постоянно, то мы и постараемся по возможности обстоятельно обосновать то рѣшеніе каждаго изъ этихъ—отчасти спорныхъ, отчасти мало изслѣдованныхъ—вопросовъ, для того, чтобы въ дальнѣйшемъ изложеніи, когда придется намъ ихъ касаться, не быть въ необходимости каждый разъ отвлекаться для доказательствъ почему мы смотримъ такъ, а не иначе.—Мы считаемъ необходимымъ выяснить предварительно: во первыхъ, какой политики рѣшили держаться новая императрица и ближайшіе ея сотрудники, затѣмъ, какія вліянія господствовали въ Петербургѣ въ первый періодъ царствованія Екатерины и, наконецъ, каковы были взаимныя отношенія главныхъ дѣятелей въ области внѣшней политики Россіи, т. е. самой императрицы и Никиты Ивановича Панина.

III.

Отношенія къ иностраннымъ государствамъ, опредѣленныя единственно произволомъ, капризомъ Петра Θеодоровича, конечно, не могли быть усвоены и продолжаемы при новомъ правительствѣ, самое появленіе котораго было вызвано именно ошибками прежняго; нѣкоторая перемѣна въ нихъ была неизбѣжна и необходима; изъ европейскихъ державъ однѣ очень желали этой перемѣны, другія очень ея опасались; но ни тѣ, ни другія не были увѣрены, что ожиданія ихъ сбудутся: событія въ Россіи за послѣдніе шесть мѣсяцевъ давали, казалось, полное основаніе ожидать

и какихъ либо новыхъ перемѣнъ въ русской политикѣ, которая только что начала было пріобрѣтать нѣкоторую устойчивость послѣ долгаго періода всякихъ колебаній и перемѣнъ; къ тому же послѣднее царствованіе успѣло серьезно испортить отношенія Россіи къ ея прежнимъ союзникамъ, но не установило сколько-нибудь твердыхъ дружескихъ связей съ новыми. И вотъ король прусскій, страстно желавшій, чтобы миръ не былъ Россіей нарушенъ, но не увѣренный въ томъ, что успѣетъ его сохранить, на неблагопріятный случай, подъ рукой подготовлялъ Россіи затрудненія со стороны Турціи, искалъ заключить съ ней союзъ и старался заранѣе дискредитировать заявленія русскаго посла, если бы они стали явно невыгодны Пруссіи, внушая турецкому министерству, что вліяніе Пруссіи въ Петербургѣ нимало не ослабѣло, что и впредь, какъ при Петрѣ III, Пруссія будетъ руководить политикой Россіи [1]). Австрійскій посолъ въ Петербургѣ настаивалъ, что Россія обязана возобновить нарушенный союзъ съ имперіею и снова вступить въ войну съ Пруссіей; но въ то же время, опасаясь, что не добьется этого, онъ предлагалъ своему правительству поднимать Турцію противъ Россіи и не упускалъ случая, гдѣ было можно, дать Россіи почувствовать недовольство своего двора; устраненіемъ ея отъ участія въ заключеніи Губертсбургскаго мира Пруссія и Австрія доказали, какъ мало онѣ обращаютъ вниманія на желанія Россіи. Осторожно, неуступчиво въ переговорахъ держалась и Англія, понимая, что ни въ какомъ случаѣ не сохранить ей того вліянія, какое началъ пріобрѣтать въ Петербургѣ ея посолъ при Петрѣ Ѳеодоровичѣ; Франція открыто выражала недружелюбіе и даже прямо неуваженіе къ русскому правительству; Данія, уже нѣсколько времени спустя послѣ того, какъ стало почти несомнѣннымъ, что войны у нея съ Россіей не будетъ, не захотѣла упустить случая причинить Россіи хотя маленькое затрудненіе по дѣлу объ опекѣ надъ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ, какъ герцогомъ голштинскимъ; явно недружелюбно держалась, наконецъ, и Польша... Новому правительству предстояло устроиться среди этой путаницы.

---

[1]) *Сборникъ*, т. XLVIII, 28—29, 230.

Въ самый первый моментъ тѣ люди, которые были ближе другихъ къ Екатеринѣ, не избѣгли нѣкоторой ошибки: чувствуя необходимость какъ можно яснѣе указать отличіе новаго правительства отъ прежняго, столь непопулярнаго, они громко заявили свое неодобреніе его внѣшней политики, особенно мира съ Пруссіею, который лишилъ Россію всѣхъ плодовъ тяжелой войны. Въ манифестѣ 28-го іюня въ числѣ винъ Петра Ѳеодоровича, наряду съ опасностью, какой подвергалъ онъ вѣру, и наряду съ невниманіемъ его къ государственному правленію, указано было и то, что «слава россійская, возведенная на высокую степень своимъ побѣдоноснымъ оружіемъ черезъ многое свое кровопролитіе, заключеніемъ новаго мира самимъ ея злодѣямъ отдана уже дѣйствительно въ совершенное порабощеніе»» [1]). Эти слова, слишкомъ подчеркивавшія недружбу къ Пруссіи, сочтены были затѣмъ неудобными; ихъ уже нѣтъ въ знаменитомъ «Обстоятельномъ манифестѣ о восшествіи Ея Императорскаго Величества на Всероссійскій престолъ», изданномъ черезъ недѣлю послѣ перваго (6 іюля 1762 г.) [2]). Это было замѣчено тогда въ Петербургѣ: австрійскій посолъ обращалъ на это вниманіе своего правительства и писалъ даже, что князю Репнину поручено объяснить королю прусскому «оскорбительное» для него выраженіе въ манифестѣ 28 іюня «тревогами и смятеніями первыхъ дней» и увѣрить его, что русская государыня «вовсе не смотритъ на него, какъ на естественнаго или злѣйшаго врага Россіи» [3]). Самъ австрійскій посолъ, графъ Мерси д'Аржанто, хотѣлъ воспользоваться нѣкоторою неловкостью, которая возникала изъ этого для рус-

---

[1]) Такъ читается эта часть манифеста въ Полномъ Собраніи Законовъ, № 11,582 и въ книгѣ: «Указы Всепресвѣтлѣйшей Державнѣйшей Великой Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны», напечатанной (in-8°) въ 1765 г. по Высочайшему повелѣнію въ Сенатской типографіи; въ IV т. «*Восемнадцатаго вѣка*», стр. 216, въ перепечаткѣ этого манифеста, повидимому съ подлинника изданія 28-го іюня 1762 г., читаемъ: «съ самымъ ея злодѣемъ».

[2]) Перепечатанъ съ рѣдкаго экземпляра въ IV т. «*Восемнадцатаго вѣка*». 216—223.

[3]) *Сборникъ*, т. XLVI, стр. 71. Въ напечатанной перепискѣ русскаго министерства о такомъ порученіи кн. Репнину не говорится; это, впрочемъ, не даетъ намъ права отрицать сообщенія графа Мерси; оно во всякомъ случаѣ цѣнно уже какъ свидѣтельство, что упомянутое выраженіе манифеста привлекло вниманіе.

скаго министерства, и на конференціи съ канцлеромъ 20-го августа 1762 г. настаивалъ, что поведеніе русскаго правительства относительно Пруссіи съ одной стороны и Австріи съ другой стоитъ въ противорѣчіи со взглядами, высказанными незадолго предъ тѣмъ русскимъ министерствомъ; съ неудовольствіемъ и очень рѣшительно этотъ пунктъ былъ изъятъ изъ обсужденія съ австрійскимъ посломъ [1]).—Какъ только въ Петербургѣ успокоились, какъ только дѣла приняли болѣе спокойное теченіе—правительство Екатерины немедленно же начало устанавливать отношенія Россіи къ другимъ государствамъ на новыхъ основаніяхъ.

Русскіе политики не оставили намъ о своей дѣятельности ничего такого, что было бы подобно сочиненіямъ Фридриха II (Histoire de mon temps и др.)—для политики прусской, или сочиненіямъ Флассана (Histoire de la diplomatie) и Фавье (Conjectures raisonnées)—для французской. Если эти и имъ подобные труды не заключаютъ свѣдѣній совершенно полныхъ, если они представляютъ иногда данныя не совсѣмъ точныя и достовѣрныя, то все-таки они способствовали тому, что даже у читателей спеціалистовъ—не говоря уже о читающей публикѣ, которая черпаетъ свои свѣдѣнія изъ компилятивныхъ трудовъ, особенно охотно повторяющихъ слова именно такихъ источниковъ, какъ мемуары Фридриха,—складывалось довольно опредѣленное, хотя иногда и не совсѣмъ вѣрное, представленіе о характерѣ, цѣляхъ, пріемахъ и результатахъ политики того или другаго государства. Свѣдѣнія о политической системѣ русскаго правительства необходимо собирать по частямъ, изъ дипломатической его переписки. Опубликованная переписка петербургскаго кабинета за первыя двѣнадцать лѣтъ Екатерининскаго царствованія и донесенія изъ Петербурга иностранныхъ представителей о словахъ и дѣйствіяхъ русскихъ министровъ, отчеты пословъ о ихъ собственныхъ впечатлѣніяхъ отъ сношеній

---

[1]) Депеша графа Мерси отъ 21-го августа (2-го сентября) 1762 г., въ которой, очевидно, изложена конференція 20-го августа, не была сообщена изъ Вѣнскаго архива въ Императорское Русское Историческое общество (*Сборникъ*, т. XLVI, 123, прим.); о конференціи этой узнаемъ изъ рескрипта графу Воронцову въ Лондонъ отъ 21-го августа 1762 г. (*Сборникъ*, т. XLVIII, 80) и изъ изложенія ея у *Соловьева*, Исторія Россіи, V, 1427—1428.

съ русскими дѣятелями представляютъ матеріалъ весьма обширный, въ высшей степени любопытный и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно достаточный для того, чтобы выяснить политическую систему правительства Екатерины II. Изъ этихъ документовъ политика его раскрывается вполнѣ, и нерѣдко въ совершенно иномъ свѣтѣ, чѣмъ въ какомъ представлялась она, пока о дѣйствіяхъ, и даже цѣляхъ и планахъ русскихъ дипломатовъ судили почти исключительно по разсказамъ иностранцевъ.

Обращаясь къ этому матеріалу мы знаемъ заранѣе, что будемъ имѣть дѣло и съ преувеличеніями, и съ умолчаніями, что встрѣтимъ страстную оцѣнку событій и лицъ. Это и понятно: всѣ эти бумаги были составлены подъ самымъ свѣжимъ впечатлѣніемъ отъ событій или съ несомнѣнною и явною цѣлью въ чемъ нибудь убѣдить, къ чему нибудь склонить, отъ чего нибудь удержать; часто чѣмъ рѣшительнѣе какое либо утвержденіе дипломата,—а тѣмъ болѣе, какое нибудь порицаніе неуступчиваго противника, обвиненіе его въ непониманіи, въ неосмысленномъ упрямствѣ—тѣмъ съ большею осторожностью къ такому показанію надо относиться; иногда примирить противорѣчія различныхъ показаній оказывается положительно невозможнымъ; и во всякомъ случаѣ отъ этихъ же недостатковъ нимало не свободны и тѣ современныя событіямъ изложенія ихъ, какими пользуются не изучая дипломатической переписки. Но за то получаютъ особенную цѣну согласныя показанія, которыя мы можемъ иногда извлечь изъ совершенно различныхъ документовъ, относящихся къ какому нибудь событію, тѣмъ болѣе, если лица, сообщающія намъ объ этихъ событіяхъ или фактахъ, и не скрываютъ, что эти факты вызываютъ съ ихъ стороны совершенно различную оцѣнку. Если одинъ изъ участниковъ дипломатической переписки хвалитъ, а другой порицаетъ нѣкоторыя дѣйствія третьяго, если одинъ говоритъ, что онъ старался чему либо противодѣйствовать, а другой—что онъ этому самому дѣлу оказывалъ поддержку, если, наконецъ, третій говоритъ самъ о томъ, какъ онъ именно дѣлалъ это, порицаемое однимъ и восхваляемое другимъ, дѣло, при чемъ въ объясненіи причинъ своего поступка расходится

и съ тѣмъ и съ другимъ свидѣтелемъ, а выставляетъ свои собственныя основанія—то мы можемъ вполнѣ ясно и точно опредѣлить представляющееся намъ явленіе, его причины и значеніе.

Совершенно понятно также, что желая указать въ дипломатической перепискѣ петербургскаго кабинета тѣ начала, которыми онъ руководился съ первыхъ же лѣтъ Екатерининскаго царствованія, мы не можемъ ограничиться исключительно только документами, самыми близкими по времени къ воцаренію императрицы, а должны будемъ въ иныхъ случаяхъ черпать и изъ документовъ, довольно далекихъ отъ него; изучаемая нами политическая система не сразу раскрылась, не сразу, конечно и создалась; она вырабатывалась и обнаруживалась постепенно, по мѣрѣ того, какъ возникали тѣ или другія обстоятельства, въ примѣненіи къ которымъ и раскрывались идеи, какими руководились Екатерина и Н. И. Панинъ, направлявшіе въ Петербургѣ всѣ дѣла.

Свидѣтельствъ того, что съ началомъ Екатерининскаго царствованія измѣнилась политическая система русскаго правительства, у насъ не мало.

Прежде всего заговорилъ объ этомъ графъ Мерси д'Аржанто, австрійскій посланникъ, искусный дипломатъ, прославившійся впослѣдствіи во время французской революціи. Едва прошелъ мѣсяцъ съ воцаренія Екатерины, какъ онъ уже пишетъ, что среди вліятельнѣйшихъ при ней лицъ начинаютъ преобладать мнѣнія, или «политическіе софизмы», какъ выражается онъ въ другой депешѣ, будто Россія, по положенію и внутреннему устройству своему, вовсе не нуждается въ союзахъ съ иностранными державами. Черезъ какія-нибудь три недѣли онъ снова жалуется на Н. И. Панина и графа Кейзерлинга, которые громко провозглашаютъ, что для русскаго двора совершенно безразлично, французамъ или англичанамъ достанется вестъ-индская торговля и за кѣмъ останется Силезія, и что тратить русскія деньги и русскую кровь на разрѣшеніе такого рода вопросовъ, значитъ пожертвовать собою безъ нужды и доставить пользу только чужимъ государствамъ, которыя впослѣдствіи сами не прочь будутъ сдѣлать Россіи вредъ. Гр.

Мерси выражаетъ удивленіе, какъ такія «неосновательныя» и «злобныя» идеи получаютъ значеніе въ глазахъ «такой вообще дальновидной государыни», какова русская императрица; но онъ не можетъ скрыть, что Панинъ и гр. Кейзерлингъ пользуются бо̀льшимъ довѣріемъ ея, чѣмъ всѣ остальные министры. Еще черезъ два мѣсяца онъ сообщаетъ, что «надменныя» мысли о томъ, будто Россія менѣе нуждается въ союзѣ съ Австріей, чѣмъ Австрія въ русскомъ союзѣ, «составляютъ основныя правила новой русской политики» и на этотъ разъ онъ объясняетъ это тѣмъ, что «ея величество не обладаетъ въ государственныхъ дѣлахъ достаточнымъ разумѣніемъ, чтобы обсудить разницу между представляющимися ея государству хорошими и дурными послѣдствіями» [1]). Гр. Мерси утѣшался въ своихъ безуспѣшныхъ попыткахъ вернуть Россію къ союзу съ Австріей бесѣдами съ бывшимъ канцлеромъ, гр. А. П. Бестужевымъ-Рюминымъ. Этотъ блестящій умъ явно клонился къ упадку; годы, напряженные труды и печали брали свое. Въ свое время онъ первый изъ министровъ послѣ-петровской эпохи громко провозгласилъ, что Россія должна въ своей внѣшней полититѣ преслѣдовать свои собственные интересы, а не подчиняться слѣпо чужимъ вліяніямъ, и оказалъ Россіи громадныя услуги своею самостоятельною политикою; но теперь онъ былъ уже не въ силахъ примѣняться къ тѣмъ выводамъ, какіе дѣлали его достойные ученики и продолжатели изъ его же уроковъ и изъ примѣровъ его дѣятельности; онъ упрямо стоялъ за союзъ съ Австріей, опираясь на которую онъ нѣкогда доставилъ Россіи бо̀льшую самостоятельность, и не замѣчалъ, что новые руководители Россіи находятъ возможнымъ дѣйствовать уже совершенно самостоятельно, независимо и отъ Австріи. Впрочемъ, гр. Мерси даже и въ его рѣчахъ съ удивленіемъ и печалью замѣчалъ нѣкоторое вліяніе столь враждебныхъ ему идей Панина [2]). Но Бестужевъ не долго стоялъ на виду въ новое царствованіе: онъ не хотѣлъ примириться со второстепенною ролью при дворѣ; онъ сдѣлалъ цѣлый рядъ попытокъ вернуть себѣ преобладающее значеніе: онъ и смѣло гово-

[1]) *Сборникъ* т. XLVI, 35, 44—46, 186, 375, 718 и др.
[2]) *Сборникъ*, т. XLVI, 93, 109, 182—184, 578, 664.

рилъ противъ программы Панина, и старался устроить бракъ Екатерины и Г. Г. Орлова, и выхлопоталъ для фаворита отъ императора римскаго дипломъ на княжеское достоинство [1])— все напрасно; преобладающаго вліянія въ новомъ правительствѣ онъ не получилъ; раздосадованный, онъ оставилъ, наконецъ, свои старанія и искалъ себѣ утѣшенія только въ перепискѣ съ гр. Мерси, переведеннымъ въ 1764 г. въ Варшаву, продолжая, конечно, высказывать свое неодобреніе тому, какой ходъ приняли дѣла; существованіе этой переписки сдѣлалось извѣстно императрицѣ; положеніе Бестужева стало очень неловко; онъ удалился отъ дѣлъ и черезъ полтора года умеръ [2]).

Гр. Мерси съ негодованіемъ говоритъ о намѣреніи Панина вести совершенно самостоятельную политику, не придерживаясь вовсе союза съ Австріей, союза, бывшаго для русской политики XVIII вѣка традиціоннымъ, и негодованіе его понятно: Австрія давно уже привыкла разсчитывать на союзъ съ Россіей и теперь не могла не чувствовать, что она многаго лишилась, теряя этотъ союзъ. Въ другомъ положеніи находился посолъ Пруссіи. Россія уже давно была въ числѣ враговъ его отечества; совершенно неестественное направленіе, приданное на очень короткое время русской политикѣ Петромъ Ѳеодоровичемъ, не успѣло, конечно, пріучить прусскихъ дипломатовъ смотрѣть на Россію такъ, какъ имѣли нѣкоторое основаніе смотрѣть на нее дипломаты австрійскіе. И вотъ, гр. Сольмсъ видитъ стремленіе Россіи вести политику самостоятельную ни мало этимъ не раздражаясь. Онъ совершенно спокойно сообщаетъ въ ноябрѣ 1763 г. о стремленіи русскаго министерства показать свѣту, что Россія можетъ слѣдовать своей собственной системѣ, согласованной съ ея интересами, не находясь въ зависимости отъ желаній какого-либо иностраннаго двора; въ августѣ 1766 г. онъ пишетъ Фридриху: «я сознаю, что тонъ, принимаемый русскимъ дворомъ по отношенію къ Польшѣ, представляется немного суровымъ и, по выраженію вашего величе-

[1]) *Сборникъ*, т. XLVI, 419, 439, 496, 509—513, 536—539, 592, 601, 613; т. XXII, 75, 77.

[2]) 10-го апрѣля 1766 г.; онъ родился въ 1692 г.; *Сборникъ*, т. XII, 141; т. XXII, 9, 162, 222—223;—т. LI, 136, 283.

ства, даже нѣсколько деспотическимъ; но мнѣ кажется, что тонъ этотъ есть естественное слѣдствіе сознанія своей собственной силы. Въ Россіи начинаютъ узнавать себѣ цѣну, чувствуя превосходство своихъ силъ надъ многими другими государствами Европы. Но настоящая система здѣшняго двора отнюдь не корыстолюбива... Съ подобными чувствати, при поддержкѣ хорошей арміи и при солидномъ положеніи финансовъ, мнѣ не кажется, чтобы здѣсь опасались послѣдствій, какія могли бы произойдти въ случаѣ, если бы поляки стали искать покровительства австрійцевъ» [1]). Передавая доходившія до него свѣдѣнія о переговорахъ съ Англіею относительно торговаго или даже союзнаго трактата, гр. Сольмсъ вполнѣ раздѣляетъ, повидимому, взгляды русскаго министерства, что Россія имѣетъ полное право преслѣдовать свои собстенные интересы и устраивать свои дѣла на принципѣ независимости отъ вліянія другихъ великихъ державъ; записка русскаго министерства въ отвѣтъ англійскому, съ изложеніемъ такихъ взглядовъ, кажется графу Сольмсу «въ особенности замѣчательною по своей силѣ»; гр. Сольмсъ сообщаетъ слова Панина, что если бы даже ему и не удалось заключить договоръ съ Англіей на основаніи полнаго равенства, къ чему онъ стремится, то ему всегда будутъ признательны за то, что онъ сдѣлалъ такія усилія для поддержанія чести и славы своего народа [2]).

Отзывы о русской политикѣ англійскихъ посланниковъ производятъ такое же впечатлѣніе, какъ и переписка пословъ австрійскаго и прусскаго [3]): англійскіе представители тоже жалуются, что русскіе слишкомъ твердо стоятъ на своихъ требованіяхъ, хотя и направленныхъ, по словамъ русскихъ дипломатовъ, единственно къ тому, чтобы заключить дого-

---

[1]) *Сборникъ*, т. XXII, 171, 387, 471.

[2]) *Сборникъ*, т. XXII, 425—428.

[3]) Впрочемъ, въ нихъ встрѣчаемъ менѣе отзывовъ о русской политикѣ вообще, можетъ быть оттого, что всѣ эти посланники имѣли спеціальную цѣль заключить съ Россіей союзный и, особенно, торговый договоръ, такъ что почти исключительно этотъ вопросъ и трактуется въ ихъ донесеніяхъ, можетъ быть, благодаря тому, что англійское министерство съ особенною внимательностью отнеслось къ тому, чтобы обнародованы были лишь тѣ части донесеній пословъ, которыя имѣютъ чисто дѣловой характеръ.

воръ на основаніи полной взаимности, но содержащихъ такія условія, на которыя согласиться англійское министерство не находило возможнымъ. На возраженія пословъ, что одно предложеніе несогласно съ выгодами Англіи и даже съ выгодами Россіи, Панинъ отвѣчалъ, что безъ принятія его переговоры о соглашеніи продолжаться не могутъ; на попытку посла увѣрить, что предлагаемыя Англіею условія клонятся къ выгодѣ Россіи, онъ отвѣтилъ: «вы, конечно, лучшіе судьи въ вашихъ дѣлахъ; но надѣюсь, что вы и намъ позволите судить о нашихъ дѣлахъ». Панинъ не разъ прямо высказывалъ англійскимъ дипломатамъ, что Россія не можетъ подчиняться зависимости отъ какой-либо иностранной державы; и англійскіе посланники должны были доносить своему министерству, что вести успѣшно переговоры въ Петербургѣ очень трудно, потому что русскіе государственные дѣятели очень избалованы за первыя 5—6 лѣтъ новаго царствованія успѣхами въ политическихъ сношеніяхъ и отлично сознаютъ выгоду независимаго положенія, занятаго Россіею и имѣющаго слѣдствіемъ, что она «владычествуетъ во время глубокаго мира болѣе существенно, чѣмъ при самой успѣшной войнѣ» [1]).

Вотъ слова представителей Австріи, Пруссіи и Англіи о направленіи, какое начала принимать русская политика со вступленія на престолъ Екатерины [2]). Они относятся къ этому направленію различно, различно оцѣниваютъ его, но они со-

---

[1]) *Сборникъ,* т. XII, 221, 259, 274 и др.

[2]) Совершенно въ томъ же духѣ говоритъ о настроеніи петербургскихъ высшихъ сферъ и саксонскій уполномоченный Сакенъ—см. *Herrmann,* Geschichte des Russischen Staates, V, 570—573, april 1765. Сакенъ замѣчаетъ, что Панинъ вполнѣ усвоилъ взгляды гр. Остермана (отца), ознакомившись съ ними по бумагамъ министерства; эти слова указываютъ, что въ кругахъ, гдѣ вращался Сакенъ, принятую русскимъ правительствомъ систему объясняли возвращеніемъ ея къ взглядамъ, господствовавшимъ въ Россіи въ первой трети XVIII вѣка—мы должны, конечно, имѣть въ виду тутъ Петра Великаго.—Донесенія французскихъ представителей еще не изданы; впрочемъ, съ 1762 г. по 1772 г. только въ теченіе двухъ съ небольшимъ лѣтъ были въ Петербургѣ французскіе послы—сначала баронъ Бретейль, затѣмъ маркизъ де-Боссетъ, 1765—1767; остальное время въ Петербургѣ были только повѣренные въ дѣлахъ, донесенія которыхъ не замѣчательны и часто неосновательны. Отрывки изъ нихъ у *Rambaud,* Récueil des Instructions, données aux ambassadeurs et ministrs de France. IX. Russie.

гласно указываютъ фактъ: всѣ они свидѣтельствуютъ, что русское министерство держало себя независимо и прямо выставляло, что желаетъ сохранить полную самостоятельность въ политикѣ. Посмотримъ теперь—сами русскіе дѣятели говорили ли въ своей перепискѣ о такихъ цѣляхъ, сознавали ли они сами то новое, что находили въ ихъ поступкахъ иностранные дипломаты, дѣйствительно ли они стремились придать русской политикѣ эту самостоятельность, или, быть можетъ, представители западноевропейскихъ державъ сами влагали эту объединяющую идею въ наблюдаемыя ими дѣйствія русскаго правительства [1])?

Уже въ концѣ 1764 г. Н. И. Панинъ говорилъ гр. Сольмсу, что Россія желаетъ слѣдовать своей собственной политикѣ, а не быть въ зависимости отъ союза съ какимъ-либо иностраннымъ дворомъ; въ 1765 г. онъ поручалъ русскому министру въ Лондонѣ, Ѳ. И. Гроссу, дать понять англійскому министерству, что Россія не допуститъ въ договорѣ съ Англіею никакого условія, которое бы могло показать, будто бы «мы союзы европейскихъ державъ поставляемъ для себя нужнѣе, нежели сколько, по признанію нашему, нашъ собственный имъ нуженъ и полезенъ быть можетъ» [2]). Панинъ требовалъ при переговорахъ непремѣнно полнаго равенства условій, и, какъ мы видѣли со словъ англійскихъ посланниковъ, требовалъ большаго, чѣмъ считали справедливымъ тѣ; на замѣчаніе же, что «націи англійской и парламенту дико покажется, когда въ новомъ трактатѣ Россіи большія предъ прежнимъ выгоды

---

[1]) Въ XXV т. «*Архива князя Воронцова*», 272—313 напечатано «Описаніе состоянія дѣлъ во время государыни императрицы Елизаветы Петровны», составленное въ іюлѣ 1762 г. Въ этомъ очеркѣ перечислены договоры Россіи съ иностранными державами и указаны связывающіе Россію и другія государства общіе интересы и существующіе между ними пункты несогласій; далѣе въ томъ же томѣ, 313—333, напечатана «Записка о политическихъ отношеніяхъ Россіи въ первый годъ царствованія Екатерины II» неизвѣстнаго сочинителя; и мы не можемъ опредѣлить автора этой записки. Но оба эти документа не имѣютъ для насъ большой цѣны, потому что дальнѣйшая политика Россіи пошла значительно смѣлѣе, тверже, а отчасти и по другимъ путямъ, чѣмъ предлагали авторы записки, напр. относительно Курляндіи (см. стр. 330—331) или Воронцовъ относительно Польши (см. стр. 280).

[2]) *Сборникъ*, т. XVII, 172; т. LVII, 383 и слѣд.

дозволены будутъ», предписывалъ «дать замѣтить, что натурально и россійской имперіи дико покажется, если бы при такомъ о пользѣ и славѣ отечества попечительномъ царствованіи здѣшній дворъ не съ лучшими и справедливѣйшими выгодами заключалъ союзы свои» [1]); онъ говорилъ, что прежде заключенные Россіей съ другими державами трактаты не настолько выгодны, чтобы при возобновленіи ихъ довольствоваться просто прежними условіями [2]). Такое общее направленіе во внѣшней политикѣ стоитъ въ полномъ согласіи съ заявленіями самыхъ первыхъ дней Екатерининскаго царствованія. Въ ноябрѣ 1763 г. австрійскій посолъ въ Берлинѣ говорилъ русскому послу при Фридрихѣ, кн. Долгорукову, что Россія какъ будто бы подчиняется прусскому вліянію, но что въ Вѣнѣ смотрятъ на это сближеніе совершенно спокойно, увѣренные въ добромъ расположеніи къ Австріи петербургскаго двора. Представляя это донесеніе кн. Долгорукова императрицѣ, Панинъ сдѣлалъ замѣтку, что кн. Кауницъ, очевидно, самъ «этому дѣлу въ существѣ вѣритъ», «его боится и нашего содѣйствія хочетъ, и подъ видомъ надежды и успокоенія на нашу дружбу съ Берлиномъ насъ ею попрекаетъ и тѣмъ же ищетъ, чтобы мы нѣсколько болѣе раздѣлили съ нимъ то, чего онъ внутренно опасается». Екатерина со своей стороны приписала: «все сіе не иное, какъ одна ревность, а время всѣмъ покажетъ, что мы ни за кѣмъ хвостомъ не тащимся». Въ другой разъ она предписывала «дать почувствовать» австрійскому послу, который обращался съ разными разспросами по польскимъ дѣламъ, что русскому правительству «весьма странно кажется, что при всякомъ случаѣ насъ на допросъ ведутъ» [3]). Еще 1-го ноября 1762 г., на докладѣ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ по вопросу объ участіи Россіи въ мирныхъ переговорахъ между Пруссіею и Австріею, Екатерина написала между прочимъ: «какъ тѣ, такъ и другіе (дворы) еще привыкнуть не могутъ къ нашей инфлюенціи въ общихъ дѣлахъ и каждый ищетъ только пользоваться нами» [4]). Въ наставленіи гр. Кей-

[1]) *Сборникъ*, т. LXVII, 167.
[2]) Тамъ же, 405.
[3]) *Сборникъ*, т. LI, 124, 296.
[4]) *Сборникъ*, т. XLVIII, 474.

зерлингу и кн. Н. В. Репнину 9-го ноября 1763 г., одобренномъ императрицею и отправленномъ за подписью одного только Панина, высказано, что Россіи такъ долго не удавалось получить со стороны Польши удовлетворенія за обиды русскимъ подданнымъ главнымъ образомъ потому, что король польскій какъ курфирстъ саксонскій участвовалъ въ тѣхъ же союзахъ, которыми связана была и Россія, и Россія нерѣдко поступалась своими интересами въ его пользу; новое правительство выражаетъ рѣшимость устранить на будущее время подобныя уступки [1]). Петербургское министерство видѣло неудовольствіе дворовъ версальскаго и вѣнскаго за то, что «мы систему зависимости нашей отъ нихъ вовсе перемѣнили и вмѣсто того установили другую, безпосредственнаго нашего собою въ дѣлахъ дѣйствованія» и доказываемъ, что «Россія и независимо отъ другихъ державъ собою весьма дѣйствовать можетъ» [2]). Оно видѣло негодованіе католическихъ державъ, что «мы затвердѣлому въ дѣлахъ австрійскому самовластію и волѣ слѣдовать не хотимъ и во взаимныхъ интересахъ нашихъ съ онымъ домомъ вѣдаемъ опредѣлять истинное равновѣсіе и всему

---

[1]) «Мы не находимъ другихъ причинъ, для чего продолжающіяся толь чувствительныя обиды подданнымъ и границамъ нашимъ оставались столько лѣтъ безъ исправленія, кромѣ тѣхъ, которыя происходили отъ сопряженія дѣлъ политической системы нашей имперіи съ другими посторонними державами, между которыми находился бывшій король польскій, яко курфирстъ саксонскій. Какъ видно, наша политика тогда принуждена была раздѣлиться на два правила: между нашихъ собственныхъ и безпосредственныхъ дѣлъ съ польскою республикою и между особливыхъ интересовъ короля польскаго, соединяющаго въ своей персонѣ курфирста саксонскаго, относительныхъ до Польши и до его собственныхъ земель, которыя составили знатную часть той системы, и для того нужно было въ предпочтеніе имъ снисходить къ дѣламъ польскаго короля и ихъ подкрѣплять, свои же собственныя откладывать»; такой опытъ научаетъ насъ, по словамъ наставленія, что «когда Польша меньше имѣетъ привязаннаго къ себѣ посторонняго интереса, тогда Россія можетъ свободнѣе свои въ ней (интересы) производить въ дѣйство»—*Сборникъ*, т. LI, 93—94. Въ переговорахъ съ англійскими посланниками Панинъ говорилъ такъ же, что въ прежнихъ договорахъ между Россіей и Англіей въ пользу послѣдней сдѣланы были многочисленныя уступки вслѣдствіе того, что тогда Англія была въ союзѣ съ Австріей, а въ Россіи тогда считали нужнымъ Австріи во всемъ уступать; онъ говорилъ, что теперь подобными соображеніями Россія руководствоваться не будетъ—*Сборникъ*. т. XII, 143—144, 416.

[2]) *Сборникъ*, т. LVII, 151, 162.

настоящую цѣну». Въ Петербургѣ понимали, что вѣнскій дворъ «не можетъ намъ простить, что система наша выведена изъ зависимости, въ которой онъ ее содержать обыкъ», видѣли и стремленіе Франціи «уничтожить Россію въ ея новой и никогда не бывалой политической системѣ, въ независимости отъ постороннихъ ей интересовъ, и обратить ее въ прежнее неопредѣленное политическое положеніе, быть по временамъ наравнѣ съ другими втораго класса державами» и старались всемѣрно поддержать свое дѣло въ Польшѣ противъ французскихъ интригъ, чтобы Франція не могла показать свѣту, будто «первое одною Россіею безпосредственно сооруженное дѣло не могло быть прочно и не могло устоять противъ ея коварства за недостаткомъ внутреннихъ силъ Россіи» [1]). Въ инструкціи князю М. Н. Волконскому, назначенному въ 1769 г. посломъ въ Варшаву, Панинъ совершенно ясно высказывается, что цѣль всей русской политики за послѣдніе годы состояла именно въ томъ, чтобы вести свои внѣшнія дѣла совершенно самостоятельно, направлять ихъ главнымъ образомъ въ интересахъ Россіи и съ чувствомъ удовлетворенія указываетъ, что благодаря этой политикѣ международное положеніе Россіи существенно улучшилось [2]). Панинъ не разъ говорилъ, что выступать только вслѣдъ за своими союзниками есть удѣлъ державъ второстепенныхъ; онъ сознавался, что недавно еще Россія, даже «при всѣхъ своихъ успѣхахъ въ прусской войнѣ», играла именно только второстепенную роль; но скоро, по его словамъ, «свѣтъ увидалъ съ удивленіемъ, что здѣшній дворъ началъ играть въ общихъ дѣлахъ роль, равную роли главныхъ державъ, а на сѣверѣ—и первенствующую» [3]); черезъ 10 лѣтъ послѣ воцаренія Екатерины гр. Панинъ съ удовольствіемъ отмѣчалъ, какихъ крупныхъ успѣховъ достигла Россія во внѣшней политикѣ, порвавши прежнюю, 35-ти лѣтнюю связь свою съ Австріей [4]).

[1]) *Сборникъ*, т. LI, 317, 430; т. LXXXVII, 394—395, 516 и др.

[2]) *Сборникъ*, т. LXXXVII, 395.

[3]) *Соловьевъ*, Исторія Россіи, книга VI, 964; *Сборникъ*, т. LXXXVII, 359, 462. И дѣйствительно, именно таковымъ вліяніе Россіи на сѣверѣ признавалъ съ неудовольствіемъ кн. Кауницъ въ 1770 г.—см. *Beer*, Die erste Theilung Polens, I, 307.

[4]) *Сборникъ*, т. LXXII, 59.

На основанiи всего вышеприведеннаго мы можемъ, кажется съ полнымъ основанiемъ сказать, что русское правительство постоянно и сознательно стремилось къ самостоятельности во внѣшней политикѣ.—Что же ставило оно себѣ цѣлью этой своей политики?

Въ перепискѣ своей съ представителями Россiи заграницей петербургское министерство постоянно высказываетъ совершенно прямо, что «всѣ предпринимаемыя мѣры имѣютъ единственно въ виду пользу интересовъ нашихъ» [1]). Русскому кандидату на польскiй тронъ графъ Кейзерлингъ и князь Репнинъ должны были внушать, что за оказываемую ему поддержку, за хлопоты и расходы русскаго правительства «требуетъ самая его честность и благодарность, чтобъ онъ наши справедливые интересы и притязанiя взялъ искренно на сердце и насъ бы теперь точно обнадежилъ, что онъ по возвышенiи на престолъ стараться будетъ, дабы всѣ между нами и Польшею пограничныя дѣла по справедливости и къ нашему совершенному удовольствiю окончились, какъ и во все время своего государствованiя интересы нашей имперiи собственными своими почитать, ихъ остерегать и имъ всѣми силами по возможности поспѣшествовать будетъ, нелицемѣрною и непремѣнною сохранить къ намъ преданность и во всякомъ случаѣ наши справедливыя намѣренiя подкрѣплять не отречется» [2]). Черезъ шесть лѣтъ, въ инструкцiи князю М. Н. Волконскому, который ѣхалъ въ Варшаву на смѣну Репнина, повторено, что при возведенiи Станислава Понятовскаго на престолъ имѣлось въ виду «способомъ и содѣйствiемъ его... пользоваться для устроенiя нашихъ съ Польшею многообразныхъ дѣлъ» [3])—а русское правительство требовало отъ Польши исправленiя границъ, выдачи бѣглыхъ, удовлетворенiя наслѣдниковъ лицъ, умершихъ въ Польшѣ, возстановленiя диссидентовъ въ ихъ правахъ. Выгоды Россiи постоянно имѣли въ виду и постоянно ихъ преслѣдовали въ внѣшней политикѣ Екатерина и ея ближайшiй помощникъ, Н. И. Панинъ—и въ вопросахъ и объ

---

[1]) *Сборникъ*, т. XLVIII, 304.
[2]) *Сборникъ*, т. LI, 96—97.
[3]) *Сборникъ*, т. LXXXVII, 373.

отношеніяхъ къ Курляндіи и объ отношеніяхъ къ Швеціи, и въ замѣнѣ союза австрійскаго прусскимъ, и въ проектѣ сѣверной системы, и въ дѣлѣ диссидентовъ. Въ этомъ послѣднемъ руководители русской политики были очень далеки какъ отъ цѣли защищать православіе въ его угнетенномъ положеніи, такъ и отъ цѣли доставить торжество принципу вѣротерпимости: они имѣли въ виду составить себѣ въ Польшѣ партію изъ людей, всѣмъ обязанныхъ русской поддержкѣ, и ихъ вліяніемъ, ихъ голосами всегда, когда только это понадобится, направлять силы Польши сообразно съ видами Россіи [1]). Что Екатерина и Панинъ руководствовались заботами о дѣйствительныхъ, прямыхъ выгодахъ Россіи, а не преслѣдовали какія-то отвлеченныя идеи—это доказывается тѣмъ, что русскимъ представителямъ заграницей очень часто предписывалось объяснять дѣйствія Россіи совершенно не тѣми побужденіями и цѣлями, какими руководствовалось русское правительство и какія были сообщаемы въ наставленіяхъ, предназначенныхъ только для посланниковъ. Предъ иностранными правительствами Панинъ объяснялъ свои дѣйствія обязанностью для Россіи соблюдать трактаты, которыми она гарантировала неприкосновенность польскаго и шведскаго государственнаго устройства, стремленіемъ защитить прекрасныя черты вольности, такъ ярко выраженныя въ польскомъ устройствѣ, желаніемъ противодѣйствовать фа-

[1]) Во всей своей дипломатической перепискѣ Панинъ разсматриваетъ вопросъ о диссидентахъ исключительно съ политической точки зрѣнія; всего лучше это можно видѣть въ депешѣ его Репнину отъ 14-го августа 1767 г. «Главное правило, говоритъ тутъ Панинъ, которое какъ сначала было, такъ и теперь есть, да и впредь должно быть непремѣннымъ руководствомъ всѣхъ нашихъ намѣреній и подвиговъ—чтобы совершить диссидентское дѣло не для распространенія въ Польшѣ нашей и протестантской вѣръ, но для пріобрѣтенія себѣ онымъ черезъ посредство нашихъ единовѣрныхъ и протестантовъ единожды навсегда твердой и надежной партіи, съ законнымъ правомъ участвовать во всѣхъ польскихъ дѣлахъ», при чемъ по мысли Панина диссиденты всегда, какъ слабѣйшая часть, должны получать поддержку именно отъ Россіи. Панинъ не скрываетъ, что онъ находитъ опаснымъ излишнее распространеніе правъ диссидентовъ и достиженіе для нихъ слишкомъ многихъ правъ и выгодъ, такъ чтобы они не нуждались болѣе въ помощи Россіи и могли бы своими собственными силами совершенно хорошо устраиваться, потому что это повлекло бы непремѣнно значительное усиленіе побѣговъ въ Польшу.—*Сборникъ*, т. LXVII, 409—410.

натизму католическаго духовенства, позорящему тотъ просвѣщенный вѣкъ и т. д.; въ Петербургѣ онъ говорилъ посламъ— и иногда, кажется, успѣвалъ ихъ въ этомъ увѣрить,—что Россія хочетъ усилиться главнымъ образомъ для того, чтобъ быть полезною своимъ друзьямъ, и что прославиться она хочетъ только тою пользою, какую она принесетъ имъ [1]) и т. д. Но съ тѣми же курьерами, которые везли подобныя инструкціи для объявленія ихъ въ слухъ, изъ Петербурга секретными наставленіями разъясняли посламъ, что истинныя цѣли русскаго правительства—добиться вотъ того-то и того-то, прямо выгоднаго для Россіи. Среди дипломатовъ XVIII вѣка, постоянно прибѣгавшихъ къ коварству и обманамъ довольно безцеремоннымъ, дипломаты русскіе вовсе не были такими простодушными, или даже прямо простаками, какими ихъ иногда представляютъ, принимая то, что они говорили предъ иностранными дипломатами, за выраженіе ихъ дѣйствительныхъ плановъ и взглядовъ и изображая взаимныя отношенія Россіи и ея союзниковъ такъ, что послѣдніе всегда успѣвали обмануть русскихъ и взвалить на нихъ все самое неблаговидное и самое трудное, что было въ общихъ ихъ дѣйствіяхъ съ русскими дипломатами, такъ что выходитъ, будто Россія постоянно дѣлала множество неблаговидныхъ поступковъ и совершенно безъ пользы для себя; но если приходится въ исторіи русской политики имѣть дѣло и съ неблаговидными интригами, то надо всетаки признать, что слава Богу, не всегда соперники Россіи въ этихъ интригахъ успѣвали ее обмануть и провести. Русскіе дипломаты хитрили не менѣе всѣхъ другихъ, съ которыми приходилось имъ вести дѣло и дѣйствовали по крайней мѣрѣ при Екатеринѣ вполнѣ самостоятельно. Не станемъ вдаваться въ разсужденія о нравственномъ достоинствѣ такихъ пріемовъ; можно смѣло утверждать, что различіе министеріальной и частной переписки берлинскаго кабинета съ его представителями ни въ какомъ случаѣ не меньше, чѣмъ различіе въ русской перепискѣ; примѣровъ же вѣроломства по отношенію къ своимъ союзникамъ, конечно, мы

---

[1]) *Сборникъ*, т. XLVI, 718; т. XXII, 471—донесенія Сольмса: «Панинъ ничего не ищетъ, ничѣмъ другимъ прославиться не хочетъ, какъ только пользою, которую онъ можетъ принести своимъ друзьямъ».

никогда не найдемъ въ исторіи русской дипломатіи въ такомъ количествѣ, какъ въ исторіи дипломатіи прусской, австрійской, старой французской, не говоря уже объ англійской. Французское министерство въ то время, когда Франція была въ союзѣ съ Россіей, старалось вредить этой самой своей союзницѣ, а также состоя въ союзѣ съ Австріей очень ревниво относилось къ ея вліянію въ Петербургѣ и стремилось ослабить это вліяніе; состоя, повидимому, въ союзѣ съ Польшею, правительство Людовика XV въ сущности старалось болѣе вредить Польшѣ, чѣмъ ей помогать; австрійскій представитель въ Константинополѣ, когда увидѣлъ, что русское правительство не возобновляетъ прежнихъ отношеній къ вѣнскому, сообщилъ Портѣ, черезъ кого Обрѣзковъ получаетъ разныя секретныя свѣдѣнія и кто вообще съ нимъ въ тайныхъ сношеніяхъ, о чемъ ему самому было извѣстно по прежнимъ отношеніямъ Россіи и Австріи [1]); далѣе намъ придется разсказывать, какъ Кауницъ, только что заключивши союзъ съ Турціей, взявши отъ нея деньги, предлагалъ русскому послу сдѣлать сообща кое какія пріобрѣтенія, пріобрѣтенія на счетъ именно Турціи; вся политика Фридриха II есть рядъ обмановъ безцеремонныхъ до крайней степени. Мы не можемъ здѣсь съ достаточною полнотою говорить о «политическихъ нравахъ и традиціяхъ» старой Европы; интересующіеся этимъ найдутъ прекрасное изложеніе и ужасные факты въ замѣчательной книгѣ Сореля «Европа и французская революція». Признáемъ за дипломатами XVIII вѣка, а въ числѣ ихъ неизбѣжно и за русскими, право дѣйствовать тѣмъ оруженіемъ, которымъ они всѣ были вооружены; равенство оружія — принципъ правильной борьбы; по меньшей мѣрѣ равнымъ, если ужъ не сильнѣйшимъ, оружіемъ долженъ вооружить себя тотъ, кто защищаетъ не себя только, а и другихъ; было бы преступно, если бы тѣ, кому ввѣрено было соблюдать интересы милліоновъ простыхъ русскихъ людей отъ многихъ, почти постоянно безцеремонныхъ постороннихъ притязаній, если бы тѣ не позаботились быть съ оружіемъ по меньшей мѣрѣ равнымъ тому, съ какимъ на нихъ нападали. Дипломаты екатерининскаго времени не совершили

[1]) *Сборникъ*, т. LVII, 272—273; *Rambaud*, Recueil, IX, 206, 212, 213.

этого преступленія; хитростямъ они противоставляли хитрости, тайные ковы разстраивали интригами, гдѣ было можно—дѣйствовали подкупами; своекорыстной политикѣ своихъ соперниковъ, а также своихъ союзниковъ, они противоставляли столь же исключительное преслѣдованіе только выгодъ Россіи. Постоянная и преимущественная забота о выгодахъ Россіи составляетъ характерную черту правленія Екатерины почти во все его продолженіе. Въ первые дни своего царствованія она сказала: «Мы хотимъ быть достойны любви нашего народа, для котораго признаваемъ себя быть возведенными на престолъ» [1]), она неоднократно выражала признаніе за собою обязанностей заботиться прежде всего о выгодахъ Россіи и въ манифестахъ и въ разговорахъ съ иностранными послами; подобныя же идеи внушалъ и Панинъ свому воспитаннику, наслѣднику престола [2]). Если не всегда эти выгоды были вѣрно поняты, если иногда даже и отъ понятаго были допущены нѣкоторыя уклоненія—много значило уже и то, что снова, какъ было при Петрѣ Великомъ, былъ громко заявляемъ такой принципъ, на мѣсто, конечно, болѣе соблазнительнаго: «L'état—c'est moi!».

IV.

Такимъ образомъ изъ дипломатической переписки Панина мы видимъ, что и онъ и императрица желали вести политику совершенно самостоятельную и преслѣдовать главнымъ образомъ интересы Россіи. Такой выводъ обязываетъ насъ подробно разсмотрѣть вопросъ о вліяніи въ Петербургѣ прусскаго короля Фридриха II, потому что очень многіе изслѣдователи признаютъ за несомнѣнное, что онъ пользовался въ Петербургѣ большимъ вліяніемъ; разрѣшеніе же этого вопроса тѣсно связано съ во-

---

[1]) Въ манифестѣ 6-го іюля 1762 г.—«*Восемнадцатый вѣкъ*», IV, 222.

[2]) Въ запискѣ, поданной имъ въ 1760 г. о воспитаніи великаго князя, высказывается между прочимъ мысль, которую часто повторяла впослѣдствіи и Екатерина: «добрый государь не имѣетъ и не можетъ имѣть ни истиннаго интереса, ниже истинныя славы раздѣленными отъ пользы и благосостоянія ему Божескимъ произволеніемъ ввѣренныхъ народовъ»—*Русская Старина*, 1882, т. XXXVI, 314. Какъ ни проста и естественна, повидимому, эта м[illegible] но извѣстно, что нерѣдко ее забывали. Очень интересное замѣчаніе [illegible] въ письмѣ Екатерины къ Миниху.

просомъ, насколько вообще заслуживаетъ довѣрія свидѣтельства оставленныя самимъ Фридрихомъ, потому что въ значительной степени на основанiи его разсказовъ представляли до сихъ поръ значенiе его въ Петербургѣ. Наше разсмотрѣнiе общаго характера разсказовъ прусскаго короля о его совмѣстныхъ дѣйствiяхъ съ Россiей будетъ нѣсколько длинно, но насъ оправдываетъ то обстоятельство, что свидѣтельства Фридриха до сихъ поръ служили однимъ изъ главныхъ основанiй для сужденiй о политикѣ Екатерины и Панина; поэтому мы, поставляя ихъ далеко не на первое мѣсто, и считаемъ себя обязанными обосновать такое свое отношенiе къ нимъ.

Наиболѣе рѣшительно приписываетъ Фридриху II сильное влiянiе въ Петербургѣ Смитъ. «Каждый разъ, говоритъ онъ, когда нужно было дать толчекъ какому либо дѣлу, начать что нибудь—дѣлалъ это именно Фридрихъ, потому что онъ видѣлъ далѣе чѣмъ другiе и болѣе всѣхъ былъ способенъ убѣждать другихъ въ вѣрности своихъ взглядовъ»; «конечно Россiя вела дѣло диссидентовъ съ наибольшею энергiею,—какъ она дѣлаетъ все, за что принимается,—но заставилъ ее вмѣшаться въ это дѣло Фридрихъ, который затѣмъ, видя, что императрица до такой степени запуталась въ разныхъ трудностяхъ, какiя ей встрѣтились, что уже не можетъ отступить, мало по малу удалился отъ участiя въ этомъ дѣлѣ и потиралъ въ сторонѣ отъ удовольствiя руки»; по взгляду Смита «дипломатическiе акты, касающiеся всѣхъ дѣлъ за то время, носятъ ясные слѣды преобладающаго влiянiя Фридриха въ Петербургѣ» [1]). Курдъ-фонъ-Шлецеръ, совершенно расходясь со Смитомъ во многихъ частностяхъ, также находитъ, что «одно слово Фридриха часто являлось въ Петербургѣ рѣшающимъ въ самыхъ трудныхъ дѣлахъ; охотно выслушивали взглядъ и мнѣнiя государя, который въ глазахъ всей Европы былъ одинаково великъ и какъ политикъ и какъ воинъ» [2]). Не въ такихъ рѣшительныхъ выраженiяхъ, но также признаютъ чрезвычайно сильнымъ влiянiемъ Фридриха въ

---

[1]) *Frédéric Smitt*, «Frédéric II, Catherine et le partage de la Pologne», Paris, 1861, 86, 116; supplément, 23.

[2]) *Kurd von Schlözer*, «Friedrich der Grosse und Katharina II», Berlin, 1859, 166—167.

Петербургѣ и Соловьевъ, и Костомаровъ, отчасти и Сорель [1]). Соотвѣтственно такому общему взгляду на вліяніе Фридриха въ Петербургѣ объясняются и всѣ общія тогда у Россіи и Пруссіи дѣла.

Но такой взглядъ вовсе нельзя считать окончательно доказаннымъ; другіе изслѣдователи не находили, чтобы Фридрихъ имѣлъ на русское правительство такое сильное вліяніе. Такъ у Ранке встрѣчаемъ выраженія, которыя свидѣтельствуютъ, что по мнѣнію этого ученаго Фридрихъ неохотно, поневолѣ уступалъ русскимъ требованіямъ какъ разъ въ тѣхъ случаяхъ, которые другими изслѣдователями были толкуемы, какъ доказательство его вліянія въ Петербургѣ [2]); новѣйшій историкъ Пруссіи Рейманъ тоже замѣчаетъ что Панинъ неохотно смотрѣлъ, когда Фридрихъ предпринималъ что либо по собственному усмотрѣнію въ тѣхъ дѣлахъ, которыя были у него общими съ Россіей [3]); такого же приблизительно взгляда держатся Максъ Дункеръ, Беръ, историкъ перваго польскаго раздѣла, и Ашкенази, посвятившій спеціальное изслѣдованіе избранію въ короли Станислава Понятовскаго [4]). Мы не считаемъ нужнымъ указывать, какъ смотрѣли на этотъ вопросъ если не всѣ, но хотя бы даже большинство ученыхъ, которые касались его: существованіе мнѣній прямо противуположныхъ доказываетъ, что вопросъ этотъ не былъ никѣмъ еще съ достаточною полнотою изслѣдованъ; замѣтимъ также, что, въ то время, какъ учеными-послѣдователями перваго взгляда изображены съ ихъ точки зрѣнія всѣ русско-прусскія отношенія въ царствованіе Екатерины, сторонники втораго взгляда высказывали его, къ сожалѣнію, всегда какъ бы мимоходомъ, вскользь и не провели его на изученіи длиннаго ряда общихъ у Россіи и Пруссіи дѣлъ. Между тѣмъ мы положительно убѣждены, что именно второе мнѣніе несравненно болѣе чѣмъ

---

[1]) *Соловьевъ* Исторія Россіи, книга V, 1511, 1514; книга VI, 63—64 и др.; *Костомаровъ*, Послѣдніе годы Речи Посполитой, I, 142; *Сорель*, Европа и французская революція I, 32.

[2]) *Ranke*, Sämmtliche Werke, Leipzig, 1888, Bb. 51—52, 388.

[3]) *Reimann*, Neuere Geschichte des preussichen Staates. I. 363.

[4]) *Max Duncker*, Aus der Zeit Friedrichs des [illegible] ·h Wilhelms III, 129—130. *Beer*, Die erste Theilung P [illegible] e-*nazy*, Die letzte polnische Königswahl, 17, 18

первое подходитъ къ истинѣ; для насъ несомнѣно, что Екатерина и Панинъ дѣйствительно были въ своей политикѣ совершенно независимы отъ всякаго вліянія Фридриха. Разсмотрѣніе источниковъ откуда возникло убѣжденіе въ преобладающемъ вліяніи Фридриха въ Петербургѣ разъяснитъ намъ его происхожденіе, а ознакомленіе съ нѣкоторыми документами русской дипломатической переписки докажетъ его полную несостоятельность.

Прежде всѣхъ прямо приписалъ себѣ руководящую роль въ переговорахъ, общихъ у него съ петербургскимъ дворомъ, самъ Фридрихъ II. Въ описаніи однихъ событій онъ говоритъ, что онъ «ухватилъ обстоятельства за волосы и неутомимо переговариваясь и интригуя» довелъ дѣло до желаннаго ему конца; по другому случаю онъ разсказываетъ, что только онъ постоянно предупреждалъ Панина о разныхъ хитростяхъ Кауница и что «безъ внимательнаго присмотра» его, Фридриха, «князь Кауницъ игралъ бы Панинымъ, какъ мячикомъ» [1]); разсказавъ, наконецъ, о переговорахъ своихъ съ Сальдерномъ по поводу сѣверной системы, Фридрихъ въ объясненіе причинъ своего несогласія на этотъ планъ говоритъ, что онъ опасался, между прочимъ, какъ бы Англія, Данія и Саксонія, сдѣлавшись союзниками Россіи, не раздѣлили бы въ значительной степени то вліяніе, которое король надѣялся пріобрѣсти (que le roi espérait de gagner) въ этой странѣ [2]).

На первый взглядъ показанія Фридриха, пожалуй, имѣютъ данныя для того, чтобы имъ вѣрить: они исходятъ отъ современника и участника событій, участника, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ несомнѣнно авторитетнаго. Но если мы разсмотримъ внимательно историческія произведенія прусскаго короля и его переписку, то должны будемъ придти къ убѣжденію, что Фри-

[1]) *Oeuvres*, VI, 12, 142, 165.

[2]) Это, впрочемъ еще довольно скромное замѣчаніе, хотя и то, на основаніи многихъ мѣстъ въ перепискѣ Фридриха, мы сильно сомнѣваемся, чтобы, спокойно разсуждая, онъ даже «надѣялся» на это. Но Смитъ, въ своемъ убѣжденіи что Фридрихъ имѣлъ въ Петербургѣ огромное вліяніе, пересказываетъ это замѣчаніе короля такъ: «Фридрихъ самъ (?) указываетъ намъ причины, по которымъ онъ противился сѣверной системѣ и изъ которыхъ главная была та, что онъ не хотѣлъ раздѣлять съ другими державами своего вліянія въ Петербургѣ» — *Smitt*, 100—т. е. Смитъ считаетъ уже принадлежащимъ королю то вліяніе, которое онъ еще надѣялся пріобрѣсти.

дрихъ II—одинъ изъ самыхъ недостовѣрныхъ свидѣтелей и что никакъ нельзя слѣдовать ему въ изложеніи событій, разъ онъ хоть сколько нибудь принималъ въ нихъ участіе. Какъ только мы станемъ провѣрять показанія Фридриха съ несомнѣнно точными показаніями—тотчасъ же замѣтимъ, что онъ допускалъ очень значительныя неточности, которыя лишь иногда могутъ быть объясняемы тѣмъ, что королю измѣнила память, въ большинствѣ же случаевъ совершенно ясно, почему именно король придалъ ту или другую окраску изложенію событія: почти всѣ допущенныя королемъ неточности служатъ къ тому, что его дѣятельность является хоть немного въ лучшемъ свѣтѣ, чѣмъ по даннымъ точнымъ и несомнѣннымъ; что въ историческихъ своихъ сочиненіяхъ Фридрихъ старался представить свое участіе во многихъ событіяхъ совершенно спокойнымъ, строго обдуманнымъ, представить, что онъ шелъ къ ясно сознанной цѣли и прямо ея и достигъ, между тѣмъ какъ по его же собственнымъ письмамъ, только написаннымъ не много лѣтъ послѣ событій, а параллельно съ ними, нерѣдко совершенно ясно, что при наступленіи и теченіи нѣкоторыхъ обстоятельствъ онъ часто оказывался въ затрудненіи, въ страхѣ, и что результаты, приписанные впослѣдствіи королемъ своему вліянію на событія, явились вслѣдствіе совершенно другихъ причинъ; а есть нѣсколько примѣровъ, что король и сознательно искажалъ истину.

Характерно уже окончаніе предисловія къ «Mémoires depuis la paix de Hubertsbourg jusqu'a la fin du partage de la Pologne», гдѣ король говоритъ: «Je n'ai jamais trompé personne durant ma vie; encore moins tromperai'je la posterité» [1]). Что надо сказать объ историческомъ значеніи свидѣтельствъ такого автора, который чуть ли не черезъ страницу послѣ такого утвержденія говоритъ, что онъ «неутомимо интригуя» довелъ до конца нѣкоторое дѣло—очевидно, что при жизни онъ кого-то по крайней мѣрѣ старался обмануть и потому насъ не должно подкупать его обѣщаніе, что онъ насъ не будетъ обманывать, какъ не обманывалъ никого и при жизни. Нѣкоторыя сопоставленія показаній Фридриха съ несомнѣнно точными данными

---

[1]) *Oeuvres* de Frédéric le Grand, 1847, VI, 8.

еще болѣе утвердятъ насъ въ осторожномъ отношеніи ко многимъ показаніямъ прусскаго короля.

Фридрихъ говоритъ совершенно точно и утвердительно [1]), что о необходимости посадить на польскій престолъ Пяста заговорили въ Петербургѣ и Берлинѣ лишь послѣ смерти Августа III и его старшаго сына (умеръ въ декабрѣ 1763 г.); онъ неоднократно утверждаетъ [2]), что война была начата Турціей совершенно неожиданно для Россіи; онъ говоритъ, что онъ именно возбудилъ въ Польшѣ диссидентское дѣло, внушилъ въ Петербургѣ, что нельзя допускать перемѣнъ въ польскомъ устройствѣ [3]) и т. п.—съ документами въ рукахъ можно доказать, что всѣ эти показанія ошибочны. Фридрихъ говоритъ, между прочимъ, что когда онъ переслалъ въ Петербургъ такъ называемый проектъ Линара, въ Петербургѣ были такъ упоены своими побѣдами надъ турками, что на проектъ не обратили никакого вниманія [4]). Кажется, не стоило-бы провѣрять, правду ли говоритъ человѣкъ, когда указываетъ такъ положительно хронологическую дату довольно памятнаго событія. Но Фридриху было желательно представить свое вліяніе въ Петербургѣ очень сильнымъ, выставить дѣло такъ, что онъ успѣлъ достичь своей цѣли даже и въ такой моментъ опьяненія русскихъ отъ своихъ побѣдъ—и вотъ онъ вставляетъ такое утвержденіе, нимало не стѣсняясь тѣмъ, что проектъ Линара былъ доставленъ королемъ въ *Петербургъ въ самомъ началѣ 1769 г.*—что несомнѣнно по препроводительнымъ письмамъ его къ Сольмсу [5]) — но *военныя дѣйствія въ то время еще и не начинались*, что же касается *рѣшительныхъ успѣховъ*, то они достигнуты были *только лѣтомъ 1770 г.*! Между тѣмъ, такое рѣшительное утвержденіе многіе ученые считали возможнымъ принять за вѣрное, не находя нужнымъ его провѣрить [6]), что, какъ оказывается, не лишнее. Очевидно

[1]) *Oeuvres*, VI, 12.
[2]) Тамъ же, 22 и того же изданія т. XXVI, 312.
[3]) *Oeuvres*. VI, 14 и т. д.
[4]) *Oeuvres*, VI, 27.
[5]) *Сборникъ*, т. XXXVII. 205.
[6]) *Smitt*, Frédéric II, 6; повѣрилъ показанію Фридриха и Соловьевъ—книга VI, 688.

недостовѣрное утвержденіе предлагаетъ намъ король, говоря въ самомъ же началѣ своей исторіи, что въ то время, какъ всѣ участники Семилѣтней войны вышли изъ борьбы совершенно истощенными, Пруссія одна имѣла совершенно достаточный запасъ денегъ,—въ опровერженіе этого нѣтъ даже надобности приводить доказательства, они во множествѣ разсыпаны въ письмахъ самого короля! Выше мы видѣли, какъ объяснялъ Фридрихъ свой отказъ Сальдерну приступить къ сѣверной системѣ; то было показаніе, данное черезъ много лѣтъ послѣ; въ письмахъ же современныхъ или почти современныхъ этой бесѣдѣ, въ письмахъ къ своимъ ближайшимъ сотрудникамъ, Фридрихъ высказывалъ опасеніе, что какъ бы русскіе не стали и въ Германіи играть такую же роль, какую они играли въ Польшѣ (!), заявлялъ, что согласенъ вполнѣ быть союзникомъ Россіи, но не желаетъ быть ея рабомъ — замѣтимъ еще, что это были интимныя письма и вовсе не предназначенныя служить для какихъ бы то ни-было дипломатическихъ воздѣйствій [1]), слѣдовательно они вѣрно выражали истинные взгляды короля. Очень рельефный образчикъ того, какъ различно встрѣчалъ Фридрихъ то или другое событіе и какъ онъ изображалъ его послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, когда стали видны его результаты и когда, слѣдовательно, можно уже было очень авторитетнымъ тономъ приписывать ихъ себѣ, представляютъ отзывы его по поводу смерти короля польскаго Августа III. Вотъ что писалъ Фридрихъ брату своему принцу Генриху черезъ три дня послѣ этого событія: «Voila le roi de Pologne, qui s'est laissé mourir comme un sot; je vous avoue, que je n'aime pas les gens, qui font tont à contre temps» [2]) и вотъ какъ говоритъ онъ о томъ же въ «Mémoires depuis la paix de Hubertsbourg»: «il fallait un événement inattendu pour terminer et résoudre cette crise; il arriva à point nommé: Auguste III, roi de Pologne, mourut à Dresde le 5 octobre de la même année» [3]).

Въ слѣдующихъ примѣрахъ несомнѣнно прямое и сознательное уклоненіе Фридриха II отъ истины. Въ перепискѣ своей съ

---

[1]) *Oeuvres*, VI, 24, XXVI, 330; *Сборникъ*, т. XXXVII, 32, 553 и др.

[2]) *Oeuvres*, XXVI, 288.

[3]) *Oeuvres*. VI, 12.

Сольмсомъ за время русско-турецкой войны видное мѣсто играютъ вооруженія Австріи; Фридрихъ постоянно придаетъ имъ большое значеніе; довѣряя ему и многіе писавшіе объ этомъ времени въ серьезъ говорятъ о его опасеніяхъ нарушенія мира Австріей и отъ нихъ ведутъ объясненіе многихъ его поступковъ. Но надо было бы обратить вниманіе на письмо его къ Генриху: «à vous dire la verité, je les ne crois pas bien considerables, mais je les fait valoir à Pétersbourg», — черезъ годъ же къ тому же принцу Генриху король писалъ, что если состоится его конвенція съ Россіей, то тогда онъ не будетъ ни мало безпокоиться по поводу вооруженій Австріи [1]). Наконецъ, остановимся еще на двухъ документахъ въ переписке прусскаго короля. При письмѣ своемъ къ императрицѣ Екатеринѣ отъ 7 октября н. ст. 1763 г. Фридрихъ препроводилъ, по его словамъ, «копію» съ письма къ нему курфирстины саксонской Маріи Антоніи. Вотъ что читается въ этой «копіи»: «Sire, Votre Majésté m'a donné tant d'assurances de ses bontés et de son amitié, que voici le moment de m'en temoigner. Le roi est mort» и т. д. [2]) — и вотъ что стояло въ оригиналѣ, съ котораго яко бы *копію* посылалъ король: «Sire, Votre Majesté m'a donné tant d'assurances de ses bontés et de son amitié, que *je viens de l'informer de sa promesse. Elle nous a assuré de plus qu'elle contribuérait avec plaisir à nous procurer la Pologne. Voici le moment accomplir sa promesse.* Le roi est mort» [3]) и т. д.—напечатанное курсивомъ выпущено королемъ и выпущена такимъ образомъ фраза очень существенная для Фридриха, въ виду тогдашнихъ его переговоровъ съ Петербургомъ. Совершенно такое же отступленіе отъ обязательной точности въ передачѣ чужихъ словъ допустилъ Фридрихъ еще и тогда, когда писалъ въ Петербугъ, что кн. Кауницъ сказалъ ему, что переходъ русскихъ черезъ Дунай Австрія сочтетъ за casus belli, тогда какъ Кауницъ сказалъ какъ разъ наоборотъ,—что этого еще Австрія *не сочтетъ* за casus belli [4])—

---

[1]) *Oeuvres*, XXVI, 320, 351.
[2]) *Сборникъ*, т. XX, 175—176.
[3]) *Oeuvres*, XXIV, 47.
[4]) *Соловьевъ*, книга VI, 692.

тутъ, впрочемъ, Фридрихъ хоть не облекъ своего сообщенія въ форму точной копіи съ письменнаго документа!..

Сверхъ всего того несомнѣнно, что Фридрихъ II въ очень сильной степени страдалъ тѣмъ недостаткомъ, которому болѣе или менѣе подвержены всѣ люди, всегда высоко стоявшіе и не привыкшіе видѣть рядомъ съ собою равноправныхъ мнѣній: не встрѣчая возраженій очень часто лишь потому, что по ихъ положенію спорить съ ними неудобно, они мало по малу начинаютъ думать, что на ихъ слова и не существуетъ возраженій и наконецъ начинаютъ считать всѣ свои мнѣнія и домыслы столь же несомнѣными, какъ доказанныя истины; только исключительно высокія качества ума или сердца предохраняютъ отъ такого заблужденія.

Въ самомъ дѣлѣ, не легко было бы указать другаго автора, сочиненія котораго пользуются какимъ либо вниманіемъ, у котораго бы было такъ много положительнѣйшихъ утвержденій прямо противорѣчащихъ другимъ его же положительнѣйшимъ утвержденіямъ, совершенно различныхъ отзывовъ объ однихъ и тѣхъ же предметахъ, наконецъ такого количества всевозможныхъ предсказаній, которыя дѣлались самымъ самоувѣреннымъ тономъ и продолжали дѣлаться, не смотря на то, что они никогда не оправдывались, разъ только касались не такихъ событій, наступленіе которыхъ было совершенно ясно для каждаго. Такъ, совершенно различные взгляды высказываетъ Фридрихъ на одни и тѣ же предложенія Россіи для заключенія мира съ Турціей въ октябрѣ 1770 г. и въ январѣ 1771 г.— хотя обстоятельства вовсе не измѣнились сколько-нибудь существенно—и оба раза король говоритъ такимъ тономъ, какъ будто онъ никогда по этому предмету не думалъ и не высказывался иначе [1]); въ письмахъ Фридриха можно также найдти совершенно противорѣчащіе одинъ другому взгляды на Россію, взгляды, опять таки высказанные тономъ человѣка, который вполнѣ твердо увѣренъ въ томъ, что говоритъ [2]). Что касается предсказаній Фридриха, то въ перепискѣ его съ принцемъ Ген-

---

[1]) *Oeuvres*, XXVI, 327, 344.

[2]) *Ѳеоктистовъ*, Отношенія Россіи къ Пруссіи въ царствованіе Елизаветы Петровны, 65—66, 68—69.

рихомъ и гр. Сольмсомъ за 10 лѣтъ можно насчитать по крайней мѣрѣ 20—30 случаевъ, когда Фридрихъ совершенно увѣренно предсказывалъ тотъ или другой результатъ, совершенно ошибался и нисколько не смущаясь этимъ сейчасъ же дѣлалъ новыя предсказанія. Когда онъ предсказывалъ неизбѣжную войну между Австріей и Россіей или между Англіей и Франціей — продолжался миръ; когда онъ предсказывалъ, что на слѣдующій годъ или Россія и Турція примирятся или вспыхнетъ европейская война—старая война продолжалась и новой не вспыхивало; когда онъ предсказывалъ, что Турцію удастся успокоить и что до войны дѣло не дойдетъ—вспыхнула война; всего за мѣсяцъ до ея начала онъ разсуждалъ еще какъ о чемъ то очень вѣроятномъ, что Турція объявитъ войну не Россіи, а Австріи... [1]).

Положеніе, что Фридрихъ имѣлъ большое вліяніе во всѣхъ дѣлахъ, общихъ у него съ петербургскимъ кабинетомъ, основывается частью и на томъ, что онъ давалъ постоянно множество совѣтовъ, съ которыми иногда и согласуется ходъ дѣлъ. Но если мы разсмотримъ внимательнѣе эти совѣты, то увидимъ, что за ними въ огромномъ большинствѣ случаевъ нельзя признавать сколько нибудь значительнаго вліянія—во-первыхъ, потому, что они нерѣдко касались предметовъ, столь очевидно ясныхъ и понятныхъ, что удивительно является лишь рѣшимость ихъ предлагать, во-вторыхъ же потому, что очень часто они являлись уже совѣтами post factum.

Фридрихъ простиралъ свою любезность до того, что совѣтовалъ въ Петербургѣ не позабыть «о корпусѣ гр. Румянцева», сообщалъ, на случай войны съ Австріей, какія дороги ведутъ въ Австрію черезъ Польшу, совѣтовалъ заготовить на случай войны запасные магазины и даже удивлялся, какъ это въ Петербургѣ какъ то не сразу и не вполнѣ его идеи раздѣляютъ; онъ поджидалъ, что Россія «вышлетъ къ нему генерала для соглашеній объ этомъ предметѣ», и не сомнѣвался, что «если онъ окажется достаточно смышленымъ, то вполнѣ съ нимъ (коро-

---

[1]) *Сборникъ*, т. XXXVII, 24—26, 39, 164, 296, 503, 524, 560—561 и др.; *Oeuvres*, XXVI, 320, 324 и др.

лемъ прусскимъ) согласится» [1])—надо ли говорить, что и безъ этихъ совѣтовъ русскіе «не позабыли бы» своего большаго корпуса и заготовили бы предъ войною магазины; можетъ быть, конечно, не «вполнѣ согласились-бы» съ королемъ относительно плана, но это было бы вполнѣ естественно: съ одной стороны помнили бы Эгерсдорфъ, Кунерсдорфъ, Ларгу, Кагулъ — а съ другой совѣтникъ думалъ, что «les généraux de Catherine ignoraient jusqu'au premiers éléments de la castrométrié et de la tactique»—и рѣшился написать это, говоря объ удивительной кампаніи 1770 г.! [2]). Что касается сообщеній о дорогахъ въ Австрію, то въ этомъ отношеніи положиться на указанія Фридриха было бы прямо непростительно: насколько снисходителенъ былъ къ себѣ прусскій король въ томъ, что касалось географической точности, даетъ любопытное указаніе Ванъ-Свитенъ. Въ бесѣдѣ съ нимъ Фридрихъ сказалъ однажды: «дѣло идетъ не о Крымѣ, а лишь о буджакскихъ татарахъ,— у которыхъ столица Бахчисарай», и на замѣчанія Ванъ-Свитена, что Бахчисарай столица Крыма, отвѣтилъ: «можетъ быть; я, признаюсь, не очень хорошо знаю эту страну» [3]). Этотъ послѣдній случай ярко оттѣняетъ постепенное усиленіе у Фридриха мысли, что онъ никогда не ошибается: раньше, въ своемъ «Réfutation du Prince de Machiavel» онъ писалъ: «les philosophes ont prétendu de faire la carte d' un pays, qu' ils ne connoissent point et qu' ils ne s' etoient point donné la peine de reconnaître; ils ont les noms de quelques villes et de quelques rivières, et ils les ont situées selon qu' il a plus à leur imagination» и т. д.,—нельзя не удивляться, что Дройзенъ приводитъ эту выписку въ доказательство, «какъ тонко различалъ Фридрихъ теорію и практику, свѣтлый міръ идей и задачи дѣятельной (handelndes) жизни» [4])—онъ значитъ, незамѣтилъ, что самъ Фридрихъ въ своей дѣятельности тоже не избѣгъ такихъ ошибочныхъ пріемовъ сужденія.

Что касается случаевъ, когда совѣты Фридриха въ Петер-

---

[1]) *Сборникъ*, т. XXXVII, 523, 526, 536, 549 и др.; т. LXXII, 2, 574 и др.
[2]) *Oeuvres*, VI, 24.
[3]) *Beer*, Friedrich II und Van-Svieten, 3.
[4]) *Droysen*, Geschichte der preussischen Politik, V. 36.

бургъ приходили туда уже послѣ того, какъ тамъ уже рѣшены были соотвѣтственныя мѣры, то здѣсь мы приведемъ только три-четыре указанія, касающіяся существенныхъ пунктовъ общихъ у Россіи и Пруссіи дѣлъ, нѣсколько же другихъ случаевъ отмѣтимъ въ дальнѣйшемъ изложеніи.—Мы упомянули уже, что Фридрихъ себѣ приписывалъ рѣшеніе возвести на престолъ Пяста—но совѣты его правительству Екатерины выбрать Пяста пошли изъ Берлина на другой день послѣ того, какъ въ Петербургѣ на конференціи было уже принято именно такое рѣшеніе [1]. Нѣтъ даже никакого основанія утверждать, что именно Фридрихъ внушилъ эту идею въ Петербургѣ при Петрѣ Ѳеодоровичѣ, когда его вліяніе было, дѣйствительно, преобладающимъ, хотя это условіе и есть въ союзномъ договорѣ его и Петра Ѳеодоровича [2]: еще въ 1727 г. русскіе дипломаты уже заговаривали о томъ, что для Россіи выгоднѣе, чтобы въ Польшѣ былъ королемъ природный полякъ, а не чужестранный принцъ [3]. Въ депешѣ своей отъ 28 октября н. ст. 1766 г., Фридрихъ писалъ Сольмсу: «вы уже получили отъ Бенуа извѣщеніе относительно важности предмета, занимающаго въ настоящее время польскій сеймъ; но такъ какъ я не знаю, не ограничился ли онъ только ссылкою на то, что кн. Репнинъ одновременно доносилъ своему двору, то я разскажу вамъ вкратцѣ, въ чемъ дѣло» и т. д.; въ концѣ же депеши Фридрихъ пишетъ: «поэтому я очень желалъ бы, чтобы русскій дворъ послалъ соотвѣтствующія приказанія Репнину», чтобы остановить дѣло. Но очень обстоятельныя, совершенно достаточныя наставленія именно по этому поводу уже были отправлены Панинымъ Репнину еще 16 октября ст. ст.—т. е. какъ разъ наканунѣ того, как Фридрихъ отправлялъ свою депешу Сольмсу [4], — даже болѣе: въ этой уже депешѣ Панинъ далъ Репнину предписаніе, чтобы, въ случаѣ несогласія сейма на русскія требованія, онъ уничтожилъ бы

[1] 3 февраля ст. ст. 1763 г. въ Петербургѣ, — *Сборникъ*, т. LI, 5 — 8, и 15 февраля н. ст. 1763 г. въ Берлинѣ, *Сборникъ*, XX, 159—160.

[2] Не былъ ратификованъ; обнародованъ Смитомъ—Frédéric II, Catherine et le partage de la Pologne, 157—163.

[3] *Соловьевъ*, книга IV, 1134.

[4] *Сборникъ*, т. XXII, 490—493 и т. LXVII, 174—179.

конфедерацію и тогда сорвалъ бы сеймъ, т. е. тогда уже высказалъ тотъ планъ, о которомъ Фридрихъ заговорилъ лишь черезъ 4 дня, 20 октября (1 ноября н. ст.), когда писалъ въ новой депешѣ: «полагаю, что со мной согласятся въ Петербургѣ, что въ настоящее время, надо настаивать на распущеніи конфедераціи» [1]),—соглашаться было уже нечего, потому что это было уже рѣшено. Фридрихъ такъ бомбардировалъ петербургское министерство своими настойчивыми совѣтами недопускать въ Польшѣ никакихъ перемѣнъ, уже тогда, когда въ Петербургѣ давно рѣшено было ихъ недопускать, что Панинъ наконецъ выразилъ Сольмсу даже неудовольствіе, что могли думать, будто бы Россія желаетъ содѣйствовать увеличенію власти короля польскаго и что онъ, Панинъ, дастъ себя обмануть [2]). Этотъ отвѣтъ Панина получаетъ особое значеніе въ виду сдѣланнаго имъ однажды Сольмсу заявленія: Панинъ сказалъ прусскому послу, что не можетъ отдавать королю отчета въ каждомъ своемъ шагѣ относительно польскихъ дѣлъ, но проситъ на него положиться и твердо вѣрить, что все пойдетъ сообразно ихъ общимъ желаніямъ [3]). Одинъ изъ позднѣйшихъ изслѣдователей тоже пришелъ къ выводу, что Фридрихъ нѣсколько разъ не сразу понималъ дѣйствія Панина, успѣшно имъ направленныя къ общей цѣли [4]); въ дальнѣйшемъ изложеніи намъ придется еще привести не одно неоспоримое доказательство того, какъ далеко отъ образа дѣйствій Россіи стояли дѣйствія Фридриха по своей твердости и послѣдовательности.—Наконецъ, по послѣднему общему дѣлу, по вопросу о диссидентахъ, Фридрихъ только въ іюнѣ 1764 г. поручалъ Сольмсу «разузнать въ Петербургѣ, какимъ образомъ императрица полагаетъ за нихъ вступиться, и не намѣрена ли она выказать имъ свое покровительство, обратившись съ письменною декларацiей къ республикѣ» и затѣмъ выражалъ свое удовольствіе, узнавъ, что императрица намѣрена серьезно вступиться за диссидентовъ [5]); вообще первое упоминаніе дисси-

[1]) *Сборникъ*, т. XXII, 497 и т. LXVII, 179.
[2]) *Сборникъ*. т. XXXVII, 92, 93, 108, 116.
[3]) *Сборникъ*, т. XXXVII, 127.
[4]) *Askenazy*, 72, пр.; 45, 125 и др.
[5]) *Сборникъ*, т. XXXVII, 129, 257, 261.

дентовъ въ перепискѣ Фридриха и Сольмса относится, кажется, къ октябрю 1763 г.; ниже мы увидимъ съ несомнѣнностью, что Россіею уже значительно ранѣе были приняты совершенно опредѣленныя рѣшенія относительно диссидентовъ и даже начаты нѣкоторыя мѣры.

Вообще, намъ кажется, что если бы Фридрихъ оставилъ послѣ себя только свою переписку, а не изложилъ бы впослѣдствіи въ историческихъ своихъ трудахъ, съ указанными, и многими другими неточностями, свои дѣйствія, то вѣроятно производилъ бы впечатлѣніе политика самаго неустойчиваго, самаго нервнаго и никто бы не сомнѣвался, что ему удалось воспользоваться многими моментами въ свою пользу главнымъ образомъ, если не единственно, благодаря крайней неразборчивости въ средствахъ и безцеремонности своего поведенія. Но связное изложеніе событій перомъ ихъ современника и царственнаго ихъ участника представляетъ такой любопытный матеріалъ, такъ легко имъ пользоваться, такъ естественно, повидимому, вѣрить прямымъ и положительнымъ утвержденіямъ ихъ автора, что чуть ли не всѣ историки Фридриха главное вниманіе удѣлили его историческимъ сочиненіямъ и преимущественно ими пользовались. Выходитъ такъ, что о дѣйствіяхъ Фридриха судили въ значительной степени по его же разсказамъ о нихъ; а такъ какъ авторъ, какъ мы видимъ, не считалъ себя обязаннымъ придерживаться въ своихъ разсказахъ истины, то и неудивительно, что политическая дѣятельность его представляется въ видѣ ряда не только успѣховъ, но блестящихъ, эффектныхъ успѣховъ; авторъ рисуетъ много эффектныхъ картинъ, какъ ловко онъ распутывалъ тѣ или другія запутанныя обстоятельства; при провѣркѣ, однако, его разсказовъ съ подлинными документами оказываются не рѣдко сочиненными и обстоятельства и найденный изъ нихъ выходъ. Было бы интереснымъ трудомъ критическое изученіе сочиненій Фридриха— какъ источника для исторіи его времени, не для изученія нравственной личности самого ихъ автора: для этой цѣли они, безспорно, имѣютъ огромное значеніе; произведенія такого рода, какъ оставилъ Фридрихъ, неизбѣжно носятъ очень вѣрный отпечатокъ нравственной личности автора. Есть обширный этюдъ

Теофиля Дроза «Frédéric le Grand et ses écrits» (Bonn, 1867), но это не изслѣдованіе, а сплошной, бездоказательный и безосновательный панегирикъ. Дрозъ восторгается всѣмъ, что написано Фридрихомъ, даже его разсужденіями, что лучше было бы замѣнить недостаточно благозвучное окончаніе неопредѣленнаго наклоненія нѣмецкихъ глаголовъ «en» болѣе благозвучнымъ «ena». Историческія сочиненія Фридриха Дрозъ ставитъ чрезвычайно высоко. Онъ, во-первыхъ, исходитъ изъ соображенія, которое ему представляется безспорнымъ, что исторія, написанная участникомъ событій, особенно вѣрно изображаетъ и самыя событія и ихъ значеніе, хотя очевидно, что ничего не мѣшаетъ очевидцу написать исторію и лживую и плохую; во-вторыхъ, опирается на мнѣніе Іоанна Миллера, который въ 1788 г. отозвался о сочиненіяхъ Фридриха съ величайшею похвалою, сравнивалъ ихъ съ трудами Цезаря и Полибія и думалъ, что потомство будетъ съ такимъ же наслажденіемъ изучать его труды, какъ труды этихъ послѣднихъ; мы знаемъ теперь отлично, что въ этомъ послѣднемъ отношеніи I. Миллеръ ошибся — и конечно, есть полное основаніе думать, что ошибся именно вслѣдствіе невѣрной оцѣнки сочиненій Фридриха. Дрозъ восхищается въ трудахъ Фридриха тою «impartalité sans bornes, qui y regne» и приводитъ въ доказательство самообвиненіе Фридриха по поводу какого то проиграннаго сраженія. Мы выше привели указанія, которыя, намъ кажется, даютъ болѣе основаній заключать о правдивости Фридриха, чѣмъ это его самообвиненіе; намъ оно представляется просто желаніемъ короля показать, что хоть онъ и проигралъ сраженіе, за то знаетъ, какъ его надо было выиграть. Дрозъ восхищается, наконецъ, и личнымъ характеромъ Фридриха. Онъ восклицаетъ: «partout, dans l' examen de ses oeuvres, on verra de nouveaux sujets d' admiration et surtout de cette éstime que l' honnête homme accorde à un noble caractère» [1])—указавши выше несомнѣнныя отступленія Фридриха отъ правдивости, замѣтимъ здѣсь, что на качества, какими тутъ восхищается Дрозъ въ Фридрихѣ, и самъ Фридрихъ, кажется, никогда не претендовалъ.—Резюмируя крат

[1]) *Th. Droz*, Frédéric le Grand et ses écrits, 6—7, 1

ное, мы можемъ, кажется, сказать объ историческомъ значеніи сочиненій Фридриха II такъ: «потомство должно такъ же полагаться на его слова, какъ могли полагаться его современники: онъ одинаково правдивъ предъ тѣми и другими». Подвергши такимъ образомъ небольшому критическому изслѣдованію писанія Фридриха II мы должны придти къ заключенію, что какъ историческій свидѣтель, и даже какъ историческій писатель, Фридрихъ II не долженъ быть поставляемъ особенно высоко. Мы, впрочемъ, далеки отъ того, чтобы, хотя отчасти доказавши преувеличенное значеніе его какъ писателя, считать доказаннымъ и преувеличенное значеніе его какъ историческаго дѣятеля; правильная оцѣнка его съ этой стороны требуетъ конечно, еще болѣе тщательнаго изученія, чѣмъ оцѣнка его какъ писателя.

Наконецъ, даже помимо вопроса о достоинствѣ показаній Фридриха, не очевидно ли, что утвержденіе одного лица, будто онъ пользовался большимъ вліяніемъ надъ кѣмъ-либо и руководилъ его дѣятельностью, есть одно изъ самыхъ слабыхъ доказательствъ подобнаго вліянія?—Въ виду всего этого мы считаемъ необходимымъ признать, что утвержденія Фридриха, будто онъ имѣлъ большое вліяніе въ Петербургѣ, вовсе не могутъ имѣть рѣшающаго значенія.

Но въ подверждение словъ Фридриха указываютъ на слова другаго современника и близкаго участника событій, гр. Мерси; онъ въ своихъ донесеніяхъ, въ теченіе всего 1763 г., постоянно сообщаетъ въ Вѣну, что въ Петербургѣ совершенно увлечены прусскимъ королемъ, что вліяніе его тамъ безусловно преобладаетъ и т. д. [1]). Но вотъ что говоритъ по этому же поводу тоже современникъ, стоявшій совершенно въ такомъ же отношеніи къ петербургскому кабинету и къ Пруссіи, англійскій посолъ Макартней: въ 1766 г. онъ досадуетъ, что Россія «относится презрительно къ прочимъ дворамъ» и какъ первое доказательство самовластія, какое позволяетъ себѣ русскій дворъ въ сношеніяхъ съ другими державами, указываетъ его поведеніе относительно короля прусскаго: Россія, пишетъ онъ, «принудила его ратификовать статью относительно Турціи, хотя всѣмъ

[1]) *Сборникъ*, т. XLVI, 643, 644, 647, 682, 687 и др.

извѣстно, что это было совершенно несогласно съ его желаніемъ и противорѣчило его интересамъ» [1]). Разъ по вопросу такого рода, какъ насъ теперь занимающій, существуютъ такія діаметрально противоположныя показанія, показанія эти, очевидно, теряютъ цѣну: ими доказывать или опровергать что-либо невозможно. Въ приведенномъ нами случаѣ съ особенною ясностью видно, какъ подъ вліяніемъ неудачъ участники переговоровъ начинаютъ—и быть можетъ вполнѣ искренно—видѣть нѣкоторые факты въ совершенно невѣрномъ свѣтѣ и въ то же время рѣшительно и чрезвычайно авторитетнымъ тономъ указываютъ объясненія ихъ, разумѣется, въ большинствѣ случаевъ ошибочныя. Графу Мерси не удавались переговоры, Россія была въ мирѣ съ врагомъ Австріи,—очевидно, заключаетъ онъ, Россія подчиняется вліянію этого врага; серу Макартнею неудавались переговоры, Россія требовала, чтобы Англія приняла на себя такія же обязательства, какими связана была съ Россіей Пруссія—очевидно, заключаетъ онъ, Пруссію Россія заставила признать эту статью, только для Россіи выгодную. И къ такимъ авторитетнымъ, и въ то же время ошибочнымъ, утвержденіямъ дипломаты прибѣгали тѣмъ легче и тѣмъ охотнѣе, что утвержденія эти, заключая не искаженіе очевиднаго факта, а невѣрное его толкованіе, не легко могли быть съ несомнѣнностью и ясностью опровергнуты [2]).

Наконецъ, прусскій посолъ гр. Сольмсъ, отъ себя замѣчая, что въ Петербургѣ одобреніе его короля «цѣнится безгранично» и что (въ 1771—1772 гг.) въ Петербургѣ господствуетъ «прус-

---

[1]) *Сборникъ*, т. XII, 270—271.

[2]) Приведемъ еще два-три примѣра. Лордъ Букингамъ писалъ въ февралѣ 1763 г.: «Панинъ совершенно въ рукахъ французовъ (!) и составляетъ лишь орудіе въ рукахъ ихъ министра», а въ мартѣ 1764 г.: «по мѣрѣ того, какъ я, сближаясь со здѣшнимъ народомъ, узнаю его политическія мнѣнія и симпатіи, для меня становится очевиднымъ, что окончательное вліяніе надъ Россіей будетъ принадлежать австрійскому (!) двору»—*Сборникъ* т. XII, 80, 161. Любопытно, что въ 1772 г., потерпѣвъ неудачу въ попыткахъ получить Данцигъ, Фридрихъ съ полною увѣренностью приписывалъ это вліянію Англіи—*Сборникъ*, т. XXXVII, 608;—замѣчательное, по истинѣ, положеніе: противъ Австріи Россія дѣйствуетъ вполнѣ подъ вліяніемъ Пруссіи, противъ Пруссіи—подъ вліяніемъ Англіи, противъ Англіи—подъ вліяніемъ своихъ успѣховъ надъ Пруссіей и т. д. до безконечности!

ская эра» [1]), передаетъ и нѣсколько заявленій Панина, что онъ чрезвычайно преданъ его прусскому величеству, что онъ готовъ ему во всемъ слѣдовать, сочтетъ себя счастливымъ, если удостоится его одобренія и ничего больше не желаетъ и т. д.; въ іюлѣ 1764 г. гр. Сольмсъ передаетъ королю «почтительнѣйшую просьбу» Панина «помочь въ данномъ случаѣ императрицѣ»; черезъ годъ онъ пишетъ; «гр. Панинъ былъ въ восторгѣ, узнавъ о милостивомъ воззрѣніи вашего величества на дѣла Польши. Онъ льститъ себя надеждою, что ваша умѣренность и дружба къ русской императрицѣ побудятъ васъ, государь, изыскать средства къ скорѣйшему и совершенному окончанію ихъ съ выгодою для себя и ко всеобщему удовольствію»; далѣе прусскій посолъ такъ передаетъ своему государю слова русскаго министра: «онъ убѣжденъ, что при вашей глубокой проницательности... ваше величество одобрите этотъ планъ и, вслѣдствіе превосходства ума вашего, пожелаете помочь вашими совѣтами и содѣйствіемъ»; «дружба русской императрицы и ея министра», продолжаетъ онъ въ той же депешѣ, «и забота ихъ о поддержаніи вашего величія такъ сильны, что я могу поручиться, что они выдвинутъ всѣ войска имперіи противъ того, кто осмѣлится ополчиться на васъ»; можно привести и еще много подобныхъ выраженій [2]). И мы не имѣемъ никакихъ основаній полагать, чтобы гр. Сольмсъ приписывалъ Панину то, чего онъ не говорилъ; слова такія или имъ подобныя были почти навѣрно сказаны. Но не можетъ быть никакого сомнѣнія,

---

[1]) *Сборникъ*, т. XXXVII, 504—хотя именно въ это время Фридриху не дали Данцига.

[2]) *Сборникъ*, т. XXII, 18: 120, 284, 375, 379, 435, 439 и др., т. XXXVII, 199, 454, 644, т. LXXII, 121 и т. д. Послѣднее увѣреніе гр. Сольмса невольно приводитъ на память инцидентъ 1775 г., происшедшій съ англійскимъ посломъ Гуннингомъ, который тоже убѣдилъ себя и свое министерство, что Екатерина въ своей дружбѣ къ королю англійскому готова дойдти до того, чтобы дать Англіи въ наемъ русскихъ солдатъ для усмиренія сѣверо-американскихъ колоній; но, конечно, англичане испытали самое жестокое разочарованіе, какъ только попытались дѣйствительно получить согласіе Екатерины на такой необычный для Россіи и вообще недостойный поступокъ. Поведеніе императрицы Екатерины въ этомъ случаѣ произвело самое благопріятное впечатлѣніе во Франціи; тамъ оцѣнили, конечно, не только выгодность этого поступка для Франціи, но и благородство государя, который не считалъ возможнымъ продавать своихъ подданныхъ. См. *Сборникъ*, т. XIX, 476—502; *Rambaud*, Recueil, IX. 329—332.

что гр. Сольмсъ придавалъ имъ несравненно больше значенія, чѣмъ они имѣли. Въ самомъ дѣлѣ, что могъ говорить русскій министръ послу чужаго государя объ этомъ самомъ государѣ, какъ не самыя любезныя вещи? а когда этотъ посолъ передавалъ своему государю отзывы о немъ, не очевидно-ли, что самыя обычныя фразы вѣжливости должны были получить видъ особенно лестныхъ и почтительныхъ выраженій. Вся личная переписка Екатерины и Фридриха состоитъ изъ самыхъ преувеличенныхъ похвалъ одного корреспондента другому, изъ самыхъ льстивыхъ комплиментовъ, и если бы можно было сдѣлать заключенія объ истинныхъ чувствахъ ихъ другъ къ другу на основаніи подобныхъ заявленій, то выводъ, что Фридрихъ былъ совершенно преданъ Екатеринѣ, что онъ преклонялся предъ нею, безконечно изумлялся всѣмъ ея дѣйствіямъ и распоряженіямъ—былъ бы ни чуть не менѣе основателенъ, чѣмъ выводъ, что «гр. Панинъ былъ искренній приверженецъ прусскаго союза»[1]). Но по другимъ отзывамъ Фридриха, не предназначеннымъ для того, чтобы быть немедленно доведенными до свѣдѣнія его высокой союзницы, мы знаемъ съ несомнѣнностью, что въ интимной ихъ перепискѣ ихъ истинныя чувства и настоящія мнѣнія выражались менѣе всего. Посмотримъ же, каковы отзывы о Фридрихѣ въ перепискѣ русскихъ руководящихъ дѣятелей того времени, точно также не предназначенной для сообщенія прусскому королю, а тамъ, конечно, мы найдемъ болѣе вѣрное выраженіе ихъ взглядовъ и мнѣній о прусскомъ королѣ и его политикѣ, чѣмъ въ томъ, что они говорили объ этомъ съ представителемъ Пруссіи.

Не будемъ останавливаться на двухъ заявленіяхъ Екатерины принцу де-Линю, что она никогда не прочитала сочиненій Фридриха II далѣе 17-й страницы, потому что нашла въ нихъ одну «отъявленную ложь» [2]) и что въ перепискѣ императрицы съ Гриммомъ, въ которой почти всѣ упоминаемыя лица называются разными вымышленными, навсегда приданными имъ, прозваніями, Фридрихъ носитъ имя Ирода; не будемъ останавливаться и на томъ, что когда Дидро, на вопросъ Екатерины почему онъ не

[1]) *Мартенсъ*, II, 6.

[2]) *Сборникъ*, т. XLII, стр. 98, 185—1790

любитъ Фридриха, отвѣтилъ: «онъ хорошій государь, но дурной человѣкъ и фальшивый монетчикъ», Екатерина улыбнулась и сказала: «да, и на мою долю досталось нѣсколько его фальшивой монеты» [1]); оставимъ, въ сторонѣ и сообщеніе лорда Каскарта, что однажды, въ 1772 году, императрица за обѣдомъ разсуждала на тему, что король прусскій не придерживается въ политикѣ правилъ честности [2]) и слова въ инструкціи одному русскому посланнику, въ 1771 г., что «король прусскій по извѣстнымъ своимъ правиламъ собственные интересы свои предпочитаетъ предъ всякими обязательствами» — [3]) это были уже тѣ годы, когда Екатерина начала, быть можетъ, подумывать о необходимости новой борьбы съ Турціей, для которой союзъ съ Фридрихомъ былъ менѣе важенъ, чѣмъ союзъ съ Австріей, и къ тому же, нѣкоторыя изъ этихъ сообщеній идутъ изъ вторыхъ рукъ; возьмемъ отзывы о Фридрихѣ только за первые годы, когда Россія была съ нимъ въ союзѣ, и по возможности изъ первыхъ рукъ.—Въ концѣ 1762 г. Екатерина писала гр. Кейзерлингу: «не знаю, чего онъ (Фридрихъ) ожидаетъ себѣ отъ такого образа дѣйствій, но признаюсь, что какъ онъ самъ, такъ и его поведеніе претятъ мнѣ ужасно»; въ это же время, отправляя къ вице-канцлеру письмо для Фридриха, Екатерина приложила къ нему такую записочку: «пусть прусскій посолъ передастъ это письмо своему хозяину»; въ декабрѣ того же года она собственноручною запискою поручала заявить англійскому послу, что удивляется неблагодарности прусскаго короля по отношенію къ Англіи; въ январѣ 1763 г. она поручила написать къ послу нашему при Фридрихѣ, что сообщенія, которыя онъ передалъ въ Петербургъ по личному приказанію Фридриха, «есть ложь и только показываютъ охоту короля прусскаго ссорить насъ съ этимъ (саксонскимъ) дворомъ», немного ранѣе совершенно въ такомъ же смыслѣ писали Обрѣзкову въ Константинополь о другихъ сообщеніяхъ, тоже исходившихъ отъ Фридриха [4]). Въ концѣ декабря 1762 г. только что прибывшій въ Россію посолъ

[1]) *Русскій Архивъ*, 1877, II. 291.

[2]) *Сборникъ*, т. XIX, 285.

[3]) *Сборникъ*, т. XCVII, 317.

[4]) *Сборникъ*, т. XLVIII, 177, 187, 231, 240, 250, 256; см. еще т. LVII, 364—365.

Фридриха, гр. Сольмсъ, объяснялся съ Панинымъ по слѣдующему поводу: въ англійскихъ газетахъ появилась статья, очень сочувственная Петру Θеодоровичу и очень непочтительная по отношенію къ Екатеринѣ; статья эта была названа извлеченіемъ изъ письма Фридриха къ Финкенштейну [1]). Фридрихъ черезъ русскаго посла въ Берлинѣ увѣрялъ, что не онъ авторъ этихъ отзывовъ. И вотъ Панинъ говорилъ Сольмсу, что «государыня была по истинѣ тронута тѣмъ прямодушіемъ (du ton de droiture), которое проглядываетъ въ деклараціи, сдѣланной по приказанію короля кн. Репнину по поводу появившейся въ Англіи подъ его именемъ пасквили противъ императрицы; она слишкомъ увѣрена въ добрыхъ чувствахъ его величества къ ней, чтобы подобная клевета сколько нибудь могла заставить ее думать иначе» [2]). Конечно, на основаніи этихъ словъ трудно рѣшить, насколько въ Петербургѣ повѣрили или не повѣрили этимъ объясненіямъ Фридриха. Въ это время, во всякомъ случаѣ, въ Петербургѣ господствовало очень недружелюбное настроеніе къ Фридриху, и не только англійскій посолъ въ это время доносилъ: «король прусскій поступилъ весьма неблагоразумно, стараясь оправдаться отъ обвиненія (будто упомянутая статья извлечена изъ его письма): извиненія его только подтвердили общее мнѣніе, что именно онъ, и никто другой, авторъ этой статьи; вообще ея величество крайне недовольна этимъ государемъ»,—но и спустя полтора мѣсяца послѣ того, какъ Сольмсу сказано было, что Екатерина вѣритъ заявленіямъ Фридриха, англійскому послу говорили еще объ этой статьѣ и повторяли, что она произвела впечатлѣніе самое неблагопріятное для того, кого считаютъ ея авторомъ [3]). И такое отношеніе къ Фридриху вовсе не было мимолетнымъ. Спустя три года вотъ что приписалъ Панинъ въ постскриптумѣ оффиціальной депеши къ кн. Н. В. Репнину: «для содержанія его (короля прусскаго) въ предѣлахъ, выгодныхъ сѣверной системѣ.... необходимо нужно, чтобы явныхъ его дѣлъ и настояній

---

[1]) Выдержка, заключающая эти выраженія, напечатана въ La Cour de Russie il y a cent ans, 186, 220.

[2]) *Сборникъ*, т. XXII, 12.

[3]) *Сборникъ*, т. XII, 67, 84.

въ негоціяхъ не настояло, ибо, покамѣстъ оныя продолжать онъ будетъ, онъ при всѣхъ тѣхъ объясненіяхъ станетъ себя поставлять драгоцѣннѣе; мы же съ другой стороны будемъ безпрестанно упражняемы каверзами (sic!) малыхъ его дѣлъ и тѣмъ безпрестанно же отвращаемы отъ большихъ, общей системѣ полезныхъ дѣлъ» [1]). Совершенно несомнѣнныя доказательства глубокаго недовѣрія къ политикѣ Фридриха въ изобиліи находятся въ интимной перепискѣ Панина. Въ октябрѣ 1762 г. Обрѣзкову предписано было заявить Портѣ, «что король прусскій уже всѣми державами признается всенароднымъ возмутителемъ»; и въ 1763 и въ 1764 годахъ предписано было, наружно оказывая его агентамъ и въ Швеціи и въ Турціи полнѣйшее довѣріе, внимательно наблюдать за ихъ дѣйствіями [2]). Въ іюнѣ 1765 г. Панинъ, обсуждая въ шифрованной депешѣ къ Обрѣзкову мѣры, какими можно бороться въ Константинополѣ противъ интригъ вѣнскаго правительства, разсуждаетъ, не удастся ли Обрѣзкову поднять Турцію на Австрію; при этомъ онъ высказываетъ слѣдующія соображенія: «по настоящему между нами и его прусскимъ величествомъ тѣсному союзу мы будемъ всегда имѣть способы сего государя удержать отъ чрезмѣрнаго уже тогда обремененія войною съ его стороны вѣнскому двору; турки же одни, конечно, не много оному принесутъ существительнаго ущерба, но рогъ гордости и высокомѣрія его чаятельно довольно посломаютъ». И такъ, безъ всякой аффектаціи, какъ бы мимоходомъ, Панинъ высказывается, что, на случай серьезныхъ затрудненій Австріи, Россія не дастъ прусскому королю еще усилить эти затрудненія, но удержитъ его. Неужели можно сказать, что это слова безусловнаго сторонника прусской системы, человѣка, вполнѣ находящагося подъ вліяніемъ Фридриха?! [3]).

---

[1]) *Сборникъ*, т. LVII, 334; т. LXVII, 17 — Панинъ предписываетъ Репнину внушать полякамъ недовѣріе и опасеніе по отношенію къ Фридриху.

[2]) *Сборникъ*, т. XLVIII, 467—468; т. LXVII, 356.

[3]) *Сборникъ*, т. LVII, 273. *Dohm*, Denkwürdigkeiten meiner Zeit, сказалъ однажды: «Gr. Panin war Preussen ganz ergeben» (IV, 257)—этой фразѣ посчастливилось, на нее ссылаются, на ней основываются. Но тотъ же Домъ сообщаетъ свои очень любопытныя наблюденія, которыя всего менѣе даютъ основаній говорить объ вліяніи Фридриха въ Петербургѣ. Такъ онъ признаетъ, что въ теченіи союза съ Россіей Фридрихъ долженъ былъ «in derselben (Allianz) eine untergeordnete Rolle übernehmen und für diese war er nicht gemacht; es

Сопоставленіе нѣсколькихъ документовъ русской и прусской дипломатической переписки, относящихся къ одному и тому же времени и къ однимъ и тѣмъ же вопросамъ, дастъ намъ ниже очень вѣскія доказательства, что вліяніе Пруссіи въ Петербургѣ вовсе не было преобладающимъ. Такъ, въ самомъ концѣ 1766 г. Сольмсъ передавалъ своему королю просьбу Панина отъ имени императрицы, чтобы король сдѣлалъ въ Польшѣ нѣкоторыя заявленія и въ числѣ ихъ слѣдующее: «что онъ, пребывая съ императрицею всероссійскою всегда въ полномъ согласіи, особенно по дѣламъ Польши, вполнѣ сочувствуетъ дѣлу возстановленія диссидентовъ и въ силу союза съ императрицею считаетъ себя обязаннымъ объявить, что всю отвѣтственность за послѣдствія рѣшеній, принятыхъ ея величествомъ, раздѣляетъ съ нею»; сообщая Фридриху черезъ Сольмса нѣкоторыя другія декларацiи, приготовленныя для Польши, Панинъ, конечно, «предоставлялъ его высокому усмотрѣнію» сдѣлать измѣненія, какія онъ найдетъ нужнымъ, но заявлялъ, что «желалъ бы чтобы король соблаговолилъ сохранить смыслъ ихъ»; въ декабрѣ 1767 г. Панинъ говорилъ Сольмсу, что король можетъ смѣло на него положиться и надѣяться, что въ Польшѣ все пойдетъ сообразно и желаніямъ Россіи и Пруссіи; «я не могу, говорилъ Панинъ, отдавать отчетъ въ каждомъ сдѣланномъ мною шагѣ для достиженія цѣли, потому что тогда мнѣ пришлось бы каждый разъ перебирать и повторять всю систему, и прошу прямо положиться на мою прямоту, усердіе и ревность»; эти заявленія, конечно, были пересыпаны льстивыми словами, что Панинъ очень счастливъ руководствоваться совѣтами такого мудраго государя и т. д.; но этими же заявленіями были неоднократно отклоняемы просьбы Фридриха, чтобы его посланника въ Варшавѣ, Бенуа, нѣсколько болѣе посвя-

---

war das erstemal, dass er eine solche übernahm»; далѣе, въ стремленіи защитить Фридриха, котораго онъ вообще очень почитаетъ, Домъ говоритъ, что хотя, «er in dieser ihn ernidrigenden Lage den sittlichen Adel seines Gemüths nicht immer in eben der Grösse bewährt h[illegible]end des Kampfes mit einem harten Schicksal bewiesen hatte», [illegible]ператрицею можно объяснить такимъ же тономъ и [illegible]аставлять(!) русскихъ министровъ сохраня[illegible]

щали въ планы русскаго министерства и нѣсколько болѣе совѣтовались бы съ нимъ въ тѣхъ общихъ дѣлахъ, въ которыхъ онъ участвуетъ; на эти же просьбы и заявленія Панина Фридрихъ неоднократно и соглашался, соглашался иногда даже съ неудовольствіемъ. Въ апрѣлѣ 1768 г. Фридрихъ писалъ Сольмсу, что очень радъ, видя теперь, что Панинъ убѣдился, что онъ въ польскихъ дѣлахъ дѣйствуетъ совершенно согласно съ русскимъ дворомъ; Сольмсу король признавался, что охотно уступаетъ русскимъ первенство въ этихъ дѣлахъ, но снова выражалъ досаду, что его посланнику въ Варшавѣ оказывается ужъ слишкомъ мало довѣрія [1]). Въ теченіе общихъ съ Польшею дѣлъ Фридрихъ неоднократно жаловался на свое положеніе въ союзѣ, жаловался, что отъ и него требуютъ слишкомъ многаго и что ему приходится многое принимать на себя, ничего для себя не получая; очень важно, что эти жалобы сообщались вовсе не для изложенія ихъ предъ Панинымъ, а только для свѣдѣнія Сольмса или принца Генриха; это служитъ доказательствомъ, что онѣ искренни, и выражаютъ истинныя чувства и мысли короля, а не представляютъ собою только какого-нибудь политическаго хода [2]); иногда у Фридриха проскальзываютъ замѣчанія, доказывающія, что и онъ сознавалъ, что въ теченіе самыхъ событій руководящая роль принадлежала вовсе не ему; такъ, однажды, онъ написалъ Сольмсу: «меня нисколько не удивляетъ, что гр. Панинъ доволенъ исходомъ диссидентскаго дѣла; въ настоящую минуту это, въ самомъ дѣлѣ, своего рода тріумфъ для его двора; но я все таки не могу не смотрѣть на возстановленіе правъ этихъ людей, какъ на нѣчто непрочное въ будущемъ... Но надо отдать справедливость, что было сдѣлано все, что можно было»; въ другой разъ онъ говорилъ: «Панинъ захочетъ, конечно, сохранить за собою руководящее мѣсто въ польскихъ дѣлахъ» [3])...

---

[1]) *Сборникъ*, XXII, 161, 162, 237, 261, 292, 383, 471, 545, 574, 575 и др., XXXVII, 5, 6, 83, 120, 127, 130, 147 и др.

[2]) *Сборникъ*, XXII, 385, 386, 501; XXXVII, 30, 31, 104—106; *Oeuvres*, XXVI, 312, 320, 327, 330, 337.

[3]) *Сборникъ*, XXXVII, 124; LXXII, 172; *Beer*, Die erste Theilung Polens, II, 349.

Совершенно такое же представленіе о характерѣ и размѣрахъ участія Россіи и Пруссіи въ польскихъ дѣлахъ выносится и изъ изученія русскихъ документовъ того времени.

Въ мартѣ 1767 года Панинъ писалъ Репнину: «наши окрестныя державы, натурально, кипятъ завистію къ нашему произвожденію съ такою силою и съ такимъ успѣхомъ дѣлъ самоизвольныхъ и до нихъ самихъ касающихся. Таковы неоспоримо должны быть внутреннія импрессіи безъ исключенія у всѣхъ сосѣдей, яко то у вѣнскаго двора, у Порты и у самаго короля прусскаго» [1]). Панинъ настаивалъ на принятыхъ имъ рѣшеніяхъ по польскимъ дѣламъ и въ декабрѣ 1767 года писалъ въ Берлинъ посланнику князю Долгорукову: «нельзя намъ поступить на желаніе прусскаго двора, ибо инако дѣло все надлежало бы съ самаго начала вновь передѣлывать» [2]); въ тотъ же, кажется, день [3]) онъ писалъ Репнину: «нѣтъ нашего намѣренія допускать г. Бенуа (прусскаго резидента въ Варшавѣ) до раздѣленія съ вами нашихъ негоціацій; но надобно, чтобы сіе недопущеніе происходило видимымъ образомъ не отъ насъ, а отъ делегаціи польской, яко не имѣющей отъ республики полной мочи трактовать съ кѣмъ другимъ, кромѣ вашего сіятельства. Не сомнѣваюсь я, что король прусскій не весьма будетъ доволенъ такимъ его министра недопущеніемъ; но когда съ нашей стороны сохранится вся благопристойная наружность, я не думаю опять, чтобъ онъ дальше сталъ настоять въ своемъ требованіи, а удовольствуется уже по необходимости тѣмъ, что ваше сіятельство продолжите откровенное ваше сношеніе съ министромъ его» [4]). И король прусскій, дѣйствительно, поступилъ такъ, какъ ожидалъ Панинъ; думаемъ, что Панинъ угадалъ и тогда, когда писалъ Репнину: «можно смѣло положить, что зависть его къ нашей инфлюенціи останется скрыта во внутренности сердца его», что онъ

[1]) *Сборникъ*, т. LXVII, 517.

[2]) *Сборникъ*, т. LXVII, 555.

[3]) Предыдущая депеша помѣчена 12 декабря, депеша, изъ которой сейчасъ будетъ приведена выдержка—22-го декабря; но Панинъ въ ней сообщаетъ, что отправляетъ депеши сразу за нѣсколько дней, потому что предъ этимъ временемъ за его болѣзнью отправка депешъ задержалась.

[4]) *Сборникъ*, т. LXVII, 555, 556.

непремѣнно будетъ вести противъ насъ какіе нибудь потаенные происки; впрочемъ, Панинъ находилъ, что ихъ нечего особенно опасаться, но надо постоянно ихъ имѣть въ виду [1]).

Давая такія указанія Репнину, Панинъ дѣйствовалъ не менѣе рѣшительно и самъ въ Петербургѣ: онъ настолько считалъ необходимымъ сохранить за Россіею иниціативу и полную свободу въ дѣлахъ съ Польшею, что въ конвенцію относительно диссидентовъ, заключенную въ 1767 г., было внесено, *по предложенію Панина*, что король прусскій обязуется принять активное участіе въ дѣлахъ Польши не прямо въ случаѣ вступленія въ Польшу австрійскихъ войскъ, но *по приглашенію* императрицы (lorsqu'il sera requis par S. M l' I.) [2]).

Еще болѣе общую характеристику и оцѣнку дѣйствій Фридриха въ польскомъ дѣлѣ далъ Панинъ въ депешѣ отъ 28 января 1768 года. Внимательное изученіе событій убѣждаетъ насъ, что общій взглядъ его на поведеніе Фридриха вѣренъ; но и помимо того, ошибался или не ошибался графъ Панинъ въ своей оцѣнкѣ, его отзывъ исключаетъ всякую возможность допустить руководительство русскою политикою со стороны Фридриха. «Не удивляетъ меня, — пишетъ Панинъ Репнину, — послѣдній къ вамъ отзывъ прусскаго министра, что дворъ его не желаетъ уже теперь, дабы сила трактата его въ новомъ нашемъ оговорена и охранена была. Сей отзывъ есть слѣдствіемъ того негодованія, въ которомъ нынѣ находится его прусское величество, завидуя внутренно успѣху и славѣ нашихъ дѣлъ. Сначала изъ робости, или же изъ недовѣрки къ одержанію толь полныхъ успѣховъ безъ всякихъ помѣшательствъ отъ постороннихъ державъ, не хотѣлъ сей государь самъ входить много въ наши подвиги, опасаясь зайдти по онымъ въ хлопоты, а можетъ быть остаться по неудачѣ и въ стыдѣ; почему содѣйствіе его по онымъ было, такъ сказать, приневоленное и такое только, отъ какого онъ по обязательствамъ своимъ съ нами пристойно отдѣлаться не могъ; а послѣ, когда увидалъ, что всѣ его опасенія были напрасныя, и что всѣ трудности изъяты уже изъ среды нами одними, вздумалъ дѣлить славу и плоды наши, въ

[1]) *Сборникъ*, т. LXVII, 556, 557.
[2]) *Сборникъ*, т. XXXVII, 70; *Мартенсъ*, VI, 43—48.

которомъ видѣ и чинены были какъ здѣсь, такъ и у васъ разныя попытки; но когда опять увидѣлъ, что мы, сдѣлавъ главное дѣло, не склонны и не намѣрены допустить его до желаемаго имъ раздѣленія, то и почувствовалъ внутренно зависть, которая теперь и наружно уже открывается. Но сіе обстоятельство, будучи временное и не равновѣсящее другимъ уваженіямъ, кои его прусское величество къ системѣ и союзу нашему привязываютъ, не долженствуетъ васъ останавливать ни обезпокоивать» [1]). Болѣе чѣмъ черезъ годъ, въ мартѣ 1769 года, въ наставленіи князю Волконскому, повторено въ общихъ чертахъ такое же сужденіе о поведеніи Фридриха. Панинъ прямо высказываетъ тутъ, что въ 1764 году, при заключеніи союза съ Пруссіей, «мы, судя по заботливому состоянію, въ какомъ находился тогда прусскій король, по неимѣнію ни съ кѣмъ никакого союза, могли со многою вѣроподобностью предполагать, что онъ въ замѣну обезпеченія своего нашимъ союзомъ, а наипаче по пункту Силезіи, охотно уступитъ намъ въ общихъ дѣлахъ первое мѣсто и свободное поле. Время оправдало уже тогдашнее наше гаданіе и мы имѣемъ удовольствіе видѣть, что его прусское величество, буде не безъ внутренней зависти, по крайней мѣрѣ со всею наружною искренностію и податливостію, содѣйствовалъ вездѣ успѣху дѣлъ нашихъ, а особливо въ Польшѣ»... «Хотя затѣмъ,—продолжаетъ Панинъ,—мы и отвратили всѣ двора его покушенія вмѣстить себя съ нами вообще въ гарантію новыхъ узаконеній, но, кромѣ сего содѣйствія, которое, сколь иногда ни слабо бывало, не можемъ мы однако не признаться, чтобъ не облегчало собственныхъ нашихъ подвиговъ, не усумнился его прусское величество жертвовать пріобрѣтенію дружбы и союза нашего любимою своею идеею пріобрѣтенія себѣ дружбы и союза Порты Оттоманской» [2]).

---

[1]) *Сборникъ*, т. LXXXVII, стр. 13. — Беръ точно такъ же замѣтилъ, что Фридрихъ опасался рѣшительныхъ дѣйствій въ Польшѣ, чтобы не быть вынужденнымъ, въ силу союзныхъ своихъ обязательствъ съ Россіею, принимать активное участіе— Die erste Theilung Polens, I, 146, 148; *Max Duncker*, Aus der Zeit Friedrich des Grossen, 150.

[2]) *Сборникъ*, т, LXXXVII, 395.

Насколько твердо было въ Петербургѣ убѣжденіе, что Фридрихъ будетъ дѣйствовать въ Польшѣ согласно съ нашими желаніями видно изъ того, что тамъ заходили въ этомъ убѣжденіи даже слишкомъ далеко. Такъ, въ депешѣ къ кн. Волконскому отъ 28 сентября 1770 г. гр. Панинъ писалъ между прочимъ: «министръ его прусскаго величества (въ Варшавѣ) *получитъ нынѣ* новыя отъ двора своего повелѣнія во всемъ согласно дѣйствовать съ вашимъ сіятельствомъ и подкрѣплять всѣ ваши подвиги; почему и вы съ своей стороны, открываясь ему въ оныхъ, какъ и въ самомъ планѣ всей вашей операціи, можете отъ него при всякомъ случаѣ дѣйствительнаго вспоможенія требовать и употреблять содѣйствіе его вездѣ, гдѣ оно только нужно и полезно быть можетъ» [1]);—по тону этого заявленія не можетъ быть, кажется, ни малѣйшаго сомнѣнія, что король прусскій уже выразилъ согласіе на просьбу гр. Панина по этому предмету; между тѣмъ, лишь на другой день послѣ написанія приведенной депеши, 29 сентября 1770 г. гр. Панинъ только еще вручалъ гр. Сольмсу записку, въ которой между прочимъ писалъ: «императрица ожидаетъ отъ дружбы короля, что его министръ въ Варшавѣ получитъ приказаніе поддержать его (кн. Волконскаго) переговоры» [2]). И именно по поводу той записки Фридрихъ писалъ гр. Генриху: «императрица пишетъ мнѣ и проситъ, чтобы мой министръ въ Варшавѣ поддерживалъ всѣ приказанія, какія онъ дастъ своему министру; но я не привыкъ приказывать своимъ министрамъ дѣйствовать не зная, въ чемъ дѣло, да и обыкновенно союзныя государства сговариваются и соглашаются прежде, чѣмъ дѣйствовать» [3])—однако, по крайней мѣрѣ наружно, Бенуа про-

---

[1]) *Сборникъ*, XCVII, 148.

[2]) *Сборникъ*, XCVII, 157.

[3]) *Oeuvres*, XXVI, 330. Всѣ эти, приведенныя выше, извлеченія изъ дипломатической переписки, частью остававшіяся неизвѣстными Соловьеву, и даютъ намъ право придавать гораздо большее значенія тѣмъ письмамъ Фридриха, гдѣ онъ жалуется и высказываетъ свое недовольство тѣмъ положеніемъ, въ какомъ приходится ему стоять относительно Россіи, между тѣмъ какъ Соловьевъ, признававшій за несомнѣнный фактъ вліяніе и руководительство Фридриха въ общихъ у него съ Россіею дѣлахъ, замѣчаетъ относительно этихъ именно писемъ: «письма эти очень любопытны, но разумѣется, историкъ долженъ пользоваться ими осторожно» (книга VI, 692)—конечно, осторожно—какъ всѣмъ, что

должалъ поддерживать въ Варшавѣ всѣ дѣйствія русскаго посла.

Любопытенъ инцидентъ съ прусскимъ представителемъ въ Константинополѣ, Рексиномъ. Уже въ 1762 г. въ Петербургѣ имѣли свѣдѣнія, что Рексинъ интригуетъ противъ Россіи; за нимъ стали слѣдить и къ августу 1765 г. Панинъ имѣлъ несомнѣнныя доказательства враждебныхъ Россіи происковъ Рексина. Онъ выразилъ по этому поводу гр. Сольмсу свое неудовольствіе и желаніе, чтобы Рексинъ былъ отозванъ; онъ не дѣлалъ изъ этого секрета, и въ Петербургѣ многіе въ дипломатическихъ кругахъ знали объ этомъ [1]). Фридрихъ немедленно поручилъ Сольмсу отвѣтить отъ его имени, что онъ, король, убѣжденъ въ лживости обвиненій, и представлялъ свои объясненія—надо признаться, довольно натянутыя—откуда пошла эта, по его словамъ, клевета. Выслушавши отъ Сольмса это заявленіе отъ имени короля, Панинъ ему прочелъ, а затѣмъ, «для облегченія памяти», прислалъ и на письмѣ обстоятельное доказательство справедливости своихъ обвиненій; по словамъ Панина во время бесѣды его съ прусскимъ посломъ, Сольмсъ «самъ, яко человѣкъ по собственному его характеру отличной честности, безмолственъ остался»; этотъ свой отвѣтъ Панинъ просилъ посла сообщить Фридриху и продолжалъ настаивать на виновности Рексина деликатно, но очень твердо. Четыре раза писалъ Фридрихъ Сольмсу, защищая своего представителя и увѣряя, что русское правительство введено въ заблужденіе, вопросъ этотъ не сходилъ съ очереди полгода—и въ концѣ концовъ Фридрихъ уступилъ и отозвалъ Рексина; а Панинъ предписалъ Обрѣзкову тщательно слѣдить и за новымъ представителемъ Пруссіи, Цегелиномъ. Въ письмахъ къ Обрѣзкову Панинъ высказывалъ полную увѣренность, что король прусскій далъ Рексину какія нибудь предписанія дѣйствовать противъ Россіи и, допуская, вмѣстѣ съ тѣмъ, что Рексинъ, вѣроятно, нѣсколько превысилъ эти инструкціи, не находилъ нужнымъ уступать и замять это дѣло, не смотря на неоднократное личное вмѣша-

---

вышло изъ подъ пера Фридриха; но въ согласіи съ русскими документами они получаютъ новое и большое значеніе.

[1]) *Сборникъ*, т. XII, 209, 215.

тельство Фридриха [1]). Въ 1768 г., когда Панинъ рѣшительнымъ образомъ отклонилъ вторичное назначеніе въ Петербургъ Макартнея, въ дипломатическихъ кругахъ Стокгольма прошелъ слухъ, что это сдѣлано подъ вліяніемъ Фридриха, недовольнаго Англіею. Трудно, конечно сказать, имѣлъ ли Фридрихъ участіе въ распространеніи этого слуха; но нельзя не замѣтить, что тутъ является опять то же мнѣніе о господствѣ въ Россіи прусскаго вліянія, какое Рексинъ, по инструкціямъ Фридриха, когда то поддерживалъ въ Константинополѣ. Но какъ бы то ни было, а Панинъ поспѣшилъ и на этотъ разъ рѣшительнымъ образомъ опровергнуть такое мнѣніе [2]); и онъ говорилъ сущую правду утверждая, что «король прусскій ни прямымъ, ни косвеннымъ образомъ конечно въ томъ участія не имѣлъ»; Макартнея не приняли въ Петербургѣ вторично по совершенно другимъ соображеніямъ, касавшимся личности посла [3]).

Приведенныя выписки даютъ намъ, кажется, право утверждать, что — по крайней мѣрѣ сознательно — графъ Панинъ ни на одну минуту не подчинялся вліянію прусскаго короля, и совершенно не склоненъ былъ уступать ему тамъ, гдѣ это затрогивало интересы Россіи, какъ онъ ихъ понималъ. Съ полнымъ основаніемъ можно примѣнить къ политикѣ Екатерины и Панина слова, которыми одинъ ученый характеризовалъ политику Фридриха: «впрочемъ, нельзя не сказать, что при всей угодливости и уступчивости русская императрица и ея министръ никогда не забывали пользы своего собственнаго народа и, если послѣдняя того требовала, они противодѣйствовали, открыто или подъ рукой, видамъ прусской политики» [4]). Изученіе дипломатическихъ сношеній Россіи и Пруссіи раскрываетъ съ полною несомнѣнностью, кто былъ болѣе правъ въ своихъ общихъ замѣчаніяхъ о ходѣ сообща совершенныхъ дѣлъ — русскій-ли министръ, который оставилъ только свою дѣловую переписку,

---

[1]) *Сборникъ,* т. XLVIII, 230; т. LVII, 310—313, 325—327, 337, 338,353—355, 475; т. XXII, 388, 391, 396, 421 и др.; т. XII, 205, 215—216, 227—228.

[2]) *Сборникъ,* т. LXXXVII, 60.

[3]) *Сборникъ,* т. LXVII, 546—551; т. LXXXVII, 11—12.

[4]) *Мартенсъ,* Собраніе трактатовъ и конвенцій, VI, 38, тамъ, конечно, вмѣсто словъ «русская императрица и ея министръ» стоитъ «прусскій король» и вмѣсто «видамъ прусской политики» стоитъ «видамъ русской политики».

или прусскій король, который счелъ нужнымъ оставить потомству изображеніе событій своего времени въ имъ самимъ написанной его исторіи. Многіе изъ этого потомства ему и повѣрили вполнѣ; но по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ современниковъ судили о современныхъ событіяхъ самостоятельно и совершенно не такъ, какъ король прусскій; русское министерство тоже далеко не смотрѣло его глазами на изложенные имъ факты [1]); не удавалось обмануть Фридриху и многихъ другихъ дипломатовъ; англійскій посолъ при русскомъ дворѣ писалъ въ 1768 году: «стоитъ внимательно прослѣдить дѣйствія короля прусскаго въ Константинополѣ, въ Польшѣ, въ Даніи и при здѣшнемъ дворѣ, чтобы убѣдиться, что онъ болѣе опасается Россіи, чѣмъ питаетъ преданности къ ея интересамъ и что, хотя онъ не смѣетъ открыто заявить свои намѣренія и дѣйствуетъ только подъ рукой, тѣмъ не менѣе онъ принимаетъ всѣ зависящія отъ него мѣры, съ цѣлью не допустить до выполненія системы Панина» [2]).

И такъ, въ началѣ царствованія Екатерины II русское правительство въ своей внѣшней политикѣ стремилось совершенно сознательно къ самостоятельности и преслѣдовало исклю-

---

[1]) Въ концѣ 1771 г. Сольмсъ, сообщая королю одинъ разговоръ свой съ Панинымъ о Данцигѣ, отчасти даже извиняется, что почти дословно передаетъ разговоръ частный, а не министеріальный, гдѣ, поэтому, не такъ уже осторожно взвѣшено каждое выраженіе; прочитавъ эту депешу, невозможно остаться въ убѣжденіи, что Панинъ находился подъ вліяніемъ Фридриха. *Сборникъ*, т. XXXVII, 583—585.

[2]) *Сборникъ*, т. XII, 324. Турецкій посолъ посѣтившій Берлинъ, Ресми-эффенди, вынесъ впечатлѣніе, что прусское правительство очень неискренно относится къ русскому—*Askenazy*, Die letzte polnische Königswahl, 59, пр. 2; лично о Фридрихѣ едва ли кто оставилъ худшій отзывъ, чѣмъ нѣмецкій же государь, Іосифъ II, слова котораго Дункеръ переводитъ такъ: «er ist ein Genie und ein Mann, der bewunderungswürdig spricht, aber keine Aeuszerung, die nicht den Schelm verrithe»—Duncker 186. Какъ мы видимъ, русскіе министры ожидали тайныхъ «каверзъ» Фридриха; дѣйствительно, онъ писалъ Бенуа, что вовсе не будетъ огорченъ, если дѣло диссидентовъ и не удастся и, кажется, копія съ этого письма была въ Петербургѣ извѣстна (*Соловьевъ*, кн. VI, 442); Смитъ (Frédéric II, 121)—заключаетъ, что Бенуа «хитрый и фальшивый» вредилъ Репнину своими совѣтами, хотя изъ указаннаго факта слѣдуетъ лишь то, что онъ своими совѣтами хотѣлъ повредить, а вредилъ или нѣтъ, это надо рѣшить на основаніи изученія фактовъ; вообще же Репнинъ дѣйствовалъ сообразуясь не съ его совѣтами, а съ прямыми пр[illegible]ами своего двора.

чительно выгоды Россіи, не смущаясь неудовольствіемъ своихъ и прежнихъ и тогдашнихъ, союзниковъ, но стараясь, сколько возможно, ему противодѣйствовать; вліяніе Пруссіи въ Петербургѣ не можетъ быть признаваемо сколько нибудь значительнымъ. Теперь обратимся къ послѣднему изъ выдѣленныхъ нами спорныхъ вопросовъ — именно къ вопросу, кого именно надо считать руководителемъ этой политики и въ какихъ отношеніяхъ находились между собою императрица Екатерина и графъ Н. И. Панинъ.

V.

Первые полтора года при Екатеринѣ оставались прежніе канцлеръ гр. М. Ил. Воронцовъ и вице-канцлеръ, кн. А. М. Голицынъ; но ни тотъ, ни другой не пользовались ея расположеніемъ и не имѣли особеннаго вліянія. Князь Голицынъ, по согласнымъ отзывамъ нѣсколькихъ дипломатовъ, былъ человѣкъ незначительный и интересовался преимущественно церемоніальною стороною сношеній съ иностранными представителями [1]; гр. М. Ил. Воронцовъ не былъ пріятенъ и потому, что былъ выдвинутъ партіей Шуваловыхъ, съ которыми Екатерина никогда не ладила, и потому, что занималъ мѣсто гр. А. П. Бестужева-Рюмина, пострадавшаго за сношенія съ Екатериною; къ тому же гр. Воронцовъ, дѣйствительно, не отличался особыми дарованіями. И по донесеніямъ иностранныхъ представителей, и по перепискѣ русскаго министерства, совершенно очевидно, что въ дѣлахъ иностранной политики главную роль играли другіе совѣтники императрицы, именно: Н. И. Панинъ, гр. Бестужевъ-Рюминъ и гр. Кейзерлингъ. Изъ нихъ двое послѣднихъ были уже очень стары, и почти одновременно первый потерялъ всякое вліяніе, второй умеръ. При императрицѣ остался одинъ Н. И. Панинъ; онъ преимущественно и велъ переговоры съ представителями иностранныхъ державъ при русскомъ дворѣ, съ нимъ постоянно совѣтовалась императрица, онъ, наконецъ, 27-го октября 1763 г., черезъ два мѣсяца по отъѣздѣ гр. Воронцова за границу, былъ назначенъ первымъ членомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ; на этомъ мѣстѣ,

[1]) *Сборникъ*, т. XII, 134, 167, 182; т. XXII, 118 и др.

не нося званія канцлера, но поставленный выше вице-канцлера кн. Голицына, онъ оставался 20 лѣтъ, до самой смерти, и являлся — по наружности уже несомнѣнно — руководителемъ русской внѣшней политики. Но относительно того, какъ велико было въ дѣйствительности вліяніе его на ходъ дѣлъ, существуетъ сильное разномысліе. По мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей императрица Екатерина «страстно любила дипломатическія интриги» и принимала непосредственное участіе въ переговорахъ, такъ что «иногда ея министры узнавали о принятыхъ ею рѣшеніяхъ уже послѣ того, какъ она окончательно условливалась съ иностранными представителями въ Петербургѣ» [1]). По мнѣнію другихъ изслѣдователей императрица вовсе не довѣряла Панину и вовсе не расположена была слѣдовать его совѣтамъ. Разрѣшеніе этихъ вопросовъ представляетъ интересъ не только для выясненія біографической подробности о жизни и дѣятельности Екатерины и Панина, но и для правильнаго представленія о петербургскомъ правительствѣ того времени вообще.

Обращаясь къ вопросу о личномъ участіи императрицы Екатерины въ политикѣ, мы должны сказать, что въ перепискѣ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ безусловное, положительно подавляющее большинство составляютъ документы, написанные въ коллегіи; императрица ихъ просматривала, просматривала обыкновенно очень внимательно, снабжала замѣтками, вносила поправки; но эти именно документы вполнѣ объясняютъ всѣ дѣйствія петербургскаго министерства; положительно нельзя указать случая, когда бы какое либо серьезное рѣшеніе было предписано императрицею Коллегіи, а не выработано государынею сообща съ кѣмъ нибудь изъ ближайшихъ ея сотрудниковъ, преимущественно съ Панинымъ. Обыкновенно на его докладъ о какомъ либо вопросѣ — письменный, хотя не рѣдко очень краткій—императрица полагала свою утвердительную резолюцію и по этой резолюціи въ Коллегіи составлялся указъ, или рескриптъ и т. п., которые затѣмъ снова просматривались и утверждались или императрицею или высшими чинами кол-

[1]) *Мартенсъ*, Собраніе трактатовъ, VI, 39—40; *Брик*
рины II, 262, 267.

легіи. За первую, большую половину царствованія Екатерины, то-есть какъ разъ за время министерства Панина, Екатерина если и вмѣшивалась въ переговоры лично, то лишь для того, чтобы прямо, безапелляціонно высказать рѣшенія, совершенно согласныя со всѣми предшествовавшими дѣйствіями Коллегіи, но сообщить которыя могла съ наибольшимъ удобствомъ именно императрица, — особенно рельефно выступаетъ это въ двухъ случаяхъ отказа Екатерины англійскимъ посланникамъ, Макартнею и Гуннингу [1]). Гр. Сольмсъ, пробывшій при русскомъ дворѣ представителемъ долѣе всѣхъ другихъ членовъ дипломатическаго корпуса, сообщаетъ вотъ какое наблюденіе относительно занимающаго насъ вопроса: «Извѣстіе о субсидномъ трактатѣ (заключенномъ Австріею съ Турціею) произвело очень большое впечатлѣніе на императрицу. Эта государыня, которая никогда не говоритъ о дѣлахъ съ иностранными министрами, не могла удержаться, чтобы не заговорить со мною объ этомъ третьяго дня на вечернемъ собраніи» [2]). Правда, съ иными посланниками императрица находила большое удовольствіе разговаривать и говорила съ ними много; но это опредѣлялось не дипломатическими соображеніями, а личностью посла; такъ съ французскимъ посломъ Бретейлемъ, возбуждавшимъ разные непріятные для петербургскаго двора вопросы, императрица тѣмъ не менѣе разговаривала охотно и настолько много, что это обращало даже на себя вниманіе. Въ числѣ другихъ и англійскій посолъ лордъ Букингамъ сталъ безпокоиться, чтобы изъ этихъ разговоровъ не произошли какія нибудь важныя рѣшенія; узнавъ отъ русскаго посла въ Лондонѣ о его тревожныхъ сообщеніяхъ по этому поводу, Екатерина приказала сообщить Букингаму, что «ласковость, съ какою Бретейль принимается, ни мало ко внутренности дѣлъ не касается», а въ другой разъ велѣла ему сказать: «тѣмъ болѣе учтивости, оказанныя Бретейлю, не могутъ подозрѣнія подать, что онѣ были послѣ отпускной аудіенціи.... Весьма ошибутся, если по персональнымъ пріемамъ будутъ

---

[1]) Объ отказѣ Гуннингу мы уже упоминали, объ отказѣ Макартнею еще будемъ говорить.

[2]) *Сборникъ*, т. XXXVII, 622, 626.

судить о дѣлахъ» [1]). И мы знаемъ, дѣйствительно, что никакихъ дѣлъ императрица и не думала начинать съ Бретейлемъ. Англійскій посолъ лордъ Каскартъ сообщаетъ намъ замѣчаніе, прямо противуположное замѣчанію гр. Сольмса: именно, описывая пребываніе принца Генриха прусскаго въ Петербургѣ въ 1770 г., онъ говоритъ между прочимъ: «императрица очень охотно говоритъ и дѣйствуетъ независимо отъ своихъ министровъ» [2]); но во-первыхъ, это замѣчаніе относится можетъ быть, только къ сношеніямъ Екатерины съ принцемъ Генрихомъ, самое положеніе котораго дѣлало чуть-ли неизбѣжными разговоры съ нимъ Екатерины помимо министровъ; во-вторыхъ-же, если Каскартъ хотѣлъ сказать вообще о привычномъ способѣ дѣйствій Екатерины, то для насъ нѣтъ сомнѣнія, что въ данномъ случаѣ наблюденіе его менѣе вѣрно, чѣмъ наблюденіе прусскаго посланника, такъ какъ изученіе бумагъ иностранной коллегіи доказываетъ намъ, что ни одно важное дипломатическое дѣло этой коллегіи не миновало. Ошибочное мнѣніе нѣкоторыхъ изслѣдователей о степени и характерѣ личнаго участія императрицы въ рѣшеніи вопросовъ иностранной политики возникло, быть можетъ и подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ заявленій русскихъ дипломатовъ, которые иногда выставляли свои дѣйствія какъ исполненіе непосредственныхъ прямыхъ повелѣній императрицы; но такъ какъ изъ бумагъ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ несомнѣнно, что императрица частью прямо принимала предложенныя ей мѣры, частью же вырабатывала ихъ сообща со своими министрами, то подобныя заявленія русскихъ дипломатовъ надо объяснять тѣмъ, что осторожно и умѣренно употребляя ихъ, они могли въ нѣкоторыхъ случаяхъ устранять всякія возраженія. Утвержденіе же, будто императрица Екатерина «страстно любила» интриги и участіе въ нихъ [3]), намъ кажется совершенно невѣрнымъ; по нашему мнѣнію было какъ разъ наоборотъ. Немедленно по вступленіи на престолъ Екатерина прекратила тайную переписку, которую вела импе-

---

[1]) *Сборникъ*, т. XLVIII, 489, 561.

[2]) *Сборникъ*, т. XIX, 136—137.

[3]) *Мартенсъ*, VI, 40.

ратрица Елизавета, по мимо министеріальной переписки, уступая желанію Людовика XV, дѣйствительно любившаго интриги и посвящавшаго имъ всю свою дѣятельность; Екатерина прекратила эту переписку и не замѣнила ее ничѣмъ подобнымъ [1]). Можно сказать, что Екатерина не отказывалась дѣйствовать даже и интригами, гдѣ ими можно было получить что либо существенно важное и выгодное для Россіи; но чтобы она «страстно любила» интриги—этого доказать, конечно, невозможно.

Въ силу этихъ данныхъ мы и утверждаемъ положительно, что мнѣніе, будто императрица Екатерина лично руководила внѣшнею политикою, часто помимо своихъ министровъ, неправильно [2]); ближайшаго, непосредственнаго участія въ ней гр. Панина отрицать невозможно. Разсмотримъ теперь вопросъ о взаимныхъ личныхъ отношеніяхъ Екатерины и Н. И. Панина.

Графъ Мерси въ августѣ 1763 г. доносилъ, что Панинъ «въ совершенной немилости у русской императрицы, и ея величество ничего не желаетъ болѣе, какъ отдѣлаться отъ него и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше»; въ ноябрѣ того же года онъ писалъ, что «нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ здѣшняя государыня питала такую ненависть къ Панину, что тогда ничего такъ страстно не желала, какъ подъ какимъ нибудь благовиднымъ предлогомъ отъ него отдѣлаться»; наконецъ въ декабрѣ того же года онъ пишетъ, что императрица «ненавидитъ» Па-

---

[1]) *Архивъ кн. Воронцова*, т. VII, 647 и 610.

[2]) «Екатерина именно въ области внѣшней политики съ первыхъ дней своего царствованія руководствовалась исключительно своими собственными соображеніями. Не было никого, кто могъ бы заставить ее слѣдовать какой-либо сложной системѣ или политической доктринѣ. Она въ каждомъ данномъ случаѣ дѣйствовала по своему собственному усмотрѣнію. Эстергази игралъ довольно важную роль при Елизаветѣ, Гольцъ и Шверинъ были совѣтниками Петра; теперь же Екатерина и относительно Пруссіи и относительно Австріи была вполнѣ независима и этимъ самымъ Россія пріобрѣла гораздо болѣ важное значеніе въ общеевропейской политикѣ»—говоритъ Брикнеръ, Исторія Екатерины II, 141. Послѣднее замѣчаніе, конечно, совершенно правильно, но только, справедливо указывая полнѣйшую независимость Екатерины II отъ какихъ-либо вліяній иностранныхъ министровъ, никакъ нельзя этимъ доказывать того, будто бы императрица также относилась и къ русскимъ министрамъ: вѣдь двѣ вещи совершенно различныя—подчиняться вліянію иностраннаго ми[illegible] совѣтоваться съ русскимъ!

нина, «но пользуется имъ и допускаетъ большое вліяніе его на дѣла» [1]). Въ извѣстномъ сборникѣ наиболѣе пикантныхъ выдержекъ изъ донесеній французскихъ и англійскихъ дипломатовъ, La Cour de Russie il y a cent ans, подобрано довольно много отзывовъ, поддерживающихъ такой же взглядъ на отношенія Екатерины и Панина и объясняются эти отношенія тѣмъ, что Екатерина не забыла намѣренія Панина возвести на престолъ не ее, а Павла Петровича. Люди, излишне склонные приписывать высоко стоящимъ дѣятелямъ одни личныя, и непремѣнно—какія нибудь особенныя, необыкновенныя побужденія, охотно вѣрятъ такому, дѣйствительно, оригинальному положенію, какъ совмѣстная двадцатилѣтняя дѣятельность императрицы и министра, которые другъ другу не довѣряютъ и даже ненавидятъ другъ друга; подтвержденіе словамъ графа Мерси и сборника La Cour de Russie находятъ въ исторіи съ учрежденіемъ императорскаго совѣта, въ запискѣ Екатерины къ Потемкину и письмѣ Н. И. Панина къ брату, написанныхъ послѣ одного засѣданія совѣта, въ легендѣ о заговорѣ Паниныхъ въ 1772 году и въ двухъ—трехъ отдѣльныхъ выраженіяхъ Панина и Екатерины.—Остановимся на разсмотрѣніи всѣхъ этихъ доказательствъ подробнѣе.

Сообщенія графа Мерси о неудовольствіи императрицы противъ Панина въ 1763 году находятъ себѣ поддержку въ донесеніяхъ и другихъ дипломатовъ; поэтому, отрицать этого неудовольствія вполнѣ—нельзя; но именно тѣ самыя донесенія, которыя подтверждаютъ этотъ фактъ, съ несомнѣнностью обличаютъ крайнія преувеличенія въ словахъ гр. Мерси и даютъ возможность ввести его разсказъ въ должныя границы. Гр. Мерси пишетъ въ теченіи августа—декабря 1763 г. о «ненависти» императрицы къ Панину, о «полномъ почти низверженіи его»—гр. Сольмсъ и лордъ Букингамъ говорятъ только о «нѣкоторомъ охлажденіи» [2]). Слова гр. Мерси звучатъ страннымъ диссонансомъ съ его-же жалобами на преобладающее вліяніе Панина и съ его же сообщеніемъ, что Екатерина хотя и ненавидитъ Панина, но даетъ ему большое вліяніе въ дѣлахъ,

1) Сборникъ — XLVI 581, 692, 719; см. еще 482, 510, 567.
2) [illegible] XXII, 49, 63, 68.

совершенно отказавшись отъ совѣтовъ главнаго соперника Панина, знаменитаго гр. Бестужева-Рюмина. Разсказы Сольмса и Букингама рисуютъ намъ только такую размолвку, которая вовсе не представляется невѣроятною при прежнихъ хорошихъ отношеніяхъ и которая нимало не дѣлала невозможнымъ ихъ возстановленіе. Что касается причинъ недовѣрія Екатерины къ Панину, то только завѣдомые недруги Панина и въ большинствѣ случаевъ люди не особенно серьезные и достовѣрные объясняютъ его тѣмъ, что императрица не забывала намѣренія Панина возвести на престолъ ея сына помимо ея самой и какими то его республиканскими тенденціями [1]). Совершенно возможно и даже вполнѣ вѣроятно, что тогда, когда было еще вопросомъ, кѣмъ замѣнить Петра Ѳеодоровича на престолѣ, занимать который онъ былъ очевидно неспособенъ, Панинъ думалъ о великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ, какъ наиболѣе вѣроятномъ и законномъ преемникѣ Петра; но когда прежнее правительство устранено было совершенно другими людьми и престолъ заняла Екатерина, Панинъ конечно съ полною искренностью и совершенно безспорно примирился съ совершившимся фактомъ; и нѣтъ никакихъ, сколько нибудь похожихъ на достовѣрныя, свидѣтельствъ, чтобы онъ думалъ еще

---

[1]) Конечно, не рисуютъ серьезными дѣятелями французскихъ дипломатовъ такія замѣчанія, какъ характеристика Н. И. Панина въ инструкціи Боссету, заключающая между прочимъ такое мѣсто: «Le comte (sic) Panin et ses amis, qui joueroient sûrement le principale rôle dans la révolution, si elle avoit lieu en faveur du grand-duc, sont imbus de la nécessité de resserrer les droits abusifs de l'autorité czarienne, et personne n'est dans les sentiments plus républicains, que ce ministre, qui les a sucés en Suede»,—*Rambaud*, Recueil, IX, 236; такія слова доказываютъ только, что на французской дипломатической службѣ было въ то время не мало бойкихъ, но поверхностныхъ говоруновъ, въ родѣ Бретейля,—а о достовѣрности его разсказовъ имѣемъ очень неблагопріятный и доказательный отзывъ Сегюра—*Русскій Архивъ,* 1890, № 12, 550; впрочемъ, дипломатія Людовика XV за то и потерпѣла множество серьезныхъ пораженій. Въ донесеніи Гуннинга отъ 28-го іюля 1772 г. говорится тоже о недовѣріи Екатерины къ Панину изъ за вопроса о престолѣ; но тамъ возникновеніе вопроса отнесено къ эпохѣ предполагавшагося брака императрицы съ Орловымъ; объясненіе затѣмъ отношеній Екатерины къ Панину очень натянутое—*Сборникъ,* т. XIX, 297—298. Гр. Сольмсъ сообщаетъ, что ему разсказывали о намѣреніи нѣкоторыхъ, въ томъ числѣ будто-бы и Н. И. Панина, провозгласить Екатерину лишь регентшей, но ничего не говоритъ о подозрѣніяхъ императрицы противъ Панина послѣ того—*Сборникъ,* т. XXII, 74.

о новыхъ потрясеніяхъ, а не объ утвержденіи и такъ уже слишкомъ часто потрясеннаго въ XVIII в. преемства высшей власти въ Россіи. Что касается заговора Паниныхъ въ началѣ 70-хъ годовъ, то это есть чистѣйшій вымыселъ и нельзя не удивляться, какъ до сихъ поръ находятся еще люди, не желающіе признать, что нѣтъ ни одного мало мальски достовѣрнаго свидѣтельства, которое бы говорило объ такомъ происшествіи. Несомнѣнно, что разсказы объ немъ представляютъ изъ себя перепутанныя воспоминанія о дѣлѣ Сальдерна, дѣлѣ, въ которомъ Панинъ разыгралъ роль діаметрально противуположную той, которая ему приписывается, какъ участнику заговора. Дѣло Сальдерна извѣстно намъ по современнымъ донесеніямъ иностранныхъ пословъ и несомнѣнно конечно, что подобная исторія и не могла укрыться отъ вѣдома ихъ, но ни одинъ изъ нихъ не говоритъ о заговорѣ Панина ни въ этомъ случаѣ, ни въ какомъ другомъ; роль и дѣятельность заговорщика приписана министру, 10 лѣтъ до того и 8 лѣтъ послѣ того, до самой своей смерти, стоявшему во главѣ правленія, главнымъ образомъ на основаніи записокъ М. А. Фонвизина, писанныхъ въ *пятидесятыхъ годахъ нынѣшняго вѣка* и наполненныхъ всевозможными фактическими неточностями [1])! Совершенно неправильно представляли до сихъ поръ и участіе Панина въ дѣлѣ объ учрежденіи въ Россіи Императорскаго совѣта; въ другомъ мѣстѣ мы доказали, что во всемъ этомъ эпизодѣ не было со стороны Панина даже намека на попытку ограничить самодержавную власть императрицы [2]); да и несомнѣнно, кромѣ того, что если бы подобная попытка была произведена, она вызвала бы не только временное личное охлажденіе...

Какъ воспоминаніе о какомъ-то исключительномъ положеніи Панина между императрицею съ одной стороны и ея сыномъ

---

[1]) *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія,* мартъ 1894 г., наша статья «Проектъ императорскаго совѣта въ первый годъ царствованія Екатерины II»; см. еще письма Сольмса къ Ассебургу, *Русская Старина,* 1877 г. т. XIX, 353—358; *Кобеко,* Цесаревичъ Павелъ Петровичъ, 103.

[2]) «Проектъ императорскаго совѣта въ первый годъ царствованія императрицы Екатерины II»—въ *Журналъ Ми*[illegible] *свѣщенія,* 1894 года, мартъ.

и обществомъ съ другой толкуютъ фразу, сказанную Екатериною Храповицкому въ 1793 году, что «по политическимъ» причинамъ она не брала сына отъ Панина потому, что «всѣ думали, что если не у Панина, то пропалъ» [1]). Но эта коротенькая фраза, произнесенная въ разговорѣ о физическомъ воспитаніи великаго князя Александра сравнительно съ физическимъ воспитаніемъ великаго князя Павла, нуждается въ слишкомъ сложныхъ предположеніяхъ и слишкомъ искусственныхъ толкованіяхъ, чтобы обратить ее въ доказательство недовѣрія и Екатерины къ Панину и общества къ Екатеринѣ; мы устраняемся отъ нихъ, не считая возможнымъ построить какое либо утвержденіе на натянутыхъ и сложныхъ толкованіяхъ одной отрывочной фразы.—Но указываютъ, будто и самъ Панинъ говорилъ Сольмсу, что его вліяніе въ петербургскомъ правительствѣ продолжится до тѣхъ поръ, пока его кровать стоитъ во дворцѣ и что когда кровать его будетъ вынесена, все измѣнится. Такая ссылка невѣрна: Панинъ этого не говорилъ—по крайней мѣрѣ до насъ не дошли такія его слова. Онъ сказалъ Сольмсу, что пока его кровать во дворцѣ,—то-есть, пока онъ занимаетъ свое прежнее мѣсто при наслѣдникѣ, пока онъ не лишился, слѣдовательно, довѣрія императрицы,—до тѣхъ поръ графъ Сольмсъ «можетъ ничего не бояться» въ смыслѣ сохраненія дружбы Россіи и Пруссіи; но что когда кровать Панина будетъ вынесена—это будетъ значить, что возобладали сторонники союза съ Австріей [2]). Простое—но только внимательное и не предубѣжденное—чтеніе этой депеши Сольмса съ несомнѣнностью раскрываетъ, что Панинъ говорилъ о связи принятой имъ системы съ сохраненіемъ имъ своего мѣста и значенія, а вовсе не о связи своего положенія и значенія съ придворными интригами.

Несомнѣнно высказано взаимное недовольство Екатерины и Панина въ письмѣ императрицы къ Потемкину и Панина къ брату, написанныхъ немедленно послѣ засѣданія совѣта, на которомъ обсуждалось положеніе дѣлъ послѣ полученія

---

[1]) *Храповицкаго* Памятныя записки, изд. Геннади, 291, 20-го іюля 1793 г.
[2]) *Сборникъ*, т. XXII, 126.

извѣстія о значительныхъ успѣхахъ Пугачева [1]). Въ письмѣ императрицы неудовольствіе и недовѣріе высказано совершенно прямо, въ письмѣ Панина говорится въ самыхъ неодобрительныхъ выраженіяхъ о Вяземскомъ, Чернышевѣ, Орловѣ, но очевидно, что Панинъ крайне недоволенъ всѣми участниками засѣданія, а въ немъ предсѣдательствовала сама императрица. Но неужели можно признавать, что эти письма, составленныя подъ самымъ свѣжимъ впечатлѣніемъ преній и споровъ въ моментъ, дѣйствительно, крайне непріятный и критическій, рисуютъ сколько нибудь вѣрно постоянное, обычное отношеніе участниковъ совѣта другъ къ другу? Они написаны очевидно въ минуту раздраженія, и кому же не случалось въ подобныя минуты, въ интимныхъ письмахъ къ наиболѣе близкимъ людямъ, произносить о другихъ людяхъ отзывы и сужденія такія, которыя вовсе не соотвѣтствуютъ обычнымъ, постояннымъ чувствамъ къ тѣмъ же самымъ лицамъ?!

И такъ, всѣ подобныя указанія на характеръ взаимныхъ отношеній Екатерины и Панина должно признать частью далеко недостаточными для опредѣленія этихъ отношеній, частью—недостовѣрными, а толкованія ихъ большею частію ошибочными или по крайней мѣрѣ натянутыми. Надежнымъ основаніемъ для рѣшенія занимающаго насъ вопроса можетъ послужить только переписка Екатерины и Панина, въ которой считается нѣсколько сотъ писемъ и записокъ, которая не предназначалась никогда для общаго свѣдѣнія и велась подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ самыхъ различныхъ положеній и вопросовъ. Насколько вѣрно передавала эта переписка настроеніе корреспондентовъ видно, всего лучше изъ того, что въ ней отразилось и то непродолжительное охлажденіе между ними, о которомъ мы говорили выше. Ознакомленіе съ этимъ эпизодомъ изъ первыхъ рукъ для насъ чрезвычайно важно.

По донесеніямъ иностранныхъ посланниковъ начало охлажденія Екатерины къ Панину относится къ лѣту 1763 года; и дѣйствительно, за это время, послѣ 24-го мая, въ переепискѣ Екатерины только одна записка къ Панину; въ диплома-

---

[1]) *Сборникъ*, т. VI, 74; т. XIII, 420; *Архивъ Государственнаго Совѣта*,

тическихъ бумагахъ, до осени—тоже только одно или два упоминанія о немъ—оффиціально мѣста въ иностранной коллегіи Панинъ не занималъ до 27-го октября 1763 года. Это были мѣсяцы очень тревожные для придворныхъ сферъ: въ это именно время шла борьба изъ-за вопроса о бракѣ Екатерины съ Орловымъ; только что въ концѣ 1762 г. въ Петербургѣ раскрылся заговоръ Гурьевыхъ и Хрущовыхъ, а въ 20-хъ числахъ іюня 1763 г. обнаружились замыслы Хитрово. Несомнѣнно, Панинъ былъ противъ брака; Хитрово говорилъ, что Екатерина давала Панину слово быть лишь регентшею при сынѣ, а не императрицею... [1]). При такихъ обстоятельствахъ, въ первый годъ царствованія, которое началось сверженіемъ прежняго правительства, удивительна-ли осторожность относительно такого виднаго человѣка, какъ Панинъ, человѣка, имѣвшаго къ тому же не мало враговъ и завистниковъ, которые, конечно, старались возбудить у императрицы недовѣріе къ нему. Екатерина сама совершила coup d'état, подготовляла его,—очень естественно, что она опасалась чего либо подобнаго и противъ себя самой, тѣмъ болѣе, что въ дѣлѣ Хитрово замѣшаны были вообще болѣе или менѣе приближенные къ ней люди; нѣтъ ничего удивительнаго, что она усумнилась на минуту и въ Панинѣ. Но изъ дальнѣйшаго изученія документовъ нельзя не видѣть, что Панинъ вышелъ безусловно чистымъ изъ этого—вниманія къ его поведенію, въ такое время во всякомъ случаѣ не вполнѣ безопаснаго, ибо подозрительными могли показаться даже и совершенно невинныя слова: послѣ этого дѣла императрица вернула Панину свое полное довѣріе, вернула его, можетъ быть, въ еще усиленныхъ размѣрахъ. Послѣ того перерыва въ перепискѣ, о которомъ мы упомянули, первою, дошедшею до насъ, запискою Екатерины къ Панину, уже въ октябрѣ 1763 года, является слѣдующая извѣстная: «Не смѣйтесь мнѣ, что я со стула вскочила, какъ получила извѣстіе о смерти короля польскаго,—король прусскій изъ-за стола вскочилъ, какъ услышалъ» [2]); 27-го того же октября, именно въ трудное, хлопотливое время, Панинъ назначенъ былъ первен-

[1]) *Сборникъ*, т. VII, 292, 293.

[2]) *Сборникъ*, т. VII, 321.

ствующимъ членомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ; дальнѣйшая дипломатическая переписка, а также и записки Екатерины къ Панину, и донесенія пословъ, одинаково свидѣтельствуютъ о полномъ, твердомъ согласіи императрицы и министра, о полномъ взаимномъ ихъ довѣріи. Опять, какъ прежде, какъ въ началѣ 1763 года, Екатерина въ перепискѣ съ Кейзерлингомъ называетъ «совершенно секретными», «никому неизвѣстными» тѣ письма, которыя знаютъ она и Панинъ; совершенно согласно съ пунктами, проектированными въ записочкѣ Панина, она пишетъ даже собственноручныя письма [1]); очень секретная переписка по поводу слуховъ о злоумышленіяхъ на жизнь императрицы идетъ непосредственно и единственно чрезъ Панина [2]); въ 1764 году Екатерина Панину поручила возвратить англійскому послу 44,000 рублей, которые когда-то еще будучи великою княгинею, она получила отъ англійскаго посла Вилліамса; это было дѣло совершенно интимное [3]), и Екатерина, имѣвшая подлѣ себя такихъ людей, какъ И. П. Елагинъ, А. В. Олсуфьевъ, добраго отношенія ея къ которымъ никакъ нельзя подвергнуть сомнѣнію, не поручила бы этого дѣла Панину, если бы и къ нему не относилась совершенно дружески. Во время отсутствія императрицы—когда она ѣздила въ Прибалтійскія губерніи въ 1764 году, когда она путешествовала по Волгѣ въ 1767 году, а также и въ то время, когда все вниманіе свое посвящала она коммиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія—всѣ дѣла идутъ черезъ Панина и переписка его съ послами нимало не дѣлается менѣе обстоятельною или распоряженія менѣе опредѣленными; Екатерина писала Кейзерлингу, что во время ея отсутствія отвѣты на донесенія изъ-за границы будутъ составляться въ Петербургѣ, по распоряженіямъ министровъ, «согласно даннымъ имъ указаніямъ», и что только затѣмъ уже эти отвѣты будутъ пересылаемы къ ней, а она будетъ ихъ подписывать и отправлять прямо далѣе, или измѣнять [4]); никакой задержки въ пе-

[1]) *Сборникъ*, т. XLVIII, 407, 414—415, 595—596; т. LI, 281, 311.

[2]) *Сборникъ*, т. LVII, 36.

[3]) *Сборникъ*, т. XII, 162—164; заемъ былъ сдѣланъ, кажется, въ ноябрѣ 1756 г.—см. *Сборникъ*, т. VII, 73.

[4]) *Сборникъ*, т. LI, 398—399, 517.

пепискѣ не произошло. Во время поѣздки Екатерины въ Ригу въ Петербургѣ произведена была Мировичемъ безумная попытка возвести на престолъ Іоанна Антоновича; конечно, это было нѣчто аналогичное съ заговоромъ Гурьевыхъ и Хрущова, только посерьезнѣе—но въ это время Екатерина не имѣла уже ни малѣйшаго недовѣрія къ Панину: подъ его наблюденіемъ шло слѣдствіе по дѣлу Мировича; но мало того: въ апрѣлѣ этого же самаго года, т. е. всего за три мѣсяца до этого инцидента, Панинъ говорилъ Сольмсу, что императрицу нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ предупреждали о заговорѣ Панина и гетмана, имѣвшемъ, будто бы цѣлью свергнуть ее и возвести на престолъ Іоанна Антоновича, но императрица спокойно отнеслась къ этому сообщенію [1]) — не ясно ли, что подобныя предположенія, кажущіяся столь вѣроятными въ глазахъ людей, не умѣющихъ смотрѣть на дѣятелей высокостоящихъ просто, какъ на всѣхъ другихъ, въ глазахъ императрицы были ничѣмъ инымъ, какъ мелкою сплетнею, которая можетъ коснуться всякаго, но сама не имѣетъ никакого основанія и значенія. Въ 1767 г., во время разновременныхъ переѣздовъ изъ Москвы въ Петербургъ Екатерины и Панина, послѣдній писалъ Репнину:. «хотя за отсутствіемъ Ея Императорскаго Величества и не могъ я помянутыхъ депешей представить къ высочайшей апробаціи, но имѣя, однако же, отъ всемилостивѣйшей государыни достаточныя на все повелѣнія, могу я теперь самъ для выигранія столь драгоцѣннаго времени рѣшительно уже сказать вамъ, чтобъ смѣло изволили вы приступать къ подписанію трактата»; въ другомъ письмѣ, къ А. М. Обрѣзкову, Панинъ говоритъ: «вотъ все, что я теперь въ отсутствіе Ея Императорскаго Величества на послѣднее ваше письмо предварительно сказать могу; но какъ я, однако же, имѣю счастіе достаточно знать высочайшія Ея Величества намѣренія, то и могу ваше превосходительство увѣрить, что настоящія мои изъясненія согласуютъ онымъ, слѣдовательно же и могутъ вамъ служить надежнымъ руководствомъ» [2]). Совѣтъ, созванный императрицею при дворѣ въ самомъ началѣ турецкой войны, былъ

[1]) *Сборникъ*, т. XXII, 247.
[2]) *Сборникъ*, т. LXXXVII, 12, 31.

результатомъ предварительнаго совѣщанія съ Панинымъ [1]); за первые 8 дней по полученіи въ Петербургѣ извѣстій о началѣ со стороны Турціи враждебныхъ дѣйствій мы не имѣемъ бумагъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ—несомнѣнно, что Панинъ принималъ ближайшее непосредственное участіе въ обсужденіи дѣлъ въ совѣтѣ, какъ это и видно по его протоколамъ. Если бы не было между императрицей и ея министромъ искренняго довѣрія—какъ легко можно было, съ сохраненіемъ всѣхъ приличій, отстранить министра иностранныхъ дѣлъ отъ обсужденія мѣръ для войны, уже начавшейся. Графъ Сольмсъ говоритъ объ этомъ времени такъ: публика и даже друзья обвиняютъ Панина въ томъ, что онъ способомъ дѣйствій своихъ въ Польшѣ вызвалъ войну; императрицѣ извѣстно это мнѣнія публики, но она по прежнему отдаетъ предпочтеніе совѣтамъ Панина и его мнѣніямъ и въ совѣщаніи министровъ и генераловъ, которыхъ она собираетъ три раза въ недѣлю, разбирается только то, что уже подготовлено ею съ Панинымъ [2]). Затѣмъ въ резолюціяхъ Екатерины на разныя бумаги, исходившія отъ Панина, мы постоянно встрѣчаемъ совершенно дружескія, интимныя замѣчанія. Такъ, напримѣръ, разъ она приписала въ письмѣ къ кн. Репнину: «едва не забыла вамъ сказать, что я совершенно не причемъ въ раздраженіи вашего любезнаго дядюшки (то-есть Панина) и что онъ повѣдалъ мнѣ о немъ лишь показывая вашъ отвѣтъ. Тогда я въ свою очередь побранила его (je l'ai grondé) за нерасположеніе къ шуткамъ». Въ другой разъ, на замѣткѣ Панина по поводу одного донесенія Кейзерлинга, она приписала: «я весьма съ симъ мнѣніемъ согласна и прочитавъ промеморію почти всѣ тѣ же рефлексіи дѣлала»; въ февралѣ 1765 г. она приписала на одномъ докладѣ Панина: «А я, Екатерина, говорю, что Панину бояться нечего», и затѣмъ, тѣми самыми мыслями, какія онъ тутъ высказывалъ, воспользовалась для собственноручнаго письма въ маѣ 1765 г. Въ одной собственноручной записочкѣ къ Панину, въ апрѣлѣ 1765 г., Екатерина говоритъ въ концѣ такъ:

---

[1]) *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1894 г., мартъ, наша статья «Проектъ императорскаго совѣта».

[2]) *Сборникъ*, т. XXXVII, 184, 194.

«если вы сіе не апробуете, то раздерите сей билетъ», а въ другой разъ, на предложенное Панинымъ рѣшеніе, она начала свой отвѣтъ, содержащій полное согласіе съ нимъ, такими словами: «Сейчасъ прикажу» и т. д. [1]). Въ свою очередь и Панинъ говоритъ съ императрицею тономъ человѣка вполнѣ близкаго и довѣреннаго; такъ, изложивъ письменно вкратцѣ свое мнѣніе по поводу одного донесенія Остермана, онъ закончилъ его такими простыми словами: «я предоставляю себѣ счастіе объ этомъ ближе на словахъ изъясниться» [2]). Можно безъ труда указать не одинъ случай, гдѣ Екатерина, высказывая свое мнѣніе по поводу какого-нибудь неуспѣха или неполнаго успѣха принятыхъ по предписаніямъ Панина мѣръ, или разрѣшая Панину употребить довольно крупныя суммы на поправленіе такихъ неудачъ въ дѣлахъ, которыя, можетъ быть и можно было предвидѣть и заблаговременно предотвратить, — не старалась при этомъ уколоть Панина, доставить ему нѣсколько непріятныхъ минутъ; напротивъ, ко всѣмъ такимъ случаямъ она относилась самымъ простымъ, благожелательнымъ образомъ [3]). Наконецъ, вотъ знаменитое письмо Екатерины послѣ избранія Станислава Августа Понятовскаго королемъ: «Никита Ивановичъ! Поздравляю васъ съ королемъ, котораго мы дѣлали. Сей случай наивяще умножаетъ къ вамъ мою довѣренность, понеже я вижу, сколь безошибочны были всѣ вами взятыя мѣры, о чемъ я не хотѣла обойдтись показать вамъ мое удовольствіе. У меня такъ чрезвычайно спина болитъ, что я никакъ не въ состояніи долго перо держать и для того, сказавъ причину, извольте вмѣсто меня на сей разъ написать къ гр. Кейзерлингу и къ кн. Репнину мое удовольствіе за ихъ труды и радѣніе, которыми они не мало себѣ и намъ славы пріобрѣли; и къ новому королю прикажите къ подписанію моему заготовить письмо въ отвѣтъ на его. Если у меня не ревматизмъ въ спинѣ, то умираю—боюсь, чтобъ не камень былъ; только то, что послѣ бани первый разъ мнѣ легче было, нѣсколько

---

[1]) *Сборникъ*, т. LI, 171, 182; т. LVII, 181, 182, 232, 259, 430.

[2]) *Сборникъ*, т. LXVII, 208.

[3]) См., напримѣръ, *Сборникъ*, т. LI, 478; т. LVII; 430; т. LXVII, 221, 222 и др.

обнадеживаетъ, что простуда. Князя Шаховскаго, скажите Захару Чернышеву, что я жалую подполковникомъ. Екатерина» [1]). Этого письма нельзя не признать самымъ сердечнымъ, дружественнымъ. И если такія отношенія, какія сейчасъ мы видѣли, существовали между Екатериной и Панинымъ послѣ того, какъ въ теченіи нѣкотораго времени между ними отношенія были довольно холодны, то можно съ полною увѣренностью утверждать, что согласіе между ними было возстановлено искренно. Императрица говоритъ со своимъ министромъ въ тонѣ совершенно дружескомъ и вполнѣ соотвѣтствующемъ мнѣнію о своихъ министрахъ, высказанному ею въ одномъ изъ первыхъ, по восшествіи ея на престолъ, писемъ ея къ Понятовскому, въ октябрѣ 1763 г., когда она писала: «Не знаю, что говорятъ о людяхъ, окружающихъ меня, но знаю, что они не подлые льстецы и не презрѣнныя и низкія души. Я знаю за ними лишь патріотическія чувства, знаю, что они любятъ и дѣлаютъ добро, никого не обманываютъ и не берутъ денегъ за то, что по своему кредиту они могутъ совершить. Если съ этими качествами они не имѣютъ счастія нравиться тѣмъ, кто желалъ бы видѣть ихъ порочными, то по совѣсти и они, и я, мы обойдемся безъ ихъ одобренія» [2]). Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что въ письмѣ этомъ Екатерина подразумѣвала и Н. И. Панина, о неподкупности котораго вообще ходила громкая и совершенно заслуженная слава.

Такимъ образомъ мы должны признать, что между императрицей и министромъ ея существовало полное довѣріе и господствовало полное согласіе; несомнѣнно, что работая надъ одними и тѣми же вопросами они иногда спорили, но всегда дѣло кончалось тѣмъ, что сообща принималось какое-нибудь одно рѣшеніе и ему уже слѣдовали обѣ стороны вполнѣ искренно и со всѣмъ стараніемъ. Мы не можемъ указать ни одного случая, гдѣ бы

[1]) *Сборникъ*, т. VII, 373—374.

[2]) *Сборникъ*, т. XLVI, 286. Графъ Сольмсъ, сообщая Фридриху о нѣкоторыхъ несогласіяхъ между Панинымъ и Чернышевыми въ первое время турецкой войны, прибавляетъ: «я однако считаю долгомъ увѣрить ваше величество, что недоразумѣнія, происходящія время [illegible] ими, не дойдутъ до интригъ, которыя могли бы [illegible]ія» — *Сборникъ*, т. XXXVII, 193.

мы видѣли ясно слѣды различной политики государыни и министра; они всегда дѣйствовали по взаимному соглашенію и кто бы между ними ни доминировалъ, чье бы мнѣніе ни одерживало верхъ чаще—можно утверждать, что обѣ стороны одинаково были проникнуты тѣми заботами о выгодахъ и пользѣ Россіи, которыми такъ благопріятно отличается царствованіе Екатерины II. Внимательное изученіе документовъ о дѣятельности Панина раскрываетъ съ несомнѣнностью, что онъ былъ достойнымъ сотрудникомъ своей государыни и вполнѣ достойнымъ представителемъ чести и значенія Россіи въ сношеніяхъ съ другими державами.

Гр. Никита Ивановичъ Панинъ до сихъ поръ еще не оцѣненъ у насъ по заслугамъ; взгляды на качества Панина и его дѣятельность, высказывавшіеся прежде, въ значительной своей части совершенно невѣрны. Полная оцѣнка дѣятельности гр. Н. И. Панина неразрывно связана съ подробною исторіей всей внѣшней политики Россіи за первыя 20 лѣтъ Екатерининскаго царствованія; въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ не разъ имѣть случай видѣть его блестящіе успѣхи въ сношеніяхъ съ иностранными дипломатами, видѣть и ясныя свидѣтельства его блестящихъ дарованій и полезной дѣятельности; здѣсь же мы приведемъ только нѣсколько общихъ замѣчаній о его дѣятельности, замѣчаній, которыя намъ кажутся необходимыми для того, чтобы правильно понимать внѣшнюю политику Россіи за первые годы Екатерининскаго царствованія.

Отзывы иностранныхъ дипломатовъ о Н. И. Панинѣ очень разнорѣчивы: одни говорятъ о немъ съ большими похвалами, другіе—очень недружелюбно. Къ свидѣтелямъ второй категоріи относятся гр. Мерси и французскіе дипломаты; но и изъ нихъ гр. Мерси не отзывается дурно, а тѣмъ болѣе пренебрежительно, объ умѣ или честности Панина; онъ только недоволенъ его направленіемъ и на основаніи донесеній графа Мерси надо скорѣе заключить, что его главный противникъ, Н. И. Панинъ, человѣкъ замѣчательный, потому что графъ Мерси никакъ не можетъ одержать надъ нимъ верхъ, и не можетъ вмѣстѣ съ тѣмъ обвинить его въ какихъ нибудь неблаговидныхъ дѣйствіяхъ, съ помощію которыхъ о

торжество своимъ взглядамъ. Гораздо рѣже даютъ неодобрительные отзывы о Панинѣ англійскіе посланники; разъ Букингамъ пишетъ, что способности Панина оказываются меньше, чѣмъ онъ нашелъ ихъ при первомъ знакомствѣ, затѣмъ Макартней и Гуннингъ жалуются, что увлеченіе Панина одною дамою высшаго петербургскаго общества отвлекаетъ его отъ дѣлъ [1]), — но обыкновенно эти неодобрительные отзывы являлись непосредственно вслѣдъ за тѣмъ, какъ посламъ приходилось доносить о неуспѣхѣ своихъ переговоровъ съ Панинымъ. Постоянно дурно говорятъ о Панинѣ французскіе дипломаты; но и въ ихъ словахъ мы видимъ недружелюбныя объясненія его поступковъ, стремленіе истолковать его дѣйствія въ дурную сторону — и не находимъ ни одного факта, который бы говорилъ во вредъ Панину и былъ бы доказанъ. Довольно подробныя характеристики Панина дали намъ французскій уполномоченный Корберонъ и англійскій посолъ Гаррисъ; но обѣ онѣ не заслуживаютъ, кажется, особеннаго вниманія, потому что въ нихъ замѣчаемъ болѣе стремленія дать характеристику красивую, оригинальную, чѣмъ указаній на такія качества Панина, которыя мы сами видимъ въ дѣлахъ его. Такъ, Корберонъ говоритъ, что слова *нѣтъ* на языкѣ Панина не существуетъ, что онъ охотно обѣщаетъ свое согласіе на что угодно, но потомъ не исполняетъ обѣщаннаго [2])—между тѣмъ подлинныя донесенія Макартнея, Букингама, переписка съ Сольмсомъ и т. д. представляютъ намъ очень много случаевъ, когда Панинъ весьма твердо отстаивалъ свои желанія и отказывалъ иностраннымъ посламъ въ ихъ очень настойчивыхъ просьбахъ; безъ основанія также приписываетъ Корберонъ Панину мелочную хитрость—мы совершенно не видимъ ея въ его дѣйствіяхъ. Но во всякомъ случаѣ неблагопріятнымъ отзывамъ о Панинѣ можно противупоставить значительно большее количество отзывовъ чрезвычайно хорошихъ. Прямо почти восторженно отзывается о немъ англійскій посолъ лордъ Каскартъ (въ 1768—1769 гг.): «я рѣдко видалъ человѣка, съ которымъ такъ пріятно было бы вести дѣло; это одинъ изъ

---

1) *Сборникъ*, т. XII, 80, 257, 258; т. XIX, 163, 326.

самыхъ любезныхъ людей, которыхъ мнѣ когда либо случалось знать», говоритъ онъ; «могу увѣрить», пишетъ онъ въ другой депешѣ, «что репутація откровенности, искренности и способностей этого министра отнюдь не преувеличена»; по его словамъ, онъ вполнѣ можетъ ручаться, что Панинъ не преслѣдуетъ другихъ цѣлей, кромѣ тѣхъ, какія соотвѣтствуютъ пользѣ и чести его государыни и упроченію въ Россіи правительства [1]); твердость убѣжденій, пріятное обращеніе, правдивость Н. И. Панина, исключавшую съ его стороны всякое лукавство, всякую возможность интриги для интриги [2])—единогласно признаютъ за нимъ и всѣ другіе посланники, единогласно свидѣтельствуютъ они и о его неподкупной честности [3]). Вообще же Н. И. Панинъ представлялъ изъ себя настоящій типъ дипломата XVIII вѣка: Лябрюйеръ въ своихъ Les caractères даетъ положительно его портретъ [4]).

Но мы вообще не придаемъ рѣшающаго значенія отзывамъ людей, настроеніе которыхъ слишкомъ легко мѣнялось подъ вліяніемъ разныхъ обстоятельствъ и которые ни мало не скупились на самые опредѣленные, увѣренные отзывы, отчасти искренно увлекаясь, отчасти зная, что опровергнуть и даже провѣрить ихъ совершенно невозможно для тѣхъ, кому они писали. Несравненно болѣе важныя и къ тому же болѣе достовѣрныя данныя для характеристики Панина мы извлекаемъ изъ его дѣловой корреспонденціи.

Не желая вовсе преувеличивать заслуги и значеніе Н. И. Панина, нельзя не признать его во всякомъ случаѣ человѣкомъ замѣчательнымъ. Онъ не внесъ въ свою дѣятельность идеи, которая бы наполнила умственную дѣятельность многихъ поколѣній, не наложилъ своего отпечатка на всю государ-

---

1) *Сборникъ*, т. XII, 344, 362, 393, 428—430; т. XIX, 14.

2) *Сборникъ*, т. XII, 174, 274; т. XXII. 387 и др.

3) *Сборникъ*, т. XLVI, 286; т. XXII, La cour de Russie, 247 и др.

4) *La Bruyère*, Les caractères, Paris, 1843, 214—216. Сорель совершенно справедливо замѣчаетъ: «дѣлая выписки изъ писемъ дипломатовъ стараго порядка, замѣчаешь, что это не что иное, какъ превосходная характеристика Лябрюйера, раздробленная на мелкіе факты»—Европа и Французская революція, I, 17, пр. 3; но едва ли къ кому нибудь болѣе приложима характеристика пріемовъ истиннаго дипломата, какую даетъ Лябрюйеръ, чѣмъ къ Панину.

ственную жизнь и на работу милліоновъ людей; но въ тѣхъ обстоятельствахъ, среди какихъ пришлось ему дѣйствовать, онъ доставилъ Россіи блестящіе успѣхи и несомнѣнную пользу. Онъ явился достойнымъ ученикомъ и преемникомъ графа А. П. Бестужева-Рюмина и не часто, конечно, высокоцѣнная идея была воспринята отъ лучшаго учителя болѣе достойнымъ ученикомъ. Бестужевъ, безъ сомнѣнія, самый талантливый изъ людей, уже при Петрѣ сложившихся и имъ выдвинутыхъ, посвятилъ свои высокія дарованія тому чтобы усилить политическое значеніе Россіи, поднять его до того уровня, на которомъ имѣлъ право видѣть свое государство русскій народъ. Много труда и энергіи вложилъ въ свою дѣятельность Бестужевъ и достигъ въ своихъ стремленіяхъ весьма значительныхъ успѣховъ; онъ сумѣлъ заставить западно-европейскія государства обращать на интересы Россіи вниманія несравненно больше, чѣмъ они это дѣлали прежде. Но по свойству ли своей натуры, по тѣмъ ли обстоятельствамъ, среди которыхъ приходилось ему работать—онъ не всегда выбиралъ средства, достойныя его ума и даже его положенія: въ немъ замѣчается склонность къ придворнымъ интригамъ, стремленіе опираться на людей случайно вліятельныхъ у царствующаго государя, слишкомъ большая даже для того времени готовность допускать вліяніе на дѣла государственныя фаворитовъ. Послѣ паденія Бестужева его дѣло продолжалось его преемникомъ, но безъ такой энергіи и безъ такой ловкости; когда же послѣ короткаго перерыва завѣдываніе иностранными сношеніями Россіи перешло къ Панину, онъ, цѣликомъ воспринявъ главную идею Бестужева, положивъ ее въ основаніе своей политической системы, пошелъ своимъ путемъ снова съ умѣньемъ, не уступавшимъ умѣнью Бестужева, но пожалуй съ еще большимъ успѣхомъ. Панинъ не вынесъ за эту эту идею такой тяжелой борьбы, какую выдержалъ Бестужевъ; онъ не пережилъ, какъ Бестужевъ, того униженія всего русскаго, которое господствовало во время Бироновщины; Панинъ не обладалъ той желѣзной волей, которая, кажется, не только не страшилась препятствій и борьбы, но ихъ искала, но Панинъ заимствовалъ у своего великаго учителя всѣ пріемы тонкаго и остраго ума,

выработалъ замѣчательное умѣнье вліять на людей и на дѣла; въ прекрасной школѣ, работая подъ руководствомъ замѣчательнаго мужа, Панинъ развилъ свои блестящія дарованія и, принявъ важную идею съ яснымъ пониманіемъ ея значенія, проводилъ ее со всѣмъ спокойствіемъ, со всею увѣренностью ничѣмъ не запятнаннаго человѣка и съ необыкновеннымъ дипломатическимъ искусствомъ; но онъ не прибѣгалъ никогда къ такимъ пріемамъ, которые Бестужеву казались вполнѣ позволительными. Можно утверждать положительно, что среди всѣхъ современныхъ Панину дипломатовъ не было никого, кто стоялъ бы выше Панина по личной честности,— но въ сношеніяхъ дипломатическихъ онъ остался вѣренъ своему вѣку и въ искусствѣ хитрить не уступалъ никому изъ своихъ современниковъ. Преслѣдуя одну, дорогую для насъ, русскихъ, главную цѣль—усиленіе Россіи и увеличеніе ея значенія—Панинъ обнаруживалъ многократно и въ самыхъ различныхъ случаяхъ превосходство своего ума надъ дарованіями своихъ соперниковъ. Онъ не стоялъ настолько выше своихъ современниковъ, чтобы гораздо шире ихъ смотрѣть на тѣ пути и средства, которые ведутъ къ истинному усиленію государства; онъ былъ настолько сыномъ вѣка, что усиленіе государства представлялъ себѣ какъ усиленіе матеріальное, т. е. какъ увеличеніе числа его подданныхъ, и связанное съ этимъ увеличеніе его доходовъ; если, быть можетъ у него и мелькали иногда идеи объ необходимомъ для истиннаго усиленія государства улучшеніи его внутренняго строя, то мы все-таки склонны думать, что болѣе ясно Панинъ представлялъ себѣ успѣхи государства именно на пути внѣшнихъ пріобрѣтеній; и всегда, когда онъ говоритъ объ интересахъ Россіи—онъ почти исключительно имѣетъ въ виду интересы государства финансовые и увеличеніе его матеріальной силы, вслѣдствіе увеличенія населенія или пріобрѣтенія лучшихъ границъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обладалъ замѣчательнымъ умѣньемъ подыскивать новыя и по существу своему симпатичныя точки зрѣнія, съ которыхъ онъ и умѣлъ представлять свои дѣйствія настолько убѣдительно и обстоятельно, что нерѣдко убѣждалъ и своихъ противниковъ и заставлялъ ихъ смотрѣть такъ, какъ

представлялъ дѣло онъ; и многія идеи, высказанныя Панинымъ не могли остаться безъ благотворнаго вліянія на расширеніе умственнаго кругозора его ближайшихъ сотрудниковъ и на созданіе у нихъ болѣе правильныхъ понятій о государственной дѣятельности, хотя его истинныя цѣли обыкновенно были гораздо практичнѣе и гораздо ỳже, чѣмъ его постановка вопроса. При Елизаветѣ Петровнѣ, напримѣръ, задержаніе Бирона объясняли «статскими резонами», дѣлающими для Россіи невозможнымъ его освобожденіе, и болѣе ничего не представляли въ объясненіе; диссидентовъ поддерживали съ той точки зрѣнія, что они принадлежатъ къ религіи истинной и къ тому-же исповѣдуемой императрицею—возможно ли сравнивать съ этимъ ту постановку, какую придалъ тѣмъ же вопросамъ Панинъ!? Онъ выставилъ нѣсколько общихъ положеній, которыя, по его словамъ, заставляли Россію принимать участіе въ этихъ дѣлахъ; и хотя мы отлично знаемъ по перепискѣ самого Панина, что вступаясь во все это, онъ руководился единственно желаніемъ усилить Россію, но тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что общія соображенія, выдвигаемыя Панинымъ въ объясненіе его дѣйствій, очень убѣдительны и что опровергать ихъ необыкновенно трудно. Читая его переписку съ иностранными дипломатами нельзя не видѣть, что и помимо того, кто былъ правъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ по существу, онъ обыкновенно превосходилъ своихъ противниковъ умственною силою и необыкновеннымъ умѣньемъ находить слабые пункты въ ихъ аргументаціи и наносить имъ совершенно неожиданные удары въ то самое время, когда имъ, повидимому, удавалось поставить въ затруднительное положеніе его самого; переписка его съ герцогомъ Шуазелемъ по вопросу объ императорскомъ титулѣ русскихъ государей и съ польско-саксонскимъ правительствомъ по поводу Курляндіи представляетъ блестящія доказательства его ума и широты его взгляда. Внимательно вчитываясь въ донесенія изъ Петербурга иностранныхъ пословъ и сравнивая ихъ депеши съ перепискою Панина, мы замѣтимъ безъ труда, что почти всѣ эти послы довольно быстро подпадали подъ его вліяніе; самъ Панинъ въ перепискѣ съ гр. Остерманомъ и Чернышевымъ указываетъ на то, что

Каскартъ относится очень внимательно къ его словамъ и разсужденіямъ и что—какъ видно изъ перлюстраціи его депешъ—иногда даже въ донесеніяхъ своихъ излагаетъ дѣло почти словами Панина; Панинъ подсмѣивается, что депеши Каскарта выходятъ поэтому слишкомъ длинными и обстоятельными [1]); впрочемъ, Панинъ самъ никогда особенно своимъ вліяніемъ на иностранныхъ представителей не хвастался. Но что онъ имъ пользовался въ очень высокой степени—доказывается депешами пословъ: нерѣдко они начинали сами, предъ своимъ правительствомъ, защищать точку зрѣнія Панина, такъ что ихъ собственное министерство принуждено было дѣлать имъ внушенія, чтобы они не слишкомъ уже поддавались этому вліянію [2]).

Результаты 20-тилѣтняго управленія Панина министерствомъ иностранныхъ дѣлъ при Екатеринѣ вполнѣ доказываютъ, что онъ былъ человѣкъ высоко замѣчательный. Онъ получилъ въ управленіе коллегію иностранныхъ дѣлъ черезъ полтора года послѣ того, какъ Австрія и Пруссія не допустили участія Россіи въ переговорахъ о мирѣ, которымъ заканчивалась Семилѣтняя война, не смотря на то, что Россія принимала въ ней участіе—хотя, правда, она вышла изъ войны ранѣе—и не смотря на сильное желаніе Екатерины принять участіе въ общемъ замиреніи. Совершенно въ другомъ размѣрѣ представляется намъ значеніе Россіи въ 1779 г. на Тешенскомъ конгресѣ. Въ 1780 г., императоръ Іосифъ во время пребыванія своего въ Россіи въ разговорѣ съ А. А. Безбородкомъ «вступилъ—какъ говоритъ самъ гр. Безбородко—въ похвалы графу Никитѣ Ивановичу (Панину), говоря, что онъ очень радъ пріобрѣсть его знакомство», и высказывался, что впослѣдствіи его еще болѣе оцѣнятъ; на замѣчаніе Безбородко, «что и они имѣютъ министра, великую славу пріобрѣвшаго благоразумнымъ управленіемъ дѣлъ, ему порученныхъ», императоръ сказалъ, «что онъ отдаетъ всю справедливость достоинствамъ

---

[1]) *Сборникъ*, т. LXXXVII, 195, 259, 299, 461.

[2]) См. напримѣръ, *Сборникъ*, т. XII, 280, 365—366, 394, 401—402, 438—440—донесенія Макартнея и Каскарта; т. XXII, 162, 168, 426, 471, т. XXXVII, 28 и др.—донесенія Сольмса; о сношеніяхъ Панина съ однимъ датскимъ посломъ т. XCVII, 110, 164.

князя Кауница, но не находитъ, чтобы ему было столько случаевъ и обстоятельствъ показать себя, какъ графу Никитѣ Ивановичу, который по сіе время имѣлъ репутацію министра въ дѣлахъ [1]), всю Европу интересующихъ, и такую силу, что можно приписать ему, какъ девизъ fiat et fit» [2]). Черезъ три года послѣ этого, въ годъ смерти Н. И. Панина, гр. Сегюръ въ запискѣ, поданной имъ гр. Верженню, послѣ чего Сегюръ и былъ назначенъ посломъ въ Петербургъ, писалъ между прочимъ: «Pétersbourg est donc le point, où la politique doit porter toute son activité. C'est de la promptitude et du succès des négociations, qui vont s'y entamer, que dépend le sort de l'Europe» [3]).—Такъ возрасло международное значеніе Россіи за время министерства Панина. Россія обнаружила за это время и огромныя матеріальныя силы, и вела блестящія войны; но навсегда останется заслугою Екатерины и Панина, что усилія русскаго народа были направлены такъ, что принесли существенную пользу Россіи. Къ сожалѣнію неоспоримо, что послѣ нихъ далеко не всегда такъ заботились объ интересахъ Россіи, какъ заботилась Екатерина II, и не часто умѣли дѣйствовать такъ успѣшно, какъ дѣйствовалъ гр. Н. И. Панинъ.

---

[1]) Эту фразу надо, конечно, понимать такъ: «имѣлъ репутацію главнаго дѣятеля»...

[2]) [illegible] XXVI, 70.

[illegible] X, 388.

Глава вторая.

Первыя дѣйствія правительства Екатерины во внѣшней политикѣ. — Медіація, датское вмѣшательство въ опеку, вопросы церемоніала и этикета; возстановленіе Бирона въ Курляндіи.

I.

О восшествіи на престолъ императрицы Екатерины II разосланы были сообщенія иностраннымъ министрамъ, пребывавшимъ въ Петербургѣ, въ тотъ же день, 28 іюня 1762 г.; на другой день отправленъ былъ циркулярный рескриптъ къ русскимъ представителямъ заграницей съ извѣщеніемъ о вступленіи императрицы на престолъ «по всеобщему и единогласному вѣрныхъ подданныхъ желанію и прошенію» и съ порученіемъ заявить, что новое правительство намѣрено соблюдать дружбу со всѣми дворами. Обрѣзкову, въ Константинополѣ, приказано было прекратить всякія попытки поднять Турцію противъ Австріи, предписанныя ему при бывшемъ императорѣ; черезъ мѣсяцъ Обрѣзкову выражена была, на основаніи его послѣднихъ донесеній, особенная благодарность за то, что онъ самъ по своимъ соображеніямъ, предписаній покойнаго императора еще не исполнилъ и «такимъ благоразумнымъ поступкомъ не только сохранилъ честь и благопристойность двора русскаго, но и доказалъ вѣрность, основательное свѣдѣніе и рачительное попеченіе о прямыхъ и существительныхъ интересахъ здѣшнихъ». Русскій посланникъ въ Даніи, баронъ І. А. Корфъ, въ виду обострившихся отношеній Россіи и Даніи уже оставилъ Копенгагенъ и выѣхалъ въ Берлинъ, подъ предлогомъ участія въ предположенной

тамъ конференціи о голштинскихъ дѣлахъ; ему приказано было возвратиться въ Данію; императрица отказывалась отъ мысли о конференціи, «полагая за правило, что голштинскія дѣла не могутъ служить основаніемъ для дѣйствій, несходныхъ съ интересами нашего государства, благополучіе котораго мы всѣмъ постороннимъ видамъ предпочитаемъ»; Корфъ долженъ былъ просить датское правительство, чтобы оно прекратило свои враждебныя Россіи дѣйствія въ Константинополѣ [1]). 28-го же іюня и къ генералу гр. З. Г. Чернышеву, командовавшему тѣмъ корпусомъ, который Петръ Ѳеодоровичъ далъ на помощь Фридриху, отправленъ былъ рескриптъ, объявить королю прусскому отъ имени императрицы: «намѣреніе наше было и нынѣ есть всѣ средства употребить къ полученію общаго въ Европѣ мира», поэтому миръ съ Пруссіей будетъ сохраненъ, но что «тишина и благосостояніе престола требуютъ неотложно», чтобы гр. Чернышевъ со своимъ корпусомъ немедленно вернулся въ отечество; на случай если бы Фридрихъ сталъ не отпускать корпуса, Чернышеву приказано было искать помощи у ближайшаго отряда австрійскихъ войскъ. Черезъ два дня и къ ген. П. И. Панину, смѣнившему гр. П. А. Румянцева въ командованіи корпусомъ, который былъ предназначенъ дѣйствовать противъ Даніи, посланы были инструкціи: на случай, если Фридрихъ попытается задержать отрядъ Чернышева, занять вновь всѣ прусскія мѣстности, какія только окажется возможно. Гр. П. С. Салтыковъ, главнокомандующій русскою заграничною арміею, получивъ извѣстіе о перемѣнѣ на престолѣ, немедленно распорядился занимать всѣ оставленныя русскими мѣста; ген. Воейковъ, комендантъ Кенигсберга, обнародовалъ манифестъ о принятіи города снова подъ власть Россіи. Въ Петербургѣ одобрили знакъ ревности Салтыкова, но разъяснили, что желаютъ мира, и потому занятіе уступленныхъ Пруссіи пунктовъ будетъ необходимо лишь въ томъ случаѣ, если Фридрихъ станетъ задерживать корпусъ Чернышева; если же нѣтъ, то Салтыковъ долженъ «освободить все королевство прусское»; вскорѣ ему повторено было предпи-

[1]) *Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества*, т. XLVIII, 1, 3, 4, 27, 31, 32, 154.

саніе освободить прусскихъ подданныхъ отъ взятой съ нихъ ранѣе присяги на подданство Россіи: Фридрихъ, конечно, не задержалъ Чернышева [1]). Онъ очень безпокоился происшедшею въ Россіи перемѣною и неизвѣстностью, какой оборотъ примутъ дѣла въ Россіи [2]), но попытка задержать находившійся у него корпусъ русскихъ войскъ имѣла бы хоть какой нибудь смыслъ, если бы была малѣйшая надежда на новую перемѣну въ Петербургѣ; но еще по прежнимъ донесеніямъ посланниковъ своихъ оттуда Фридрихъ могъ знать, что Петръ Ѳеодоровичъ не могъ оставаться русскимъ императоромъ. Русскому правительству еще довольно долго приходилось развязываться съ путаницей во внѣшнихъ отношеніяхъ, произведенною Петромъ Ѳеодоровичемъ, и дѣйствовать подъ ея вліяніемъ: Россія оказывалась совершенно одинокою; ею недовольны были и прежніе союзники—за перемѣну, произведенную бывшимъ императоромъ, и новые—за отказъ отъ сдѣланнаго имъ. Посолъ австрійскій, гр. Мерси-д'-Аржанто, долго не терялъ надежды, что съ отказомъ отъ союза съ Пруссіей Россія вернется къ прежнему тѣсному союзу съ Австріей; онъ настаивалъ на этомъ въ сношеніяхъ съ канцлеромъ и вицеканцлеромъ неоднократно и наконецъ получилъ довольно рѣзкій отвѣтъ за критику дѣйствій русскаго правительства, которую онъ себѣ позволялъ. Изъ окружавшихъ императрицу дѣятелей гр. Бестужевъ-Рюминъ склонялся на сторону австрійскаго союза, въ пользѣ котораго былъ глубоко убѣжденъ, видя въ немъ лучшее средство для борьбы противъ Пруссіи, что онъ считалъ особенно важнымъ; гр. Воронцовъ и кн. Голицынъ не обладали выдающимися качествами и находились въ нерѣшимости; они видѣли нежеланіе императрицы возвратиться къ старому союзу, но не могли освоиться съ идеею о совершенно самостоятельной политикѣ Россіи, не могли представить себѣ, что можно быть главными, передовыми руководителями въ

---

[1]) Сборникъ, XLVIII, 1, 7, 16, 17, 21; о поступкѣ Воейкова—*Колотовъ*, Дѣянія Екатерины Великой, I, 41; *Русскій Архивъ*, 1886, III, 9—10 письмо Екатерины къ Салтыкову 11 іюля 1762.

[2]) Oeuvres de Frédéric le Grand, XXVI, 250—251, 252; *Мартенсъ*, Собраніе трактатовъ и конвенцій, т. VI, 2—4.

дѣлахъ, общихъ у Россіи съ другими государствами. Противуположный взглядъ проводили предъ императрицею Н. И. Панинъ и гр. Кейзерлингъ; ихъ вліяніе торжествовало и Россія, выходя изъ союза заключеннаго Петромъ Ѳеодоровичемъ, не возвращалась къ старому; правительство искало новыхъ путей для совершенно самостоятельной политики.

Впрочемъ первая попытка Екатерининскаго правительства доставить Россіи самостоятельную и довольно видную роль въ общеевропейскихъ дѣлахъ окончилась неудачею.

9 іюля 1762 г. русскимъ представителямъ при разныхъ дворахъ приказано было «пристойно внушать», что Россія не только сама вышла изъ войны, но что она «начала прямо помышлять и стараться о возстановленіи европейскаго покоя» и «охотно готова способствовать» каждому двору въ достиженіи такой цѣли; вмѣстѣ съ тѣмъ посламъ предписано было, «всѣми силами стараться», чтобы наши министры допущены были на тотъ конгрессъ, который будетъ созванъ для заключенія общаго мира. Въ августѣ Чернышевъ изъ Берлина извѣстилъ, что изъ рѣчей короля прусскаго примѣтно искреннее желаніе быть съ Россіею въ той же дружбѣ, въ какой онъ состоялъ прежде, и что онъ «желалъ бы вступленія Россіи въ медіацію къ общему миру, когда ему сентименты Россіи болѣе откроются». По этому сообщенію посланъ былъ рескриптъ къ нѣкоторымъ русскимъ посламъ, съ заявленіемъ отъ имени императрицы, что «мы охотно примемъ» на себя медіацію, какъ только получимъ «первое о томъ предложеніе отъ воюющихъ сторонъ». Внушенія въ этомъ духѣ послы должны были дѣлать «искуснымъ образомъ» и «не компрометируя насъ»; вопросъ этотъ казался очень немаловажнымъ, потому что по мнѣнію руководителей тогдашней русской политики «интересы и честь наши неотмѣнно требуютъ, чтобы въ томъ замиреніи имѣть сколь возможно знатное участіе». Но насколько желательно для русскаго правительства было явиться «арбитромъ» Европы, насколько пріятно это было для русскаго національнаго чувства — настолько же другія государства не желали видѣть Россію въ такой, для нея пріятной, роли. Гр. Мерси немедленно же узналъ о шагѣ, сдѣланномъ Фридрихомъ;

онъ, а равно и французскій посолъ Бретейль, совѣтовали своимъ дворамъ не допускать Россію къ участію въ мирныхъ переговорахъ. Но Мерси не приписываетъ Россіи намѣренія явиться заступницею за Пруссію; онъ находилъ нужнымъ противодѣйствовать желанію русскаго правительстна именно потому, что видѣлъ въ немъ «стремленіе выступить въ славномъ значеніи въ глазахъ Европы»; по словамъ Мерси Россія «безъ существенно важныхъ дѣйствій желаетъ казаться великою державою въ мірѣ» и «возвеличиться въ глазахъ прусскаго короля и всего міра и въ то же время и не думаетъ добиваться чего либо существеннаго къ выгодѣ прежнихъ союзниковъ».

Ржичевскій, русскій резидентъ въ Варшавѣ, и кн. Репнинъ, новый посланникъ нашъ при Фридрихѣ въ Берлинѣ, неудовлетворительно исполнили порученіе петербургскаго правительства относительно медіаціи: они прямо предложили ее. Въ Петербургѣ были этимъ недовольны и предписали имъ объяснить предъ дворами, при которыхъ состояли, истинныя намѣренія Россіи. Но Пруссія и Австрія, увидавъ желаніе Россіи, постарались дать ей почувствовать свое неудовольствіе: они отклонили русскую медіацію, и въ интимной перепискѣ прямо раскрывали причины, побудившія ихъ къ такому рѣшенію: «въ виду образа мыслей русской государыни, писалъ гр. Мерси, и ея ревностнаго желанія ознаменовать начало своего царствованія достойнымъ удивленія дѣломъ, конечно, былъ бы нанесенъ ей чувствительный ударъ, если бы настоящая война пришла къ концу безъ соучастія ея въ осуществленіи столь важнаго дѣла» [1]).

Уже въ октябрѣ 1762 г. въ Петербургѣ увидали, что король прусскій начинаетъ уклоняться отъ русскаго посредничества; въ декабрѣ между Берлиномъ и Вѣной начались переговоры о мирѣ, которые и заключились подписаніемъ 4 февраля (ст. ст.) 1763 г. мира въ Губертсбургѣ. Въ январѣ еще въ

---

[1]) Слова Мерси—*Сборникъ* т. XLVI, 299; въ инструкціи Боссету, декабрь 1763 г., французское правительство тоже выражало удовольствіе, что обстоятельства помѣшали Россіи разыграть роль европейскаго «арбитра», чего Россіи очень хотѣлось—*Rambaud*, Recueil des instructions, données aux ambassadeurs et ministres de France, IX, 225.

Петербургѣ упрекали австрійскаго представителя за то, что вѣнскій дворъ утаилъ отъ петербургскаго начало этихъ переговоровъ и этимъ подалъ прусскому королю поводъ думать, что между русскимъ и австрійскимъ дворами нѣтъ полнаго единодушія, и говорили, что иное поведеніе, несомнѣнно обезпечило бы Австріи большія выгоды. Но тѣмъ не менѣе пришлось удовлетвориться сообщеніями изъ Берлина и Вѣны о причинахъ заключенія мира безъ вѣдома Россіи, пришлось даже показывать видъ, что относятся къ этому холодно и объясненію причинъ вѣрятъ, хотя это и было невозможно: по завѣреніямъ Фридриха и Кауница переговоры приняли неожиданно столь быстрое и благопріятное теченіе, что не было времени пригласить къ участію въ нихъ Россію, чего, будто бы, обѣ стороны желали; такой ходъ переговоровъ Фридрихъ объяснялъ необыкновенною уступчивостью Австріи, а австрійскій посолъ—необыкновенною уступчивостью Пруссіи. Фридрихъ приглашалъ Екатерину гарантировать этотъ договоръ особымъ актомъ; ему отвѣтили поздравленіями съ миромъ, но отъ гарантіи отказались [1]).

II.

Въ невниманіи Пруссіи и Австріи къ желанію Россіи, о которомъ они знали, нельзя не видѣть своего рода показателя международнаго положенія Россіи въ моментъ вступленія Екатерины на престолъ; ярко рисуется это положеніе и еще въ двухъ эпизодахъ, относящихся къ первому же году царствованія Екатерины II.

Великій князь Павелъ Петровичъ, сынъ Екатерины и Петра Ѳеодоровича, находился въ родствѣ съ датскимъ королевскимъ домомъ; послѣ смерти Петра Ѳеодоровича возникалъ вопросъ объ опекунствѣ надъ его голштейнъ-готторпскимъ наслѣдствомъ. Адольфъ-Фридрихъ, король шведскій (1751—1771), тоже членъ голштинскаго дома, 25 апрѣля 1750 г., особымъ

[1]) *Сборникъ*, т. XLVIII, 14—15, 44—46, 58, 66—68, 86, 174, 252, 259, 340, 451; т. XLVI, 55, 68, 176—178, 201, 227, 269, 356, 424; т. XII, 23—24, 31—32; т. XXII, 23—24; *Мартенсъ*, VI, 7—8; *Архивъ князя Воронцова*, т. V, 112.

сына голштинскимъ удѣломъ, до исполненія чего имперія не можетъ съ надлежащею настойчивостью вступаться предъ Даніею за права великаго князя; Панинъ доказывалъ, что извѣстны многіе примѣры владѣнія землями безъ исполненія указанныхъ формальностей; графу Мерси не трудно было отвѣтить на это, что огромная разница между тѣмъ, что императоръ допускаетъ подобное владѣніе и между тѣмъ, чтобы онъ началъ какія либо дѣйствія въ пользу того, кто не получилъ еще леннаго утвержденія.

Датское министерство почему то нашло умѣстнымъ обратиться къ фельдмаршалу гр. Миниху съ сообщеніемъ условій, на которыхъ оно желало бы покончить возникшій у него съ Россіею споръ, и Минихъ имѣлъ безтактность (письмомъ къ императрицѣ отъ 30 сентября 1762 г.) вмѣшаться въ это дѣло съ предложеніемъ своихъ услугъ и совѣтовъ. Вотъ что между прочимъ писала ему императрица въ своемъ отвѣтѣ, отъ 8 октября, вообще очень сухомъ: повторивъ уже упомянутыя соображенія о невозможности опекать того, съ кѣмъ имѣешь споры, Екатерина говорила: «по мнѣнію датскаго короля я неспособна управлять маленькимъ кусочкомъ голштинской земли, а народъ, который занимаетъ треть извѣстнаго свѣта, единодушно вручилъ мнѣ власть надъ собою... Я императрица Россіи и я худо оправдала бы надежды народа, если бы имѣла низость вручить опеку надъ моимъ сыномъ, наслѣдникомъ русскаго престола, иностранному государству, которое оскорбило меня и Россію своимъ необыкновеннымъ поведеніемъ. Я знаю, что въ римской имперіи это первый случай, что посторонняя императрица дѣлается опекуншею вассальнаго къ императору принца; но настоящій случай — особенный и съ Божіей помощью я заставлю это признать» [1]).

Дѣло обошлось безъ вмѣшательства императора. Обстоя-

---

[1]) *Сборникъ,* т. VII, 163—167. При собственноручномъ черновомъ письмѣ находится особое изложеніе, въ 12 пунктахъ, «идей», послужившихъ для отвѣта; къ сожалѣнію не указано, собственноручные эти пункты, или нѣтъ; но нахожденіе ихъ при собственноручномъ письмѣ очень напоминаетъ множество другихъ случаевъ, гдѣ тоже для отвѣтовъ императрицы кѣмъ нибудь, преимущественно Н. И. Панинымъ, составлялись предварительно наброски.

тельность возраженій и ихъ рѣшительный тонъ возымѣли надлежащую силу и 21 октября тотъ же Гакстгаузенъ принесъ предъ канцлеромъ и вице-канцлеромъ извиненія своего правительства и сообщилъ, что отмѣнены всѣ распоряженія, вызвавшія недовольство Россіи. Русскому посланнику поручено было выразить полное удовольствіе русскаго двора и дать такія же завѣренія въ нелицемѣрной искренной дружбѣ, какія представлены были въ Петербургѣ датскимъ посломъ; инцидентъ былъ исчерпанъ, между обоими дворами возстановилось полное согласіе [1]).

Успѣли избѣжать и испрошенія у императора леннаго пожалованія Павла Петровича Голштиніею. Въ декабрѣ 1762 г. Н. И. Панинъ сообщилъ графу Мерси письмо императрицы къ императору римскому по вопросу объ опекѣ ея надъ сыномъ; Мерси замѣтилъ, что письмо это скорѣе походитъ на извѣщеніе о принятіи на себя опеки, чѣмъ на надлежащее ходатайство объ исполненіи обычныхъ въ имперіи формальностей и о назначеніи ея опекуншею; но Панинъ возразилъ, что «письмо это во всякомъ случаѣ написано удовлетворительно» и Мерси долженъ былъ его принять. Въ маѣ 1763 г. кн. Голицыну въ Вѣну было сообщено, что императрица приняла рѣшеніе соблюдать въ управленіи голштинскими землями всѣ имперскія права и узаконенія, но желаетъ быть освобождена отъ всѣхъ, «предосудительныхъ ея достоинству обрядовъ, не столько тамошними правами узаконенныхъ, сколько основанныхъ на соблюдаемомъ издревле обычаѣ» [2]); для достиже-

---

[1]) *Сборникъ*, т. XLVIII, 75—77, 89, 90, 97 — 98, 105 — 112, 117, 162; т. XLVI, 252—256.

[2]) Аудіенціи, на которыхъ послы отъ разныхъ князей имперіи приносили императору присягу, сопровождались, при Карлѣ VI, слѣдующими обрядами: «въ дверяхъ дворца у посла отнимали шпагу. При входѣ въ тронную залу онъ дѣлалъ испанскій поклонъ, т. е. становился на одно колѣно; въ серединѣ залы другой, а у подножія престола, на которомъ сидѣлъ императоръ, съ покрытою головой, третій. Посолъ говорилъ свою рѣчь на колѣняхъ; по окончаніи ея вице-канцлеръ становился также на колѣни и императоръ говорилъ ему отвѣтъ шопотомъ на ухо. Вице-канцлеръ передавалъ слова императора въ слухъ послу. Во время чтенія присяги императоръ снималъ шляпу, а потомъ бралъ изъ рукъ оберъ-маршала обнаженную шпагу и давалъ цѣловать послу эфесъ. По окончаніи аудіенціи посолъ кланялся опять три раза по

нія этой цѣли Голицыну предписано было вести дѣло объ опекѣ не въ имперскомъ надворномъ совѣтѣ, а черезъ вѣнское министерство, тѣмъ болѣе, что самъ императоръ уже принялъ извѣстительную грамоту о принятіи Екатериною на себя опекунства; послу предписано было употребить всѣ старанія, чтобы въ отвѣтной грамотѣ императоръ поздравилъ съ принятіемъ опекунства, и эту грамоту предполагалось выставлять за равносильную конфирмаціи. Императоръ согласился на это подъ условіемъ, чтобы отъ имени русской государыни дана была декларація о признаніи надъ голштинскими землями правъ императора и имперіи и принесенія присяги принцемъ Георгомъ, который былъ назначенъ Екатериною штатгальтеромъ Голштиніи. Но Екатерина желала обойдтись и безъ этого и настаивала на предложенномъ ею способѣ; дѣло окончилось, кажется, молчаливымъ признаніемъ со стороны имперіи и Голштиніи за Павломъ Петровичемъ и опеки надъ ними Екатерины; русское же правительство въ свою очередь распорядилось болѣе согласно съ желаніемъ императора голштинскимъ голосомъ на имперскомъ сеймѣ [1]).

III.

Въ это же время новому русскому правительству пришлось имѣть съ нѣкоторыми послами нѣсколько столкновеній по поводу разныхъ, повидимому мелкихъ, вопросовъ церемоніала и этикета, столкновеній, подобныя которымъ впослѣдствіи если и возникали, то гораздо рѣже и въ меньшихъ размѣрахъ; поэтому многочисленность и разнообразіе ихъ въ началѣ царствованія Екатерины нельзя не признать явленіемъ, характеризующимъ тогдашнее международное положеніе Россіи.

Въ концѣ іюля 1762 г. послы должны были на торжественной аудіенціи вручать свои новыя вѣрительныя грамоты; гр. Мерси вздумалъ при этомъ противиться требованію, чтобы

испански, при этомъ онъ выходилъ изъ зала по восточному обычаю, спиной къ двери и лицомъ къ императору»—*Герье*, Борьба за польскій престолъ въ 1733 г., 19.

[1]) *Сборникъ*, т. XLVIII, 112, 463—464, 483, 524; т. XLVI, 311.

онъ поцѣловалъ руку императрицы, и ссылался на то, что въ церемоніалахъ прежнихъ аудіенцій, находящихся въ австрійскомъ посольствѣ, нѣтъ указаній, чтобы ранѣе соблюдался этотъ обрядъ. Ему отвѣчали, что это, тѣмъ не менѣе, постоянно дѣлалось; онъ заявилъ, что прежніе послы поступали такъ, несомнѣнно, лишь по собственной волѣ, но что онъ согласится исполнить русское требованіе только тогда, когда ему выдадутъ обязательство, что и русскій посолъ въ Вѣнѣ будетъ на торжественной аудіенціи цѣловать руку; ему отвѣтили, что при вѣнскомъ дворѣ такого обычая вообще не существуетъ и что поэтому невозможно допустить такое исключеніе для русскаго посла, равно какъ нельзя и при петербургскомъ дворѣ допустить исключеніе для австрійскаго посла. Послѣ нѣкоторыхъ противорѣчій гр. Мерси уступилъ и аудіенція его состоялась 8 августа; ему было сообщено при этомъ, что если онъ будетъ привѣтствовать императрицу по нѣмецки, она отвѣтитъ по русски, если же по французски, то она отвѣтитъ на томъ же языкѣ; гр. Мерси избралъ второй способъ [1]); совершенно такое же сообщеніе дѣлалось и впослѣдствіи другимъ посламъ и когда лордъ Букингамъ говорилъ по англійски, императрица отвѣтила ему на русскомъ языкѣ [2]).

Болѣе продолжительныя церемоніальныя затрудненія вызвалъ французскій посолъ бар. Бретейль. Выѣхавши изъ Петербурга за нѣсколько дней до переворота, возведшаго на престолъ императрицу Екатерину, онъ въ Варшавѣ былъ встрѣченъ письмомъ отъ Шуазеля съ выговоромъ за то, что не только покинулъ Россію въ такое критическое время, но еще и не возвратился немедленно послѣ воцаренія императрицы, и съ приказомъ немедленно вернуться въ Петербургъ [3]). Прибывши ко двору 24 августа, Бретейль просилъ аудіенціи и она была назначена ему на 26 августа одновременно съ аудіенціей посламъ прусскому, датскому и голландскому; наканунѣ этого дня, поздно вечеромъ, Бретейль вдругъ предъявилъ требованіе, чтобы до аудіенціи ему былъ выданъ

---

[1]) *Сборникъ*, т. XLVIII, 37—38; т. XLVI, 103—118.

[2]) *Сборникъ*, т. XII, 47, 196—197; т. XXXVII, 145; т. XLVI, 42.

…nbaud, Recueil, IX, 197—218.

онъ, а равно и французскій посолъ Бретейль, совѣтовали своимъ дворамъ не допускать Россію къ участію въ мирныхъ переговорахъ. Но Мерси не приписываетъ Россіи намѣренія явиться заступницею за Пруссію; онъ находилъ нужнымъ противодѣйствовать желанію русскаго правительстна именно потому, что видѣлъ въ немъ «стремленіе выступить въ славномъ значеніи въ глазахъ Европы»; по словамъ Мерси Россія «безъ существенно важныхъ дѣйствій желаетъ казаться великою державою въ мірѣ» и «возвеличиться въ глазахъ прусскаго короля и всего міра и въ то же время и не думаетъ добиваться чего либо существеннаго къ выгодѣ прежнихъ союзниковъ».

Ржичевскій, русскій резидентъ въ Варшавѣ, и кн. Репнинъ, новый посланникъ нашъ при Фридрихѣ въ Берлинѣ, неудовлетворительно исполнили порученіе петербургскаго правительства относительно медіаціи: они прямо предложили ее. Въ Петербургѣ были этимъ недовольны и предписали имъ объяснить предъ дворами, при которыхъ состояли, истинныя намѣренія Россіи. Но Пруссія и Австрія, увидавъ желаніе Россіи, постарались дать ей почувствовать свое неудовольствіе: они отклонили русскую медіацію, и въ интимной перепискѣ прямо раскрывали причины, побудившія ихъ къ такому рѣшенію: «въ виду образа мыслей русской государыни, писалъ гр. Мерси, и ея ревностнаго желанія ознаменовать начало своего царствованія достойнымъ удивленія дѣломъ, конечно, былъ бы нанесенъ ей чувствительный ударъ, если бы настоящая война пришла къ концу безъ соучастія ея въ осуществленіи столь важнаго дѣла» [1]).

Уже въ октябрѣ 1762 г. въ Петербургѣ увидали, что король прусскій начинаетъ уклоняться отъ русскаго посредничества; въ декабрѣ между Берлиномъ и Вѣной начались переговоры о мирѣ, которые и заключились подписаніемъ 4 февраля (ст. ст.) 1763 г. мира въ Губертсбургѣ. Въ январѣ еще въ

[1]) Слова Мерси—*Сборникъ* т. XLVI, 299; въ инструкціи Боссету, декабрь 1763 г., французское правительство тоже выражало удовольствіе, что обстоятельства помѣшали Россіи разыграть роль европейскаго «арбитра», чего Россіи очень хотѣлось—*Rambaud*, Recueil des instructions, données aux ambassadeurs et ministres de France, IX, 225.

Петербургѣ упрекали австрійскаго представителя за то, что вѣнскій дворъ утаилъ отъ петербургскаго начало этихъ переговоровъ и этимъ подалъ прусскому королю поводъ думать, что между русскимъ и австрійскимъ дворами нѣтъ полнаго единодушія, и говорили, что иное поведеніе, несомнѣнно обезпечило бы Австріи большія выгоды. Но тѣмъ не менѣе пришлось удовлетвориться сообщеніями изъ Берлина и Вѣны о причинахъ заключенія мира безъ вѣдома Россіи, пришлось даже показывать видъ, что относятся къ этому холодно и объясненію причинъ вѣрятъ, хотя это и было невозможно: по завѣреніямъ Фридриха и Кауница переговоры приняли неожиданно столь быстрое и благопріятное теченіе, что не было времени пригласить къ участію въ нихъ Россію, чего, будто бы, обѣ стороны желали; такой ходъ переговоровъ Фридрихъ объяснялъ необыкновенною уступчивостью Австріи, а австрійскій посолъ—необыкновенною уступчивостью Пруссіи. Фридрихъ приглашалъ Екатерину гарантировать этотъ договоръ особымъ актомъ; ему отвѣтили поздравленіями съ миромъ, но отъ гарантіи отказались [1]).

II.

Въ невниманіи Пруссіи и Австріи къ желанію Россіи, о которомъ они знали, нельзя не видѣть своего рода показателя международнаго положенія Россіи въ моментъ вступленія Екатерины на престолъ; ярко рисуется это положеніе и еще въ двухъ эпизодахъ, относящихся къ первому же году царствованія Екатерины II.

Великій князь Павелъ Петровичъ, сынъ Екатерины и Петра Θеодоровича, находился въ родствѣ съ датскимъ королевскимъ домомъ; послѣ смерти Петра Θеодоровича возникалъ вопросъ объ опекунствѣ надъ его голштейнъ-готторпскимъ наслѣдствомъ. Адольфъ-Фридрихъ, король шведскій (1751—1771), тоже членъ голштинскаго дома, 25 апрѣля 1750 г., особымъ

---

[1]) *Сборникъ*, т. XLVIII, 14—15, 44—46, 58, 66—68, 86, 174, 252, 259, 340, 451; т. XLVI, 55, 68, 176—178, 201, 227, 269, 356, 424; т. XII, 23—24, 31—32; т. XXII, 23—24; *Мартенсъ*, VI, 7—8; *Архивъ князя Воронцова*, т. V, 112.

актомъ отказался въ пользу датскаго королевскаго дома, принадлежавшаго къ младшей линіи того же голштинскаго дома, отъ своихъ правъ на опекунство надъ малолѣтними принцами голштинской фамиліи. Въ началѣ августа 1762 г. въ Петербургѣ съ удивленіемъ узнали отъ Остермана изъ Стокгольма, что датское правительство сообщило шведскому о своемъ рѣшеніи принять на себя, согласно упомянутому договору, опекунство надъ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ, какъ малолѣтнимъ герцогомъ голштинскимъ. Немедленно же изъ Петербурга были отправлены предписанія барону Корфу въ Копенгагенъ и гр. Остерману въ Стокгольмъ, первому—чтобы онъ протестовалъ противъ такого намѣренія и недопускалъ его осуществленія, второму — чтобы онъ добылъ изъ шведскаго министерства копію съ договора 1750 г., который до тѣхъ поръ русскому правительству оставался неизвѣстнымъ. Датскій посланникъ въ Петербургѣ, баронъ Гакстгаузенъ, заговорилъ 20 или 21 августа съ канцлеромъ, что по имперскимъ узаконеніямъ и по обычаю, всегда наблюдавшемуся въ голштинскомъ домѣ, опека надъ малолѣтними членами его принадлежитъ, наравнѣ съ матерью, и ближайшему родственнику мужескаго пола и что въ силу договора 25 апрѣля 1750 г., соопекуномъ императрицы Екатерины надъ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ, какъ герцогомъ голштинскимъ, долженъ явиться датскій король. Конечно, заявленіе это сопровождалось увѣреніями въ совершенной дружбѣ и непремѣнномъ желаніи сохранять согласіе и миръ, но очевидна вся странность сообщенія, что такое рѣшеніе уже принято безъ всякаго предварительнаго обсужденія его съ Россіей, тѣмъ болѣе, что уже 18 августа, т. е. ранѣе заявленій Гакстгаузена въ Петербургѣ, въ Киль, столицу Голштиніи, прибылъ уже уполномоченный датскаго короля и требовалъ допущенія себя къ участію въ управленіи дѣлами. Совершенно естественно, конечно, что русское правительство не хотѣло допускать такого вмѣшательства датскаго короля въ дѣла русской царской фамиліи. 29 августа, уже имѣя въ рукахъ текстъ договора 1750 г., русское правительство отправило къ Корфу въ Копенгагенъ очень основательное возраженіе противъ датскихъ

претензій. Порицая вообще этотъ поступокъ датскаго правительства въ довольно сильныхъ выраженіяхъ, русское министерство высказывало взглядъ, что право родственнаго опекунства, принадлежащее цѣлому роду, не можетъ быть однимъ какимъ либо принцемъ, которому оно случайно въ данный моментъ принадлежитъ, уступлено навсегда другому лицу, помимо всѣхъ тѣхъ, къ кому это право должно перейдти обычнымъ порядкомъ; затѣмъ было указано, что вообще договоры, которые касаются правъ какого нибудь третьяго лица, не могутъ быть обязательны для этого третьяго лица, если они были заключены безъ ихъ вѣдома, какъ именно и было въ настоящемъ случаѣ; наконецъ договоръ 1750 г. объявлялся не имѣющимъ законной силы, потому что при заключеніи его допущено было прямое нарушеніе законовъ германской имперіи, по которымъ акты, подписанные младшими членами владѣльческаго дома, признаются дѣйствительными только тогда, когда они утверждены старшимъ принцемъ дома, а упоминаемый договоръ между принцами датскимъ и шведскимъ не былъ даже сообщенъ Петру Ѳеодоровичу, который являлся старшимъ въ голштинскомъ домѣ. Указавъ, наконецъ, что противно здравому смыслу, чтобы опекуномъ надъ малолѣтнимъ владѣтелемъ являлся другой владѣтель, имѣющій множество споровъ съ тѣмъ, кого онъ думаетъ опекать, императрица очень рѣшительно заявляла: «мы отнюдь не намѣрены съ его датскимъ величествомъ вступать въ негоціацію до тѣхъ поръ, пока не будутъ выведены изъ Голштиніи всѣ его войска и не отозваны будутъ изъ Киля присланныя имъ для соправительства лица». Въ то же время какъ Иностранная коллегія составляла эти отвѣты, руководствуясь указаніями императрицы, которая постоянно совѣтовалась объ этомъ дѣлѣ съ Н. И. Панинымъ, писано было и кн. Голицыну въ Вѣну, чтобы онъ ходатайствовалъ предъ имперскимъ правительствомъ о поддержкѣ русскихъ заявленій; въ Петербургѣ же Н. И. Панинъ бесѣдовалъ объ этомъ же дѣлѣ съ гр. Мерси; но австрійскій посолъ отнесся къ дѣлу холодно; онъ указывалъ на то, что со стороны императрицы не были соблюдены обязанности относительно германскаго императора, именно не было испрошено отъ него ленное пожалованіе о

сына голштинскимъ удѣломъ, до исполненія чего имперія не можетъ съ надлежащею настойчивостью вступаться предъ Даніею за права великаго князя; Панинъ доказывалъ, что извѣстны многіе примѣры владѣнія землями безъ исполненія указанныхъ формальностей; графу Мерси не трудно было отвѣтить на это, что огромная разница между тѣмъ, что императоръ допускаетъ подобное владѣніе и между тѣмъ, чтобы онъ началъ какія либо дѣйствія въ пользу того, кто не получилъ еще леннаго утвержденія.

Датское министерство почему то нашло умѣстнымъ обратиться къ фельдмаршалу гр. Миниху съ сообщеніемъ условій, на которыхъ оно желало бы покончить возникшій у него съ Россіею споръ, и Минихъ имѣлъ безтактность (письмомъ къ императрицѣ отъ 30 сентября 1762 г.) вмѣшаться въ это дѣло съ предложеніемъ своихъ услугъ и совѣтовъ. Вотъ что между прочимъ писала ему императрица въ своемъ отвѣтѣ, отъ 8 октября, вообще очень сухомъ: повторивъ уже упомянутыя соображенія о невозможности опекать того, съ кѣмъ имѣешь споры, Екатерина говорила: «по мнѣнію датскаго короля я неспособна управлять маленькимъ кусочкомъ голштинской земли, а народъ, который занимаетъ треть извѣстнаго свѣта, единодушно вручилъ мнѣ власть надъ собою... Я императрица Россіи и я худо оправдала бы надежды народа, если бы имѣла низость вручить опеку надъ моимъ сыномъ, наслѣдникомъ русскаго престола, иностранному государству, которое оскорбило меня и Россію своимъ необыкновеннымъ поведеніемъ. Я знаю, что въ римской имперіи это первый случай, что посторонняя императрица дѣлается опекуншею вассальнаго къ императору принца; но настоящій случай — особенный и съ Божіей помощью я заставлю это признать» [1]).

Дѣло обошлось безъ вмѣшательства императора. Обстоя-

---

[1]) *Сборникъ*, т. VII, 163—167. При собственноручномъ черновомъ письмѣ находится особое изложеніе, въ 12 пунктахъ, «идей», послужившихъ для отвѣта; къ сожалѣнію не указано, собственноручные эти пункты, или нѣтъ; но нахожденіе ихъ при собственноручномъ письмѣ очень напоминаетъ множество другихъ случаевъ, гдѣ тоже для отвѣтовъ императрицы кѣмъ нибудь, преимущественно Н. И. Панинымъ, составлялись предварительно наброски.

тельность возраженій и ихъ рѣшительный тонъ возымѣли надлежащую силу и 21 октября тотъ же Гакстгаузенъ принесъ предъ канцлеромъ и вице-канцлеромъ извиненія своего правительства и сообщилъ, что отмѣнены всѣ распоряженія, вызвавшія недовольство Россіи. Русскому посланнику поручено было выразить полное удовольствіе русскаго двора и дать такія же завѣренія въ нелицемѣрной искренной дружбѣ, какія представлены были въ Петербургѣ датскимъ посломъ; инцидентъ былъ исчерпанъ, между обоими дворами возстановилось полное согласіе [1]).

Успѣли избѣжать и испрошенія у императора леннаго пожалованія Павла Петровича Голштиніею. Въ декабрѣ 1762 г. Н. И. Панинъ сообщилъ графу Мерси письмо императрицы къ императору римскому по вопросу объ опекѣ ея надъ сыномъ; Мерси замѣтилъ, что письмо это скорѣе походитъ на извѣщеніе о принятіи на себя опеки, чѣмъ на надлежащее ходатайство объ исполненіи обычныхъ въ имперіи формальностей и о назначеніи ея опекуньшею; но Панинъ возразилъ, что «письмо это во всякомъ случаѣ написано удовлетворительно» и Мерси долженъ былъ его принять. Въ маѣ 1763 г. кн. Голицыну въ Вѣну было сообщено, что императрица приняла рѣшеніе соблюдать въ управленіи голштинскими землями всѣ имперскія права и узаконенія, но желаетъ быть освобождена отъ всѣхъ, «предосудительныхъ ея достоинству обрядовъ, не столько тамошними правами узаконенныхъ, сколько основанныхъ на соблюдаемомъ издревле обычаѣ» [2]); для достиже-

---

[1]) *Сборникъ*, т. XLVIII, 75—77, 89, 90, 97 — 98, 105 — 112, 117, 162; т. XLVI, 252—256.

[2]) Аудіенціи, на которыхъ послы отъ разныхъ князей имперіи приносили императору присягу, сопровождались, при Карлѣ VI, слѣдующими обрядами: «въ дверяхъ дворца у посла отнимали шпагу. При входѣ въ тронную залу онъ дѣлалъ испанскій поклонъ, т. е. становился на одно колѣно; въ серединѣ залы другой, а у подножія престола, на которомъ сидѣлъ императоръ, съ покрытою головой, третій. Посолъ говорилъ свою рѣчь на колѣняхъ; по окончаніи ея вице-канцлеръ становился также на колѣни и императоръ говорилъ ему отвѣтъ шопотомъ на ухо. Вице-канцлеръ передавалъ слова императора въ слухъ послу. Во время чтенія присяги императоръ снималъ шляпу, а потомъ бралъ изъ рукъ оберъ-маршала обнаженную шпагу и давалъ цѣловать послу эфесъ. По окончаніи аудіенціи посолъ кланялся опять три раза по

тельство заявляло, что «знатность и величество» русскихъ государей ни какъ не можетъ быть умалено и что императрица намѣрена поддерживать ихъ «не наружными и ничего не значущими церемоніями», но «умножить свою славу существительными дѣлами» [1]); въ своихъ случайныхъ ошибкахъ противъ этикета оно охотно извинялось, охотно довольствовалось просто словеснымъ признаніемъ, что титулъ «императорское» при словѣ «величество» пропущенъ случайно, какъ это встрѣтилось въ одной грамотѣ шведскаго правительства, не дѣлавшаго никакихъ затрудненій по поводу этого титула [2]). Но оно умышленно обостряло этотъ вопросъ и конечно должно было такъ дѣлать, въ сношеніяхъ съ министерствомъ французскимъ, которое хотѣло заставить русское правительство терпѣть, что въ Версалѣ будутъ самовольно мѣнять тонъ и обращеніе къ русскимъ государямъ, въ зависимости отъ того, насколько въ каждую данную минуту тамъ русскимъ правительствомъ довольны или недовольны. Позволительна ли была бы полная уступчивость въ этихъ вопросахъ и отношеніяхъ, если происходили такія сцены: 1769 г. въ Лондонѣ, на придворномъ балу, французскій посолъ гр. Шателе очень неделикатно, почти грубо оттолкнулъ русскаго посла гр. И. Чернышева, стоявшаго рядомъ съ австрійскимъ посломъ, чтобы занять первое мѣсто подлѣ этого послѣдняго; на другой день Шателе явился къ Чернышеву съ извиненіями и заявилъ, что его инструкціею ему приказано непремѣнно занимать всегда первое мѣсто послѣ цесарскаго посла. Гр. Панинъ отнесся къ этому происшествію очень благоразумно, но съ большею твердостью; по его настояніямъ англійское правительство заявило, что на придворныхъ собраніяхъ нѣтъ никакихъ мѣстъ и предсѣданій одного министра предъ другимъ и что королю будетъ очень пріятно, если на его балы не будутъ ѣздить тѣ министры, которые признаютъ невозможнымъ несчитаться мѣстами; гр. Шателе былъ отозванъ, но и замѣнившій его въ Лондонѣ Франсесъ и самъ герцогъ Шуазель заявили, что

---

[1]) *Сборникъ*, т. XLVIII, 38.
[2]) *Сборникъ*, т. LXVII, 134—135.

версальскій дворъ одобряетъ поступокъ гр. Шателе, какъ согласный съ его инструкціями, которыя предписываютъ всѣмъ французскимъ посламъ «повсюду настаивать на первенствѣ передъ русскими добровольно или же насильственно» (!). Графъ Панинъ сдѣлалъ то, что только онъ и могъ и долженъ былъ сдѣлать — онъ предписалъ русскимъ посламъ, вообще слѣдуя принципу равенства, и подчиняясь существующему при каждомъ дворѣ этикету, въ то же время «защищать свое мѣсто добровольно или же и насильственно»; при этомъ онъ выражалъ твердую увѣренность, что каждый дворъ признаетъ такое рѣшеніе русской императрицы согласнымъ съ принципами ея собственной независимости и независимости всякаго двора и признаетъ что такое заявленіе вынуждено рѣшеніемъ Франціи, которая какъ бы приписываетъ себѣ право опредѣлять мѣста и ранги министровъ даже при другихъ дворахъ [1]). По нашему мнѣнію въ полемикѣ, которую Панину пришлось вести по поводу императорскаго титула, онъ съ полнымъ блескомъ проявилъ свои дипломатическія способности и высказалъ широкій и правильный взглядъ на этотъ спорный вопросъ [2]).

---

[1]) *Сборникъ*, LXXXVII, 459—461, 465—467, 489—491, 495—497. *Флассанъ*, Histoire générale et raisonnée de la diplomatie française, VII, 26 — 27, изложивъ сцену согласно со свѣдѣніями, имѣвшимися и въ Петербургѣ, прибавляетъ, будто между Чернышевымъ и Шателе была послѣ столкновенія дуель, на которой Чернышевъ былъ раненъ; но въ русской дипломатической перепискѣ, въ которой Панинъ многократно обнаруживалъ живѣйшее вниманіе ко многому, касавшемуся лично пословъ, ничего объ этой дуели не упоминается. Далѣе Флассанъ говоритъ: «on ne peut nier, que l'ambassadeur de Russie n'eût tort; car d'apres la déclaration de Catherine II de 1762, laquelle maintenait les choses sur l'ancien pied, c'est à dire confirmait la préséance de la France, il devait céder le pas à ambassadeur du roi ou lui laisser la place immédiatement apres l'ambassadeur d'Allemagne» — вотъ и все, что Флассанъ нашелъ достаточнымъ сказать о спорахъ изъ-за церемоніала между русскимъ и французскимъ министерствами; но едва ли основательно оставилъ онъ безъ вниманія переписку Панина съ Шуазелемъ, гдѣ Панинъ разъяснялъ истинную точку зрѣнія русскаго правительства на вопросъ о равенствѣ или преимуществѣ представителей Россіи и другихъ государствъ. Да наконецъ, если и Шателе и Флассанъ даже и правы, то способъ дѣйствія французскаго посла и тонъ заявленій Шуазеля налагали на Панина обязанность вопросовъ объ этикетѣ не заминать.

[2]) Рамбо винитъ въ этихъ спорахъ правительство Людовика XV. Въ 1775 г., отправляя уже послѣ раздѣла Польши въ Петербургъ посломъ Дюрана, Людовикъ XV соглашался уже дать императрицѣ титулъ Sa Majesté

IV.

Разсмотрѣвши вопросы, возникавшіе для новаго русскаго правительства съ первыхъ дней его существованія, мы остановимся теперь на вмѣшательствѣ Россіи въ дѣлѣ Курляндіи въ первый годъ царствованія Екатерины II. Изложеніе этого эпизода послужитъ намъ введеніемъ къ изученію русско-польскихъ отношеній при Екатеринѣ. Курляндія находилась тогда въ ленной зависимости отъ Польши; а новые руководители русской политики, поставивъ главною цѣлью своей дѣятельности поднять политическое значеніе Россіи, немедленно обратили особенное вниманіе на дѣла польскія, совершенно вѣрно понимая, что съ этой стороны, гдѣ Россія имѣла наиболѣе частыя столкновенія, вмѣстѣ съ тѣмъ всего легче достигнуть успѣховъ. Въ самый моментъ перемѣны на русскомъ престолѣ, стоялъ на очереди вопросъ, очень удобный для того, чтобы испытать, что можно встрѣтить по отношенію къ Россіи со стороны польскаго правительства—вопросъ курляндскій.

Въ одной замѣткѣ, написанной Екатериною еще тогда, когда она была великою княгинею, она говоритъ, что совершенно не понимаетъ дѣйствій императрицы Елизаветы относительно Курляндіи. Надо дѣлать или справедливое, или выгодное для себя, говоритъ Екатерина; справедливо было бы отпустить Бирона въ его герцогство, выгодно было бы подчинить Курляндію Россіи; но нашли способъ сдѣлать и несправедливо, и не выгодно для Россіи: Курляндіи Бирону не вернули и не пріобрѣли ея для Россіи [1]). Естественно было ожидать, что Екатерина придастъ этому дѣлу новый и отличный отъ прежняго ходъ; она и дѣйствительно постаралась со-

---

Imperiale, если и ему будетъ придавать титулъ Sa Majesté tres Chrétiénne,—но такъ какъ это будто бы было не вполнѣ согласно съ духомъ французскаго языка, то онъ предлагалъ писать грамоты по латыни; въ Петербургѣ, конечно, тотчасъ же согласились. C'est pour de telles minuties, восклицаетъ Рамбо, que le gouvernement de Luis XV s' etait décidé a renoncer à toute action sur la cour de Pétersbourg et à ne pouvoir rien empecher de ce, qui s'accomplit alors en Pologne! — Recueil, IX, 288.

[1]) *Сборникъ*, т. VII, 91—92.

единить видимую справедливость съ реальными выгодами для Россіи. А положеніе Курляндіи, исторически сложившіяся въ ней отношенія дѣлали вмѣшательство въ ея дѣла всѣхъ ея сосѣдей очень легкимъ и удобнымъ для нихъ.

Курляндія находилась съ XVI в. въ ленной зависимости отъ Польши; но уже съ начала XVIII в. въ ней устанавливалось замѣтное вліяніе Россіи. За послѣдняго герцога изъ дома Кеттлера, Фридриха Вильгельма, Петръ Великій выдалъ свою племянницу Анну Іоанновну. Курляндская казна никогда не выполнила принятыхъ ею на себя относительно Анны Іоанновны денежныхъ обязательствъ, ни тогда, когда еще живъ былъ герцогъ, ни тогда, когда Анна Іоанновна овдовѣла; не только ей не были выплачены аккуратно суммы, какія обязался выплачивать ей герцогъ, но еще она же дала заимообразно герцогу довольно значительныя суммы для выкупа нѣкоторыхъ заложенныхъ герцогскихъ имѣній. Петръ Великій не получилъ обратно этихъ денегъ и не требовалъ ихъ никогда настойчиво; но всякій разъ, когда ему представлялось необходимымъ произвести давленіе на Курляндію, онъ напоминалъ о долгѣ и обыкновенно добивался чего хотѣлъ; не только уступало ему курляндское правительство, связанное этимъ долгомъ, но поддерживали на сеймикахъ русскія требованія и всѣ арендаторы герцогскихъ имѣній, такъ какъ эти имѣнія и сдавались въ аренду съ обязательствомъ дѣйствовать на сеймикахъ по указаніямъ Россіи; а число этихъ имѣній, къ началу вѣка доходившее всего до 28, затѣмъ увеличилось до 125. Въ то время, какъ Россія такимъ путемъ создавала себѣ въ Курляндіи довольно сильную партію, вліяніе Польши въ герцогствѣ далеко не усиливалось столь же замѣтно, потому что король и сеймъ постоянно противодѣйствовали другъ другу въ томъ, что касалось Курляндіи: шляхта польская желала обратить Курляндію, по прекращеніи тамъ герцогскаго дома, въ органическую часть Польши, съ тѣмъ, чтобы раздѣлить ее на староства и воеводства и получать ихъ въ свое управленіе—что давало большіе доходы шляхтѣ; короли же саксонскаго дома хотѣли поставить Курляндію въ болѣе тѣсныя отношенія непосредственно къ своей фамиліи. Августъ II успѣлъ подъ рукою

поддержать курляндцевъ противъ притязаній сейма и за это они избрали въ 1726 г. герцогомъ его побочнаго сына, Морица саксонскаго. Но въ то время отношенія Россіи къ саксонскому дому были таковы, что Россія не захотѣла допустить такого усиленія его и Морицъ былъ изгнанъ изъ Курляндіи русскими войсками. Когда русскій престолъ занимала Анна Іоанновна, русское вліяніе въ Курляндіи еще болѣе усилилось; въ 1737 г. при помощи русскихъ денегъ, герцогомъ курляндскимъ былъ избранъ Биронъ, всемогущій человѣкъ при русской императрицѣ. Со вступленіемъ на русскій престолъ Елизаветы Петровны Биронъ былъ сосланъ и на всѣ герцогскія имѣнія въ Курляндіи былъ наложенъ секвестръ въ видахъ обезпеченія денежныхъ претензій русской казны къ курляндской; претензіи эти были значительно подняты, подъ тѣмъ предлогомъ, что Биронъ перевелъ въ Курляндію множество русскихъ денегъ, и въ 1759 г. русское правительство исчисляло ихъ въ 3.665.000 р.; сумма эта, по тогдашнему, была громадная; секвестрованныя имѣнія были переданы въ управленіе особаго лица, уполномоченнаго изъ Петербурга. Въ первыя 15 лѣтъ царствованія Елизаветы Курляндія фактически оставалась безъ герцога; Польша всякій разъ, когда хотѣла причинить русскому правительству неудовольствіе, или добиться отъ него какой нибудь уступки, начинала просить объ освобожденіи Бирона; но въ этомъ отказывали, говоря, что «для штатскихъ резоновъ» освобожденіе Бирона представляется невозможнымъ. Когда началась Семилѣтняя война и саксонскій домъ понесъ чувствительныя потери, король Августъ III сдѣлалъ новую попытку присоединить Курляндію къ владѣніямъ своего дома и эта попытка увѣнчалась успѣхомъ. Въ 1758 г., во время продолжительнаго пребыванія въ Петербургѣ принца Карла, третьяго, наиболѣе любимаго, сына короля Августа, генералъ Лашеналь, сопровождавшій принца, заговорилъ однажды съ канцлеромъ гр. Воронцовымъ о томъ, что положеніе саксонской королевской фамиліи чрезвычайно стѣсненное и что единственная ея надежда на милость императрицы Елизаветы и прямо попросилъ, чтобы «принца Карла учинили герцогомъ курляндскимъ». Воронцовъ оставилъ этотъ разговоръ

безъ послѣдствій; но черезъ шесть недѣль Лашеналь его возобновилъ и Воронцовъ счелъ нужнымъ представить по этому вопросу записку въ конференцію; онъ вообще склонялся къ мысли о необходимости оказать поддержку саксонскому дому, но указывалъ, что Курляндію можно «для какого нибудь другаго полезнаго намѣренія употребить». Конференція, однако, именемъ императрицы заявила, что избраніе принца Карла въ герцоги курляндскіе «съ нашимъ соизволеніемъ согласно».

Тогда въ Курляндіи началась агитація въ пользу избранія принца Карла, поддержанная и русскимъ представителемъ; но она встрѣтила сильныя препятствія. Большинство въ Курляндіи считало Бирона своимъ законнымъ герцогомъ, а къ принцу Карлу относилось недовѣрчиво, какъ къ католику и члену королевскаго дома, извѣстнаго своею ревностью къ религіи; наконецъ, было несомнѣнно, что содержаніе герцога уменьшитъ тѣ доходы, какіе извлекались многими арендаторами казенныхъ имѣній при отсутствіи герцога. На ландтагѣ, созванномъ по этому поводу, несмотря на всѣ усилія русскаго резидента и сторонниковъ принца Карла, не удалось составить большинства въ пользу избранія принца Карла герцогомъ. Отъ ландтага былъ отправленъ въ Варшаву депутатъ, съ письменнымъ полномочіемъ просить польское правительство ходатайствовать объ освобожденіи Бирона и только въ томъ случаѣ, если окончательно невозможно его возвращеніе, то просить въ герцоги принца Карла, съ тѣмъ, однако, чтобы онъ принялъ аугсбургское исповѣданіе. Но депутатъ, баронъ Шеппингъ, видя непремѣнное желаніе короля и ближайшихъ его совѣтниковъ доставить Курляндію принцу Карлу, превысилъ свои полномочія и попросилъ отъ имени курляндскаго ландтага, чтобы принцъ Карлъ назначенъ былъ герцогомъ; тогда дѣло это поступило въ сенатъ. Въ сенатѣ графъ Понятовскій, два брата князья Чарторижскіе, князь Масальскій и нѣкоторые другіе заявили, что вопросъ о Курляндіи не можетъ быть рѣшенъ иначе, какъ сеймомъ, потому что Курляндія соединена не съ правящимъ Польшею королемъ только, но и со всею Рѣчью Посполитою и потому въ положеніи ея не можетъ быть допущено такое существенное измѣненіе безъ согласія сейма. Этотъ совершенно

законный протестъ не былъ, однако, уваженъ и было обнародовано senatus consilium, которымъ принцъ Карлъ былъ объявленъ герцогомъ курляндскимъ, въ виду того, что прежній герцогъ (Биронъ) фактически въ управленіе не вступалъ, лично присяги отъ рыцарства не принималъ и, находясь на службѣ у иностраннаго государя, заслужилъ немилость, удаленъ и въ теченіи 18 лѣтъ польское правительство не могло добиться его возвращенія.

Въ Курляндіи были очень недовольны и поведеніемъ барона Шеппинга и рѣшеніемъ сената; въ ноябрѣ 1758 г. были составлены курляндскими чинами такія pacta conventa для принца Карла, что и король Августъ и русскій резидентъ въ Митавѣ К. М. Симолинъ считали совершенно невозможнымъ ихъ принять. Воронцовъ находилъ, что не слѣдуетъ дѣлать тѣхъ уступокъ, какихъ требовали отъ русской казны курляндцы, между прочимъ не совѣтовалъ снимать секвестра, хотя бы до окончанія войны. Но императрица по прежнему очень благоволила къ принцу Карлу и 1 іюня 1759 г. подписанъ былъ между ею и Карломъ какъ герцогомъ курляндскимъ, актъ, въ силу котораго Россія отказывалась отъ всѣхъ денежныхъ своихъ претензій къ курляндской казнѣ въ пользу герцога Карла, выговаривая себѣ въ замѣнъ того право содержать въ Митавѣ православную церковь, право проводить черезъ Курляндію русскія войска, причемъ мѣстныя курляндскія власти обязывались за плату снабжать ихъ всѣмъ нужнымъ, выговаривала нѣкоторыя льготы для русскихъ кораблей въ курляндскихъ гаваняхъ, обѣщаніе покровительства русскимъ купцамъ и нѣкоторыя другія, неважныя, уступки и льготы. Принцъ Карлъ прибылъ послѣ этого въ Митаву и сталъ распоряжаться какъ курляндскій герцогъ.

Послѣ смерти императрицы Елизаветы Петромъ Ѳеодоровичемъ былъ возвращенъ, въ числѣ другихъ иноземцевъ, сосланныхъ въ предшествовавшее царствованіе, и Биронъ. Нерасположенный къ саксонскому дому, какъ враждовавшему съ Фридрихомъ прусскимъ, Петръ Ѳеодоровичъ не желалъ признавать принца Карла герцогомъ курляндскимъ; онъ Бирона принималъ какъ настоящаго и законнаго герцога. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Петръ Ѳеодоровичъ выразилъ свое желаніе, чтобы Биронъ за

денежное вознагражденіе отказался отъ своихъ правъ на герцогство въ пользу принца Георга голштинскаго, дяди Петра Θеодоровича, къ которому онъ очень благоволилъ. Биронъ, конечно, согласился на это, потому что все равно, безъ энергической поддержки Россіи онъ не могъ ни какимъ образомъ вернуть себѣ герцогства, а лично ему эту помощь Петръ Θеодоровичъ оказать былъ вовсе не склоненъ. Дѣло это было уже близко къ полному окончанію, когда на престолъ русскій вступила императрица Екатерина [1]).

Итакъ, вотъ въ какомъ положеніи находились курляндскія дѣла въ моментъ воцаренія Екатерины II. Силы, которыя тутъ сталкивались, всѣ преслѣдовали исключительно свои цѣли и выгоды: польское дворянство хотѣло добыть себѣ новые доходы съ новыхъ воеводствъ и староствъ; польскій король хотѣлъ присоединить къ своему дому богатый удѣлъ; курляндское рыцарство стремилось сохранить существовавшій порядокъ вещей, экономически ему выгодный; Россія стремилась подчинить Курляндію своему вліянію. Даже готовность императрицы Елизаветы сдѣлать, повидимому невыгодныя для русскихъ интересовъ, слишкомъ большія уступки въ пользу принца Карла объясняется тѣмъ, что въ ту пору въ Петербургѣ являлся безусловно преобладающимъ вопросъ о борьбѣ съ прусскимъ королемъ, въ которой саксонскій домъ являлся однимъ изъ важныхъ участниковъ. Рѣшить, кто былъ правъ и кто неправъ въ стремленіи осуществить относительно Курляндіи свои намѣренія—едва ли возможно; у всѣхъ были одинаково эгоистическія цѣли, всѣ допускали въ своихъ дѣйствіяхъ большія или меньшія несправедливости—и польское дворянство, и король, и Россія, и курляндское рыцарство. Стремленіе этихъ разныхъ силъ утвердить свое вліяніе въ Курляндіи, рѣшить вопросъ о ней согласно со своими видами, было столь же законно или столь же незаконно, какъ всякое другое стремленіе одной политической силы подчинить себѣ другія политическія силы, или другія государственныя тѣла,

---

[1]) *Щебальскій*, Политическая система Петра III, 58—96; *его-же*, Вопросъ о Курляндіи при Петрѣ III—*Русскій Архивъ*, 1866, 284—304; *Сборникъ*, XLVIII, 366—370.

болѣе слабыя; и въ изученіи того, какъ разрѣшался и какъ разрѣшился этотъ вопросъ намъ остается разобрать главнымъ образомъ только то, кто энергичнѣе и ловчѣе дѣйствовалъ, кто умнѣе и искуснѣе облекалъ свои поступки въ форму законности—по существу цѣли и побужденія всѣхъ, кто въ этомъ вопросѣ столкнулся, были совершенно одинаковы.

Уже 2 іюля 1762 г., на докладѣ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ о разныхъ текущихъ дѣлахъ, Екатерина противъ пункта, гдѣ говорилось о данныхъ отъ Петра Ѳеодоровича Симолину порученіяхъ, написала: «Симолину отступить отъ прежнихъ инструкцій и подъ рукою фаворизировать болѣе партію Бирона, нежели другихъ». 9 іюля Биронъ издалъ къ курляндскому рыцарству прокламацію, что онъ возвратится и вступитъ въ управленіе своимъ герцогствомъ [1]). Но прокламація эта не была встрѣчена въ Курляндіи особенно сочувственно, потому что тамъ уже три года существовало правительство другаго герцога; въ Митавѣ оберъ гауптманъ Гейкингъ сдѣлалъ распоряженіе уничтожать экземпляры прокламаціи Бирона. 3 августа императрица Екатерина обратилась къ королю польскому съ письмомъ, высказывая увѣренность, что теперь, съ освобожденіемъ Бирона, о дарованіи которому свободы онъ неоднократно дѣлалъ представленія, онъ незамедлитъ возстановить его въ его правахъ [2]). Но, конечно, польское правительство на это не согласилось и возражало противъ русскаго взгляда на дѣло; предложеніе русскаго правительства—добиваться вознагражденія принца Карла путемъ секуляризаціи въ его пользу какихъ нибудь, напр. нѣкоторыхъ вестфальскихъ, епископствъ — не удалось провести; къ нему отнеслись не благопріятно Австрія

[1]) *Herrmann*, Geschichte des russischen Staates, V, 344—345; Рамбо излагаетъ дѣло такъ: Catherine II, pour dédommager la Russie de n'avoir pas acquis un pouce de terre dans une guerre si onéreuse, inaugura son Systeme de Nord, c'est à-dire une alliance étroite avec la Prusse (traite du 11 avril 1764), l'Angleterre et le Danemark. C'est ce, qui lui permit en 1763 (!) de rétablir Biron comme duc de Courlandie, ce qui était annexion dépuisée de ce pays à la Russie, et, le 6 sep'embre 1764, de faire élire Poniatowski roi de Pologne.—Recueil, IX, 217. Тутъ странная неточность: дѣло курляндское было рѣшено окончательно задолго до союза съ Пруссіей, тѣмъ болѣе съ Даніей и Англіей.

[2]) *Сборникъ*, т. XLVIII, 9, 13, 35, 47—48, 50.

и Англія [1]). Между тѣмъ принцъ Карлъ вздумалъ обнаруживать свое недовольство образомъ дѣйствій Россіи. Онъ объявилъ, что въ виду поведенія Симолина не признаетъ его болѣе русскимъ уполномоченнымъ и запрещаетъ своимъ подданнымъ имѣть съ нимъ какія либо сношенія—изъ Риги въ Митаву, столицу Курляндіи, явился батальонъ русскаго войска, для предотвращенія «бываемыхъ иногда при настоящемъ случаѣ безпорядковъ». Принцъ Карлъ запретилъ русскимъ войскамъ, возвращавшимся изъ Пруссіи, проходить черезъ Курляндію; дѣйствительно, этотъ «проходъ войскъ черезъ Курляндію» въ сущности велъ къ пребыванію въ Курляндіи постоянно русскихъ войскъ въ такомъ количествѣ, какое считалось достаточнымъ; но очевидно, что разъ русское правительство считало нужнымъ имѣть въ Курляндіи войска, «запрещеніе» Карла, у котораго своего войска было всего 180 человѣкъ [2]), движенію русскихъ войскъ черезъ Курляндію помѣшать не могло. Но явное доказательство недовѣрія и недоброжелательства пр. Карла къ Россіи развязало ей руки. Симолину приказано было объявить, что онъ аккредитованъ не при пр. Карлѣ, а при герцогѣ Эрнстѣ-Іоаннѣ (Биронѣ) и поручено было подготовить собраніе если не всего ландтага, то хотя нѣкоторыхъ кирхшпилей, въ которыхъ экономическое вліяніе Россіи было особенно велико, съ тѣмъ, чтобы эти «братскія собранія» обратились къ императрицѣ съ просьбою содѣйствовать устроенію порядка въ герцогствѣ. Симолину же было предписано наблюдать, чтобы сторонники пр. Карла не могли продолжать начатыхъ уже ими раззореній тѣхъ мѣстностей, которыя несомнѣнно должны были перейдти вскорѣ во владѣніе Бирона [3]). 11 января 1763 г. Биронъ, уже съ августа находившійся въ Ригѣ, вступилъ въ предѣлы Курляндіи и издалъ манифестъ, призывая всѣхъ жителей принести ему присягу и заявляя, что, по рѣшенію императрицы, до удаленія пр. Карла изъ Курляндіи, секвеструются всѣ доходы

---

[1]) *Сборникъ*, т. XLVIII, 82, 131, 266; т. XLVI, 198; т. XII, 74.
[2]) *Соловьевъ*, книга V, 1424.
[3]) *Сборникъ*, т. XLVIII, 131, 141, 149, 156, 164, 173.

герцогства [1]). Въ сопровожденіи русскаго конвоя онъ вошелъ въ Митаву, но поселился въ частномъ домѣ, противъ герцогскаго дворца, занятаго въ это время пр. Карломъ. Биронъ былъ встрѣченъ соотвѣтственно своему сану, хотя, конечно, очень вѣроятны свидѣтельства, что встрѣча была устроена русскими властями [2]).

Такими мѣрами водворяла Екатерина въ Курляндіи своего кандидата; она нимало не смущалась тѣмъ, что курляндское дворянство выражало менѣе интереса къ возвращенію Бирона, чѣмъ пріятно было бы для русской дипломатіи, и оставляло насъ дѣйствовать однихъ [3]); Екатерина имѣла въ Митавѣ достаточно войска, чтобы немедленно и окончательно водворить Бирона и удалить Карла; но она хотѣла сохранить за своими дѣйствіями весь видъ внѣшней законности и запретила примѣненіе силы, увѣренная вполнѣ, что достигнетъ цѣли одною твердостью, безъ кровопролитія. На три мѣсяца затянулась эта въ сущности комическая сцена, когда въ двухъ противулежащихъ домахъ, на одной и той же площади въ «столицѣ государства» спокойно жили два человѣка, объявлявшіе себя владѣтелями страны и оба безсильные безъ посторонней поддержки какъ осуществить, такъ и защитить свои притязанія.

Польское правительство думало защитить права пр. Карла преимущественно путемъ дипломатической переписки; въ Варшавѣ посолъ Австріи поддерживалъ точку зрѣнія министерства [4]); но, какъ увидимъ далѣе, его доказательства въ пользу своего мнѣнія были очень искусно опровергаемы въ Петербургѣ; параллельно съ перепискою, не приведшею къ желательному результату, приняты были и нѣкоторыя другія мѣры, которыя тоже нельзя признать вполнѣ удачными. Въ Варшавѣ въ это время происходилъ сеймъ; Екатеринѣ было нежелательно, чтобы по дѣлу курляндскому были поставлены

---

[1]) *Сборникъ*, т. VII, 136, 138, 139; т. XLVIII, 201, 295—296.

[2]) *Соловьевъ*, книга V, 1491; *Herrmann*, V, 348, днемъ вступленія Бирона ошибочно называетъ 25 января 1763 г., т. е. 14 января по ст. ст.

[3]) *Сборникъ*, т. XLVIII, 351.

[4]) *Соловьевъ*, книга V, 1481.

какія нибудь рѣшенія сеймомъ:—могло выйдти такъ, что трудно было бы противиться сеймовому рѣшенію и сохранить въ то же время за своими дѣйствіями видъ законности, чего хотѣла Екатерина; поэтому она предписала Ржичевскому, русскому резиденту въ Варшавѣ, разорвать сеймъ—и онъ на третьемъ же засѣданіи былъ сорванъ; затѣмъ, вопросъ о томъ, какъ поступить относительно Бирона, обсуждался въ сенатѣ. 12 сенаторовъ высказались за то, чтобы уступить, такъ какъ они видѣли невозможность силой добиться отъ Россіи желаемаго рѣшенія; но значительное большинство, 48 голосовъ, высказались за то, чтобы противуставить силѣ силу; особенно рѣзко говорилъ противъ Россіи епископъ краковскій Солтыкъ; результатомъ совѣщаній была отправка къ пр. Карлу двухъ сенаторовъ, гр. Плятера и Липскаго, которые должны были помогать ему совѣтами. Канцлеръ литовскій князь Чарторижскій сообщилъ русскому представителю, что онъ, не сочувствуя такому рѣшенію, не приложитъ своей печати къ грамотѣ, которою этихъ сенаторовъ снабдятъ, такъ что ихъ миссія не будетъ имѣть даже и полнаго вида законности; въ Митавѣ сенаторамъ этимъ было объявлено, что русское правительство не считаетъ ихъ правильно уполномоченными отъ республики и не допуститъ никакого ихъ вмѣшательства въ дѣла республики [1]); затѣмъ изъ Литвы явились какіе то 40 дворянъ, «раздѣлить опасность съ неустрашимымъ принцемъ» [2]); въ

[1]) *Сборникъ*, т. XLVIII, 212, 244, 375, *Herrmann*, V, 350—351.

[2]) Германъ въ своей Geschichte des russischen Staates (V, 348—350) непропорціонально много вниманія и мѣста удѣляетъ описанію сценъ и происшествій въ Митавѣ за то время, когда тамъ одновременно находились Биронъ съ русскимъ войскомъ и пр. Карлъ, сидѣвшій въ герцогскомъ замкѣ. Что Рюльеръ или какой нибудь безымянный памфлетистъ того времени разсказываетъ разныя эффектныя сцены—это, конечно, совершенно естественно; но удивительно, когда ими обставляетъ изложеніе эпизода частнаго серьезный нѣмецкій ученый въ трудѣ, посвященномъ общей исторіи Россіи. Немного странно уже замѣчаніе, что пр. Карлъ «только благодаря мужеству и преданности нѣкоторыхъ вѣрныхъ курляндцевъ не былъ прямо выморенъ голодомъ» (354)—позволительно, конечно, усумниться, чтобы болѣе, чѣмъ 5000-ый отрядъ русскихъ, стоявшій, по словамъ Германа, въ Митавѣ, не сумѣлъ бы дѣйствительно блокировать замокъ, если бы въ планы русскихъ входило голодомъ выморить засѣвшихъ тамъ. Но положительно невозможно
безъ улыбки, когда онъ повѣствуетъ слѣдующее: «тве|

Варшавѣ напечатанъ былъ и оттуда распространенъ въ Курляндіи «Mémoire sur les affaires de Courlande», въ очень рѣзкихъ выраженіяхъ порицавшій поведеніе Бирона, дворянъ, принявшихъ его сторону, и Симолина,—памфлетъ этотъ по приказанію Екатерины былъ публично сожженъ въ Митавѣ. Въ Варшавѣ задумывали объявить Бирона и его сторонниковъ возмутителями и потребовать ихъ къ суду; Екатерина поручала Кейзерлингу, знатоку законовъ польскихъ и курляндскихъ, подыскать какой нибудь предлогъ, который могъ бы послужить Бирону законнымъ основаніемъ уклониться отъ такого вызова; въ то же время она грозила, что перестанетъ дѣлать всякія представленія предъ Фридрихомъ за Саксонію и въ Польшѣ станетъ явно поддерживать всѣхъ недруговъ тогдашняго правительства, если Августъ III будетъ очень энергично

могла не вызвать въ полякахъ сочувствія и участія къ нему. Не безъ изумленія однажды увидали въ Митавѣ совершенно неожиданно 40 польскихъ дворянъ, которые рѣшились раздѣлить опасности съ мужественнымъ принцемъ. Они явились изъ Литвы, гдѣ собрались на выборы. Съ саблями на-голо проложили они себѣ дорогу между русскими, которые пропустили ихъ безпрепятственно, пораженные ихъ смѣлостью и повинуясь приказанію императрицы не вступать въ открытую битву». Очевидно, что именно приказаніе императрицы и объясняетъ, какъ и почему «проложили себѣ дорогу между русскими» эти люди «явившіеся раздѣлить опасности съ мужественнымъ принцемъ»; Германъ точно забылъ, что въ Митавѣ стояли тѣ самыя русскія войска, предъ которыми не разъ отступали полки Фридриха, далеко не столь ничтожные предъ русскими въ численномъ отношеніи, какъ эти 40 человѣкъ предъ 5000; наконецъ, при существованіи ружей, что̀ значатъ противъ 5000 ихъ 40 даже самыхъ храбрыхъ и сильныхъ сабель? Наконецъ, пр. Карлъ своимъ поведеніемъ въ нѣкоторыхъ битвахъ Семилѣтней войны далъ основаніе думать, что онъ обнаруживалъ въ настоящемъ случаѣ безстрашіе и неустрашимость именно потому, что опаснаго въ его положеніи ничего не было. Совершенно въ томъ же, фальшивомъ эпическомъ стилѣ рисуются происшествія въ Митавѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ сочиненіяхъ. «Пр. Карлъ,—читаемъ, напр. у Жоффре (*Jauffret*, Catherine II et son règne, I, 152)—оставилъ замокъ не какъ бѣглецъ, но какъ несчастный герой. Среди бѣла дня проѣхалъ онъ черезъ русскія войска, которыя, пораженныя его смѣлостью, оказали ему почести, приличныя царственной особѣ»—не легко себѣ представить, какія надо было, дѣйствительно, обнаружить доблести, чтобы враждебныя войска оказали человѣку царскія почести, если забыть, что человѣкъ этотъ былъ принцъ царствующаго дома и что войскамъ приказано было относиться къ нему съ почтеніемъ, приличнымъ его сану.—Подобное освѣщеніе происшествій въ Митавѣ тѣмъ страннѣе, особенно у Германа, что значительно ранѣе появленія его книги Раумеръ понималъ и изобразилъ ихъ совершенно вѣрно—*Raumer*, Polens Untergang, 14.

противиться намѣреніемъ ея относительно Курляндіи; Августъ III никакихъ болѣе энергичныхъ мѣръ и не принялъ [1]).

Изложивши дѣйствія русскаго и польскаго правительства въ Курляндскомъ вопросѣ, посмотримъ теперь на дипломатическую ихъ переписку по этому-же вопросу, посмотримъ, какъ та и другая сторона объясняли свой образъ дѣйствій.

Уже въ августѣ 1762 г. польское правительство прислало въ Петербургъ свое изложеніе причинъ, на основаніи которыхъ оно не считало возможнымъ признавать герцога Эрнста Іоанна Бирона герцогомъ курляндскимъ. Причины были выставлены слѣдующія: по полученіи инвеституры онъ не оставилъ службы при русскомъ дворѣ и даже при происшедшей тамъ перемѣнѣ на престолѣ остался въ Россіи регентомъ и не пріѣзжалъ въ свои княжества; русскій министръ въ Варшавѣ объявлялъ отъ имени императрицы Елизаветы, что «по статскимъ резонамъ» ни самъ Э. I. Биронъ, ни его дѣти освобождены быть не могутъ. На это въ Петербургѣ, при участіи гр. Кейзерлинга и Бестужева-Рюмина, былъ составленъ отвѣтъ, въ которомъ указывалось, что никогда служба вассала чужому государству, если только она не была прямо во вредъ его ленному господину, не считалась за преступленіе, и что и король и республика поздравляли Бирона съ принятіемъ регентства, слѣд. «апробовали то, что теперь ему вмѣняется въ нарушеніе вѣрности»; къ тому-же король прислалъ ему жалованную грамоту, разрѣшавшую ему управлять своимъ леномъ въ отсутствіе изъ него; въ русскомъ отвѣтѣ признавали, что Биронъ не выполнилъ всѣхъ финансовыхъ обязательствъ герцога къ королю польскому, но указывали, что онъ началъ выплачивать долги, лежавшіе на герцогской казнѣ и не успѣлъ выплатить всего не по своей винѣ; къ тому-же доказательствомъ, что въ глазахъ польскаго правительства вина его была въ этомъ отношеніи очень не велика, служитъ то, что въ теченіи 18 лѣтъ оно постоянно просило объ его освобожденіи и вопросъ о невыполненіи имъ нѣкоторыхъ обязательствъ выдвинуло впервые только въ самое послѣднее время.

---

[1]) *Сборникъ*, т. XLVIII, 48, 212, 322, 388, 391, 413—414, 417.

11 декабря 1762 г. Кейзерлингу въ Варшавѣ вручена была записка польскаго министерства по курляндскому дѣлу; Кейзерлингъ отвѣтилъ на нее, представивши 24 декабря «Exposé des motifs de S. M. I. de toutes les Russies relativement aux affaires de Courlande». По словамъ Кейзерлинга, императрица, «вступая на престолъ, полагала, что невозможно дать болѣе осязательнаго доказательства ея желанія поддерживать дружбу и доброе сосѣдство съ королемъ и республикою, какъ возвративъ свободу тѣмъ, объ освобожденіи кого столь часто и столь настоятельно просили и король и сенатъ»; въ силу такихъ соображеній и былъ освобожденъ Биронъ. Въ заключеніи записки Кейзерлингъ говоритъ: «если естественная обязанность и право сосѣдства требуютъ, чтобы поддерживать и оказывать покровительство сосѣднему государю, находящемуся въ угнетеніи, противъ силы и несправедливости, то ея императорское величество императрица всероссійская не можетъ не поддерживать герцога и чиновъ Курляндіи въ ихъ правахъ, привиллегіяхъ и преимуществахъ; ея императорскому величеству не безызвѣстно, что герцогство есть ленъ, принадлежащій всему корпусу республики, а не одному престолу польскихъ королей; поэтому ея императорское величество не хочетъ и не можетъ согласиться, чтобы то, что постановлено всею республикою, было опровергнуто частью послѣдней, и чтобы нарушены были права, принадлежащія всей республикѣ»; поэтому императрица «будетъ охранять герцогство въ его феодальной зависимости отъ республики и не признавать герцогомъ ихъ никого другаго, кромѣ герцога Эрнста Іоанна, законно облеченнаго этимъ званіемъ съ согласія всей республики». Изъ Москвы, куда Кейзерлингъ сообщилъ польскую ноту, послѣдовалъ 24 января 1763 г. отвѣтъ гораздо болѣе сильный.

Отвѣтъ этотъ начинается съ указанія, что нота написана, очевидно, не согласія всего правительства, ибо у нея нѣтъ печатей министровъ великаго княжества литовскаго и подканцлера польскаго, но что тѣмъ не менѣе на нее отвѣчаютъ «дабы по нѣкоторымъ обстоятельствамъ не оставить въ невѣдѣніи тѣхъ, кои приняли на себя трудъ подписать ту промеморію»—и далѣе слѣдуютъ указанія неточностей и безтактностей ноты. Россія дала,

говорится далѣе, не мало доказательствъ желанія своего сохранять миръ и дружбу, и послѣ этого «конечно не ожидала ни такихъ неосновательныхъ нареканій, ниже такого меморіала». Въ немъ упоминалось о мѣрахъ, «кои республика въ трактатахъ своихъ съ Россіею приняла для отвращенія всякой причины къ несогласію и къ неудовольствію и кои состоятъ въ томъ, чтобы она ни мало не мѣшалась во внутреннее королевства управленіе»,—по поводу этого утвержденія русскій отвѣтъ уличаетъ авторовъ меморіи прямо во лжи: «желательно было-бы, читаемъ далѣе, если-бы предъявленъ былъ и тотъ трактатъ, который содержитъ въ себѣ сіе постановленіе; ибо въ трактатѣ 1686 г. не находится ни сего мнимаго артикула, ниже чего-либо инаго въ разсужденіи Курляндіи. Напротиву-же того, заключеннымъ въ 1716 г., подъ медіаціею Россіи, между покойнымъ королемъ Августомъ II и чинами королевства польскаго и великаго княжества литовскаго трактатомъ дается Россіи право недозволять, чтобы наималѣйшее какое дѣло учинено было въ противность конституціи или въ нарушеніе фундаментальныхъ узаконеній, вольности и конституціи республики»; «по силѣ пребывающихъ между Россіею и Польшею обязательствъ и «по правиламъ дружбы и добраго сосѣдства» императрица желаетъ, «чтобы права каждаго члена республики сохранены и произвольно ни у кого отняты не были, такъ какъ оное въ разсужденіи герцога Эрнста Іоанна учинить хотѣли». Русское правительство въ своемъ отвѣтѣ заявляетъ даже, что не понимаетъ, какъ могли быть уничтожены права Бирона на герцогство Россіею, благодаря тому, что она поставила Бирона въ невозможность ихъ осуществить, «ибо Россія сама собою не могла такія права уничтожить, которыя онъ не отъ нея, а отъ короля и республики польской получилъ». Выраженіе меморіала, что императрица, какъ-бы «вознамѣрилась опровергнуть торжественныя покойной императрицы распоряженія» названо «неосновательнымъ, непристойнымъ и дерзновеннымъ» и въ отплату за эту попытку заподозрить почтительное отношеніе императрицы къ памяти ея покойной тетки и благодѣтельницы, замѣчено, что не поведеніе русской императрицы, какъ і [illegible] й нотѣ, нарушаетъ власть короля, но чт [illegible]

короля страдаютъ» отъ его дѣйствій, такъ какъ онъ стремится не вполнѣ законнымъ путемъ сохранить герцогство сыну, «ибо не меньше касается до достоинства государя, чтобъ быть столь-же правосуднымъ королемъ, сколь чадолюбивымъ родителемъ» [1]. Нельзя не видѣть, что возраженія русскаго правительства являются очень сильными и вполнѣ опровергаютъ тѣ основанія и доказательства, какія приводило польское правительство въ защиту правъ пр. Карла; по существу, какъ сказано выше, тѣ и другія должны быть почитаемы одинаково основательными или одинаково неосновательными; но со стороны формы, въ смыслѣ словеснаго состязанія—конечно побѣда принадлежала русскому министерству.

Въ началѣ февраля 1763 г. явился въ Москву, гдѣ тогда былъ дворъ, камергеръ Борхъ съ письмомъ отъ короля къ императрицѣ, какъ спеціально уполномоченный для курляндскаго дѣла; но и его миссія не увѣнчалась успѣхомъ. Онъ не могъ представить никакихъ новыхъ и сильныхъ доказательствъ въ пользу защищаемой его королемъ точки зрѣнія; на его указанія, что Биронъ не природный дворянинъ ни польскій, ни курляндскій, что правительство польское просило лишь объ освобожденіи Бирона, а не о возвращеніи ему герцогства, и что въ грамотѣ ему на герцогство находятся нѣкоторыя формальныя упущенія, которыя лишаютъ ее законной силы—не трудно было отвѣтить, что пр. Карлъ тоже не природный ни польскій, ни курляндскій дворянинъ, да еще принадлежитъ къ исповѣданію, послѣдователи котораго прямо исключены отъ курляндскаго трона, привести затѣмъ одиннадцать оффиціальныхъ обращеній польскаго министерства, гдѣ говорилось именно о возстановленіи Бирона, и наконецъ указать, что формальныя упущенія въ инвеститурѣ Бирона есть «недостатокъ», который произошелъ не по его винѣ, а по винѣ короля и что на основаніи этого Биронъ ужъ никоимъ образомъ не можетъ быть лишенъ герцогства. Императрица Екатерина находила излишними дальнѣйшіе переговоры и приказала сообщить Борху, что скоро

---

[1]) *Сборникъ*, т. XLVIII, 100—104, 273—276, 281—286. Эта мотивировка русскихъ требованій, и искусство, съ какимъ приданъ имъ видъ защиты интересовъ и свободы Курляндіи, очень поразили Раумера—Polens Untergang, 14—15.

она дастъ ему отпускную аудіенцію; но Борхъ вдругъ заявилъ, что онъ какъ посланникъ не можетъ уѣхать, не получивъ отъ своего государя отзывныхъ грамотъ. Императрица велѣла ему отвѣтить, что его принимаютъ только, какъ лицо, привезшее письмо своего государя по одному дѣлу, и что онъ долженъ уѣхать и безъ всякой аудіенціи. Борхъ въ это время получилъ изъ Варшавы увѣдомленіе, что сенатъ разрѣшилъ королю объявить его посланникомъ въ Петербургѣ и сталъ требовать, чтобы его таковымъ признавали. Но въ это-же время въ Петербургѣ стало извѣстно рѣшеніе сената вызвать Бирона къ суду [1]); это, понятно, раздражило русское правительство и Борху было сказано, что какъ посланникъ польскій онъ принятъ быть не можетъ, потому что Польша не признала еще окончательно императорскаго титула, и что тотъ «характеръ», которымъ онъ еще долженъ быть облеченъ, не можетъ быть принимаемъ въ разсчетъ при оцѣнкѣ его предшествовавшихъ поступковъ. Но такъ какъ Борхъ тѣмъ не менѣе выражалъ намѣреніе дождаться въ Москвѣ вѣрительныхъ грамотъ, то 28 марта 1763 г. къ нему явился совѣтникъ Иностранной коллегіи Бакунинъ и прочелъ ему сообщеніе, что императрица приказываетъ ему уѣхать въ 48 часовъ, иначе онъ будетъ высланъ подъ конвоемъ. Тогда Борхъ повиновался; онъ только испросилъ себѣ отсрочки еще на два дня и 1 апрѣля оставилъ Москву, разославши ко всѣмъ иностраннымъ представителямъ при русскомъ дворѣ циркулярное письмо съ жалобами на обращеніе, какому онъ подвергся; русскій канцлеръ со своей стороны разъяснилъ циркуляромъ тѣмъ-же представителямъ всѣ обстоятельства, относившіяся къ этому инциденту; этимъ онъ и былъ исчерпанъ [2]).

Король Августъ, наконецъ видя, что принимаемыя имъ и сенатомъ польскимъ мѣры не останавливаютъ Екатерины въ ея рѣшеніяхъ, приказалъ своему сыну оставить Митаву.

---

[1]) *Соловьевъ*, книга V, 1496.

[2]) *Сборникъ*, т. XLVIII, 297, 315, 352—357, 396, 397, 400, 402—405, 418—423; напечатанное на стр. 403—405 и 418—423 напечатано еще въ т. XLVI, 453—455 и 463—469; см. еще *Сборникъ*, т. XLVI, 445; 50—52.

15 апрѣля 1763 г. пр. Карлъ принималъ во дворцѣ 18 человѣкъ своихъ вѣрнѣйшихъ приверженцевъ—курляндскихъ дворянъ, сказалъ имъ рѣчь, увѣряя, что скоро возвратится опять, вечеромъ съ ними простился и утромъ 16 апрѣля выѣхалъ со всѣми своими людьми въ Варшаву. Сенаторы гр. Плятеръ и Липскій остались въ Митавѣ; они съ карауломъ помѣстились въ нижнемъ этажѣ дворца, а весь верхній пр. Карлъ заперъ и запечаталъ своею печатью. Немедленно по отъѣздѣ его Симолинъ и Биронъ отправили полковника Шредера занять замокъ. Липскій заявилъ Шредеру, что онъ по королевскому ордеру охраняетъ этотъ домъ для пр. Карла, который вскорѣ возвратится; ему отвѣтили, что за его миссіею не признаютъ значенія и предложили удалиться; тогда онъ со своимъ карауломъ оставилъ замокъ. Биронъ пригласилъ городскаго нотаріуса и въ присутствіи его и Шредера приказалъ снять печати; комнаты оказались совершенно пустыми; Биронъ переселился въ этотъ замокъ. Гр. Плятеръ, какъ кавалеръ русскаго ордена Александра Невскаго, просилъ, чтобы караулъ отдавалъ ему честь по статуту ордена; просьба его была исполнена; лѣтомъ оба сенатора уѣхали [1]).

Такъ водворенъ былъ въ Курляндіи ставленникъ русскаго правительства. Взаимныя отношенія Курляндіи и Россіи были опредѣлены двумя актами, которыми обмѣнялись Екатерина и Биронъ еще 4 августа 1762 г., послѣ чего, 6-го августа, Биронъ въ торжественной аудіенціи приносилъ императрицѣ благодарность за доставленіе ему герцогства [2]). Въ актѣ, выданномъ съ русской стороны сказано, что Биронъ возстановляется во владѣніи его герцогствомъ, секвестръ со всѣхъ его аллодіальныхъ мѣстностей, находившихся въ русскомъ управленіи, снимается, и онѣ возвращаются въ полное его владѣніе, равно какъ и всѣ имѣнія, пожалованныя ему императрицею Анною или имъ самимъ купленныя; въ замѣнъ этого Биронъ «отрицается за себя и наслѣдниковъ своихъ отъ всѣхъ, чинимыхъ иногда, на россійскую имперію претензій». Актъ, выданный Бирономъ, повторяетъ все это и заключаетъ еще

[1]) *Сборникъ*, т. XLVIII, 474—476.
[2]) *Сборникъ*, т. XII, 35.

слѣдующія обязательства съ его стороны: въ Митавѣ разрѣшается выстроить православную церковь и при нуждѣ ее поправлять; русскому резиденту уступается безплатно домъ для жительства; русскіе купцы, проѣзжая герцогство, не платятъ никакихъ пошлинъ и пользуются всякимъ покровительствомъ; они имѣютъ право поселяться въ Курляндіи и торговать тамъ наравнѣ съ подданными герцога, сохраняя право выѣзда обратно въ Россію; розданныя русскимъ правительствомъ аренды не будутъ отобраны ранѣе срока, равно не будутъ измѣнены ихъ условія; русская императорская почта будетъ ходить черезъ герцогство такъ же, какъ ходила во время секвестра; курляндцы не будутъ продавать хлѣба враждующимъ съ Россіею державамъ, не будутъ никогда принимать ни прямаго, ни косвеннаго участія во враждебныхъ Россіи дѣйствіяхъ, русскимъ войскамъ открывается всегда свободный проходъ черезъ герцогство и они будутъ за деньги снабжаемы всѣмъ необходимымъ; всѣмъ русскимъ судамъ открывается свободный доступъ во всѣ курляндскія гавани [1]).

Въ августѣ 1763 г. Августъ II попробовалъ просить у Фридриха прусскаго заступничества за своего сына; но Фридрихъ отвѣтилъ, что, признавъ въ свое время по требованію польскаго правительства герцогомъ курляндскимъ Бирона и не получивъ своевременно никакого извѣщенія о замѣнѣ его принцемъ Карломъ, онъ все время Бирона и считалъ законнымъ герцогомъ курляндскимъ; къ тому же императрица Екатерина заблаговременно сообщила ему о предположенныхъ ею дѣйствіяхъ въ пользу Бирона и онъ не могъ не признать ихъ законными [2]).

Въ сентябрѣ 1763 г. Биронъ-сынъ просилъ для своего отца черезъ вице-канцлера позволенія императрицы «учинить другимъ державамъ нотификаціи о вступленіи своемъ во владѣніе курляндскими княжествами» черезъ русскихъ министровъ; разрѣшеніе было ему дано. Только во Франціи отъ русскаго посла не было принято письмо Бирона для представленія королю; Панинъ отвѣчалъ кн. Д. М. Голицыну на его

---

[1]) *Сборникъ*, т. XLVIII, 52—56.
[2]) *Сборникъ*, т. XLVIII, 614.

донесеніе объ этомъ: «намъ только въ томъ и нужда была чтобы французскому двору доказать, что мы во всѣхъ случаяхъ равное другимъ дружескимъ дворамъ имѣемъ съ нимъ поведеніе. А что оное письмо не принято, о томъ мало мы заботимся, ибо собственно до насъ то не принадлежитъ, да и герцогу курляндскому то индифферентно быть должно, когда онъ и безъ того теперь дѣйствительнымъ герцогомъ въ Курляндіи находится» [1]). Испросивъ предварительно разрѣшеніе императрицы, Биронъ посылалъ сына въ Варшаву получать утвержденіе на герцогскомъ стулѣ, сначала отъ сейма, а затѣмъ и отъ короля [2]); установленный Россіею въ Курляндіи порядокъ вещей былъ признанъ конвокаціоннымъ сеймомъ 1764 г., Станиславъ Понятовскій былъ избранъ королемъ, между прочимъ, съ обязательствомъ признать этотъ порядокъ. Такъ Курляндія оказывалась уже болѣе связанною съ Россіею, чѣмъ съ Польшею; русское правительство совершенно сознательно именно эту цѣль и преслѣдовало. Въ инструкціи гр. Кейзерлингу и кн. Репнину, данной въ ноябрѣ 1763 г., читаемъ между прочимъ: «польза нашей имперіи имѣть въ оныхъ сосѣдственныхъ земляхъ (Курляндіи и Семигаліи) владѣтеля отдѣленнаго отъ дома польскихъ королей и намъ однимъ обязаннаго» [3]), въ одной депешѣ къ Репнину Панинъ «прилежнѣйше рекомендуетъ» Репнину обратить вниманіе на указанные имъ вопросы, «вслѣдствіе извѣстнаго уже вамъ политическаго правила нашего, чтобы отдалять поляковъ отъ участія по курляндскимъ дѣламъ» [4]). Не менѣе энергично проявляло русское правительство свое вліяніе и во внутреннихъ дѣлахъ Курляндіи. Вскорѣ послѣ водворенія своего Биронъ попробовалъ попросить нѣкоторыхъ уступокъ въ содержаніи почтъ, а также возвращенія ему нѣкоторыхъ ссудъ, выданныхъ арендаторамъ изъ герцогской казны и во время секвестра полученныхъ русскимъ правительствомъ; ему было отказано [5]). Хотя прежде русскій представи-

---

[1]) *Сборникъ*, т. XLVIII, 631; т. LI, 383.
[2]) *Сборникъ*, т. LI, 395, 398, 488; т. LVII, 25, 198.
[3]) *Сборникъ*, т. LI, 92—93.
[4]) *Сборникъ*, т. LXVII, 203.
[5]) *Сборникъ*, т. XLVIII, 62.

тель доносилъ изъ Митавы о всеобщемъ желаніи дворянства видѣть герцогомъ Бирона, но теперь не считалось болѣе нужнымъ скрывать, что далеко не всѣ довольны были его возстановленіемъ; на нѣкоторыхъ сеймикахъ раздавались громкіе протесты противъ возстановленія Бирона, о предстоявшихъ выборахъ короля польскаго говорилось въ духѣ, враждебномъ намѣреніямъ императрицы, нѣкоторые не желали приносить присяги Бирону. Противъ всѣхъ такихъ недовольныхъ императорскимъ правительствомъ была издана въ 1766 г. декларація столь суровая, что самъ Биронъ просилъ ея не обнародовать; но она была объявлена и вмѣстѣ съ тѣмъ въ Курляндію вступили русскія войска и были расположены для экзекуціи по имѣніямъ противниковъ установившагося порядка; эта мѣра быстро возымѣла желанное дѣйствіе; всякіе проявленія недовольства и протеста прекратились. Русское правительство не допустило задуманнаго въ Курляндіи заведенія нѣсколькихъ новыхъ таможенъ, самымъ энергическимъ образомъ требовало выдачи бѣглыхъ, нерѣдко очень настоятельно рекомендовало герцогу того или другаго человѣка для того, чтобы ему герцогъ далъ въ аренду какое нибудь имѣніе, и въ то же время Репнину предписывалось въ Варшавѣ отклонять всякія ходатайства въ этомъ же смыслѣ, настаивая, что герцогъ долженъ имѣть право дѣйствовать внутри герцогства вполнѣ самостоятельно. Въ 1767 г. по требованію русскаго правительства курляндское дворянство присоединилось къ диссидентской конфедераціи [1]). Въ 1770 г. Панинъ, предписывая кн. Волконскому устроить выѣздъ изъ Варшавы сына Э. І. Бирона, Карла, который держался образа дѣйствій непріятнаго Россіи и поручая послу снабдить принца деньгами, если тотъ въ нихъ нуждается, говорилъ: «по полученіи отъ вашего сіятельства свѣдѣнія о числѣ ихъ, сдѣлаю уже я распоряженіе объ уплатѣ ихъ герцогомъ» [2]).

Въ 1764 г. императрица Екатерина, во время путешествія своего въ прибалтійскія губерніи, получила въ Ригѣ почтительнѣйшую просьбу герцога Эрнста Іоанна посѣтить его; она

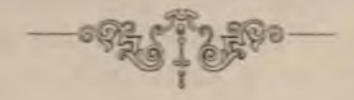
---

[1]) *Сборникъ*, т. LI, 146, 172—173, 186—188, 459, 478, 503, 562; т. LXVII, 28, 38—40, 164, 183—18

[2]) *Сборникъ*, т. XCVII, 35.

прибыла въ Митаву, была принята самымъ торжественнымъ образомъ; въ память этого посѣщенія выбита была медаль, въ народъ бросали деньги; а самъ герцогъ, встрѣчая императрицу во дворцѣ, сталъ предъ нею на колѣни, какъ вассалъ предъ сюзереномъ [1]).

Такъ постепенно подготовлялось полное присоединеніе Курляндіи отъ Польши къ Россіи, которое стало вполнѣ естественнымъ и спокойно совершилось, предупредивъ на нѣсколько дней полное уничтоженіе Польши, какъ самостоятельнаго государства [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, достигнутый въ этомъ спорѣ съ Польшей успѣхъ не могъ не повліять на всѣ другія русско-польскія отношенія въ томъ смыслѣ, что русское правительство дѣйствовало болѣе спокойно и твердо.

[1]) *Сборникъ*, т. VII, 368.
[2]) 18 марта 1795 г. *Полное собраніе законовъ*, № 17, 319.

Глава третья.

Отношенія къ Англіи, Швеціи, Даніи. — Проектъ «Сѣверной системы». — Отношенія къ Франціи, къ Турціи и прочимъ европейскимъ державамъ.

I.

Въ предыдущей главѣ мы разсмотрѣли, какъ дѣйствовало правительство Екатерины II въ отдѣльныхъ, частныхъ вопросахъ, представившихся ему на первыхъ же шагахъ его существованія; теперь разсмотримъ сношенія Россіи съ отдѣльными государствами; мы начнемъ съ обзора тѣхъ сношеній Россіи, которыя не занимали перваго мѣста въ тогдашней внѣшней политикѣ Россіи и затѣмъ уже обратимся къ наиболѣе важнымъ, польскимъ дѣламъ, и къ связаннымъ съ ними первой турецкой войнѣ и первому раздѣлу Польши, и на нихъ остановимся съ большею подробностью и обстоятельностью.

17 іюля 1762 г. русскій канцлеръ поручалъ посланнику нашему въ Лондонѣ стараться, чтобы въ Петербургъ на мѣсто сера Роберта Кейта былъ присланъ другой посолъ, не потому, чтобы лично Кейтъ былъ непріятенъ, но «въ разсужденіи прежнихъ и нынѣшнихъ обстоятельствъ», [1])—главную, если не единственную причину такой просьбы надо видѣть въ томъ, что Кейтъ игралъ слишкомъ большую роль при Петрѣ Ѳеодоровичѣ, былъ однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ то время, когда въ русской политикѣ получила господство прямо антирусское направленіе: глав[illegible] лицо того царствованія, прусскій послан[illegible]

[1]) *Сборникъ Императорскаго русскаго* [illegible]

ленно по воцареніи Екатерины самъ просилъ, чтобы его отозвали, жаловался на общее нерасположеніе къ себѣ и писалъ, что стóитъ ему только поговорить съ кѣмъ нибудь, чтобы уже сдѣлать этого человѣка подозрительнымъ въ глазахъ другихъ [1]). Въ августѣ посломъ въ Петербургѣ былъ назначенъ лордъ Букингамъ; онъ прибылъ ко двору въ Москву, въ сентябрѣ; первую аудіенцію онъ имѣлъ 13 октября; рѣчь свою онъ сказалъ на англійскомъ языкѣ; императрица отвѣчала ему на русскомъ [2]).

Въ первые годы екатерининскаго царствованія сношенія съ Англіей касались преимущественно вопроса о заключеніи трактатовъ торговаго и союзнаго.

Букингамъ отъ лица англійскаго правительства принесъ императрицѣ «усердное поздравленіе» со вступленіемъ на престолъ, увѣрялъ ее въ искренней дружбѣ короля и передалъ желаніе его возобновить съ Россіей союзный договоръ 1742 г., истекшій въ 1759 г., и торговый договоръ 1734 г., срокъ которому окончился въ 1749 г.; по волѣ императрицы Елизаветы Петровны англійскіе купцы и послѣ этого года во все продолженіе ея царствованія пользовались въ Россіи всѣми преимуществами, какія дарованы были имъ этимъ договоромъ; но, конечно, совершенно понятно желаніе англійскаго министерства закрѣпить такое положеніе дѣлъ договоромъ; и министерство напоминало объ этомъ Букингаму и въ дальнѣйшихъ инструкціяхъ постоянно и настойчиво.

Букингаму писали изъ Лондона, что «англійское правительство не желаетъ никакого союза такъ сильно, какъ союза съ Россіей»; посолъ долженъ былъ внушать въ Петербургѣ, что соединенныя союзомъ Россія и Англія получатъ въ Европѣ вліяніе несравненно большее, чѣмъ имѣютъ теперь, когда онѣ остаются изолированными; онъ долженъ былъ увѣрять, что до заключенія союза съ Россіей Англія не вступитъ въ обязательства ни съ какою другою державою. Впрочемъ, Англія ставила на первомъ планѣ возобновленіе торговаго договора, а союзный имѣла въ виду подписать послѣ; союзный предполагалось

[1]) *Соловьевъ*, Исторія Россіи, книга V, 1399.

[2]) *Сборникъ*, т. XII, 41, 43, 47, 195,—196; т. LVII, 145.

прямо возобновить, съ сохраненіемъ всѣхъ условій прежняго; что же касается торговаго, то англичане желали получить еще нѣкоторыя выгоды въ прибавку къ тѣмъ, какими пользовались по договору 1734 г.; Букингаму врученъ былъ и новый проектъ договора, одобренный въ Лондонѣ Торговымъ Совѣтомъ; только въ крайнемъ случаѣ послу разрѣшено было согласиться на простое возстановленіе договора 1734 г. Съ цѣлью доказать расположеніе англійскаго правительства къ новому русскому, Букингамъ былъ уполномоченъ сообщить въ Петербургѣ нѣкоторые документы, касавшіеся мирныхъ переговоръ между Пруссіей и ея врагами, начатыхъ въ это время безъ вѣдома Россіи, какъ мы уже видѣли [1]).

Букингаму оказанъ былъ любезный пріемъ, но онъ далеко не встрѣтилъ такого же рвенія въ вопросѣ о трактатахъ, какое оказывало англійское министерство; ему говорили, что императрица питаетъ искреннюю дружбу къ королю англійскому, но что, отказавшись отъ союза съ Австріей, находитъ неудобнымъ немедленно же вступать въ другой; обѣщали сохранить привиллегію англійскихъ купцовъ до разсмотрѣнія вопроса о торговомъ договорѣ, но говорили, что приступить къ этому разсмотрѣнію можно будетъ только по возвращеніи въ Петербургъ; въ то же время заявлено было Букингаму, что «ничто не въ состояніи до такой степени скрѣпить дружбу между обѣими націями, какъ полное единомысліе по польскому вопросу» [2]). Но вообще этимъ дѣломъ не спѣшили. Только 11 августа 1763 г., послѣ многократныхъ напоминаній посла, чтобы наконецъ данъ былъ ходъ этому дѣлу, онъ приглашенъ былъ на конференцію и ему прочтенъ былъ русскій контръ-проектъ союзнаго и торговаго договоровъ. По словамъ протокола Букингамъ выслушалъ заявленіе вице-канцлера, что теперь начнется «негоціація» о трактатахъ, «съ пріятностью»; но по мѣрѣ чтенія онъ началъ, даже «съ горячностью», возражать на русскій проектъ и увѣрялъ, что англійское министерство никогда съ русскимъ проектомъ не согласится. Въ русскомъ

---

[1]) *Сборникъ*, т. XII, 16—24, 71—72, 101—103, 108.

[2]) *Сборникъ*, т. XII, 54, 84, 86, 94, февраль—мартъ 176[illegible] 550—551.

проектѣ было уничтожено существовавшее въ прежнемъ союзѣ исключеніе войны съ Турціей какъ casus foederis, статьѣ о договорахъ съ другими государствами придана была такая редакція, по которой эти договоры должны были не только не противорѣчить заключаемому, но должны были быть съ нимъ согласуемы; союзъ предполагался на 8 лѣтъ, тогда какъ прежній былъ заключенъ на 15 лѣтъ. Но особенно удивили Букингама двѣ отдѣльныя статьи, изъ которыхъ первая заключала обязательство со стороны Англіи выдать Россіи 500.000 р., если русскія войска должны будутъ вступить въ Польшу и всякое противодѣйствіе со стороны какого либо государства Россіи въ Польшѣ силою признать за casus foederis; Россія въ замѣнъ этого обязывалась поступать въ Польшѣ во всемъ по соглашенію съ королемъ англійскимъ и оказывать возможное вниманіе къ его видамъ во всемъ, что не окажется вреднымъ собственнымъ интересамъ императрицы всероссійской; этой статьѣ, впрочемъ, соглашались дать и такую редакцію, обративъ, въ то же время, статью эту въ секретную: Англія должна была обязаться платить Россіи по 500.000 р. въ годъ въ теченіе войны Россіи съ Турціей, если таковая начнется, а Россія обязывалась дать Англіи, въ случаѣ войны ея съ Испаніей или Португаліей, 12.000 солдатъ, но единственно для защиты береговъ Англіи и Ирландіи. Въ другой сепаратной статьѣ заключалось требованіе, чтобы Англія приняла на себя обязательство производить въ Швеціи равные съ Россіей расходы для устраненія въ этомъ государствѣ французскаго вліянія. Наконецъ русское министерство заявляло, что торговый договоръ можетъ быть подписанъ только послѣ союзнаго [1]).

Всѣ эти пункты вызвали сильныя возраженія англійскаго министерства; такъ какъ въ Петербургѣ рѣшительно заявляли, что торговый трактатъ можетъ лишь слѣдовать за союзнымъ, то на обсужденіи условій послѣдняго и было, на время, сосредоточено все вниманіе. Въ ноябрѣ Букингамъ сообщилъ Панину, уже вступившему въ это время въ должность первенствующаго члена коллегіи иностранныхъ дѣлъ, что англійское

---

[1]) *Сборникъ*, т. XII, 117—124; т. XLVIII, 568—569; 572—573; т. LVII, 55—56, 62—65.

министерство не находитъ возможнымъ принять новыхъ, предлагаемыхъ Россіей, условій; Панинъ же допускалъ возможность только уступки относительно турецкой войны какъ casus foederis, но и то въ томъ лишь случаѣ, если приняты будутъ цѣликомъ статьи о Польшѣ и Швеціи; въ январѣ 1764 г. Панинъ, по словамъ Букингама, «очень хладнокровно» выслушалъ отъ него заявленіе, что англійскій дворъ окончательно отказывается подписать договоръ на предложенныхъ въ Петербургѣ условіяхъ; въ апрѣлѣ онъ, къ огорченію Букингама, совершенно рѣшительно повторилъ, что торговый договоръ можетъ быть подписанъ только послѣ заключенія союзнаго [1]. Панинъ, очевидно, не находилъ невозможнымъ остаться безъ союзника и хотѣлъ, если ужъ заключать союзъ, то непремѣнно союзъ выгодный для Россіи; и онъ зналъ, что если есть какой нибудь способъ заставить Англію содѣйствовать видамъ Россіи въ Польшѣ, и особенно въ Швеціи, то только воздѣйствіемъ на ея торговые интересы; вообще же онъ ничего не имѣлъ противъ союза съ Англіей, но считалъ возможнымъ заключить его лишь подъ условіемъ уступокъ противъ прежняго союза со стороны Англіи, такъ какъ находилъ, что положеніе Россіи съ 1742 г. измѣнилось и она уже не имѣетъ никакого основанія дѣлать Англіи такія уступки, какія были сдѣланы тогда [2].

Въ Англіи не хотѣли отказаться отъ своихъ попытокъ обезпечить формально своимъ купцамъ тѣ выгоды въ Россіи, какими пользовались они лишь по личному рѣшенію императрицы, и попробовали передать дѣло о торговомъ договорѣ въ другія руки; въ октябрѣ 1764 г. былъ назначенъ на смѣну Букингама посломъ въ Петербургѣ молодой дипломатъ Джорджъ Макартней, человѣкъ очень энергичный, тогда только что еще начинавшій свою карьеру, но уже выдѣлявшійся въ средѣ тогдашнихъ дипломатовъ; впослѣдствіи онъ оказалъ Англіи большія услуги въ Китаѣ [3]. Порученіе, данное Макартнею, облегчалось

---

[1]) *Сборникъ*, т. XII, 129—132, 143—146, 148, 156, 164, 165.

[2]) *Сборникъ*, т. XXII, 246.

[3]) *Чтенія Московскаго общества исторіи и древностей*, 1[1] 432—424.

нѣсколько тѣмъ, что весною 1764 г. былъ заключенъ союзъ Россіи съ Пруссіей; такъ какъ отношенія Пруссіи и Англіи были очень холодны, то естественно отступалъ на второй планъ вопросъ о союзѣ Россіи и Англіи; торговый договоръ, такимъ образомъ, становился на очередь помимо союзнаго, условія котораго, предложенныя Россіей черезъ Букингама, задержали прежде обсужденіе торговаго. До прибытія Макартнея Букингамъ уже не велъ серьезныхъ переговоровъ; въ своихъ донесеніяхъ онъ довольствовался теперь изображеніемъ «ужаснаго» внутренняго положенія государства, которое теперь представлялось ему въ «видѣ огромной массы горючихъ матеріаловъ, съ поджигателями на каждомъ углу»,—объ этомъ онъ впервые заговорилъ, впрочемъ, съ особеннымъ удареніемъ въ первой депешѣ своей послѣ сообщенія русскаго контръ-проекта [1]).

Макартней привезъ въ общемъ такія же инструкціи, какъ и Букингамъ; онъ былъ только снабженъ еще новымъ доказательствомъ расположенія англійскаго правительства и его готовности дѣйствовать согласно съ Россіей: онъ имѣлъ полномочіе заявить, что англійскій представитель въ Варшавѣ подастъ декларацію по диссидентскому дѣлу совершенно согласную съ желаніями Россіи и что король и впредь будетъ, какъ уже поступалъ раньше, поддерживать дѣйствія Россіи въ Польшѣ всѣмъ своимъ вліяніемъ; ему поручено было также, обходя только вопросъ о субсидіяхъ, увѣрить русское правительство, что въ Швеціи англійскій представитель всегда будетъ дѣйствовать pari passu съ русскимъ. Съ своей стороны Макартней дѣлалъ все, чтобы стать въ наилучшія отношенія съ русскими министрами лично: на аудіенціи онъ говорилъ рѣчь по-французски, постарался сблизиться съ Панинымъ, «ухаживалъ за нимъ», какъ самъ пишетъ [2]) и вскорѣ сталъ, дѣйствительно, извѣщать свое правительство, что благодаря этому дѣло о торговомъ трактатѣ пошло значительно быстрѣе. Затронутъ былъ сначала вопросъ и о союзѣ; но Панинъ твердо стоялъ на турецкомъ casus foederis, утверждая, что война съ Турціей есть, по всей вѣроятности, единственный случай, когда Россія при-

---

[1]) *Сборникъ,* т. XII, 124 и слѣд.; 184.

[2]) *Сборникъ,* т. XII, 184—186; 194—197.

велось бы воспользоваться англійскою помощью и что заключеніе союза между Россіей и Англіей безъ такого условія дало бы всѣ выгоды отъ союза одной только Англіи; Макартней не рѣшался совѣтовать своему правительству согласиться на эти условія, но высказывалъ свое мнѣніе, что по этому пункту, русскій дворъ ни за что не уступитъ [1]); поэтому, вопросъ о союзномъ трактатѣ былъ оставленъ и Макартней направилъ всѣ свои усилія на заключеніе торговаго договора.

Переговоры съ Макартнеемъ велъ только Панинъ; но обсуждался торговый договоръ съ Англіею въ особой коммисіи, составленной подъ предсѣдательствомъ Панина, изъ вице-канцлера кн. А. М. Голицына, д. с. с. Г. Н. Теплова и гр. Эрнста Миниха (сына старика-фельдмаршала), управлявшаго таможенною частью. Коммисія эта признала возможнымъ, по существу, согласиться съ англійскими предложеніями и повторить находившееся въ старомъ трактатѣ условіе, именно, что англійскіе купцы будутъ платить одинаково съ русскими; но она предложила внести условіе, что Россія, «во взаимство съ англійскимъ актомъ о мореплаваніи, имѣетъ право принимать мѣры, какія найдетъ выгоднымъ для развитія своей торговли»,—въ докладѣ императрицѣ коммисія высказывала, что полезно было-бы для развитія русской внѣшней торговли превратить нѣкоторыхъ иностранныхъ купцовъ въ русскихъ подданныхъ, такъ какъ русскіе купцы слишкомъ не энергичны и инертны, чтобы можно было надѣяться быстро оживить и развить русскую внѣшнюю торговлю поддерживая только ихъ; въ этомъ-же докладѣ очень любопытно замѣчаніе коммисіи, что необходимо уступить предложеннымъ въ англійскомъ проектѣ правиламъ относительно захвата судовъ на морѣ въ военное время и не вводить болѣе точнаго опредѣленія «военной контрабанды», чтобы Англія, пользуясь своимъ перевѣсомъ на морѣ, не издала какихъ-либо общихъ постановленій относительно морской торговли во время войны, стѣснительныхъ для всѣхъ [2]); это замѣчаніе весьма любопытно для исторіи «вооруженнаго морскаго нейтралитета» и оно до извѣстной степени показываетъ, какъ измѣни...

[1]) *Сборникъ*, т. LVII, 167; т. XII, 219—221.
[2]) *Сборникъ*, т. LVII, 289—297.

литическое значеніе Россіи за двадцать лѣтъ екатерининскаго царствованія.

Докладъ коммисіи былъ утвержденъ императрицею и составленный на основаніи его трактатъ Макартней подписалъ 8 августа 1766 г. Но не онъ надъ Панинымъ одержалъ верхъ въ этихъ переговорахъ: англійское министерство нашло принятый Макартнеемъ текстъ договора до такой степени невыгоднымъ, что отказалось его признать и сдѣлало Макартнею очень строгій выговоръ за то, что онъ рѣшился его подписать [1]). Макартней объяснялъ свой поступокъ тѣмъ, что русскія условія представляли ультиматумъ, непринятіе котораго должно было повести къ лишенію англійскихъ купцовъ всѣхъ привиллегій, какими они пользовались; онъ старался доказать, что условія все-таки выгодны и утверждалъ, что если-бы власть перешла отъ Панина къ кому-либо другому, то не удалось-бы заключить и такого договора. Но англійское министерство никакъ не хотѣло согласиться на многія частности договора, особенно-же на четвертую его статью, въ которой между прочимъ читалось: «Россія по примѣру великобританскаго акта о мореплаваніи сохраняетъ за собою право принимать внутри государства всѣ мѣры, которыя окажутся полезными для поощренія и развитія россійскаго мореплаванія» [2]); этою статьею, по мнѣнію англійскаго министерства, Россія оставляла себѣ право измѣнять порядки своей внѣшней торговли, не обращая вниманія, какъ это отразится на торговлѣ съ Россіею англичанъ; министерство находило недостаточными увѣренія Макартнея, что нѣтъ никакого вѣроятія, чтобы Россія примѣнила къ своей торговлѣ какія-либо правила, подобныя акту о мореплаваніи; послу сдѣлано было даже замѣчаніе, что «упоминая объ имени этого акта, чего до сихъ поръ избѣгали, онъ подалъ примѣръ, на который при послѣдующихъ договорахъ могутъ ссылаться и другія націи» [3]). Въ Лондонѣ согласились принять договоръ только съ прибавленіемъ къ 4 п. слѣдующей деклараціи: «какія-бы ни были приняты мѣры на основаніи вышеупомянутаго

[1]) *Сборникъ*, т. XII, 209—214, 221—227.
[2]) Полный текстъ спорной статьи *Сборникъ*, т. XXII, 433--435.
[3]) *Сборникъ*, т. XII, 223—224, 251.

условія, онѣ во всякомъ случаѣ будутъ такого свойства, что британскіе подданные будутъ имѣть возможность въ нихъ участвовать и извлекать изъ нихъ такія-же выгоды, какъ и подданные Ея Императорскаго Величества, причемъ вышеупомянутыя мѣры ни въ какомъ случаѣ не будутъ клониться къ уменьшенію или ограниченію торговли, которую въ настоящую минуту подданные его британскаго величества ведутъ съ подданными Ея Императорскаго Величества или къ измѣненію ея порядка и сущности» [1]). Въ концѣ октября Макартнею пришлось сообщить Панину отвѣтъ англійскаго министерства и его требованіе; Панинъ, естественно, пришелъ въ негодованіе и высказалъ Макартнею свое неудовольствіе въ очень сильныхъ выраженіяхъ; для него вопросъ былъ тутъ не только о редакціи статьи и не только объ упоминаніи акта о мореплаваніи: дѣйствительно думали въ это время въ Петербургѣ издать такія постановленія о внѣшней торговлѣ, которыя-бы сдѣлали наиболѣе выгоднымъ для иноземныхъ купцовъ употребленіе судовъ русскихъ; такимъ путемъ надѣялись понемногу развивать русское судостроительство и судоходство, и требованіе англичанъ являлось потому очень неудобнымъ [2]). Три дня Макартней, по его собственному выраженію, «всячески старался смягчить» Панина, но напрасно; тогда онъ оффиціальною бумагою сообщилъ въ Коллегію иностранныхъ дѣлъ требованіе своего министерства—и получилъ отвѣтъ въ такихъ выраженіяхъ, что не счелъ возможнымъ переслать его въ Англію. По его разсказу «онъ осмѣлился заговорить объ этомъ дѣлѣ съ самою императрицею въ маскарадѣ и чуть не упалъ предъ нею на колѣни; но непоколебимость ея превзошла даже обыкновенное женское упрямство». Послѣ многихъ упрашиваній Макартнея ему, наконецъ, вручили промеморію съ русскимъ проектомъ декларацiи и онъ доносилъ своему министерству, что «прибавить къ ней хоть одинъ слогъ внѣ предѣловъ человѣческой возможности». Эта промеморія въ очень сильныхъ выраженіяхъ отвергаетъ подчеркнутую

[1]) *Сборникъ*, т. XII, 227.
[2]) *Сборникъ*, т. XXII, 423—424; т. LVII, 54—5.

деклараціи, проектированной въ Лондонѣ, объявляя ее попыткою вмѣшаться во внутреннія дѣла имперіи, и выражаетъ согласіе принять лишь неподчеркнутую нами часть ея. Начиная съ донесенія объ этомъ и у Макартнея, какъ у Букингама, идутъ жалобы на гордость, неуступчивость русскихъ, на трудность вести съ ними дѣло [1]). До іюля 1766 года шли переговоры объ этой 4-й статьѣ; Панинъ твердо стоялъ на томъ, что невозможно для Россіи связать себѣ какими-бы то ни было обязательствами относительно своихъ внутреннихъ распоряженій и наконецъ сказалъ Макартнею, что очень скоро англійскіе купцы будутъ лишены всѣхъ имъ особенно предоставленныхъ преимуществъ. Макартней очень испугался и съ великимъ трудомъ уговорилъ Панина отложить осуществленіе этой мѣры до того времени, пока онъ успѣетъ списаться съ Лондономъ. Его донесеніе о намѣреніи русскаго правительства подѣйствовали на англійское министерство: оно согласилось признать договоръ, если послѣ 4-й статьи будетъ добавлено «но въ такомъ случаѣ обѣ стороны сохраняютъ за собою право принимать во внутренности своихъ владѣній всякія мѣры, признанныя ими полезными для поощренія и развитія ихъ взаимнаго мореплаванія»; на это дополненіе согласился и Панинъ, но все-таки, по его настоянію редактировано было оно нѣсколько болѣе точно: вмѣсто словъ: «обѣ стороны» поставлено было «каждая сторона» и вмѣсто—«взаимнаго мореплаванія»—«собственнаго мореплаванія». Въ такомъ видѣ, наконецъ, торговый договоръ и былъ подписанъ 20 іюня ст. ст 1766 г. на 20 лѣтъ [2]).

Послѣ подписанія договора изъ Лондона былъ назначенъ въ Россію новый посолъ, Станлей; Макартней уѣхалъ весною 1767 г. не дождавшись его и оставивши послѣ себя въ петербургскомъ обществѣ скандалезное воспоминаніе, какъ герой одной романической исторіи; на первое время она была замята, но когда въ декабрѣ 1767 г. взамѣнъ Станлея, получившаго другое назна-

---

[1]) *Сборникъ*, т. XII, 228—237, 248—250, 252, 256—258, 264, 270 и друг.; т. LVII, 470—472.

[2]) *Сборникъ*, т. XII, 264; т. XXII, 423. *Мартенсъ*, Собраніе трактатовъ и конвенцій, IX. 242—259.

ченіе, вздумали вернуть въ Петербургъ Макартнея, вѣроятно, не зная его похожденій тамъ, а онъ принялъ это назначеніе, Панинъ написалъ ему въ очень рѣшительныхъ выраженіяхъ, что онъ не можетъ быть принятъ, и Макартней не поѣхалъ въ Петербургъ [1]).

Только въ іюлѣ 1768 г. явился въ Петербургъ новый посолъ англійскій, лордъ Каскартъ; до его пріѣзда оставался англійскимъ уполномоченнымъ Генрихъ Ширлей, который не велъ никакихъ существенныхъ переговоровъ и изъ донесеній котораго наиболѣе цѣнны сообщенія о засѣданіяхъ коммисіи для сочиненія проекта новаго уложенія, которыя онъ видѣлъ [2]). Лордъ Каскартъ былъ совершенно очарованъ императрицею и Панинымъ; депеши его за первые мѣсяцы пребыванія въ Россіи были сплошнымъ горячимъ панегирикомъ и той и другому; Панина онъ находилъ самымъ пріятнымъ человѣкомъ, какого только видѣлъ, императрицу называлъ совершенною Дидоной и въ донесеніе свое вставлялъ стихи изъ Энеиды, въ которыхъ Дидона описывается, такъ что наконецъ изъ Лондона ему замѣтили, чтобы онъ ужъ не слишкомъ увлекался русскою императрицею и ея сотрудниками [3]).

Въ сентябрѣ 1768 г. Панинъ завелъ съ Каскартомъ обстоятельные разговоры о сѣверной системѣ, доказывая, что Англія извлечетъ изъ нея большія выгоды; Каскартъ въ общемъ уже начиналъ склоняться къ мыслямъ Панина; неизвѣстно, удалось-ли-бы ему склонить и свое министерство, но начавшаяся война съ турками отодвинула на время всѣ другіе политическіе интересы и вопросы на второй планъ.

Блестящіе успѣхи русскихъ въ войнѣ противъ турокъ, недавно еще страшныхъ для Австріи, произвели въ Европѣ огромное впечатлѣніе; въ августѣ 1770 г. англійское министерство сдѣлало со своей стороны нѣсколько шаговъ для того, чтобы получить и союзъ съ Россіей. Во время шедшей уже войны

---

[1]) *Сборникъ*, т. LXVII, 546; т. LXXXVII, 11, 60; *Русская Старина*, т. IV, 64; т. IX, 540.

[2]) *Сборникъ*, т. XII, 304—309; 326—330; депеша Каск[illegible] 357—360; любопытный разговоръ Панина съ Ширлеемъ—[illegible]

[3]) *Сборникъ*, т. XII, 344, 350, 365—369 и др.

съ Турціей, конечно, невозможно было вводить въ договоръ столкновеніе съ нею какъ casus foederis; Панинъ это отлично понималъ и потому теперь главное вниманіе обратилъ на то, чтобы добиться англійскихъ субсидій въ Швеціи; Каскартъ, по крайней мѣрѣ по словамъ Панина, склонялъ къ этому свое министерство, указывая, что продолжающаяся у Россіи война съ турками уничтожаетъ и то препятствіе къ заключенію субсиднаго договора съ Россіей, какое воздвигалось правиломъ, котораго твердо придерживалась Англія, именно не платить никакихъ субсидій въ мирное время. Но англійское министерство со своей стороны предлагало другія условія: оно соглашалось не требовать отъ Россіи сухопутнаго корпуса, а готово было ограничиться лишь морскою помощью, именно обязательствомъ для той и другой стороны доставить союзнику въ случаѣ нападенія на него 12 военныхъ кораблей со всѣмъ вооруженіемъ и экипажемъ; оно готово было не ограничивать своей помощи только Балтійскимъ моремъ, а оказать ее всюду, гдѣ потребуется,—такимъ образомъ, и борьба съ Турціей—въ будущемъ—становилась для Англіи casus foederis; Англія предлагала также гарантировать Россіи всѣ пріобрѣтенія и всѣ условія мира, какія получитъ она отъ Турціи. Эти условія, конечно, вообще очень выгодныя для Россіи, парализировались, однако, до извѣстной степени тѣмъ, что разъ Россія уже вела войну съ Турціей, было очень мало вѣроятія, чтобы послѣ заключенія мира снова вспыхнула между ними борьба въ тѣ 8—10 л., которыя остались бы до истеченія союзнаго договора; и потому было гораздо вѣроятнѣе, что ранѣе встрѣтитъ необходимость въ русской помощи Англія; ея отношенія къ Испаніи были очень натянуты и въ концѣ 70-хъ годовъ разыгралось возстаніе сѣвероамериканскихъ колоній, а затѣмъ и открытая война съ Франціей. Панинъ понималъ это и потому теперь не настаивалъ на томъ именно условіи, какое выставлялъ на первый планъ прежде, т. е. на помощи противъ Турціи, а требовалъ субсидій въ Швеціи. Прошло болѣе полугода и Панинъ не выражалъ согласія на англійскія предложенія, не смотря на отличныя отношенія съ Каскартомъ и его неоднократныя напоминанія объ этомъ. Когда же въ маѣ 1771 г.

пришло въ Петербургъ извѣстіе, что англійскій посолъ въ Швеціи, Гудрикъ, получилъ предписаніе далеко не такъ щедро и энергично поддерживать партію противуфранцузскую, какъ желали и надѣялись въ Петербургѣ—переговоры о союзѣ были совершенно прекращены [1]). Панинъ въ своей перепискѣ послѣ этого очень рѣзко отзывался объ Англіи, которая всегда старается предложить помощь тамъ, гдѣ она не нужна, и уклоняется отъ услугъ тамъ, гдѣ онѣ сейчасъ нужны; онъ называетъ политику Англіи торгашескою, говоритъ, что люди не товаръ, который можно купить тогда, когда онъ нуженъ, что поддержку Россіи можно получить лишь за поддержку ея интересовъ и что если Англіи когда нибудь понадобятся солдаты, то она не получитъ ихъ отъ Россіи, а должна будетъ покупать ихъ у мелкихъ нѣмецкихъ владѣтелей, у которыхъ не найдетъ ихъ, конечно, въ достаточномъ количествѣ [2]). Послѣ этого Англія нашла даже приличнымъ отозвать изъ Петербурга посла, подъ тѣмъ предлогомъ, что Россія держала въ Лондонѣ не посла, а только полномочнаго министра; въ іюнѣ 1772 г. прибылъ въ Россію, въ такомъ же званіи, серъ Робертъ Гуннингъ; ему предписано было, между прочимъ, вести переговоры и о заключеніи союза съ Россіей, но въ такомъ тонѣ, который обнаруживалъ очень малую надежду на успѣхъ [3]). Переговоры, которые онъ велъ въ Петербургѣ, уже выходятъ хронологически за тѣ предѣлы, какіе поставили мы нашему изложенію.

II.

Отношенія шведскія, о которыхъ такъ часто шла рѣчь у Панина съ англійскими представителями въ Петербургѣ, очень занимали тогдашнее русское правительство и по своему значенію стояли, можно сказать, непосредственно за польскими; но не рѣшеніе достигнуть въ Швеціи преобладающаго вліянія побуждало императрицу и ея совѣтниковъ удѣлять такъ много

[1]) *Сборникъ*, т. XIX, 55—63; 103—105; 141—145, 172—176, 192—193, 200; т. LXXXVII, 117, 178, 194—195.

[2]) *Сборникъ*, т. XIX, 209—214; т. LXXXVII, 299—300, 349—351; т. LXV

[3]) *Сборникъ*, т. XIX, 265—267.

вниманія шведскимъ дѣламъ: обстоятельства складывались такъ, что Россіи поневолѣ приходилось являться одною изъ наиболѣе дѣятельныхъ участницъ во всѣхъ событіяхъ, совершавшихся въ Стокгольмѣ.

Съ давнихъ поръ Швеція была въ союзѣ съ Франціей [1]; въ теченіе XVII и XVIII вв. къ тѣмъ причинамъ, въ силу которыхъ Густавъ Адольфъ дѣйствовалъ заодно съ кардиналомъ Ришелье и отчасти подъ его вліяніемъ, присоединились другія: безпорядочное управленіе въ царствованіе Карла XII, его 18-лѣтнее отсутствіе изъ государства, дали возможность дворянству ввести въ 1720 г. конституцію, передававшую фактически всю власть и все значеніе въ государствѣ именно дворянству,—а это дворянство, обѣднѣвшее вслѣдствіе знаменитыхъ редукцій конца XVII вѣка, представляло изъ себя среду, на которую очень легко и удобно могла дѣйствовать всякая внѣшняя сила, располагавшая болѣе или менѣе значительными средствами, особенно денежными. Давняя союзница Швеціи, Франція, стала широко пользоваться возможностью деньгами доставить себѣ преобладаніе на шведскомъ сеймѣ и направлять внѣшнія отношенія Швеціи по своему усмотрѣнію; подъ вліяніемъ Франціи Швеція поддерживала въ 1733 г. притязанія на польскую корону Станислава Лещинскаго, въ 1741 г. начала войну съ Россіей, въ 1756 г. приняла участіе въ борьбѣ противъ Пруссіи, съ которою была предъ тѣмъ въ союзѣ, и разорвала этотъ союзъ, когда то же сдѣлала Франція. Съ полнымъ основаніемъ говорилъ Панинъ, что Франція держала Швецію «для безвременной и безразборной травли противъ всѣхъ и каждаго», заставляя ее принимать участіе въ каждой возжигаемой Франціею въ Европѣ войнѣ. Находясь въ недружелюбныхъ отношеніяхъ съ тогдашнею Франціею русское правительство, по самой близости шведскихъ владѣній къ столицѣ, имѣ-

[1]) Для ознакомленія съ состояніемъ Швеціи въ серединѣ XVIII в. и съ исторіею ея дальнѣйшихъ неурядицъ см. *Geffroy*, Gustave III et la cour de France, I, 1—53. Изъ особенностей устройства шведскаго сейма отмѣтимъ слѣдующую, потому что она объясняетъ тѣ огромные расходы, которые несла каждая партія предъ открытіемъ сейма: право участія на сеймѣ принадлежало каждому главѣ фамиліи, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ могъ уступать свой голосъ кому угодно другому, только благородному по происхожденію.

ло особенное основаніе опасаться французскаго вліянія въ Швеціи и бороться противъ него. Это именно и вынуждало императрицу и ея сотрудниковъ обращать такое большое вниманіе на шведскія дѣла; но совершенно неправильно мнѣніе, высказанное нѣкоторыми современниками событій, а за ними безъ провѣрки повторенное и нѣкоторыми изслѣдователями, что Россія хотѣла такъ же подчинить себѣ Швецію, какъ подчинила Польшу [1]). Въ дипломатической перепискѣ тогдашнихъ русскихъ дѣятелей нѣтъ рѣшительно никакихъ подобныхъ плановъ относительно Швеціи, тогда какъ относительно Польши они постоянно были, пожалуй, даже въ болѣе опредѣленной формѣ, чѣмъ себѣ обыкновенно представляютъ. Отъ Швеціи Россія еще при Петрѣ Великомъ добилась того, что было Россіи необходимо — моря, больше ничего отъ Швеціи уже не искали и никогда не обольщались мыслью получить въ Швеціи преобладающее вліяніе для того, чтобы ея силы направлять по собственному своему желанію активно: Панинъ высказывалъ не разъ мысль, что въ силу всѣхъ предшествовавшихъ отношеній Россія не можетъ даже надѣяться набрать себѣ въ Швеціи сколько нибудь значительное число приверженцевъ, которые бы пользовались какимъ нибудь уваженіемъ; поэтому то онъ и старался привлечь къ своимъ видамъ въ Швеціи какую нибудь постороннюю державу—Данію или, особенно, Англію; видимымъ образомъ черезъ нихъ, а не непосредственно отъ лица Россіи, онъ надѣялся проводить желательныя для Россіи рѣшенія [2]). Для Россіи было прежде всего важно сохраненіе въ Швеціи status quo; такъ какъ подвигнуть Швецію на активную дѣятельность могла, очевидно, какая нибудь партія лишь тогда, если она получала полное преобладаніе и господство, то являлось самымъ естественнымъ со стороны Россіи «ограничивая форму правленія подкрѣплять партію противную

---

[1]) Такъ говорили Фридрихъ II—«*Politische Correspondenz Friedrichs des Grossen*», VII, 150, министерство Людовика XV—см. *Rambaud*, Recueil des instructions, données aux ambassadeurs et ministres de France, IX, 266—267; см. *Сборникъ*, т. XII, 238, т. LVII, 122; Жеффруа утверждаетъ совершенно положительно, что Россія питала такія намѣренія, но ничѣмъ своего утвержденія не доказываетъ.

[2]) *Сборникъ*, т. LVII, 57, 91—92; 121, 421.

господствующей»,—такъ положила императрица резолюцію на докладѣ коллегіи Иностранныхъ дѣлъ въ самомъ началѣ царствованія [1]) и такой именно политики относительно Швеціи и держались въ Петербургѣ долгое время. Изъ двухъ боровшихся въ Швеціи партій—короля и сената—Россія поддерживала ту, которой грозила опасность; въ зависимости отъ того, являлась ли надежда достигнуть пассивности Швеціи мирнымъ путемъ Россія готова была показывать Швеціи въ перспективѣ пріобрѣтеніе отъ Даніи Норвегіи; исчезала надежда удержать Швецію въ покоѣ мирно—Россія грозила поднять Финляндію и вознаградить шведскими землями того, кто соединится съ Россіей противъ Швеціи [2]). Около этого стремленія сдержать Швецію и вращаются всѣ мѣропріятія Россіи въ Стокгольмѣ; положительныхъ цѣлей Россія въ своей шведской политикѣ не преслѣдовала [3]).

---

[1]) *Сборникъ*, т. XLVIII, 9, 71; т. LVII, 117—118, 131, 209, 421; т. LXXXVII, 302 и др.; т. XCVII, 280, май 1771 г.—«всѣ ея (императрицы) въ Швеціи виды состоятъ только въ сохраненіи фундамендальной ея конституціи и добраго съ имперіею Россійскою согласія».

[2]) *Сборникъ*, т. LVII, 131; т. LXXXVII, 252.

[3]) Мы не находимъ нужнымъ останавливаться въ текстѣ своего изслѣдованія на разборѣ мнѣнія о мнимомъ шведофильствѣ Панина. Ни въ одномъ документѣ, вышедшемъ изъ канцеляріи Панина или изъ подъ его пера, не найдемъ мы никакихъ слѣдовъ не только увлеченія Панина шведскимъ устройствомъ, но даже сочувствія ему. Въ статьѣ своей «Проектъ императорскаго совѣта въ первый годъ царствованія Екатерины II-й» (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1894, мартъ) мы доказали, что въ проектѣ совѣта нѣтъ ни сходства съ шведскимъ устройствомъ сената, ни какихъ либо тенденцій ограничить власть государя; прибавимъ еще, что въ числѣ обвиненій, какія ставитъ въ проектѣ своемъ Панинъ противъ елизаветинской конференціи, есть указаніе именно на такія ея стороны, которыя сближали ее съ шведскимъ сенатомъ—именно на ея право объявлять повелѣнія безъ вѣдома даже государя—*Сборникъ*, т. VII, 207, и что Панинъ прямо предполагаетъ ***не несмѣняемыхъ*** совѣтниковъ (тамъ же, 212—213). Княгиня Дашкова пишетъ: «mon oncle (т. е. Панинъ) aimait beaucoup à imaginer que son pupille gouvernerait selon les loix et la forme de la monarchie suédoise» (*Архивъ князя Воронцова*, XXI, 57)—но для того, чтобы считать доказанными такія мнѣнія Панина, нужны свидѣтельства болѣе серьезныя, чѣмъ свидѣтельство Дашковой. Иногда принимаютъ за намекъ на Панина слѣдующія слова «секретнѣйшаго наставленія» Екатерины кн. А. А. Вяземскому при назначеніи его на должность генералъ-прокурора: «иной думаетъ, для того, что онъ долго былъ въ той или другой землѣ, то вездѣ по политикѣ той его любимой земли все учреждать должно» и т. д. (*Сборникъ*, т. VII. 346)—но, во-1) ничѣмъ не доказано, что императрица имѣ

Въ первой инструкціи новаго правительства гр. И. А. Остерману (13 августа 1762 г.) ему предписано было прежде всего прекратить всѣ попытки поддерживать возстановленіе самодержавной власти шведскаго короля, содѣйствовать чему приказывалъ русскому посланнику бывшій императоръ, но прямо заявлено, что вовсе не соотвѣтствуетъ интересамъ Россіи и то могущественное значеніе, какое пріобрѣлъ въ Швеціи съ 1756 г. сенатъ, «управляя самовластно жребіемъ всей націи»; хотя сенатъ при этомъ и соединился съ Россіей и вступилъ въ войну противъ Пруссіи, тѣмъ не менѣе, по словамъ инструкціи «такое аристократическое присвоеніе власти и правъ одному сенату остается нарушеніемъ главныхъ началъ шведской формы правленія, а слѣдственно и нашего непремѣннаго интереса»; послу поручается вообще поддерживать равновѣсіе между партіями и «содержать въ респектѣ господствующую». Вотъ и всѣ наставленія, данныя Остерману; въ первые мѣсяцы, когда,

---

въ виду Панина, а не кого либо другаго, во-2) если даже императрица и хотѣла намекнуть на Панина, то должно допустить, что она совершенно ошиблась въ данномъ случаѣ, характеризуя его взгляды, но нельзя заключить изъ этихъ словъ, что увлекался шведскою системою Панинъ. Невозможно допустить, чтобы серьезный государственный человѣкъ хоть на минуту увлекался той формою правленія, недостатки которой были ему такъ хорошо извѣстны и давали постоянно поводъ и случай для водворенія въ странѣ чужеземнаго вліянія, т. е. того, чего никакъ не хотѣлъ допустить Панинъ для Россіи; въ 1740 г. Панинъ давалъ между прочимъ, такой совѣтъ: «питая въ Тессинѣ надежду успѣха, не невозможно найдется нынѣ господствующую партію раздѣлить на двое и Тессина и молодой дворъ въ брани и битвѣ со своими упражняемыми учинить, еже несказанно мудрому предпріятію вашего императорскаго величества для перемѣны здѣшнихъ дѣлъ поспѣшествовать можетъ, ибо во время того дѣйствія Тессинъ достаточною лозою служить можетъ, которая обычайно, послѣ наказанія другихъ, въ огонь ввергается» (*Соловьевъ*, кн. V, 518; см. вообще тт. 22 — 24); о подкупѣ распорядителей судьбами Швеціи онъ переписывался чуть не еженедѣльно, причемъ подкупленные сановники значились у него просто подъ номерами — номеръ первый, второй, третій и т. д. наконецъ онъ писалъ даже такъ: «производить отнынѣ № 2-му, перемѣстя оставшійся послѣ № 1-го окладъ, по 3000 р. на годъ, № 6-му къ прежнему трехтысячному окладу прибавить еще тысячу, а № 5-му отнынѣ давать впредь вмѣсто прежняго пятитысячнаго оклада по 3000, чѣмъ онъ, какъ человѣкъ старый и впредь къ дѣламъ не прочный, и можетъ совершенно доволенъ быть».—*Сборникъ*, т. XCVII, 112. Совершенно несомнѣнно, что тотъ дѣятель, который находилъ возможность т[illegible] дѣйствовать въ чужой странѣ именно [illegible] не могъ находить это устройство

по словамъ рескрипта, «обстоятельства другихъ дѣлъ еще не дозволяютъ намъ обратить къ тому достаточно всю нашу аттенцію», подробности поручались усмотрѣнію посла. Почти въ это же время, въ перепискѣ съ посломъ нашимъ въ Даніи, барономъ І. А. Корфомъ, Панинъ высказывается, что для Франціи все равно, «въ персонѣ ли короля, или способомъ правительства» «завести въ Швеціи прямое и полное самовластіе» и что и для насъ совершенно безразлично, будетъ ли пользоваться король самодержавною властью, будетъ ли сенатъ въ состояніи принимать и проводить безъ всякой помѣхи всякія свои рѣшенія,—то и другое одинаково невыгодно и нежелательно для Россіи [1]).

Болѣе года шведскія дѣла не привлекали особаго вниманія; но осенью получено было отъ гр. Остермана донесеніе, что въ виду внутреннихъ неустройствъ и недостатка въ деньгахъ, такъ какъ Франція не выплатила за послѣдніе годы до 18 милліоновъ ливровъ обѣщанныхъ субсидій, а также для нѣкоторыхъ исправленій въ формѣ правительства, въ Швеціи предполагается созвать чрезвычайный сеймъ; 2 октября 1763 г. собраны были на конференцію, подъ предсѣдательствомъ императрицы, гр. А. П. Бестужевъ-Рюминъ, д. тайн. сов. Н. И. Панинъ, д. т. с. И. И. Неплюевъ, вице-канцлеръ кн. А. М. Голицынъ и т. с. А. В. Олсуфьевъ; 19 октября былъ отправленъ, съ высочайшей апробаціей къ гр. Остерману рескриптъ, составленный согласно разсужденіямъ конференціи. Прежде всего, чтобы ослабить впечатлѣніе, какое могла произвести въ Швеціи уплата Франціею хотя части должныхъ субсидій, тѣмъ болѣе, что шведское правительство соглашалось уже удовольствоваться и меньшею суммою, лишь бы хоть ее получить, рѣшено было пригласить шведскій сенатъ отправить въ Петербургъ лицо, уполномоченное согласиться о срокахъ уплаты Россіею должныхъ ею Швеціи 300.000 руб. субсидныхъ денегъ [2]); затѣмъ, гр. Остерманъ долженъ былъ внушать шведамъ, что русское правительство окажетъ всякое содѣйствіе

---

[1]) *Сборникъ*, т. XLVIII, 70—73; т. LVII, 90, 117—118.

[2]) Послѣ долгихъ переговоровъ рѣшено было, что Россія выплатитъ Швеціи 300.000 р. въ теченіе шести лѣтъ, начиная съ 1767 г. от

шведскому сейму въ его стремленіяхъ улучшить внутреннее положеніе государства, лишь бы при этомъ соблюдено было поставленное конституціею 1720 г. въ основу шведскаго устройства право трехъ властей — короля, сената и сейма — принимать равное участіе въ рѣшеніи государственныхъ вопросовъ. Находя, что сенатъ захватилъ себѣ слишкомъ много власти, Панинъ совѣтовалъ Остерману образовать особую партію, которая бы, не примыкая прямо и непосредственно къ дворцовой, тѣмъ не менѣе поддерживала бы ее въ ея борьбѣ съ сенатомъ. Для необходимыхъ расходовъ Остерману переведено было 30.000 руб., а чтобы онъ «былъ болѣе въ состояніи частыми угощеніями и другими ласковостями пріобрѣтать пріятелей и склонять ихъ къ нашимъ намѣреніямъ», ему прибавлено было на столъ по 500 руб. въ мѣсяцъ, а на время сейма—по 1000 р.; осенью того же года переведено было къ Остерману еще 50.000 р., лѣтомъ слѣдующаго—опять 50.000 р., весною 1765 — 95.000 руб. и наконецъ, въ мартѣ 1766, для окончанія сейма — 100.000 р. [1]). Совѣтникъ посольства Стахіевъ долженъ былъ пріѣхать изъ Стокгольма въ Петербургъ для личнаго доклада и выслушанія подробнѣйшихъ наставленій, и возвратиться затѣмъ въ Стокгольмъ уже въ званіи резидента, для бо̀льшаго представительства Россіи.

Дѣло о созваніи или отсрочкѣ чрезвычайнаго сейма не было еще рѣшено; но изъ Швеціи приходили тревожныя вѣсти. Королева шведская, несравненно болѣе энергичная, чѣмъ король, ея супругъ, не могла спокойно переносить воспоминаній о тѣхъ оскорбленіяхъ, какія испытала она отъ господствовавшей партіи и готова была согласиться съ кѣмъ угодно, готова была на все, лишь бы получить возможность поднять свое положеніе и устранить на будущее время тѣ непріятности, какимъ она подвергалась. Ни Россія, ни Англія не хотѣли дѣятельно поддержать ее въ стремленіи усилить королевскую власть; по-

въ Швецію на 50.000 р. хлѣба — *Сборникъ*, т. LVII, 424—427, 505—516; т. LXVII, 194; т. LXXXVII, 98.

[1]) О расходованіи этихъ денегъ и подкупахъ—см. *Сборникъ*, т. LVII, 382, 411, 415, 419, 488; т. LXVII, 216, 261, 378, 511, 541; т. LXXXVII, 33, 321, 432, [illegible] 1. *Сорель*, Европа и французская революція, I, 59, [illegible] «періодическими большими рынками».

веденіе же французскаго посла, Бретейля, внушало Панину опасеніе, что онъ, усыпивъ видимымъ отдаленіемъ отъ королевы бдительность противной королевѣ партіи, во время сейма, пожалуй, вдругъ рѣшительно приметъ сторону двора и доставитъ ему усиленіе власти. Панинъ предписывалъ Остерману внимательно за всѣмъ этимъ наблюдать и не обостряя отношеній между партіями, стараться удерживать, кого только можно, отъ соединенія со сторонниками Франціи [1]). Панинъ и переговорами съ англійскими представителями въ Петербургѣ, и наставленіями Гроссу въ Лондонѣ и Остерману въ Стокгольмѣ старался обезпечить содѣйствіе русскимъ предпріятіямъ въ Швеціи; онъ высказывалъ совершенно вѣрное наблюденіе, что многіе изъ шведскаго дворянства, которые не захотятъ ни за что принять поддержку дѣйствій, прямо исходящихъ отъ Россіи, легко согласятся съ англійскимъ посланникомъ; отсюда видно, какъ важно было для Россіи склонить Англію къ согласію съ дѣйствіями Россіи въ Швеціи; прусскій посланникъ уже имѣлъ отъ своего короля предписаніе во всемъ содѣйствовать русскому [2]).

Въ ноябрѣ 1764 г., когда созваніе чрезвычайнаго сейма было уже рѣшено, Остерману было отправлено новое, обширное и любопытное наставленіе. На первомъ мѣстѣ опять указано было сохранить неприкосновенность конституціи 1720 г. [3]), а съ цѣлью лишить сенатъ присвоенной имъ себѣ особенной власти Остерманъ долженъ былъ добиваться, чтобы измѣнено было постановленіе, проведенное на сеймѣ 1756 г. и послужившее основаніемъ для усиленія сената. Въ 1756 г. постановлено было, что «государственные чины предоставляютъ себѣ на генеральномъ сеймѣ право толкованія и исправленія законовъ, если это впредь понадобится» — Панинъ желалъ, чтобы сеймъ былъ обязанъ обнародывать предполагаемыя имъ измѣненія законовъ, для того, чтобы граждане могли высказаться относительно ихъ при выборахъ пословъ на слѣдующій сеймъ,

---

[1]) *Сборникъ*, т. LVII, 231—232, 332—335, апрѣль и май 1764.

[2]) *Сборникъ*, т. LVII, 57, 93, 130.

[3]) Россія гарантировала ее и слѣд. имѣла право охранять, по Ништадтскому миру.—*Geffroy*, 13.

который долженъ былъ эти измѣненія узаконить. Этотъ пункт Панинъ поручалъ особенному вниманію Остермана и разрѣшалъ ему дѣйствовать всякими путями, особенно подкупомъ. Что касается втораго главнаго пункта, предположеннаго для обсужденія на сеймѣ, вопроса объ исправленіи внутреннихъ безпорядковъ, то Панинъ предписывалъ Остерману не вмѣшиваться слишкомъ въ это чисто домашнее дѣло шведовъ, но уполномочивалъ его «и совѣтомъ и деньгами способствовать» тому, чтобы заставить сенатъ представить сейму отчетъ по финансовому управленію, ибо изъ этого отчета страна должна была ясно увидать, какъ безразсудно вела дѣла сенатская партія съ того времени, какъ она всецѣло захватила въ свои руки власть. Наконецъ, по вопросу о внѣшнихъ союзахъ, оплачиваемыхъ субсидіями, которыя давно уже стали для Швеціи почти необходимостью, Панинъ предписывалъ Остерману ограничиться поддержкою англійскому посланнику Гудриху; онъ ожидалъ, что удастся замѣнить французскія субсидіи англійскими; онъ указывалъ, что Швеція можетъ удовлетвориться и меньшими субсидіями, если будетъ меньше подвергаться опасности войны и предлагалъ Остерману добиваться, чтобы сеймъ запретилъ всякія такія обязательства, которыя могутъ втянуть Швецію въ постороннія ей смуты, возникающія въ Европѣ [1]). Короля и королеву Остерманъ долженъ былъ обнадеживать, что Россія непремѣнно будетъ ихъ поддерживать, «пока они не будутъ возстановлены во всѣ, имъ по законамъ принадлежащія, права и преимущества» [2]).

Въ январѣ 1765 г. сеймъ открылся; въ Петербургѣ были довольны первыми его дѣйствіями, выборами ораторовъ отъ каждаго сословія и новыми назначеніями въ тайный совѣтъ; непріятно было, что англійскій посланникъ получилъ разрѣшеніе располагать суммою далеко не достаточною, всего въ 13.000 ф. ст.; но другое событіе было въ Петербургѣ пріятно: 28 февраля 1765 г. заключенъ былъ союзъ съ Даніей, которая въ благодарность за обезпеченіе желательнаго для нея исхода голштинскаго дѣла приняла на себя обязательство

[1]) *Сборникъ*, т. LVII, 126—133, 206, 210, 421.
[2]) *Сборникъ*, т. LVII, 161.

поддерживать Россію въ ея дѣйствіяхъ въ Швеціи [1]) и въ скоромъ времени, когда Панинъ узналъ, что датское правительство тайно перевело въ Стокгольмъ нѣкоторую сумму, чтобы дѣйствовать согласно съ Бретейлемъ, онъ заставилъ Данію дать деньги и для того, чтобы исправить вредъ, такимъ образомъ дѣйствій причиненный [2]). Между тѣмъ дворъ все болѣе и болѣе сближался съ французскимъ посломъ и расходился съ сеймомъ, который, устранивъ прежде господствовавшую партію, не возвращалъ, однако, королю многаго, на что претендовала королева; увѣренія Остермана, что русская императрица готова содѣйствовать всѣмъ справедливымъ притязаніямъ двора, были принимаемы холодно и со своей стороны шведскій дворъ не сдѣлалъ никакого шага на встрѣчу русскимъ предложеніямъ. Тогда Панинъ началъ предписывать Остерману, чтобы онъ старался лишь объ утвержденіи во власти той партіи, которая получала теперь господство надъ прежнею, французскою, и вмѣстѣ съ тѣмъ, отнесся бы внимательно и осторожно ко всякому усиленію королевской власти, если рѣчь объ этомъ зайдетъ на сеймѣ, чтобы не дать «невмѣстною податливостью» королю, а особенно королевѣ, «способовъ и оружія» противъ самихъ себя [3]). На этотъ разъ труды Остермана и значительные расходы, понесенные Россіей, не пропали даромъ: противники французской партіи сдѣлались хозяевами положенія на сеймѣ; дворъ, хотя и соединившійся съ французскимъ посломъ, не казался опаснымъ; въ постскриптумѣ къ депешѣ отъ 7 августа Остерманъ донесъ, что въ этотъ день «единогласно и безъ всякаго прекословія во всѣхъ частяхъ вдругъ по прочтеніи съ совершеннымъ удовольствіемъ апробованъ былъ» на сеймѣ проектъ, составленный русскою партіею и вводившій не только выше упомянутое нами измѣненіе въ сеймовыя постановленія 1756 г., но еще и правило, что кандидатъ, трижды предложенный сеймомъ, вступаетъ въ сенатъ, хотя бы и не послѣдовало на то королевскаго согласія [4]). Та-

---

[1]) *Сборникъ*, т. LVII, 200—210, 349, 407—409, 414.
[2]) *Сборникъ*, т. LVII, 309, 310, 377, 397, 415, 436; т. LXVII, 133—135.
[3]) *Сборникъ*, т. LVII, 231—235, 269, 331, 371.
[4]) См. еще *Geyer*, Histoire de Suède, IV, 230.

кое рѣшеніе, принятое въ періодъ утвержденія русской партіи, было, конечно, большимъ успѣхомъ Россіи и Панинъ съ полнымъ правомъ приписалъ для императрицы на депешѣ Остермана: «сіе дѣло то, которое рѣшитъ навсегда твердость полезной для Россіи шведской формы правительства и котораго предки Вашего Величества достигнуть не могли никогда, хотя всѣ наши прежнія съ Швеціею безпокойства, кои иногда и дѣйствительно насъ вооружали, главнѣйшее оное въ виду имѣли». Въ сентябрѣ проектъ русской партіи получилъ силу закона. Успѣхъ былъ достигнутъ, дѣйствительно, очень важный; вѣроятно, Россія имѣла бы возможность воспользоваться его слѣдствіями болѣе широко, если бы не война турецкая, начавшаяся при общемъ убѣжденіи въ Европѣ, что кончится она несчастливо для Россіи; противная русской партіи успѣла одержать верхъ надъ русскою, которая, къ тому же, допустила много ошибокъ во внутреннемъ управленіи страною.

Какъ только Россія достигла поставленной ею себѣ въ Швеціи цѣли—не допустила усиленія короля на счетъ сейма и доставила господство партіи, не склонной поддаваться внушеніямъ Франціи, Панинъ прекратилъ дальнѣйшее активное свое участіе въ дѣлахъ Швеціи, именно потому, что ничего, кромѣ устраненія Швеціи отъ всякой активной политики, онъ и не преслѣдовалъ. Но вскорѣ начали приходить изъ Швеціи опять тревожныя извѣстія. Отъ 2 ноября 1766 г., т. е. всего черезъ два мѣсяца по окончаніи сейма, Остерманъ доносилъ уже, что противная партія замышляетъ созваніе новаго чрезвычайнаго сейма, а черезъ какой то «тайный каналъ» онъ узналъ о слѣдующемъ планѣ добиться для короля возстановленія многихъ его прежнихъ правъ: король вступитъ по какому нибудь поводу въ столкновеніе съ сенатомъ и, когда сенатъ окажетъ ему сопротивленіе, объявитъ о своемъ рѣшеніи отказаться отъ власти, а въ виду этого потребуется чрезвычайный сеймъ, на которомъ король надѣется имѣть большинство на своей сторонѣ. Панинъ понималъ всю важность подобнаго происшествія; но онъ находилъ нужнымъ противодѣйствовать такимъ намѣреніямъ тверд[illegible] но не вполнѣ открыто [1]); онъ

опасался,—и вѣроятно не безъ основанія, такъ какъ хорошо зналъ настроеніе шведскаго общества,—что если въ Швеціи покажется, что русскіе обнаруживаютъ притязанія на руководящую роль во внутренней политикѣ Швеціи, то это поведетъ къ немедленному паденію партіи, которая бы такое вмѣшательство Россіи допустила; поэтому то онъ и хотѣлъ, чтобы Англія заключила со Швеціею союзъ, который бы посредственно, чрезъ этого общаго союзника, привязалъ Швецію къ Россіи; правда, Англія обнаруживала меньшій интересъ къ этому дѣлу, чѣмъ бы хотѣлось въ Петербургѣ, но Панинъ дѣйствовалъ въ этомъ смыслѣ сколько только было возможно и въ Петербургѣ на Макартнея, и въ Лондонѣ черезъ Гросса; кромѣ того Россія щедро раздавала деньги въ Швеціи, старалась отвлечь молодыхъ знатныхъ шведовъ отъ службы во французской арміи, предоставляя имъ мѣста въ арміи русской или датской и т. д. [1]); однимъ словомъ Панинъ боролся для поддержанія своего дѣла въ Швеціи какими только могъ средствами и, конечно, было бы очень трудно доказать, что эти его усилія были ни причемъ въ тотъ моментъ, когда Густавъ III захватилъ въ Швеціи власть и все таки не рѣшился объявить Россіи войну, хотя силы Россіи были заняты въ Польшѣ и въ Турціи.

Но было очень трудно отклонить созваніе чрезвычайнаго сейма въ виду крайне тяжелаго внутренняго положенія страны. Партія шапокъ (русская), достигнувъ власти послѣ почти 30-ти-лѣтняго господства противниковъ, позволяла себѣ сильнѣйшія притѣсненія противниковъ и очень отягощала народъ; совершенно естественно, впрочемъ, что эта партія управляла плохо: когда мы знаемъ, какими средствами она составлялась, мы не удивимся, конечно, что въ ней не было людей сколько нибудь выдающихся. Въ Швеціи чуть не дошло до открытыхъ возстаній противъ сената; съ трудомъ удалось удержать толпы вооруженныхъ крестьянъ, двинувшихся къ Стокгольму. Тяжелое положеніе страны видѣлъ наслѣдникъ престола, 22-хъ-лѣтній Густавъ, во время путешествія своего по странѣ и онъ то особенно энергично настаивалъ предъ королемъ на необходи-

[1]) *Сборникъ*, т. LXVII, 221, 286, 326, 453.

мости созвать чрезвычайный сеймъ прежде, чѣмъ настанетъ срокъ обыкновеннаго, т. е. до 1774 г. [1]).

Къ началу 1768 г. слухи о намѣреніи короля созвать чрезвычайный сеймъ стали особенно настоятельны. Панинъ предписывалъ Остерману предостерегать короля, что Россія не останется спокойною зрительницею, если король будетъ добиваться какого либо нарушенія конституціи 1720 г.; дворъ, со своей стороны, относился къ русскому представителю холодно и даже прямо недружелюбно; когда Остерманъ давалъ блестящіе пиры, чтобы привлекать къ себѣ сторонниковъ, дворъ подъ всевозможными предлогами старался эти пиры и увеселенія разстраивать. До глубокой осени, т. е. до начала войны турками, ничего рѣшительнаго французская партія въ Швеціи не предприняла; но французское правительство, поднявши своими интригами противъ Россіи Турцію, усилило свои старанія и въ Стокгольмѣ, щедро раздавало деньги, а еще щедрѣе обѣщанія [2]); эти происки, въ связи съ надеждами на неуспѣхъ Россіи въ войнѣ, достигли цѣли. 1 декабря 1768 г. наслѣдный принцъ шведскій явился въ сенатъ, съ бумагою, подписанною королемъ, въ которой король требовалъ созванія чрезвычайнаго сейма, угрожая, въ случаѣ замедленія согласія долѣе трехъ дней, отказаться отъ престола и этимъ сдѣлать созваніе сейма неизбѣжнымъ. 3 декабря, не получивъ согласія сената, принцъ отобралъ повсюду государственныя печати; въ Стокгольмѣ господствовало страшное возбужденіе, войска были подъ ружьемъ. Наконецъ, сенатъ уступилъ и назначилъ сеймъ на 17 апрѣля н. ст. 1769 г. [3]). Панинъ понималъ, что при тогдашнихъ обстоятельствахъ можно было ожидать со стороны Швеціи и прямо непріязненныхъ дѣйствій; но депеши его отличаются твердостью и спокойствіемъ. «При всемъ нашемъ упражненіи съ турками, писалъ онъ, конечно, найдемъ мы еще у себя столько силъ и способовъ, чтобъ Швецію, если

---

[1]) *Geyer*, IV, 230; *Шлоссеръ*, Исторія XVIII-го вѣка, III, 109—110.

[2]) *Сборникъ*, т. LXXXVII, 209.

[3]) *Geyer*, VI, 230; *Шлоссеръ*, III, 111—112; Остерманъ доносилъ отъ 16 апрѣля ст. ст. объ открытіи сейма и успѣхахъ на немъ французской партіи.— *Сборникъ*, т. LXXXVII, 430.

бы она сверхъ чаянія беззаконно нарушила миръ въ угодность французскаго двора и его толь вредныхъ видовъ для всей Европы, заставить скоро въ томъ раскаяться»; онъ выражалъ убѣжденіе, что Англія и Данія поддержатъ Россію въ войнѣ противъ «сателлита Франціи»; онъ отрицалъ, чтобы война наша съ Турціей была для Швеціи, по отношенію къ Турціи, casus foederis, потому что по ихъ старымъ обязательствамъ помощь должна быть подаваема, когда одинъ изъ союзниковъ подвергается нападенію, а теперь объявила войну Турція [1]). Остерманъ долженъ былъ обнадеживать русскихъ друзей во всякомъ случаѣ самою энергичною поддержкою и защитою; предполагалось оказать на Швецію давленіе еще тѣмъ, что изъ Россіи, Даніи и Помераніи не будетъ выпущено въ Швецію хлѣба, а англійскіе купцы отложатъ на нѣкоторое время свои обычныя закупки шведскаго желѣза [2]). Чрезвычайный сеймъ былъ созванъ въ мартѣ 1769 г. въ г. Норкепингѣ; немедленно французская партія получила на немъ полное преобладаніе; большая часть прежнихъ сенаторовъ были удалены отъ должности за сопротивленіе королю во время послѣдняго столкновенія [3]); для борьбы Панинъ перевелъ къ Остерману до 400.000 р., приняло участіе въ расходахъ и датское правительство; но Панинъ предупреждалъ Остермана что хотя неуспѣхъ, конечно, будетъ непріятенъ, въ Петербургѣ не будутъ его обвинять [4]). Дѣла шли все неблагопріятнѣе и неблагопріятнѣе съ русской точки зрѣнія; Панинъ поручалъ Остерману удерживать только всѣми силами Швецію отъ прямаго вмѣшательства въ русско-турецкую войну. Это, какъ извѣстно, было достигнуто; Остерманъ успѣлъ также подкупить барона Пехлина, начальника войска, предназначенныхъ для переворота въ пользу короля и планъ этой попытки былъ оставленъ [5]). Впрочемъ, французская партія тоже не одержала полнаго успѣха; принято было рѣшеніе держаться союза съ

---

[1]) *Сборникъ*, т. LXXXVII, 257—261.
[2]) *Сборникъ*, т. LXXXVII, 333—334.
[3]) *Шлоссеръ*, III, 112.
[4]) *Сборникъ*, т. LXXXVII, 269—270, 356—360, 430—435; т. XCVII, 10, 11
[5]) *Сборникъ*, т. LXXXVII, 194, 454, 478—480; *Шлоссеръ*, III, 112

Франціей и удаляться отъ всякихъ связей съ Россіею, которую признавали самымъ опаснымъ для Швеціи сосѣдомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшено было вообще впредь до предстоящаго сейма не вступать въ какія либо обязательства съ иностранными государствами, могущія вовлечь Швецію въ войну. И этими ужъ рѣшеніями Панинъ былъ очень доволенъ [1]).

Въ 1771 г. престолъ шведскій занялъ, по смерти своего отца, Густавъ III. Получивъ объ этомъ извѣстіе Екатерина немедленно велѣла перевести въ Швецію 100.000 р. на могущіе оказаться необходимыми расходы; изъ Петербурга очень интересовались, въ виду извѣстнаго характера молодаго короля, какъ и какую принесетъ онъ присягу; вмѣстѣ съ тѣмъ Остерману предписывали представить «отверстую дверь» къ ближайшему съ нами сношенію вдовствующей королевѣ: извѣстно было, что она отличалась энергичнымъ и властолюбивымъ характеромъ и при жизни супруга побуждала его противиться многимъ русскимъ притязаніямъ; думали, что, быть можетъ, она будетъ недовольна чѣмъ нибудь въ поведеніи сына и захочетъ по прежнему играть значительную роль и теперь съ нею готовы были сближаться [2]). Главною заботою Панина и Остермана было—чтобы Швеція не рѣшилась на военную диверсію [3]). Въ 1772 г. Густавъ III устроилъ своего рода coup-d'-état которое предоставило въ его руки болѣе широкую власть; но вмѣстѣ съ тѣмъ это же самое заставило Густава III обратить большее вниманіе на внутреннее управленіе въ странѣ, чтобы примирить ее съ совершившимся фактомъ, и менѣе вмѣшиваться въ дипломатическіе вопросы, раздѣлявшіе европейскихъ государей, потому что всякое правительство, которое пожелало бы создать ему затрудненія въ его собственной странѣ, легко нашло бы въ Швеціи недовольныхъ королемъ и готовыхъ дѣйствовать противъ него.

III.

Отношенія Даніи и новаго русскаго правительства въ первое время состояли во взаимныхъ завѣреніяхъ о желаніи

[1]) *Сборникъ*, т. XCVII, 28—31, 43, 69.
[2]) *Сборникъ*, т. XCVII, 211, 213, 214.
[3]) *Сборникъ*, т. XCVII, 277—279, 374.

сохранить полный миръ и согласіе; въ Петербургѣ ни на минуту не думали держаться относительно Даніи той же политики, какой держался бывшій императоръ изъ за счетовъ Даніи съ голштинскими его владѣніями, «полагая за правило, что голштинскія дѣла не могутъ служить основаніемъ для дѣйствій, несходныхъ съ интересами русскаго государства» [1]); въ соотвѣтствіе этому изъ Петербурга просили датское министерство предписать датскому представителю въ Константинополѣ прекратить его попытки поднять Турцію противъ Россіи, просили объ отмѣнѣ разныхъ стѣснительныхъ мѣръ, принятыхъ Даніей, въ виду ожидавшагося столкновенія Даніи съ Голштиніей, относительно Гамбурга и Любека [2]). Затѣмъ, въ 1762 же году разыгралось уже упомянутое дѣло о вмѣшательствѣ Даніи въ опеку; съ его улаженіемъ отношенія обѣихъ державъ пришли снова въ нормальное положеніе. Но большаго довѣрія между Петербургомъ и Копенгагеномъ еще не существовало; въ началѣ 1763 г. русское правительство приглашало датское къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ въ Польшѣ въ пользу диссидентовъ, на что и послѣдовало согласіе; но нѣсколько раньше еще Панинъ предписывалъ русскому послу въ Даніи, барону I. А. Корфу, внушать датскому правительству опасенія на счетъ усиливающагося въ Швеціи французскаго вліянія, но указывалъ ему въ то же время, что не надо прямо приглашать копенгагенское министерство къ совмѣстной борьбѣ противъ этого, потому что очень часто, когда Россія чего либо домогалась отъ Даніи, Данія этимъ пользовалась лишь для того, чтобы добиться себѣ какихъ либо выгодъ отъ Швеціи или отъ Франціи [3]).

Осенью 1764 г. датское правительство само заговорило о возобновленіи съ Россіею трактата 1746 года. Оно желало, чтобы по прежнему Турція была исключена изъ casus foederis, относительно Швеціи ограничивалось самыми общими выраженіями и, естественно, главное вниманіе обращало па рѣшеніе вопросовъ голштинскаго и о любскомъ епископствѣ. Панинъ

---

[1]) *Сборникъ*, т. XLVIII, 4.
[2]) *Сборникъ*, т. XLVIII, 19, 26, 27, 112.
[3]) *Сборникъ*, т. LI, 49, 494.

принялъ о любскомъ епископствѣ статью въ томъ видѣ, какъ того желала Данія, но настоялъ, чтобы Турція была включена въ casus foederis, на томъ основаніи, что въ моментъ переговоровъ датское правительство имѣло уже постоянныя сношешенія съ Турціей и держало въ Константинополѣ представителя, тогда какъ въ 1746 г. ничего этого еще не было; впрочемъ, статья о Турціи была оставлена секретною; равнымъ образомъ Панинъ настоялъ и на болѣе опредѣленныхъ выраженіяхъ относительно охраненія въ Швеціи конституціи 1720 г., утверждая что трактатъ 1746 г. не можетъ служить въ этомъ отношеніи основаніемъ, потому что во время его заключенія конституція эта и не была подвергаема опасности, тогда какъ съ 1756 г. она этой опасности подвержена. 28 февраля 1765 г. и былъ подписанъ союзный договоръ между Россіей и Даніей въ Петербургѣ Панинымъ и вице-канцлеромъ кн. А. М. Голицынымъ съ одной стороны и датскимъ посланникомъ, барономъ Остеномъ—съ другой [1]).

Во время еще самаго хода переговоровъ въ Петербургѣ уже имѣли подозрѣніе въ искренности датскаго двора: еще въ ноябрѣ 1764 г. Панинъ зналъ, что датскій дворъ, склоняясь къ Франціи, повидимому, за субсидіи, дѣлалъ въ Англіи внушенія, направленныя къ тому, чтобы ослабить степень участія Англіи въ дѣлахъ шведскихъ, тогда какъ Панинъ старался постоянно сдѣлать это участіе какъ можно активнѣе; въ январѣ 1765 г. узнали, что датское министерство, по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ, сообщило французскому о русскихъ предложеніяхъ относительно Швеціи [2]). Очевидно было, что Данія, заключая союзъ съ Россіей, желала, единственно, обезпечить себѣ Голштинію; въ Петербургѣ же надѣялись, заключивши союзъ съ Даніей, заставить Данію служить видамъ Россіи; вскорѣ рѣшился вопросъ о томъ, кто кого въ данномъ случаѣ подчинилъ своимъ цѣлямъ.

Въ августѣ 1765 г. Панинъ получилъ точныя свѣдѣнія, что датское правительство переслало въ Стокгольмъ 25.000 экю

---

[1]) *Сборникъ*, т. LVII, 109—112, 114—118, 183—189, 194—198, 238—244. Текстъ договоръ до сихъ поръ не напечатанъ.

[2]) *Сборникъ*, т. LVIII, 123, 155.

въ распоряженіе Бретейля, который и употребилъ эти деньги на цѣли французской партіи. Въ письмѣ къ Корфу Панинъ очень рѣзко отозвался объ этомъ поступкѣ Даніи и говорилъ, что такое двоедушіе составляетъ ея обыкновенную политику, что со стороны Россіи оно заслуживаетъ только презрѣнія, но что если датское правительство желаетъ осуществленія выгодныхъ для него условій относительно Голштиніи, то оно должно отправить къ своему представителю въ Швеціи по крайней мѣрѣ 40—50.000 экю, для того, чтобы употребленіемъ ихъ по указаніямъ Остермана уравновѣсить вредъ, причиненный первымъ поступкомъ [1]). Датское министерство отвѣтило, что этими деньгами оно не поддерживало французской партіи, но хотѣло лишь содѣйствовать освобожденію невинно страдавшихъ въ заточеніи и что въ доказательство своей искренности оно готово исполнить требованіе русскаго правительства. Панинъ написалъ Корфу, что разъ Данія соглашается на требованіе Россіи, «можно будетъ охотно избавить датское министерство) отъ признанія его двусмысленнаго поведенія», потому что «для насъ безразлично, подъ какимъ видомъ онъ удовлетворитъ наше требованіе — достаточно, что онъ своими деньгами исправитъ въ Швеціи то, что онъ тамъ сдѣлалъ вреднаго». Вскорѣ затѣмъ отозванъ былъ изъ Стокгольма прежній датскій посланникъ Шакъ и замѣненъ Юлемъ [2]).

3 января (ст. ст.) 1766 г. на престолъ датскій вступилъ молодой король, Христіанъ VII, послѣ смерти отца своего Фридриха V; къ нему въ іюлѣ были отправлены посланниками—отъ Россіи генералъ маіоръ М. М. Философовъ и отъ Голштиніи—д. т. с. Каспаръ Сальдернъ. Они прибыли въ Копенгагенъ съ огромною свитою и жили тамъ съ царскою пышностью. Они имѣли порученіе окончательно устроить съ Даніею обмѣнъ Голштиніи на несмежныя съ Даніею герцогство Ольденбургское и графство Дельменгорстское; этимъ не только было бы окончательно порѣшены споры изъ-за Голштиніи, но и сдѣлано невозможнымъ вооруженное столкновеніе русскихъ государей, какъ владѣльцевъ Голштиніи, съ Даніею.

[1]) *Сборникъ*, т. LVII, 302—310.

[2]) *Сборникъ*, т. LVII, 372—377, 386—397, 436.

Данія охотно шла на это соглашеніе и съ удовольствіемъ приняла на себя уплату долговъ голштинскаго правительства; Панинъ-же воспользовался этими переговорами, чтобы получить для русскихъ судовъ въ датскихъ гаваняхъ особыя льготы; особый актъ объ этомъ долженъ былъ быть подписанъ одновременно съ подписаніемъ окончательнаго соглашенія о Голштиніи; ратификаціи и обмѣнъ ихъ произошли въ теченіе апрѣля 1767—февраля 1768 г. [1]).

Затѣмъ отношенія Россіи и Даніи ограничились на нѣкоторое время обыкновенною дѣловою, но дружественною перепискою; датскимъ представителемъ въ Петербургѣ въ это время былъ баронъ Ассебургъ, личный другъ Панина; Панинъ старался своими внушеніями черезъ Философова и Сальдерна оказывать въ Копенгагенѣ поддержку въ борьбѣ разныхъ придворныхъ партій графу Бернсдорфу, государственному дѣятелю, который пользовался общимъ уваженіемъ въ Европѣ и, между прочимъ, извѣстенъ былъ своими заботами объ улучшеніи участи крестьянъ въ Даніи [2]). Когда турки начали войну съ Россіей, датское министерство, не смотря на пребываніе въ ту минуту короля въ Парижѣ и не ожидая приглашенія Россіи, вызвалось доставлять Россіи условленную въ трактатѣ помощь; при этомъ съ датской стороны сдѣланы были даже предложенія о какомъ-нибудь ближайшемъ соединеніи дворовъ русскаго и датскаго, къ тому-же родственныхъ между собою. Панинъ съ достоинствомъ благодарилъ за такое предупредительное исполненіе союзническихъ обязательствъ; онъ сообщалъ, что изъ перваго, обусловленнаго трактатомъ денежнаго взноса, до 150,000 талеровъ переведено будетъ въ Швецію, для борьбы съ французскою партіею, на предстоящемъ въ Норкепингѣ чрезвычайномъ сеймѣ, и затѣмъ отказался, именемъ императрицы, отъ дальнѣйшихъ субсидій отъ Даніи на этотъ годъ. Но онъ отказался также и начать какіе-либо переговоры о новыхъ обязательствахъ, чтобы не показалось, «что мы страшимся нашей

[1]) *Сборникъ*, т. LXVII, 20—28, 209—216, 338—343, 454—460, 479—481; *Wiechmann*, Chronologische Uebersicht der russischen Geschichte von der Geburt Peters des Grossen, (1825), II, 24, 26; *Шлоссеръ*, III, 78—81.

[2]) *Сборникъ*, т. LXXXVII, 33—41; *Шлоссеръ*, III, 77.

войны съ Портою Оттоманскою и хотимъ выговорить себѣ для нея авантажи»; онъ предлагалъ, чтобы всякія новыя предложенія исходили отъ Даніи и говорилъ, что если они будутъ дѣйствительно выгодны для Россіи, то, конечно, будутъ приняты. Съ датской стороны были сдѣланы слѣдующія предложенія: во 1) уступить Даніи Голштинію ранѣе назначеннаго срока, т. е. совершеннолѣтія вел. кн. Павла Петровича—императрица Екатерина отвѣчала рѣшительнымъ отказомъ, говоря, что не считаетъ возможнымъ принять такое важное рѣшеніе, касающееся ея сына, безъ его полнаго и сознательнаго согласія; во 2) датское правительство предлагало ближайшій и тѣснѣйшій союзъ, по условіямъ котораго, между прочимъ, предоставляло свой флотъ къ услугамъ Россіи, если Россія въ теченіе 10 л. будетъ отпускать на усиленіе этого флота лѣсныхъ матеріаловъ на 200,000 р., и если взаимно предоставлены будутъ подданнымъ обоихъ государствъ особыя преимущества и льготы въ торговлѣ; эти условія императрица также отклонила, указывая, между прочимъ, что по договору съ Англіей и англичане будутъ имѣть право воспользоваться всякими выгодами, кому-бы то ни было предоставленными [1]).

2 декабря 1769 г. была подписана декларація между русскимъ и датскимъ правительствами касательно согласнаго поведенія въ Швеціи; декларація эта держалась въ тайнѣ, но Панинъ былъ ею чрезвычайно доволенъ и находилъ, что она «до вышняго градуса взаимной дружбы и единогласія въ правилахъ весьма точно доводитъ и опредѣляетъ» обязательства Даніи и Россіи, такъ что для Россіи уже нѣтъ такой надобности продолжать прежній свой союзъ съ Швеціей, «какова оная прежде была, когда мы принуждены были искать единственно въ собственной нашей инфлюенціи въ шведскихъ дѣлахъ всю ограду сей стороны нашихъ границъ во время каждаго заботливаго намъ положенія дѣлъ»; датское правительство въ январѣ 1770 г. доставило въ Швецію для согласныхъ съ русскими дѣйствій сумму въ 50,000 талеровъ, одновременно съ тѣмъ, какъ Россія доставила 50,000 р. [2]). Но затѣмъ отношенія рус-

---

[1]) *Сборникъ*, т. LXXXVII, 246—253, 266, 335, 415—421.

[2]) *Wiechmann*, II, 34; *Сборникъ*, т. XCVII, 10—12, 23—24.

скаго и датскаго правительства снова стали холоднѣе. Въ 1770 г. Струензе, незадолго предъ тѣмъ сдѣлавшійся первымъ министромъ, устранилъ гр. Бернсторфа и приблизилъ къ молодому государю графа Ранцау-д'-Ашеберга, человѣка очень недостойнаго; изъ Петербурга и въ письмахъ императрицы къ королю и въ министеріальной перепискѣ Панина съ русскимъ посланникомъ, высказано было недовольство этимъ въ очень сильныхъ выраженіяхъ, и было заявлено, что не считаютъ возможнымъ продолжать, не только что ускорить, какіе-либо переговоры о Голштиніи съ датскимъ правительствомъ, пока въ немъ занимаетъ видное мѣсто гр. Ранцау [1]). Въ маѣ слѣдующаго года датскій обратился къ императрицѣ съ письмомъ, въ которомъ выражалъ желаніе помочь Россіи флотомъ и войскомъ въ борьбѣ ея съ Турціей и въ то-же время давалъ понять, что вмѣшательство Россіи и Даніи въ шведскія дѣла представляется ему своего рода интригами и что онъ считалъ-бы за лучшее отказаться отъ принятаго по отношенію къ Швеціи образа дѣйствія. Екатерина отвѣчала на это письмо болѣе чѣмъ сухо, съ очень сильными упреками и не скрывала, что очень порицаетъ всѣ дѣйствія короля [2]).—Во все время господства въ Даніи Струензе отношеніе петербургскаго и копенгагенскаго правительства были холодны и не отличались оживленностью.

IV.

Сказанное нами выше объ отношеніяхъ Россіи къ Англіи, Швеціи и Даніи даетъ намъ основаніе вѣрнѣе представить себѣ и пресловутую «сѣверную систему» [3]), проектъ которой относится также къ первымъ годамъ царствованія Екатерины и управленія дѣлами Панина. Нѣкоторые думаютъ, что Панинъ пришелъ мысли объ этой «системѣ» въ виду существованія на югѣ Европы союза державъ католическихъ—Франціи, Австріи

---

[1]) *Сборникъ*, т. XCVII, 107—109, 158—165, 209—210; *Шлоссеръ*, III, 90—91.

[2]) *Сборникъ*, т. XCVII, 328—332.

[3]) Иногда называется она «сѣверный союзъ», даже «с (соглашеніе).

и Испаніи, и въ этомъ проектѣ видятъ яркое доказательство «того доктринерства въ политикѣ, котораго придерживался графъ Панинъ и которое совершенно не выдерживало критики передъ практическимъ и глубокимъ умомъ» [1]). Но такой приговоръ надъ «сѣверною системою» совершенно невѣренъ; онъ не можетъ не возбуждать подозрѣнія въ своей справедливости хотя бы по одному тому, что до сихъ поръ свѣдѣнія наши объ этомъ планѣ Панина были еще слишкомъ недостаточны: донесенія Сальдерна изъ Берлина о его разговорахъ по этому поводу съ Фридрихомъ въ 1766 году [2]) были главнымъ источникомъ, откуда эти свѣдѣнія почерпались. По этимъ донесеніямъ идея «сѣверной системы», дѣйствительно, представляется нѣсколько странною [3]); но все, извѣстное намъ изъ политической переписки Панина, налагаетъ на насъ положительно обязанность искать въ его предпріятіяхъ болѣе разумныхъ причинъ, болѣе серьезныхъ основаній, чѣмъ мысль, что необходимо устроить союзъ на сѣверѣ Европы, разъ существуетъ союзъ на югѣ ея. Въ донесеніяхъ Сальдерна «сѣверная система» является предъ нами чѣмъ-то несостоятельнымъ, слабымъ потому, что Сальдернъ принялъ на себя задачу, совершенно невыполнимую: убѣдить Фридриха, что эта система полезна для Пруссіи, тогда какъ по планамъ Панина система эта должна была быть прежде всего и болѣе всего полезна для Россіи; понятно, что при такомъ основномъ взглядѣ Панина доказательства Сальдерна въ пользу его мнѣнія являлись недостаточными. Неблагопріятное впечатлѣніе, производимое этимъ проектомъ, усиливалось еще оттого, что до сихъ поръ обращали вниманіе только на возраженія Фридриха, возраженія, высказанныя имъ съ его обычною самоувѣренностью, и Сальдерномъ, дѣйствительно, не опровергнутыя. Но напечатаны давно и отвѣты Панина на разсужденія Фридриха о разныхъ держа-

---

[1]) *Мартенсъ*, Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами, VI, 39.

[2]) *Мартенсъ*, VI, 40—43; *Соловьевъ*, Исторія Россіи, книга VI, 443—452.

[3]) Но иначе и быть не могло по донесеніямъ Сальдерна, который не успѣлъ въ порученіи, принятомъ имъ на себя, и вмѣстѣ съ тѣмъ произвелъ самое неблагопріятное впечатлѣніе на Фридриха, который чрезвычайно рѣзко отзывается объ этомъ его посѣщеніи въ своихъ «Мемуарахъ»—Oeuvres, VI, 15.

вахъ, какъ возможныхъ членахъ союза [1]). Отвѣты эти во всякомъ случаѣ не слабѣе возраженій Фридриха и нельзя не признать, что для дальнѣйшихъ дѣйствій въ политикѣ можно было съ совершенно одинаковымъ основаніемъ принять за исходную точку какъ соображенія Фридриха, такъ и соображенія Панина. Планы Панина въ его собственномъ изложеніи не казались странными и обыкновенно убѣждали его собесѣдниковъ [2]). Теперь можемъ и мы видѣть по подлиннымъ бумагамъ Панина, какъ представлялъ онъ себѣ самъ эту пресловутую систему, чего хотѣлъ ею достигнуть и какъ хотѣлъ ее осуществить.

Мысль о необходимости обезопасить себя союзами въ виду возможности агрессивныхъ предпріятій трехъ католическихъ державъ, связанныхъ между собою договорами — и семейнымъ и политическимъ — вовсе не есть увлеченіе или фантазія, какимъ поддался только Панинъ; эта же мысль возникала и въ Англіи, и въ Пруссіи: Фридрихъ настойчиво добивался союза съ Россіей именно изъ опасенія, какъ бы Австрія, опираясь на Францію, снова не поднялась на него; въ 1766 году англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ писалъ представителю Англіи въ Петербургѣ, подъ строжайшимъ секретомъ, что «Его Величество давно уже искалъ составить на сѣверѣ союзъ, достаточно сильный для того, чтобы имѣть противовѣсъ опаснымъ замысламъ южныхъ державъ; главныя препятствія къ выполненію этого плана возникали при Петербургскомъ дворѣ... въ настойчивости на статьѣ о турецкомъ casus foederis» [3]). Панинъ пришелъ къ мысли соединить между собою сѣверныя державы мало по малу. Первоначально, въ февралѣ 1764 года, представилъ императрицѣ общія соображенія о томъ, что выгодно было бы соединить въ одинъ союзъ всѣ сѣверныя державы русскій посолъ въ Копенгагенѣ, баронъ І. А. Корфъ [4]);

---

[1]) *Сборникъ*, т. XXII, 439—444. Странно, что проф. Мартенсъ, излагая бесѣду Сальдерна съ Фридрихомъ въ VI томѣ своего «Собранія трактатовъ», вышедшемъ въ 1883 году, ничего не упоминаетъ объ этихъ отвѣтахъ, хотя XXII томъ *Сборника*, гдѣ они напечатаны, 439—444, вышелъ еще въ 1878 году.

[2]) *Сборникъ*, т. XXII, 168, 220, 242, 281.

[3]) *Сборникъ*, т. XII, 284—285; *Уляницкій*, Дардан[illegible] море, 307.

[4]) *Соловьевъ*, книга VI, 87—88.

Панинъ заговорилъ о ней съ Сольмсомъ въ апрѣлѣ 1764 года, когда уже заключенъ былъ союзъ съ Пруссіей и съ польскимъ сеймомъ, достигнуты значительные успѣхи на шведскомъ сеймѣ, приходили къ концу переговоры о союзѣ съ Даніей, Англія настойчиво предлагала свой союзъ. Среди всѣхъ этихъ переговоровъ Панинъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ тому, чтобы соглашеніе, установленное уже у Россіи съ тремя державами, распространить и на другія менѣе значительныя сѣверныя государства [1]).

По современнымъ документамъ, говорящимъ намъ о сѣверной системѣ и исходящимъ преимущественно изъ канцеляріи Панина, мы видимъ, что Панинъ хотѣлъ только путемъ переговоровъ достигнуть между сѣверными державами возможно полнаго соглашенія объ ихъ интересахъ и главнымъ образомъ — устранить изъ Швеціи и Даніи давно уже утвердившееся тамъ вліяніе Франціи и такимъ образомъ избавить сѣверъ Европы отъ вмѣшательства въ его политическія отношенія со стороны Франціи [2]). Франція привязывала къ себѣ Швецію и Данію уплатою щедрыхъ субсидій, еще болѣе щедрыми обѣщаніями, а равнымъ образомъ и угрозами не заплатить вовсе не выплаченныхъ ею за нѣкоторые годы субсидій, если Швеція и Данія откажутся слѣдовать ея политикѣ. Панинъ хотѣлъ, заключая съ Англіей союзъ и торговый договоръ, склонить ее къ принятію на себя уплаты этихъ субсидій Швеціи; кромѣ того, участіе Англіи въ этомъ дѣлѣ нужно было ему еще и потому, что онъ отлично видѣлъ—и не разъ прямо это высказывалъ, — что Россія въ Швеціи не можетъ пріобрѣсти себѣ довѣріе никакой значительной партіи, не можетъ непосредственно съ Швеціей сговориться, въ силу взаимныхъ отношеній обоихъ государствъ съ начала XVIII вѣка, и что на соглашеніе съ Англіею охотно пойдутъ многіе, которые и слышать не захотятъ о соглашеніи съ Россіей [3]). Онъ и желалъ дѣйствовать тутъ черезъ Англію, надѣясь, что, договариваясь съ Англіей, шведы легче откажутся отъ союза съ Франціей,

---

[1]) *Сборникъ*, т. XXII, 242—243.
[2]) *Сборникъ*, т. LVII, 63—64.
[3]) *Сборникъ*, т. LVII, 57, 91—92, 121, 421.

чѣмъ договариваясь непосредственно съ Россіей. Относительно Швеціи Панинъ хотѣлъ добиться того, чего онъ хотѣлъ избѣжать для Россіи: онъ отказывался возобновить договоръ съ Англіею на прежнихъ основаніяхъ, говоря, что въ томъ договорѣ Россія сдѣлала разныя уступки въ пользу Англіи потому, что тогда у нихъ былъ общій союзникъ, Австрія, — теперь онъ желалъ, чтобы Швеція сдѣлала уступки Россіи потому, что между ними будетъ общій союзникъ, Англія. Однажды, подъ величайшимъ секретомъ, Панинъ поручалъ русскому послу въ Швеціи, графу И. А. Остерману, испробовать, не удастся-ли склонить Швецію хотя бы къ тому, чтобы ея обязательства къ Франціи были ограничены помощью Франціи кораблями, а не сухопутными войсками, — это дѣлало бы союзъ Швеціи съ Франціей болѣе опаснымъ для Англіи, чѣмъ для Россіи [1]). Для Россіи же устранить вліяніе Франціи изъ Швеціи было очень важно, потому что безъ французскихъ субсидій Швеціи Россія оставалась бы совершенно спокойною на сѣверѣ и пріобрѣтала значительно больше свободы на югѣ и западѣ. Несомнѣнно, что всего болѣе отъ такой перемѣны въ зависимости шведской политики выигрывала Россія. Вообще вся эта «система» была задумана Панинымъ такъ, чтобы извлекать изъ нея главнѣйшія выгоды могла именно Россія; когда однажды гр. Сольмсъ сталъ указывать Панину, что нѣкоторые шаги его въ этомъ направленіи не выгодны для Пруссіи и вѣроятно вызовутъ противодѣйствіе Фридриха—Панинъ отвѣтилъ только утвержденіемъ, что изъ принимаемыхъ имъ мѣръ впослѣдствіи и Пруссія, вѣроятно, окажется въ состояніи извлечь выгоды [2]). Англійскій посолъ Макартней понималъ и писалъ, что Панинъ хочетъ провести эту систему для того, чтобы во время полнаго мира также вліять на дѣла, какъ если бы онъ съ успѣхомъ вышелъ изъ кровопролитной войны [3]); конечно, не англійскимъ представителямъ, а русскимъ, Панинъ прямо и открывалъ, что его цѣль — чтобы степень вліянія Англіи на сѣверѣ была поставлена въ зависимость отъ болѣе или менѣе искрен-

---

[1]) *Сборникъ*, т. LVII, 422.
[2]) *Сборникъ*, т. XXXVII, 126.
[3]) *Сборникъ*, т. XII, 274.

няго соединенія ея съ Россіею [1]); и совершенно естественно, что Панину не удалось склонить ни Пруссію къ энергичной поддержкѣ своихъ плановъ, ни Англію къ такой борьбѣ съ французскою партіей въ Швеціи, какой ему хотѣлось бы, какъ ни старался онъ убѣдить Англію, что ей вообще выгодно одержать успѣхъ надъ Франціей, гдѣ бы то ни было. Впрочемъ, Англія все-таки давала деньги на борьбу въ Швеціи съ французскимъ вліяніемъ, давала и Данія.

Въ переговорахъ Сальдерна съ Фридрихомъ много разъ встрѣчается выраженіе «державы активныя», «державы пассивныя»; Фридрихъ говорилъ, что онъ не понимаетъ значенія этихъ терминовъ и Сальдерну такъ и не удалось разъяснить ему ихъ. Но изъ переписки Панина значеніе ихъ совершенно ясно. Къ числу державъ «активныхъ» Панинъ относилъ Россію, Пруссію, Англію и отчасти Данію; къ числу «пассивныхъ» — Польшу, Швецію и всѣ другія государства, которыя удалось бы привлечь къ союзу. Со стороны этихъ, пассивныхъ, державъ Панинъ предполагалъ довольствоваться лишь тѣмъ, что онѣ будутъ оставаться въ покоѣ, не бросятся на кого-либо изъ сосѣдей, потому что Франція дастъ имъ за это денегъ; предполагалось связать ихъ съ главными государствами союза такъ, чтобы имъ выгоднѣе было оставаться въ бездѣйствіи, чѣмъ рисковать, рѣшаясь на какую-нибудь активную роль [2]). Активными державами Панинъ называлъ тѣ, которыя могли рѣшиться вступить въ прямую открытую борьбу съ державами южнаго союза, тѣ, которыя, имѣли споры съ державами католическими и которыя, по его мысли, имѣли силу и право добиваться удовлетворенія своихъ интересовъ. Не говоря, конечно, этого иностраннымъ дипломатамъ, Панинъ разсчитывалъ — что̀ онъ и высказывалъ въ письмѣ къ одному русскому дипломату — «поставить Россію способомъ общаго сѣвернаго союза на такой степени, чтобы она, какъ въ общихъ дѣлахъ знатную часть руководства имѣла, такъ, особливо, въ сѣверѣ тишину и покой ненарушимо сохранять могла» [3]). Во всемъ

---

[1]) *Сборникъ*, т. LVII, 131, 207, 209.
[2]) *Сборникъ*, т. LXVII, 327.
[3]) *Сборникъ*, т. LXVII, 25.

этомъ трудно видѣть какое-либо доктринерство; мы видимъ стремленіе къ совершенно опредѣленнымъ практическимъ выгодамъ для Россіи, причемъ, если представлялось какое-либо столкновеніе выгодъ какого-либо другаго государства съ выгодами Россіи, то на первомъ планѣ у Панина, какъ и всегда, стояли, конечно, интересы Россіи [1]).

Вообще же, союзъ державъ на сѣверѣ былъ въ глазахъ Панина только средствомъ въ рукахъ русской политики, а никакъ не ея цѣлью; онъ обсуждалъ его, думалъ его осуществить, пока обстоятельства дѣлали весьма вѣроятнымъ, что Россіи удастся воспользоваться этимъ союзомъ для ея выгодъ; но какъ только исчезла вѣроятность легкаго осуществленія этого союза—Панинъ не считаетъ нужнымъ сдѣлать ни одного шага, чтобы этого союза добиться. Вовсе не преслѣдуя какой то отвлеченной цѣли, которая представляла бы въ его глазахъ что то цѣнное сама по себѣ, онъ считалъ, что въ необходимыхъ для Россіи размѣрахъ онъ уже достигъ установленія на сѣверѣ «системы», подъ именемъ которой онъ часто и въ другихъ случаяхъ понималъ просто союзъ [2]). И легкость, съ какою онъ отказался отъ мысли соединить въ союзѣ почти всѣ сѣверно-европейскія державы, представляетъ еще одно доказательство того, что онъ видѣлъ въ этой сѣверной системѣ не цѣль, а средство, орудіе, которымъ не лишнее владѣть, но особенно добиваться котораго вовсе не стоитъ.

V.

Сношенія екатерининскаго правительства съ другими западно-европейскими державами не имѣли особенно важнаго значенія и могутъ быть изложены въ самыхъ краткихъ чертахъ.

Непосредственныя отношенія къ Франціи не отличались

---

[1]) О «сѣверной системѣ» см. еще *Сборникъ*, т. LVII, 10, 62—64, 110, 117, 131, 200, 267, 306, 307, 369, 397, 436; т. LXVII, 25, 72, 133, 327, 516; т. LXXXVII, 178; т. XII, 188, 274, 373—379, 382—383, 415, 417, 444; т. XXII, 220, 221, 241—246, 280—282, 317, 340, т. XXXVII, 126; *Соловьевъ*, книга VI, 87—88.

[2]) *Сборникъ*, т. XCVII, 47, 48 и др.

оживленностью. Мы видѣли уже, что французское министерство, совершенно согласно со своимъ королемъ, всѣми мѣрами старалось противодѣйствовать Россіи; оно не хотѣло допустить, чтобы новая политическая сила предъявляла свои требованія, преслѣдовала свои интересы [1]) въ тѣхъ очень сложныхъ отношеніяхъ, какія создались у Франціи на сѣверѣ и востокѣ Европы, въ тылу ея соперницъ—Пруссіи и Австріи; и хотя съ Австріею Франція была въ то время въ союзѣ, но, какъ мы уже говорили, союзъ этотъ не отличался, да и не могъ отличаться искренностью; поэтому прежніе союзники прежнихъ—и въ сущности постоянныхъ—враговъ Франціи оставались ея врагами, и Россія была въ первомъ ряду ихъ. Франція не могла спокойно смотрѣть, какъ Россія захватывала себѣ преобладающее вліяніе въ Польшѣ и Швеціи, потому что Франція непремѣнно должна была почувствовать необходимость располагать силами этихъ государствъ, какъ только разстроится ея неестественный союзъ съ нѣмецкими державами. Поэтому соперничество Франціи съ вліяніемъ въ этихъ земляхъ Россіи является вполнѣ естественнымъ въ XVIII в. Именно тѣ самыя причины дѣлали совершенно естественною борьбу Франціи и Россіи въ XVIII в., которыя дѣлаютъ теперь вполнѣ естественнымъ, и потому искреннимъ и твердымъ союзъ этихъ государствъ. Для Франціи теперь нѣтъ могущества турецкаго, могущества польскаго и шведскаго, въ которыхъ она находила себѣ опору для борьбы съ нѣмецкими державами; для Россіи нѣтъ теперь опасной силы польской, турецкой и шведской, съ которыми ей приходилось-бы бороться для удовлетворенія своихъ насущныхъ и законныхъ интересовъ. Между Россіею и Франціею теперь стоятъ одни только нѣмецкія государства, которыя, благодаря счастливымъ случайностямъ, въ свою пользу обратили многіе результаты усилій Россіи и Франціи и претендуютъ на непринадлежащую никому роль въ европейскихъ отношеніяхъ; Россія и Франція являются первыми оплотами европейскаго мира и, не имѣя теперь столкновеній въ своихъ интересахъ, угрожаемыя однимъ и тѣмъ-же врагомъ, наконецъ поняли и оцѣнили важность того союза, который силою вещей сталъ для

[1]) *Соловьевъ*, книга VI, 626.

нихъ такъ естественнымъ; весь міръ наблюдаетъ теперь искреннюю и сердечную дружбу между ними; и если обязанность говорить о прошломъ только полную правду заставляетъ насъ въ этомъ изслѣдованіи изображать постоянно недружелюбныя, враждебныя отношенія Россіи и Франціи, то съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ останавливаемъ мы свою мысль на той дружбѣ, на томъ согласіи и глубокомъ взаимномъ уваженіи, которыя господствуютъ теперь между этими двумя великими народами и великими государствами...

Мы упоминали уже выше о тѣхъ проявленіяхъ недружелюбія Франціи къ Россіи, которыя выразились въ церемоніальныхъ спорахъ, поднимавшихся представителями Франціи въ Петербургѣ; первый такой споръ возникъ еще въ 1762 году, но тогда же и былъ улаженъ; дальнѣйшія сношенія сохраняли внѣшній видъ миролюбія, но въ инструкціяхъ представителямъ Франціи въ Петербургѣ министерство Людовика XV высказывало, что Франція никогда не можетъ имѣть никакихъ общихъ политическихъ интересовъ съ Россіей, что выгодны для Франціи могутъ быть только развѣ торговыя сношенія съ Россіей и предписывало своимъ представителямъ усердно поддерживать всякія внутреннія затрудненія, какія только могутъ возникнуть въ Россіи для новаго правительства [1]). Но въ августѣ слѣдующаго 1763 г. русское правительство уже должно было бороться въ Польшѣ съ интригами Франціи, имѣвшими цѣлью сохранить ей въ этой странѣ полное господство и потому, очевидно, шедшими въ разрѣзъ съ желаніями Россіи [2]); поведеніе французскихъ представителей въ Константинополѣ и въ Варшавѣ въ 1764 г. было все болѣе и болѣе непріязненно Россіи; Панинъ разъяснялъ русскому послу въ Парижѣ это поведеніе съ той точки зрѣнія, какъ понимали его въ Петербургѣ, для того, чтобы посолъ нашъ въ Парижѣ умѣлъ возра-

[1]) *Rambaud*, IX, 208, 215—216, 224, 230—232, 265, 275. Послѣ Бретейля съ начала лѣта 1763 г. въ Петербургѣ оставался французскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ Беранже; въ началѣ 1764 г. прибылъ посолъ маркизъ де-Боссетъ; въ концѣ 1767 г. его замѣнилъ повѣренный въ дѣлахъ Россиньоль; въ 1769—1772 г. былъ повѣреннымъ въ дѣлахъ Сабатье-де-Кабръ, замѣненный
номъ въ качествѣ посла.

[2]) *Сборникъ*, т. XLVIII, 424; т. LI, 216.

жать на совершенно ложное, по словамъ Панина, изображеніе дѣйствій Франціи въ Польшѣ и Турціи, представляемое ему французскимъ министерствомъ [1]). Въ то-же время изъ Франціи были сдѣланы нѣкоторыя предложенія о торговомъ договорѣ. Но они были приняты съ русской стороны чрезвычайно холодно, равно какъ и другая подобная-же попытка въ 1766 г.; въ Петербургѣ помнили, какъ неделикатно прекратило французское правительство подобные-же переговоры при Елизаветѣ Петровнѣ и думали, что начиная ихъ теперь французское министерство просто хочетъ создать для русскаго затрудненія въ подписаніи торговаго договора съ Англіей [2]). Въ январѣ 1767 г. былъ назначенъ русскій консулъ въ Бордо; но къ августу того-же года отношенія ухудшились настолько, что дѣло дошло до отозванія пословъ; поводомъ къ этому послужилъ тотъ споръ о титулѣ «императорское величество», о которомъ мы уже выше говорили; съ этого времени до 1772 г. дипломатическихъ сношеній между Петербургомъ и Парижемъ не было, къ большому ущербу для французскихъ интересовъ, по замѣчанію французскаго историка, такъ какъ правительство Людовика XV допустило, что вопросъ польскій былъ разрѣшенъ безъ всякаго его участія соглашеніемъ между Россіей, Пруссіей и Австріей, а также не имѣло возможности отклонить такого полнаго разгрома турецкихъ силъ, какой произошелъ въ первую турецкую войну [3]). Не имѣя прямыхъ, непосредственныхъ сношеній, Россія и Франція тѣмъ не менѣе очень часто, можно сказать постоянно, сталкивались хотя и не непосредственно—въ Константинополѣ, въ Стокгольмѣ, въ Варшавѣ; активная русская политика, какую правительство Екатерины вело въ Польшѣ, а также и политика его въ Швеціи представляла изъ себя постоянное соперничество съ Франціей; всякая враждебная Россіи партія находила поддержку со стороны Франціи; насъ, конечно, не столько интересуетъ воздѣйствіе Франціи на своихъ партизановъ, какъ воздѣйствіе Россіи на своихъ; мы разсматриваемъ послѣднее въ изложеніи русской политики от-

---

[1]) *Сборникъ*, т. LVII, 151—153.
[2]) *Сборникъ*, т. XLVIII, 574, 576; т. LVII, 520—521.
[3]) *Rambaud*, Recueil, IX, 288.

носительно тѣхъ государствъ, гдѣ русское вліяніе сталкивалось и боролось съ французскимъ; вообще каждый успѣхъ Россіи являлся въ то-же время до нѣкоторой степени пораженіемъ французской политики, и каждое дипломатическое пораженіе Россіи — знаменовало успѣхъ Франціи. Болѣе оживленныя дипломатическія сношенія Россіи и Франціи выходятъ уже хронологически за поставленные нами нашему изслѣдованію предѣлы: они начались особенно послѣ присоединенія Крыма, когда открылись новые обширные рынки для французской торговли и когда вмѣстѣ съ тѣмъ Англія, вытѣсняя мало-по-малу французовъ изъ левантской торговли, начала переходить къ своей, продолжающейся и до нынѣ, политикѣ соперничества съ Россіею на юго-востокѣ Европы.

Приблизительно такимъ-же характеромъ отличались въ первыя 15—18 л. царствованія Екатерины и сношенія Россіи съ Австріею, хотя въ этомъ случаѣ Россія встрѣчала соперника гораздо менѣе энергичнаго. Наиболѣе важныя сношенія между двумя имперіями касались дѣлъ польскихъ и будутъ разсмотрѣны въ изложеніи ихъ; кромѣ того прямыя сношенія касались лишь вопроса о медіаціи и о датскомъ вмѣшательствѣ въ опеку и нами уже разсмотрѣны. Въ инструкціяхъ русскимъ дипломатамъ, назначаемымъ вновь къ разнымъ европейскимъ дворамъ, обыкновенно, при обзорѣ отношеній Россіи къ разнымъ державамъ, говорится, что съ вѣнскимъ и версальскимъ дворами продолжается дружеская корреспонденція, слѣдовательно, сохраняется и внѣшняя дружба, хотя общихъ дѣлъ съ ними нѣтъ.

Изъ итальянскихъ государствъ въ началѣ царствованія Екатерины II Венеція обнаруживала желаніе вступить въ непосредственныя торговыя сношенія съ Россіею; но вообще правительство этой торговой республики было очень осторожно по отношенію ко всѣмъ государствамъ, которыя могли вступить въ войну съ Турціей, такъ какъ опасалось, что въ случаѣ ея такой союзъ можетъ повредить обширной торговлѣ республики на востокѣ. Россія имѣла уже и ранѣе непосредственныя торговыя отношенія съ Венеціей, но незначительныя: въ 1748 г. въ Петербургъ приходило одно венеціанское торговое судно;

въ 1755 г. былъ въ Петербургѣ по комерческимъ дѣламъ одинъ крупный венеціанскій купецъ и заводилъ разговоры о заключеніи торговаго трактата между Россіей и Венеціей; о томъ-же не разъ заговаривали представители Венеціи съ русскими представителями въ Парижѣ, Лондонѣ, Вѣнѣ; но обыкновенно переговоры не шли дальше самыхъ первыхъ, общихъ заявленій, что полезно было-бы для обоихъ государствъ такіе договоры заключить. Въ 1766 г. въ Петербургѣ находился по торговымъ дѣламъ маркизъ Маруцци, богатый венеціанскій банкиръ; въ это время венеціанская республика, черезъ представителя своего въ Вѣнѣ, формально предложила русскому правительству заключить договоръ, съ тѣмъ, чтобы онъ былъ только исключительно торговымъ, чтобы для венеціанскихъ кораблей было открыто не только Балтійское, но и Черное море и чтобы Россія выхлопотала у турецкаго правительства разрѣшеніе венеціанскимъ торговымъ судамъ безпрепятственно проходить черезъ турецкія воды. Коллегія иностранныхъ дѣлъ предложила тогда назначить маркиза Маруцци повѣреннымъ русской императрицы при республикѣ венеціанской, при другихъ государствахъ Италіи и вообще при итальянскихъ портахъ—Панинъ замѣчалъ, что такое назначеніе уполномоченнаго не при венеціанскомъ правительствѣ только, а вообще по торговымъ дѣламъ въ Италіи, вызоветъ меньше подозрѣнія въ туркахъ. 10 марта 1768 г. Маруцци былъ объявленъ оффиціально въ своемъ званіи и ему поручено было стараться о заключеніи торговаго договора между Россіей и Турціей, съ тѣмъ однако, чтобы всѣ хлопоты и расходы, какіе придется понести предъ турецкимъ правительствомъ, чтобы получить согласіе его на проходъ венеціанскихъ судовъ черезъ турецкія воды, были общими. Договоръ этотъ не состоялся и сношенія черезъ Маруцци съ венеціанскимъ правительствомъ не были особенно оживленными; но онъ являлся однимъ изъ довѣренныхъ лицъ императрицы въ перепискѣ ея съ Паоли, который поднялъ возстаніе противъ французовъ на о. Корсикѣ и котораго императрица Екатерина негласно довольно щедро поддерживала. Когда началась война Россіи съ Турціей, Маруцци было поручено внушать венеціанскому сенату, что императрица ни

мало не претендуетъ на то, чтобы республика приняла участіе въ войнѣ, но что съ русской стороны будутъ смотрѣть безъ всякаго предубѣжденія, если, въ случаѣ благопріятнаго для Россіи оборота дѣлъ, Венеція предъявитъ какія-либо претензіи къ Турціи и попробуетъ вернуть отъ нея что-либо утраченное республикою; вмѣстѣ съ тѣмъ просили прекратить враждебныя дѣйствія противъ черногорцевъ [1]). Но страхъ передъ Турціей былъ слишкомъ силенъ, чтобы венеціанское правительство рѣшилось на какія-нибудь мѣры, прямо враждебныя по отношенію къ Турціи, или даже способныя возбудить ея подозрительность; такъ, когда въ 1768 г. русское правительство рѣшило отправить въ Черногорію совѣтника посольства въ Вѣнѣ Мерка, для того, чтобы разузнать тамъ о личности Степана Малаго, выдававшаго себя за императора Петра Θеодоровича и если можно, то устранить какъ нибудь обманщика, венеціанскій сенатъ рѣшительно отказалъ Мерку въ какомъ либо содѣйствіи [2]); въ началѣ 1770 г. Панинъ имѣлъ случай поручать маркизу Маруцци передать венеціанскому сенату благодарность императрицы за разрѣшеніе русскимъ войскамъ свободнаго прохода черезъ владѣнія республики; онъ уполномочивалъ его ограничиться частнымъ сообщеніемъ объ этомъ сенаторамъ, если Марруци найдетъ, что республикѣ можетъ быть непріятна излишняя огласка такого рѣшенія [3]). Но затѣмъ венеціанское правительство стало дѣлать маркизу Маруцци мелкія затрудненія,—напр., запретило ему, какъ министру чужой державы—хотя онъ былъ лишь повѣреннымъ въ дѣлахъ—сношенія съ дворянствомъ; это вызвало довольно твердое возраженіе Панина и прямо предъ венеціанскимъ сенатомъ и предъ венеціанскимъ посломъ въ Вѣнѣ [4]). Изъ другихъ итальянскихъ государствъ заводили съ Россіею переговоры о торговыхъ договорахъ Сардинія, въ 1762 г. черезъ своего уполномоченнаго въ Вѣнѣ, и Генуя, въ 1764 г., черезъ своего представителя въ

[1]) *Сборникъ*, т. XLVIII, 190, 198, 278; т. LI, 296; т. LXVII, 448—453; т. LXXXVII, 43—49, 217, 265, 435, 445, 506.

[2]) *Сборникъ*, т. LXXXVII, 86, 87, 164; т. XCVII, 70.

[3]) *Сборникъ*, т. XCVII, 14—15.

[4]) *Сборникъ*, т. XCVII, 128—133.

Парижѣ, но переговоры эти ни къ чему не привели [1]). Въ 1770 г. было предположеніе назначить изъ Петербурга представителя при Туринскомъ дворѣ, но дѣло не состоялось [2]). Туринскій дворъ опасался недружелюбія къ Россіи Австріи и Франціи и выжидалъ исхода войны; но русскіе корабли пользовались гостепріимствомъ во всѣхъ сардинскихъ портахъ.

Кромѣ разсмотрѣнныхъ нами выше сношеній Россіи съ разными дворами, Россія имѣла еще пословъ при испанскомъ дворѣ, при голландскихъ штатахъ и при имперскомъ управленіи въ Регенсбургѣ; но особенною живостью и важностью сношенія съ ними не отличались; весною 1771 г. отправленъ полномочнымъ министромъ къ португальскому двору камеръ-юнкеръ С. С. Зиновьевъ [3]).

VI.

Первыя дипломатическія сношенія съ Турціею, какъ и съ большинствомъ другихъ государствъ, состояли въ завѣреніяхъ въ мирныхъ намѣреніяхъ и въ поправленіи того, что было сдѣлано въ предшествовавшее царствованіе. Фридрихъ II успѣлъ было почти совершенно склонить Порту къ союзу съ Пруссіей и даже къ вторженію въ австрійскія области; императрица Екатерина, не желая, конечно, видѣть въ союзѣ естественнаго врага Россіи и ея во всякомъ случаѣ ненадежнаго сосѣда, предписывала русскому резиденту въ Константинополѣ А. М. Обрѣзкову сообщить объ этихъ сношеніяхъ австрійскому интернунцію и вмѣстѣ съ нимъ всѣми мѣрами препятствовать этому союзу и удерживать Порту въ мирномъ настроеніи; изъ Петербурга грозили даже, что не будутъ спокойно смотрѣть на дѣятельное вмѣшательство Турціи въ войну. На этотъ разъ Турцію удалось успокоить; вѣроятно и со стороны короля прусскаго настоянія не были особенно сильны, такъ какъ во всякомъ случаѣ было ясно, что дѣло идетъ къ общему замиренію. Поднимать Порту противъ Австріи пред-

---

[1]) *Сборникъ*, т. XLVIII, 128; т. LI, 494.

[2]) *Сборникъ*, т. XCVII, 68—72, 78, 125, 320.

[3]) *Сборникъ*, т. XCVII, 257, 271, 317, 522.

писано было Петромъ Θеодоровичемъ и Обрѣзкову; но онъ не начиналъ еще никакихъ дѣйствій въ этомъ направленіи и такимъ «сохраненіемъ чести и благопристойности двора» русскаго заслужилъ милостивую благодарность, орденъ Анны 1 ст. и прибавку жалованья. Приходилось еще прилагать въ Константинополѣ заботы объ устраненіи враждебныхъ Россіи происковъ датскаго уполномоченнаго, вызванныхъ политикою Петра Θеодоровича относительно Даніи, и внушеній Рексина, посланника прусскаго, который утверждалъ, что и съ перемѣною правительства вліяніе Фридриха въ Петербургѣ нисколько не ослабѣло, что, какъ и прежде, Фридрихъ является руководителемъ русской политики [1]).

Кромѣ переписки объ этихъ случайныхъ, временныхъ дѣлахъ, доставляли много заботъ, требовали постояннаго вниманія со стороны русскаго и турецкаго правительства неопредѣленность границъ, неполная точность нѣкоторыхъ прежнихъ договоровъ и полудикіе, безпокойные сосѣди. Разсмотрѣніе всѣхъ переговоровъ, происходившихъ между Россіей и Турціей съ самаго же начала екатерининскаго царствованія необходимо для того, чтобы понять возможность возбудить Порту на объявленіе Россіи войны по такому ничтожному случаю, который послужилъ къ этой войнѣ поводомъ.

Русскіе еще съ 1760 г. начали постройку крѣпости Св. Димитрія, нынѣ Ростовъ-на-Дону; турки, вѣроятно не безъ внушеній крымскаго хана, заявили, что мѣсто, избранное для постройки этой крѣпости, относится, въ силу договора 1741 г., къ барьерной полосѣ между обоими государствами и Россія не имѣетъ права его занимать; русское правительство доказывало, что постройка производится на территоріи русской, утверждая, что выраженіе договора, въ силу котораго русскіе не имѣли права строить крѣпостей иначе какъ къ востоку отъ урочища Каякъ-Салгамъ, нельзя понимать въ томъ смыслѣ, что крѣпости могутъ быть устраиваемы лишь совершенно прямо на востокъ, безъ малѣйшихъ уклоненій къ сѣверу или къ югу, потому что такое постановленіе было бы безсмысленно. Пере-

---

[1]) *Сборникъ*, т. XLVIII, 3, 30—32, 139, 151—154, 230; т. LI, 176—178.

говоры объ этомъ тянулись долго и турки относились къ нимъ такъ неравнодушно, что когда изъ Петербурга поручали Обрѣзкову зондировать Порту, есть ли возможность получить ея разрѣшеніе на торговлю съ Венеціей черезъ Черное море, то Обрѣзковъ сначала тянулъ предъявленіе запроса, а затѣмъ прямо заявилъ, что при спорѣ о крѣпости св. Димитрія онъ находитъ неудобнымъ поднимать подобный вопросъ и ему предписано было оставить его безъ движенія [1]). Подобную же заботу доставляло обоимъ правительствамъ и перенесеніе Сѣчи Запорожской на новое мѣсто: въ 1758 г., по желанію запорожцевъ, ихъ Сѣчь перенесена была на 15 верстъ выше по теченію Днѣпра; но на новомъ этомъ мѣстѣ стали возводить довольно значительныя укрѣпленія,—Порта отнеслась къ этому такъ тревожно, что по совѣту Обрѣзкова постройка этихъ укрѣпленій была остановлена; въ 1764 г. остановили также и начатое было продолженіе работъ по возведенію крѣпости Св. Елизаветы на р. Ингулѣ, прерванныхъ при началѣ Семилѣтней войны [2]). Разные споры возникали и изъ за кабардинскихъ земель. Земли эти были тоже признаны барьерными, ни отъ кого независимыми; нѣкоторые кабардинскіе князьки, ближайшіе къ русскимъ предѣламъ, выражали желаніе перейдти въ русское подданство, чтобы найдти защиту отъ притѣсненій другихъ, болѣе сильныхъ владѣтелей; имъ отказывали въ принятіи ихъ въ русское подданство, потому что это было договоромъ запрещено и Россіи и Турціи. Тогда нѣкоторые изъ нихъ изъявили желаніе креститься, а согласно договору каждая изъ сторонъ, и Россія и Турція, имѣли право не выдавать кабардинцевъ, принявшихъ ихъ вѣру, покровительствовать имъ; такимъ образомъ, крещенные кабардинскіе владѣтели оставались въ подданствѣ Россіи; среди ихъ земель русское правительство устраивало небольшія укрѣпленія, чтобы защищать ихъ отъ сосѣдей, заводило русскіе поселки. Русскіе документы, конечно, не говорятъ, чтобы все это дѣлалось кабардинскими князьками подъ вліяніемъ какихъ либо внушеній съ русской стороны; но едва ли можетъ быть сомнѣніе, что подобныя

---

[1]) *Сборникъ*, т. XLVIII, 39, 121, 198, 225, 232, 380—388, 426, 444.
[2]) *Сборникъ*, т. LI, 166—168; т. LVII, 48—50, 60.

внушенія были. Придавать всему этому законный видъ, успокаивать бдительность Порты было нелегко и обсужденіе мѣръ и способовъ къ этому занимаетъ очень много мѣста въ перепискѣ Панина и Обрѣзкова. Но если, такимъ образомъ, мы видимъ въ Кабардѣ явленія, которыя можемъ предписывать русскимъ интригамъ, то не бездѣйствовала тамъ и противная сторона; сами турки, по замѣчанію русскаго правительства мало интересовались кабардинскими дѣлами, но ханъ крымскій постоянно поддерживалъ сношенія съ кабардинцами и, по русскимъ донесеніямъ, поддерживалъ въ нихъ безпокойный духъ и непріязненное Россіи настроеніе; онъ даже собирался со своими ордами придти въ предѣлы кабардинскіе; не пропустить его барьерными мѣстами съ русской стороны не находили основанія, но безпокоились, чтò будетъ онъ тамъ дѣлать, и считали необходимымъ внимательный надзоръ надъ этимъ. Внимательно слѣдили и изъ Петербурга за возведеніемъ Турціею укрѣпленій въ пограничныхъ мѣстахъ, жаловались въ Константинополь на нарушеніе татарами русскихъ границъ — вообще мелкія пререканія и затрудненія не прекращались [1]).

Одно время къ этимъ поводамъ для непріятной и щекотливой переписки Россіи и Турціи чуть было не присоединился еще новый, но въ этомъ послѣднемъ случаѣ дѣло касалось уже не инородцевъ, а славянъ юго-восточной Европы.

Въ 1764 г. прибылъ въ Петербургъ нѣкто Симеонъ Канцаревичъ, раньше уже бывшій въ Петербургѣ, и именовавшій себя далматинскимъ епископомъ. Онъ заявилъ отъ имени славянскихъ православныхъ народовъ въ Сербіи, Босніи и Герцеговинѣ и въ другихъ мѣстахъ обитающихъ, «что они великое усердіе имѣютъ по единовѣрію быть съ фамиліями и имѣніями своими подъ благочестивою Ея Императорскаго Величества державою въ подданствѣ, съ желаніемъ выходить въ Россію на поселеніе или же, оставаясь на нынѣшнихъ своихъ мѣстахъ, быть подъ повелѣніемъ россійскаго двора и, въ случаѣ будущей иногда съ турками войны, принять противъ нихъ

---

[1]) *Сборникъ*, т. XLVIII, 513—520; т. LI, 30 — 34, 77, 78, 82, 189, 341 — 356, 463 — 471; т. LVII, 14 — 16, 358—364, 465; т. LXVII, 5 — 7, 107, 350—353.

оружіе и дѣйствовать соединенными силами въ пользу россійской имперіи». Коллегія иностранныхъ дѣлъ, которой Канцаревичъ представилъ свое заявленіе, отвѣтила обнадеживаніемъ въ милости императрицы къ славянамъ, но отклонила всякія сношенія по вопросу о выходѣ ихъ въ Россію и вообще объ усердіи этихъ народовъ къ Россіи, ссылаясь на то, что взаимныя отношенія Россіи и Порты не даютъ Россіи никакого основанія для такого образа дѣйствій относительно подданныхъ Порты. Тогда Канцаревичъ подалъ второе заявленіе, въ которомъ говорилъ, что онъ поклялся предъ своими соотечественниками представить такую просьбу императрицѣ всероссійской; онъ просилъ, чтобы этимъ народамъ дано было обѣщаніе «протекціи» императрицы, чтобы къ нимъ посланы были человѣка по три изъ офицеровъ-сербовъ, находящихся въ подданствѣ и на службѣ Россіи, и изъ черногорцевъ, обучающихся въ Сухопутномъ Шляхетскомъ корпусѣ, по его выбору, и чтобы они, подъ видомъ купцовъ, съ небольшою суммою денегъ и съ богослужебными книгами, изданными въ Россіи, прибыли въ тѣ страны. Получивъ это второе заявленіе Канцаревича, Коллегія иностранныхъ дѣлъ представила императрицѣ, что, такъ какъ всѣ эти народы не самостоятельны, а зависятъ частью отъ императрицы-королевы, частью отъ турецкаго султана, то отправленіе къ нимъ изъ Россіи тайныхъ агентовъ представляется возможнымъ лишь въ томъ случаѣ, если у Россіи съ Турціей будетъ война. Что касается просимыхъ епископомъ денегъ, тысячъ до трехъ въ годъ, то Коллегія находила, и конечно, совершенно основательно, что денегъ повѣрять этимъ людямъ нельзя, потому что по бывшимъ уже примѣрамъ несомнѣнно, что воспользуются ими только непосредственно ихъ получившіе и ближайшіе ихъ родичи, народу же не будетъ роздано ничего, и потому предлагала ограничиться лишь посылкою въ Цетинскій монастырь по 500 р. въ теченіи трехъ лѣтъ и отправкою богослужебныхъ книгъ. Но вообще, осторожно, не вмѣшивая никакихъ, спеціально отъ русскаго правительства уполномоченныхъ людей, Панинъ находилъ очень полезно тайно обнадеживать православныхъ подданныхъ Турціи, «чтобы они крѣпко надѣялись на высокую

Ея Императорскаго Величества протекцію и ожидали только удобнаго случая, когда можно будетъ ихъ явно принять въ протекцію и сдѣлать все прочее по ихъ желанію»; императрица вполнѣ одобрила все сдѣланное и предложенное Коллегіею въ данномъ случаѣ [1]). Пониманіе того, что для Россіи можетъ быть очень выгодно покровительство турецкимъ славянамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ осторожность въ выборѣ момента для начала этого покровительства—весьма важны для оцѣнки Н. И. Панина. Мы видимъ и тутъ, что ему доступны были широкія идеи, что онъ предвидѣлъ въ отдаленномъ будущемъ тѣ пути, которыми пришлось идти Россіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ сохранилъ замѣчательное спокойствіе и совершенно правильно оцѣнивалъ удобства и неудобства, вѣроятность и сомнительность успѣха въ подобномъ предпріятіи при условіяхъ для него существовавшихъ; видя далеко въ даль, онъ въ то же время замѣчательно спокойно и трезво оцѣнивалъ ближайшія отношенія и современные вопросы, и въ этомъ случаѣ онъ проявилъ ту же замѣчательную способность сосредоточивать всѣ силы и вниманіе на одномъ пунктѣ, достиженіе успѣха въ которомъ было важно и возможно въ данный моментъ и при данныхъ обстоятельствахъ, не увлекаясь предпріятіями несбыточными, фантастическими, даже просто непрактичными, ту способность, которая всегда составляла одну изъ замѣчательныхъ отличительныхъ чертъ его дѣятельности, и, конечно, была одною изъ главныхъ причинъ его замѣчательныхъ успѣховъ.

Ближайшимъ образомъ связаны были съ турецкими отношеніями и отношенія крымскія. Внѣшнимъ образомъ они были мирныя и хорошія, но Обрѣзкову постоянно внушали изъ Петербурга, чтобы онъ возбуждалъ въ Портѣ недовѣріе къ хану; въ Петербургѣ очень хотѣли бы сверженія хана Крымъ-Гирея; когда однажды онъ въ разговорѣ выразился, что вовсе не считаетъ себя подданнымъ Турціи, Обрѣзкову немедленно приказано было дать объ этомъ подъ рукою знать Портѣ. Въ то же время и предъ ханомъ и въ Константинополѣ старались, чтобы былъ допущенъ въ Крымъ постоянный русскій агентъ или консулъ; путемъ подарковъ хану, подкупа его приближенныхъ и кон-

[1]) *Сборникъ*, т. LVII, 78—83.

стантинопольскаго дивана, удалось, наконецъ, весною 1763 г. получить желаемое согласіе. Императрица очень интересовалась этимъ дѣломъ и неоднократно торопила канцлера Воронцова, чтобы скорѣе былъ отправленъ этотъ агентъ, опасаясь, какъ бы что нибудь неожиданное не произвело нежелательной перемѣны въ настроеніи хана [1]). Въ маѣ 1763 г. былъ отправленъ къ крымскому хану консулъ маіоръ Никифоровъ; онъ снабженъ былъ обширною инструкціей и особымъ добавленіемъ къ ней. Въ инструкціи ему прежде всего предписано было какъ поступать вообще въ Крыму, какъ установить свои отношенія къ хану, если онъ захочетъ заключить особый договоръ съ русскимъ правительствомъ на счетъ учрежденія въ Крыму русскаго дипломатическаго агентства, и на тотъ случай, если онъ пожелаетъ принимать русскаго агента просто какъ чиновника, которому Портою разрѣшено пребываніе въ Крыму. Консулу поручалась далѣе забота о мирномъ и скоромъ рѣшеніи всякихъ пограничныхъ дѣлъ, возникающихъ между русскими подданными и крымскими татарами, указано, какъ отвѣчать ему на запросы о крѣпости св. Дмитрія и о перенесеніи Сѣчи Запорожской на другое мѣсто, поручено заботиться о возвращеніи изъ Крыма русскихъ плѣнныхъ и стараться о развитіи торговли Россіи съ крымскими татарами; самымъ внимательнымъ образомъ долженъ былъ консулъ наблюдать за всѣми военными приготовленіями и движеніями хана и доносить о нихъ въ Петербургъ. Особенно интересны для насъ въ инструкціи пункты 5-й и 6-й; въ первомъ изъ нихъ Никифорову поручается собирать и сообщать въ Петербургъ всевозможныя свѣдѣнія о внутреннемъ положеніи Крыма, объ устройствѣ въ немъ высшаго управленія, о гражданскихъ законахъ, о военныхъ силахъ, гаваняхъ и укрѣпленныхъ природою пунктахъ, о доходахъ хана, о знатныхъ фамиліяхъ, о плодородіи и произведеніяхъ страны, «о правахъ татарскаго народа генерально», и между прочимъ, свои наблюденія, «имѣютъ ли они дѣйствительно къ туркамъ любовь по единовѣрію или примѣчается въ татарскомъ народѣ внутренняя къ нимъ ненависть и

---

[1]) *Сборникъ*, т. XLVIII, 123, 227, 392, 426, 436, 439—443, 481; т. LI, 180—181, 208.

что мыслятъ о правленіи, силѣ и состояніи турецкомъ?»; въ пунктѣ же 6-мъ прямо высказано: «надлежитъ прилежно, но съ крайнею осторожностью и осмотрѣніемъ примѣчать, не искусится ли ханъ желаніемъ быть въ здѣшнемъ подданствѣ, или отступить отъ Порты и учинить себя самодержавнымъ, и ни отъ кого независимымъ государемъ?»; вопросъ этотъ признаваемъ былъ столь важнымъ, что консулъ не былъ уполномоченъ вести какіе либо переговоры по этому поводу, а долженъ былъ только немедленно сообщить въ Петербургъ, какъ только узнаетъ что нибудь по этому поводу. Дополненіе къ инструкціи было посвящено исключительно дѣламъ кабардинскимъ [1]).

Но пребываніе въ Крыму русскаго консула не принесло сколько нибудь замѣтной пользы русскимъ дѣламъ. Ханъ Крымъ-Гирей, извѣстный и своею энергіею и своимъ крайне вспыльчивымъ характеромъ, держался съ Никифоровымъ очень высокомѣрно, не вступалъ съ нимъ въ серьезные и важные переговоры и вмѣстѣ съ тѣмъ при каждомъ разногласіи грозилъ выслать консула изъ своихъ владѣній. Уже въ сентябрѣ мѣсяцѣ того же 1763 г. Коллегія иностранныхъ дѣлъ получила увѣдомленіе отъ своего консула о такихъ рѣчахъ хана крымскаго и предписывала Никифорову стараться объяснить хану всю невозможность такого поступка; при этомъ Коллегія уполномочивала консула согласиться на требованіе хана, чтобы въ соотвѣтствіе съ тѣмъ, что по послѣднему мирному договору русскіе промышленники имѣли право ловить рыбу и заниматься звѣриными промыслами въ барьерныхъ земляхъ, такое же право предоставлено было и татарамъ [2]). Въ слѣдующемъ, 1764 г., Крымъ-Гирей былъ сведенъ Портою съ ханскаго стола и мѣсто его занялъ гораздо болѣе спокойный для русскаго правительства ханъ Селимъ-Гирей. Но въ 1765 г. пришлось отозвать изъ Бахчисарая и Никифорова: онъ позволилъ себѣ нѣсколько чрезвычайно безтактныхъ поступковъ, именно силою вернулъ себѣ одного изъ своихъ служителей, передавшагося туркамъ и даже заявившаго желаніе принять магоме-

[1]) *Сборникъ*, т. XLVIII, 483—508, 513—520; т. LI, 57.
[2]) *Сборникъ*, т. LI, 84—91, 209—214.

танство; по этому поводу Порта сдѣлала Обрѣзкову представленіе, которое было признано въ Петербургѣ еще очень умѣреннымъ; Никифоровъ былъ немедленно отозванъ. Были сдѣланы попытки получить согласіе Порты на назначеніе новаго консула, но ханъ рѣшительно высказался противъ этого и только уже лѣтомъ 1771 г. назначенъ былъ резидентомъ въ Крыму Веселицкій; не удалось Обрѣзкову добиться, даже и того, чтобы изъ Крыму удалены были и всѣ другіе дипломатическіе агенты; французскій агентъ, де-Тоттъ, тамъ остался. Впрочемъ, въ правленіи слабаго Селимъ-Гирея крымскія дѣла привлекали уже гораздо менѣе вниманія, чѣмъ при Крымъ-Гиреѣ [1]).

Но скоро отношенія наши съ Турціей сосредоточились вполнѣ около одного польскаго вопроса. При томъ участіи, которое такъ энергично приняло правительство Екатерины въ польскихъ дѣлахъ, съ цѣлью пріобрѣсти выгоды Россіи, и при томъ противодѣйствіи, которое оказывали ей дворъ вѣнскій и версальскій, было естественно, что Россія очень желала устранить Турцію отъ вмѣшательствъ въ это дѣло, со стороны же противниковъ Россіи были, конечно, прилагаемы всѣ мѣры къ тому, чтобы заинтересовать Турцію въ этихъ дѣлахъ, убѣдить ее, что и ея безопасности угрожаютъ успѣхи и вліяніе Россіи въ Польшѣ; дворы вѣнскій и версальскій — особенно послѣдній, давно уже умѣвшій пользоваться силами Турціи для своихъ цѣлей — такъ же желали вмѣшательства Порты въ русско-польскія отношенія, какъ Екатерина и Панинъ желали устранять Порту отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла европей-

---

[1]) *Сборникъ*, т. LVII, 138, 147—151, 365, 481—484; т. LXVII, 104—105, 187, 262—265; т. XCVII, 378, 488. *Смирновъ*, «Крымское ханство подъ верховенствомъ Порты Оттоманской въ XVIII в.», (мы пользовались отдѣльнымъ оттискомъ этого сочиненія, съ особою пагинаціею; оно напечатано также въ XV т. «Записокъ Императорскаго одесскаго общества исторіи и древностей», Одесса 1889, стр. 152—403). Въ трудѣ В. Д. Смирнова на стр. 77—100 изложены турецкія извѣстія о крымскихъ происшествіяхъ; къ сожалѣнію авторъ не воспользовался томами XLVIII, LI и LVII. Сборника Императорскаго русскаго историческаго общества, хотя они вышли въ 1885—1887 гг., а его изслѣдованіе—въ 1889 г.; между тѣмъ нѣкоторыя свѣдѣнія изъ русской дипломатической переписки были бы очень не лишними въ изложеніи В. Д. Смирнова.

скія; на достиженіе этой цѣли было потрачено въ Петербургѣ много вниманія и много денегъ; Панинъ постоянно сообща съ Обрѣзковымъ изыскивалъ доказательства и объясненія, какими бы можно было успокоить турокъ; постоянно посылалъ онъ ему и деньги и подарки для турецкихъ вельможъ [1]).

Первое время Турція смотрѣла на польскія дѣла съ точки зрѣнія очень благопріятной для Россіи: по старой привычкѣ своей видѣть главнаго своего врага въ Австріи, турецкое правительство косо смотрѣло послѣднее время и на французское, за союзъ его съ Австріей [2]). Конечно, въ Петербургѣ не замедлили воспользоваться такимъ настроеніемъ и Обрѣзкову дано было предписаніе, осторожно и при случаѣ, навести Порту на мысль, что для нея же выгодно всякое такое положеніе дѣлъ, которое вызываетъ разномысліе между Россіей и Австріей, ея главнымъ и стариннымъ врагомъ; что Австрія, между прочимъ, за то и раздражена противъ Россіи, что Россія отказалась отъ союза съ нею, ей нужнаго прежде всего и болѣе всего противъ Порты, и что въ случаѣ, если Турція будетъ очень затруднять дѣйствія Россіи въ Польшѣ, Россіи придется снова обратиться къ союзу съ вѣнскимъ дворомъ, который этому, конечно, очень обрадуется и навѣрно сейчасъ же соединится съ Россіею, а Турцію оставитъ [3]) — эта замѣчательная депеша показываетъ, что уже въ это время (весною 1764 г.) у Панина были мысли, которыя намъ отчасти объясняютъ переходъ Россіи послѣ первой турецкой войны къ союзу съ Австріей, вмѣсто прежняго союза съ Пруссіей. Кромѣ этихъ угрозъ предъ турецкимъ министерствомъ были представлены увѣренія, что Россія не только имѣетъ право, но обязана слѣдить, чтобы въ Польшѣ все происходило по законамъ, съ соблюденіемъ вольности ея гражданъ, что Россія лишь защищаетъ благомыслящую ихъ часть отъ насилій сторонниковъ саксонскаго принца, а что долговременное господство въ Польшѣ саксонскаго дома грозитъ опасностями всѣмъ сосѣдямъ Польши,

---

[1]) *Сборникъ,* т. LI, 22—26, 43, 218 и др.

[2]) *Сборникъ,* т. LI, 140, 141.

[3]) *Сборникъ,* т. LI, 142, 174—178, 320, 434.

въ томъ числѣ и Турціи, потому что такимъ образомъ Польша можетъ обратиться въ государство наслѣдственное, съ сильною центральною властью; указывали еще Портѣ, что стремленіе Россіи и Пруссіи возвести на престолъ польскій пяста выгодно и для Турціи, такъ какъ разрываетъ связь Польши съ вѣнскимъ дворомъ; когда состоялся выборъ въ короли Ст. Понятовскаго, Панинъ предписывалъ Обрѣзкову обратить вниманіе турецкаго правительства и на то, что король англійскій, при открытіи послѣдняго парламента, отозвался объ избраніи Понятовскаго какъ о событіи счастливомъ и утверждающемъ европейскій миръ [1]).

Противъ этихъ внушеній усердно дѣйствовали въ Константинополѣ представители Франціи и Австріи, гр. Верженъ и бар. Пенклеръ, и полковникъ Станкевичъ, спеціальный посланецъ гетмана Браницкаго, главнаго сторонника саксонской партіи въ Польшѣ. Они изображали всѣ поступки Россіи въ Польшѣ какъ исходящіе изъ эгоистическихъ побужденій, изъ стремленія усилить Россію, отрицали, хотя въ этомъ случаѣ они были формально неправы, обязательство Россіи защищать все устройство Польши: такія обязательства Россія съ Польшею имѣла; затѣмъ они распускали слухи, что Екатерина желаетъ возвести Понятовскаго на престолъ для того, чтобы выйдти за него замужъ и такимъ образомъ соединить въ одно два государства къ очевидной опасности Порты. Послѣднія два, совершенно неосновательныя утвержденія, Обрѣзковъ безъ труда опровергъ и этимъ успокоилъ Порту; она отвѣчала, что въ поступкахъ Россіи не видитъ ничего противузаконнаго и совершенно увѣрена въ ея миролюбіи и нежеланіи нарушать права и вольности Польши. Въ іюнѣ 1764 г. противникамъ русской политики въ Константинополѣ удалось было довести до того, что Порта заявила о нежеланіи своемъ допускать избраніе Понятовскаго въ короли; но и на этотъ разъ Обрѣзкову удалось ее успокоить и достигнуть даже того, что Станкевичу оказаны были явныя знаки сильнаго неудовольствія, за то, что онъ говорилъ предъ Портою о рус-

---

[1]) *Сборникъ*, т. LI, 229, 243—255, 318; т. LVII, 221—222.

скихъ намѣреніяхъ совершенно неосновательно, съ явными вымыслами [1]).

Не надо удивляться такимъ быстрымъ перемѣнамъ во взглядахъ турецкаго министерства, его податливости на разныя внушенія. Турція въ то время стояла еще почти совсѣмъ особнякомъ отъ европейскихъ государствъ. Она относилась къ нимъ съ большимъ вообще презрѣніемъ, не держала нигдѣ своихъ постоянныхъ представителей и о взаимныхъ отношеніяхъ европейскихъ государствъ знала только то, что доходило до нея отъ пребывавшихъ въ Константинополѣ дипломатическихъ агентовъ разныхъ дворовъ; очевидно, что такія свѣдѣнія никогда не отличались полнотою; Порта не знала истинныхъ связей европейской политики, знала только, что ее часто обманывали; и искусному дипломату, человѣку, опытному въ сношеніяхъ съ турками и снабженному средствами для подкуповъ—а Обрѣзковъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ былъ въ положеніи очень благопріятномъ—нерѣдко удавалось, дѣйствительно, совершенно переубѣдить турецкое министерство. Но какъ легко въ одномъ случаѣ удавалось перемѣнять настроеніе Порты одному посланнику, столь же легко опять успѣвалъ въ томъ же другой. Весною 1765 г. въ Константинополѣ былъ открытъ заговоръ противъ султана въ пользу его брата; послѣ этого почти все прежнее министерство было перемѣнено, а новое приняло тонъ явно враждебный Россіи; стали поговаривать о возвращеніи въ Крымъ Крымъ-Гирея, заговорили очень раздраженно даже о вмѣшательствѣ Россіи въ шведскія дѣла, тѣмъ болѣе съ неудовольствіемъ смотрѣли на поведеніе ея въ Польшѣ [2]). Панинъ старался указать Обрѣзкову разныя доказательства и разсужденія, какими бы онъ могъ успокаивать турокъ; въ угоду Портѣ прекращена была постройка укрѣпленнаго форпоста на рѣчкѣ Орлѣ, въ Елизаветградской провинціи, когда въ Константинополь дошли слишкомъ преувеличенныя свѣдѣнія объ этой постройкѣ [3]). Но вмѣстѣ съ тѣмъ Панинъ не нашелъ возможнымъ уступать, когда въ это-же самое время Порта почему

---

[1]) *Сборникъ*, т. LI, 317, 359—365, 429—435, 451; т. LVII, 102—104, 153

[2]) *Сборникъ*, т. LVII, 246—257, 271—275, 400—402.

[3]) *Сборникъ*, т. LVII, 344—348, 355—357.

то стала требовать отозванія изъ Константинополя совѣтника посольства П. А. Левашева; изъ русской дипломатической переписки не ясны причины, выставленныя Портою; Панинъ говорилъ, что ему главнымъ основаніемъ представляется нежеланіе турецкаго министерства выдавать Левашеву такъ называемый «таянъ», т. е. содержаніе посланникамъ отъ Порты; Левашевъ остался въ Константинополѣ [1]).

Съ наступленіемъ 1766 г, когда, какъ увидимъ ниже, съ особенною настойчивостью и энергіею началъ Панинъ проводить свое вмѣшательство въ дѣла польскія и когда, послѣ продолжительнаго сопротивленія короля и сейма, вынудилъ у нихъ не только уступки въ дѣлѣ диссидентовъ, но и признаніе русской гарантіи польскаго государственнаго устройства, Панинъ удвоилъ свое вниманіе и къ отношеніямъ турецкимъ. Съ извиненіями онъ отказалъ Обрѣзкову въ отпускѣ, котораго тотъ давно просилъ, и указывалъ ему, что его пребываніе въ Константинополѣ особенно необходимо при наступившихъ трудныхъ дѣлахъ; опять повторялъ онъ ему разные резоны, какими можно было надѣяться успокоить Порту; я буду, писалъ онъ въ мартѣ 1767 г., съ нетерпѣніемъ ожидать, какъ приметъ Порта наши объясненія по поводу конфедераціи, возникшей подъ покровительствомъ Россіи, и продолжающагося пребыванія въ Польшѣ русскихъ войскъ; «спокойной на то зрѣніе Порты Оттоманской» должно было доставить Обрѣзкову особое благоволѣніе императрицы, ея милость, принести ему славу [2]); въ августѣ еще Панинъ поздравлялъ Обрѣзкова съ успѣхомъ его представленій и благодарилъ его; но уже въ декабрѣ извѣстія изъ Турціи стали очень тревожны. Турецкое министерство предъявило Обрѣзкову требованіе, чтобы въ февралѣ слѣдующаго 1768 г. русскія войска были выведены изъ Польши — и Обрѣзковъ далъ, какъ бы отъ имени своего правительства, такое обѣщаніе; трудно сказать съ увѣренностью, чѣмъ онъ руководствовался, такъ поступая — были ли ему въ такомъ видѣ изображаемы наши дѣла въ Польшѣ, что онъ и

---

[1]) *Сборникъ*, т. LVII, 355, 356, 417—418, 474.
[2]) *Сборникъ*, т. LXVII, 190, 272—274, 284, 353—356.

самъ былъ убѣжденъ, что къ февралю войска наши въ Польшѣ не будутъ болѣе нужны, или турецкое требованіе было уже черезчуръ настоятельно, или, наконецъ, онъ надѣялся, что удастся потомъ отклонить всякія послѣдствія такого шага. Панинъ былъ недоволенъ такимъ обѣщаніемъ, и сообщая объ этомъ Репнину, онъ прибавлялъ: «я открою вашему сіятельству по моей къ вамъ безпредѣльной довѣренности, что не время еще доходить намъ съ Портой до разрыва; и такъ, натурально изъ того слѣдуетъ, что надо избѣгать всякой къ тому причины, дабы, освободясь единожды польскихъ хлопотъ, которыя продолженіемъ своимъ могутъ легко родиться, взять на нѣсколько времени покой и, пользуясь онымъ, распорядить исподволь заранѣе мѣры наши на будущіе случаи» [1]). Итакъ, Панинъ отлично видѣлъ возможность вмѣшательства турокъ въ русско-польскія отношенія; онъ задумывался надъ этимъ еще гораздо ранѣе: въ августѣ 1764 г., при первыхъ извѣстіяхъ о неблагопріятной для насъ перемѣнѣ въ настроеніи Турціи, онъ спрашивалъ уже Обрѣзкова, какъ скоро можетъ Турція «привести себя въ наступательное состояніе», куда можетъ послѣдовать первый ударъ ея и замѣтна ли вообще склонность турокъ къ энергическому вмѣшательству въ дѣла [2]). Въ упомянутомъ письмѣ къ Репнину мы видимъ, какъ бы первые намеки на то новое направленіе, по которому Панинъ смѣло пошелъ послѣ первой турецкой войны, когда въ Петербургѣ выдвинуты были на первый планъ уже не польскія, какъ прежде, а турецкія отношенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ, какъ неосновательны указанныя уже нами утвержденія Фридриха, будто бы Турція начала войну совершенно неожиданно, утвержденія, перешедшія съ его словъ и въ нѣкоторыя ученыя изслѣдованія. Обрѣзкову Панинъ писалъ, что вѣроятно будетъ невозможно исполнить данное имъ обѣщаніе, и прибавлялъ, что и нельзя Россіи оказывать въ этомъ случаѣ большой уступчивости и вывести войска раньше, чѣмъ въ нихъ не будетъ никакой нужды, чтобы не показалось, что Россія слишкомъ опасается Турціи. Императрица совершенно спокойно и съ полнымъ довѣріемъ под-

---

[1]) *Сборникъ*, т. LXXXVII, 21.

[2]) *Сборникъ*, т. LI, 472—473, 480—482.

держивала своего министра; она не упрекала его нимало за обостреніе отношеній къ Турціи, какъ не упрекала его и впослѣдствіи, при началѣ уже войны, когда въ обществѣ его многіе винили [1]). Въ 1768 г. она писала ему однажды: «съ помощію Божіей сей разъ туча мимо пройдетъ, лишь бы вы скорѣе отправили письмо ваше къ визирю; пожалуй, не мѣшкайте; если же вы нужно находите взять еще въ украйнѣ какія ни есть мѣры, показующія хорошій контенансъ, то о томъ поговорите со мной при первомъ свиданіи; но мнѣ кажется, два корпуса гр. Румянцева достаточны къ тому». Въ депешѣ Репнину вскорѣ послѣ этой записки Панинъ повторяетъ, что конечно, желательно было бы избѣжать вмѣшательства Порты, но прямо говоритъ, однако, что предполагая даже самое худшее въ этомъ отношеніи, мы изъ-за этого все-таки не остановимся, но будемъ продолжать свою политику въ Польшѣ, пока не утвердимъ тамъ своихъ успѣховъ [2]).

Но въ то время, когда писаны были эти письма, обстоятельства такъ осложнились, что уже не оставалось надежды на благополучный исходъ. Въ Барѣ, на самой почти границѣ Турціи, возникла враждебная Россіи конфедерація; при борьбѣ съ нею было почти невозможно избѣжать, чтобы не коснуться турецкой территоріи [3]). Чѣмъ болѣе приближалась возможность столкновенія, тѣмъ болѣе усиливали свои происки въ Константинополѣ французскій и австрійскій представители. Въ іюлѣ 1768 г. отрядъ гайдамаковъ сжегъ турецкое селеніе Балту; изъ Петербурга было сдѣлано все, чтобы успокоить Порту; Панинъ написалъ очень любезное письмо къ великому визирю, разъясняя, что отрядъ гайдамаковъ дѣйствовалъ совершенно безъ вѣдома русскихъ начальниковъ, увѣрялъ въ миролюбіи Россіи и готовности ея дать удовлетвореніе Портѣ. Но одновременно онъ писалъ Обрѣзкову о твердой рѣшимости императрицы предпочесть «крайность войны» какимъ-бы то ни было уступкамъ въ дѣлѣ диссидентовъ и гарантіи [4]). На этотъ разъ всѣ

---

[1]) *Сборникъ*, т. XXXVII, 184.
[2]) *Сборникъ*, т. LXXXVII, 27—28, 60-67, 73.
[3]) *Сборникъ*, т. LXXXVII, 81, 83, 92, 93.
[4]) *Сборникъ*, т. LXXXVII, 138—147.

усилія Панина пропали даромъ: 23 сентября (ст. ст.) Обрѣзковъ былъ приглашенъ къ визирю и, послѣ отказа его согласиться на предъявленныя ему требованія, согласиться на которыя, конечно, не могъ представитель Россіи, онъ былъ заключенъ въ Семибашенный замокъ. Это было полнымъ разрывомъ мирныхъ отношеній и началомъ войны.

На этомъ мы и остановимъ пока наше изложеніе отношеній Россіи и Турціи; войну и мирные переговоры разсмотримъ мы далѣе особо. Мы видимъ, что съ 1766 г. отношенія наши къ Турціи совершенно слились съ нашими польскими дѣлами. Отношенія къ Польшѣ составляли важнѣйшую часть русской внѣшней политики въ теченіе первыхъ 10—12 лѣтъ царствованія Екатерины; къ изученію ихъ мы теперь и обратимся.

Глава четвертая.

Политика Россіи въ Польшѣ предъ первымъ раздѣломъ.

I.

23-го января 1762 г. канцлеръ гр. М. В. Воронцовъ въ докладѣ своемъ императору Петру Ѳеодоровичу о политическомъ положеніи Европы вообще и объ отношеніяхъ Россіи къ другимъ государствамъ писалъ о Польшѣ: «Польша, будучи погружена во внутреннихъ раздорахъ и безпорядкахъ, упражняется всегда оными, и пока сохранитъ она конституцію свою, то и не заслуживаетъ почитаема быть въ числѣ европейскихъ державъ. По причинѣ нынѣ пребыванія и частыхъ проходовъ россійскихъ войскъ, происходили нерѣдко великіе крики, но скоро умолкли опять» [1]). Такимъ образомъ въ глазахъ канцлера графа Воронцова отношенія польскія не имѣли особаго значенія; онъ не обнаружилъ ни малѣйшей склонности обратить на эти отношенія сколько-нибудь исключительное вниманіе и ими воспользоваться въ интересахъ Россіи. Новое правительство Екатерины, напротивъ, поставило эти отношенія на первый планъ, обратило на нихъ особенное вниманіе и достигло въ Польшѣ очень важныхъ результатовъ. Именно на почвѣ этихъ дѣлъ и достигнуто было то приращеніе матеріальнаго могущества Россіи, какое имѣли всегда въ виду Екатерина и Панинъ.

Первыя сношенія новаго русскаго правительства съ Польшею вращались около дѣлъ курляндскихъ; мы видѣли уже выше, какъ энергическимъ образомъ дѣйствій, блестящимъ фор-

---

[1]) *Архивъ князя Воронцова*, VII, 540.

мулированіемъ въ дипломатической перепискѣ своихъ взглядовъ и основаній, русское правительство достигло въ курляндскомъ дѣлѣ полнаго успѣха;—возстановивъ тамъ герцогомъ Э. І. Бирона, оно фактически вполнѣ подчинило Курляндію русскому вліянію. Отношенія, касавшіяся непосредственно Россіи и Польши, получили большій интересъ послѣ того, какъ въ Варшаву прибылъ (въ концѣ 1762 г., назначенъ онъ былъ на это мѣсто 8-го августа) русскій посолъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Германъ Карлъ Кейзерлингъ, старый опытный дипломатъ, пользовавшійся большимъ вліяніемъ въ петербургскихъ правящихъ сферахъ; онъ замѣнилъ генерала Воейкова, который командовалъ русскими войсками, находившимися въ Польшѣ во время Семилѣтней войны, и въ царствованіе Петра Ѳеодоровича временно завѣдывалъ и дипломатическими дѣлами. Въ инструкціи, данной Кейзерлингу, ему поручено было: покончить курляндскія дѣла согласно съ видами русскаго правительства, добиться признанія Польшею императорскаго титула русскихъ государей, сдѣлать сильнѣйшія представленія въ пользу православныхъ подданныхъ польскихъ, которые, вопреки не только вѣчному миру съ Польшею 1687 г., но и въ противность собственнымъ польскимъ правамъ и конституціямъ, подвергались разнымъ преслѣдованіямъ и обидамъ, упорядочить пограничныя отношенія, такъ «чтобы, наконецъ, пограничные жители, подданные каждой стороны, знали, что кому и куда принадлежитъ», добиться возвращенія русскихъ бѣглыхъ и устранить разныя притѣсненія, какія приходилось терпѣть русскимъ людямъ, когда они имѣли дѣла въ польскихъ судебныхъ и присутственныхъ мѣстахъ. Была указана Кейзерлингу еще задача—подготовить въ Польшѣ русскую партію; въ царствованіи Елизаветы Петровны, благодаря связямъ Россіи съ саксонскимъ домомъ, собственно русская партія была оставлена почти безъ вниманія и ослабѣла, теперь Кейзерлингу поручено было «склонность и преданность доброжелательныхъ къ нашему двору польскихъ вельможъ сколь возможно питать; а потому старыхъ (то-есть прежнихъ) доброжелательныхъ, изъ которыхъ прежде главные бывали князья Чарторижскіе съ ихъ фамиліею, также и другихъ, обнадеживать императорскою на-

шею милостію и благоволеніемъ»; при этомъ, въ виду преклоннаго возраста и слабаго здоровья короля Августа III, Кейзерлингъ долженъ былъ «тамошнихъ магнатовъ, особливо-же доброжелательныхъ нашему двору, въ разговорахъ искуснымъ образомъ зондировать, кто-бы по ихъ мнѣнію преемникомъ быть могъ польской короны, въ случаѣ кончины нынѣшняго короля» [1]). Вотъ всѣ инструкціи, данныя Кейзерлингу. Онѣ очень умѣренны. Русское правительство еще не предъявляло въ Польшѣ никакихъ особенныхъ притязаній; оно имѣло въ виду дѣйствовать на польское правительство тѣми-же путями, какихъ держалась Россія въ Польшѣ давно; оно выдвигало вопросъ о диссидентахъ, имѣвшій религіозную подкладку, и вопросъ о пограничныхъ неурядицахъ и о притѣсненіяхъ русскихъ подданныхъ въ Польшѣ, но и только; въ этой инструкціи Кейзерлингу нѣтъ еще и намека на тѣ настойчивыя, почти нескрываемыя и во всякомъ случаѣ совершенно несомнѣнныя притязанія получить сильное вліяніе на всѣ внутреннія дѣла Польши, притязанія, которыя впослѣдствіи были осуществляемы съ такимъ постоянствомъ, съ такою энергіею и смѣлостью. Но довольно скоро оказалось возможнымъ для русскихъ дѣятелей болѣе рѣшительно и смѣло идти къ своей цѣли...

Въ августѣ Екатерина приказала русскому резиденту въ Варшавѣ Ржичевскому разорвать, во что-бы то ни стало, происходившій въ то время сеймъ, чтобы онъ не принялъ нежелательныхъ для Россіи рѣшеній по курляндскому дѣлу; Ржичевскій издержалъ 1507 червонцевъ и сеймъ былъ разорванъ на третьемъ засѣданіи [2]). Курляндское дѣло успѣшно шло къ развязкѣ, желательной въ Петербургѣ; польское правительство не приняло въ этомъ спорѣ ни одной сколько-нибудь энергичной мѣры. Притѣсненія православныхъ продолжались, если только не усилились; во всякомъ случаѣ, при вниманіи къ этому вопросу не трудно было найдти нѣсколько фактовъ, доказывавшихъ, что православнымъ въ Польшѣ жилось тяжело. Такъ могилевскій плебанъ Михаилъ Зеновичъ съ согласія одного

---

[1]) *Сборникъ Императорскаго русскаго историческаго общества*, т. XLVIII, 59—66; т. LXVII, 19, 80.

[2]) *Сборникъ*, т. XLVIII, 99, 149, 488, *Raumer*, Polens Untergang, 15.

епископа напечаталъ и распространилъ одинъ старинный, 1619 года, декретъ короля Сигизмунда III, которымъ предписано было всѣ православныя церкви обратить въ унію; хотя этотъ декретъ короля и не имѣлъ законной силы, какъ изданный безъ соблюденія всѣхъ обязательныхъ формъ и хотя многочисленными позднѣйшими конституціями королей и сеймовъ признано было въ Польшѣ существованіе православныхъ церквей, тѣмъ не менѣе требованіе Зеновича, чтобы въ силу королевскаго декрета всѣ православныя церкви обращаемы были въ унію, произвело въ нѣкоторыхъ мѣстахъ чрезвычайное смущеніе и безпокойство. Затѣмъ этотъ же Зеновичъ подалъ въ литовскій трибуналъ обвиненіе православнаго епископа Георгія Конисскаго въ разбоѣ, за то, что онъ, будто бы, силою не допускаетъ въ Могилевъ католическихъ проповѣдниковъ и принуждаетъ католиковъ къ переходу въ православіе; Георгій Конисскій приносилъ въ Петербургъ и Москву много и другихъ жалобъ на разныя новыя притѣсненія и обиды православнымъ [1]). Пограничныя отношенія со стороны Польши не были упорядочены; напротивъ, русское правительство получало отъ своихъ подданныхъ все новыя и новыя жалобы и даже узнало, что кн. Михаилъ Чарторижскій, занимавшій мѣсто литовскаго канцлера, самъ предписывалъ пограничнымъ властямъ не обращать вниманія на русскія требованія, хотя бы и законныя, основанныя на договорахъ [2]). Это извѣстіе идетъ, правда, съ русской стороны; но этотъ же канцлеръ литовскій старался затруднить и урегулированіе границъ съ Пруссіей,—Фридрихъ отвѣтилъ на это энергично: онъ началъ захватывать то тотъ, то другой участокъ по границѣ и на жалобы противъ очевидной несправедливости отвѣчалъ, что всѣ подобные споры будутъ рѣшены при урегулированіи границъ [3]). Наконецъ, и со стороны Россіи принято было подобное же крайнее рѣшеніе: 12-го августа 1763 г. въ Сенатѣ, послѣ неоднократныхъ обсужденій этого вопроса, рѣшено было отправить въ польскіе предѣлы военныя команды, чтобы онѣ

---

[1]) *Сборникъ*, т. XLVIII, 150, 271, 317, 377, 579 и др.

[2]) *Сборникъ*, т. XLVIII, 373, 470, 570 и др.

[3]) *Herrmann*, Geschichte des russischen Staates, V, 384,

силою захватили и вывели какъ можно болѣе русскихъ бѣглыхъ,—впрочемъ, эта мѣра не была приведена въ исполненіе, по личному желанію императрицы, которая не захотѣла давать повода къ жалобамъ со стороны Польши, гдѣ какъ разъ въ это время начиналась агитація по поводу избранія короля [1]).

Такимъ образомъ, въ поводахъ для вмѣшательства Россіи въ дѣла Польши недостатка не было; образованіе партіи изъ лицъ, готовыхъ дѣйствовать согласно съ видами Россіи, пошло быстрѣе и легче, чѣмъ, повидимому, ожидали: очень многіе польскіе вельможи немедленно же проявили готовность войдти въ сношенія съ русскимъ правительствомъ, испрашивая себѣ только ордена или чаще деньги; Екатерина совѣтовала Кейзерлингу сколько возможно сближаться съ Чарторижскими. Въ это именно время ей представлено было перлюстрованное письмо отъ маркиза Польми, французскаго посла въ Варшавѣ, къ барону Бретейлю, послу Франціи въ Петербургѣ; въ письмѣ сообщались самыя неблагопріятныя свѣдѣнія о поведеніи Чарторижскихъ. Польми пишетъ, что слышалъ собственными ушами, какъ Чарторижскіе требовали особенныхъ милостей и огромныхъ пожалованій тремъ лицамъ изъ своихъ сторонниковъ и заявили, что если ихъ удовлетворятъ, то они станутъ лучшими друзьями правительства, а если нѣтъ, то послѣдствія будутъ ужасны для короля Августа и его ближайшаго министра графа Брюля; конечно, съ полнымъ правомъ Польми называетъ постыднымъ со стороны Чарторижскихъ, что теперь, не успѣвши въ своемъ требованіи, они стали добиваться, чтобы было признано незаконнымъ рѣшеніе, въ силу котораго графъ Брюль получилъ нѣкоторыя привилегіи польскаго дворянства, хотя они сами же и провели это постановленіе 13 лѣтъ тому назадъ. Польми указываетъ, что Чарторижскіе слишкомъ громко трубятъ повсюду о покровительствѣ имъ со стороны императрицы и вмѣстѣ съ тѣмъ, по общему мнѣнію, они покупаютъ у русскихъ для себя возможность получить особенное вліяніе въ своемъ отечествѣ цѣною какихъ-нибудь значительныхъ и важныхъ уступокъ; по его словамъ, Чарторижскіе своимъ

[1]) Полн. Собр. Законовъ, № 11,894; *Дубровинъ*, Пугачевъ и его сообщники, I 350—351.

плохо сдерживаемымъ честолюбіемъ наносятъ ущербъ себѣ и своимъ покровителямъ [1]). Сообщая Бретейлю эти невыгодныя для Чарторижскихъ свѣдѣнія, Польми, конечно, имѣлъ основаніе надѣяться, что его сообщенія помогутъ Бретейлю разъяснить въ Петербургѣ истинное положеніе дѣлъ въ Польшѣ и отклонить русское правительство отъ связей съ Чарторижскими; но въ послѣднемъ онъ ошибся. Императрица и Панинъ читали его письма, узнали — если только это не было уже извѣстно имъ ранѣе—жесткую правду о поведеніи Чарторижскихъ—и ничуть не измѣнили своего образа дѣйствій относительно нихъ. Объясняется это тѣмъ, что въ Петербургѣ вовсе и не увлекались Чарторижскими, вовсе и не обманывались на ихъ счетъ; въ дальнѣйшемъ изложеніи мы встрѣтимъ не разъ положительнѣйшія доказательства этого. Съ ними сближались какъ съ наиболѣе сильною и вліятельною партіею [2]); старались получить ихъ согласіе содѣйствовать видамъ Россіи въ ихъ отечествѣ, но единственно изъ желанія черезъ нихъ имѣть возможно большее вліяніе въ дѣлахъ Польши. Только тѣмъ, что въ Петербургѣ нимало не обманывались на счетъ Чарторижскихъ, и объясняются многократные разрывы и новыя сближенія съ ними; никакое, самое слѣпое увлеченіе, са-

---

[1]) *Сборникъ*, т. XLVIII, 178—184.

[2]) Старшими представителями фамиліи Чарторижскихъ были князья Михаилъ, великій канцлеръ литовскій, и Августъ, воевода русскій; вмѣстѣ со своими приверженцами они носили спеціальное названіе «фамиліи»; они могли разсчитывать приблизительно на четвертую часть мелкаго дворянства Польши. Князь Августъ былъ однимъ изъ богатѣйшихъ людей Польши; благодаря своимъ замѣчательнымъ хозяйственнымъ способностямъ онъ не разорялся, какъ большинство польскихъ вельможъ, а богатѣлъ; въ 1795 году въ областяхъ, отошедшихъ къ Россіи, у сына князя Августа, кн. Адама, было болѣе 43.000 душъ крестьянъ—*Русскій Архивъ*, 1873, 2315. Но бережливый вообще, онъ умѣлъ быть щедрымъ, когда это представлялось необходимымъ. Князь Михаилъ былъ однимъ изъ лучшихъ знатоковъ всѣхъ тонкостей польскаго государственнаго устройства и всей путаницы польскихъ законовъ; онъ обладалъ обширною памятью, живымъ умомъ, энергіею и чрезвычайною способностью привлекать сердца поляковъ; говорили, что онъ зналъ въ лицо и по именамъ до 100.000 польскихъ дворянъ—см. *Beer*, Die erste Theilung Polens, I, 114—115. Въ Петербургѣ даже и въ тѣ моменты когда съ Чарторижскими были явно не въ ладахъ, признавали ихъ за людей, изъ всѣхъ поляковъ наиболѣе способныхъ руководить дѣлами — *Сборникъ*, т. LXVII, 258; т. LXXXVII, 206, 222, 375 и др.

мое полное довѣріе не вынесло бы столькихъ разрывовъ, сколько происходило у петербургскаго правительства съ Чарторижскими, столькихъ доказательствъ неискренности ихъ, сколько имѣлось въ Петербургѣ. Но довѣрія къ Чарторижскимъ, тѣмъ болѣе увлеченія, ими никогда въ Петербургѣ и не было [1]). Не разъ изъ Петербурга предписывали посламъ придерживаться Чарторижскихъ, какъ самыхъ опытныхъ и умныхъ между поляками, и въ то же время требовали, чтобы послы составляли свою, независимую отъ нихъ партію. Чарторижскими пользовались, какъ удобнымъ орудіемъ для дѣйствій въ Польшѣ. Когда это орудіе отказывалось служить—его бросали; какъ только снова видѣли готовность ихъ содѣйствовать видамъ русской политики — ихъ снова брали. Въ Петербургѣ постоянно была одна главная цѣль—усиленіе русскаго вліянія въ Польшѣ; условія, на которыхъ соглашались служить этой цѣли Чарторижскіе, уступки, какія иногда приходилось дѣлать въ ихъ пользу—все это имѣло второстепенное значеніе и оцѣнивалось только по сравненію съ главною цѣлью. Къ достиженію ея русское правительство и шло, сначала осторожно и медленно, затѣмъ все смѣлѣе и смѣлѣе.

Польскіе магнаты, принимавшіе русскую поддержку, очень торопились; они желали какъ можно скорѣе дѣйствій со стороны Россіи; они желали и надѣялись ея средствами усилиться, получить для своихъ сторонниковъ важнѣйшія должности, богатыя староства; они готовы были на сверженіе умиравшаго короля. Неоднократно передавалъ Кейзерлингъ въ Петербургъ промеморіи Чарторижскихъ, составленныя въ этомъ духѣ. Уже въ началѣ декабря 1762 г. Чарторижскіе просили активной поддержки, обѣщая устроить сильную конфедерацію. Екатерина потребовала болѣе точныхъ указаній на цѣль конфедераціи и наименованія ея предводителей, а также и опредѣле-

---

[1]) Сольмсъ писалъ однажды (въ ноябрѣ 1768 года), что Панинъ ему сказалъ, что Чарторижскіе никогда не были двуличными и никогда не обѣщали того, чего не намѣревались исполнить — *Сборникъ*, т. XXXVII, 177. Но если Панинъ и сдѣлалъ такое заявленіе, то оно стоитъ въ полнѣйшемъ противорѣчіи съ тѣмъ, что многократно читаемъ мы въ его депешахъ, и объясняется, конечно, затрудненіями и безпокойствами, въ какихъ онъ находился въ моментъ начала турецкой войны.

нія необходимыхъ для ея поддержки средствъ. Въ началѣ февраля 1763 г. Чарторижскіе объявили, что конфедерація будетъ направлена противъ злоупотребленій правительства, а не противъ короля лично, что ея начальниками будутъ люди, вполнѣ пользующіеся довѣріемъ императрицы, и что Россія должна дать не менѣе 50.000 червонцевъ; кромѣ того Чарторижскіе просили, чтобы вблизи польскихъ границъ заготовлено было оружіе на корпусъ тысячъ въ пять-шесть и чтобы до 500 человѣкъ русскихъ гусаръ и артиллеристовъ были немедленно отданы въ ихъ, Чарторижскихъ, распоряженіе [1]). Въ началѣ марта они повторили свою просьбу о присылкѣ 50.000 червонцевъ, просили также ускорить заготовку въ Кіевѣ и Смоленскѣ оружія; они сообщали, что есть планъ заключить ихъ въ Кенигштейнъ (государственную тюрьму въ Саксоніи), а это, по ихъ словамъ, угрожало полнымъ разстройствомъ русской партіи въ Польшѣ и прежде всего неблагопріятнымъ исходомъ курляндскихъ дѣлъ. Какъ выгоды для Россіи отъ содѣйствія ея ихъ видамъ Чарторижскіе обѣщали благопріятный исходъ курляндскаго дѣла, признаніе императорскаго титула русской государыни и водвореніе согласія между Россіей и Польшей. Соловьевъ возмущается [2]) и смѣлостью Чарторижскихъ представлять такія притязанія и ограничиваться такими обѣщаніями, и рѣшимостью Кейзерлинга принять и переслать въ Петербургъ такія промеморіи. Но удивляться нечего; въ Петербургѣ нимало и не думали подаваться на эти просьбы, поскольку онѣ выходили за предѣлы, поставленные себѣ пока петербургскимъ кабинетомъ; просьбы эти принимались, потому что трудно было отклонить ихъ представленіе, желая сохранить согласіе съ партіею Чарторижскихъ; но исполнять ихъ и не думали. Русское правительство имѣло свою цѣль, даже, въ общихъ чертахъ, свой планъ, и ждало времени, когда удобно будетъ ихъ объявить. Въ отвѣтъ на просьбы и тревожныя сообщенія Чарторижскихъ императрица предписывала Кейзерлингу по возможности поддерживать всякія домо-

---

[1]) Изложеніе промеморій Чарторижскихъ у *Соловьева*, Исторія Россіи, кн. Ѵ, 1421—1422.

[2]) *Соловьевъ*, книга Ѵ, 1423.

гательства членовъ русской партіи передъ польскимъ правительствомъ, оружіе заготовить обѣщала, но отдать русскихъ солдатъ въ распоряженіе конфедераціи находила невозможнымъ, замѣчала, что необходимо, чтобы вообще наши друзья дѣйствовали соотвѣтственно только нашимъ намѣреніямъ и кстати; на сообщеніе Чарторижскихъ, что имъ грозитъ Кенигштейнъ, предписывала отвѣчать, что населитъ Сибирь тѣми, которые осмѣлятся тронуть ея друзей, и спуститъ на Польшу гайдамаковъ. Чарторижскіе вскорѣ, въ апрѣлѣ 1763 г., дали требуемое отъ нихъ обѣщаніе «удержать свое нетерпѣніе пользоваться возстановленіемъ порядка и благополучія ихъ отечества»; но снова указывали на опасность, грозящую лично имъ, а слѣдовательно и русской партіи, и заводили снова рѣчь о низложеніи короля. Панинъ написалъ по этому поводу въ докладѣ своемъ, руководясь которымъ Екатерина и отвѣчала Кейзерлингу, что если благоразумная политика требуетъ, чтобы новый король польскій былъ выбранъ подъ вліяніемъ Россіи, то она же запрещаетъ перемѣнять королей, потому что тѣ, которые извлекутъ изъ такой перемѣны наибольшія для себя выгоды, осуждаемы не будутъ, «а вся злоба, ненависть, досада и осторожность всѣхъ державъ на насъ однихъ обратятся» [1]); Панинъ считалъ поэтому достаточнымъ только давать деньги. Въ маѣ 1763 г. Чарторижскіе доказывали русскому послу, что для нихъ примиреніе съ дворомъ невозможно безъ явнаго позора для себя и безъ утраты русскою партіею всего своего вліянія въ Польшѣ; они снова настаивали на необходимости начать рѣшительныя дѣйствія, немедленно ввести русскія войска въ Польшу и образовать конфедераціи по всему королевству; теперь они просили уже не 50.000 червонцевъ, а 200.000. Но Кейзерлингъ со своей стороны писалъ въ Петербургъ, что такое поспѣшное образованіе конфедераціи вовсе не необходимо, что возможно устроить съ королемъ полюбовное соглашеніе и получить для приверженцевъ Россіи нѣкоторыя высшія

---

[1]) Вотъ соображенія, какими руководствовался Панинъ; между тѣмъ Сольмсъ, донося въ Берлинъ о его рѣшеніи, толковалъ его дѣйствія какъ уступку въ пользу польскаго двора, на которую склонилъ императрицу Бестужевъ подъ вліяніемъ Мерси—*Сборникъ*, т. XXII, 111.

должности [1]); въ Петербургѣ также находили, что нѣтъ надобности прибѣгать къ такому крайнему средству, какъ конфедерація, тѣмъ болѣе, что открывшись при жизни короля она могла затянуться на слишкомъ долгое время и потребовать слишкомъ большихъ денежныхъ затратъ со стороны Россіи; въ одномъ изъ писемъ къ Кейзерлингу Екатерина высказываетъ даже мысль, что тотъ «деспотизмъ», на который часто жаловались Чарторижскіе, есть вовсе не твердость власти, развитіе которой въ Польшѣ было-бы опасно для сосѣднихъ державъ, а та же самая анархія, обусловливаемая всѣмъ польскимъ государственнымъ устройствамъ и для сосѣдей Польши скорѣе полезная, чѣмъ опасная; поэтому императрица вполнѣ раздѣляла взглядъ, что для Россіи нѣтъ никакихъ основаній начинать энергически дѣйствовать въ Польшѣ. И этотъ отказъ исполнить настоятельныя просьбы Чарторижскихъ получаетъ тѣмъ больше значенія въ нашихъ глазахъ, что тогда въ Польшѣ уже находился отрядъ русскихъ войскъ [2]), введенный подъ предлогомъ замѣны другихъ отрядовъ, охранявшихъ русскіе магазины, оставшіеся еще послѣ Семилѣтней войны; этихъ войскъ было совершенно достаточно для того, чтобы обезпечить возникновеніе конфедераціи; но въ Петербургѣ понимали, «что наши друзья въ Польшѣ, имѣя свой собственный интересъ и свои виды, желаютъ скорѣйшихъ дѣйствій», но думали, что «намъ особливо должно остеречься въ томъ, что можетъ быть разнаго между нашими и ихъ намѣреніями. Мы терминомъ польскихъ дѣлъ опредѣляемъ кончину королевскую» [3]), — такимъ образомъ, ясно, что независимо отъ того, удобный или не удобный планъ дѣйствій былъ составленъ въ Петербургѣ, тамъ очень хорошо отличали свои, русскіе интересы, отъ всѣхъ другихъ какіе стремились связать съ русскими партія Чарто-

---

[1]) Такъ изложена депеша Кейзерлинга отъ 12 (23) мая 1763 г. въ *Сборникѣ*, т. XLVIII, 546; поэтому мы не знаемъ, на чемъ основываясь, Соловьевъ говоритъ, что Кейзерлингъ «прямо былъ за конфедерацію, ими (Чарторижскими) предлагаемую»—Исторія Россіи, кн. V, 1423; въ Сборникѣ, по крайней мѣрѣ, не указано нигдѣ ранѣе подобныхъ предложеній Кейзерлинга.

[2]) *Askenazy,* Die letzte polnische Königswahl, 14, прим. 1.

[3]) *Сборникъ*, т. XLVIII, 247 — 249, 348, 407 — 415, 546, 549, 562, 563, 592, 595, 617, 622 и др.

[illegible] хорошо понимали, что только при избраніи [illegible] представится возможность достигнуть серьезныхъ [illegible] Россіи. Уклоняясь по такимъ соображеніямъ отъ [illegible] дѣйствій, на необходимости которыхъ настаи-[illegible]скіе, Панинъ въ объясненіе дѣйствій Россіи съ [illegible] своимъ искусствомъ указывалъ такія основанія, ко-[illegible] дѣйствительно, можно было руководиться и возражать [illegible] которыхъ было очень трудно, но которыми на самомъ [illegible] ни мало не руководился; въ письмахъ своихъ [illegible] повторяя указанныя Панинымъ соображенія, [illegible] поручала послу внушать благорасположеннымъ къ [illegible] полякамъ, что для нихъ несравненно выгоднѣе прими-[illegible] съ дворомъ не прибѣгая къ конфедераціи, чтобы боль-[illegible] націи видѣло, что «они подъ покровительствомъ на-[illegible] находились въ силахъ начать конфедерацію, слѣдова-[illegible] гражданскую брань, но что они избытку силъ пред-[illegible] общій покой и благосостояніе отечества»; это должно [illegible], по словамъ Екатерины, «доставить имъ любовь націи», [illegible] сила русской партіи и покровительство ей Россіи должны [illegible] «пріобрѣсти ей довѣріе и почтеніе»; такимъ образомъ подготовлялась вѣроятность избранія въ короли кого-нибудь изъ русской партіи, а чрезъ это благонамѣренные, — то есть преданные Россіи — поляки получили бы возможность исправить впослѣдствіи недостатки, внѣдрившіеся въ государственномъ устройствѣ ихъ отечества.

Но въ то время, когда русской партіи въ Польшѣ совѣтовали только благоразуміе и умѣренность, въ Петербургѣ было уже рѣшено относительно польскихъ дѣлъ довольно многое. Въ самомъ началѣ февраля 1763 г. въ Петербургѣ получены были очень тревожныя извѣстія о состояніи здоровья Августа III польскаго (свѣдѣнія эти впослѣдствіи оказались сильно преувеличенными); 3-го февраля собрана была при дворѣ особая конференція, на которой по Высочайшему повелѣнію присутствовали: канцлеръ гр. М. И. Воронцовъ, вице-канцлеръ кн. А. М. Голицынъ, Н. И. Панинъ, гр. А. П. Бестужевъ-Рюминъ и кн. М. Н. Волконскій. Выслушавши обзоръ дѣйствій Россіи въ Польшѣ въ 1733 г., предъ избраніемъ Августа III,

конференція обсуждала вопросъ: «полезнѣе ли для здѣшнихъ интересовъ къ тому (т. е. на польскій престолъ) избрать изъ чужестранныхъ принцевъ или пястовъ» т. е. изъ польской аристократіи? Изъ чужестранныхъ принцевъ не нашли удобнаго человѣка, поэтому рѣшено было избрать изъ пястовъ. Въ конференціи же составлены были рескрипты по этому дѣлу въ Варшаву, Парижъ, Вѣну, Лондонъ, Лейпцигъ (къ посланнику при королѣ прусскомъ) и Константинополь, указы въ Сенатъ, чтобы имѣлась въ наличности сумма до милліона рублей, необходимая для польскихъ дѣлъ, и въ Военную Коллегію, чтобъ приготовлено было до 30.000 войска. Во всѣхъ рескриптахъ, кромѣ рескрипта въ Варшаву, повторено то же самое утвержденіе, что «выборъ нашъ не рѣшенъ» и что мы намѣрены предоставить въ немъ полную свободу полякамъ, лишь бы не было и никакого другаго давленія; нѣсколько обширнѣе рескриптъ къ кн. Долгорукову, посланнику нашему при королѣ Прусскомъ; тутъ высказана мысль, что если избраніе короля польскаго должно будетъ произойдти ранѣе, чѣмъ Фридрихъ закончитъ свои мирные переговоры съ Австріей, то, конечно, онъ не въ состояніи будетъ принять въ немъ сколько-нибудь значительное участіе, если же послѣ, то интересы прусскаго короля привлекутъ, конечно, къ этому избранію все его вниманіе; впрочемъ, по мнѣнію конференціи, для Россіи и Пруссіи въ этомъ случаѣ не трудно согласовать свои интересы. Кейзерлингу въ Варшаву въ одномъ рескриптѣ сообщены были соображенія, въ силу которыхъ не признано было удобнымъ избраніе иностраннаго принца и затребовано было его мнѣніе о выборѣ пяста вообще; въ другомъ же, подписанномъ одновременно со всѣми прочими — 8-го февраля 1763 г. — императрица собственноручно вписала въ оставленное пустымъ мѣсто: «мы со своей стороны назначиваемъ быть выбраннымъ въ короли стольника литовскаго гр. Понятовскаго или кн. Адама Чарторижскаго» [1]). Это былъ вопросъ, рѣшенный еще, повидимому, на конференціи 3-го февраля, потому что въ частномъ письмѣ еще отъ 4 февраля Екатерина

---

[1]) Напечатанное разрядкою вписано императрицей собственноручно.

сообщала объ этомъ рѣшеніи Кейзерлингу [1]); это письмо и есть, сколько намъ извѣстно, первое заявленіе въ дипломатической перепискѣ русскаго правительства, что кандидатомъ на польскій престолъ со стороны Россіи является графъ Станиславъ Августъ Понятовскій [2]). И съ того момента, когда русское правительство поставило себѣ цѣлью дать въ Польшѣ короля по своему выбору и рѣшенію — русско-польскія отношенія получили величайшую важность для обоихъ государствъ. Многіе современники думали, что Екатерина желаетъ доставить Понятовскому польскую корону въ силу прежнихъ близкихъ отношеній, въ какихъ стояла она къ нему, еще будучи великой княгиней; такъ думалъ и самъ Понятовскій, такъ думали министры Людовика XV и австрійскій представитель въ Петербургѣ [3]); до послѣдняго еще времени держатся такого взгляда нѣкоторые изслѣдователи, излишне склонные искать объясненій государственнымъ событіямъ въ чисто личныхъ, особенно въ самыхъ интимныхъ, отношеніяхъ [4]). Но на самомъ дѣлѣ императрица Екатерина руководилась совершенно

---

[1]) *Сборникъ,* т. XLVIII, 298—313, особ. 300.

[2]) Впрочемъ, уже въ письмѣ Екатерины къ Понятовскому отъ 2-го августа н. ст. 1762 г., которое въ Россіи неиздано еще, но которое напечатано въ изданіи «Mémoires secrets et inédits de Stanislas Auguste, comte Poniatowski dernier roi de Pologne», Leipzig, 1862, 22—23, читаемъ: «J'envoie incessemment le comte Keyzerling ambassadeur en Pologne, pour vous fair roi, apres le désir de celui ci, et en cas, qu'il ne puisse réussir pour vous, que ce soit pour le prince Adam».

[3]) «Mémoires secrets et inédits de St.-Aug. Poniatowski», 37—48; *Сборникъ*, т. XLVI, 87, 136; 2-го февр. н. ст. 1763 г. англійскій представитель писалъ изъ Варшавы, что тамъ ожидаютъ избранія въ короли Ст. Понятовскаго или Ад. Чарторижскаго; въ декабрѣ того же года изъ Вѣны англійскій посолъ намекалъ, что Екатерина предпочтетъ Понятовскаго, подъ вліяніемъ своего» романтическаго ума» — *Raumer*, Beiträge zur neueren Geschichte, III, 315, 339. Букингамъ доносилъ изъ Петербурга осенью 1762 г., что немедленно по вступленіи на престолъ Екатерина отправила къ Понятовскому курьера, чтобы отклонить его прибытіе въ Петербургъ.—*Сборникъ,* т. XII, 40—и это было вѣрно.

[4]) Напр., *Смитъ*, Суворовъ и паденіе Польши, т. II, 76, говоритъ: Екатерина рѣшила «возвести на польскій престолъ такого короля, въ преданности [...]агодарности котораго она могла бы быть увѣрена. Она исполнила это и [...]славъ Понятовскій сдѣлался королемъ»; странно, что такого же мнѣнія [...]живается *Askenazy*, Die letezte polnische Königswahl, 4,—вообще здраво [...]щій на многіе спорные, или лучше сказать критически не изученные, [...]сы русско-польскихъ отношеній при Екатеринѣ.

иными соображеніями. Не только свидѣтельствуетъ объ этомъ она сама, сказавши въ примѣчаніяхъ своихъ на книгу аббата Денины: «Станиславъ Понятовскій былъ избранъ Россіей на польскій престолъ, потому что изо всѣхъ искателей онъ имѣлъ наименѣе шансовъ и слѣдовательно, наиболѣе долженъ былъ чувствовать благодарность къ Россіи» [1])—но и вся дипломатическая переписка по этому дѣлу, всѣ предъявленныя Понятовскому условія съ несомнѣнностью доказываютъ, что избраніе его было рѣшено единственно въ тѣхъ видахъ, что такимъ путемъ въ Петербургѣ надѣялись достигнуть выгодъ для Россіи [2]). Если прежнія отношенія Екатерины къ Понятовскому и повліяли на рѣшеніе, принятое въ Петербургѣ, то развѣ только въ томъ смыслѣ что, выставляя кандидатуру Понятовскаго, тамъ и думали встрѣтить наименѣе сопротивленія, въ разсчетѣ — который и оправдался — что кандидатура эта будетъ понята не въ истинномъ своемъ значеніи, а какъ слѣдствіе личной склонности императрицы.

6-го октября 1763 г., въ 6 часовъ утра, получена была въ Петербургѣ вѣсть о смерти короля польскаго Августа III, послѣдовавшей 24-го сентября въ Дрезденѣ [3]); утромъ того же

---

[1]) *Русскій Архивъ*, 1878, II, 290.

[2]) Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы не разъ будемъ имѣть случай привести этому несомнѣнныя доказательства; здѣсь ограничимся только слѣдующею выпискою изъ того же рескрипта отъ 8-го февраля 1763 г., въ которой и сообщается Кейзерлингу о рѣшеніи императрицы возвести на престолъ Понятовскаго: «а какъ всѣ сіи принимаемыя мѣры имѣютъ въ виду единственно пользу интересовъ нашихъ и сопряжены съ великимъ истощеніемъ казны нашей, то справедливость требуетъ обнадежиться напередъ отъ новаго кандидата нѣкоторыхъ для имперіи выгодъ»—далѣе говорится, что вопросы о диссидентахъ и о пограничныхъ неурядицахъ должны быть рѣшены согласно желаніямъ Россіи, и это «накрѣпко узаконено и въ дѣйствительность приведено» — *Сборникъ*, т. XLVIII, 304. *Костомаровъ* — Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой, I, 93, — совершенно вѣрно замѣчаетъ, что Екатеринѣ были отлично извѣстны недостатки Понятовскаго и что знаніе ихъ скорѣе укрѣпило ее, чѣмъ препятствовало ей, въ ея планахъ доставить ему корону; еще ранѣе замѣтилъ *Раумеръ*, Polens Untergang, 20, «nachdem der Reiz dieser personlicher Bekanntschafte völlig geschwunden war, ward in Katharina der Wunsch wohl erst recht lebendig in ihrem abgedankten Lielhaber den Polen einem schwachen, ihr gehorsamen König zu geben».

[3]) Какъ здѣсь, такъ и далѣе, мы постоянно считаемъ числа мѣсяца по старому стилю; если же иногда отмѣчаемъ и новый, то въ такихъ случаяхъ ставимъ «н. ст.».

дня созвана была при дворѣ чрезвычайная конференція, на которой присутствовали: гр. А. П. Бестужевъ-Рюминъ, дѣйствительные тайные совѣтники И. И. Неплюевъ и Н. И. Панинъ, вице-канцлеръ кн. А. М. Голицынъ, гр. Г. Г. Орловъ, тайный совѣтникъ А. В. Олсуфьевъ и потомъ приглашенъ былъ генералъ-аншефъ гр. З. Г. Чернышевъ. Рѣшено было предписать Кейзерлингу, чтобъ онъ обнадеживалъ благонамѣренныхъ покровительствомъ императрицы и старался увеличить ихъ число и заявилъ бы, что императрица, желая со своей стороны, чтобы вольность и права республики были сохранены, надѣется, что «сами поляки, удаляясь отъ всякихъ зловредныхъ каверзей и раздоровъ, поступятъ въ томъ не только въ силѣ законовъ, но и съ такимъ единодушіемъ, какое общему отечества и ихъ собственному благосостоянію прилично, и что въ противномъ случаѣ, ежели кто изъ нихъ съ пренебреженіемъ всего того поступитъ на предпріятія, съ законами, съ общею пользою и съ сосѣдственною со здѣшнимъ дворомъ дружбою несогласныя, Ея Императорское Величество спокойно на то смотрѣть не изволитъ». На помощь гр. Кейзерлингу, человѣку уже старому и часто хворавшему, рѣшено было послать въ качествѣ полномочнаго министра генералъ-маіора кн. Н. В. Репнина; императрица объявила на конференціи, что по партикулярной своей перепискѣ съ королемъ прусскимъ она имѣетъ всѣ основанія надѣяться, что онъ не будетъ противодѣйствовать нашимъ видамъ, но что тѣмъ не менѣе она напишетъ еще Фридриху и Маріи Терезіи; вице-канцлеръ долженъ былъ переговорить по поводу предстоящаго избранія съ посланниками прусскимъ, австрійскимъ и англійскимъ въ томъ же духѣ, въ какомъ будутъ написаны письма отъ императрицы; рѣшено было отправить отъ имени императрицы письма и къ знатнѣйшимъ вельможамъ польскимъ; распоряженія военныя положено было поручить непосредственно гр. З. Г. Чернышеву, президенту Военной Коллегіи, чтобы производство ихъ обыкновеннымъ порядкомъ не повело къ ихъ преждевременному разглашенію [1]). Въ концѣ засѣданія допущенъ былъ къ

---

[1]) *Сборникъ*, т. LI, 5—8, 497, 499, 507—509.

присутствію гр. З. Г. Чернышевъ, который прочелъ свой проектъ мѣропріятій по дѣламъ польскимъ; по словамъ протокола «великую сего проекта для здѣшняго государства пользу по многимъ обстоятельствамъ и увѣреніямъ болѣе желать, нежели дѣйствительно оной исполненія легко чаять можно», однако положено, «не выпуская этого проекта изъ виду», первыя движенія войскъ сдѣлать согласно съ нимъ.

Проектъ этотъ былъ вложенъ въ пакетъ, на которомъ собственною рукою императрицы написано было: «Секретный планъ, поднесенный отъ графа Чернышева. С. К. К. П. (тоесть, случай кончины короля польскаго). Окромѣ меня никому не распечатывать».

Содержаніе этого секретнаго предложенія было слѣдующее.

Графъ Чернышевъ указывалъ на необходимость пріобрѣсти отъ Польши, въ видахъ округленія границъ, польскую Лифляндію, воеводства полоцкое и витебское, и изъ мстиславскаго часть по сю сторону Днѣпра. «А для того, чтобы—говоримъ словами проекта — такое пріобрѣтеніе для государственной полезности отъ сосѣдей своихъ прикрыть справедливостію, чтобы не показалось, что завоеваніе сіе дѣлается однимъ только преимуществомъ силъ, а не справедливостію», представляется наиболѣе удобнымъ случаемъ смерть короля польскаго и избраніе на его мѣсто новаго; гр. Чернышевъ совѣтуетъ съ наступленіемъ этого момента немедленно двинуть войска и занять намѣченныя области, при избраніи же короля, или еще прежде, представить свои претензіи на упомянутыя мѣста, указывая на то, что съ польской стороны никогда не были справедливо рѣшаемы пограничные споры, никогда не выдавались бѣглые, собирались произвольныя и незаконныя пошлины съ русскихъ, попадавшихъ въ Польшу по торговымъ или какимъ-либо другимъ частнымъ дѣламъ; надо было заявлять, что занятіе пограничныхъ округовъ дѣлается единственно изъ желанія устранить всѣ такія несправедливости, а вовсе не изъ желанія пріобрѣтеній, ибо земель у Россіи и безъ того много; далѣе гр. Чернышевъ излагалъ разныя стратегическія соображенія и указывалъ нѣкоторыя мѣры, ка
надо будетъ новопріобрѣтенныя области связать съ Р

Этотъ планъ Чернышева, очевидно, имѣетъ громадное значеніе. То обстоятельство, что онъ обсуждался и въ общихъ чертахъ былъ принятъ въ первой же конференціи послѣ смерти короля польскаго, какъ только насталъ «терминъ» участія Россіи въ польскихъ дѣлахъ, доказываетъ съ полною очевидностью, что мысль о пріобрѣтеніяхъ отъ Польши была у правительства Екатерины съ первыхъ, можно сказать, дней его существованія; прошелъ лишь годъ съ небольшимъ послѣ ея воцаренія, а планъ этотъ уже лежитъ у нея. Существованіе уже у петербургскаго правительства мысли о пріобрѣтеніяхъ отъ Польши необходимо имѣть постоянно въ виду при обсужденіи всѣхъ дальнѣйшихъ событій въ Польшѣ, происшедшихъ при участіи Россіи.

Съ чрезвычайною поспѣшностью были приведены въ исполненіе всѣ предположенныя на конференціи мѣры; письма отъ императрицы были отправлены къ примасу и 60-ти другимъ знатнѣйшимъ чинамъ Польши; къ представителямъ Россіи при иностранныхъ дворахъ посланъ циркулярный рескриптъ, съ заявленіемъ, что единственнымъ предметомъ стараній императрицы будетъ — чтобы выборы состоялись вполнѣ свободные; въ то же время Кейзерлингу предписано было во что бы то ни стало пріобрѣсти на нашу сторону примаса; Екатерина разрѣшала употребить на это до 100,000 руб. [1]); не знаемъ, можетъ быть и не деньгами, но примаса на русскую сторону привлекли; изслѣдователь, изучившій подлинный неизданный дневникъ тогдашняго примаса, гр. Лубенскаго, вынесъ впечатлѣніе, что примасъ былъ человѣкъ неподкупный, но крайне суетный, котораго было легко привлечь на свою сторону, если льстить этой его слабости [2]); преемникъ Лубенскаго, Подосскій, постоянно получалъ отъ русскаго правительства по 1000 червонцевъ въ мѣсяцъ [3]). Въ то же время готовили въ Петербургѣ обстоятельную инструкцію для гр. Кейзерлинга и кн. Репнина, которая и была подписана 11-го ноября; въ проме-

---

[1]) *Сборникъ*, т. LI, 17.

[2]) *Askenazy*, 37—38.

[3]) Донесенія Волконскаго, отъ 19-го (30-го) апрѣля 1771 г.—Моск. Главн. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, Сношенія съ Польшею. III, 1771, связка 29.

жутокъ времени до этого Екатерина написала нѣсколько писемъ Кейзерлингу въ отвѣтъ на его сообщенія о ходѣ дѣлъ въ Польшѣ; письма эти, впрочемъ, не представляютъ особаго интереса, кромѣ одного, отъ 27-го октября: въ этомъ письмѣ императрица говоритъ, что вполнѣ раздѣляетъ мнѣніе посла о невозможности для Россіи допускать отмѣну liberum veto и вообще какія-либо измѣненія въ государственномъ устройствѣ Польши и военной ея организаціи [1]. Письмо это важно въ томъ отношеніи, что имъ исправляется изложеніе Фридриха II, который въ одномъ изъ своихъ сочиненій говоритъ, что это онъ именно обратилъ вниманіе русскаго правительства, предъ самымъ избраніемъ Понятовскаго, на важность для сосѣдей Польши сохранить существовавшее въ Польшѣ государственное устройство [2]; приведенное нами письмо доказываетъ, что Екатерина имѣла на этотъ счетъ вполнѣ опредѣленный взглядъ еще за годъ до избранія Понятовскаго и тогда же дала соотвѣтствующія наставленія Кейзерлингу [3].

27-го октября Коллегія иностранныхъ дѣлъ получила слѣдующій указъ: «Указъ нашему тайному дѣйствительному совѣтнику Никитѣ Панину. По теперешнимъ не безтруднымъ обстоятельствамъ разсудили мы за благо во время отсутствія нашего канцлера препоручить вамъ исправленіе и производство всѣхъ по Иностранной Коллегіи дѣлъ, чего ради и повелѣваемъ вамъ, до возвращенія канцлера, присутствовать въ оной Коллегіи старшимъ членомъ, поколику дозволяютъ вамъ другія ваши должности» [4]. Съ этого времени Н. И. Панинъ является уже и de jure руководителемъ иностранной политики Россіи; не нося званія канцлера, онъ подписывался всегда

---

[1]) *Сборникъ*, т. LI, 52—54, 65.

[2]) Mémoires de 1763—1765, 14.

[3]) Соловьевъ, довѣряя показанію Фридриха, впадаетъ въ ошибку и приписываетъ отказъ въ допущеніи преобразованій въ Польшѣ преимущественно вліянію Фридриха—книга VI, 64.

[4]) *Сборникъ*, т. LI, 67. Въ Сборникѣ указъ этотъ помѣченъ 27-мъ октября ст. ст.; по сообщенію *Курда ф.-Шлецера*—Friedrich der Grosse und K
II, 150, 27-го октября (7-го ноября н. ст.) послѣдовало объявленіе
ческому корпусу отъ вице-канцлера кн. Голицына о томъ, что
чается завѣдываніе иностранными дѣлами, а указъ вышелъ

гательства членовъ русской партіи передъ польскимъ правительствомъ, оружіе заготовить обѣщала, но отдать русскихъ солдатъ въ распоряженіе конфедераціи находила невозможнымъ, замѣчала, что необходимо, чтобы вообще наши друзья дѣйствовали соотвѣтственно только нашимъ намѣреніямъ и кстати; на сообщеніе Чарторижскихъ, что имъ грозитъ Кенигштейнъ, предписывала отвѣчать, что населитъ Сибирь тѣми, которые осмѣлятся тронуть ея друзей, и спуститъ на Польшу гайдамаковъ. Чарторижскіе вскорѣ, въ апрѣлѣ 1763 г., дали требуемое отъ нихъ обѣщаніе «удержать свое нетерпѣніе пользоваться возстановленіемъ порядка и благополучія ихъ отечества»; но снова указывали на опасность, грозящую лично имъ, а слѣдовательно и русской партіи, и заводили снова рѣчь о низложеніи короля. Панинъ написалъ по этому поводу въ докладѣ своемъ, руководясь которымъ Екатерина и отвѣчала Кейзерлингу, что если благоразумная политика требуетъ, чтобы новый король польскій былъ выбранъ подъ вліяніемъ Россіи, то она же запрещаетъ перемѣнять королей, потому что тѣ, которые извлекутъ изъ такой перемѣны наибольшія для себя выгоды, осуждаемы не будутъ, «а вся злоба, ненависть, досада и осторожность всѣхъ державъ на насъ одних обратятся» [1]); Панинъ считалъ поэтому достаточнымъ только давать деньги. Въ маѣ 1763 г. Чарторижскіе доказывали русскому послу, что для нихъ примиреніе съ дворомъ невозможно безъ явнаго позора для себя и безъ утраты русскою партіею всего своего вліянія въ Польшѣ; они снова настаивали на необходимости начать рѣшительныя дѣйствія, немедленно ввести русскія войска въ Польшу и образовать конфедераціи по всему королевству; теперь они просили уже не 50.000 червонцевъ, а 200.000. Но Кейзерлингъ со своей стороны писалъ въ Петербургъ, что такое поспѣшное образованіе конфедераціи вовсе не необходимо, что возможно устроить съ королемъ полюбовное соглашеніе и получить для приверженцевъ Россіи нѣкоторыя высшія

---

[1]) Вотъ соображенія, какими руководствовался Панинъ; между тѣмъ Сольмсъ, донося въ Берлинъ о его рѣшеніи, толковалъ его дѣйствія какъ уступку въ пользу польскаго двора, на которую склонилъ императрицу Бестужевъ подъ вліяніемъ Мерси—*Сборникъ*, т. XXII, 111.

должности [1]); въ Петербургѣ также находили, что нѣтъ надобности прибѣгать къ такому крайнему средству, какъ конфедерація, тѣмъ болѣе, что открывшись при жизни короля она могла затянуться на слишкомъ долгое время и потребовать слишкомъ большихъ денежныхъ затратъ со стороны Россіи; въ одномъ изъ писемъ къ Кейзерлингу Екатерина высказываетъ даже мысль, что тотъ «деспотизмъ», на который часто жаловались Чарторижскіе, есть вовсе не твердость власти, развитіе которой въ Польшѣ было-бы опасно для сосѣднихъ державъ, а та же самая анархія, обусловливаемая всѣмъ польскимъ государственнымъ устройствамъ и для сосѣдей Польши скорѣе полезная, чѣмъ опасная; поэтому императрица вполнѣ раздѣляла взглядъ, что для Россіи нѣтъ никакихъ основаній начинать энергически дѣйствовать въ Польшѣ. И этотъ отказъ исполнить настоятельныя просьбы Чарторижскихъ получаетъ тѣмъ больше значенія въ нашихъ глазахъ, что тогда въ Польшѣ уже находился отрядъ русскихъ войскъ [2]), введенный подъ предлогомъ замѣны другихъ отрядовъ, охранявшихъ русскіе магазины, оставшіеся еще послѣ Семилѣтней войны; этихъ войскъ было совершенно достаточно для того, чтобы обезпечить возникновеніе конфедераціи; но въ Петербургѣ понимали, «что наши друзья въ Польшѣ, имѣя свой собственный интересъ и свои виды, желаютъ скорѣйшихъ дѣйствій», но думали, что «намъ особливо должно остеречься въ томъ, что можетъ быть разнаго между нашими и ихъ намѣреніями. Мы терминомъ польскихъ дѣлъ опредѣляемъ кончину королевскую» [3]), — такимъ образомъ, ясно, что независимо отъ того, удобный или не удобный планъ дѣйствій былъ составленъ въ Петербургѣ, тамъ очень хорошо отличали свои, русскіе интересы, отъ всѣхъ другихъ какіе стремились связать съ русскими партія Чарто-

---

[1]) Такъ изложена депеша Кейзерлинга отъ 12 (23) мая 1763 г. въ *Сборникѣ*, т. XLVIII, 546; поэтому мы не знаемъ, на чемъ основываясь, Соловьевъ говоритъ, что Кейзерлингъ «прямо былъ за конфедерацію, ими (Чарторижскими) предлагаемую»—Исторія Россіи, кн. Ѵ, 1423; въ Сборникѣ, по крайней мѣрѣ, не указано нигдѣ ранѣе подобныхъ предложеній Кейзерлинга.

[2]) *Askenazy,* Die letzte polnische Königswahl, 14, прим. 1.

[3]) *Сборникъ*, т. XLVIII, 247—249, 348, 407—415, 546, 549, 562, 563, 592, 595, 617, 622 и др.

рижскихъ и очень хорошо понимали, что только при избраніи новаго короля представится возможность достигнуть серьезныхъ выгодъ для Россіи. Уклоняясь по такимъ соображеніямъ отъ рѣшительныхъ дѣйствій, на необходимости которыхъ настаивали Чарторижскіе, Панинъ въ объясненіе дѣйствій Россіи съ обычнымъ своимъ искусствомъ указывалъ такія основанія, которыми, дѣйствительно, можно было руководиться и возражать противъ которыхъ было очень трудно, но которыми на самомъ то дѣлѣ онъ ни мало не руководился; въ письмахъ своихъ Кейзерлингу, повторяя указанныя Панинымъ соображенія, Екатерина поручала послу внушать благорасположеннымъ къ Россіи полякамъ, что для нихъ несравненно выгоднѣе примириться съ дворомъ не прибѣгая къ конфедераціи, чтобы большинство націи видѣло, что «они подъ покровительствомъ нашимъ находились въ силахъ начать конфедерацію, слѣдовательно гражданскую брань, но что они избытку силъ предпочли общій покой и благосостояніе отечества»; это должно было, по словамъ Екатерины, «доставить имъ любовь націи», а сила русской партіи и покровительство ей Россіи должны были «пріобрѣсти ей довѣріе и почтеніе»; такимъ образомъ подготовлялась вѣроятность избранія въ короли кого-нибудь изъ русской партіи, а чрезъ это благонамѣренные, — то есть преданные Россіи — поляки получили бы возможность исправить впослѣдствіи недостатки, внѣдрившіеся въ государственномъ устройствѣ ихъ отечества.

Но въ то время, когда русской партіи въ Польшѣ совѣтовали только благоразуміе и умѣренность, въ Петербургѣ было уже рѣшено относительно польскихъ дѣлъ довольно многое. Въ самомъ началѣ февраля 1763 г. въ Петербургѣ получены были очень тревожныя извѣстія о состояніи здоровья Августа III польскаго (свѣдѣнія эти впослѣдствіи оказались сильно преувеличенными); 3-го февраля собрана была при дворѣ особая конференція, на которой по Высочайшему повелѣнію присутствовали: канцлеръ гр. М. И. Воронцовъ, вице-канцлеръ кн. А. М. Голицынъ, Н. И. Панинъ, гр. А. П. Бестужевъ - Рюминъ и кн. М. Н. Волконскій. Выслушавши обзоръ дѣйствій Россіи въ Польшѣ въ 1733 г., предъ избраніемъ Августа III,

конференція обсуждала вопросъ: «полезнѣе ли для здѣшнихъ интересовъ къ тому (т. е. на польскій престолъ) избрать изъ чужестранныхъ принцевъ или пястовъ» т. е. изъ польской аристократіи? Изъ чужестранныхъ принцевъ не нашли удобнаго человѣка, поэтому рѣшено было избрать изъ пястовъ. Въ конференціи же составлены были рескрипты по этому дѣлу въ Варшаву, Парижъ, Вѣну, Лондонъ, Лейпцигъ (къ посланнику при королѣ прусскомъ) и Константинополь, указы въ Сенатъ, чтобы имѣлась въ наличности сумма до милліона рублей, необходимая для польскихъ дѣлъ, и въ Военную Коллегію, чтобъ приготовлено было до 30.000 войска. Во всѣхъ рескриптахъ, кромѣ рескрипта въ Варшаву, повторено то же самое утвержденіе, что «выборъ нашъ не рѣшенъ» и что мы намѣрены предоставить въ немъ полную свободу полякамъ, лишь бы не было и никакого другаго давленія; нѣсколько обширнѣе рескриптъ къ кн. Долгорукову, посланнику нашему при королѣ Прусскомъ; тутъ высказана мысль, что если избраніе короля польскаго должно будетъ произойдти ранѣе, чѣмъ Фридрихъ закончитъ свои мирные переговоры съ Австріей, то, конечно, онъ не въ состояніи будетъ принять въ немъ сколько-нибудь значительное участіе, если же послѣ, то интересы прусскаго короля привлекутъ, конечно, къ этому избранію все его вниманіе; впрочемъ, по мнѣнію конференціи, для Россіи и Пруссіи въ этомъ случаѣ не трудно согласовать свои интересы. Кейзерлингу въ Варшаву въ одномъ рескриптѣ сообщены были соображенія, въ силу которыхъ не признано было удобнымъ избраніе иностраннаго принца и затребовано было его мнѣніе о выборѣ пяста вообще; въ другомъ же, подписанномъ одновременно со всѣми прочими — 8-го февраля 1763 г. — императрица собственноручно вписала въ оставленное пустымъ мѣсто: «мы со своей стороны назначиваемъ быть выбраннымъ въ короли стольника литовскаго гр. Понятовскаго или кн. Адама Чарторижскаго» [1]). Это былъ вопросъ, рѣшенный еще, повидимому, на конференціи 3-го февраля, потому что въ частномъ письмѣ еще отъ 4 февраля Екатерина

---

[1]) Напечатанное разрядкою вписано императрицей собственноручно.

сообщала объ этомъ рѣшеніи Кейзерлингу [1]); это письмо и есть, сколько намъ извѣстно, первое заявленіе въ дипломатической перепискѣ русскаго правительства, что кандидатомъ на польскій престолъ со стороны Россіи является графъ Станиславъ Августъ Понятовскій [2]). И съ того момента, когда русское правительство поставило себѣ цѣлью дать въ Польшѣ короля по своему выбору и рѣшенію — русско-польскія отношенія получили величайшую важность для обоихъ государствъ. Многіе современники думали, что Екатерина желаетъ доставить Понятовскому польскую корону въ силу прежнихъ близкихъ отношеній, въ какихъ стояла она къ нему, еще будучи великой княгиней; такъ думалъ и самъ Понятовскій, такъ думали министры Людовика XV и австрійскій представитель въ Петербургѣ [3]); до послѣдняго еще времени держатся такого взгляда нѣкоторые изслѣдователи, излишне склонные искать объясненій государственнымъ событіямъ въ чисто личныхъ, особенно въ самыхъ интимныхъ, отношеніяхъ [4]). Но на самомъ дѣлѣ императрица Екатерина руководилась совершенно

---

[1]) *Сборникъ*, т. XLVIII, 298—313, особ. 300.

[2]) Впрочемъ, уже въ письмѣ Екатерины къ Понятовскому отъ 2-го августа н. ст. 1762 г., которое въ Россіи неиздано еще, но которое напечатано въ изданіи «Mémoires secrets et inédits de Stanislas Auguste, comte Poniatowski dernier roi de Pologne», Leipzig, 1862, 22—23, читаемъ: «J'envoie incessemment le comte Keyzerling ambassadeur en Pologne, pour vous fair roi, apres le désir de celui ci, et en cas, qu'il ne puisse réussir pour vous, que ce soit pour le prince Adam».

[3]) «Mémoires secrets et inédits de St.-Aug. Poniatowski», 37—48; *Сборникъ*, т. XLVI, 87, 136; 2-го февр. н. ст. 1763 г. англійскій представитель писалъ изъ Варшавы, что тамъ ожидаютъ избранія въ короли Ст. Понятовскаго или Ад. Чарторижскаго; въ декабрѣ того же года изъ Вѣны англійскій посолъ намекалъ, что Екатерина предпочтетъ Понятовскаго, подъ вліяніемъ своего» романтическаго ума» — *Raumer*, Beiträge zur neueren Geschichte, III, 315, 339. Букингамъ доносилъ изъ Петербурга осенью 1762 г., что немедленно по вступленіи на престолъ Екатерина отправила къ Понятовскому курьера, чтобы отклонить его прибытіе въ Петербургъ.—*Сборникъ*, т. XII, 40—и это было вѣрно.

[4]) Напр., *Смитъ*, Суворовъ и паденіе Польши, т. II, 76, говоритъ: Екатерина рѣшила «возвести на польскій престолъ такого короля, въ преданности и благодарности котораго она могла бы быть увѣрена. Она исполнила это и Станиславъ Понятовскій сдѣлался королемъ»; странно, что такого же мнѣнія придерживается *Askenazy*, Die letezte polnische Königswahl, 4,—вообще здраво смотрящій на многіе спорные, или лучше сказать критически не изученные, вопросы русско-польскихъ отношеній при Екатеринѣ.

иными соображеніями. Не только свидѣтельствуетъ объ этомъ она сама, сказавши въ примѣчаніяхъ своихъ на книгу аббата Денины: «Станиславъ Понятовскій былъ избранъ Россией на польскій престолъ, потому что изо всѣхъ искателей онъ имѣлъ наименѣе шансовъ и слѣдовательно, наиболѣе долженъ былъ чувствовать благодарность къ Россіи» [1])—но и вся дипломатическая переписка по этому дѣлу, всѣ предъявленныя Понятовскому условія съ несомнѣнностью доказываютъ, что избраніе его было рѣшено единственно въ тѣхъ видахъ, что такимъ путемъ въ Петербургѣ надѣялись достигнуть выгодъ для Россіи [2]). Если прежнія отношенія Екатерины къ Понятовскому и повліяли на рѣшеніе, принятое въ Петербургѣ, то развѣ только въ томъ смыслѣ что, выставляя кандидатуру Понятовскаго, тамъ и думали встрѣтить наименѣе сопротивленія, въ разсчетѣ — который и оправдался — что кандидатура эта будетъ понята не въ истинномъ своемъ значеніи, а какъ слѣдствіе личной склонности императрицы.

6-го октября 1763 г., въ 6 часовъ утра, получена была въ Петербургѣ вѣсть о смерти короля польскаго Августа III, послѣдовавшей 24-го сентября въ Дрезденѣ [3]); утромъ того же

---

[1]) *Русскій Архивъ*, 1878, II, 290.

[2]) Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы не разъ будемъ имѣть случай привести этому несомнѣнныя доказательства; здѣсь ограничимся только слѣдующею выпискою изъ того же рескрипта отъ 8-го февраля 1763 г., въ которой и сообщается Кейзерлингу о рѣшеніи императрицы возвести на престолъ Понятовскаго: «а какъ всѣ сіи принимаемыя мѣры имѣютъ въ виду единственно пользу интересовъ нашихъ и сопряжены съ великимъ истощеніемъ казны нашей, то справедливость требуетъ обнадежиться напередъ отъ новаго кандидата нѣкоторыхъ для имперіи выгодъ»—далѣе говорится, что вопросы о диссидентахъ и о пограничныхъ неурядицахъ должны быть рѣшены согласно желаніямъ Россіи, и это «накрѣпко узаконено и въ дѣйствительность приведено» — *Сборникъ*, т. XLVIII, 304. *Костомаровъ* — Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой, I, 93, — совершенно вѣрно замѣчаетъ, что Екатеринѣ были отлично извѣстны недостатки Понятовскаго и что знаніе ихъ скорѣе укрѣпило ее, чѣмъ препятствовало ей, въ ея планахъ доставить ему корону; еще ранѣе замѣтилъ *Раумеръ*, Polens Untergang, 20, «nachdem der Reiz dieser persönlicher Bekanntschafte völlig geschwunden war, ward in Katharina der Wunsch wohl erst recht lebendig in ihrem abgedankten Lielhaber den Polen einem schwachen, ihr gehorsamen König zu geben».

[3]) Какъ здѣсь, такъ и далѣе, мы постоянно считаемъ числа мѣсяца по старому стилю; если же иногда отмѣчаемъ и новый, то въ такихъ случаяхъ ставимъ «н. ст.».

дня созвана была при дворѣ чрезвычайная конференція, на которой присутствовали: гр. А. П. Бестужевъ-Рюминъ, дѣйствительные тайные совѣтники И. И. Неплюевъ и Н. И. Панинъ, вице-канцлеръ кн. А. М. Голицынъ, гр. Г. Г. Орловъ, тайный совѣтникъ А. В. Олсуфьевъ и потомъ приглашенъ былъ генералъ-аншефъ гр. З. Г. Чернышевъ. Рѣшено было предписать Кейзерлингу, чтобъ онъ обнадеживалъ благонамѣренныхъ покровительствомъ императрицы и старался увеличить ихъ число и заявилъ бы, что императрица, желая со своей стороны, чтобы вольность и права республики были сохранены, надѣется, что «сами поляки, удаляясь отъ всякихъ зловредныхъ каверзей и раздоровъ, поступятъ въ томъ не только въ силѣ законовъ, но и съ такимъ единодушіемъ, какое общему отечества и ихъ собственному благосостоянію прилично, и что въ противномъ случаѣ, ежели кто изъ нихъ съ пренебреженіемъ всего того поступитъ на предпріятія, съ законами, съ общею пользою и съ сосѣдственною со здѣшнимъ дворомъ дружбою несогласныя, Ея Императорское Величество спокойно на то смотрѣть не изволитъ». На помощь гр. Кейзерлингу, человѣку уже старому и часто хворавшему, рѣшено было послать въ качествѣ полномочнаго министра генералъ-маіора кн. Н. В. Репнина; императрица объявила на конференціи, что по партикулярной своей перепискѣ съ королемъ прусскимъ она имѣетъ всѣ основанія надѣяться, что онъ не будетъ противодѣйствовать нашимъ видамъ, но что тѣмъ не менѣе она напишетъ еще Фридриху и Маріи Терезіи; вице-канцлеръ долженъ былъ переговорить по поводу предстоящаго избранія съ посланниками прусскимъ, австрійскимъ и англійскимъ въ томъ же духѣ, въ какомъ будутъ написаны письма отъ императрицы; рѣшено было отправить отъ имени императрицы письма и къ знатнѣйшимъ вельможамъ польскимъ; распоряженія военныя положено было поручить непосредственно гр. З. Г. Чернышеву, президенту Военной Коллегіи, чтобы производство ихъ обыкновеннымъ порядкомъ не повело къ ихъ преждевременному разглашенію [1]). Въ концѣ засѣданія допущенъ былъ къ

---

[1]) *Сборникъ*, т. LI, 5—8, 497, 499, 507—509.

бланкетами, окруженныхъ царскою пышностью [1]), наконецъ съ заготовленными уже по границамъ войсками и военными снарядами [2]). Далѣе мы изложимъ, что и какъ дѣлали они въ Польшѣ, преслѣдуя указанныя имъ цѣли; теперь же мы нѣсколько остановимся и разсмотримъ, въ какія отношенія стала Россія къ Пруссіи и отчасти къ Австріи; съ того момента, когда Россія приняла энергическое участіе въ польскихъ дѣлахъ, этими послѣдними преимущественно опредѣлялись отношенія Россіи къ другимъ государствамъ.

II.

На почвѣ дѣлъ польскихъ произошло и окончательное сближеніе Россіи и Пруссіи. Еще въ началѣ декабря 1762 года вице-канцлеръ въ разговорѣ съ англійскимъ посломъ высказался, что надо остерегаться, какъ бы, въ случаѣ смерти короля польскаго, прусскій король не соединился бы съ французами и не далъ бы съ ними Польшѣ короля, согласно своимъ интересамъ; избраніе короля польскаго, говорилъ онъ, очень важно для Россіи [3]). Фридрихъ же со своей стороны сильно желалъ союза съ Россіей.

---

[1]) На время междуцарствія Кейзерлингу было назначено на столъ, въ прибавку къ его посольскому жалованью—2.000 р. въ мѣсяцъ, и Репнину—1.000 руб. въ мѣсяцъ.

[2]) Точными документальными данными вполнѣ опровергаются такіе разсказы о русскихъ дѣйствіяхъ въ Польшѣ, какъ напримѣръ, слѣдующія слова Понятовскаго: «Lorsque nous croyions être sur le point de mettre la dernière main á l'ouvrage de notre confédération, il se fut un changement en Russie, qui arrêta notre entreprise. Panin... se *montra jaloux* des ordres, qu'elle donnait directement á Kayserling par rapport à nous. Il fit des remonstrances rigoureuses à l'impératrice contre ce, qu'elle méditat en Pologne» и т. д.—Mémoires secrets et inédits 34. Мы знаемъ, что ничего подобнаго не происходило: всѣ дальнѣйшія дѣйствія русской политики въ Польшѣ стоятъ въ полномъ согласіи съ вышеуказанными идеями, какія высказалъ Панинъ при самомъ же началѣ дѣятельнаго участія Россіи въ дѣлахъ Польши, помимо того уже, что хронологически повѣствованіе Понятовскаго невѣрно: Панинъ и оффиціально получилъ значеніе руководителя вскорѣ послѣ извѣстія о смерти Августа III. Но разсказы, подобные разсказу Понятовскаго, всегда имѣютъ какую-то особенную привлекательность для большинства читателей...

[3]) *Сборникъ*, т. XII, 64, 68.

Когда Кейзерлингъ ѣхалъ изъ Аугсбурга въ Россію, въ Кенигбергѣ, въ іюнѣ 1762 г., одинъ изъ прусскихъ чиновниковъ, Домгардтъ, разсуждалъ съ нимъ, какъ выгодно было бы возстановить старинную дружбу между Россіей и Пруссіей; Кейзерлингъ отвѣчалъ, что король долженъ открыться на этотъ счетъ предъ русскимъ дворомъ черезъ довѣренное лицо; со своей стороны Кейзерлингъ какъ во время пребыванія своего въ Петербургѣ, до отъѣзда въ Варшаву, такъ и въ донесеніяхъ къ императрицѣ изъ Варшавы, говорилъ, что для достиженія цѣлей императрицы въ Польшѣ нѣтъ лучшаго средства, какъ тѣсная связь съ Пруссіей. Екатерина отвѣчала ему (3 января 1763 г.): «Ваши мысли мнѣ нравятся и я тѣмъ болѣе была бы рада придти къ соглашенію съ прусскимъ королемъ относительно польскихъ дѣлъ, что такимъ образомъ этотъ король былъ бы вырванъ изъ рукъ Франціи;... я также очень желала бы, чтобы предложенія исходили отъ него». Письмо это еще не успѣло дойдти до Варшавы, какъ къ Кейзерлингу явился нѣкто баронъ Корфъ (8 января 1763 г.) съ письмомъ отъ Фридриха, отъ 27 декабря 1762 г., въ которомъ Фридрихъ писалъ, что, согласно заявленію Кейзерлинга Домгардту, онъ посылаетъ къ нему довѣренное лицо, съ выраженіемъ своей parfaite disposition pour seconder les vues salutaires de lui (Кейзерлинга) et bonnes dispositions d'entretenir au mieux cette hereuse intelligence qui régne actuellement entre Sa Majeste l'Imperatrice et lui» (Фридрихомъ) [2].

Совершенно ясно, что для новаго русскаго правительства прусскій союзъ представлялъ значительныя удобства. Мы видѣли причины заставившія Панина отдаляться отъ вѣнскаго двора и отъ Франціи; мы видѣли, что Панинъ стремился вести самостоятельную политику, и естественнымъ ея объектомъ прежде всего могла сдѣлаться Польша, въ ней прежде всего могла Россія искать себѣ вліянія. Но ей приходилось тамъ неизбѣжно сталкиваться съ Австріей, которая была тѣсно связана съ домомъ царствующаго короля и родствомъ и союзомъ противъ Пруссіи; господствующую партію нельзя было тро

[1] *Сборникъ*, т. XLVIII, 215, 249, 297, 308, 556.
[2] *Соловьевъ*, кн. V. 1503—1504; кн. VI, 70.

нуть, не расходясь съ Австріей, и установить свое вліяніе въ Польшѣ Россія могла только въ ущербъ Австріи, слѣдовательно, въ Польшѣ Россія никоимъ образомъ не могла разсчитывать на содѣйствіе Австріи, непремѣнно должна встрѣтить ея противодѣйствіе. Между тѣмъ Фридрихъ прусскій былъ во враждѣ со всею остальною Европою; онъ страстно желалъ хоть какъ-нибудь и хоть съ какой-нибудь стороны обезпечить себя отъ нападенія; именно этого онъ и искалъ отъ Россіи. И Россія вполнѣ могла встрѣтить его исканія благосклонно, могла даже отчасти разсчитывать, что на этотъ разъ, вопреки всей своей предшествовавшей политикѣ, Фридрихъ исполнитъ свои союзническія обязательства, потому что изъ европейскихъ государствъ наибольшія основанія желать мира имѣлъ именно Фридрихъ, такъ какъ не могъ не чувствовать, что больше всѣхъ потерять можетъ онъ, потому что больше всѣхъ захватилъ, и страна его была совершенно истощена; онъ очень хорошо помнилъ, что только счастливымъ случаемъ былъ спасенъ изъ отчаяннаго положенія, въ какомъ находился къ концу 1761 г. Въ Петербургѣ отлично понимали это «заботливое положеніе» короля прусскаго и принимали его въ разсчетъ при заключеніи съ нимъ союза. И дѣйствительно, во все время существованія прусскаго союза Россія не помогала Пруссіи дѣятельно, но имѣла случай пользоваться отъ нея субсидіями въ теченіе цѣлыхъ шести лѣтъ.

Какъ мы сейчасъ видѣли, еще съ 1762 года въ Петербургѣ относились къ мысли о союзѣ Россіи съ Пруссіей довольно благосклонно; но Панинъ не находилъ нужнымъ торопиться съ заключеніемъ союза; онъ опасался, вѣроятно, что въ первое время новаго царствованія трудно будетъ получить союзъ выгодный; затѣмъ Пруссія приступила къ переговорамъ о мирѣ съ Австріей, причемъ Россіи не удалось принять участія въ замиреніи—этотъ моментъ, конечно, не былъ благопріятенъ для заключенія союза; Фридрихъ же такъ стремился получить хоть какой-нибудь союзъ, что началъ усиленно добиваться союза съ Турціей. Новый случай возобновить переговоры явился, когда Россія приступила къ болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ въ Польшѣ, поддержка которыхъ

со стороны Пруссіи была, конечно, очень часто желательна; вмѣстѣ съ тѣмъ, отношенія Россіи къ иноземнымъ государствамъ установились такъ, что была полная надежда заключить союзъ по меньшей мѣрѣ равно выгодный и Россіи и Пруссіи.

Русское министерство въ іюлѣ 1763 года просило Фридриха не пропускать въ Польшу саксонскихъ войскъ, такъ какъ количество ихъ въ Польшѣ уже превышало то число, какое по закону король могъ содержать тамъ своихъ войскъ. Фридрихъ отвѣтилъ на это, что не имѣетъ никакого права слѣдить за соблюденіемъ со стороны короля польскаго его обязанностей по отношенію къ Речи Посполитой, потому что онъ не связанъ съ Польшею, подобно тому, какъ связана императрица, никакимъ трактатомъ, и что онъ оказывать содѣйствіе видамъ императрицы могъ бы лишь въ случаѣ, если-бы она вступила съ нимъ въ какое-нибудь формальное соглашеніе. Между тѣмъ личная переписка Екатерины и Фридриха продолжалась и они уже согласились дѣйствовать въ Польшѣ сообща при предстоявшемъ избраніи новаго короля. Когда Августъ III умеръ, Фридрихъ сдѣлалъ первый шагъ—онъ немедленно предписалъ своему представителю въ Варшавѣ, Бенуа, дѣйствовать насколько возможно согласно съ русскимъ посломъ. Но на приглашеніе поддерживать представленія Россіи болѣе дѣятельно онъ отвѣчалъ совершенно основательно, что можетъ рѣшиться на это лишь послѣ формальнаго соглашенія съ Россіей. Онъ, быть можетъ и преувеличивая опасность, во всякомъ случаѣ однако довольно правдоподобно указывалъ, что при первомъ его вмѣшательствѣ въ дѣла Польши на него можетъ броситься Австрія и онъ, естественно, желалъ имѣть хоть какое-нибудь обезпеченіе, что Россія его не оставитъ въ такомъ случаѣ одного противъ этого врага, чего Фридрихъ очень опасался; онъ говорилъ, что при всемъ личномъ желаніи сдѣлать угодное императрицѣ, онъ не считаетъ себя въ правѣ для этого подвергать опасности спокойствіе и благосостояніе своихъ подданныхъ [1]).

---

[1]) *Сборникъ*, т. XXII, 7, 15, 16, 83, 106, 121, 124, 127, 141, 150, 174—180, 189—195.

После длинныхъ переговоровъ графа Сольмса съ Н. И. Панинымъ 31-го марта 1764 года подписанъ былъ союзный трактатъ на 8 лѣтъ, при немъ особая секретная конвенція изъ 8 пунктовъ, артикулъ сепаратный, артикулъ сепаратный секретнѣйшій и декларація о диссидентахъ. Союзный трактатъ состоялъ изъ 14 статей несекретныхъ и 4 секретныхъ. Въ несекретныхъ статьяхъ сказано, что союзъ заключается въ видахъ сохраненія и поддержанія мира и гарантіи владѣній договаривающихся сторонъ; въ случаѣ если одна сторона подвергнется нападенію, другая обязана оказать ей помощь корпусомъ въ 10,000 человѣкъ пѣхоты и 2,000 конницы; большая часть несекретныхъ статей посвящена опредѣленію порядка содержанія вспомогательнаго корпуса, его подчиненности, раздѣла добычи и т. д. Въ секретныхъ статьяхъ содержатся слѣдующія постановленія: если Россія подвергнется нападенію со стороны Китая, Персіи или Турціи, а Пруссія на Рейнѣ, то вспомогательный корпусъ замѣняется субсидіею въ 400,000 рублей ежегодно въ теченіи войны; обѣ стороны обязуются поддерживать существующую форму правленія въ Швеціи и Польшѣ; Пруссія гарантируетъ Россіи голштинскія земли. Секретная конвенція вся посвящена дѣламъ Польши: во вступленіи говорится вообще о желаніи сохранить въ Польшѣ ея порядки; въ п. 1—о желаніи предоставить націи свободное избраніе пяста; въ пп. 2 и 3 король прусскій обѣщается содѣйствовать успѣху уже принятыхъ императрицею въ Польшѣ мѣръ и дать соотвѣтственныя наставленія своему министру въ Варшавѣ; далѣе договаривающіяся стороны обязуются заготовить необходимое количество войскъ, чтобы поддержать свои требованія, если не будетъ уважена декларація съ изложеніемъ ихъ желаній, которую они предварительно представятъ (пп. 4, 5); въ пп. 6, 7 и 8 постановляется, что, если декларація не подѣйствуетъ и возникнутъ междуусобія при избраніи короля, то «снимаетъ на себя потушить ихъ» императрица; король-же прусскій долженъ только держать войско на-готовѣ и употребить его въ дѣло, если какая-нибудь посторонняя держава вмѣшается въ дѣла Польши; въ артикулѣ се[illegible] секретнѣйшемъ названъ кандидатъ на польскій [illegible]

Станиславъ Понятовскій; декларація содержала заявленіе, что императрица и король прусскій будутъ поддерживать польскихъ диссидентовъ [1]).

Разсматривая союзный договоръ и конвенціи, очевидно составляющіе вмѣстѣ одно цѣлое, мы замѣчаемъ, что во 1) союзъ является не только оборонительнымъ, такъ какъ условлены въ немъ и нѣкоторыя активныя мѣропріятія; во 2)—онъ не отличается полною взаимностью: согласно секретнымъ его артикуламъ дѣйствовать въ Польшѣ должна была Россія; Пруссія обязывалась оказывать ей лишь косвенную поддержку, въ видѣ сосредоточенія корпуса войскъ, готоваго препятствовать вмѣшательству въ польскія дѣла другой державы. Но было-бы совершенно невѣрно понять это такъ, что Фридрихъ успѣлъ заставить Россію вести все это трудное дѣло: изъ переписки Панина нельзя не убѣдиться, что именно Россія этого добивалась; Панинъ и Екатерина считали нужнымъ явиться главною дѣйствующею силою въ Польшѣ и дать Польшѣ короля, единственно Россіи обязаннаго своимъ избраніемъ; Панинъ говорилъ, какъ мы знаемъ, что интересы Россіи въ Польшѣ несравненно значительнѣе интересовъ тамъ всѣхъ другихъ государствъ и неоднократно указывалъ, какъ на выгодное для Россіи обстоятельство, что король прусскій предоставилъ намъ «первое мѣсто и свободныя руки» въ Польшѣ; въ перепискѣ своей Панинъ не разъ высказывался, что именно себя, Россію, онъ считаетъ руководителемъ общихъ съ Пруссіею дѣлъ въ Польшѣ [2]); по нашему мнѣнію наиболѣе достовѣрные источники говорятъ намъ, что такъ и въ дѣйствительности было. За согласіе на это Россія и платила Фридриху столь цѣнною для него гарантіею ему его владѣній, въ томъ числѣ, значитъ, и недавно пріобрѣтенной имъ Силезіи. И документы переписки Панина, и нѣкоторые документы переписки Фридриха, прежде остававшіеся неизвѣстными, заставляютъ насъ раздѣлять то мнѣніе, котораго придерживаются Ранке, Беръ, и которое еще давно, въ началѣ столѣтія, высказано было Домомъ—что союзъ съ Россіей былъ заключенъ Фридрихомъ по необходимости, что

[1]) *Мартенсъ*, VI, 5—37.
[2]) *Сборникъ*, т. LXXXVII, 13, 395.

онъ по необходимости его поддерживалъ и что Россія извлекла изъ него бо́льшія выгоды [1]).

Съ заключеніемъ союза съ Пруссіею, обезпечивъ себѣ согласіе державы, которая была главною соперницею Австріи, до тѣхъ поръ имѣвшей большое вліяніе въ Польшѣ, Екатерина и Панинъ начали еще энергичнѣе проводить свою политику вмѣшательства во внутреннія дѣла Польши, съ цѣлью достигнуть существенныхъ выгодъ для Россіи. Мы увидимъ далѣе, какъ проводилась эта политика, конечно, эгоистическая, но простая, опредѣленная и твердая, и не будемъ уже удивляться этимъ успѣхамъ, если вспомнимъ среду, на которую она дѣйствовала, и обратимъ вниманіе, съ какими силами ей приходилось бороться. Не станемъ здѣсь вдаваться въ разсужденіе о причинахъ того положенія, въ какомъ находилась тогда Польша, ни даже въ изображеніе его; скажемъ только, что твердостью и деньгами въ Польшѣ оказывалось возможнымъ всегда провести что угодно; принятое рѣшеніе, вредное для народа, очень часто вызывало затѣмъ бурю негодованій, было задерживаемо, парализуемо,—но новые достаточно щедрые расходы сламывали всегда всякую новую оппозицію и къ тому-же— средствами, узаконенными польскимъ государственнымъ устрой-

---

[1]) *Beer*, Die orientalische Politik Oesterreichs, 22; *Ranke*, Sämmtliche Werke, Bb. 51—52, 388—389; *Dohm*, Denkwürhigkeiten meiner Zeit, IV, 256 — 260. *Ѳ. Ѳ. Мартенсъ* колеблется; ему какъ-то странно кажется признать, что въ общемъ дѣлѣ съ Фридрихомъ, дарованія котораго онъ цѣнитъ необыкновенно высоко, не онъ, а Россія восторжествовала: «но если король прусскій, говоритъ онъ, воспользовался польскимъ дѣломъ для того, чтобы добиться союза съ Россіей, то съ другой стороны, императрица воспользовалась этимъ союзомъ для закрѣпленія Пруссіи къ интересамъ Россіи въ отношеніи Польши: императрица предложила подписать особую секретную конвенцію; Фридрихъ не могъ отказаться подписать этотъ актъ» и т. д. Собраніе трактатовъ, VI, 11, 34—35; мало констатировать такое положеніе, когда каждая изъ двухъ договаривающихся сторонъ другую принуждаетъ подчиниться своимъ настояніямъ; надо цѣнить взаимныя уступки. Соловьевъ, согласно своему воззрѣнію на роль Фридриха въ Петербургѣ, какъ на преобладающую, видитъ и въ союзномъ договорѣ успѣхъ Фридриха, заставившаго Россію заключить союзъ, хотя въ Петербургѣ этого и не желали (кн. V, 1514); дѣйствительно, въ Петербургѣ не искали союза съ Пруссіей какъ какой-нибудь панацеи; но переписка Панина совершенно несомнѣнно доказываетъ, что на условіяхъ, опредѣляемыхъ въ Петербургѣ, противъ этого союза ничего не имѣли.

ствомъ [1]). Противодѣйствіе-же со стороны Франціи и Австріи оказалось очень слабымъ и не систематичнымъ. Людовикъ XV со своею секретною политикою совершенно запутался въ отношеніяхъ къ Польшѣ. Въ 1762 г. онъ писалъ, что Польша главный объектъ его секретной переписки и ставилъ Бретейлю одною изъ главныхъ задачъ—устранить вмѣшательство Россіи въ ближайшіе выборы короля [2]); но затѣмъ, мало-по-малу, отчасти подъ вліяніемъ трудностей борьбы съ энергическою политикою Россіи, интересъ слабаго правительства Людовика XV къ Польшѣ сталъ ослабѣвать. Въ началѣ марта 1764 года, т. е. въ междуцарствіе, оффиціальный представитель Франціи въ Варшавѣ, маркизъ Польми, получилъ предписаніе сдѣлать предъ примасомъ декларацію, что король Франціи исполнитъ относительно Польши все, къ чему его обязываютъ справедливость, трактаты и взаимная дружба обоихъ государствъ и что если, противъ всякаго ожиданія, республика встрѣтитъ какія либо препятствія въ свободномъ пользованіи своими правами, онъ будетъ поддерживать Польшу всѣми силами [3]). Слова «противъ всякаго ожиданія» звучали очень странно, когда уже со стороны Россіи было объявлено очень твердо о рѣшеніи устранить всякаго иноземнаго кандидата; такъ, какъ говорилъ Людовикъ, можно было говорить только приготовившись дѣйствовать, силою поддержать и осуществить свои угрозы; между тѣмъ Франція не дѣлала ничего, что указывало бы на рѣшимость ея двинуться серьезно. Въ скоромъ времени, какъ увидимъ, Франція и отошла совершенно отъ всякаго активнаго участія въ дѣлахъ Польши. Когда стало совершенно яснымъ преобладаніе въ ней Россіи и отчасти Пруссіи, въ Версали

---

[1]) О внутреннемъ состояніи Польши много и очень убѣдительно говорятъ *Соловьевъ,* Исторія паденія Польши, 34, 149—155, *Костомаровъ,* Послѣдніе годы Речи Посполитой, I, введеніе, II—IV; *Herrmann,* Geschichte des russischen Staates, V, 359—362, и донесенія Эссена—у Германа-же V, 576—584; *Раумеръ* Beiträge, V, 549—552; см. еще *Сорель*, Европа и французская революція, I, 400—403. Вообще недостатки польскаго внутренняго устройства, можно сказать—общее мѣсто для многихъ историческихъ трудовъ,—см. *Карѣевъ,* Паденіе Польши въ исторической литературѣ.

[2]) *Rambaud*, Recueil, IX, 214.

[3]) *Rambaud,* Recueil, IX, 243; *Broglie,* Le secret du roi, II, 257—258.

умѣли убѣдить себя софистическими соображеніями, что слабость Польши служитъ лучшею гарантіею въ томъ, что между тремя ея сосѣдями—Россіей, Пруссіей и Австріей—никогда не состоится никакого соглашенія или твердаго союза, опаснаго для вліянія Франціи въ Европѣ, потому что эти три сосѣда всегда будутъ сталкиваться между собою, претендуя каждый на преимущественное вліяніе въ Польшѣ [1]). Австрійскій министръ, князь Кауницъ-Ритбекъ, обнаружилъ въ отношеніи къ польскимъ дѣламъ странныя колебанія: занятый преимущественно своими страхами предъ Пруссіей, не забывши Силезіи, онъ строилъ планъ за планомъ, одинъ химеричнѣе другаго, принимая во вниманіе и Пруссію вообще, и вопросъ о Силезіи въ частности, и Россію, и Турцію, и союзъ свой съ Франціей; желая все это примирить и всегда, конечно, что нибудь тутъ для себя выиграть, онъ ни одного своего плана не проводилъ достаточно твердо и потому въ наступившія смуты не получилъ въ Польшѣ сколько нибудь замѣтнаго вліянія [2]). Изъ другихъ европейскихъ правительствъ еще пожалуй римская курія имѣла поводъ вмѣшаться въ дѣла Польши, потому что вопросъ о расширеніи правъ диссидентовъ могъ казаться покушеніемъ на господствующее положеніе католичества; но римская курія занята была въ это время движеніемъ противъ іезуитовъ, поднявшимся въ Испаніи и Франціи, да къ тому-же ловкимъ пріемомъ на первомъ сеймѣ Россія достигла того, что папское правительство отнеслось къ кандидату Россіи довольно безразлично [3]).

[1]) *Соловьевъ*, кн. V, 1517—1523; кн. VI, 67—69.

[2]) *Beer*, Die erste Theilung Polens, I, 118, 125, 127, 130, 132, 151, 168, 169, 170, 180, 202. Въ сочиненіи *A. Wolf und Zwiedineck*, Oesterreich unter Maria Theresia, Iosef II und Leopold II, въ главѣ, посвященной характеристикѣ главнѣйшихъ дѣятелей этихъ трехъ царствованій, князь Кауницъ характеризованъ такъ: «Kein Minister des XVIII Iahrhunderts hat so viel und so unermüdlich gearbeitet, als Kaunitz; man ist erstaunt über den Zahl, Gründlichkeit und Mannigfaltigkeit der Gutachten und Denkschriften, welche er Maria Theresia und Iosef vorgelegt hat. Er zeigt sich darinn als ein klarer Denker, aber ebenso sehr als ein grosser Theoretiker; er liebte es, allgemeine Betrachtungen über die europäische Verhältnisse anzustellen, und seine Politik daraus zu berechnen. Nicht alles ist tief durchdacht und richtig — 88; сужденіе авторовъ о степени и характерѣ участія Австріи въ польскихъ дѣлахъ слабо и необосновано—157.

[3]) *Askenasy*, Die letzte polnische Königswahl, 41, 125

Въ Польшѣ скоро обозначились партіи, имѣвшія кандидатовъ на престолъ. Прежде всего претендентомъ являлся старшій сынъ покойнаго короля новый курфирстъ саксонскій Христіанъ-Фридрихъ, конечно, желавшій наслѣдовать отцу и въ Польшѣ такъ же, какъ въ Саксоніи; самъ принцъ былъ слабый, болѣзненный человѣкъ съ апатичнымъ характеромъ и его приверженцы, саксонская партія, были руководимы его энергическою супругой, Маріей Антоніей, которая приняла на себя, можно сказать, вообще все веденіе дѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ вскорѣ послѣ смерти Августа гр. Брюль, его главный министръ, удалился отъ управленія. Курфирстъ саксонскій пользовался особеннымъ сочувствіемъ двора вѣнскаго—по версальскому договору Австрія и Франція обязались взаимно возвести на польскій тронъ кого нибудь изъ саксонскихъ принцевъ: Австрія имѣла въ виду преимущественно его; кандидатами саксонской партіи являлись отчасти и два другіе сына покойнаго короля, принцы Ксаверій и Карлъ; изъ нихъ Ксаверію, генералу французской службы, наиболѣе благоволило французское правительство, а Карлъ, бывшій герцогъ курляндскій, пользовался наибольшими симпатіями въ Польшѣ [1]). Рядомъ съ саксонскою партіею стояла партія престарѣлаго гетмана короннаго, гр. Браницкаго, который тоже мечталъ о коронѣ; вскорѣ между его партіею и партіею саксонскою состоялось соглашеніе, по которому обѣ партіи рѣшились дѣйствовать заодно, въ пользу принца саксонскаго, а если кандидатура его окажется безнадежною—то обѣ вмѣстѣ въ пользу Браницкаго. Серьезнѣйшими противниками этихъ партій являлись Чарторижскіе, со своими многочисленными приверженцами, въ числѣ которыхъ находился и племянникъ ихъ, графъ Станиславъ Понятовскій; возникла на короткое вре мя химерическая кандидатура кн. Любомірскаго, не имѣвшаго никакой партіи, поговаривали о кандидатурѣ Лещинскаго, герцоговъ брауншвейгскаго и пармскаго [2]); впослѣдствіи Репнинъ замѣтилъ и сообщилъ Панину, что Адамъ Чарторижскій, повидимому, мечтаетъ о коронѣ для себя. Всѣ эти кандидаты, кромѣ кандидатовъ саксонской партіи, не были,

---

[1]) *Askenazy*, 20—21.

[2]) *Askenazy*, 43.

впрочемъ, кандидатами серьезными и почти не озабочивали русскаго правительства; сообщеніе Репнина о Чарторижскомъ повело только къ тому, что русскими представителями 27 іюля 1764 г. прямо былъ названъ приверженцамъ Россіи ея кандидатъ [1]) и послѣ этого князь Адамъ уже не выставлялъ своей кандидатуры [2]). Такимъ образомъ Россіи приходилось бороться только съ партіями саксонской и Браницкаго. Курфирстъ саксонскій и его супруга писали письма съ просьбою о содѣйствіи въ достиженіи польскаго трона Екатеринѣ, Фридриху, къ другимъ дворамъ и ко многимъ польскимъ магнатамъ [3]); Марія Антонія готова была предложить за поддержку притязаній ея мужа хотя-бы довольно значительную часть Польши, лишь бы полу-

[1]) Ашкенази говоритъ, что Кейзерлингъ былъ готовъ склониться на сторону князя Адама; Ашкенази не называетъ источникъ этого своего свѣдѣнія; мы готовы видѣть тутъ слишкомъ широкое толкованіе словъ Понятовскаго о разговорѣ съ нимъ Кейзерлинга — Mémoires secrets, 37—38, но по русскимъ источникамъ мы не знаемъ о подобномъ взглядѣ Кейзерлинга. Ашкенази продолжаетъ, 52 (см. еще 70—73), Panin hingegen—und dieses Umstand verdient ganz besondere Beachtung — gab durchaus dem Stolnik den Vorzug. Er hatte dazu die verschiedensten Gründe. Erstens machte er sich dadurch der Kaiserin angenehm, die immerhin ein gewisses, wenn auch nicht zu überschatzendes, persönnliches Interesse, eine gewise Pique dieser Candidatur entgegenbrachte», затѣмъ по словамъ Ашкенази, Панинъ, поддержкою Понятовскаго хотѣлъ досадить Орлову и т. д.; въ примѣчаніи Ашкенази говоритъ: mit gewohntem Scharfblick hat dies Ruhliére, II, 63, 178 ff. erkannt... и поясняетъ, что замѣчаніе Рюльера тѣмъ интереснѣе, что въ немъ онъ столько же имѣлъ въ виду отношенія Шуазеля и Дюбарри, какъ Панина и Орлова (!?) — но въ нашихъ глазахъ именно это обстоятельство и лишаетъ замѣтку Рюльера уже всякаго значенія: мы не можемъ сомнѣваться, что Рюльеръ и вставилъ ее именно для того, чтобы сдѣлать намекъ на французское министерство, и вовсе не видимъ въ этомъ повода разыскивать такія же отношенія въ Петербургѣ.

[2]) *Соловьевъ*, кн. VI, 44, 49, 50; Ашкенази придаетъ повидимому какое то особое значеніе тому, что Репнинъ объявилъ кандидатуру Понятовскаго безъ прямаго предписанія изъ Петербурга и кажется видитъ въ этомъ эпизодъ изъ какой то, по нашему мнѣнію не существовавшей, борьбы партій Кейзерлингъ — Чарторижскіе и Репнинъ — Понятовскій (70, 72—73); но во всякомъ случаѣ поступокъ Репнина былъ встрѣченъ въ Петербургѣ съ полнымъ одобреніемъ. — *Сборникъ*, т. LI, 452, 473, 486. По словамъ Понятовскаго же Кейзерлингъ объявилъ его кандидатуру по прямому предписанію Панина, который рѣшился такъ приказать, хотя императрица колебалась—Mémoires—40—42.

[3]) Письмо къ Екатеринѣ и отвѣтъ ея—*Сборникъ*, т. XXII, 134—137, письмо къ Фридриху — *Сборникъ*, т. XX, 175 — 176 и Oeuvres, XXIV, 47 о немъ см. выше; о письмахъ къ Польшу—*Beer*, die erste Theilung Polens, I, 107—111, 113—117.

чить остальное [1]). Изъ Петербурга на ея письмо послѣдовалъ холодный отвѣтъ; это не помѣшало саксонской партіи разглашать повсюду, что избраніе саксонскаго принца будетъ пріятно всѣмъ европейскимъ дворамъ [2]). Такъ какъ со смертью короля Августа нельзя было уже, по польскимъ законамъ, саксонскому дому держать въ Польшѣ даже и тотъ небольшой отрядъ собственныхъ войскъ, въ 1200 человѣкъ, какой разрѣшено было сеймовыми постановленіями держать послѣднему королю, то большая часть отряда этого была распущена; гетманъ Браницкій и нѣкоторые изъ Потоцкихъ немедленно приняли всѣхъ оставившихъ саксонскія знамена на свою службу [3]).

6-го декабря (ст. ст.) 1763 г. умеръ новый курфирстъ саксонскій; послѣ него остался сынъ Фридрихъ Августъ, который, какъ малолѣтній — ему было всего 13 лѣтъ — не могъ уже являться кандидатомъ на польскую корону; кандидатура его дядей, Ксаверія и Карла, тоже вскорѣ сама собою пала, потому что они не имѣли достаточно средствъ, чтобы нести тѣ издержки, безъ которыхъ былъ совершенно немыслимъ какой либо успѣхъ въ Польшѣ. Серьезнымъ противникомъ русской партіи остался теперь Браницкій. Онъ со своими главными сторонниками, княземъ Радзивиломъ и графами Потоцкими, началъ теперь энергически дѣйствовать въ разныхъ концахъ Польши, чтобы обезпечить отправку на сеймъ преданныхъ ему

---

[1]) *Askenazy*, 25, 30, пр.

[2]) *Сборникъ*, т. LI, 52, 53.

[3]) *Сборникъ*, т. LI, 152. О партіяхъ въ Польшѣ см. вообще *Соловьевъ*, кн. Ѵ, 1504. Совершенно непонятныя неточности допускаетъ въ изложеніи этихъ вопросовъ *Костомаровъ*, Послѣдніе годы Речи Посполитой, I, 90: «По смерти Августа III, по поводу выбора новаго короля, въ Польшѣ возникли обычныя смуты. Двѣ партіи Чарторижскихъ и *Огинскихъ* (?) стали враждебно одна противъ другой (очевидно, слѣдовало сказать «Чарторижскихъ и *Браницкаго*», Огинскій принадлежалъ къ партіи Чарторижскихъ—см. *Соловьевъ*, кн. Ѵ, 1504, *Hermann*, V, 363, наконецъ *Сборникъ* т. XLVIII, 127, 132, 180, 355, 614, т. LI — passim). Обѣ заискивали помощи у Россіи (?! совершенно невѣрно: противники Чарторижскихъ никогда у Россіи не заискивали). Сильная партія Чарторижскихъ, во главѣ которой стояли два брата—канцлеръ Михаилъ и воевода русскій Августъ, отправила въ Петербургъ племянника по сестрѣ этихъ братьевъ, Станислава Понятовскаго» (?? это послѣ смерти Августа ?!). Подобныя же неточности встрѣчаются, къ сожалѣнію, у Костомарова и далѣе—см. 95—97, 102.

депутатовъ. Эти могущественные магнаты, опираясь на войско, ими содержимое,—а одинъ Браницкій имѣлъ до 2000 солдатъ, тогда какъ во всей Польшѣ по законамъ было ни болѣе 18000 чел., обыкновенное же число солдатъ не превышало 8000 [1])— начали въ воеводствахъ кіевскомъ, брацлавскомъ и на Волыни разгонять сеймики, если находили, что составъ ихъ не соотвѣтствуетъ ихъ желаніямъ; князь Радзивилъ въ виленскомъ воеводствѣ разгонялъ каптурные суды и назначалъ въ нихъ новыхъ членовъ по своему произволу, между тѣмъ, какъ значеніе этихъ судовъ было очень велико: они возникали на время междуцарствія въ замѣну судебныхъ мѣстъ, существовавшихъ при королѣ; судьи, выбранные для присутствія въ нихъ, судили именемъ народа; при установившихся въ Польшѣ нравахъ эти суды являлись наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ производить давленіе въ пользу одной и противъ другой партіи [2]); Радзивилъ произвелъ даже открытыя нападенія на членовъ противной партіи, между прочимъ, на перваго литовскаго сенатора, епископа виленскаго, князя Масальскаго [3]).

Первое время Екатерина думала вывести изъ Польши находившіеся тамъ русскіе отряды, о чемъ просилъ и преданный намъ примасъ; по законамъ польскимъ избраніе короля не могло состояться, пока въ странѣ есть чужеземныя войска. Эти отряды рѣшено было удалить, если распущены будутъ саксонскія войска и отряды, принятые изъ ихъ состава на службу Браницкимъ и Потоцкими; но такъ какъ этого достигнуть Кейзерлингъ не успѣлъ, то и русскія войска остались въ Польшѣ. Но Екатерина и Панинъ не согласились на просьбы Чарторижскихъ, чтобы русскіе полки были распущены въ Польшѣ и затѣмъ поступили-бы на службу къ нимъ, подобно тому, какъ это сдѣлано было съ саксонскими войсками; они находили, что неприлично намъ слѣдовать такому примѣру обхода законовъ и, что̀ главное, русскія войска не бываютъ отдаваемы въ наемъ [4]).

[1]) По самому широкому разсчету республика не могла собрать болѣе 25000— *Костомаровъ*, I, 15, 70; *Сборникъ*, т. LXVII, 104.

[2]) *Beer*, Die erste Theilung, I, 106; *Herrmann*, V, 364.

[3]) *Сборникъ*, т. LI, 240—251.

[4]) *Сборникъ*, т. LI, 202; между тѣмъ Сольмсъ въ своихъ донесеніяхъ не

На частныхъ сеймикахъ между тѣмъ Чарторижскіе пріобрѣли перевѣсъ приблизительно въ 45 голосовъ [1]); и было весьма вѣроятнымъ, что партія Чарторижскихъ провозгласитъ конфедерацію, о чемъ уже и заговорили послѣ нападенія Радзивила на князя Масальскаго; а такъ какъ во время конфедерацій дѣла на сеймахъ рѣшались уже не единогласно, а по большинству голосовъ, то становилось весьма вѣроятнымъ торжество кандидата Чарторижскихъ. Чтобы помѣшать этому партія Браницкаго рѣшила воспользоваться выборами пословъ на сеймъ отъ прусской провинціи. Дѣло въ томъ, что по закону число пословъ на сеймъ отъ Польской Пруссіи не было ограничено; при существованіи единогласія на сеймахъ это не имѣло существеннаго значенія; но если сеймъ долженъ былъ собраться при конфедераціи, то заботливо подобранный составъ прусскихъ депутатовъ могъ оказать существенное вліяніе на исходъ сейма. А такъ какъ въ Польской Пруссіи имѣлъ громадныя помѣстья Радзивилъ, то партія Браницкаго и надѣялась отправить отъ этой провинціи надежныхъ депутатовъ въ такомъ количествѣ, что перевѣсъ, пріобрѣтенный Чарторижскими, будетъ вполнѣ парализованъ. Выборы депутатовъ были заранѣе еще назначены на 16 марта 1768 г. въ Грауденцѣ; партія Браницкихъ привезла сюда множество преданныхъ ей лицъ, даже и изъ другихъ воеводствъ, чтобы выставить ихъ кандидатами отъ прусской провинціи.

Въ Грауденцѣ давно уже стоялъ довольно значительный отрядъ русскихъ войскъ подъ предлогомъ охраны рус-

---

разъ говоритъ о такой передачѣ русскихъ войскъ Чарторижскимъ какъ о дѣлѣ рѣшенномъ—*Сборникъ*, т. XXII, 210, 219—изъ этого примѣра еще разъ видно, какъ осторожно надо относиться къ сообщеніямъ иностранцевъ, когда они говорятъ о рѣшеніяхъ или намѣреніяхъ русскаго правительства.

[1]) Мы принимаемъ цифру, даваемую Ашкенази, 76, который говоритъ, что взялъ цифру, сообщаемую Матушевичемъ, потому что съ этимъ показаніемъ сходятся свѣдѣнія, заключающіяся въ Дрезденскомъ архивѣ; такъ-же изображаютъ результаты сеймиковъ свѣдѣнія, шедшія черезъ Сольмса, *Сборникъ*, т. XXII, 204, 250; см. *Соловьевъ*, кн. V, 44. Существуютъ однако и совершенно противоположныя указанія, говорящія о пораженіи партій Чарторижскихъ— см. *Herrmann*, V, 364, 365; *Beer*, Die erste Theilung, I, 158 и др. Принимаемъ сообщеніе Ашкенази не только потому, что оно, повидимому, лучше обосновано, но и потому, что оно болѣе объясняетъ дальнѣйшіе поступки противной партіи.

скихъ магазиновъ — Браницкій, занимавшій мѣсто гетмана, имѣлъ неосторожность отказаться принять на себя отвѣтственность за цѣлость этихъ магазиновъ. 13 марта командовавшій отрядомъ генералъ-маіоръ Хомутовъ вывелъ войска изъ города, чтобы не стѣснять свободы избранія; но немедленно начали окружать городъ отряды разныхъ магнатовъ, все сторонниковъ Браницкаго [1]); тогда Хомутовъ потребовалъ удаленія и этихъ войскъ и, получивъ отказъ, возвратился въ городъ со своимъ отрядомъ. Между поляками начались длинные споры и препирательства, взаимныя обвиненія въ нарушеніи законовъ страны, но, въ виду русскаго отряда, сторонники Браницкаго не рѣшились на открытое насиліе, сеймикъ былъ объявленъ не состоявшимся и разошелся, не избравъ пословъ.

Дѣйствуя противъ Россіи внутри страны, Браницкій искалъ поддержки и у другихъ державъ. Онъ послалъ въ Константинополь полковника Станкевича, который, при дѣятельной поддержкѣ французскаго посла Верженна, старался возбудить Порту противъ Россіи; онъ внушалъ, что всякое вмѣшательство Россіи противузаконно, отвергая, что по нѣкоторымъ трактатамъ за Россіею до извѣстной степени признано право на вмѣшательство въ дѣла Польши; онъ утверждалъ, что Екатерина хочетъ выйдти за Понятовскаго замужъ и соединить, такимъ образомъ, Россію и Польшу, что̀ очень опасно для Турціи. Но Обрѣзковъ успѣшно возражалъ противъ этихъ внушеній. Онъ указывалъ, что если избраніе на престолъ поляка непріятно Австріи и Франціи, что́ было всѣмъ извѣстно, то именно потому, что Австрія желаетъ сохранить свое вліяніе въ Польшѣ и всегда имѣть въ ней союзника противъ Порты; что Австрія вообще противодѣйствуетъ Россіи вслѣдствіе неудовольствія за то, что Россія оставила ея союзъ, а союзомъ этимъ Австрія дорожитъ именно для борьбы съ Турціей. Такія внушенія противъ Австріи дѣйствовали; Францію Порта въ это время слушала менѣе, чѣмъ обыкновенно, потому что была не-

---

[1]) По русскимъ документамъ, вѣроятно, увеличившимъ число этихъ войскъ оно достигало 7,000—*Сборникъ*, т. LI, 288; по другимъ, вѣроятно уменьшеннымъ, свѣдѣніямъ, число ихъ едва достигало [illegible] Theilung, I, 158, 159.

довольна ею за сближеніе съ Австріей. Панинъ писалъ между прочимъ Обрѣзкову, что, конечно, желательно устроить наши дѣла въ Польшѣ помимо вмѣшательства Турціи, но что рѣшено довести ихъ до конца во что-бы то ни стало и разрѣшалъ Обрѣзкову даже пригрозить Турціи, что если она будетъ противодѣйствовать видамъ Россіи въ Польшѣ, то Россія снова соединится съ Австріею противъ Турціи [1]).

Австрія явилась въ Петербургѣ заступницею за саксонскую партію. Немедленно-же послѣ смерти Августа III князь Кауницъ издалъ въ Варшавѣ декларацію по поводу предстоящаго избранія короля; но декларація эта была составлена такъ неискусно, съ такими промахами противъ польскихъ законовъ и столь явно пристрастно въ пользу саксонскаго принца, что многіе поляки, не принадлежавшіе пока къ русской партіи, но недовольные Августомъ и особенно его всемогущимъ министромъ гр. Брюлемъ, прямо примкнули къ сторонникамъ Чарторижскихъ [2]). Затѣмъ Кауницъ поручилъ австрійскому послу въ Петербургѣ кн. Лобковичу вступить съ русскими министрами въ объясненіе по поводу польскихъ дѣлъ; часть вопросовъ Лобковича изложена въ протоколѣ совѣщаній его съ Панинымъ и вице-канцлеромъ, часть была имъ продиктована; отвѣты-же даны были ему съ предварительнаго одобренія императрицы.

Кн. Лобковичъ сказалъ, что императрица-королева желаетъ вѣдать, кому предпочтительно съ русской стороны прочится корона польская, чтобы о томъ заблаговременно можно было согласиться, что декларація, сдѣланная въ Варшавѣ русскимъ и прусскимъ послами объ исключеніи отъ избранія чужестранныхъ принцевъ, не согласуется съ увѣреніемъ, что республикѣ будетъ оставленъ вполнѣ свободный выборъ, наконецъ, что, если Россія введетъ предъ избраніемъ короля въ Польшу войско, то и Австрія сдѣлаетъ то-же, и что она вообще приметъ

---

[1]) *Сборникъ*, т. LI, 141, 142, 227, 243, 320, 360, 429, 434 и др.; *Соловьевъ*, кн. VI, 69—73; *Zinkeisen*, Geschichte des osmanischen Reiches, VI, 903—904; *Flassan*, Histoire générale et raisonnée de la diplomatie française, VII, 82, 83. Замѣчательна эта угроза новымъ союзомъ съ Австріей противъ Турціи уже въ это время!

[2]) *Beer*, Die erste Theilung, I, 113, 146—149.

дѣятельное участіе въ событіяхъ, если увидитъ, что какая-либо держава хочетъ поставить въ Польшѣ короля противъ вольнаго избранія націи. На это отвѣчали прежде всего указаніемъ, что ни одно правительство не можетъ отрицать, что «россійскій интересъ въ польской республикѣ въ сравненіи съ другими интересами гораздо болѣе и важнѣе» и давали понять, что ждутъ уступчивости со стороны Австріи: указывая, что «во многихъ прежде бывшихъ случаяхъ Россія уступала своими интересами и желаніями вездѣ, гдѣ она находила интересъ австрійскаго дома въ сравненіи своего важнѣе», Панинъ высказывалъ надежду, что «такъ и вѣнскій дворъ, признавая здраво и справедливо разность важности между своего и россійскаго интересовъ въ разсужденіи Польши, конечно, не захочетъ для какихъ-либо персональныхъ и временныхъ предилекцій положить камень претыканія во взаимныя дружескія отношенія Россіи и Австріи». Относительно будущаго короля ограничились повтореніемъ, что желаютъ короля пяста, такъ какъ вполнѣ признаютъ основательность соображеній въ пользу такого избранія, представленныхъ въ Петербургъ нѣкоторыми здравомыслящими поляками; что касается деклараціи, то указывали, что тамъ есть не «исключеніе», а «совѣтъ исключить», и поясняли: «исключать и совѣтывать исключеніе суть двѣ вещи совсѣмъ разныя; исключаетъ тотъ, кто въ томъ право имѣетъ, а совѣтывать каждому невозбранно»; на заявленіе, что Австрія введетъ свои войска и вообще не допуститъ навязать Польшѣ короля, не избраннаго свободно, отвѣтили столь же прямымъ, даже болѣе твердымъ заявленіемъ, что русскій дворъ тоже, «согласуясь вѣнскому», не допуститъ никакую постороннюю державу «противъ вольнаго и свободнаго избранія дѣлать короля въ Польшѣ», и прибавили еще оговорку, что Россія съумѣетъ сдѣлать различіе между дѣйствительно желаніемъ польскаго народа и желаніемъ какой-нибудь одной партіи, «которая, всегда жертвуя всѣ права и законы своего отечества собственному самоволію, на все поступить готова». На второй конференціи Лобковичъ продиктовалъ свои вопросы и заявленія. Онъ напоминалъ, что императрица-королева согласна подкрѣплять избраніе только

такого пяста, котораго пожелаютъ сами поляки, по прежнему возражалъ противъ исключенія кого бы то ни было отъ избранія и затѣмъ спрашивалъ: «если вольное избраніе падетъ на одного изъ саксонскихъ принцевъ, то изволитъ ли ея императорское величество тѣмъ довольна быть или не станетъ ли со своей стороны противиться, и что хотя бы вѣнскій дворъ и охотно видѣлъ такое въ пользу саксонскаго дома вольное избраніе, однако не намѣренъ подкрѣплять его силою въ надеждѣ, что и ея императорское величество своего кандидата силою подкрѣплять не будетъ». На это отвѣчали, что при искреннемъ желаніи сохранить вольность избранія короля, «никто зазрить не можетъ россійскому двору, когда онъ непріятелямъ и несклоннымъ къ имперіи препятствуетъ, а друзей и благонамѣренныхъ подкрѣпляетъ, особенно, если притомъ того требуетъ сохраненіе внутренней тишины и конституціи сосѣдственной націи»; на вопросѣ о принцѣ саксонскаго дома Панинъ очень искусно ловилъ Кауница, отвѣчая, что изъ этого условнаго предложенія какъ бы выходитъ, что вѣнскій дворъ уже опредѣлилъ своего кандидата изъ дома саксонскаго и говорилъ, что императрица «еще себѣ дозволить не можетъ вѣрить этому», такъ какъ такое рѣшеніе шло бы слишкомъ въ разрѣзъ съ условленными уже принципами; вмѣстѣ съ тѣмъ Панинъ распространялся о слабости саксонской партіи, говоря, что «колобродный Радзивилъ», главное въ ней лицо, скорѣе всѣхъ отвращаетъ, чѣмъ привлекаетъ, своимъ поведеніемъ, а Браницкій, конечно, думаетъ о коронѣ для себя, а не для саксонскаго принца. Лобковичъ заключалъ свое сообщеніе призывомъ соблюдать вольность избранія, повидимому, желая намекнуть, что Россія ее нарушаетъ,—ему отвѣчали, что императрица именно этого и желаетъ и ждетъ, что австрійскому послу въ Варшавѣ будетъ предписано «откровенно въ томъ содѣйствовать съ здѣшними тамъ министрами» [1]).

[1]) Отвѣты Лобковичу, сообщенные съ Высочайшей апробаціи 26-го марта 1764 г.—*Сборникъ*, т. LI, 234—238; конференціи, на которыхъ сдѣлалъ свои заявленія австрійскій посолъ, происходили 29-го января и 3-го февраля—*Соловьевъ*, кн. VI, 64—65. Сольмсъ въ депешѣ отъ 6-го февраля 1764 г. сообщаетъ о конференціи Панина съ Лобковичемъ, бывшей 4-го февраля; отвѣтъ, влагаемый Сольмсомъ въ уста Панина, совершенно вѣрно передаетъ

Несомнѣнно, что Кауницъ думалъ поставить своими вопросами русскую дипломатію въ неловкое положеніе, заставить высказаться, вызвать на какія-нибудь заявленія, которыя бы ее стѣснили; но Панинъ, съ обычнымъ своимъ искусствомъ, съумѣлъ избѣжать ловушки, отлично отпарировалъ всѣ скрытые удары и, ничѣмъ не связавши себѣ рукъ, не высказавши ничего лишняго, онъ еще нашелъ возможность сдѣлать австрійской дипломатіи нѣсколько неловкихъ для нея упрековъ и дать почувствовать, что рѣшенія Россіи тверды, что она ждетъ уступчивости отъ Австріи, а сама ни въ какомъ случаѣ не уступитъ. Поведеніе его въ этомъ случаѣ стоитъ въ полномъ согласіи съ тѣми мыслями о необходимости отклонять излишнія притязанія вѣнскаго двора, дать ему чувствовать, что Россія можетъ и желаетъ вести свою собственную политику, на которыя такъ жаловался графъ Мерси; въ Петербургѣ, къ тому же, имѣли свѣдѣнія, что Австрія только пробуетъ запугать, что она, быть можетъ рѣшится даже на нѣкоторыя демонстраціи, но что если ихъ не испугаться, то австрійцы притихнутъ, такъ какъ войны вести они не въ состояніи [1]).

III.

Сторонники русской партіи, видя, что большинство имъ на сеймѣ обезпечено, воспользовались насиліями, произведенными партіею Браницкаго, особенно Радзивиломъ, для того, чтобы провозгласить конфедерацію. Въ мартѣ 1764 г. епископъ виленскій, князь Масальскій, обратился прямо въ Петербургъ съ просьбою содѣйствовать объявленію конфедераціи; Панинъ отвѣтилъ ему, что Россія готова поддержать конфедерацію и предлагалъ условиться о подробностяхъ съ Кейзерлингомъ и

смыслъ сказаннаго Панинымъ австрійскому послу, но значительно болѣе рѣшителенъ, пожалуй даже рѣзокъ; быть можетъ, разговаривая предварительно съ Сольмсомъ, Панинъ сообщалъ ему, что онъ отвѣтитъ, но при этомъ не былъ такъ остороженъ въ выраженіяхъ, какъ въ оффиціальномъ документѣ — *Сборникъ*, т. XXII, 212—213. Къ депешѣ Сольмса отъ 4-го апрѣля 1764 г. приложенъ французскій переводъ отвѣта Панина — *Сборникъ*, т. XXII, 224—234, ср. *Сборникъ*, т. LI, 234—238.

[1]) *Сборникъ*, т. LI, 312—переписка Екатерины съ Кейзерлингомъ.

Репнинымъ; изъ Петербурга былъ отправленъ для того чтобы состоять при Масальскомъ нѣкій маіоръ Бандре. 29-го марта сообщено было въ Петербургѣ иностраннымъ представителямъ о рѣшеніи, принятомъ русскимъ правительствомъ. 5-го апрѣля (ст. ст.) началась въ Вильнѣ литовская конфедерація подъ покровительствомъ отряда князя Дашкова, 17-го апрѣля она была облечена въ законную форму, представленіемъ въ мѣстный гродскій судъ акта о конфедераціи, имѣвшаго уже до 1,000 подписей. Въ концѣ апрѣля долженъ былъ вступить въ Польшу еще 6,000-ный русскій отрядъ; спеціально высланные русскими послами изъ Варшавы люди должны были указывать этому отряду деревни противниковъ Россіи, чтобы конфисковать доходы владѣльцевъ; при этомъ особенно пострадалъ князь Радзивилъ; значительная часть его огромныхъ имѣній была передана его родственникамъ, еще большая часть конфискована и ему самому оставленъ лишь доходъ въ 3,000 червонцевъ въ годъ; Радзивилъ удалился въ Саксонію. Затѣмъ отряды Хомутова, князя Дашкова и Кашкина двинулись къ Варшавѣ, такъ какъ около нея сторонники Браницкаго собирали свои войска, чтобы оказать давленіе на сеймѣ [1]).

Противная партія была уже въ сборѣ въ Варшавѣ. Еще 2-го апрѣля (ст. ст.) Браницкій съ 12 сенаторами, главнѣйшими своими приверженцами, явился къ примасу и требовалъ, чтобы онъ вмѣстѣ съ ними подписалъ просьбу къ императрицѣ объ отозваніи изъ Польши всѣхъ русскихъ отрядовъ, или чтобы отложилъ сеймъ; примасъ не согласился. Тогда вожди этой партіи сами послали такого содержанія письмо въ Петербургъ, а къ другимъ дворамъ—жалобы на образъ дѣйствія Россіи. Черезъ нѣсколько дней и Чарторижскіе со своими сторонниками отправили письма въ Петербургъ, Константинополь, Берлинъ, Парижъ и Вѣну; они, конечно, составлены были въ совершенно противоположномъ смыслѣ: Чарторижскіе просили о защитѣ русскими войсками вольности ихъ отечества отъ насилія партій; какъ однимъ изъ поводовъ къ этой просьбѣ воспользовались упомянутою выше декларацією Кауница; примасъ

---

[1]) *Сборникъ*, т. LI, 263, 276, 304, 309; т. LVII, 5; т. LXVII, 66; *Соловьевъ*, кн. VI, 67; *Askenazy*, 79.

не подписалъ и этихъ писемъ [1]). Въ Петербургѣ отнеслись къ письму партіи Браницкаго крайне неблагопріятно; тамъ нашли — или, лучше сказать, показали видъ, будто нашли — письмо недостаточно почтительнымъ по тону, обвинили подписавшихъ письмо въ обманѣ за то, что они помѣтили письмо исходящимъ изъ дворца примаса, скрывъ, что примасъ не согласился его подписать, а также скрыли и то, что не подписавшій его писарь коронный также находился въ Варшавѣ; просьбу же литовской конфедераціи, конечно, приняли благосклонно; въ Петербургъ пріѣзжалъ отъ литовской конфедераціи чашникъ литовскій графъ Оскерка; 10-го мая онъ принятъ былъ на аудіенціи императрицею; въ запискѣ Панину императрица выразилась такъ: «а рѣчь его такова, что подданный болѣе сказать не могъ» [2]); въ маѣ въ Польшу былъ направленъ еще новый значительный корпусъ войскъ, подъ начальствомъ князя М. Н. Волконскаго [3]).

26-го апрѣля 1764 г. открылся сеймъ конвокаціи. Партія Браницкаго протестовала противъ начала совѣщаній въ присутствіи русскихъ войскъ, явно покровительствовавшихъ противной партіи и 27-го, вечеромъ, въ количествѣ до 2,000 пословъ, сторонники Браницкаго покинули Варшаву. Законы польскіе не давали совершенно неоспоримаго указанія, можетъ или нѣтъ конвокаціонный сеймъ происходить при конфедераціи; Чарторижскіе со своими сторонниками объявили, что сеймъ этотъ законенъ и при конфедераціи; маршаломъ былъ избранъ князь Августъ Чарторижскій и совѣщанія были открыты [4]).

---

[1]) *Сборникъ*, т. LI, 325—331; 374—383; *Askenazy*, 90—91; *Beer*, Die erste Theilung, I, 146—149.

[2]) *Сборникъ*, т. LI, 336, 365; т. VII, 359.

[3]) *Сборникъ*, т. LI, 376—377. Фридрихъ тоже возмущался поступкомъ партіи Браницкаго и писалъ въ этомъ духѣ къ Сольмсу; но отношеніе петербургскаго двора къ этому эпизоду опредѣлилось совершенно самостоятельно: письмо Фридриха отъ 27-го апрѣля н. ст., а еще отъ 24-го апрѣля н. ст. Сольмсъ изъ Петербурга сообщалъ, что въ Петербургѣ уже составлено изложеніе всѣхъ этихъ событій — оно и напечатано въ *Сборникѣ*, т. LI, 374—383 и отличается очень твердымъ тономъ — ср. *Сборникъ*, т. XXII, 238—239 и 239—240.

[4]) *Соловьевъ*, VI, 47; *Herrmann*, V, 369—370: *Beer*, Die erste Theilung, I, 161—163; *Askenazy*, 99—101.

Сеймъ, прежде всего, исполнилъ нѣкоторыя русскія требованія: былъ признанъ императорскій титулъ русскихъ государей, а также королевскій титулъ за королемъ Пруссіи, герцогомъ курляндскимъ признанъ Биронъ; отъ имени республики выражена была императрицѣ благодарность за оказанную помощь и принесена просьба и впредь помочь привести въ послушаніе республикѣ войска, послѣдовавшія за Браницкимъ, который 1 мая лишенъ былъ гетманства и оно передано князю Адаму Чарторижскому; наконецъ, примасъ и маршалъ конфедераціи вручили русскимъ посламъ двѣ записки, въ которыхъ просили, чтобы императрица «по употребленному ею попеченію о спокойствіи всей республики, соизволила приложить стараніе о возстановленіи тишины въ Курляндіи». Принести благодарность отъ имени республики отправленъ былъ въ Петербургъ писарь коронный, графъ Ржевусскій, другъ Станислава Понятовскаго. Всѣмъ этимъ, конечно, были довольны; особенно же пріятна была въ Петербургѣ просьба возстановить тишину въ Курляндіи и вотъ какое толкованіе придавали въ Петербургѣ этой просьбѣ: «сей поступокъ примаса и маршала конфедераціи,—писалъ Панинъ въ оффиціальномъ рескриптѣ Кейзерлингу и Репнину отъ 2-го августа 1764 г.,—обращая торжественно въ одолженіе республикѣ возстановленіе съ нашей стороны герцога курляндскаго, узаконяетъ притомъ покровительство наше всѣмъ республики дѣламъ» [1]). Нельзя, конечно, не видѣть извѣстной натяжки въ этомъ объясненіи; но, за неимѣніемъ пока ничего болѣе подходящаго, постарались хоть эти заявленія истолковать въ желательномъ для себя смыслѣ, — мы видѣли уже, что въ инструкціи Кейзерлингу и Репнину предписывалось стараться получить какой либо подобный поводъ къ вмѣшательству въ дѣла республики; не захотѣли упускать предлога къ этому, хотя и довольно отдаленнаго.

Удовлетворивши, такимъ образомъ, русскія требованія, сеймъ сдѣлалъ нѣкоторыя постановленія относительно предстоящаго избранія короля польскаго. Рѣшено было, что вы-

---

[1]) *Сборникъ*, т. LI, 441.

боръ можетъ пасть только на поляка и католика; подъ страхомъ конфискаціи имущества и объявленія врагомъ отечества запрещено было предлагать въ кандидаты чужеземныхъ принцевъ; во избѣжаніе двойныхъ выборовъ, запрещено было подъ страхомъ тяжелыхъ наказаній епископамъ и архіепископамъ короновать кого-либо—по закону это право принадлежало только примасу; избирательный сеймъ назначенъ на 16-е августа (ст. ст.); далѣе—заявлена была торжественно преданность республики католицизму; примасу поручено было получить папскія утвержденія на шесть новыхъ польскихъ канонизацій и пять беатификацій, всѣ прежнія постановленія противъ дессидентовъ подтверждены. Наконецъ, Чарторижскіе, всѣмъ распоряжавшіеся на сеймѣ, провели на немъ безъ всякаго сопротивленія рядъ реформъ, повидимому, не захватывавшихъ глубоко польскаго государственнаго строя, но въ сущности такихъ, которыя должны были преобразить Польшу въ государство съ гораздо болѣе твердою властью, которую Чарторижскіе надѣялись направить такъ, чтобы поднять свое отечество во всѣхъ отношеніяхъ. Прежде всего опредѣлены были нѣкоторыя улучшенія въ устройствѣ суда, увеличены доходы казны введеніемъ общей для всѣхъ мостовой пошлины и установленіемъ пошлины съ вывозимаго хлѣба. Затѣмъ проведены были еще болѣе важныя постановленія. Въ тогдашней Польшѣ всѣ войска и высшіе сановники были подчинены только сейму, а не королю; de facto, слѣдовательно, они были вполнѣ безконтрольны, потому что въ теченіе уже двухъ вѣковъ едва одинъ сеймъ въ 30 лѣтъ оканчивался благополучно и слѣдовательно могъ потребовать у нихъ отчета. Теперь четыре важнѣйшіе сановника, два гетмана и два подскарбія — т. е. завѣдывавшіе войскомъ и завѣдывавшіе финансами — были лишены своей прежней власти и всѣ ихъ дѣла переданы были въ вѣдѣніе коммиссій военной и скарбовой; подобныя коммисіи были нерѣдко назначаемы сеймами для изслѣдованія или обсужденія того или другаго вопроса; теперь онѣ были объявлены постоянными; состояли онѣ каждая изъ 16 членовъ, которые въ промежутокъ между состоявшимися сеймами назн ролемъ; на сеймахъ рѣшеніе вопросовъ военн

выхъ подчинено «судебному порядку». Этими постановленіями вносились въ польское государственное устройство коренныя, чрезвычайно важныя измѣненія: король, прежде лишенный всякаго значенія въ дѣлахъ управленія, такъ какъ главныя лица въ каждой отрасли управленія подчинены были только сейму, получалъ, по новымъ порядкамъ, возможность очень сильно вліять на управленіе войскомъ и финансами черезъ назначаемыхъ имъ членовъ; такъ какъ сеймы обыкновенно срывались, то королевская власть могла почти навѣрно обѣ эти коммиссіи держать вполнѣ въ своей зависимости; «рѣшеніе дѣлъ судебнымъ порядкомъ» означало рѣшеніе дѣлъ не единогласно, а по большинству голосовъ—слѣдовательно на конвокаціонномъ сеймѣ 1764 года былъ введенъ способъ рѣшать важнѣйшія финансовыя и военныя дѣла, производить въ нихъ необходимыя улучшенія и измѣненія, безъ зависимости отъ всякаго сумасброда, которому придетъ фантазія сорвать сеймъ, или подкупленнаго на это человѣка [1]).

Мы знаемъ уже, что въ планы русскаго правительства не входили такія перемѣны въ польскомъ устройствѣ; въ инструкціяхъ Кейзерлингу и Репнину говорилось о сохраненіи въ Польшѣ анархіи, выгодной для сосѣднихъ державъ; кажется поэтому нѣсколько страннымъ, что на глазахъ русскихъ и прусскаго пословъ проведены были на сеймѣ такія постановленія. Нѣкоторые писатели [2]) объясняютъ это тѣмъ, что будто-бы Чарторижскіе сообщили Кейзерлингу свои планы въ латинскомъ переводѣ, который не соотвѣтствовалъ польскому тексту ихъ предложеній, что въ теченіе сейма Кейзерлингъ былъ боленъ, а Репнинъ не зналъ еще всѣхъ тонкостей польскаго государственнаго устройства и не понималъ значенія нѣкоторыхъ уловокъ. Самъ Репнинъ, впрочемъ, не выставлялъ прямо такихъ обвиненій противъ Чарторижскихъ: въ 1767 г. онъ писалъ только: «я съ оскорбительнымъ признаніемъ долженъ донести, что всѣ здѣшняго двора замашки происходятъ отъ попустительства нашего на созывательномъ сеймѣ и что новость моя въ дѣлахъ въ то время

---

[1]) *Сборникъ*, т. LI, 356, 393, 395, 440; *Соловьевъ*, VI, 48—49; 62; *Herrmann*, V, 367—376; *Beer*, Die erste Theilung, I, 161—166; *Askenazy*, 99—105;

[2]) См. напримѣръ *Raumer*, Polens Untergang, 26.

хотя малою частью тому причиною, ибо, высоко уважая тогда проницательность и знаніе покойнаго графа Кейзерлинга, я совершенно полагался на нихъ и предавался его волѣ; а онъ, какъ теперь, къ сожалѣнію, видно, обманутъ былъ двоедушіемъ нашихъ друзей и двурѣчивыми конституціями того сейма» [1]). Но послѣдній изслѣдователь этого вопроса, изучивъ документы русской дипломатической переписки по этимъ вопросамъ, пришелъ къ выводу, по нашему мнѣнію, вполнѣ правильному: онъ находитъ, что на конвокаціонномъ сеймѣ Панинъ допустилъ сдѣлать постановленія, не согласныя съ видами Россіи, единственно для того, чтобы не осложнять положенія; въ теченіе этого сейма главная цѣль русскаго правительства была добиться избранія на тронъ польскій Станислава Понятовскаго и открыть себѣ путь къ вмѣшательству во внутреннія дѣла Польши; только этого и добивались изъ Петербурга. Но когда эта цѣль была достигнута—въ ближайшемъ-же будущемъ Россія безъ малѣйшихъ колебаній начала борьбу противъ этихъ, неудобныхъ и не желательныхъ для нея, постановленій, хотя проведенныхъ тою партіей, которая считалась русскою [2]).

Постановленіе сейма исключить изъ числа кандидатовъ на польскій тронъ всѣхъ иностранныхъ принцевъ вызвало сильное неудовольствіе въ Парижѣ и Вѣнѣ. Французскій представитель, баронъ Польми получилъ приказаніе заявить примасу, что такъ какъ республика, очевидно, находится подъ постороннимъ давленіемъ и дѣйствуетъ не свободно, французскій король не считаетъ возможнымъ держать при ней своего представителя. На аудіенціи у примаса, 27 мая (ст. ст.) Польми сдѣлалъ это заявленіе, послужившее поводомъ къ рѣзкой сценѣ между нимъ и примасомъ, послѣ чего Польми уѣхалъ; въ серединѣ іюля уѣхалъ изъ Варшавы и графъ Мерси, посолъ Австріи, затѣмъ уѣхали послы испанскій и саксонскій [3]).

Сеймъ, между тѣмъ, по истеченіи законнаго шестинедѣльнаго срока, разошелся въ первой половинѣ іюня; время, протекшее затѣмъ до открытія избирательнаго сейма, не было

---

[1]) *Соловьевъ*, т. VI, 436.
[2]) *Askenazy*, 107—108.
[3]) *Rambaud*, Recueil, IX, 243; *Askenazy*, 113, 114.

ознаменовано ничѣмъ особеннымъ; явной борьбы внутри страны уже не было; противники русской партіи молчали, оставленные державами, на которыя они наиболѣе разсчитывали, и которыя, однако, не нашли возможнымъ въ данный моментъ продолжать борьбу съ русскимъ вліяніемъ. Въ это именно время, 27 іюня, Репнинъ открыто сообщилъ о томъ, что кандидатомъ Россіи является Понятовскій; характеристично для тогдашняго польскаго общества, что поѣздка Екатерины въ это время въ прибалтійскія губерніи вызвала въ Варшавѣ живѣйшія надежды, что Екатерина прибудетъ въ польскую столицу!... [1]).

12 августа начали съѣзжаться въ Варшаву послы; къ открытію сейма собралось ихъ до 5.000, хотя не рѣдко прежде бывало во много разъ болѣе; 16 августа князь Репнинъ оффиціально сообщилъ сейму о желаніи императрицы всероссійской, чтобы королемъ польскимъ былъ избранъ графъ Станиславъ Понятовскій, и 26 сентября при полномъ спокойствіи графъ Станиславъ Понятовскій и былъ единогласно избранъ королемъ польскимъ онъ вступилъ на престолъ съ именемъ Станислава-Августа [2]). На другой день онъ собственноручнымъ письмомъ извѣщалъ объ этомъ императрицу; 19 сентября она отвѣчала ему собственноручнымъ-же письмомъ, по черновику, составленному Панинымъ. «Государь братъ мой, писала Екатерина, единодушіе, возводящее васъ на тронъ, одинаково свидѣтельствуетъ и о свободѣ выбора вашего народа, и о доблестяхъ, его привлекшихъ. Польша взираетъ на власть въ рукахъ ревностнаго патріота, любящаго и понимающаго ея интересы, какъ на прочный залогъ своего счастья» и т. д. [3]); а Панину немедленно послѣ полученія извѣстія объ избраніи Понятовскаго Екатерина писала: «Никита Ивановичъ. Поздравляю васъ съ королемъ, котораго мы дѣлали. Сей случай наивяще умножаетъ мою къ вамъ довѣренность,

---

[1]) *Askenazy*, 116, 117 пр.

[2]) *Соловьевъ*, книга VI, 51; *Herrmann*, V, 376; *Beer*, Die erste Theilung, I, 167, 172—174; *Askenazy*, 125. Странно, что самъ Понятовскій обманывалъ себя комедіею своего вольнаго и единодушнаго избранія, по крайней мѣрѣ въ своихъ Mémoires secrets онъ посвящаетъ этому собранію особые Anecdotes relatives à mon élection, 40—42, въ которыхъ съ удовольствіемъ замѣчаетъ, что никогда въ Польшѣ не было такого спокойнаго и единодушнаго избранія.

[3]) Сборникъ, т. LI, 489—491.

ибо я вижу, какъ безошибочны были всѣ, взятыя вами мѣры» и пр. [1]). Новаго короля немедленно признали Россія и Пруссія; Австрія и Франція, а за ними и Турція, медлили съ признаніемъ; но наконецъ Кауницъ сталъ доказывать, что медлить долѣе значитъ прямо толкать Польшу въ объятія Россіи и въ 1765 г. состоялось это признаніе; Австрія выговорила прощеніе Радзивилу и Браницкому, Франція отплатила за ссору примаса съ Польми тѣмъ, что въ отвѣтъ на очепь пышное, торжественное посольство изъ Варшавы, отвѣтила назначеніемъ третьестепеннаго уполномоченнаго [2]).

Новому королю Екатерина подарила 100.000 червонцевъ и назначила до сейма коронаціи, то-есть, на два мѣсяца, по 14.000 червонцевъ въ мѣсяцъ. Деньги эти Станиславъ-Августъ бралъ и не думалъ, кажется, что приближается моментъ, когда отъ него потребуютъ расплаты за все, что онъ принялъ отъ Россіи.

19 сентября 1764 г. умеръ въ Варшавѣ графъ Кейзерлингъ; посломъ на его мѣсто, съ его правами и съ его содержаніемъ, остался князь Н. В. Репнинъ.

Уже 24 сентября Репнину было предписано представить въ Варшавѣ декларацію въ пользу диссидентовъ, подписанную 11 іюля 1764 года въ Петербургѣ между представителями Россіи и Пруссіи [3]); впослѣдствіи къ этому заявленію при-

---

[1]) *Сборникъ*, т. VII, 373—374.

[2]) *Beer*, Die erste Theilung, I, 181—183.

[3]) Ашкенази, 109, полагаетъ, что декларація въ защиту диссидентовъ была *лишь помѣчена 11-го іюля*, чтобы придать видъ, будто бы она составлена была еще во время междуцарствія, тогда какъ въ дѣйствительности она составлена была въ октябрѣ. Но это едва ли вѣрно. Въ *Сборникѣ*, т. LI, 417 сдѣлано указаніе, что декларація апробована императрицею 9-го іюля, подписана же 11-го; ср. *Сборникъ*, т. XXII, 302—304. Едва ли можно допустить, чтобы на бумагахъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ допускаемы были невѣрныя помѣтки о высочайшей апробаціи. Ашкенази основывается на словахъ Сольмса, въ депешѣ отъ 6-го (17-го) августа, что «Панинъ назначилъ было уже день для подписанія вмѣстѣ со мною министерской конвенціи относительно диссидентовъ, но болѣзнь его помѣшала это исполнить»—*Сборникъ*, т. XXII, 294; но мы не имѣемъ еще права утверждать, что здѣсь дѣло шло именно объ этой самой декларацiи, а не о какомъ либо другомъ общемъ рѣшеніи Россіи и Пруссіи. Изъ депешъ Сольмса же видно, что еще въ концѣ іюня 1764 г. Фридрихъ выражалъ свое удовольствіе по поводу сообщеній Сольмса о намѣреніи императрицы оказать серьезную под-

соединились Англія и Данія. Репнинъ долженъ былъ внушать, что императрица считаетъ себя вполнѣ въ правѣ «требовать и ожидать отъ благодарности королевской и всей республики», что не останется безуспѣшнымъ ея «столь правосудное и столь къ персональной славѣ ея, сколько и къ собственной чести нынѣшняго польскаго вѣка служащее предстательство» за сограждан польскихъ, незаконно, вопреки торжественнымъ трактатамъ и собственнымъ польскимъ фундаментальнымъ законамъ и вольности, терпящихъ гоненіе за исповѣданіе другой христіанской религіи, въ которой они рождены и воспитаны; короля лично Репнинъ долженъ былъ убѣждать, что онъ пріобрѣтетъ себѣ безсмертную славу, побѣдивъ въ своемъ отечествѣ «страшилище суевѣрія»; посолъ могъ и грозить, что при упорствѣ поляковъ императрица «нѣкоторыми вынужденными способами» добьется того, чего она имѣетъ право ожидать отъ благодарности націи. Въ Петербургѣ ожидали, что на коронаціонномъ сеймѣ будетъ случай «воспользоваться пріобрѣтенною въ Польшѣ поверхностью инфлюенціи нашей и справедливою новаго короля за всѣ наши одолженія благодарностью, дабы и другіе предметы желаній нашихъ, въ прежней инструкціи пространно изображенные, привесть къ вожделѣнному окончанію»; Панинъ совѣтовалъ Репнину, «не упустить настоящій, дорого купленный случай», такъ какъ «едва ли другой можетъ толь скоро изысканъ быть и толь много къ совершенію желаній нашихъ предуготовленъ быть, какъ настоящій»; польза и слава имперіи требовали, по словамъ Панина, чтобы Россія непремѣнно достигла поставленныхъ ею себѣ цѣлей.

Декларація была представлена коронаціонному сейму, созванному на 23-го ноября (ст. ст.), на этотъ разъ, вопреки обычаю, не въ Краковѣ, а въ Варшавѣ. Но Чарторижскіе съумѣли такъ представить смыслъ постановленій о сеймахъ коронаціи, что они могутъ касаться только вопросовъ, поставленныхъ уже на сеймѣ конвокаціонномъ и избирательномъ [1]);

держку диссидентамъ и свою готовность принять въ этомъ дѣлѣ участіе—*Сборникъ*, т. XXII, 261—слѣдовательно, нѣчто относительно диссидентовъ было уже рѣшено въ Петербургѣ въ концѣ іюля.

[1]) *Herrmann*, т. V, 378—379.

поэтому этотъ сеймъ декларацiи о диссидентахъ даже и не разсматривалъ; онъ постановилъ только, что для выгодъ республики должно «имѣть негоцiацiю» съ Россiей, но ограничилъ предметъ этой негоцiацiи только пограничными отношенiями [1]); затѣмъ онъ подтвердилъ реформы въ польскомъ государственномъ устройствѣ, проведенныя Чарторижскими на сеймѣ конвокацiонномъ; онъ закончился благополучно, потому что собранъ былъ при конфедерацiи, которая давала возможность рѣшать дѣла по большинству голосовъ.

Вопросъ о диссидентахъ такимъ образомъ отлагался до слѣдующаго, обыкновеннаго сейма, который долженъ былъ собраться черезъ два года, то-есть въ 1766 году. Но Панинъ, конечно, не думалъ ничуть вести это дѣло съ меньшею энергiею, онъ, напротивъ, въ теченiи этихъ двухъ лѣтъ подготавливалъ почву, чтобы получить въ Польшѣ влiянiе, какого добивался; онъ не разъ писалъ Репнину, что начатое дѣло не будетъ оставлено, не только не смотря на малую склонность поляковъ исполнить требованiя Россiи, но даже хотя бы неизбѣжно стало употребленiе военной силы. Чисто съ государственной точки зрѣнiя, какъ средство водворить въ Польшѣ влiянiе Россiи, разсматривалъ Панинъ диссидентскiй вопросъ; всего лучше выражены имъ его мысли по этому поводу въ депешѣ 14-го августа 1767 г., въ которой онъ излагаетъ Репнину «главное правило, которое какъ сначала было, такъ и теперь есть, да и впредь должно быть непремѣннымъ руководствомъ всѣхъ нашихъ намѣренiй и подвиговъ», а именно: «чтобы совершить диссидентское дѣло не для распространенiя въ Польшѣ нашей и протестантской вѣръ, но для прiобрѣтенiя себѣ онымъ, черезъ посредство нашихъ единовѣрныхъ и протестантовъ, единожды навсегда твердой и надежной партiи, съ законнымъ правомъ участвовать во всѣхъ польскихъ дѣлахъ», причемъ, по мысли Панина, диссиденты, какъ слабѣйшая часть, всегда должны искать поддержки у Россiи. Очень откровенно — какъ вообще всегда въ перепискѣ съ русскими дѣятелями, своими сподвижниками — Панинъ высказывается, что протестантскiя религiи, обузды-

[1]) *Сборникъ*, т. LXXXVII, 374.

вающія суевѣріе и сокращающія власть духовенствъ, излишне распространившись въ Польшѣ, могутъ, пожалуй, вывести поляковъ изъ ихъ невѣжества и мало по малу сдѣлать ихъ опасными для Россіи, «покровительницы ихъ въ настоящее время и соперницы первой и главной въ будущее, ибо между политическими обществами ни злоба за претерпѣнное, ни благодарность за полученныя одолженія извѣстнымъ образомъ мѣста имѣть не могутъ». Что касается православія, то отъ распространенія его не настоитъ, по мнѣнію Панина, подобной опасности, но онъ находитъ невыгоднымъ излишнее распространеніе правъ диссидентовъ-православныхъ, достиженіе для нихъ слишкомъ многихъ удобствъ и выгодъ, настолько, чтобы они не нуждались въ помощи Россіи и своими собственными силами могли бы совершенно хорошо устроиться въ Польшѣ, ибо это, по его мнѣнію, непремѣнно вызвало бы значительное увеличеніе числа побѣговъ въ Польшу изъ сосѣдственныхъ русскихъ губерній. Смотря такъ на дѣло диссидентовъ, Панинъ, конечно, могъ отложить его до болѣе удобнаго случая, но, само собою разумѣется не могъ, да и не думалъ отъ него отказываться. Между тѣмъ онъ велъ и поднималъ съ польскимъ правительствомъ другія дѣла. Къ марту 1765 г. состоялось соглашеніе образовать соединенную русско-польскую коммиссію для окончательнаго улаженія всѣхъ существующихъ и могущихъ возникнуть недоразумѣній; для предварительнаго осмотра спорныхъ пунктовъ по границѣ, для ознакомленія съ мѣстными условіями съ русской стороны отправлены были ген.-пор. Веймарнъ и ген.-маіоръ Бибиковъ, которые должны были, начавши первый отъ Риги, второй изъ Новороссійской губерніи, съѣхаться въ Смоленскѣ, собравъ по возможности большое количество точныхъ свѣдѣній [1]). Русскія войска, возвращаясь въ декабрѣ 1764 г. изъ Польши, доставили, отчасти, то удовлетвореніе, котораго такъ постоянно и такъ тщетно требо-

[1]) *Сборникъ*, т. LVII, 19, 211—217. По преувеличеннымъ, вѣроятно, сообщеніямъ Эссена изъ Варшавы, Веймарнъ и Бибиковъ требовали уступки въ пользу Россіи территоріи съ населеніемъ въ 160,000 семействъ—*Herrmann*, т. V, 384; но во всякомъ случаѣ никакихъ подобныхъ пріобрѣтеній, до самаго перваго раздѣла Польши, Россія отъ нея не сдѣлала.

вало русское правительство отъ польскаго — они вывели съ собою множество бѣглыхъ. Конечно, съ русской стороны утверждали, что всѣ взятые взяты были лишь по самымъ дорогамъ безъ всякихъ насилій и только тѣ, которые сами назвали себя выходцами изъ Россіи и заявляли о желаніи своемъ вернуться, но болѣе чѣмъ вѣроятно, что было не вполнѣ такъ, что допущены были и захваты; по крайней мѣрѣ немедленно по выступленіи войскъ канцлеръ литовскій, кн. Михаилъ Чарторижскій, подалъ Репнину заявленіе, что русское войско позволило себѣ многія насилія, говорилъ, что захвачено 73 человѣка природныхъ поляковъ и просилъ возвратить незаконно выведенныхъ; его просьба не была исполнена; отвѣтили вышеприведенными заявленіями и этимъ удовольствовались; въ іюлѣ 1765 г. Репнинъ успѣлъ выхлопотать королевскій универсалъ, запрещавшій принимать въ Польшѣ и Литвѣ бѣглыхъ изъ Россіи и предписывавшій выдавать ихъ по первому требованію [1]). Въ іюлѣ же пріѣхалъ въ Варшаву православный епископъ бѣлорусскій, Георгій Конисскій; 16-го іюля онъ имѣлъ аудіенцію у короля и представилъ ему жалобы на утѣсненія православныхъ; король обѣщалъ ихъ удовлетворить во всемъ; но затѣмъ дѣло остановилось: начали наводить всевозможныя справки по жалобамъ Конисскаго, справки доставлялись, конечно, очень медленно и пристрастно; канцлеръ литовскій не скрывалъ своего полнаго несочувствія къ мысли удовлетворить жалобы православныхъ [2]). Между тѣмъ Панинъ, преслѣдуя въ Польшѣ свои, давно уже намѣченныя цѣли, поручалъ Репнину склонить Польшу къ заключенію съ Россіей оборонительнаго союза; союзъ этотъ онъ считалъ очень важнымъ на случай столкновенія съ Турціею; по его мнѣнію, союзъ съ Польшей съ избыткомъ уравновѣсилъ бы потерянное Россіей по отношенію къ Турціи съ того момента, когда Россія прекратила свои союзныя отношенія къ Австріи, такъ какъ прежде «россійскія съ Портою замѣшательства» часто зависѣли отъ отношеній къ Портѣ Австріи, теперь же — Панинъ не сомнѣвается — польскія отношенія къ Турціи стали бы опредѣ-

---

[1]) *Сборникъ*, т. LVII, 26, 227, 276, 285, 301, 338.

[2]) *Соловьевъ*, кн. VI, 142; 418—419.

ляться отношеніями къ ней Россіи, «ибо долго еще до тѣхъ временъ, когда бы Порта могла принять противу Польши хотя бы равную, не только превосходную зависть и страхъ, каковые она имѣетъ противъ вѣнскаго двора» [1]). Въ это же время Панинъ велъ переписку съ Репнинымъ по вопросу о реформахъ въ польскомъ государственномъ устройствѣ. Послѣ избранія Станислава-Августа въ Петербургъ прибылъ съ извѣщеніемъ объ этомъ гр. Ржевусскій. Онъ между прочимъ завелъ съ Панинымъ рѣчь объ ограниченіи на сеймахъ liberum veto и объ увеличеніи числа войскъ въ Польшѣ. Въ предписаніяхъ Репнину Панинъ высказывался самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ того и другаго предложенія, поручалъ, между прочимъ Репнину представлять предъ королемъ, что попытки его провести такія реформы могутъ вызвать недовѣріе сосѣднихъ державъ и кончиться печально лично для короля [2]).

Но въ Польшѣ не обнаруживали никакой склонности слушать Панина и Репнина и дѣлать пріятное Россіи; новый король и его ближайшіе родственники и совѣтники имѣли свои

---

[1]) *Сборникъ,* т. LVII, 10; т. LXVII, 526.

[2]) *Сборникъ,* т. LVII, 84, 85, 253. Довольно трудно утверждать съ увѣренностью, насколько такое рѣшеніе принято было въ Петербургѣ самостоятельно или подъ вліяніемъ короля прусскаго. Сольмсъ въ сентябрѣ 1764 г. сообщилъ Фридриху, будто бы Панинъ склоняется къ предложенному Ржевусскимъ различенію между liberum veto и liberum rumpo и соглашается допустить, чтобы каждый депутатъ однимъ своимъ голосомъ могъ бы отклонять каждое отдѣльное предложеніе, но чтобы этимъ сеймъ не былъ разрываемъ съ уничтоженіемъ всѣхъ его постановленій, а могъ бы продолжаться и постановить рѣшенія по другимъ дѣламъ—единогласныя или по большинству голосовъ, какъ полагалось по тому или другому роду дѣлъ. По поводу этого донесенія Фридрихъ прислалъ нѣсколько депешъ, въ которыхъ энергически возстаетъ противъ допущенія этой реформы—*Сборникъ,* т. XXII, 317 — 338. Но мы видѣли уже, что еще значительно ранѣе, въ 1763 г., Панинъ говорилъ о необходимости поддерживать въ Польшѣ ея устройство и тогда Фридрихъ заявлялъ Сольмсу о своемъ полномъ согласіи со взглядами Панина—*Сборникъ,* т. XXII, 106—107, 144 — 145, 152. 154. Затѣмъ, какъ увидимъ далѣе, въ окончательномъ рѣшеніи этого вопроса, русское правительство приняло нѣсколько несомнѣнно самостоятельныхъ рѣшеній; Панинъ даетъ даже намъ основаніе думать, что рѣшено было особенно энергично противиться этимъ реформамъ послѣ того, какъ оказалось, что путемъ поддержки и проведенія ихъ думалъ усилить свое вліяніе въ Польшѣ вѣнскій дворъ—*Сборникъ,* т. LXXXVII, 374, 375; ср. еще *Askenazy*, 17, 18, 72 пр.

планы и хотѣли ихъ провести. Станиславъ Августъ все еще не хотѣлъ или не умѣлъ понять, что онъ возведенъ Россіей на польскій престолъ не для выгодъ Польши, а для выгодъ Россіи; поляку, конечно, и естественно заботиться о выгодахъ Польши; но тогда не слѣдовало принимать высшаго мѣста въ своей родинѣ на правахъ бывшаго любимца императрицы русской, а Понятовскій именно такъ понималъ свое положеніе [1]). Ни одно требованіе русскаго правительства не было удовлетворено; всѣ они встрѣчали самое слабое вниманіе; было ясно, что польскій дворъ хочетъ по прежнему отдѣлаться одними обѣщаніями; отношеніе польскаго правительства къ русскимъ требованіямъ дѣлало несомнѣннымъ, что если слѣдующій сеймъ будетъ собранъ не при конфедераціи, то навѣрно будетъ сорванъ и слѣдовательно предъявленныя Россіею требованія не будутъ узаконены. Поэтому уже въ январѣ 1766 г. Панинъ началъ подумывать объ образованіи въ Польшѣ конфедераціи, которая-бы дала возможность провести на сеймѣ желательныя для Россіи рѣшенія. Панинъ предписывалъ Репнину сближаться съ людьми, склонными къ конфедераціи противъ правительства, и тѣмъ, которые готовы поддержать и диссидентовъ, говорить, что Россія ни мало не желаетъ утѣснять католичество, что, напротивъ, она вполнѣ согласна признать за нимъ значеніе господствующаго исповѣданія и будетъ довольна возстановленіемъ диссидентовъ «въ нѣкоторую часть равенства и правъ дворянства», и что за католиками будутъ оставлены исключительное право на гетманскія и министерскія мѣста и преобладаніе въ судахъ и администраціи; съ тѣми-же людьми, которые навѣрно не пристанутъ къ конфедераціи въ пользу диссидентовъ, Репнинъ долженъ былъ говорить болѣе твердо, болѣе давать понять, что такъ или иначе, при добровольныхъ уступкахъ со стороны поляковъ, или силою, но Россія рѣшилась достичь желаемаго [2]). Переписка Панина съ Репнинымъ за это время показываетъ и недовольство его поведеніемъ поляковъ и рѣшимость всякими способами достигнуть того вліянія на дѣла Польши, какое онъ поставилъ цѣлью своей по-

---

[1]) *Соловьевъ*, кн. VI, 52—53.
[2]) *Сборникъ*, т. LVII, 226, 338, 366, 448.

литики. Онъ пишетъ, что нельзя не видѣть какого-то предвзятаго рѣшенія уклониться отъ всякаго русскаго предложенія, «направленнаго къ разъясненію и объединенію интересовъ обоихъ народовъ»; онъ говоритъ, что Россія ни мало не желаетъ стѣснять свободу Польши, но угрожающе замѣчаетъ, что благоразуміе должно внушить всякому государству пользоваться этою свободою по отношенію къ сосѣднимъ государствамъ осмотрительно; ему кажется невозможнымъ, чтобы дѣла шли твердо и спокойно, если поведеніе варшавскаго двора не измѣнится, если тамъ «не будутъ воды лить въ вино», и станутъ пытаться вести дѣла совершенно самостоятельно, «по началамъ своей самоопредѣленной собственной политики», говоря словами Панина [1]). Въ письмахъ къ Репнину Панинъ высказывалъ недовольство не только за отношеніе поляковъ къ дѣламъ, непосредственно касавшимся русскаго правительства, но и за то, что безъ вѣдома Россіи отправили изъ Варшавы во Францію извѣщеніе о восшествіи на престолъ Станислава Августа въ особенно любезной формѣ, за то, что король принималъ въ частной аудіенціи курляндца Говена, одного изъ наиболѣе видныхъ противниковъ возстановленія въ герцогскомъ достоинствѣ Бирона [2]); негодовали на излишнюю самостоятельность, проявленную Польшею по отношенію къ Пруссіи и выразившуюся въ установленіи таможни, право устроить которую можно было оспаривать на основаніи разныхъ конституцій и на устройство которой Фридрихъ немедленно отвѣтилъ заведеніемъ таможни, чтобы сбирать пошлину съ польскихъ судовъ, проходившихъ по рѣкамъ, которыя принадлежали частями своими Пруссіи; по усиленной просьбѣ Станислава Августа въ это дѣло вмѣшалась сама императрица и, хотя не безъ труда, достигла того, что были уничтожены обѣ вновь заведенныя таможни [3]).

Руководителями и вдохновителями короля въ этой самостоятельной политикѣ были князья Чарторижскіе, несомнѣнно са-

---

[1]) *Сборникъ*, т. LVII, 226, 339—341, 367, 368.

[2]) *Сборникъ*, т. LVII, 369, 444; *Соловьевъ*, кн. VI, 143—144.

[3]) *Сборникъ*, т. LVII, 226, 261—263, 364, 445—447, 492—494; т. XXII, 315, 380, 385.

мые замѣчательные люди среди современныхъ имъ польскихъ политическихъ дѣятелей. Но совершенно справедливо замѣтилъ одинъ историкъ, что средства, къ какимъ прибѣгали Чарторижскіе для достиженія своихъ цѣлей, столь-же заслуживали порицанія, какъ цѣли противной имъ партіи [1]). Уже въ февралѣ 1765 г. въ Петербургѣ на нихъ смотрѣли недружелюбно, въ апрѣлѣ 1766 г. уже говорили о томъ, что нужно образовать въ Польшѣ русскую партію помимо Чарторижскихъ, около Потоцкихъ, въ маѣ рѣшено было по возможности отклонять отъ нихъ всякія новыя пожалованія и милости [2]). Россія, та грозная сила, которую призвали сами Чарторижскіе вступиться во внутреннія дѣла ихъ отечества, Россія хотѣла теперь на дѣлѣ осуществить тѣ требованія, какія предъявила она поляку, соглашавшемуся ихъ принять, въ увлеченіи блескомъ короны, требованія, чтобы онъ «почиталъ интересы русской имперіи собственными своими, ихъ остерегалъ и имъ по возможности поспѣшествовалъ», чтобы онъ былъ полезенъ интересамъ имперіи; и эти требованія собиралась осуществить та сила, которая видѣла во вмѣшательствѣ въ польскіе королевскіе выборы «случай наиважнѣйшій существительнаго интереса имперіи нашей», и прямо заявляла въ то-же время своимъ слугамъ, что всѣ предпринимаемыя мѣры имѣютъ въ виду только пользу русскаго государства...

Въ исторіи дальнѣйшихъ русско-польскихъ отношеній на нашихъ глазахъ будутъ парализованы Россіей всѣ попытки Чарторижскихъ ввести благодѣтельныя для ихъ отечества реформы. Казалось-бы, что патріотическія предпріятія и усилія Чарторижскихъ, навлекшія на нихъ неудовольствія Россіи и ею, наконецъ, подавленныя, должны были-бы возбуждать чувства симпатіи къ первымъ и осужденіе образа дѣйствій Россіи. Но вдумавшись внимательнѣе въ событія, едва-ли можно не видѣть, что все поведеніе Чарторижскихъ невѣрно въ самомъ своемъ основаніи, едва-ли можно не признать за Россіей полнаго права, почти обязанности, дѣйствовать именно такъ, какъ она дѣйствовала. Такъ оцѣнить образъ дѣйствій Россіи и ея

---

[1]) *Raumer*, Polens Untergang, 17—18.

[2]) *Сборникъ*, т. LVII, 180, 264, 342, 501, 543.

противниковъ придется даже не на основаніи тѣхъ принциповъ, безспорно прекрасныхъ, которые русское правительство выставляло основаніемъ своихъ дѣйствій; мы знаемъ, что «вѣротерпимость» и «свобода совѣсти», возвращеніе польскимъ гражданамъ правъ, которыхъ они были лишены незаконно и насиліемъ—были лишь предлогами для вмѣшательства; поэтому мы не будемъ принимать ихъ въ разсчетъ при оцѣнкѣ дѣйствій русскаго правительства въ Польшѣ; для нашей оцѣнки намъ послужатъ дѣйствительно существенныя черты въ дѣятельности русскаго правительства въ Польшѣ и поляковъ той партіи, которая являлась противницею русскаго вліянія въ Польшѣ.

Безпристрастно и безъ увлеченій внѣшностью разсматривая событія, нельзя не замѣтить, что дѣятельность Чарторижскихъ всего менѣе была борьбою противъ посторонняго вмѣшательства. Это была борьба противъ посторонней силы, но эту силу они сами, они первые призвали къ вмѣшательству въ дѣла своего отечества, они призвали на польскую землю русскихъ солдатъ, они брали милліоны русскихъ денегъ, они сколько могли подготовили то, что русскіе распорядились высшимъ назначеніемъ въ Польшѣ; они попросили русскихъ силою сдѣлать въ ихъ отечествѣ то, чего сами не могли добиться ни силою физическою, ни силою нравственною и умственною—они призвали силу очевидно болѣе могущественную, чѣмъ они сами, они дали ей распоряжаться въ ихъ отечествѣ, выслушали ея условія, стали дѣйствовать съ нею сообща, не смотря на то, что условія были предъявлены для всякаго поляка унизительныя, они украсились русскими орденами, къ которымъ тогдашнее общество было такъ жадно и чувствовало такое почтеніе, ихъ сообщники обогатились русскими деньгами, они заняли для себя и для своей партіи высокія и доходныя должности—и послѣ всего этого они задумали эту могущественную силу бросить, устранить, и всѣмъ, что они отъ нея получили на условіяхъ, почти какъ подачку—распоряжаться совершенно самостоятельно, словно чѣмъ-то такимъ, что пріобрѣли они своими силами, своимъ умомъ, своимъ трудомъ!! Было почти невозможно логически, чтобы такъ совершилось; русскіе дѣятели

были-бы положительно виноваты въ нравственномъ отношеніи, если-бы это допустили. Вѣдь если-бы Чарторижскіе успѣли въ этомъ, то это значило-бы, что русское правительство совершило преступленіе предъ русскимъ народомъ, такъ какъ русскія деньги и силы были-бы затрачены не только непроизводительно для русскаго народа, но даже съ вредомъ для Россіи, такъ какъ все это ушло бы на усиленіе и улучшеніе государственнаго строя того сосѣда Россіи, который никогда, никогда не былъ ей дружелюбенъ, который нанесъ ей много тяжелыхъ ударовъ, который и тогда враждебно держался по отношенію ко многому, что было дорого всему русскому народу. Русскіе правители, конечно, были нравственно обязаны предъ своимъ народомъ не допускать этого. Какъ извлекали они тѣ выгоды, какихъ должны были искать, какими средствами—это другой вопросъ; онъ можетъ быть обсуждаемъ совершенно отдѣльно; но мы увѣрены, что всякій безпристрастный наблюдатель не скажетъ, чтобы способы русской дипломатіи были худшими въ томъ вѣкѣ [1]; но самый принципъ—сдѣлать затраты русскихъ денегъ и русскихъ силъ непремѣнно лишь съ выгодою для Россіи, для русскаго народа—конечно не можетъ не быть признанъ и справедливымъ и обязательнымъ; и можно только сожалѣть и осуждать всѣ тѣ случаи, когда его нарушали. Затраты-же были сдѣланы далеко не незначительныя: расходы на польскія дѣла составили въ теченіи трехъ лѣтъ суммы значительно болѣе милліона—т. е. 7—8% тогдашняго годоваго бюджета Россіи [1]; для Россіи тогда этотъ расходъ былъ, значитъ, замѣтенъ такъ-

---

[1]) Характеръ и пріемы политики XVIII в. прекрасно изображены въ замѣчательномъ трудѣ *Сореля*, Европа и французская революція, т. I,—картина тамъ представлена поразительно живая и въ достаточной степени возмутительная; въ частности о политикѣ Россіи въ Польшѣ совершенно справедливо замѣчаетъ Беръ, Die erste Theilung, I, 132, что Екатерина не говорила относительно Польши ничего, чего не говорили-бы взъ Берлина и Вѣны; она только была послѣдовательнѣе.

[1]) Съ конца 1763 г. по конецъ 1766 г. было передано Россіею полякамъ не менѣе 430.000 р. и 440.000 червонцевъ—см. *Сборникъ*, т. LI, 150, 265, 332; LVII, 33, 227; LXVII, 49, 131; годовой бюджетъ Россіи не доходилъ въ то время до 20.000,000; впослѣдствіи, по отчетамъ князя Волконскаго и Сальдерна, они тратили не менѣе 12—13,000 ежемѣсячно; съ мая 1771 г. по январь 1772 г. Сальдернъ издержалъ 52,000 дукатовъ.—Моск. Глав. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, дѣла польскія, связка 31.

же, какъ теперь былъ-бы замѣтенъ расходъ въ теченіе трехъ лѣтъ не менѣе 75-ти милліоновъ. И совершенно понятно, что не въ пріятномъ и не въ легкомъ положеніи оказались король Станиславъ Августъ и князья Чарторижскіе, когда имъ предъявлены были требованія вознаградить Россію за все это; тяжесть ихъ положенія и ихъ вина усугублялись тѣмъ, что притязанія и намѣренія Россіи были раскрыты имъ заранѣе, и они тѣмъ не менѣе рѣшились дѣйствовать сообща съ Россіей, увлекаясь только своими идеями, и надѣясь силами Россіи воспользоваться, лишь для выгодъ Польши, и вообще не обдумавши достаточно своего положенія и своихъ шаговъ.

IV.

Въ теченіе двухъ лѣтъ, протекшихъ отъ коронаціи до обыкновеннаго сейма, отношенія русскаго правительства и Чарторижскихъ были вообще холодны и постоянно ухудшались. Въ 1766 году, когда приблизился срокъ обыкновеннаго сейма, Чарторижскіе сдѣлали новую попытку воспользоваться силами Россіи для своихъ цѣлей: они обратились къ Панину съ письмомъ, въ которомъ заявляли о своей готовности служить, вмѣстѣ съ русскимъ правительствомъ, интересамъ Польши; въ письмѣ своемъ они, между прочимъ, старались возложить отвѣтственность за неисполненіе многихъ желаній Россіи лично на короля, обвиняя его въ томъ, что онъ вообще мало слѣдуетъ ихъ совѣтамъ,—по этому пункту Чарторижскіе діаметрально расходились съ Репнинымъ, который писалъ, что нельзя не признать въ королѣ «чрезвычайно много слабости и скоропостижности», но что «навѣрно ни одно дѣло не сдѣлано имъ безъ вѣдома и согласія князей Чарторижскихъ» [1]. Панинъ отвѣчалъ Чарторижскимъ обширнымъ письмомъ, въ которомъ очень прозрачно давалъ понять, что ему извѣстно неискреннее поведеніе ихъ относительно Россіи и прямо говорилъ, что желанія Россіи не могутъ быть разсматриваемы поляками «лишь какъ предложенія»; онъ говорилъ Чарторижскимъ, что дѣло о диссидентахъ на ближайшемъ же сеймѣ будетъ пробнымъ камнемъ, по которому импе-

[1]) *Сборникъ*, т. LXVII, 100.

ратрица будетъ судить объ ихъ патріотическихъ чувствахъ и о готовности ихъ «содѣйствовать успѣху ея видовъ и благополучному теченію дѣлъ»; неудача этого дѣла будетъ «доказательствомъ ихъ нерадѣнія и нежеланія употребить въ соотвѣтствіе видамъ императрицы всѣ свои связи и все свое вліяніе» [1]). Это письмо Чарторижскихъ и свой отвѣтъ на него Панинъ сообщилъ Репнину, просилъ посла перемѣнить въ отношеніи къ нимъ «образъ его персональныхъ поступковъ въ гораздо ласковѣйшій» и говорилъ, что хорошо было бы, если только это возможно, сохранить Чарторижскихъ для руководительства русскою партіею, ибо они самые способные и самые вліятельные изъ всѣхъ польскихъ вельможъ [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ Петербурга отправлены были полковники Каръ и Игельстромъ для того, чтобы объѣхать польскихъ вельможъ, несклонныхъ къ поддержкѣ дѣла диссидентовъ, сообщить имъ о твердомъ и непремѣнномъ намѣреніи русской императрицы провести это дѣло на ближайшемъ сеймѣ, напомнить трактаты и конституціи, которыми диссидентамъ даны были многія права, и по которымъ Россія имѣла право и даже обязанность защищать диссидентовъ, такъ какъ обязалась поддерживать въ Польшѣ прежніе законы и устройство; къ этимъ убѣжденіямъ присоединялись и угрозы гнѣвомъ русской государыни на тѣхъ, кто окажется противникомъ справедливыхъ русскихъ требованій.

Подробныя наставленія на время сейма даны были Репнину въ рескриптѣ отъ 24-го августа 1766 г. Немедленно же по открытіи сейма, непосредственно послѣ избранія сеймоваго маршала, Репнинъ долженъ былъ истребовать себѣ аудіенцію предъ сеймомъ и представить декларацію, составленную въ Петербургѣ. Въ ней заступничеству Россіи за диссидентовъ давалось такое объясненіе: постоянный отказъ сеймовъ внять справедливымъ жалобамъ диссидентовъ на несносныя притѣсненія, какимъ они подвергаются съ нарушеніемъ всѣхъ законовъ, естественнымъ своимъ слѣдствіемъ можетъ имѣть «освобожденіе диссидентовъ отъ обязательствъ общежитія, въ выгодахъ коего имъ не приходится участвовать»; такое положеніе пред-

---

[1]) *Сборникъ*, т. LXVII, 9—20.
[2]) *Сборникъ*, т. LXVII, 44—47.

ставляетъ очевидную опасность для республики, а Россія многими трактатами, заключенными не съ какою либо частью республики, а со всѣми ея гражданами, обязана пещись объ охранѣ республики и потому Россія не можетъ отказать въ своей защитѣ никакой части польскаго государства; равенство въ дворянствѣ есть основа польской свободы и вѣрнѣйшая опора ея конституціи; лишеніе части дворянства многихъ привиллегій его есть результатъ разныхъ смутъ и явная несправедливость: всѣ конституціи, принятыя на сеймахъ въ предосужденіе правъ диссидентовъ, не могутъ имѣть значенія закона, общаго для всѣхъ утѣсняющихъ и утѣсненныхъ, «потому что нѣтъ, не было, да и быть не могло соизволенія на оныя сихъ послѣднихъ, безъ чего законы и не суть законы»; устраненіе такой несправедливости необходимо для того, чтобы обезпечить внутреннее спокойствіе Польши, и на обязанности Россіи лежитъ объ этомъ позаботиться, потому что Россія трактатами обязана охранять внутренніе порядки Польши [1]). Въ рескриптѣ Репнину русскія требованія были изложены проще и опредѣленнѣе. Посолъ долженъ былъ требовать для диссидентовъ полной свободы исповѣданія; русское правительство соглашалось допустить развѣ что нѣкоторые ограничительные пункты, «несущественные въ свободномъ отправленіи религіи»; что касается гражданскаго положенія диссидентовъ, то требовали возможно большаго возстановленія ихъ правъ, соглашаясь лишь на устраненіе ихъ отъ власти гетманской и министерской, но съ постановленіемъ за то, чтобы отъ большинства воеводствъ при двухъ депутатахъ католикахъ третій былъ диссидентъ,—опредѣленіе числа диссидентскихъ депутатовъ и сенаторовъ почитаемо было необходимымъ, чтобы на практикѣ не сократили его слишкомъ. Репнинъ долженъ былъ указывать, что противодѣйствіе католиковъ возстановленію правъ диссидентовъ вызывается въ значительной степени ихъ желаніемъ сохранить исключительно для себя

[1]) Раумеръ замѣчаетъ по поводу этой декларацiи Россіи, что этотъ язык напоминаетъ принципы 1790 года—Polens Untergang, 42. Дѣйствительно, эта д кларація можетъ служить отличнымъ дополненіемъ къ тѣмъ страницамъ у Соре гдѣ онъ подобралъ изъ переписки государей и правителей XVIII вѣка мѣста, оч напоминающія по своему духу идеи, какія проводила впослѣдствіи революц Европа и французская революція, т. I, 126—127.

«всѣ гражданскіе авантажи»; какъ ультиматумъ поставлено было требованіе для диссидентовъ права владѣть городскими староствами. На случай же неудачи Репнинъ долженъ былъ заблаговременно созвать въ Варшаву достаточное количество диссидентовъ, чтобы они немедленно же могли составить конфедерацію. Кромѣ этого главнаго дѣла вниманію Репнина опять поручался вопросъ о границахъ, о бѣглыхъ, объ уничтоженіи новыхъ таможенъ, и особенно — вопросъ о заключеніи союза между Россіею и Польшею.

Навстрѣчу этому рескрипту шло отъ Репнина письмо, въ которомъ онъ сообщалъ о своемъ разговорѣ съ княземъ А. Чарторижскимъ, воеводою русскимъ; разговоръ этотъ происходилъ, очевидно, по поводу послѣдняго письма Панина къ Чарторижскимъ. Князь Августъ разсыпался въ благодарностяхъ русскому двору и говорилъ, что будетъ оказывать полнѣйшую поддержку всѣмъ его требованіямъ, но ни за что не хотѣлъ обѣщать, что примется за дѣло диссидентовъ такъ, какъ того требовали изъ Петербурга; онъ говорилъ, что и никто, вѣроятно, не рѣшится внести на сеймѣ предложеніе о дарованіи диссидентамъ столькихъ правъ, что онъ, по крайней мѣрѣ, никогда на это не осмѣлился бы; на замѣчаніе же Репнина, что онъ только что обѣщалъ свое полное содѣйствіе, онъ отвѣчалъ, что все имѣетъ свои границы; со своей стороны онъ отговаривалъ Репнина отъ всякихъ репрессалій противъ несклонныхъ на русскія требованія и просилъ объ удаленіи изъ Польши русскихъ войскъ; на это Репнинъ сказалъ съ полнымъ основаніемъ, что такъ какъ продолжается еще конфедерація, которая эти войска призвала и объявила дружественными, то и нельзя ихъ возвратить въ Россію [1]).

Сеймъ приближался и было очевидно, что Чарторижскіе намѣрены на немъ вести дѣла далеко не во всемъ согласно съ желаніями Россіи; во многихъ мѣстахъ они тайно отъ русскаго посла старались повліять на выборы пословъ [2]). Дѣло усложнялось тѣмъ, что сеймъ собирался при существованіи конфедераціи «подъ узломъ конфедераціи», какъ т[illegible] говорили, и,

---

[1]) *Сборникъ*, т. LXVII, 76—96, 100-

[2]) *Сборникъ*, т. LXVII, 109—114; .

слѣдовательно, на немъ дѣла должны были рѣшаться большинствомъ голосовъ; такимъ образомъ являлась опасность, что Чарторижскіе и король проведутъ свои рѣшенія; единственнымъ средствомъ отвратить такой нежелательный исходъ дѣла—было уничтожить конфедерацію и Репнину поручено было озаботиться, чтобы къ сейму собралось въ Варшаву достаточное количество пословъ, чтобы можно было требовать и добиться распущенія конфедераціи; вмѣстѣ съ тѣмъ диссиденты должны были, какъ только Репнинъ подастъ русскую декларацію, подать и сами не челобитье, а требованіе, чтобы они возстановлены были въ своихъ прежнихъ правахъ [1]). Изъ Петербурга старались склонить Чарторижскихъ и короля провести диссидентское дѣло согласно съ желаніемъ Россіи, но въ то же время Репнинъ долженъ былъ заявлять, что Россія ни за что не отступится отъ начатаго, потому что теперь уже достоинство Россіи, честь и слава императрицы не позволяютъ оставить дѣло, такъ давно уже поднятое, объявленное предметомъ самаго живаго участія Россіи и уже такъ далеко проведенное, такъ много Россіи стоившее — года черезъ два-три Екатерина говорила о дѣлѣ диссидентовъ уже какъ о своемъ участіи въ отношеніяхъ, «вмѣшаться въ которыя выпало на ея обязанность». Панинъ прямо заявлялъ, что необходимо дать ясно понять, что «не приведя дѣлъ нашихъ до желаемаго ея императорскимъ величествомъ края, нельзя королю помышлять ни о какой для себя новой пользѣ, а еще менѣе стремиться къ оной самымъ дѣломъ» [2]). Въ отвѣтъ на эти внушенія Станиславъ-Августъ написалъ къ своему представителю въ Петербургъ, графу Ржевусскому, нѣсколько писемъ, въ которыхъ говорилъ, что русскія требованія исполнить невозможно, что сама попытка въ этомъ направленіи приведетъ его къ гибели, восклицалъ, что корона, доставленная ему Россіей, будетъ для него одеждой Несса, въ которой онъ сгоритъ; «очень ясно вижу, писалъ онъ, ужасный выборъ, на который я буду вскорѣ вынужденъ, если императрица будетъ настаивать на своихъ

---

[1]) *Сборникъ*, т. LXVII, 102, 108, 116, 122.

[2]) *Сборникъ*, т. LXVII, 42, 43, 51, 56, 96, 113, 117 — 119, 168, 386, 395, 416 и др.; т. LXXXVII, 141, 152, 362, 390, 492, 501.

повелѣніяхъ, ибо мнѣ придется или отказаться отъ столь дорогой для моего сердца и столь необходимой для моего царствованія и для моего королевства дружбы императрицы, или пришлось-бы мнѣ оказаться измѣнникомъ моему отечеству... я не могу измѣнить моему отечеству, если у императрицы остается хоть малѣйшее чувство благоволенія ко мнѣ... (?) я знаю, что сила все можетъ, но развѣ ее употребляютъ противъ тѣхъ, кого любятъ, чтобы принудить ихъ къ вещамъ, которыя они считаютъ величайшимъ зломъ?... Погибнуть ничего не значитъ, но погибнутъ отъ руки, которую любишь — ужасно» [1]). Авторъ письма, повидимому, дѣйствительно, считалъ себя въ положеніи трагическомъ; но у него совершенно не было мужественнаго духа, необходимаго не только для того, чтобы изъ этого положенія выйдти, но даже для того, чтобы оно не было положеніемъ трагикомическимъ; онъ совершенно невѣрно представлялъ себѣ отношенія и обязательства свои и Екатерины; онъ все еще воображалъ, что русская императрица тратила силы и средства своего народа единственно по своей личной прихоти, вовсе не думая о выгодѣ своего государства... Какимъ жесткимъ, но заслуженнымъ упрекомъ были слова императрицы въ отвѣтномъ письмѣ, что она удивляется затрудненію короля въ выборѣ между ея пріязнью и тѣми обязанностями, которыя кажутся ему съ этимъ чувствомъ несогласимыми... [2]). Панинъ отзывался, что письма короля къ Ржевусскому «обнажаютъ такое уныніе духа, какого мы въ немъ никогда не ожидали, съ такими притомъ въ оправданіе себѣ резонами, кои вмѣсто того къ вящему обличенію двоякости и по крайней мѣрѣ ослѣпленія или слабости его служить могутъ». Видя теперь, что ни Чарторижскіе, ни король русскихъ требованій не поддержатъ, Панинъ предписывалъ Репнину въ случаѣ необходимости во что-бы то ни стало добиться уничтоженія конфедераціи, сорвать тогда сеймъ—слѣдовательно помѣшать постановленіямъ, какія думали провести Чарторижскіе и король, затѣмъ образовать партію безъ участія Чарторижскихъ и приступить

---

[1]) *Сборникъ*, т. LXVII, 138—139.

[2]) *Сборникъ*, т. LXVII, 154; это письмо Им[...]трицы сообщены были Сольмсу и имъ Фридри[...]

къ образованію новой конфедераціи, которая будетъ добиваться для диссидентовъ тѣхъ уступокъ, какихъ требуетъ для нихъ Россія [1]). Около того времени король черезъ Ржевусскаго жаловался въ Петербургѣ на недостаточность своихъ доходовъ и изъ Петербурга разрѣшили Репнину выдать ему 50,000 р.; пока просьба короля дошла до Петербурга и изъ Петербурга пришелъ на нее отвѣтъ, король сталъ держаться относительно русскихъ требованій совершенно несогласно съ желаніями Россіи; тѣмъ не менѣе, узнавши о томъ, что Репнину разрѣшено выдать ему денегъ, онъ просилъ ихъ у посла; Репнинъ счелъ, однако, возможнымъ отказать королю въ этой выдачѣ, поставивъ ему на видъ его поступки, и въ Петербургѣ поведеніе Репнина одобрили... [2]).

Сеймъ открылся 25 сентября (ст. стиля) 1766 г. Король передъ сеймомъ необыкновенно дѣятельно интриговалъ, просилъ совѣтовъ и помощи у всѣхъ партій, давалъ всевозможныя обѣщанія, не стѣсняясь постоянно противорѣчить себѣ; онъ надѣялся хитростью обмануть и подчинить себѣ ту силу, которая, какъ онъ самъ думалъ, все можетъ; конечно, все можетъ сила нравственная, съ нею трудно бороться силѣ матеріальной и въ концѣ концовъ всегда торжествуетъ первая; но именно нравственной-то силы, достоинства и правоты, и не было въ поведеніи Станислава-Августа; а хитростями и ложью высокой цѣли достичь невозможно.

Согласно предписаніямъ изъ Петербурга Репнинъ немедленно поднялъ вопросъ о диссидентахъ, но безъ успѣха. 30-го сентября епископъ краковскій Солтыкъ произнесъ по этому поводу фанатическую рѣчь; онъ говорилъ, что различіе религій для государства—позоръ и вредъ и на указанія древнихъ законовъ въ пользу диссидентовъ ссылался на еще болѣе древнія, идущія отъ временъ вселенскихъ соборовъ, постановленія противъ еретиковъ и на законы 1525 года, грозившіе смертью тому, кто будетъ слѣдовать ученію Лютера. Эта рѣчь произвела потрясающее впечатлѣніе, какое намъ трудно даже себѣ представить; тогдашнее польское общество, которое ужъ никакъ не

[1]) *Сборникъ*, т. LXVII, 145—148.
[2]) *Сборникъ*, т. LXVII, 131, 132, 180; 49, 82.

менѣе, а скорѣе болѣе, чѣмъ другіе его современники, забывало и презирало всѣ предписанія религіи, способныя возвышать человѣка нравственно, проявляло необыкновенную ревность къ тѣмъ толкованіямъ религіозныхъ предписаній, которыя давали основаніе для притѣсненій однихъ другими. Король въ пышной рѣчи восхвалялъ Солтыка за его ревность къ вѣрѣ и сказалъ, что счастливъ царствовать надъ народомъ, который такъ горячо принимаетъ къ сердцу вопросы вѣры [1]).

Сеймъ, согласно постановленію избирательнаго сейма, прежде всякихъ другихъ дѣлъ занялся дѣлами экономическими, военными и судебными. 3-го октября партіею Чарторижскихъ внесенъ былъ проектъ измѣненія порядка, какимъ должны быть обсуждаемы и рѣшаемы на сеймѣ «дѣла казенныя и военныя». Репнинъ доносилъ, что «сей проектъ сочиненъ въ весьма генеральныхъ терминахъ, говоря, что эти дѣла должны на всегда всѣ рѣшены быть на сеймахъ множествомъ (то-есть, большинствомъ) голосовъ, не изъясняя, въ чемъ точно сіи матеріи состоятъ». Вмѣстѣ съ прусскимъ резидентомъ въ Варшавѣ, Бенуа, Репнинъ обратился къ Чарторижскимъ съ заявленіемъ, что по смыслу всѣхъ прежнихъ соглашеній, большинствомъ голосовъ могутъ быть принимаемы рѣшенія лишь относительно того, какъ распорядиться уже существующими доходами и существующими уже военными силами, но что введеніе новыхъ налоговъ и увеличеніе войскъ есть уже «матерія государственная» и потому должно быть по прежнему установлено лишь единогласно, ибо иначе уничтожается одно изъ важнѣйшихъ основаній польской вольности и польскаго государственнаго права, именно liberum veto. Произошелъ споръ, въ которомъ кн. Чарторижскій сказалъ, что Польша вольна у себя дѣлать какія ей угодно установленія,—кн. Репнинъ отвѣчалъ, что, конечно, вольна, но что тогда и сосѣди вольны принимать эти постановленія, какъ хотятъ, что поляки, конечно, могутъ этотъ проектъ принять, но сосѣди, тѣмъ болѣе трактатами обязанные охранять внутренній строй Польши, не допустятъ, конечно, осуществить это постановленіе. Кн. Чарторижскій сказалъ, что

---

[1]) *Beer*, Die erste Theilung, I, 196—198; *Сборникъ*, т. LXVII, 120, 123—124, 165.

лучше желалъ бы видѣть республику совсѣмъ уже завоеванною, чѣмъ въ такой зависимости; Репнинъ отвѣчалъ, что все поведеніе Россіи во время междуцарствія доказало, что Россія вовсе не желаетъ держать Польши въ зависимости, но что нарушать фундаментальныхъ законовъ она не позволитъ [1])... Такъ препирались представители Польши, получившіе отъ Россіи два милліона денегъ и думавшіе, что съ Россіи можно только брать, и представитель русскаго правительства, которое готово было давать русскія деньги тѣмъ полякамъ, которые ихъ просили, но которое считало своимъ долгомъ получить за это какія нибудь выгоды для своего народа и потому не хотѣло постановленій, какія находили желательными сами поляки; именно въ это время обратился Станиславъ-Августъ къ Репнину за деньгами, которыхъ выдача ему была разрѣшена; Репнинъ отказалъ, какъ мы видѣли; Панинъ хвалилъ Репнина за отвѣтъ его Чарторижскимъ и за отказъ королю...

Теперь Панинъ прямо предписалъ Репнину уничтожить конфедерацію, сорвать сеймъ и затѣмъ составлять новую конфедерацію изъ диссидентовъ и изъ недовольныхъ королемъ; онъ говорилъ, что придется уже на счетъ короля вознаграждать тѣхъ, которые изъ нашихъ противниковъ перейдутъ на нашу сторону [2]).

Репнинъ успѣлъ склонить на свою сторону кн. Любомірскаго, гр. Ржевусскаго и другихъ и съ ихъ помощью конфедерація была распущена; теперь уже очевидно никакое рѣшеніе не могло пройдти; король предлагалъ передать вопросъ о правахъ диссидентовъ сеймовой коммисіи изъ епископовъ, но Репнинъ отвѣтилъ, что Россія не можетъ признать епископовъ компетентными это дѣло рѣшить, потому что вопросъ лишь въ возстановленіи правъ, незаконно отнятыхъ у части польскихъ гражданъ; по совѣту сенаторовъ и епископовъ король заявилъ Репнину, что не отвергаетъ принятыхъ имъ на себя предъ Россіею обязательствъ улучшить положеніе диссидентовъ, но что при коронаціи онъ произнесъ присягу заботиться о сохраненіи всѣхъ преимуществъ святой вѣры и что обязан-

---

[1]) Сборникъ, т. LXVII, 83, 103—104, 174—179.
[2]) Сборникъ, т. LXVII, 177, 179.

ность и чувство чести требуютъ, чтобы онъ дѣйствовалъ сообразно этой присягѣ [1]). Польскіе дѣятели никакъ не могли или не хотѣли отрѣшиться отъ очевидно невѣроятной мысли, что уступкою диссидентамъ они наносятъ оскорбленіе католической религіи; они говорили, что скорѣе всѣ поляки снова бросятся къ вѣнскому двору, чѣмъ рѣшатся на это; у Панина мелькало временами опасеніе, какъ бы «забубенные поляки» не вздумали устроить диссидентамъ чего-либо въ родѣ сициліанской вечерни или варѳоломеевской ночи; на случай, еслибы Репнину пришлось услыхать такія угрозы, онъ былъ уполномоченъ заявить, что не совѣтуетъ объ этомъ помышлять, ибо твердость императрицы «можетъ ее и до того подвигнуть, что и во всей Польшѣ камень на камнѣ едва ли устоитъ» [2]). 19-го ноября сеймъ былъ сорванъ и не успѣлъ принять никакихъ важныхъ рѣшеній [3]).

Послѣ разрыва сейма кн. Адамъ Чарторижскій обратился съ письмомъ въ Петербургъ, приписывая себѣ, что будто бы это онъ удержалъ короля отъ разныхъ нововведеній; ему отвѣтили любезно, но холодно [3]). Панинъ писалъ въ то же время Репнину, чтобы новая конфедерація была устраиваема безъ участія уже Чарторижскихъ и что во всякомъ случаѣ въ Польшу будутъ введены новые отряды русскаго войска; первоначально Панинъ думалъ начать конфедерацію въ февралѣ, но затѣмъ пришлось отложить ее до апрѣля, даже до мая [4]). Въ это же время потребовалось все искусство Панина и Обрѣзкова, чтобы успокоить Порту, на которую, наконецъ, начали оказывать дѣйствіе враждебныя Россіи внушенія представителей австрійскаго и особенно французскаго; впрочемъ, удалось сохранить спокойствіе со стороны Турціи; но съ каждымъ мѣсяцемъ это дѣлалось труднѣе и труднѣе [5]). Въ апрѣлѣ 1767 года въ Петербургѣ была подписана между Россіей и Пруссіей новая конвенція по польскимъ дѣламъ, въ которой

---

[1]) *Beer*, Die erste Theilung, I, 199, 200; *Сборникъ*, т. LXVII, 208.
[2]) *Сборникъ*, т. LXVII, 204, 208, 228, 244, 256, 279.
[3]) *Соловьевъ*, книга VI, 430—441.
[4]) *Сборникъ*, т. LXVII, 247—252.
[5]) *Сборникъ*, т. LXVII, 252—256, 282.

повторены были въ общихъ чертахъ основныя положенія конвенціи 1764 г. и прямо постановлено, что въ случаѣ вмѣшательства Австріи въ польскія дѣла король прусскій окажетъ Россіи помощь войскомъ, Россія же со своей стороны обѣщала ему поддержку всѣми силами, если Австрія станетъ воевать съ нимъ [1]).

Распорядившись, чтобы въ Польшѣ образовывались конфедераціи, Панинъ имѣлъ въ виду составить одну изъ диссидентовъ, другую изъ недовольныхъ правительствомъ католиковъ; при этомъ онъ имѣлъ въ виду особенно прежнихъ противниковъ Россіи, сторонниковъ саксонскаго дома, недовольныхъ избраніемъ въ короли Понятовскаго. Скоро вступили въ переговоры съ русскимъ правительствомъ князь Радзивилъ, графы Флеммингъ, Грабовскій, Мнишекъ, Подосскій, только что передъ тѣмъ возведенный въ званіе примаса по смерти Лубенскаго, Потоцкій, Браницкій, Сапѣга, Бржостовскій, баронъ Гольцъ; въ теченіе мая 1767 въ Польшѣ и Литвѣ состоялось до 178 собраній шляхты и на нихъ до 80.000 дворянъ подписали постановленія о желательности провозгласить конфедерацію [2]). Радзивилъ просилъ прощенія у русскаго правительства и получилъ обратно свои огромныя имѣнія, принявъ на себя обязательство выдать изъ нихъ всѣхъ русскихъ бѣглыхъ и въ своихъ имѣніяхъ возвратить православнымъ всѣ церкви, у нихъ отнятыя, и не собирать никакихъ пошлинъ съ проѣзжихъ купцовъ. Баронъ Гольцъ былъ выбранъ маршаломъ диссидентской конфедераціи въ Польшѣ, графъ Грабовскій—маршаломъ диссидентской конфедераціи въ Литвѣ, графы Мнишекъ, Потоцкій и Бржостовскій маршалами отдѣльныхъ католическихъ конфедерацій. 22-го мая открылась первая католическая конфедерація въ Вильнѣ—недовольныхъ королемъ и господствующею партіей; вскорѣ католическія конфедераціи были объединены въ генеральную, въ Радомѣ, въ присутствіи самого Репнина и сильнаго русскаго отряда [3]). Панинъ пред-

---

[1]) *Сборникъ*, т. LXVII, 190, 281, 282, 354, 355, 535, 566.

[2]) *Мартенсъ*, Собраніе трактатовъ, VI, 42—48; *Сборникъ*, т. XXXVII, 68—73.

[3]) *Костомаровъ*, Послѣдніе годы Речи Посполитой, I, 108.

писывалъ Репнину установить согласіе между всѣми конфедераціями, но не сливать въ одно католическую и диссидентскую, чтобы послѣдняя сносилась съ первою самостоятельно и какъ равноправная, а не была бы ею поглощена; акты, поданные диссидентами при объявленіи конфедераціи, были составлены Репнинымъ и заслужили полное одобреніе Панина; но диссидентамъ было внушено, чтобы оффиціально они не выставляли особенно на видъ участія Россіи, а упоминали бы ее лишь наравнѣ съ другими державами, имѣвшими право заступничества за диссидентовъ: Россія обѣщала сама объявить о своемъ участіи, когда и какъ найдетъ это нужнымъ; диссидентамъ выдано было на конфедерацію 20.000 червонцевъ. Конфедераты-католики выставляли на видъ преимущественно попытку Чарторижскихъ и короля нарушить основные законы, обезпечивающіе вольность и равенство; въ числѣ вступившихъ въ соглашеніе съ Репнинымъ былъ и такой ревностный противникъ диссидентовъ, какъ епископъ краковскій Солтыкъ; совершенно ясно понимая, что эти сторонники далеко не вполнѣ намъ преданы и надежны, Панинъ находилъ, однако, нужнымъ поддерживать съ ними сношенія, чтобы, поднявши какъ можно болѣе враговъ противъ короля, скорѣе принудить его и его партію къ уступкамъ [1]).

Конфедераціи объявили русскія войска союзными и особымъ посольствомъ просили императрицу о покровительствѣ и охраненіи старыхъ законовъ; пріемъ этого посольства состоялся съ особенною пышностью; изъ Москвы въ Петербургъ была спеціально доставлена большая императорская корона [2]). Король польскій лишенъ былъ почти всякихъ доходовъ и всякой почти тѣни власти. Онъ попробовалъ обратиться съ просьбою о заступничествѣ въ Вѣну; тамъ сдѣлали небольшія военныя движенія; съ русской стороны не обратили на нихъ никакого вниманія и австрійцы далѣе не пошли; что касается Фридриха,

[1]) *Сборникъ*, т. LXVII, 363, 379, 382, 398—405, 426, 434, 472, 482, 486, 512—514, 540, 560 и др.; *Beer*, Die erste Theilung, I, 207; *Костомаровъ*, I, 110.

[2]) Совершенно невѣрно изображаетъ отношенія Панина къ этой конфедераціи *Костомаровъ*, Послѣдніе годы Речи Посполитой, I, 107.

[3]) *Сборникъ*, т. XXXVII, 86—90; т. LXXXVII, 376—378; *Костомаровъ*, I, 108; *Русскій Архивъ*, 1867, 359.

то его посланникъ въ Варшавѣ представилъ декларацію, составленную въ Петербургѣ Сольмсомъ при ближайшемъ участіи Панина. Станиславъ-Августъ обратился къ Репнину, пытался удержать его отъ согласныхъ дѣйствій съ конфедератами и отъ созыва чрезвычайнаго сейма; Репнинъ, понятно, отвѣтилъ отказомъ; тогда Станиславъ-Августъ объявилъ, что подчиняется требованіямъ Россіи и обѣщалъ полное содѣйствіе видамъ Россіи на предстоящемъ сеймѣ. Панинъ со своей стороны считалъ необходимымъ, чтобы всѣ, согласившіеся составить по требованію Россіи конфедерацію, согласились не требовать сверженія короля; онъ, какъ впослѣдствіи высказался однажды совершенно прямо, не стоялъ именно за Станислава-Августа, онъ говорилъ, что «персона» тутъ ничего не значитъ, но считалъ, что нельзя допустить этого, чтобы не показалось, что Россія не въ силахъ отстоять «перваго ею безпосредственно сооруженнаго дѣла» [1]). Панинъ поручилъ Репнину быть въ этомъ отношеніи очень твердымъ и дать конфедератамъ ясно понять, что во всякомъ случаѣ Россія менѣе нуждается въ нихъ, чѣмъ они въ Россіи, принудить ихъ удовольствоваться отъ короля нѣкоторыми пожалованіями и награжденіями и не требовать сверженія Станислава-Августа съ престола; депутаты конфедератовъ, явившіеся въ Петербургъ, услышали то же самое прямо отъ Панина и должны были обѣщаться исполнить требованія Россіи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Панинъ постоянно твердилъ Репнину, что видѣвши уже одинъ разъ со стороны короля явное доказательство нетвердости его убѣжденій, нельзя ему вполнѣ довѣрять, нельзя, въ видахъ соглашенія съ нимъ, жертвовать близостью съ его противниками, потому что иначе онъ опять можетъ вдругъ перемѣнить свое поведеніе, и мы снова рискуемъ остаться безъ своей партіи въ Польшѣ [2]). Католики, приступившіе къ конфедераціи въ надеждѣ свергнуть Станислава-Августа, увидавъ, что Россія удовольствовалась его раскаяніемъ и съ нимъ примирилась, были этимъ очень недовольны и многіе изъ нихъ рѣшили всѣми

---

[1]) *Сборникъ*, т. XCVII, 47, 127, 146, 171.

[2]) *Сборникъ*, т. LXVII, 283, 289, 304, 309, 310, 359, 360, 363, 365, 385, 391, 408, 415, 420—423, 461, 467, 471 и др.

силами противодѣйствовать какимъ бы то ни было уступкамъ въ дѣлѣ диссидентовъ [1]).

Въ виду предстоящаго сейма Панинъ далъ Репнину новую инструкцію. Теперь, основываясь на томъ, что конфедерація просила объ охранѣ Россіею польской вольности, Панинъ указывалъ Репнину первымъ пунктомъ его «сеймическихъ операцій»—добиться отъ республики, чтобы она испросила себѣ у Россіи «единожды на всегда» ручательства въ сохраненіи всей своей конституціи; затѣмъ посолъ долженъ былъ достигнуть возстановленія диссидентовъ «до такой высокой степени свободы и равенства съ католиками, до какой только въ настоящемъ столь важномъ положеніи дѣлъ безъ явныхъ непріятельскихъ дѣйствій человѣчески достигнуть можно будетъ»; Панинъ говорилъ, что «нельзя и непристойно намъ теперь довольствоваться тѣмъ, въ чемъ наше послѣднее слово было на прошедшемъ сеймѣ, ибо разница обстоятельствъ, а особливо мѣръ тогдашнихъ и настоящихъ, съ движеніемъ столь знатнаго корпуса войскъ, требуетъ по пропорціи усиленія оныхъ требовать и умноженія диссидентамъ выгодъ». Панинъ желалъ теперь почти полнаго равенства ихъ съ католиками, предлагая этихъ послѣднихъ вознаградить формальнымъ провозглашеніемъ католичества господствующею религіею, съ узаконеніемъ, что король долженъ быть непремѣнно католикомъ, и что за переходъ изъ католичества въ другое исповѣданіе будетъ положено наказаніе. Панинъ толковалъ, что это большія преимущества, такъ какъ король католикъ всегда будетъ награждать больше католиковъ; но, конечно, было совершенно очевидно, что это лишь искусственное объясненіе и что подобное признаніе католичества господствующею религіей, ничего не могло прибавить къ тому положенію, въ какомъ оно фактически въ Польшѣ находилось. Вмѣстѣ съ тѣмъ Панинъ рѣшительнымъ образомъ отклонялъ даже разсужденіе о томъ, чтобы наравнѣ съ православными епископами были допущены въ сенатъ и уніатскіе, заявляя, что ихъ надо разсматривать какъ отщепенцевъ отъ православія, не присоединившихся вмѣстѣ съ тѣмъ и къ католичеству и бывшихъ первыми орудіями утѣсненія православ-

[1]) *Сборникъ*, т. LXXXVII, 378—379, т. XXXVII, 82.

Венцеславъ Ржевусскій, воевода краковскій; волненіе еще усилилъ папскій нунцій, обнародовавшій два бреве, взывавшіе къ католикамъ о защитѣ вѣры. Возбужденіе дошло до того, что Репнинъ счелъ, наконецъ, нужнымъ воспользоваться давно уже полученнымъ на случай крайности разрѣшеніемъ и приказалъ, въ ночь со 2-го на 3-е октября (стараго стиля), арестовать епископовъ краковскаго Солтыка и кіевскаго Залусскаго и воеводу краковскаго, графа Венцеслава Ржевусскаго съ сыномъ Севериномъ, какъ оскорбителей величества. Подъ сильнымъ конвоемъ они были высланы изъ Варшавы и поселены въ Калугѣ [1]. На другой день сенаторы обратились къ королю, чтобы онъ потребовалъ объясненій у Репнина по поводу такого дѣйствительно безпримѣрнаго въ исторіи поступка; король отвѣтилъ, что все зависитъ отъ Репнина, но согласился, чтобы три сенатора попросили у него объясненія отъ его имени; Репнинъ отвѣтилъ: «я обязанъ объяснять свои поступки только своей государынѣ!»; этотъ отвѣтъ заставилъ замолчать весь сеймъ [2]. Когда теперь сейму предложено было, чтобы назначено было 60 пословъ и чтобы они изъ своей среды избрали 14 членовъ, которые бы и постановили рѣшеніе по тѣмъ вопросамъ, которые подняты были Россіей, то небольшое число присутствовавшихъ выразило согласіе; всѣ остальные молчали; поэтому было объявлено, что предложеніе принято; король назначилъ въ эту коммисію членовъ изъ сенаторовъ, маршалъ конфедераціи—изъ пословъ, съѣхавшихся на сеймъ; затѣмъ сеймъ былъ отстроченъ [3].

непріятнаго Россіи, чтобъ онъ усыпилъ бдительность Россіи, и незамѣтно отъ нея (!) искоренить тогда въ Польшѣ православіе.—См. *Чтенія Московскаго общества исторіи и древностей*, 1862, II, 1—58; *Чтенія*, 1871, III, 1—34—подобныя же по характеру разсужденія о диссидентахъ; см. еще любопытныя «Untersuchungen des Systems der Höfe von Wien, Petersburg und Berlin in Anschauung der Zergliederung von Polen» 1773 (переизданіе 1866 г.).

[1]) Живыя подробности объ арестованіи и путешествіи арестованныхъ въ «Извѣстіи о похожденіи С. С. Пищчевича», М. 1883. 533—555.

[2]) Фридрихъ тоже былъ очень встревоженъ поступкомъ Репнина и боялся очень печальныхъ послѣдствій его; но Панинъ еще раньше при извѣстіяхъ о началѣ сейма, отзываясь съ крайнимъ неудовольстіемъ о поднимающихся на немъ затрудненіяхъ, говорилъ, что предпишетъ арестовать Солтыка, но ни разу не высказывалъ сомнѣнія въ томъ, что проведены будутъ на сеймѣ желательныя рѣшенія.—*Сборникъ*, т. XXXVII, 93—94, 97—98.

[3]) *Соловьевъ*, книга VI, 490—497; *Костомаровъ*, I, 118—120; *Beer*, I, 213—217.

Польшѣ liberum veto. Панинъ отвѣтилъ довольно любезно, но въ выраженіяхъ, не допускающихъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что принятыя имъ въ данномъ случаѣ рѣшенія были приняты совершенно самостоятельно, а вовсе не подъ вліяніемъ внушеній Фридриха [1]).

Въ сентябрѣ 1767 г. въ Варшаву съѣхались послы на сеймъ. Одинъ изъ нихъ, Кожуховскій, очень рѣзко говорилъ противъ того, чтобы начинать сеймъ въ присутствіи русскихъ войскъ; Репнинъ велѣлъ его арестовать [2]). Этотъ примѣръ строгости подѣйствовалъ; послы стали сдержаннѣе и явилась возможность 23-го сентября (стараго стиля) открыть сеймъ; но настроеніе было далеко не спокойно; волненіе сдерживали въ границахъ значительные отряды русскихъ войскъ, стоявшіе подъ Варшавой. Король заявилъ, что онъ присоединяется къ конфедераціи и предложилъ, по предварительному соглашенію съ Репнинымъ, чтобы назначена была сеймовая коммисія, которая бы окончательно рѣшила всѣ предложенные Россіей вопросы, а слѣдующій бы сеймъ утвердилъ это рѣшеніе. Солтыкъ, теперь перешедшій въ ряды самыхъ ожесточенныхъ противниковъ Россіи за примиреніе ея съ королемъ, энергически возсталъ противъ того, чтобы дать коммисіи право окончательно рѣшить эти вопросы: было очевидно, что теперь, при существованіи конфедераціи, Россіею и устроенной, на сеймѣ будутъ выбраны члены коммисіи, которые все сдѣлаютъ въ угоду Россіи; стоило послѣ этого собрать новый сеймъ опять при конфедераціи и эти рѣшенія получили бы силу закона. Солтыкъ опять произнесъ страстную рѣчь, которая взволновала собраніе [3]); за нимъ говорилъ въ томъ же духѣ

---

[1]) *Сборникъ*, т. LXVII, 527—530 и *Сброникъ*, т. XXXVII, 106—119, особ. 116.

[2]) *Костомаровъ*, I, 115; *Соловьевъ*, книга VI, 490.

[3]) *Beer*, Die erste Theilung, I, 202—213. Сколь неумѣренно горячи и страстны были часто рѣчи въ защиту святой католической вѣры, столь же странными дѣтскими представляются иные планы, составлявшіеся для ослабленія въ Польшѣ православія и пользовавшіеся въ свое время вниманіемъ. Такъ, напримѣръ, въ одномъ изъ нихъ, помимо разсужденій, что слѣдуетъ держать православное населеніе въ невѣжествѣ, чтобы легче отвратить его затѣмъ отъ вѣры отцовъ—эту мысль, впрочемъ, надо оцѣнивать главнымъ образомъ не со стороны ея наивности!—встрѣчаемъ слѣдующія предложенія: разбрасывать сочиненія, направленныя противъ короля и вѣры и якобы написанныя православными, избрать короля, не

къ образованію новой конфедераціи, которая будетъ добиваться для диссидентовъ тѣхъ уступокъ, какихъ требуетъ для нихъ Россія [1]). Около того времени король черезъ Ржевусскаго жаловался въ Петербургѣ на недостаточность своихъ доходовъ и изъ Петербурга разрѣшили Репнину выдать ему 50,000 р.; пока просьба короля дошла до Петербурга и изъ Петербурга пришелъ на нее отвѣтъ, король сталъ держаться относительно русскихъ требованій совершенно несогласно съ желаніями Россіи; тѣмъ не менѣе, узнавши о томъ, что Репнину разрѣшено выдать ему денегъ, онъ просилъ ихъ у посла; Репнинъ счелъ, однако, возможнымъ отказать королю въ этой выдачѣ, поставивъ ему на видъ его поступки, и въ Петербургѣ поведеніе Репнина одобрили... [2]).

Сеймъ открылся 25 сентября (ст. стиля) 1766 г. Король передъ сеймомъ необыкновенно дѣятельно интриговалъ, просилъ совѣтовъ и помощи у всѣхъ партій, давалъ всевозможныя обѣщанія, не стѣсняясь постоянно противорѣчить себѣ; онъ надѣялся хитростью обмануть и подчинить себѣ ту силу, которая, какъ онъ самъ думалъ, все можетъ; конечно, все можетъ сила нравственная, съ нею трудно бороться силѣ матеріальной и въ концѣ концовъ всегда торжествуетъ первая; но именно нравственной-то силы, достоинства и правоты, и не было въ поведеніи Станислава-Августа; а хитростями и ложью высокой цѣли достичь невозможно.

Согласно предписаніямъ изъ Петербурга Репнинъ немедленно поднялъ вопросъ о диссидентахъ, но безъ успѣха. 30-го сентября епископъ краковскій Солтыкъ произнесъ по этому поводу фанатическую рѣчь; онъ говорилъ, что различіе религій для государства—позоръ и вредъ и на указанія древнихъ законовъ въ пользу диссидентовъ ссылался на еще болѣе древнія, идущія отъ временъ вселенскихъ соборовъ, постановленія противъ еретиковъ и на законы 1525 года, грозившіе смертью тому, кто будетъ слѣдовать ученію Лютера. Эта рѣчь произвела потрясающее впечатлѣніе, какое намъ трудно даже себѣ представить; тогдашнее польское общество, которое ужъ никакъ не

---

[1]) *Сборникъ*, т. LXVII, 145—148.
[2]) *Сборникъ*, т. LXVII, 131, 132, 180; 49, 82.

менѣе, а скорѣе болѣе, чѣмъ другіе его современники, забывало и презирало всѣ предписанія религіи, способныя возвышать человѣка нравственно, проявляло необыкновенную ревность къ тѣмъ толкованіямъ религіозныхъ предписаній, которыя давали основаніе для притѣсненій однихъ другими. Король въ пышной рѣчи восхвалялъ Солтыка за его ревность къ вѣрѣ и сказалъ, что счастливъ царствовать надъ народомъ, который такъ горячо принимаетъ къ сердцу вопросы вѣры [1]).

Сеймъ, согласно постановленію избирательнаго сейма, прежде всякихъ другихъ дѣлъ занялся дѣлами экономическими, военными и судебными. 3-го октября партіею Чарторижскихъ внесенъ былъ проектъ измѣненія порядка, какимъ должны быть обсуждаемы и рѣшаемы на сеймѣ «дѣла казенныя и военныя». Репнинъ доносилъ, что «сей проектъ сочиненъ въ весьма генеральныхъ терминахъ, говоря, что эти дѣла должны на всегда всѣ рѣшены быть на сеймахъ множествомъ (то-есть, большинствомъ) голосовъ, не изъясняя, въ чемъ точно сіи матеріи состоятъ». Вмѣстѣ съ прусскимъ резидентомъ въ Варшавѣ, Бенуа, Репнинъ обратился къ Чарторижскимъ съ заявленіемъ, что по смыслу всѣхъ прежнихъ соглашеній, большинствомъ голосовъ могутъ быть принимаемы рѣшенія лишь относительно того, какъ распорядиться уже существующими доходами и существующими уже военными силами, но что введеніе новыхъ налоговъ и увеличеніе войскъ есть уже «матерія государственная» и потому должно быть по прежнему установлено лишь единогласно, ибо иначе уничтожается одно изъ важнѣйшихъ основаній польской вольности и польскаго государственнаго права, именно liberum veto. Произошелъ споръ, въ которомъ кн. Чарторижскій сказалъ, что Польша вольна у себя дѣлать какія ей угодно установленія,—кн. Репнинъ отвѣчалъ, что, конечно, вольна, но что тогда и сосѣди вольны принимать эти постановленія, какъ хотятъ, что поляки, конечно, могутъ этотъ проектъ принять, но сосѣди, тѣмъ болѣе трактатами обязанные охранять внутренній строй Польши, не допустятъ, конечно, осуществить это постановленіе. Кн. Чарторижскій сказалъ, что

[1]) *Beer*, Die erste Theilung, I, 196—198; *Сборникъ*, т. LXVII, 120, 123—124, 165.

лучше желалъ бы видѣть республику совсѣмъ уже завоеванною, чѣмъ въ такой зависимости; Репнинъ отвѣчалъ, что все поведеніе Россіи во время междуцарствія доказало, что Россія вовсе не желаетъ держать Польши въ зависимости, но что нарушать фундаментальныхъ законовъ она не позволитъ [1])... Такъ препирались представители Польши, получившіе отъ Россіи два милліона денегъ и думавшіе, что съ Россіи можно только брать, и представитель русскаго правительства, которое готово было давать русскія деньги тѣмъ полякамъ, которые ихъ просили, но которое считало своимъ долгомъ получить за это какія нибудь выгоды для своего народа и потому не хотѣло постановленій, какія находили желательными сами поляки; именно въ это время обратился Станиславъ-Августъ къ Репнину за деньгами, которыхъ выдача ему была разрѣшена; Репнинъ отказалъ, какъ мы видѣли; Панинъ хвалилъ Репнина за отвѣтъ его Чарторижскимъ и за отказъ королю...

Теперь Панинъ прямо предписалъ Репнину уничтожить конфедерацію, сорвать сеймъ и затѣмъ составлять новую конфедерацію изъ диссидентовъ и изъ недовольныхъ королемъ; онъ говорилъ, что придется уже на счетъ короля вознаграждать тѣхъ, которые изъ нашихъ противниковъ перейдутъ на нашу сторону [2]).

Репнинъ успѣлъ склонить на свою сторону кн. Любомірскаго, гр. Ржевусскаго и другихъ и съ ихъ помощью конфедерація была распущена; теперь уже очевидно никакое рѣшеніе не могло пройдти; король предлагалъ передать вопросъ о правахъ диссидентовъ сеймовой коммисіи изъ епископовъ, но Репнинъ отвѣтилъ, что Россія не можетъ признать епископовъ компетентными это дѣло рѣшить, потому что вопросъ лишь въ возстановленіи правъ, незаконно отнятыхъ у части польскихъ гражданъ; по совѣту сенаторовъ и епископовъ король заявилъ Репнину, что не отвергаетъ принятыхъ имъ на себя предъ Россіею обязательствъ улучшить положеніе диссидентовъ, но что при коронаціи онъ произнесъ присягу заботиться о сохраненіи всѣхъ преимуществъ святой вѣры и что обязан-

---

[1]) *Сборникъ*, т. LXVII, 83, 103—104, 174—179.

[2]) *Сборникъ*, т. LXVII, 177, 179.

ность и чувство чести требуютъ, чтобы онъ дѣйствовалъ сообразно этой присягѣ [1]). Польскіе дѣятели никакъ не могли или не хотѣли отрѣшиться отъ очевидно невѣроятной мысли, что уступкою диссидентамъ они наносятъ оскорбленіе католической религіи; они говорили, что скорѣе всѣ поляки снова бросятся къ вѣнскому двору, чѣмъ рѣшатся на это; у Панина мелькало временами опасеніе, какъ бы «забубенные поляки» не вздумали устроить диссидентамъ чего-либо въ родѣ сициліанской вечерни или варѳоломеевской ночи; на случай, еслибы Репнину пришлось услыхать такія угрозы, онъ былъ уполномоченъ заявить, что не совѣтуетъ объ этомъ помышлять, ибо твердость императрицы «можетъ ее и до того подвигнуть, что и во всей Польшѣ камень на камнѣ едва ли устоитъ» [2]). 19-го ноября сеймъ былъ сорванъ и не успѣлъ принять никакихъ важныхъ рѣшеній [3]).

Послѣ разрыва сейма кн. Адамъ Чарторижскій обратился съ письмомъ въ Петербургъ, приписывая себѣ, что будто бы это онъ удержалъ короля отъ разныхъ нововведеній; ему отвѣтили любезно, но холодно [3]). Панинъ писалъ въ то же время Репнину, чтобы новая конфедерація была устраиваема безъ участія уже Чарторижскихъ и что во всякомъ случаѣ въ Польшу будутъ введены новые отряды русскаго войска; первоначально Панинъ думалъ начать конфедерацію въ февралѣ, но затѣмъ пришлось отложить ее до апрѣля, даже до мая [4]). Въ это же время потребовалось все искусство Панина и Обрѣзкова, чтобы успокоить Порту, на которую, наконецъ, начали оказывать дѣйствіе враждебныя Россіи внушенія представителей австрійскаго и особенно французскаго; впрочемъ, удалось сохранить спокойствіе со стороны Турціи; но съ каждымъ мѣсяцемъ это дѣлалось труднѣе и труднѣе [5]). Въ апрѣлѣ 1767 года въ Петербургѣ была подписана между Россіей и Пруссіей новая конвенція по польскимъ дѣламъ, въ которой

---

[1]) *Beer*, Die erste Theilung, I, 199, 200; *Сборникъ*, т. LXVII, 208.
[2]) *Сборникъ*, т. LXVII, 204, 208, 228, 244, 256, 279.
[3]) *Соловьевъ*, книга VI, 430—441.
[4]) *Сборникъ*, т. LXVII, 247—252.
[5]) *Сборникъ*, т. LXVII, 252—256, 282.

какія Панинъ указываетъ, какъ пригодныя для того, чтобы отвращать вмѣшательство папы: теперь, когда дѣло диссидентовъ признано и узаконено республикою—нападать на него, порочить его—значитъ оскорблять республику; если бы папскія внушенія оказались въ силѣ какъ-либо повліять на принятыя республикою рѣшенія, и измѣнить ихъ—то сосѣднія державы, увидавши, что трактаты и обязательства недѣйствительны для республики, ибо папа можетъ помѣшать имъ, должны будутъ и со своей стороны не считать себя связанными предъ Польшею какими бы то ни было обязательствами. Эти соображенія подкрѣпляются еще разсужденіями, что для Польши позорно въ просвѣщенный вѣкъ слишкомъ поддаваться внушеніямъ фанатизма. Въ то же самое время Панинъ съ удовольствіемъ говоритъ о возможности въ ближайшемъ же будущемъ примѣнить къ дѣлу русскую гарантію. Увѣряя въ письмѣ къ Станиславу-Августу, что единственною цѣлью его было скрѣпить союзъ двухъ государствъ, обоимъ имъ равно выгодный, Панинъ въ перепискѣ съ Репнинымъ не скрываясь выражаетъ желаніе, чтобы Польша навсегда осталась въ томъ положеніи, въ какое ее поставили, говоритъ, что Россія приложитъ всѣ усилія, пойдетъ и на войну, чтобы такое положеніе дѣлъ сохранить. Панинъ не хотѣлъ въ это время соглашаться ни на какія уступки въ дѣлѣ диссидентовъ, хотя бы они и сами были согласны отречься отъ части своихъ новыхъ правъ. Что за два года передъ тѣмъ было хорошо, пишетъ Панинъ, то теперь уже не примѣнимо; теперь, послѣ всѣхъ нашихъ усилій, только какая-нибудь послѣдняя крайность, «чего мы для себя предполагать отнюдь нужды не видимъ», могла бы заставить насъ начать раздѣлывать свое собственное дѣло [1]).

V.

Въ началѣ 1768 года Россія занимала безусловно господствующее положеніе въ Польшѣ; но именно съ этого момента и начался неблагопріятный для русскихъ оборотъ дѣлъ въ

[1]) *Сборникъ*, т. LXXXVII, 12—22, 25, 31, 61, 71, 75, 81, 125—126, 540.

республикѣ; очевидно, что такое положеніе не соотвѣтствовало дѣйствительному отношенію силъ Россіи и Польши и вообще всѣмъ международнымъ отношеніямъ Европы. Можно было во время борьбы достигнуть того, что поляки признали русскую гарантію, т. е. дали Россіи возможность вмѣшиваться во всѣ внутреннія распоряженія Польши, но удержать такое положеніе было невозможно. Безпримѣрный фактъ—арестованіе въ столицѣ одного государства трехъ сенаторовъ по приказанію посла чужой державы и высылка ихъ, — сковалъ на первое время всѣхъ ужасомъ—удивительно уже и то, что дѣло окончилось только этимъ; но когда прошло первое изумленіе—въ сердцѣ каждаго поляка осталось такое чувство обиды и оскорбленія, которое вызывало его на борьбу противъ виновника ихъ во что бы то ни стало. Вмѣстѣ съ тѣмъ усилились и интриги государствъ, завидовавшихъ такому полному успѣху Россіи въ Польшѣ. Вслѣдствіе всего этого моментъ наибольшихъ успѣховъ Россіи въ Польшѣ послужилъ только началомъ новыхъ осложненій.

Едва успѣлъ Репнинъ подписать съ Польшею договоръ, ставившій республику по отношенію къ Россіи въ положеніе полуподчиненное, какъ Турція, которую уже давно поднималъ французскій посолъ, потребовала отъ Обрѣзкова удаленія русскихъ войскъ изъ Польши въ такомъ рѣшительномъ тонѣ, что Обрѣзкову пришлось обѣщать, что требованіе Порты исполнено будетъ весною этого же года [1]). Но въ это самое время въ гор. Барѣ, вблизи самыхъ турецкихъ границъ, возникла враждебная Россіи конфедерація.

Первые восемь конфедератовъ собрались въ Барѣ 29-го февраля (ст. ст.) 1768 г.; среди нихъ наиболѣе видными были Красинскій, братъ епископа, и адвокатъ Іосифъ Пулавскій; изъ знатныхъ людей никто въ ней не участвовалъ. Хотя право конфедерацій было общимъ для всѣхъ недовольныхъ, но на практикѣ бывало всегда такъ, что конфедераціи могущественныя признавались таковыми, слабыя же разсматривались какъ бунты; такъ взглянули въ Петербургѣ на барскую конфеде-

---

[1]) *Сборникъ*, т. LXXXVII, 20, 21, 29.

рацію и въ перепискѣ всегда называли ее «скопище» или «возмущеніе» барское. Приняты были всѣ мѣры, чтобы не раздражать Турцію, соблюдать неприкосновенность ея территоріи; предъ Портою сдѣланы были представленія, чтобы она не оказывала бунтовщикамъ никакого содѣйствія и запретила бы татарамъ поддерживать ихъ. Конфедераты со своей стороны обратились къ Турціи съ просьбой о защитѣ и поддержкѣ; 25-го марта Порта заявила Обрѣзкову, что не вступитъ въ сношенія съ возмутителями [1]), но трудно было разсчитывать, что такое настроеніе сохранится; довольно значительныя толпы татаръ, во всякомъ случаѣ, присоединились къ конфедератамъ; Австрія оказала имъ косвенную, но существенную поддержку, разрѣшивъ представителямъ ихъ постоянное пребываніе въ Тешенѣ, въ австрійской Силезіи [2]). По всей Польшѣ явно замѣтно было сочувствіе къ конфедераціи; мелкія конфедераціи возникали повсюду положительно, какъ говорится, какъ грибы; русскіе отряды легко ихъ разгоняли, но столь же легко, за ихъ спиною, конфедераціи поднимались снова; плѣнныхъ конфедератовъ сначала отпускали на честное слово не приставать снова къ бунтовщикамъ; но случаи нарушенія такого обѣщанія были такъ часты, что приказано было плѣнныхъ отсылать въ Кіевъ, а если тамъ трудно будетъ ихъ охранять или если откроются попытки бѣжать— то въ Казань и даже въ Сибирь; и дѣйствительно, въ Казань были нѣкоторые посланы. Русскаго войска въ это время въ Польшѣ было не болѣе 12.000 [3]), да и оно было расположено преимущественно въ противоположномъ концѣ государства, такъ что не легко было сосредоточить его противъ главнаго скопища возставшихъ; польскія государственныя войска въ силу союза должны были поддерживать русскихъ; но они дѣйствовали очень плохо, были плохо вооружены и обучены и довольно явно выражали нежеланіе сражаться противъ защитниковъ религіи; тѣмъ не менѣе Екатерина находила нужнымъ держать ихъ подъ ружьемъ принявши всѣ расходы на

---

[1]) *Zinkeisen*, Geschichte des osmanischen Reiches in Europa, V, 909, 910.
[2]) *Beer*, I, 316–317.
[3]) *Соловьевъ*, Исторія паденія Польши, 119.

себя, изъ опасенія, чтобы они не присоединились къ конфедератамъ; только что награжденный сторонникъ Россіи князь Радзивилъ возбуждалъ большія опасенія относительно своей вѣрности; волненія замѣчались въ самой Варшавѣ и русскій посолъ получилъ изъ Петербурга разрѣшеніе принять на себя охрану спокойствія въ столицѣ и объявить объ этомъ всѣмъ жителямъ. Съ обѣихъ сторонъ совершены были въ борьбѣ ужасныя жестокости [1]). Такъ тянулось дѣло до 9-го октября; 1-го октября конфедераты успѣли издать актъ, которымъ конфедерація и узаконялась [2]). Съ іюля дѣло еще осложнилось: конфедераты усилили свои просьбы предъ Турціей вмѣшаться и поддержать ихъ, французскій посолъ также очень объ этомъ старался [3]), а затѣмъ вспыхнуло возстаніе крестьянъ, такъ называемая гайдамачина. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что украинскіе крестьяне поднялись безъ всякаго прямаго воздѣйствія русскаго правительства [4]). Изъ Петербурга писали и графу Румянцеву, генералъ-губернатору малороссійскому, и генералъ-губернатору кіевскому Воейкову, приказывая принимать самыя строгія мѣры противъ русскихъ участниковъ бунта, сдѣлали очень строгія замѣчанія епископу переяславскому Гервасію, одного изъ подчиненныхъ котораго не безъ основанія заподозрили въ поступкахъ, которые отчасти вызывали возбужденіе, въ томъ же духѣ писали войску запорожскому, виновныхъ предписывано было хватать и наказывать и нѣсколько человѣкъ, дѣйствительно, были наказаны. До Петербурга дошли

---

[1]) *Beer*, I, 231—232, *Herrmann*, V, 462—264; Германъ говоритъ со словъ Эссена, что особенно отличался въ 1771 г. жестокостью майоръ Древицъ, который «совершалъ неслыханныя въ этомъ вѣкѣ варварства»,—изъ *Сборника*, т. XCVII, 442—443, узнаёмъ, что Дервицу разрѣшено было по его просьбѣ собрать особый отрядъ изъ «иностранныхъ»—«то-есть, изъ австрійскихъ и прусскихъ дезертировъ, изъ уволенныхъ саксонскихъ солдатъ, а также изъ конфедератовъ, которыхъ онъ привлечетъ деньгами перейдти на русскую сторону».

[2]) *Сборникъ* т. LXXXVII, 60—68, 83, 95, 99—101, 164, 165, 170, 171, 214, 215, 380. Точныя и цѣнныя свѣдѣнія о началѣ конфедераціи у *Петрова*, Война Россіи съ Турціей и польскими конфедератами, т. I, 42, 53.

[3]) *Петровъ*, I, 56—63.

[4]) См. *Соловьевъ*, книга VI, 533—ссылки на современные польскіе источники, признающіе это; *Herrmann*, V, 444, говоритъ, однако, что запорожцы были направлены русскимъ правительствомъ.

слухи, что нѣкоторые бунтовщики ссылаются на какія-то «высочайшія повелѣнія» подниматься и бить поляковъ и даже будто бы показываютъ копіи съ такихъ грамотъ [1]); ихъ, конечно, не было и весьма правдоподобно найденное въ Петербургѣ объясненіе того, что̀ могло послужить поводомъ для такихъ разглашеній: въ 1767 г. одинъ сотникъ казацкій получилъ коммисію закупать въ Венгріи вина для Высочайшаго двора; это дѣлалось изстари; со временъ Елизаветы Петровны были постоянно отправляемы въ Токай особые русскіе уполномоченные [2]), которые тамъ закупали вино и затѣмъ подъ своимъ присмотромъ провозили его черезъ Польшу, ибо при постоянныхъ безпорядкахъ въ Польшѣ иначе было почти невозможно доставить большіе транспорты въ Россію черезъ Польшу. Въ Петербургѣ и догадывались, что отъ посылки этого сотника, дѣйствительно имѣвшаго указъ отъ имени императрицы, и шелъ слухъ о вышеупомянутыхъ указахъ. Изъ Петербурга объясняли возстаніе православныхъ тѣмъ, что фанатизмъ проявляемый католиками возбудилъ таковой же и въ православныхъ. Конечно, положеніе дѣлъ въ Польшѣ, внутреннія ея отношенія были таковы, что возстаніе могло подняться каждую минуту; событія послѣднихъ лѣтъ, постоянныя движенія военныхъ отрядовъ и конфедератовъ, еще больше способствовали тому, что образовались разбойничьи шайки, грабившія и выжигавшія сначала отдѣльно и по немногу, а потомъ соединившіяся въ довольно значительное возстаніе. Почва была подготовлена и возстаніе вспыхнуло по совершенно ничтожному поводу. Первоначально произошли безпорядки въ имѣніи слабоумнаго богача князя Любомірскаго: опекуны, завѣдывавшіе имѣніемъ, не допускали въ имѣніе людей, сумѣвшихъ получить полномочія отъ Любомірскаго; произошли схватки; служители опекуновъ, опасаясь появленія барскихъ конфедератовъ, призвать которыхъ грозили ихъ противники, бѣжали на русскую территорію; конфедераты дѣйствительно явились и учинили жестокую расправу надъ тѣми, кого захватили; но когда они удалились, бѣжавшіе вернулись и произвели свою расправу. Изъ имѣній

---

[1]) *Русскій Архивъ*, 1875, II, 11—13.
[2]) *Русскій Вѣстникъ*, т. CXIX, 181—218.

Любомірскаго безпорядки распространились въ имѣніе князя Потоцкаго, Умань, гдѣ изъ-за жестокости и безтактности управляющаго, который незаслуженно оскорбилъ стараго начальника служившихъ у Потоцкаго казаковъ, Гонту, и разыгралась знаменитая ужасная уманьская рѣзня. Вскорѣ русскими и польскими силами возстаніе было усмирено; главные предводители были взяты въ плѣнъ; часть изъ нихъ была передана для наказанія русскимъ, часть польскимъ властямъ; Гонта попалъ въ руки поляковъ и былъ казненъ; упомянуть что либо изъ подробностей этой казни значило бы терзать и себя и другихъ... [1]).

Это возстаніе важно для насъ не столько само по себѣ, сколько потому, что одинъ изъ набѣговъ этихъ гайдамаковъ послужилъ поводомъ къ вмѣшательству Турціи.

Одинъ изъ гайдамацкихъ отрядовъ въ іюлѣ же дошелъ до мѣстечка Балты, лежавшаго на р. Кодымѣ, на турецкой границѣ, противъ турецкаго селенія Галты; гайдамаки ограбили и избили въ Балтѣ многихъ жидовъ; кто изъ жидовъ успѣлъ, тѣ бѣжали за рѣку, на турецкую территорію; по уходѣ же изъ Балты гайдамаковъ жиды, вмѣстѣ съ турками и татарами, напали на Балту и отомстили христіанамъ; услыхавъ объ этомъ гайдамаки вернулись, теперь въ свою очередь перешли на турецкую сторону и тамъ все, что могли, сожгли, всѣхъ, кого могли, вырѣзали.

Вѣсть объ этомъ происшествіи, достигшая до Константинополя въ крайне преувеличенномъ видѣ, при чемъ сожженными оказывались не только Балта, но и Дубоссары, вызвала въ турецкой столицѣ чрезвычайное возбужденіе. Вскорѣ по полученіи тамъ вѣсти о происшедшемъ въ Балтѣ конфедераты усилили свои просьбы предъ Портою о помощи, потому что въ ночь съ 6 на 7 августа взятъ былъ штурмомъ Краковъ, самый сильный пунктъ конфедератовъ [2]); французскій посолъ удвоилъ свои усилія поднять Порту и наконецъ, поддерживаемый на-

---

[1]) *Сборникъ*, т. LXXXVII 103—106, 109—111, 121, 124, 128, 159—162; *Костомаровъ*, Послѣдніе годы Речи Посполитой, т. I, 130; *Максимовичъ*, «Сказаніе о Колiивщинѣ»,—*Русскій Архивъ*, 1875, т. II, 5—27.

[2]) *Zinkeisen*, т. V, 316.

роднымъ возбужденіемъ, достигъ успѣха: въ Константинополѣ были смѣнены великій визирь и рейсъ-эффенди (чиновникъ, завѣдывавшій иностранными дѣлами), сравнительно миролюбиво настроенные, успокоительное письмо Панина къ визирю, съ изложеніемъ дѣла при Балтѣ и съ обѣщаніемъ строго наказать виновниковъ, не подѣйствовало [1]). 25 октября 1768 г. Обрѣзковъ былъ позванъ къ новому визирю въ чрезвычайное собраніе всего султанскаго совѣта; визирь, очень раздражительнымъ тономъ, началъ читать Обрѣзкову изложеніе дѣйствій Россіи въ Польшѣ и требовалъ тутъ же обязательства, что русскія войска будутъ немедленно выведены изъ Польши; Обрѣзковъ отвѣчалъ, что войска удалятся, какъ только дѣла въ Польшѣ будутъ приведены въ порядокъ; тогда русскій резидентъ былъ высланъ вонъ и началось совѣщаніе турецкаго министерства; часа черезъ два Обрѣзкова ввели снова и визирь потребовалъ отъ него, чтобы онъ именемъ Россіи обязался, что русская гарантія и всѣ постановленія въ пользу диссидентовъ будутъ уничтожены; Обрѣзковъ отвѣчалъ, что полномочія его вовсе не идутъ такъ далеко; тогда его снова выслали вонъ; нѣсколько турецкихъ сановниковъ отдѣльно приходили къ Обрѣзкову уговаривать его согласиться на эти требованія, но, разумѣется, безуспѣшно; черезъ нѣсколько времени церемоніймейстеръ объявилъ Обрѣзкову, что онъ арестованъ; съ нимъ вмѣстѣ заключены были еще 11 чиновниковъ посольства. затѣмъ къ нимъ присоединены были еще 6 человѣкъ; передъ арестомъ Обрѣзковъ заявилъ, что

---

[1]) *Сборникъ*, т. LXXXVII, 131—135; Панинъ говоритъ, что виновники разграбленія Галты будутъ наказаны частью въ Галтѣ, частью въ Сѣчи Запорожской, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Польши, «жесточайшею казнью, какая только въ имперіи употребительна» (133); Цинкейзенъ, слѣдуя тутъ Рюльеру, говоритъ, что для успокоенія Порты обѣщано было немедленное очищеніе Польши и выдача на казнь двухсотъ казаковъ—т. V, 911—конечно, все это совершенно не вѣрно; вышеупомянутое письмо Панина къ визирю есть единственное до начала турками войны, по этому поводу, и тамъ ничего подобнаго не говорится; послѣ же заключенія въ крѣпость Обрѣзкова Екатерина уже не допускала никакихъ переговоровъ. *Wolf und Zwiedinek* говорятъ опять совершенно другое, и тоже—совершенно невѣрно: Pforte erklärte den Krieg an Russland weil Russen in turkisches Gebiet eingefallen waren und jede Genügthuung verweigerten», 119—положительно, нельзя не удивляться какъ поверхностно и даже небрежно говорятъ иностранные ученые обо всемъ что касается Россіи.

вѣсти объ этихъ событіяхъ, всѣ ближайшіе сотрудники императрицы занимались обсужденіемъ вопросовъ, связанныхъ съ войною; Панинъ принималъ очень большое участіе въ этихъ совѣщаніяхъ, о чемъ свидѣтельствуютъ и прямыя его указанія и тотъ фактъ, что съ 31 октября по 8 ноября 1768 г. нѣтъ ни одной сколько нибудь важной исходящей бумаги по Коллегіи иностранныхъ дѣлъ; при ближайшемъ участіи Панина возникъ и тотъ Совѣтъ, который затѣмъ уже не былъ уничтоженъ и обсуждалъ всѣ важнѣйшія дѣла. Въ публикѣ, и даже нѣкоторые друзья Панина, отчасти обвиняли его за то, что онъ довелъ дѣло до войны; но императрица по прежнему относилась къ Панину съ полнымъ довѣріемъ и даже, по сообщеніямъ Сольмса, вообще предлагала на обсужденіе совѣта только тѣ мѣры, о которыхъ предварительно имѣла уже разговоръ съ Панинымъ[1]). Только уже послѣ того, какъ первыя наиболѣе необходимыя мѣры были обсуждены, Панинъ вернулся къ своей дипломатической перепискѣ. Онъ предполагалъ, между прочимъ, возбудить для Турціи нѣкоторыя затрудненія черезъ Венецію, зондировалъ кн. Кауница, на счетъ того, какъ смотритъ Австрія на свои обязательства предъ Россіей относительно Турціи; конечно, Кауницъ отвѣтилъ, что выходъ Россіи изъ союза въ 1762 г. освободилъ Австрію отъ прежнихъ обязательствъ. Впрочемъ, Панинъ не придавалъ большаго значенія этимъ сношеніямъ; онъ самъ сознавалъ, что тутъ успѣха «скорѣе желать, чѣмъ надѣяться можно» [2]); къ войнѣ же Россія относилась и принималась за нее со всею серьезностью.

На дѣлахъ польскихъ съ особенною яркостью отразился и самый тотъ фактъ, что на Россію поднялся новый врагъ, казавшійся очень опаснымъ, и всѣ отдѣльныя перипетіи борьбы.

---

¹) *Сборникъ*, т. XXXVII, 184.

²) *Сборникъ*, т. LXXXVII, 198, 200, 210, 217—220, 346—348; *Мартенсъ*, II, 9—10. Обращеніе Панина съ такимъ вопросомъ къ вѣнскому двору не было такъ странно, какъ можетъ показаться: въ 1760 г., при возобновленіи союза съ Австріей, «наипаче же подтвержденъ во всей силѣ и *безъ срока* секретный сепаратный артикулъ, касающійся до Порты Оттоманской, которымъ обѣ имперіи обязались помогать одна другой въ случаѣ войны всѣми силами» — *Архивъ кн. Воронцова*, XXV, 280. Въ Вѣнѣ истолковали обращеніе Панина какъ доказательство неувѣренности въ успѣхѣ — и тѣмъ рѣшительнѣе былъ отказъ. - *Beer*, Die orientalische Politik Oesterreichs, 21.

Еще до начала войны русское правительство уже очень чувствовало утомленіе отъ замѣшательствъ польскихъ и еще въ началѣ августа 1768 г. Панинъ высказалъ согласіе на предложеніе Репнина—попытаться снова вступить въ переговоры съ партіей Чарторижскихъ и съ ихъ помощью возстановить въ Польшѣ покой и тишину. Панинъ говорилъ, что императрица готова предать забвенію прежнее поведеніе Чарторижскихъ, такъ какъ для успѣха дѣлъ она не останавливается предъ какими-либо «персональными предубѣжденіями»; Панинъ надѣялся, что Чарторижскіе, уклонившись отъ содѣйствія видамъ Россіи въ диссидентскомъ дѣлѣ, которое такъ возбуждало католическую шляхту, теперь, видя, что дѣло сдѣлано безъ ихъ участія, не откажутся содѣйствовать возстановленію тишины и покоя въ своемъ отечествѣ; тутъ же впрочемъ, Панинъ заявилъ, что не допуститъ никакихъ уступокъ по пункту о диссидентахъ, хотя бы даже соглашались на это сами диссиденты [1]). Навстрѣчу шло письмо Репнина къ Панину, въ которомъ посолъ сообщалъ, что Чарторижскіе готовы снова сблизиться съ русскою партіею, но непремѣннымъ условіемъ ставятъ предоставленіе диссидентамъ не полной равноправности съ католиками, а лишь свободы совѣсти. Панинъ отвѣчалъ, что Чарторижскіе, повидимому, ожидаютъ новыхъ затрудненій для Россіи со стороны Турціи и надѣются вырвать у Россіи разныя уступки; но на этихъ условіяхъ онъ не желалъ ихъ содѣйствія, говорилъ, что Россія пойдетъ на всякія крайности для сохраненія достигнутыхъ успѣховъ и что, во всякомъ случаѣ, Россіи «не такъ скоро наскучитъ учить своихъ противниковъ, какъ имъ сносить эти поученія» [2]).

Такъ писалъ Панинъ въ серединѣ 1768 г.; но начавшаяся война нѣсколько поколебала его твердость; у него не хватило уже смѣлости продолжать безъ малѣйшихъ уклоненій свою прежнюю политику и онъ пошелъ на нѣкоторыя уступки, на уступки въ томъ именно дѣлѣ, которое онъ объявлялъ совершенно неприкосновеннымъ—въ вопросѣ о гарантіи.

Немедленно послѣ полученія вѣсти объ арестѣ Обрѣзкова,

---

[1]) *Сборникъ*, т. LXXXVII, 124—127.
[2]) *Сборникъ*, т. LXXXVII, 151—153.

Панинъ писалъ Репнину, отъ 29-го октября, что теперь необходимо «искуснымъ образомъ» сохранять въ Польшѣ безпорядки и конфедераціи, чтобы намъ имѣть возможность до нѣкоторой степени держаться въ Польшѣ какъ въ странѣ враждебной, брать провіантъ путемъ экзекуцій и вообще менѣе стѣсняться, чѣмъ пришлось бы, если бы вся страна была бы въ покоѣ и тишинѣ. Немного ранѣе, какъ мы уже видѣли, Чарторижскіе отказались отъ всякаго сближенія съ Россіею безъ существенныхъ уступокъ въ диссидентскомъ дѣлѣ; теперь кн. Августъ Чарторижскій сказалъ Репнину, что можно еще оставить нетронутымъ все, что сдѣлано для диссидентовъ, но что особенно безпокоитъ лучшую часть націи «безпредѣльность» гарантіи русской, которую многіе считаютъ прямымъ подчиненіемъ своего отечества Россіи [1]). На сообщеніе объ этомъ Панинъ выразилъ Репнину согласіе особою деклараціей нѣсколько смягчить русскую гарантію, представить ее въ глазахъ общества въ такомъ характерѣ и значеніи, которые бы менѣе оскорбляли національное чувство поляковъ. Черезъ 10 дней декларація была готова и отправляя ее Репнину Панинъ разрѣшалъ ему даже въ самомъ текстѣ деклараціи сдѣлать небольшія измѣненія, если король или Чарторижскіе очень будутъ о чемъ-либо просить; Панинъ оговаривался, конечно, что существо деклараціи не должно быть затрагиваемо, но очень много было уже разрѣшеніе какихъ-либо перемѣнъ; декларація была составлена съ обычнымъ искусствомъ Панина, но безъ обычной его твердости; уступать въ ней еще что-нибудь было уже очень трудно: тогда пришлось бы коснуться самой гарантіи, измѣнять ее, ибо толкованіе заключало уже очень большія уступки требованіямъ поляковъ. Декларація эта гласила приблизительно слѣдующее: продолжающіеся въ Польшѣ безпорядки заставляютъ думать, что тутъ дѣйствуетъ «какое-либо могущественное, по крайней мѣрѣ на видъ, побужденіе», ослѣпляющее гражданъ; императрица, вполнѣ сознавая чистоту своихъ намѣреній относительно Польши, тѣмъ не менѣе не побоялась отказаться отъ душевнаго спокойствія, доставляемаго этимъ сознаніемъ, чтобы изслѣдовать, не успѣла ли смутить гражданъ люд-

[1]) *Сборникъ*, т. LXXXVII, 384—385.

ская злоба ложнымъ толкованіемъ какихъ-либо ея дѣйствій. «Поэтому, если возможно, что для распространенія въ польскомъ народѣ недовѣрія и вызываемаго имъ фанатизма, злость иностранной интриги набросила гнусныя подозрѣнія на гарантію, данную ея величествомъ всему народу, то императрица поборетъ въ корнѣ это орудіе зависти и объяснится какъ истинный и всегда безкорыстный другъ». Гарантія можетъ быть или въ пользу кого-либо третьяго, отъ названнаго или подразумѣваемаго врага, или взаимная, между двумя содоговаривающимися. Гарантія Россіи относится къ первому роду и «примѣненіе ея несомнѣнно возможно лишь противъ третьяго, а никогда не противъ содоговаривающихся, въ пользу которыхъ она исключительно и поставлена». Гарантія Россіею польскихъ законовъ «отнюдь не имѣетъ въ виду повреждать безусловный и законодательный авторитетъ, заключающійся непосредственно и во всей полнотѣ въ корпусѣ государства, которое всегда и будетъ властно, на основаніи конституціи, которую оно себѣ дастъ, и единственно имѣетъ право себѣ давать, принимать такія рѣшенія, какія могутъ потребоваться въ силу обстоятельствъ и его потребностей; этотъ торжественный актъ, основанный единственно на дружбѣ и доброжелательствѣ, не только не можетъ быть разсматриваемъ, какъ актъ, связывающій польскій народъ по отношенію къ ея императорскому величеству и ея коронѣ, но онъ, напротивъ того, служитъ залогомъ его независимости, которой обезпечена еще и помощь Россійской имперіи противъ всякаго нападенія»; императрица заявляетъ, что никогда никакихъ другихъ видовъ она и не имѣла [1]).—Но сколь ни положительны заявленія этой деклараціи, нельзя не видѣть, что даваемое въ ней толкованіе совершенно противорѣчитъ не только интимной перепискѣ русскихъ дипломатовъ, гдѣ они откровенно высказывались, что главная ихъ цѣль — достичь возможности на законномъ основаніи вмѣшиваться въ польскія дѣла всякій разъ, когда это представится нужнымъ, и способа держать Польшу въ ея слабости, такъ какъ «для насъ всемѣрно лучше, чтобы Польша вовсе въ безобразіи и небытіи оставалась, нежели чтобъ бытіе ея сколько ни есть было вопреки

---

[1]) *Сборникъ*, т. LXXXVII, 185, 201—207, 482.

интересамъ нашимъ» [1]) — но даже и тѣмъ заявленіямъ, какія Панинъ черезъ Обрѣзкова дѣлалъ въ Константинополѣ, указывая, что теперь liberum veto и другіе законы, ослабляющіе Польшу, поставлены подъ русскую гарантію такъ, что уже никогда, даже самыми конфедераціями, отмѣняемы быть не могутъ. Панинъ, несомнѣнно, теперь нѣсколько уступалъ, сравнительно съ прежними своими дѣйствіями; онъ предлагалъ даже Репнину, въ доказательство того, что Россія искренно такъ понимаетъ декларацію, передать на собственное рѣшеніе поляковъ нѣкоторыя измѣненія въ послѣднихъ конституціяхъ, напримѣръ, установленіе нѣкоторыхъ новыхъ податей для военной коммисіи; затѣмъ Панинъ обнаружилъ готовность пойдти даже на нѣкоторыя уступки въ дѣлѣ диссидентовъ [2]). Но поведеніе поляковъ сдѣлало невозможнымъ такія соглашенія съ ними.

Начало Турціей войны произвело въ Польшѣ чрезвычайное впечатлѣніе; по своей способности увлекаться поляки быстро прониклись убѣжденіемъ, что Россію постигнетъ полный разгромъ; въ ихъ воображеніи рисовалась уже огромная коалиція противъ Россіи [3]). Король, ознакомившись съ декларацiей, отвѣтилъ, что она очень хороша и должна принести большую пользу, но Чарторижскіе заявили, что начало войны совершенно измѣнило все положеніе дѣлъ и что они вмѣстѣ со всею націею должны ожидать своего жребія отъ оружія воюющихъ сторонъ; скоро и король поддался общему увлеченію. Въ это время Репнинъ, по порученію изъ Петербурга, просилъ короля, чтобы русскимъ войскамъ позволено было занять крѣпость Каменецъ-Подольскъ, очень важную въ планѣ военныхъ дѣйствій, принятомъ Россіею. Король немедленно разгласилъ о просьбѣ Репнина; все польское правительство формально высказалось противъ разрѣшенія русскимъ занять Каменецъ, дѣло вызвало такое возбужденіе, такіе страстные толки, что Панинъ отказался, наконецъ, отъ мысли захватить Каменецъ или хитростью или подкупомъ командующаго въ немъ генерала, о

---

1) *Сборникъ*, т. LXXXVII, 487—540.
2) *Сборникъ*, т. LXXXVII, 501.
3) *Beer*, I, 245—246.

чемъ онъ одно время думалъ [1]). Онъ писалъ теперь къ Репнину о Чарторижскихъ съ большимъ раздраженіемъ, говоря, что они все повышаютъ и повышаютъ свои требованія, до полнаго уничтоженія гарантіи и всего, сдѣланнаго въ пользу диссидентовъ, очевидно, надѣясь, что мы принуждены будемъ согласиться на все это; но онъ заявлялъ, что очень и очень трудно будетъ довести Россію до такой крайности, чтобы она согласилась на такія требованія; къ тому-же онъ ожидалъ, что при перемѣнѣ обстоятельствъ Чарторижскіе снова «съ полною свободою перевернутся». Особенно удивлялся Панинъ ослѣпленію короля, который, повидимому, рѣшительно хотѣлъ порвать съ Россіей, зная вражду къ себѣ Франціи и полагаясь на очень туманныя, двусмысленныя обнадеживанья Австріи [2]).

Въ началѣ 1769 г. Станиславъ Августъ написалъ Екатеринѣ письмо; утверждая, что перемѣны въ польскомъ устройствѣ, произведенныя при участіи Россіи, вызвали смуты и безпорядки, въ его королевствѣ господствующіе, онъ просилъ императрицу отказаться отъ нѣкоторыхъ постановленій. «Желая сдѣлать меня королемъ, ваше величество конечно подразумѣвали при этомъ, что я долженъ исполнять обязанности королевскія: поэтому я обязанъ, и въ отношеніи къ вашему величеству точно такъ же, какъ и въ отношеніи къ своему отечеству, представить вамъ вѣрную картину состоянія Польши. Я обязанъ это сдѣлать особенно послѣ требованія, сдѣланнаго мнѣ русскимъ посломъ отъ вашего имени,—образовать конфедерацію. Въ то время какъ моя прямота и мой патріотизмъ заставляли меня ежедневно и настойчиво указывать русскому послу во всемъ дѣлавшемся здѣсь то, что я находилъ противнымъ благу Польши, моему собственному и даже вашему, я никогда не старался поднимать противъ васъ враговъ, ни вступать ни въ какую политическую связь безъ вашего вѣдома, какъ другіе, въ пользу которыхъ требовали отъ меня уступчивости, самой вредной для меня и для моего государства. Я не раскаиваюсь въ моемъ поведеніи, потому что оно сохранило мнѣ титулъ испытаннаго

---

[1]) *Сборникъ*, т. LXXXVII, 220, 221, 267, 268, 311, 312, 335, декабрь 1768—февраль 1769; *Соловьевъ*, книга VI, 601—603.

[2]) *Сборникъ*, т. LXXXVII, 268—269, 309—311, 385.

вашего друга; но оно причиною удаленія и даже отвращенія, питаемаго ко мнѣ большею частію моего народа, ибо, не зная всѣхъ возраженій моихъ противъ того, что кажется ему притѣсненіемъ, онъ считаетъ меня виновникомъ этого притѣсненія... Это неудовольствіе обнаружится заразъ повсюду, если я теперь составлю конфедерацію, основаніемъ которой не будетъ уничтоженіе гарантіи и ограниченіе статьи о диссидентахъ. Смѣю увѣрить ваше величество, что, вмѣсто оказанія вамъ услуги, я только увеличу этимъ существующія затрудненія. Если я для увеличенія числа подписей употреблю силу, то это укрѣпитъ убѣжденіе народнаго большинства, что я дѣйствую противъ его желаній и интересовъ, и что я объявляю себя его врагомъ. Когда, два года тому назадъ, я указывалъ на величайшую трудность, которую встрѣтитъ диссидентское дѣло,— приписали другимъ побужденіямъ то, что было только слѣдствіемъ моего знакомства съ образомъ мыслей моихъ соотечественниковъ. Событія меня оправдали. Я не измѣнилъ правдѣ съ самаго начала, какъ не измѣнилъ преданности вашему величеству до конца. Отъ васъ зависитъ и для васъ важно умирить Польшу, возвратить мнѣ любовь моего народа и чрезъ это сдѣлать меня для васъ существенно полезнымъ» [1]). Екатерина отвѣтила письмомъ, характеръ котораго, сравнительно съ характеромъ писемъ Станислава-Августа, лучше всего объясняетъ событія въ Польшѣ и причины, почему Россія получила въ ней такое вліяніе. «Было-бы неслыханно, пишетъ Екатерина, чтобы я согласилась добровольно уступить въ такомъ пунктѣ, относительно котораго меня можно принудить лишь силою оружія... Чѣмъ болѣе я сознаю обязанности моего положенія, чѣмъ добровольнѣе изъяснила ихъ въ дѣлѣ диссидентовъ, тѣмъ достойнѣе осужденія была-бы я, покинувъ ихъ». Далѣе императрица отрицаетъ, чтобы произведенныя при участіи Россіи перемѣны были причиною общаго неудовольствія и возстанія, о неизбѣжности чего говорилъ король; по этому вопросу «я взываю къ добросовѣстности всей націи», пишетъ императрица. Противодѣйствіе возстановленію правъ диссидентовъ основано на частныхъ интересахъ, на убѣжденіяхъ или изувѣрствѣ от-

[1]) *Соловьевъ*, кн. VI, 605—606.

дѣльныхъ лицъ, и въ немъ не можетъ заключаться повода, достаточно сильнаго, чтобы вызвать возстаніе всей націи; русская гарантія, если ее толковать правильно, есть не что иное какъ обязательство въ пользу націи, если-же на нее смотрятъ иначе, и изъ этого возникаетъ зло—то причина его не въ дѣлѣ императрицы, а въ неправильномъ его толкованіи. Въ заключеніе отвѣта своего императрица убѣждаетъ не ограничиваться лишь исправленіемъ недостатковъ въ государственномъ устройствѣ, а освободить государство отъ вредныхъ иностранныхъ вліяній, стремящихся произвести въ Польшѣ только смуты [1]). Послѣдняя фраза есть несимпатичный и извѣстный пріемъ—съ неодобреніемъ отозваться о томъ, въ чемъ виноватъ самъ, чтобы не дать другому возможности прямо поставить это на видъ; да и вообще все это письмо есть ловкое истолкованіе въ свою пользу своихъ несомнѣнно несправедливыхъ поступковъ. Но замѣчательно начало этого письма; тогдашніе поляки такъ даже и не говорили; они выпрашивали деньги, соглашались на невозможныя для поляка требованія, затѣмъ хотѣли отъ исполненія ихъ уклониться—но такъ и не рѣшились на отчаянное сопротивленіе и дождались, что съ ними сдѣлали то, чего нельзя было сдѣлать никакому другому государству и народу. Отвѣтъ императрицы сопровождался письмомъ къ королю Панина, въ которомъ русскій министръ прямо говоритъ королю, что въ Польшѣ если и будетъ возстаніе, то прежде всего и больше всего противъ него, что въ Польшѣ нѣтъ партіи, которая не согласилась-бы въ 24 часа на всякое требованіе императрицы, если-бы только императрица объявила, что отказывается отъ всякой поддержки ему, королю [2]); и это было, дѣйствительно, правда.

Встревожило начало войны и Фридриха; онъ испугался, чтобы Россія не вступила на путь сближеній съ Австріею, помощь которой противъ Турціи могла быть для Россіи, конечно, удобнѣе, чѣмъ помощь Фридриха [3]). Поэтому Фридрихъ

---

[1]) *Сборникъ*, т. LXXXVII, 362—367.

[2]) *Сборникъ*, т. LXXXVII, 368—370.

[3]) Припомнимъ, что этимъ и Панинъ грозилъ, черезъ Обрѣзкова, въ Константинополѣ еще давно; Кауницъ тоже этого ожидалъ. *Beer*, Die orientalische Politik Oesterreichs, 21.

начавши заговаривать о возобновленіи союза съ Россіей еще въ 1767 г., въ 1768 и 1769, когда началась война, не только не ослабилъ, а усилилъ свои настоянія; онъ предлагалъ союзъ не на 8 лѣтъ, какъ прежній, а на срокъ болѣе продолжительный и, въ крайнемъ случаѣ, поручалъ Сольмсу настоять, чтобы, если трактатъ возобновленъ будетъ на прежній срокъ, теченіе его считалось не со дня подписанія, а со дня истеченія срока прежняго трактата, то-есть съ 31 марта 1772 года. Въ предложенный теперь Фридрихомъ проектъ внесено было только одно новое условіе—гарантія ему графства Анспахскаго и Байрейтскаго, на которыя онъ уже давно заявлялъ свои права. Въ Петербургѣ, однако, вовсе не спѣшили отвѣтомъ на предложенія Фридриха. Мы отлично знаемъ, что тамъ всего менѣе думали о сближеніи съ Австріей; но повидимому не находили основаній спѣшить и съ удовлетвореніемъ желанія Фридриха, не желали показывать, будто его предложеніямъ очень обрадовались. А Фридрихъ чрезвычайно волновался замедленіемъ отвѣта. Онъ спѣшилъ обезопасить себя и со стороны Австріи: въ августѣ 1769 г. состоялось свиданіе его съ императоромъ Іосифомъ въ Нейссѣ; Фридрихъ, вѣроятно, не убѣдился, что ему можно и не заботиться о союзѣ съ Россіей, онъ продолжалъ свои настоянія о возобновленіи его; въ Петербургѣ-же, повидимому, начали теперь думать, что, пожалуй, если медлить еще, Фридрихъ найдетъ способъ ближе согласиться съ Австріей— и 12 октября (ст. ст.) 1769 г. трактатъ былъ возобновленъ опять на 8 лѣтъ, считая съ 31 марта 1772 г. По предложенію русскаго двора, статья объ Анспахѣ и Байрейтѣ была отнесена въ секретныя; за то Фридрихъ обязался войскомъ помочь Россіи и въ случаѣ нападенія на нее Швеціи, а не Австріи только, какъ было въ прежнемъ договорѣ. Изъ всего этого видно, какъ дорожилъ Фридрихъ русскимъ союзомъ [1]). Измѣненіе условія относительно помощи противъ Швеціи необходимо имѣть въ виду при объясненіи поѣздки въ Петербургъ принца Генриха, которая важна для изученія раздѣла Польши.

---

[1]) *Сборникъ*, т. XXXVII, 201—204, 227—230; *Мартенсъ*, VI, 48—64; *Соловьевъ*, книга VI, 620—621. Не говоря уже о Сенъ-При, и Германъ утверждаетъ, что домогались возобновленія союза съ русской стороны—см. *Saint-Priest*, Études diplomatiques et littéraires, I, 214; *Herrmann*, т. V, 509—510.

Въ это самое время состоялось отозваніе Репнина. Нѣтъ никакихъ основаній полагать, что это было слѣдствіемъ недовольства его дѣйствіями [1]); скорѣе можно думать, что въ Петербургѣ, рѣшившись на нѣкоторыя уступки полякамъ, не хотѣли ставить Репнина въ непріятное положеніе раздѣлывать то, чего добился онъ съ такимъ талантомъ и энергіею; и на мѣстѣ въ Варшавѣ и по смѣнѣ съ него Репнинъ постоянно видѣлъ знаки особаго благоволенія императрицы; онъ былъ впослѣдствіи отправленъ въ Турцію, послѣ заключенія мира первымъ русскимъ чрезвычайнымъ посломъ—до того времени русскіе представители въ Турціи имѣли званіе лишь резидента; Репнинъ самъ уже давно просилъ объ отозваніи его изъ Варшавы и, тѣмъ не менѣе, послѣ того, какъ оно состоялось, онъ еще болѣе полугода остался въ Варшавѣ, тогда какъ, конечно, мѣсяцевъ двухъ было вполнѣ достаточно для замѣны его другимъ лицомъ [2]). Преемникомъ ему былъ назначенъ генералъ-аншефъ князь Михаилъ Никитичъ Волконскій.

---

[1]) Фридрихъ довольно часто говорилъ о крайне деспотичномъ поведеніи Репнина—*Сборникъ*, т. XXXVII, 97—101; см. еще *Beer*, II, 95—отзывъ Бенуа; Панинъ отвѣчалъ Сольмсу, передававшему слова короля, что онъ, Панинъ, не считаетъ Репнина способнымъ къ поступкамъ безтактнымъ.—Мы видимъ только въ поступкахъ Репнина чрезвычайную рѣшительность; имѣемъ, впрочемъ, одно почти неопровержимое свидѣтельство, что Репнинъ иногда позволялъ себѣ непозволительное: лордъ Мальмсбюри разсказываетъ въ своихъ запискахъ, что самъ слышалъ, какъ однажды, въ довольно многочисленномъ обществѣ, когда Станиславъ-Августъ сталъ говорить, что не можетъ себѣ представить, какъ-бы онъ могъ добывать себѣ хлѣбъ трудомъ, Репнинъ сказалъ ему: «но, ваше величество, вы такъ хорошо танцуете, что могли-бы быть отличнымъ учителемъ танцевъ!»—«Memoiren des Grafen v. Malmesbury», въ «Bibliothek ausgewahlter Memoiren des XVIII und XIX Jahrhunderts», I, 18. Можно, впрочемъ, замѣтить, что подобный фактъ уничтожаетъ зато всякую возможность вѣрить, что Репнинъ получалъ отъ короля польскаго пенсію.

[2]) *Сборникъ*, т. LXXXVII, 267, 372, 464: рескриптъ объ отозваніи Репнина подписанъ 23 декабря 1768 г., 31 марта 1769 г. была готова инструкція Волконскому, а прибылъ онъ въ Варшаву въ іюлѣ 1769. Соловьевъ приводитъ множество, положительно можно сказать, отчаянныхъ просьбъ Репнина объ отозваніи и объ избавленіи отъ «той каторги», въ которой онъ находится, а также жалобъ на тяжелую для нервовъ обстановку.—см. книга VI, 439, 487, 600 и др.; нѣкоторые отзывы Репнина слишкомъ даже рѣзки, такъ что мы не будемъ ужъ ихъ повторять. Совершенно также затѣмъ жаловались на крайнее нервное утомленіе и Волконскій, и Сальдернъ,—см. *Соловьевъ*, Исторія паденія Польши, 140, 144; въ Польшѣ смѣнилось въ царствованіе Екатерины восемь или де-

Въ Польшѣ, конечно, сейчасъ-же возликовали при отзывѣ Репнина, въ увѣренности, что съ перемѣною посла перемѣнится и система. И не убѣдившись еще въ этомъ ничѣмъ, кромѣ собственной твердой увѣренности, что такая перемѣна произойдетъ, Чарторижскіе стали требовать многихъ перемѣнъ въ деклараціи и наконецъ заявляли, что даже и съ какими угодно перемѣнами въ деклараціи, но безъ существенныхъ уступокъ по диссидентскому дѣлу, ничего для умиренія Польши сдѣлать невозможно [1]). Король въ это время не обнаруживалъ со своей стороны никакой склонности сдѣлать что-либо по требованіямъ Россіи; но онъ попросилъ въ это время опять денегъ; 7 сентября 1769 года изъ Петербурга разрѣшено было выдать ему 5.000 червонцевъ... [2]).

Россія искала себѣ въ то же время другихъ «партизановъ», готовыхъ дѣйствовать въ ея видахъ. Осенью-же 1769 году получены были въ Петербургѣ два новые «плана умиротворенія» Польши, какъ ихъ называли, въ сущности-же два проекта конфедерацій. Одинъ былъ отъ князя Масальскаго и графа Флемминга, другой отъ графа Понинскаго и графа Браницкаго (референдаря, а не бывшаго гетмана). Панинъ былъ болѣе доволенъ планомъ вторыхъ двухъ; онъ находилъ, что Масальскій и Флеммингъ обнаруживаютъ слишкомъ большія притязанія на вознагражденіе себя и своихъ сторонниковъ, обѣщанія же даютъ не очень цѣнныя, да и не въ достаточно опредѣленной формѣ; въ планѣ же Понинскаго и Браницкаго онъ особенно высоко цѣнилъ то, что они ручались за образованіе конфедераціи, которая прямо и открыто приметъ покровительство и поддержку императрицы. Они обѣщали, что основаніемъ соглашенія будетъ принята декларація о гарантіи. Со своей стороны Панинъ готовъ былъ даже допустить нѣкоторыя уступки и въ диссидентскомъ дѣлѣ, лишь-бы только явнымъ образомъ не отъ насъ

вять пословъ, тогда какъ, напримѣръ въ Вѣнѣ, Берлинѣ, Стокгольмѣ всего подва; если обратить вниманіе на то, что тѣ же самые дипломаты вовсе не жаловались на свое пребываніе при другихъ дворахъ и страшно тяготились пребываніемъ въ Варшавѣ, то надо признать, что на это были, дѣйствительно, причины именно въ Варшавѣ.

[1]) *Сборникъ*, т. LXXXVII, 471.

[2]) *Сборникъ*, т. LXXXVII, 481.

исходила иниціатива въ отказѣ отъ того, чего мы достигли, а если-бы сами диссиденты заявили о своей готовности уступить нѣчто изъ тѣхъ правъ, которыя были имъ предоставлены на послѣднемъ сеймѣ. Панинъ разрѣшалъ Волконскому даже вызвать диссидентовъ на такое заявленіе, но непремѣнно черезъ очень надежныхъ третьихъ лицъ, чтобы участіе въ этомъ Россіи было совершенно незамѣтно; кромѣ того Панинъ поручалъ Волконскому дѣйствовать такъ, чтобы создать въ Польшѣ генеральную конфедерацію, которая бы поддержала Россію въ борьбѣ съ Турціей; за это онъ готовъ былъ обѣщать Польшѣ территоріальное вознагражденіе на счетъ Турціи, напримѣръ, часть Молдавіи или Валахіи [1]). Флеммингу, Браницкому, Понинскому, Гюльзену, Мнишку и другимъ, обнаружившимъ готовность вступить въ сближеніе съ Россіей, были отправлены благодарственныя и похвальныя письма [2]).

Между тѣмъ король и Чарторижскіе совершенно открыто заняли положеніе, явно недружелюбное относительно Россіи. Они собрали senatus consilium и онъ объявилъ невозможнымъ согласиться со всѣмъ, что было сдѣлано подъ вліяніемъ Россіи; онъ обвинилъ Репнина въ различныхъ притѣсненіяхъ отъ него Польшѣ и наконецъ объявилъ актомъ насилія вступленіе русскихъ войскъ въ Польшу и пребываніе ихъ тамъ; рѣшено было отправить ко всѣмъ важнѣйшимъ дворамъ Европы, въ томъ числѣ и въ Петербургъ, посольства, чтобы просить о содѣйствіи Польшѣ выйдти изъ такого положенія. Въ октябрѣ король написалъ объ этихъ рѣшеніяхъ и лично императрицѣ и своему резиденту въ Петербургѣ, Псарскому; императрицу онъ просилъ помочь ему вывести народъ изъ такого положенія, вслѣдствіе котораго онъ, король, всѣми ненавидимъ настолько, что, какъ ему извѣстно, составился заговоръ съ цѣлью убить его.

Въ Петербургѣ приняли эти извѣстія и письма короля очень сурово. Прежде всего, отвѣтилъ ему только Панинъ, ибо императрица «не изволила», какъ писалъ Панинъ Волконскому, «признать за сходственное съ высочайшимъ ея достоинствомъ безпосредственно отвѣтствовать на королевское къ ней письмо,

---

[1]) *Сборникъ*, т. LXXXVII, 483—486, 498—504, 515.

[2]) *Сборникъ*, т. XCVII, 1—6, 168.

ибо тутъ по необходимости надлежало бы войдти ей самой въ раздробленіе многихъ королю польскому непріятныхъ и чувствительныхъ правдъ»; въ письмѣ къ королю Панинъ говорилъ, что императрица «сочла себя въ правѣ избавить себя отъ непріятности высказывать истины, отъ которыхъ она не можетъ отказаться ради своей славы и чувствительности, а ваше величество отъ непріятности читать ихъ написанными ея рукою». Затѣмъ Панинъ въ очень сильныхъ выраженіяхъ возражаетъ противъ рѣшимости «кого бы то ни было въ свѣтѣ» оцѣнивать предъ лицомъ императрицы дѣйствія ея какъ дѣйствія частнаго лица, такъ какъ ясно, что ея посолъ былъ лишь точнымъ исполнителемъ ея приказаній. Панинъ говоритъ, что такой поступокъ польскаго сената будетъ сочтенъ почти равнымъ объявленію войны; онъ говоритъ, что если признать Россію обязанною согласиться на перемѣны, какихъ просятъ поляки, то придется признать, что вообще не существуетъ трактатовъ, обязательныхъ для подписавшихъ, ибо всякій трактатъ заключается при извѣстныхъ обстоятельствахъ и при измѣнившихся обстоятельствахъ всякій могъ бы быть объявляемъ актомъ насилія. Затѣмъ Панинъ указывалъ королю—и это было такъ въ самомъ дѣлѣ,—что именно люди, теперь составившіе такое сенатское постановленіе, сами же и были первыми виновниками вступленія въ Польшу русскихъ войскъ, что они именно первые и просили помощи Россіи. Въ отвѣтъ на сообщеніе о заговорѣ Панинъ пишетъ, что «сіе кажется неслыханнымъ, чтобы можно было видѣть выраженіе народа въ двадцати личностяхъ, рѣшившихся на самое гнусное преступленіе, убійство»; онъ говоритъ, что было бы скорѣе оскорбленіемъ для народа, чѣмъ выраженіемъ уваженія и вниманія къ нему—признать шайку разбойниковъ за выразителей народной воли. Въ заключеніе Панинъ, отъ имени императрицы, проситъ короля остановить посольство, чтобы формальнымъ отклоненіемъ его императрица не показала открыто своего охлажденія къ нему. Это письмо сопровождалось еще частнымъ письмомъ Панина къ Станиславу-Августу; тутъ онъ говоритъ, что постановленіе сената есть собственно не что иное, какъ ловушка для него самого, чтобы достигнуть свերженія его съ престола,

которое несомнѣнно послѣдуетъ, какъ только Россія окончательно отъ него откажется, чего, конечно, ожидали авторы этого сенатскаго постановленія [1]). Посольство въ Петербургъ отправлено не было. Въ тоже время поляки усиленно хлопотали въ Парижѣ, чтобы получить дѣятельную поддержку; но являвшіеся въ столицѣ Франціи поляки, нерѣдко самозванно присвоивавшіе себѣ значеніе представителей Польши, занимались тамъ преимущественно интригами другъ противъ друга и взводили одинъ на другаго самыя ужасныя обвиненія; конечно, они не достигли ничего серьезнаго [2]).

Отправивъ эти письма къ королю, Панинъ уже окончательно рѣшился порвать всякія связи съ прежними партизанами Россіи, которые столько разъ мѣняли свое поведеніе относительно Россіи, то прибѣгали къ Россіи съ униженными просьбами, то быстро отказывались отъ своихъ обѣщаній и нарушали свои обязательства, то выпрашивали денежныя подачки, то, какъ только имъ казалось, что Россія въ затруднительномъ положеніи—быстро принимали надменный тонъ и предъявляли уже почти требованія; въ началѣ декабря 1769 г. Панинъ, обсуждая въ письмахъ къ Волконскому, составленіе конфедераціи, предписываетъ послу давать «точное и ясное отъ двора ея императорскаго величества увѣреніе, что Чарторижскіе и всѣ ихъ креатуры не только отъ дѣлъ единожды на всегда отторгнуты, но и вся ихъ сила, знатность и инфлюенція въ отечествѣ своемъ въ конецъ и до послѣдняго края моральнаго небытія истреблены быть должны, яко сіе есть правило уже совсѣмъ рѣшенное въ политической системѣ нашего высочайшаго двора относительно до Польши, въ чемъ по извѣданному предъ тѣмъ отъ Чарторижскихъ неоднократному вѣроломству и необузданному властолюбію никакой съ ихъ стороны оборотъ нимало уже пособить не возможетъ» [3]).

Отношеніе Екатерины къ послѣднему письму Понятовскаго очень его смутило и въ февралѣ 1770 г. онъ прислалъ новое, съ болѣе сдержаннымъ изложеніемъ желаній своихъ отно-

---

[1]) *Сборникъ*, т. LXXXVII, 513—529, 542—543; *Beer*, I, 245—248.
[2]) *Beer*, I, 251—252.
[3]) *Сборникъ*, т. LXXXVII, 539.

сительно умиротворенія Польши и съ болѣе осторожнымъ изложеніемъ рѣшеній сената; на это письмо императрица отвѣчала сама; но она говорила, что мысль о какой либо медіаціи между ею и Польшею—мысль невозможная, и отказывалась вѣрить, что она принадлежитъ королю; она утверждала, что такая медіація вовсе и не нужна, ибо она по прежнему руководится чистосердечнымъ желаніемъ добра Польшѣ; «меня не видятъ измѣняющеюся сообразно событіямъ, пользующеюся благопріятными обстоятельствами для повышенія своихъ требованій», писала она между прочимъ. Въ письмѣ къ Волконскому, отправленномъ одновременно съ этимъ, Панинъ говоритъ, что невозможно понять ослѣпленія короля, который воображаетъ, что если онъ станетъ рѣшительно противъ Россіи, то успѣетъ соединить въ свою пользу въ сущности непримиримыя стремленія своихъ дядей, саксонской партіи, вообще недовольныхъ имъ поляковъ и Франціи. Панинъ выражалъ твердую увѣренность, что вновь принимаемыя военныя мѣры дадутъ намъ возможность привести польскія дѣла въ болѣе благопріятное для насъ теченіе; «и враги наши не могутъ не понимать, говорилъ онъ, что скоро или поздно долженствуемъ мы, однакожъ, взять въ Польшѣ верхъ»; Станислава-Августа Панинъ считалъ необходимымъ сохранить на престолѣ, какъ ни мало надеженъ онъ для поддержки требованій Россіи—потому, что «иначе весь свѣтъ заключитъ, что Россія по недостатку своихъ естественныхъ силъ не могла охранить политическаго зданіи, ею одною воздвигнутаго» [1]).

Въ іюнѣ, дѣйствительно, введены были въ Польшу новые отряды русскихъ войскъ и Панинъ писалъ генералу Веймарну, замѣнявшему Волконскаго во время его поѣздки на воды въ Германію, что теперь у насъ въ Польшѣ достаточно силъ, чтобы начать рѣшительно «поученія» нашимъ противникамъ, къ чему приступать прежде онъ находилъ неудобнымъ, потому что, при недостаточномъ количествѣ русскихъ войскъ, это могло только вызвать болѣе энергичныя дѣйствія со стороны нашихъ противниковъ; Панинъ предписывалъ теперь налагать большія контрибуціи на имѣнія Чарторижскихъ,

[1]) *Сборникъ*, т. XCVII, 46, 48, 52, 55, 147, 170—171.

безденежно забирать въ нихъ провіантъ, такъ чтобы заставить Чарторижскихъ изъ страха совершеннаго разоренія окончательно удалиться отъ государственной дѣятельности [1]).

Въ іюлѣ 1770 г. русскіе одержали блестящіе успѣхи надъ турками; послѣ этого не было уже никакого основанія опасаться за исходъ войны, онъ становился лишь вопросомъ времени; польскія замѣшательства теперь утратили всякій характеръ опасныхъ и остались лишь безпокойными. Переговоры о составленіи въ Польшѣ конфедераціи дружественной Россіи получали больше и больше вѣроятности достигнуть благополучнаго конца. Панинъ желалъ, чтобы согласнымъ на нее внушаема была мысль, что Чарторижскіе противодѣйствовали русской гарантіи и сохраненію liberum veto «не по внутреннему о вредности ихъ удостовѣренію, но единственно по злобѣ и зависти къ дѣлу рукъ персональныхъ ихъ непріятелей, обуздавшему ихъ вредные и опасные замыслы противъ вольности и равенства въ республикѣ»; что касается введенныхъ Чарторижскими измѣненій польскаго государственнаго устройства, то сохранить ихъ или нѣтъ—Панинъ предоставлялъ соглашенію Волконскаго съ нашими новыми партизанами; даже въ томъ, что касалось диссидентовъ онъ, по прежнему, не повышалъ требованій, говорилъ, что «гарантія ихъ правъ, будучи въ пользу третьяго, не далѣе потому самому и распространяться долженствуетъ, какъ поелику сей третій самъ въ пользу свою ей мѣсто даетъ»; поэтому Панинъ соглашался на какія угодно уступки со стороны диссидентовъ, «лишь бы соглашеніе въ семъ случаѣ происходило и совершалось безъ видимаго въ томъ участія нашего» [2]). Въ ноябрѣ изъ Польши предлагали уже провозглашеніе генеральной конфедераціи; но Панинъ требовалъ предварительно полнаго и точнаго соглашенія по всѣмъ важнѣйшимъ пунктамъ «съ первыми, надежнѣйшими и искусными актерами», «дабы генеральная конфедерація не болѣе имѣла дѣла, какъ только сдѣланное уже для одной формы разсмотрѣть и дать на оное торжественнымъ своимъ приговоромъ послѣднюю санкцію», такъ какъ иначе—«познавъ довольно

[1]) *Сборникъ*, т. XCVII, 82—84, 145.
[2]) *Сборникъ*, т. XCVII, 146—148.

нравъ господъ поляковъ, писалъ Панинъ, скажу я, и думаю безъ ошибки, что множество ихъ очень скоро и легко приступитъ къ нашей конфедераціи, но не съ тѣмъ, чтобы примиренію отечества своего прямодушно способствовать, но чтобъ тутъ голосами и кредитомъ своимъ торговать и продавать ихъ при каждомъ частномъ дѣлѣ сколько можно дорогою цѣною» [1]).

Во время этихъ переговоровъ Волконскій былъ отозванъ изъ Варшавы и на его мѣсто назначенъ былъ посломъ дѣйствительный тайный совѣтникъ Каспаръ Сальдернъ [2]). Какъ и Репнинъ, Волконскій много разъ самъ просилъ объ освобожденіи его отъ обязанностей посла въ Польшѣ; онъ получилъ разные знаки вниманія императрицы и былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ въ Москву, гдѣ только что передъ тѣмъ разыгралась чума и сопровождавшіе ее безпорядки; на этомъ мѣстѣ онъ оставался и во все то время, когда возстаніе Пугачева дѣлало положеніе столицы очень заботливымъ.

Сальдернъ, когда ему предложено было мѣсто въ Варшавѣ, составилъ записку, въ которой изложилъ свои мнѣнія о томъ, какъ надо дѣйствовать въ Польшѣ; однимъ изъ первыхъ шаговъ должно было быть, по его мнѣнію, опубликованіе особой декларации, проектъ которой онъ и представлялъ. Его предположенія были въ общемъ одобрены, но въ основу дѣйствій ему указано было принять инструкцію, данную прежде Волконскому; особенному вниманію его поручались три пункта: союзный трактатъ съ республикою, сепаратный артикулъ относительно основныхъ законовъ (то-есть русская гарантія) и артикулъ о диссидентахъ. Декларація, предложенная Сальдерномъ, была написана довольно высокопарно и напыщенно: онъ говорилъ объ ужасномъ положеніи націи и государства, убѣждалъ поляковъ позаботиться объ умиреніи своего отечества; въ деклараціи утверждалось, что императрица искренно желаетъ содѣйствовать этому и что она рѣшилась употребить послѣд-

---

[1]) *Сборникъ*, т. XCVII, 174.

[2]) Панинъ извѣщалъ Волконскаго о назначеніи на его мѣсто Сальдерна 16-го января 1771 г.; инструкція Сальдерну подписана 5-го марта 1771 г.; прибылъ онъ въ Варшаву въ серединѣ апрѣля—*Сборникъ*, т. XCVII, 195, 216—228, 259.

нія усилія для возстановленія порядка въ Польшѣ; поэтому она приглашаетъ «весь народъ соединиться, отложивъ всякую частную ненависть, и серьезно заняться способами къ окончанію бѣдствій своего отечества»; послу своему императрица дала точныя свѣдѣніи о своихъ намѣреніяхъ и онъ уполномоченъ сдѣлать всѣ возможныя уступки; поднявшіе оружіе приглашаются къ спокойствію, а русскимъ войскамъ приказано по возможности воздерживаться отъ военныхъ дѣйствій [1]).

На основаніи этой деклараціи Сальдернъ и началъ дѣйствовать; но дѣйствія его не были особенно удачны. Прежде всего и декларація Сальдерна не заключала въ себѣ ничего такого, что могло-бы облегчить осуществленіе на практикѣ высказанныхъ въ ней пожеланій; затѣмъ и лично въ своей дѣятельности Сальдернъ вовсе не обнаружилъ качествъ выдающагося ума, какія ему часто почему-то приписываются; его дѣятельность была суетлива, безпокойна, и безрезультатна. Прибывъ въ Варшаву въ серединѣ апрѣля, Сальдернъ уже 10-го мая даетъ въ донесеніи къ Панину общую характеристику какъ всего положенія, такъ и дѣйствующихъ лицъ, характеристику очень рѣшительную въ выраженіяхъ, и даже настолько опредѣленную, что намъ она представляется гораздо болѣе изложеніемъ того, что авторъ себѣ вообразилъ, чѣмъ результатомъ изученія съ его стороны дѣлъ и вѣрнаго ихъ пониманія. Во многихъ случаяхъ онъ обнаружилъ какую-то странную мелочность и горячность. Такъ, онъ сдѣлалъ цѣлую исторію, дошедшую до императрицы, по поводу того, что ему показался совершенно невозможнымъ для обитанія домъ, въ которомъ жили, однако, и Репнинъ и Волконскій; затѣмъ онъ вздумалъ просить, чтобы для командованія русскими войсками въ Польшѣ, то-есть на мѣсто, отчасти ему подчиненное, былъ присланъ кн. Н. П. Репнинъ,—очевидно, что это было невозможно, и ему отвѣтили изъ Петербурга, что Репнинъ нуженъ въ арміи Румянцева, гдѣ онъ командуетъ почти половиною арміи, и послали вмѣсто Репнина А. И. Бибикова; Бибиковымъ Сальдернъ былъ очень недоволенъ и жаловался на него Панину, изображая Бибикова совсѣмъ непохожимъ на того Бибикова, какого

[1]) *Сборникъ*, т. XCVII, 348—353.

мы знаемъ изъ временъ усмиренія имъ Пугачевщины; со своей стороны Бибиковъ рисовалъ Сальдерна чертами далеко не симпатичными и, сколько можемъ мы судить по общему тону донесеній Сальдерна, довольно близко къ истинѣ [1]). Въ то-же время Сальдернъ письменно обращался къ императрицѣ съ предложеніемъ написать ея исторію [2]). Вообще, личность Сальдерна, съ именемъ котораго связана одна не совсѣмъ еще разслѣдованная дворцовая исторія въ 70-хъ годахъ, ждетъ еще изученія для того, чтобы можно было высказаться о немъ рѣшительно.

Во всякомъ случаѣ въ Варшавѣ Сальдернъ не достигъ особенныхъ результатовъ. Онъ быстро обострилъ до крайности отношенія съ примасомъ Подосскимъ, человѣкомъ, которымъ Репнинъ и Волконскій умѣли пользоваться въ выгодахъ Россіи; гр. Огинскій, прежде одинъ изъ преданнѣйшихъ Россіи людей, теперь началъ подготовлять конфедерацію, враждебную Россіи; диссидентовъ, съ которыми велъ Сальдернъ переговоры, онъ вовсе не умѣлъ принудить къ такой податливости, какую желали-бы видѣть въ Петербургѣ, и Панинъ писалъ, что ему «вовсе неправится та сдержанность, съ какою они относятся къ переговорамъ, къ которымъ имъ дѣлаютъ честь допускать ихъ. Не такому министру, какъ вы, мнѣ давать какія-либо предписанія

---

1) *Сборникъ*, т. XCVII, 267, 327; *Соловьевъ*, Исторія паденія Польши, 139, 144—145.

2) Приводимъ здѣсь это письмо, извлеченное нами изъ Моск. Глав. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ; оно было сообщено Сальдерномъ Панину при депешѣ отъ 27-го января 1772 г. «Madame. Je me sens un instinct, une vocation intérieure, plus forte que tous les raisonnements, que j'ai sû m'imposer d'ecrire des memoires pour servir à l'histoire de V. M. I. Personne au monde est instruite de mon dessein. Je le cache pour moi même. Je mets en attendant à Vos pieds, Madame, le plan général ou plutôt le precis des matièrs qui en feront à peu pres le contenû. Daignez y, je Vous en suplie, jetter un regard favorable. Daignez y reflechir un moment, s'il me sera permis de poursuivre mon plan bien entendû, que l'ouvrage, des qu'il sera fini, Vous sera encore presenté avant de voir le jour. Je n'atends que cette permission, pour y employer mes heures de loisir ou celles ou ma constitution physique me refuse le sommeil. Je finirai en 5 ou 6 mois par la permanance dont je suis caparle, dèsque ma destinée ne s'oppose à son execution. Je suis etc».— Приложенъ: Plan général des mémoires pour servir à l'histoire de S. M. J. de toutes les Russies en qualité de tutrice de S. A. J. touchant l'administration du duché de Holstein.

по этому дѣлу. Я знаю, что во всемъ этомъ дѣлѣ вы сумѣете держать ихъ на подобающемъ мѣстѣ и что совѣты русскаго посла будутъ имъ закономъ» [1]). Сальдернъ получилъ отъ короля особое письменное обязательство совѣтоваться во всемъ съ императрицею и слѣдовать ея совѣтамъ—конечно, это былъ шагъ довольно оригинальный; предшественники Сальдерна не дѣлали ничего подобнаго, но знаніе положенія польскихъ дѣлъ должно было-бы и Сальдерну внушить мысль, что это шагъ ни къ чему не ведущій [2]).

Впрочемъ, дѣятельность русскаго посла въ Варшавѣ въ это время утратила уже часть своего прежняго значенія. Въ депешѣ отъ 28-го августа 1771 г. Панинъ раскрылъ Сальдерну «новую систему», сообразоваться съ которою онъ и совѣтовалъ послу въ своихъ дальнѣйшихъ предпріятіяхъ [3]). Система-же эта была не что иное какъ окончательно рѣшенный въ Петербургѣ раздѣлъ польскихъ земель. Теперь Панинъ совѣтовалъ Сальдерну принимать всѣ мѣры, чтобы держать поляковъ въ усыпленіи и бездѣйствіи. «Ваше поведеніе, писалъ онъ, должно быть совершенно пассивно, хотя и будетъ состоять въ постоянныхъ стараніяхъ съ вашей стороны поддерживать въ королѣ и во всѣхъ дѣйствующихъ лицахъ мнѣніе, что вы только и думаете о замиреніи, дабы ограничить этою сферою всѣ интриги и козни». Такимъ образомъ дѣятельность Сальдерна лишалась самостоятельнаго, существеннаго значенія; она являлась, такъ сказать, лишь прикрытіемъ, ширмами для болѣе важныхъ переговоровъ, которые давно уже велись въ Петербургѣ, теперь приходили къ окончанію и вскорѣ закончились первымъ раздѣломъ Польши.

---

[1]) *Сборникъ*, т. XCVII, 354, 357, 422, 425, 426.

[2]) Обязательство это напечатано у *Соловьева*: Исторія паденія Польши, 119; въ перепискѣ своей съ Сальдерномъ Панинъ не упоминаетъ объ этомъ обязательствѣ, точно онъ хотѣлъ показать, что не придаетъ ему серьезнаго значенія.

[3]) *Сборникъ*, т. XCVII, 447.

Глава пятая.

Первая турецкая война [1]).

I.

Объявленіе войны турками, хотя уже давно не считалось въ Петербургѣ невозможнымъ, застало, все таки русскихъ не совсѣмъ готовыми. Фридрихъ II въ своихъ запискахъ упрекаетъ турокъ, что они объявили войну предъ началомъ зимы и дали русскимъ возможность приготовиться ко времени открытія военныхъ дѣйствій. Забудемъ, что это писалъ союзникъ Россіи; но нельзя не удивиться, какъ Фридрихъ не удержался отъ такого замѣчанія столько же неосновательнаго, сколько обнаруживающаго его зложелательство относительно Россіи [2]). Турки сами къ началу кампаніи были готовы менѣе чѣмъ русскіе и не-

[1]) Въ настоящей главѣ мы излагаемъ преимущественно, почти исключительно, только самыя военныя дѣйствія и мирные переговоры; конечно въ высшей степени любопытно изучить и вліяніе этой войны на внутреннюю жизнь государства, но это должно быть отнесено къ изученію не внѣшней политики, а внутренняго состоянія Россіи. Мы не считали себя достаточно компетентными, чтобы принять на себя сколько нибудь самостоятельное обслѣдованіе военныхъ вопросовъ, съ какими преимущественно приходится намъ имѣть дѣло въ настоящей главѣ; она является, поэтому, въ значительной степени компилятивною; при составленіи ея мы руководствовались слѣдующими трудами: *Соловьевъ*, Исторія Россіи, т. т. 28 и 29; *Смитъ*, Суворовъ и паденіе Польши, т. I, 71—114; *Петрушевскій*, Генералиссимусъ кн. Суворовъ, , т. I, 141—184, *Масловскій*, Записки по исторіи русскаго военнаго искусства, вып. II, ч. I; Ларго-кагульская операція,—въ особенности же капитальнымъ, обстоятельнымъ трудомъ *А. Петрова*. «Война Россіи съ Турціей и польскими конфедератами въ 1768 — 1774 г.», 5 томовъ; этому послѣднему труду мы и слѣдуемъ главнымъ образомъ, лишь въ отдѣльныхъ частныхъ случаяхъ внося дополненія къ тому, что изложено у Петрова, изъ другихъ трудовъ; пособія сверхъ перечисленныхъ выше указывается особо, если изъ нихъ что либо заимствованно нами.

[2]) Oeuvres de Frederic le grand, VI, 22.

возможно допустить, чтобъ такія огромныя и продолжительныя приготовленія, какія потребовались бы Турціи, чтобы достигнуть полной готовности, не стали бы извѣстны въ Россіи и не вызвали бы соотвѣтственныхъ мѣропріятій съ ея стороны. Если же Фридрихъ находилъ, что туркамъ слѣдовало бы напасть на Россію неожиданно, безъ объявленія войны, какъ напримѣръ, напалъ онъ на Саксонію въ 1756 г.,—то это было невозможно въ силу географическихъ условій.

Въ Константинополѣ и въ Петербургѣ сошлись въ предположеніи, гдѣ произойдутъ первыя военныя дѣйствія. Турки думали главными силами, до 400,000 чел., перейдти черезъ Днѣстръ у Хотина, завладѣть немедленно Каменцемъ, взять Варшаву, свергнуть Станислава Августа съ трона и двинуться внутрь Россіи на Кіевъ и Смоленскъ; съ юга на русскую границу долженъ былъ въ то же время напасть крымскій ханъ со 100,000 татаръ; въ Азовѣ и Таганрогѣ предполагалось высадить десантъ, присоединить къ нему до 50,000 лезгинъ и дѣйствовать въ сторону Астрахани. Въ Петербургѣ именно на этихъ пунктахъ и ожидали нападенія.

Оставляя нѣсколько полковъ для прикрытія Петербурга и прибалтійскихъ провинцій, разсчитывали выставить противъ турокъ до 180,000 чел. На совѣтѣ, при началѣ войны собранномъ въ Петербургѣ и обсуждавшемъ всѣ военные мѣры и вопросы [1]), рѣшено было вести войну наступательную, но планъ ея, составленный въ общихъ чертахъ, обнаруживалъ большую осторожность и даже нѣкоторую неувѣренность; первое время почитали необходимымъ держаться оборонительнаго образа дѣйствій. Главныя силы рѣшено было сосредоточить къ юго-западу отъ Кіева, по Днѣстру, и только здѣсь предполагалось въ благопріятномъ случаѣ перейдти въ наступленіе. Эта армія называлась первою, или наступательною, начальникомъ ея былъ назначенъ

[1]) Участвовали на немъ: фельдмаршалъ гр. Кирилъ Григорьевичъ Разумовскій, ген.-анш. кн. Александръ Михайловичъ Голицынъ, гр. Никита Ивановичъ Панинъ, ген.-анш. кн. Михаилъ Никитичъ Волконскій, ген.-анш. гр. Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ, ген.-анш. гр. Петръ Ивановичъ Панинъ ген.-фельдцейхмейстеръ гр. Григорій Григорьевичъ Орловъ, генералъ прокуроръ кн. Александръ Алексѣевичъ Вяземскій и вице-канцлеръ кн. Александръ Михаиловичъ Голицынъ.

генералъ-аншефъ кн. Александръ Михайловичъ Голицынъ; подъ его общимъ начальствомъ предполагалось собрать до 80,000 чел.; ему указано было—если успѣетъ предупредить турокъ—занять Каменецъ и попытаться овладѣть Хотиномъ, если же турки ранѣе вступятъ въ Польшу, то прикрывать Литву и Кіевъ. Вторая, оборонительная, армія должна была собраться около Бахмута, въ числѣ до 40,000 чел.; ея начальникомъ назначенъ былъ генералъ-аншефъ графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ; ему было поручено не допустить татаръ или турокъ ворваться въ предѣлы новороссійской губерніи, особенно, не допустить ихъ тутъ утвердиться [1]); по Дону долженъ былъ спуститься на судахъ особый отрядъ до 12,000 чел., занять Азовъ и Таганрогъ и тамъ укрѣпиться; въ случаѣ успѣха этого отряда Румянцевъ долженъ былъ частью своей арміи предпринять нападеніе на Крымъ. По р. Кизляру, подъ начальствомъ генераловъ Медема и Тотлебена, предполагалось собрать тоже до 40,000 чел., съ которыми они должны были поднимать противъ турокъ кавказскія племена и поддерживать возстающихъ. Рѣшено было наконецъ отправить въ Средиземное море флотъ, чтобы поднять противъ турокъ грековъ и черногорцевъ; флотъ этотъ долженъ былъ состоять, подъ общимъ начальствомъ гр. Алексѣя Григорьевича Орлова, изъ двухъ эскадръ,—вице-адмирала Спиридова и контръ-адмирала Эльфингстона, изъ 21 корабля съ 1332 пушками и 23 другихъ судовъ [2]); экипажа было 12,870 чел., и 2.520 солдатъ съ 60-ю полевыми орудіями для десанта; впрочемъ, флотъ могъ выйдти изъ Кронштадта только въ октябрѣ 1769 г. Предъ началомъ борьбы почти всѣ въ Европѣ были убѣждены, что силы Турціи далеко превосходятъ силы Россіи и что русскихъ постигнетъ пораженіе; надежда на это высказывалась неоднократно и французскимъ и австрійскимъ правительствомъ [3]).

---

[1]) *Сборникъ Императорскаго Русск. Историческ. общества*, т. LXXXVII, 196.

[2]) 5 кораблей было 84-пушечныхъ, 6—70-пушечныхъ, 4—64-пушечныхъ, 2—54-пушечные и 4—32-пушечные; затѣмъ было 8 галліотовъ, 6 галеръ и 9 меньшихъ транспортныхъ судовъ.

[3]) *Rambaud*, Recueil des instructions, données aux ambassadeurs et ministres de France, IX. Russie, 266, 267 и др. *Beer*, Die orientalische Politik Oesterreichs, 21.

Зима 1768—1769 г. была употреблена на всякаго рода приготовленія. Прежде всего Петербургское правительство обратилось ко всѣмъ европейскимъ дворамъ съ циркуляромъ, въ которомъ утверждало, что не только дѣйствія Россіи въ Польшѣ но и намѣренія были вполнѣ миролюбивы, строго сообразованы съ трактатами и никакимъ образомъ не заключали поводовъ къ враждебнымъ дѣйствіямъ со стороны Турціи, что даже напротивъ, чѣмъ болѣе Турція узнавала истинныя намѣренія Петербургскаго двора, «тѣмъ болѣе уничтожались у Порты всякія подозрѣнія и народное спокойствіе отнюдь не казалось быть угрожаемо; но общіе непріятели, дышущіе яростію, обратились съ наибольшею наглостью къ предпріятому своему намѣренію, обуздали легковѣрность турецкаго народа, привели оный къ такому роптанію, которое должно быть принято правительствомъ въ уваженіе» и достигли того, что диванъ рѣшился на войну и на неприличное, грубое поведеніе относительно представителя Россіи; циркуляръ заключался выраженіемъ надежды, что «ея величество будетъ имѣть счастіе присоединить къ Божіей помощи справедливое отъ пріятелей своихъ спомоществованіе, также и добрыя пожеланія всего христіанства» [1]). Отъ союзниковъ Россіи, королей прусскаго и датскаго, дѣйствительно, немедленно получено было подтвержденіе, что помощь будетъ оказана по трактатамъ, что и на самомъ дѣлѣ было исполняемо ими [2]). Мы упоминали уже объ обращеніи Панина съ вопросомъ къ Кауницу, признаетъ-ли Австрія за собою обязательства относительно Россіи на случай турецкой войны и объ отрицательномъ отвѣтѣ Кауница [3]); въ ноябрѣ 1768 г. писано было къ маркизу Маруцци въ Венецію, что «мы не можемъ и не желаемъ приглашать республику къ ссорѣ изъ за насъ съ опаснымъ сосѣдомъ», но что «война между Россійскою имперіей и стариннымъ и столь опаснымъ сосѣдомъ венеціанской республики достойна полнаго вниманія мудрой республики» и что Россія будетъ очень довольна, если Венеція не пренебрежетъ случаемъ, буде такой представится, вознаградить потери,

---

[1]) *Сборникъ*, т. LXXXVII, 177—200, 8 ноября 1768 г.

[2]) *Сборникъ*, т. XXXVII, 235, 310 и др.; см. выше 177.

[3]) См. выше, 300.

забыть которыя она никогда не можетъ; прямо просили венеціанское правительство по крайней мѣрѣ прекратить всякое содѣйстіе Турціи противъ черногорцевъ, если ужъ не сочтутъ возможнымъ даже поддержать послѣднихъ [1]); но венеціанскій сенатъ не рѣшился ни на какую, сколько нибудь активную рѣчь въ этихъ событіяхъ. 19 января 1769 г. подписанъ былъ манифестъ для распространенія его между балканскими славянами. Въ манифестѣ говорилось прежде всего, что «лютость» турокъ крайне отягчаетъ положенія подчиненныхъ имъ «сихъ древностію и благочестіемъ знаменитыхъ народовъ» и что, не стерпя гоненій, одни изъ славянъ ушли изъ своихъ прежнихъ областей, другіе приняли магометанство и «сколько достоинъ похвалы поступокъ первыхъ, а другихъ хулы, обоими однакоже свѣтъ православнаго христіанства погашается въ земляхъ, гдѣ прежде въ полномъ былъ сіяніи, и обращаются въ небытіе народъ славные»; Петръ Великій и Анна Іоановна принимали намѣреніе освободить славянъ «изъ такого томительства», но Всевышній не благоволилъ исполниться ихъ намѣренію; нынѣ Турція, негодуя на поддержку, оказанную Россіею православію въ Польшѣ, начала противъ имперіи незаконную войну и христіанскіе подданные Порты безъ сомнѣнія еще больше почувствуютъ притѣсненій и гоненій, потому «остается, чтобы при производимыхъ нашими арміями военныхъ дѣйствіяхъ и они содѣйствовать потщилися»; всѣ, кто поднимется противъ турокъ, обнадеживаются всякою защитою, заступничествомъ и наградами [2]).

Для укомплектованія арміи произведенъ былъ рекрутскій наборъ по 1 съ 300 душъ; онъ далъ до 19,000 чел.; 19 декабря 1768 г. отправлена была грамота къ кошевому атаману Сѣчи и ко всему войску запорожскому, въ которой императрица побуждала ихъ сослужить вѣрную службу имперіи, выражала свою увѣренность, что запорожцы и дѣйствительно послужатъ вѣрно, тѣмъ болѣе, что отчасти вслѣдствіе сожженія Балты, въ чемъ участвовали нѣкоторые бѣглые запорожцы, и поднялась Турція противъ Россіи; затѣмъ отправлена была грамота къ намѣстнику калмыцкаго ханства, Убашѣ, чтобы онъ отправилъ до 20,000

[1]) *Сборникъ*, т. LXXXVII, 217—220, 456—458, іюнь 1769 г.
[2]) *Сборникъ*, т. LXXXVII, 322—326.

своихъ калмыковъ для соединенія съ русскими арміями, подобно тому, какъ калмыки дѣйствовали съ русскою арміею при Минихѣ и во время Семилѣтней войны; полковнику Кишенскому, который на мѣстѣ завѣдывалъ сношеніями съ калмыками, даны были соотвѣтственныя предписанія, чтобы онъ не допустилъ калмыцкихъ старшинъ и хановъ уклониться отъ этой посылки [1]). Такими мѣрами пополняема была армія; для обезпеченія ея провіантомъ составленъ былъ «подвижной магазинъ» изъ 4667 фуръ, запряженныхъ каждая четырьмя волами при особомъ погонщикѣ; въ Орлѣ, Мценскѣ, Курскѣ, отчасти въ Брянскѣ и Карачевѣ былъ закупленъ хлѣбъ; всѣ мельницы въ этихъ мѣстахъ были заарендованы правительствомъ и мололи муку на армію; все это свозилось къ Брянску и оттуда водой должно было идти къ Кіеву; кромѣ того полки были снабжены ручными мельницами, «жерновками».

При тогдашнихъ путяхъ сообщенія всѣ эти движенія арміи и подвозъ продовольстія для нея совершались съ медленностію, которую намъ не легко даже вообразить себѣ; но всетаки первая армія въ концѣ марта уже заняла позицію параллельно верхнему теченію Днѣстра съ авангардомъ въ Барѣ. Общая инструкція главнокомандующему кн. Голицыну подписана была 16 декабря 1768 г.; она не заключала въ себѣ никакихъ слишкомъ частныхъ и точныхъ указаній, которыя, конечно, могли бы только стѣснить дѣйствія главнокомандующаго; ему указаны были въ самыхъ общихъ чертахъ намѣренія и желанія правительства относительно предстоящей кампаніи, предписано поддерживать постоянныя сношенія съ арміею гр. Румянцева и обоимъ имъ другъ другу содѣйствовать; Голицынъ получилъ право производить въ майоры и приговаривать, по военному артикулу, даже къ смертной казни, «но что до дѣйствительнаго по правамъ наказанія принадлежитъ, то хотя вышепоказанное объявленіе и сдѣлается, однакожъ симъ вамъ секретно предписывается—читаемъ въ инструкціи—чтобъ всѣхъ, въ преступленіяхъ подвергающихся смертной казни, наказывать политическою смертью» (т. е. лишеніемъ правъ и каторгою, а не смертною казнію);

[1]) *Сборникъ*, т. LXXXVII, 239—246, 271—278.

подобную же инструкцію, но съ нѣсколько меньшими правами, получилъ и Румянцевъ [1]).

Со стороны турокъ собрано было пока всего 200,000, а не 400,000 чел., и только еще 31 марта началось движеніе главныхъ силъ отъ Адріанополя; до 50,000 чел. было расположено въ Хотинѣ, Бендерахъ и другихъ пунктахъ по Днѣстру; мостъ черезъ Дунай у Исакчи, по которому должны были переправиться главныя силы, еще не скоро могъ быть готовъ.

Пока армія русская и турецкая еще готовились къ борьбѣ, крымцы уже начали дѣйствовать. Ими предводилъ ханъ Крымъ-Гирей, занимавшій уже ранѣе ханскій столъ, но въ 1764 г. смѣщенный Портою, такъ какъ внушалъ въ мирное время опасенія своимъ безпокойнымъ характеромъ [2]); теперь, 8 октября 1768 г., онъ былъ снова сдѣланъ ханомъ, осыпанъ дарами и отпущенъ въ Крымъ. Къ концу года онъ уже собралъ до 50,000 татаръ, 6,000 арнаутовъ и казаковъ, 20,000 янычаръ и 7,000 спаговъ; впрочемъ, все это полчище было вооружено крайне плохо: огнестрѣльное оружіе имѣли только янычаре и спаги, пушекъ вовсе не было. Въ началѣ января 1769 г. ханъ съ отрядомъ приблизительно въ 30,000 чел. пришелъ въ Балту, гдѣ, по уговору, конфедераты должны были приготовить ему артиллерію, но, конечно, ничего тамъ не нашелъ; тѣмъ не менѣе 15 января онъ со своимъ отрядомъ вторгся въ русскіе предѣлы съ юго-запада; въ то-же время другой отрядъ, тоже тысячъ въ тридцать, пошелъ по направленію къ Бахмуту и отрядъ тысячъ въ двадцать—вверхъ по рѣчкѣ Орели. И этотъ набѣгъ, послѣдній набѣгъ татаръ,—но вѣдь онъ и былъ всего 125 л. тому назадъ!—отличался обычнымъ характеромъ татарскихъ нападеній: татары грабили и жгли деревни, но не отваживались нападать на пункты сколько-нибудь укрѣпленные; ханскій отрядъ дважды подступалъ къ Елизаветграду, въ которомъ, за ничтожными земляными укрѣпленіями было менѣе 5,000 гарнизона, и не рѣшился напасть на городъ, потому, что тамъ имѣлось нѣсколько орудій; въ мѣстечкѣ Цибулевѣ отби-

[1]) *Сборникъ*, т. LXXXVII, 223—238; 297—298, 304—309, 341—344.

[2]) См. *Смирновъ*, Крымское ханство подъ верховенствомъ Оттоманской порты въ XVIII ст., 96, 109.

лись отъ татаръ просто вооружившіеся жители; ген.-м. Исаковъ, находившійся въ Елизаветградѣ, и ген.-м. кн. Прозоровскій, дѣйствовавшій противъ конфедератовъ, со своими незначительными отрядами заслоняли татарамъ путь далѣе внутрь страны и татары не рѣшились ихъ атаковать; не отважились напасть на нихъ и русскіе. Гр. П. А. Румянцевъ порицалъ Исакова за его нерѣшительность; тотъ отвѣчалъ, что съ 1,800 чел. пѣхоты не могъ искать встрѣчи съ 10,000 татаръ; отвѣтъ этотъ удовлетворялъ всѣхъ, кромѣ Румянцева; герой Ларги и Кагула, значитъ, уже и тогда понималъ силу русскаго солдата сравнительно съ разбойниками татарами, значитъ уже тогда считалъ онъ возможнымъ то, что потомъ и исполнилъ, значитъ не случай навязалъ ему бой горсти русскихъ съ полчищами татаръ и турокъ, онъ былъ готовъ къ такому бою давно! Около мѣсяца были татары въ предѣлахъ Россіи; въ Екатеринославской провинціи они убили 126 чел., увели въ плѣнъ 1,183, угнали скота крупнаго и мелкаго до 32,000 головъ, сожгли 4 церкви, 1,190 крестьянскихъ дворовъ, нѣсколько тысячъ четвертей хлѣба, до 10,000 пудовъ сѣна; подъ Бахмутомъ было убито 40 чел., уведено 794, убытковъ матеріальныхъ причинено на 60,000 р. Ханъ, отступая, прошелъ по польскимъ землямъ и страшно ихъ опустошилъ; онъ остановился въ Коушанахъ, около Бендеръ, думалъ ѣхать въ Константинополь; но тутъ и умеръ, среди пира, отъ излишествъ всякаго рода, къ которымъ всегда былъ склоненъ [1]).

---

[1]) См. *Смирновъ,* Крымское ханство, 111—114; въ этомъ сочиненіи, наконецъ, сказано рѣшительно и совершенно вѣрно объ историческомъ достоинствѣ и значеніи пресловутыхъ мемуаровъ барона де-Тотта, которые служили матеріаломъ для многихъ историковъ, не смотря на то, что отличаются всѣми дурными качествами плохихъ газетныхъ корреспонденцій; о ничтожномъ значеніи этого источника мы давно уже имѣли случай сказать, хотя и кратко (см. «Библіографъ», 1888 г., № 9—10, 333—336). Нельзя не удивляться, какъ Цинкейзенъ обильно черпаетъ матеріалъ изъ этихъ мемуаровъ, и даже замѣчаетъ: «Baron von Tott, welcher sich als französischer Emissär beständig in der Nähe des Chans befand, hat uns die Beschwerde und die Resultate dieses Verheerungszuges in seinen interessanten Einzelheiten mit ergreifender Lebendigkeit geschildert»—*Zinkeisen*, Geschichte des osmanischen Reiches in Europa, V, 919 и слѣд.,—а объ изданіяхъ «Geschichte des gegenwärtigen Krieges zwischen Russland, Polen und der Pforte» (Frankfurt und Leipzig) и «Historie de la guerre entre la Russie et la Turquie» (Pétersbourg, 1773) глубоко-

Въ серединѣ апрѣля 1769 г. началъ военныя дѣйствія кн. Голицынъ. 15 апрѣля онъ переправился у Калюса (верстъ 40—50 ниже Хотина) черезъ Днѣстръ и пошелъ къ крѣпости; 17 апрѣля былъ разбитъ турецкій отрядъ тысячъ въ десять, попытавшійся остановить русскихъ; 19 апрѣля, въ день Пасхи, русскіе атаковали турокъ въ земляныхъ окопахъ предъ крѣпостью и заставили ихъ отступить въ крѣпость. Но на этомъ и остановилось дѣло; Голицынъ не рѣшился, при не вполнѣ еще установившемся пути, брать съ собою тяжелыя орудія и двинулся со всею арміею противъ непріятельской крѣпости съ 30,000-нымъ гарнизономъ безъ осадныхъ орудій и захвативши провіанта всего на нѣсколько дней; очевидно, что такъ сказать набѣгомъ захватить Хотинъ было невозможно, начать-же его осаду или даже блокаду нельзя было вслѣдствіе отсутствія орудій большаго калибра и вслѣдствіе недостатка провіанта. 24 апрѣля армія наша, не тревожимая турками, но и безъ всякаго результата, перешла обратно на лѣвый берегъ Днѣстра; затѣмъ, до конца іюня Голицынъ не предпринялъ никакихъ рѣшительныхъ дѣйствій, по причинѣ недостатка въ провіантѣ, хотя изъ Петербурга его постоянно побуждали дѣйствовать смѣлѣе [1]).

Между тѣмъ великій визирь, выступившій въ концѣ марта изъ лагеря при Даудъ-Паша, 21 марта переправился у Исакчи по мосту черезъ Дунай съ 200,000 чел. и съ 140 пушками; онъ потерялъ довольно много времени на безплодныя движенія, не рѣшаясь—направиться-ли ему къ Хотину или къ Бендерамъ; довольно долго онъ простоялъ верстахъ въ 40—50 южнѣе Яссъ [2]), наконецъ рѣшился: усиливши нѣсколько гарнизонъ Хотина онъ двинулся 9 іюня къ Бендерамъ, чтобы тамъ вторгнуться въ Новороссію. Узнавъ объ этомъ движеніи хана Голицынъ поспѣшилъ отвлечь его къ Хотину, чтобы задержать движеніе турокъ на русскія земли. 24 іюня армія его стала снова переправляться черезъ Днѣстръ, на этотъ разъ верстъ

мысленно предостерегаетъ: «beide sind jedoch in russischm Sinne geschrieben und deshalb mit Vorsicht zu gebrauchen»—V, 923, прим.

[1]) Рескриптъ ему отъ 29 мая 1769 г., *Сборникъ*, т. LXXXVII, 439—445.

[2]) *Zinkeisen*, V, 921.

на 20 выше крѣпости; турки не препятствовали переправѣ, надѣясь захватить потомъ въ плѣнъ всю армію. Но въ происшедшемъ затѣмъ рядѣ стычекъ русскіе постоянно одерживали верхъ и турки снова заперлись въ крѣпости; Голицынъ рѣшился на осаду; съ 3 іюля крѣпость была совершенно обложена; положеніе осажденныхъ скоро стало тяжелымъ вслѣдствіе недостатка провіанта и хорошей воды; ихъ вылазки были успѣшно отражаемы; 22 іюля отбитъ былъ крымскій ханъ, который съ сильнымъ отрядомъ пытался возстановить сообщеніе съ крѣпостью; но 26 іюля другой, болѣе сильный, отрядъ прошелъ въ крѣпость; блокада не удалась; съ этого времени надежда на овладѣніе Хотиномъ исчезла, и въ ночь на 2 августа Голицынъ опять перешелъ обратно за Днѣстръ.

Въ главной турецкой арміи, между тѣмъ, царствовалъ величайшій безпорядокъ; визирь былъ человѣкъ бездарный, взбалмошный и жадный; онъ не выдавалъ солдатамъ достаточно продовольствія и солдаты тысячами покидали армію; среди оставшихся распространялось недовольство; тому пашѣ, который безуспѣшно пытался задержать русскихъ при первомъ ихъ движеніи къ Хотину, визирь приказалъ отрубить голову; наконецъ онъ былъ смѣненъ, вызванъ въ Константинополь и по дорогѣ, въ Адріанополѣ, обезглавленъ; новымъ визиремъ былъ назначенъ Молдаванджи-паша.

Молдаванджи-паша пришелъ съ главными силами къ Хотину и сдѣлалъ нѣсколько попытокъ напасть на Голицына; въ концѣ августа и въ началѣ сентября нѣсколько разъ турецкіе отряды переходили на лѣвый берегъ Днѣстра, но каждый разъ, послѣ горячихъ стычекъ, были отбрасываемы обратно; довольно значительный отрядъ, перешедшій черезъ рѣку въ ночь на 7 сентября, былъ истребленъ совершенно [1]). Постоянныя неудачи, полное отсутствіе сколько-нибудь цѣнной добычи, между тѣмъ какъ въ твердой надеждѣ на нее многіе солдаты предъ выступленіемъ въ походъ распродали все имущество, наконецъ недостатокъ припасовъ вызвали почти открытое возмущеніе; въ ночь на 9 сентября турки покинули Хотинъ и пошли на-

---

[1]) *Zinkeisen*, V, 922.

ъ; изъ Яссъ Молдаванджи-паша уже побѣжалъ, потому что лдаты чуть его не убили. Хотинъ безъ выстрѣла былъ за-ятъ русскими.

Вскорѣ Голицынъ милостивымъ рескриптомъ былъ вызванъ въ Петербургъ; 22 сентября въ день коронаціи онъ былъ произведенъ въ фельдмаршалы; но онъ былъ оставленъ въ Петербургѣ, засѣдать въ совѣтѣ; на его мѣсто назначенъ былъ гр. П. А. Румянцевъ; Голицынъ, какъ мы видѣли, не испыталъ ни одной неудачи, но дѣйствовалъ онъ слишкомъ медленно, не энергично.

Вторая армія тоже въ эту кампанію не имѣла случая совершить что-либо выдающееся. Она начала дѣйствовать еще въ мартѣ. 6 марта ген. Вернесъ занялъ Азовъ, 19—Таганрогъ и укрѣпился въ нихъ; турки къ этимъ мѣстамъ еще не бывали. Румянцевъ у Переволочья и Кременчуга перешелъ Днѣпръ, посылалъ разъѣзды до самыхъ Бендеръ и въ значительной степени способствовалъ тому, что турки не успѣли сосредоточить всѣ свои силы противъ Голицына; со стороны татаръ Румянцевъ обезопасилъ себя корпусомъ ген. Берга, который угрожалъ вторженіемъ въ Крымъ черезъ Сивашъ; турецкая флотилія, поднимавшаяся по Днѣпру, была разбита запорожцами.

Въ такомъ положеніи была вторая армія, когда Румянцевъ былъ назначенъ на мѣсто Голицына; 28 августа онъ сдалъ начальство надъ второю арміею кн. В. М. Долгорукову и уѣхалъ къ первой арміи; 17 сентября прибылъ новый главнокомандующій второю арміею генералъ-аншефъ графъ Петръ Ивановичъ Панинъ; онъ не нашелъ возможнымъ продолжать операціи осенью и зимою и въ октябрѣ увелъ свою армію на зимнія квартиры въ предѣлахъ нынѣшнихъ полтавской и харьковской губерній.

Румянцевъ принялъ команду надъ первою арміею 18 сентября и немедленно сталъ подвигаться съ нею впередъ. 26 сентября ген.-пор. Эльмптъ занялъ Яссы. Серьезныхъ столкновеній съ врагомъ уже не было, но русскіе отряды, одерживая постоянно верхъ въ мелкихъ стычкахъ, подвигались къ югу и, хотя пространство между Прутомъ и Днѣстромъ оставалось еще во власти турокъ, дошли до Дуная и заняли Галацъ; въ ноябрѣ былъ занятъ Бухарестъ. На этомъ военныя дѣйствія въ

1769 г. и остановились, если не считать нѣсколькихъ стычекъ въ Молдавіи въ теченіе декабря, изъ которыхъ въ одной, при монастырѣ Команѣ, турки истребили небольшой русскій отрядъ, совершенно отдѣлившійся отъ всѣхъ другихъ; другая неудача постигла незначительный русскій отрядъ подъ Браиловымъ. Княжества были заняты небольшими сравнительно корпусами; главныя-же силы расположены были на зимнихъ квартирахъ за Днѣстромъ, въ предѣлахъ Польши и Россіи. Жители княжествъ присягнули императрицѣ; ген.-м. Замятнинъ былъ назначенъ предсѣдателемъ валахскаго дивана, ген.-м. Черноевичъ—молдавскаго. Въ общемъ все управленіе было оставлено по прежнему; Румянцевъ находилъ, что «всякая вводимая новость отъ побѣдителя въ уничтоженіе порядковъ, къ которымъ привыкли, покажется трудною»; сначала рѣшено было брать тѣ-же подати съ жителей, какія платили они туркамъ; но въ январѣ 1770 г., по ходатайству Румянцева, подати эти были сильно уменьшены въ виду крайняго раззоренія страны; со своей стороны турки объявили, что остающіеся вѣрными жители освобождаются на пять лѣтъ впередъ отъ всякихъ податей; въ Валахіи жители обнаруживали бóльшую склонность къ турецкому господству и русскимъ приходилось тамъ держаться очень осторожно [1]).

Зима 1769—1770 г. ушла на приготовленія къ новой кампаніи; въ армію прибыли новобранцы, на обученіе которыхъ Румянцевъ обращалъ большое вниманіе; онъ заботился еще объ запасахъ продовольствія и объ исправленіи обоза; хлѣбъ приходилось доставлять изъ Малороссіи, потому что окрестныя мѣста и ближайшія части Польши были совершенно раззорены; обозъ чинили и возобновляли на мѣстѣ, такъ какъ доставка изъ Россіи громоздкихъ предметовъ обходилась слишкомъ дорого.

---

[1]) См. *Петровъ*, Война Россіи съ Турціей, т. II; см. также «Молдавскія и Мунтянскія дѣла (1769—1774)», статья Н. Я. Токарева въ VII книгѣ «Описанія документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ Министерства юстиціи», 177—318, «Архивъ военно-походной канцеляріи гр. П. А. Румянцева-Задунайскаго», въ «Чтеніяхъ Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и древностей»; 1865; нѣкоторыя письма Екатерины къ Румянцеву за январь—мартъ 1770 г. *Сборникъ*, т. LXXXVII, 20—21, 30, 31, 36.

Турки тоже готовились; но ихъ воинственный пылъ уже прошелъ; солдаты буйствовали въ городахъ и всего болѣе въ самомъ Константинополѣ. Объявлено было, что съ арміей выступитъ самъ султанъ; но онъ потомъ передумалъ и остался въ своемъ гаремѣ; съ войскомъ-же пошелъ великій визирь и почти всѣ высшіе сановники Порты; отпущено было съ нимъ и знамя пророка, относительно котораго у турецкаго простонародья существовало убѣжденіе, что при видѣ его невѣрные непремѣнно должны бѣжать, ибо иначе они ослѣпнутъ. Къ началу кампаніи визирь былъ уже въ Бабадагѣ, въ нынѣшней провинціи Добруджѣ, съ 200,000 чел. войска.

II.

23 апрѣля, въ день св. Георгія, русская первая армія начала выступать изъ зимнихъ квартиръ къ сборному пункту, назначенному въ Хотинѣ; къ Хотину отступали и нѣкоторые отряды, зимою занимавшіе такіе пункты Валахіи, которые теперь, съ открытіемъ для турокъ возможности двигаться большими массами, не считалось возможнымъ удерживать. У Румянцева собралось въ строю 31,500 чел. 25 мая двинулись, наконецъ, въ походъ изъ Хотина; движенію мѣшалъ необыкновенно сильный разливъ рѣки рѣчекъ; онъ, впрочемъ, задерживалъ и визиря за Дунаемъ, такъ какъ мостъ подъ Исакчей, наведенный въ прошломъ году, оказывался коротокъ и сильно пострадалъ отъ половодья; кромѣ того русское войско безпокоила еще чума, съ начала весны обнаружившаяся въ Букарестѣ, Яссахъ и другихъ мѣстахъ; 30 мая отъ нея умеръ въ Яссахъ ген.-пор. Штоффельнъ, начальникъ передовыхъ войскъ; его мѣсто занялъ кн. Н. В. Репнинъ.

25 мая пошло отъ императрицы собственноручное письмо къ гр. Румянцеву, въ которомъ императрица просила его сколь возможно содѣйствовать предпринимаемой осадѣ Бендеръ, а также вообще энергичнѣе и смѣлѣе наступать на непріятеля. «Не спрашивали римляне, когда гдѣ ихъ было два, или, много—три легіона, въ какомъ числѣ противъ нихъ непріятель, но—гдѣ онъ? наступали на него и поражали, и немно-

гочисліемъ своего войска побѣждали многособранныя противъ нихъ толпы; а мы русскіе, милости Божескія за правость нашу въ сей войнѣ съ нами, я васъ имѣю надъ войскомъ командиромъ, храбрость войска извѣстна; и такъ и о благополучнѣйшихъ успѣхахъ моля Всевышняго, надѣюсь на Его покровительство» [1]).

Двигаясь отъ Хотина Румянцевъ встрѣчалъ татарскіе разъѣзды; въ началѣ іюня онъ перешелъ на лѣвый берегъ Прута; 15 іюня произошло довольно значительное дѣло у Рябой Могилы, гдѣ были разбиты 15,000 татаръ. 4 іюля русскіе увидали татарскій лагерь у рѣки Ларги; непріятель былъ въ большомъ числѣ,—потомъ узнали, что въ числѣ до 80,000; у Румянцева было всего 23,000 [2]). Онъ собралъ военный совѣтъ и самъ заявилъ, что «слава и достоинство нами не терпятъ, чтобы сносить присутствіе непріятеля, стоящаго въ виду насъ, не наступя на него» и предложилъ свой планъ атаки; всѣ участники совѣта вполнѣ на него согласились.

---

[1]) *Сборникъ*, т. XCVII, 77—78.

[2]) Д. Ө. Масловскій въ своихъ «Запискахъ по исторіи военнаго искусства въ Россіи», вып. II, часть I, 178 и 188, опредѣляетъ число войскъ у Румянцева подъ Ларгою въ 38,000, подъ Кагуломъ въ 27,000. Но 38,800 человѣкъ показано въ «Таблицѣ 1-й арміи, какое число съ рандеву выступило и черезъ Днѣстръ перешло людей здоровыхъ и больныхъ», составленной 20 мая—она напечатана у Петрова, т. II, вѣдомость № 10. По этой вѣдомости въ число 38,800 входятъ болѣе 5,000 нестроевыхъ и болѣе 2,000 больныхъ; слѣдовательно, подъ ружьемъ у Румянцева уже при переходѣ черезъ Днѣстръ было едва-ли 31,000 человѣкъ. Если вспомнить, что сраженіе при Ларгѣ произошло послѣ двухмѣсячнаго уже похода, и послѣ нѣсколькихъ уже стычекъ, что кромѣ того, непремѣнно должны были быть оставлены отряды для прикрытія переправъ черезъ Днѣстръ и черезъ Прутъ, для охраны фланговъ и тыла—то станетъ очевидно, что если цифра въ 23,000 и ниже той, какая была у Румянцева подъ Ларгой, то что все таки она несомнѣнно ближе къ дѣйствительности, чѣмъ 38,000. По этимъ же соображеніямъ очевидно, что при Кагулѣ Румянцевъ не могъ имѣть болѣе даже 20,000 человѣкъ. Оцѣнка всей кампаніи у Масловскаго—стр. 124—196. Въ нѣкоторыхъ частностяхъ онъ излагаетъ битву при Ларгѣ совершенно иначе, чѣмъ Петровъ; мы слѣдовали второму автору, потому что онъ вообще больше обращаетъ вниманія на подробности, чѣмъ Масловскій, который главною своею задачею ставилъ указать въ описываемыхъ имъ операціяхъ ихъ отличительныя черты, и гораздо менѣе вниманія посвящалъ тому, чтобы описать факты подробно и обстоятельно.—Петрушевскій въ сочиненіи своемъ «Генералиссимусъ князь Суворовъ», I, 141—142, не указывая своихъ основаній принимаетъ число русскихъ подъ Ларгою—30,000, а подъ Кагуломъ—17,000.

Тамъ, гдѣ стояли теперь татары и русскіе, рѣка Прутъ течетъ почти прямо съ сѣвера на югъ; съ востока впадаютъ въ нее, почти подъ прямымъ угломъ, двѣ рѣчки, Ларга и ниже ея Бабикулъ; онѣ почти параллельны между собою, но нѣсколько сближаются устьями; протекаютъ онѣ по узкимъ долинкамъ и между ними образуется возвышенное плато, постепенно понижающееся по мѣрѣ удаленія отъ Прута на востокъ и круто падающее въ Прутъ и обѣ рѣчки. Лагерь татаръ, укрѣпленный земляными работами, былъ расположенъ на самомъ высокомъ мѣстѣ у Прута, между устьями обѣихъ рѣчекъ. Въ происшедшемъ затѣмъ сраженіи всѣ части необыкновенно хорошо исполнили предписанія, данныя имъ главнокомандующимъ.

Вечеромъ 6 іюля, передъ полуночью, генералы Бауръ и князь Репнинъ съ небольшими отрядами, не погасивши на своихъ стоянкахъ огней, съ крайнею осторожностью подошли къ рѣкѣ Ларгѣ на нѣсколько верстъ выше турецкаго лагеря и навели три понтонные моста, перешли сами и осторожно подвинулись немного къ лагерю непріятеля, чтобы за собою оставить мѣсто для другихъ войскъ; эти войска, съ первыми часами 7-го іюля, подъ личнымъ предводительствомъ Румянцева, тоже перешли за Ларгу. Съ разсвѣтомъ русскіе двинулись на непріятельскій лагерь. Тотчасъ же они были замѣчены. Татары бросились на нихъ и завязалась битва; хотя и не всѣ силы татаръ сразу вступили въ дѣло, но все-же нужны были и все спокойствіе, вся личная храбрость командировъ и вся, чисто русская храбрость, русская стойкость солдатъ, для того, чтобы по открытому мѣсту шелъ впередъ, на вражескій лагерь, двадцатитысячный отрядъ, отбиваясь отъ врага, численностью превосходившаго по крайней мѣрѣ втрое, который старался задержать съ фронта и облѣпилъ русскихъ съ обоихъ фланговъ; много наносила вреда непріятелю мѣткостью огня баттарея И. И. Мелиссино. Когда уже русскіе приближались къ лагерю, генералъ Племянниковъ, остававшійся на томъ берегу Ларги, почти у самаго ея впаденія, быстро двинулся впередъ, чтобы ударить на лагерь съ другой стороны. Артиллерія открыла на этомъ пунктѣ усиленный огонь, а пѣ-

хота спустилась со своихъ высотъ, быстро перешла долину и рѣчку, и стала подниматься къ татарскому лагерю; крутизна была такая, что въ однихъ мѣстахъ задніе подсаживали переднихъ, въ другихъ—передніе за руки втягивали заднихъ. Едва русскіе поднялись,—татары стремительно ихъ атаковали; все смѣшалось, дрались въ рукопашной схваткѣ; многолюдство татаръ грозило уже одолѣть отчаянную храбрость русскихъ. Но въ критическій моментъ явилась помощь: наступавшая колонна была уже близко; Репнинъ и Потемкинъ удвоили усилія и по плато, гдѣ еще были тысячи враговъ, они подоспѣли къ мѣсту схватки Племянникова съ татарами; ихъ ударъ рѣшилъ дѣло; татары побѣжали тутъ, а за тѣмъ и на всѣхъ другихъ пунктахъ. Все дѣло было кончено къ полудню. Крайнее утомленіе войскъ не позволило энергично преслѣдовать врага, а резерва не было: его не изъ чего было составить; всѣ войска были введены въ дѣло сразу, всѣ были нужны для побѣды. Румянцевъ лично объѣзжалъ войска и благодарилъ солдатъ; по разсказамъ очевидцевъ солдаты, отъ утомленія лежавшіе у котловъ и не касавшіеся пищи, чтобы только отдохнуть—вскакивали и восторженно привѣтствовали своего вождя.

За эту побѣду Румянцевъ получилъ орденъ Георгія 1 степени; это былъ первый кавалеръ первой степени этого почетнѣйшаго ордена; генералъ Бауръ получилъ вторую степень Георгія; оба они получили лестныя письма отъ императрицы; Румянцевъ былъ награжденъ еще деревнями [1]).

Извѣстіе о пораженіи татаръ вызвало визиря изъ его бездѣйствія; не дожидаясь, пока будетъ исправленъ мостъ, онъ на 300 судахъ переправилъ армію черезъ Дунай и 14 іюля двинулся на встрѣчу русскимъ, которые наступали. 20 іюля турки завидѣли русскихъ. Визирь расположился лагеремъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ нихъ и собирался ихъ атаковать; имѣя до 150,000 онъ былъ увѣренъ въ побѣдѣ и поджидалъ только, чтобы зашелъ въ тылъ Румянцеву отрядъ татаръ, для того отряженный. Румянцевъ стоялъ у м. Гречени; противъ татаръ онъ выслалъ небольшой корпусъ тысячъ въ шесть;

---

[1]) *Сборникъ*, т. X, 425—427.

съ остальными 17,000 онъ рѣшилъ самъ атаковать турецкія полчища.

Рѣчка Кагулъ протекаетъ къ востоку отъ р. Прута почти по одному направленію съ нимъ и впадаетъ въ озеро Кагулъ, соединяющееся съ Дунаемъ; берега ея холмисты. Визирь расположилъ лагерь не на высотахъ, а между ними; онъ, очевидно, не допускалъ мысли, чтобы на его армію напалъ такой незначительный отрядъ, какой онъ видѣлъ предъ собою и о какомъ говорили и татары, разбитые у Ларги; впрочемъ лагерь турокъ, по ихъ обыкновенію, все таки былъ прикрытъ нѣкоторыми земляными укрѣпленіями. Между позиціями русскихъ и турокъ проходилъ Траяновъ валъ, со рвами по обѣ стороны.

Румянцевъ рѣшилъ воспользоваться тѣми небольшими долинками, которыя всѣ сходились, между невысокими холмами, къ лагерю турокъ. По самому Кагулу долженъ былъ идти отрядъ генерала Брюса, далѣе по долинѣ генерала Племянникова—они составляли правое крыло; лѣвѣе шла колонна генерала Олица, при ней находился самъ Румянцевъ, это былъ какъ бы центръ; еще лѣвѣе, къ востоку шелъ генералъ Бауръ и наконецъ на крайнемъ лѣвомъ флангѣ—князь Репнинъ.

Русскіе двинулись незадолго до разсвѣта 21 іюля. При переходѣ черезъ Траяновъ валъ непріятель замѣтилъ колонну Олица. Немедленно весь лагерь турокъ пришелъ въ движеніе; густыя толпы конницы быстро налетѣли на отрядъ и окружили его; непріятель засѣлъ въ рвахъ Траянова вала и открылъ сильный ружейный огонь; одно время изъ за дыму нельзя было оріентироваться. Затѣмъ турки увидали отряды Баура, а потомъ — Репнина; они тоже подверглись сильнымъ атакамъ кавалеріи и огню непріятеля; наконецъ, выступилъ и отрядъ Брюса; нападеніе было направлено на него; особенно спокойною и губительною для врага стрѣльбою отличалась по прежнему батарея Мелиссино, бывшая при колоннѣ Олица. Бой кипѣлъ уже по всему полю, когда колонна Племянникова вдругъ выступила изъ ложбины почти предъ самымъ турецкимъ лагеремъ—10,000 янычаръ, отборнаго турецкаго войска,

оставшіяся еще въ лагерѣ, бросились на эту колонну съ ужасною яростью....

Удивительная это была картина! единственная, можно сказать, въ новой исторіи битва! На мѣстности, лишенной всякихъ прикрытій, частью на холмахъ, частью въ долинахъ, на протяженіи пяти или шести верстъ четыре отдѣльныя кучки русскихъ солдатъ, каждая менѣе чѣмъ въ четыре тысячи человѣкъ, бились и шли впередъ, окруженныя врагомъ въ количествѣ до 70,000 человѣкъ! густой дымъ окутывалъ все; въ ужасный шумъ сливались и яростные крики и трескъ ружейнаго огня и выстрѣлы пушекъ.... Но была и еще схватка: тутъ рубились и кололи: 10,000 янычаръ ударили на 3,000 русскихъ, которые съ дерзкою храбростью шли на врага. И здѣсь Племянникову, любимцу Румянцева, пришлось вынести со своимъ отрядомъ наиболѣе жестокую схватку. И вотъ турки разстроили и смяли его каре, вотъ они ворвались въ середину каре и рубятъ тамъ растерявшихся всадниковъ, которые шли, окруженные пѣхотой, вотъ турки захватываютъ пушки; распространяется смятеніе, часть солдатъ бѣжитъ къ отряду Олица.... Вдругъ въ этой толпѣ, въ этой сумятицѣ, гдѣ часто врагъ ближе чѣмъ свой, навстрѣчу солдатамъ бросается бѣгомъ, со шпагою въ рукѣ, ихъ сѣдой вождь, Румянцевъ.... «Ребята, стой!» кричитъ онъ зычнымъ, смѣлымъ голосомъ. Появленіе любимаго вождя чуть не среди враговъ, опасность, какой онъ самъ подвергается, останавливаютъ бѣгущихъ; они выстраиваются и со своимъ генераломъ во главѣ бросаются снова на врага. Батарея Мелиссино направляетъ въ близкія уже толпы турокъ свои убійственно мѣткіе выстрѣлы; одна граната попадаетъ среди ихъ толпы въ захваченный пороховой ящикъ, онъ взорванъ, множество турокъ убито и ранено; этою минутою смятенія пользуются русскіе, они удваиваютъ, удесятеряютъ силу своего нападенія; вдругъ раздаются тревожные крики и сзади турокъ—то генералъ Брюсъ напалъ на самый лагерь,—еще минута—и дрогнули и побѣжали турки сначала отъ каре Племянникова, потомъ отъ каре Олица, вотъ побѣжали всѣ! Побѣда полная, побѣда неслыханная! Предъ этою невѣроятною храбростью турки просто обезумѣли отъ страха: тщетно въ

лагерѣ визирь и другіе паши старались остановить бѣгущихъ; они не смѣли и подумать о сопротивленіи и бѣжали. 140 пушекъ, весь лагерь съ громадными богатствами визиря и пашей достались русскимъ. 3,000 турецкихъ труповъ были подняты и закопаны на полѣ битвы; русскіе потеряли свыше 900 человѣкъ (365 убитыми и 550 ранеными); несоразмѣрность потери понятна: въ битвахъ рукопашныхъ бѣгущій всегда терпитъ гораздо большія потери.

Изъ ставки визиря Румянцевъ диктовалъ свое донесеніе императрицѣ. «Да позволено мнѣ будетъ, всемилостивѣйшая государыня, говорилъ онъ между прочимъ, настоящее дѣло уподобить дѣламъ древнихъ римлянъ, коимъ Ваше Императорское Величество велѣли мнѣ подражать: не такъ ли армія Вашего Императорскаго Величества теперь поступаетъ, когда не спрашиваетъ, какъ великъ непріятель, а ищетъ только, гдѣ онъ?» Императрица произвела Румянцева въ фельдмаршалы; всѣ участники битвы получили особыя медали [1]); Фридрихъ II прислалъ Румянцеву любезное письмо.

Такъ цѣнили Румянцева сверху; не меньше цѣнили его и его подчиненные; армія его обожала. «Ты прямой солдатъ!» кричали ему эти герои, когда онъ послѣ битвы объѣзжалъ и благодарилъ ихъ. Одинъ мемуаристъ XVIII в. разсказываетъ, что онъ заговорилъ со старымъ солдатомъ о его походахъ; солдатъ многихъ генераловъ вспоминалъ очень хорошо. «Но батюшка-графъ Петръ Александровичъ,—сказалъ онъ и глаза старика заблестѣли, лицо оживилось,—орелъ былъ! только взглянетъ—силы прибавитъ! и отецъ родной солдатамъ былъ!» [2]).

И не даромъ солдаты любили его. Онъ былъ настоящій человѣкъ войны и истинный герой. Но онъ не искалъ для себя ни отличій, ни даже опасностей; война для него была не чѣмъ то волнующимъ, возбуждающимъ нервы, солдатъ для него не былъ никогда пушечнымъ мясомъ. Онъ видѣлъ въ войнѣ трудное и опасное дѣло, дѣло, которое наступало для его отечества помимо его воли, которое было опасно для него

---

[1]) *Полное собраніе законовъ*, № 13,511 и 13.512—установленіе медалей за Кагулъ и Чесму; *Сборникъ*, т. X, 425—432.

[2]) *Записки Л. Н. Энгельгардта*, 130.

лично, но еще болѣе опасно для другихъ—и онъ считалъ своимъ долгомъ принять участіе въ этомъ трудномъ и опасномъ дѣлѣ и исполнять его какъ можно лучше. Онъ давно уже видалъ русскихъ солдатъ на войнѣ, могъ сравнивать ихъ съ другими солдатами, онъ понялъ своимъ русскимъ умомъ душу русскаго солдата и увѣровалъ, что русскій солдатъ можетъ сдѣлать то, о чемъ другой не рѣшится пожалуй и подумать; и эта вѣра никогда его не обманула. Кто знакомъ съ древнею исторіей, тотъ понимаетъ, что значитъ сравненіе съ римлянами; Румянцевъ имѣлъ полное право сравнивать свои войска съ римскими. А самого его должно, конечно, считать однимъ изъ величайшихъ вождей; по крайней мѣрѣ въ томъ, что касается самаго момента боя—можно указать лишь очень и очень немного военачальниковъ, съ именемъ которыхъ были бы связаны воспоминанія о такой личной доблести и о такомъ вліяніи на войска, какія связаны съ именемъ Румянцева [1]).

Военные историки обсуждаютъ планъ нападенія, принятый Румянцевымъ, даже различно его оцѣниваютъ; оставимъ эти вопросы спеціалистамъ, но думаемъ, что побѣда съ 17,000 надъ 100,000 должна бы заставить умолкнуть всякую критику; едва-ли есть какая нибудь теорія, какъ одерживать побѣды

---

[1]) Нельзя не удивляться, что такой, все таки серьезный авторъ, какъ Цинкейзенъ, ограничивается лишь слѣдующими словами говоря о Ларгѣ и Кагулѣ: «in einem ersten grössen Gefechte am Larga wurde am 18 Juli der Tataren Chan Kaplan Girai selbst gänzlich geschlagen und mit Verlust seines sämmtliches Geschutzens nach der Donau zuruckgedrängt»; «die unter den Osmanen damals herrschende Russenfurcht entschied wohl vorzüglich ihre Niederlage. *Zu einer eigentlichen Schlacht kam es nicht einmal (!!)* Die Osmanen ergriffen gleich bei dem ersten Angriffe nach allen Seiten hin die Flucht»— V, 941. Германъ все таки говоритъ о четырехъ или пяти послѣдовательныхъ схваткахъ, называетъ битву при Кагулѣ viel bedeutendere Niederlage, для турокъ и ein glänzender Sieg — для русскихъ, хотя и онъ болѣе останавливается на бѣгствѣ турокъ, чѣмъ на храбрости русскихъ — Geschichte des russischen Staates, V, 924—925. Мы считаемъ совершенно излишнимъ, даже смѣшнымъ, доказывать эту побѣду; тѣ же турки не бѣжали такъ предъ русскими въ другіе разы, несомнѣнно, что было на этотъ разъ въ дѣйствіяхъ русскихъ нѣчто такое, что вызвало этотъ паническій страхъ,—и это была именно ихъ отчаянная храбрость, наступленіе 17,000 на 80 или 100 тысячъ враговъ. Если сравнивать эту побѣду съ какою нибудь другою—то наиболѣе подходящимъ будетъ, конечно, сравненіе съ битвами при Мараѳонѣ или Платеѣ.

съ силами столь неравными; въ битвѣ при Кагулѣ было, противъ русскихъ кажется все, что считается опаснымъ въ бою: сколько сраженій было проиграно тою стороной, войска которой непріятель успѣлъ разорвать или обойдти съ фланговъ—русскіе были разорваны тутъ на пять отрядовъ и каждый былъ окруженъ; какъ часто даже менѣе дерзкая атака оканчивалась разгромомъ атакующаго—здѣсь она привела къ блистательнѣйшему успѣху. Быть можетъ Румянцевъ былъ увѣренъ, что турки не выждутъ его приближенія и не ударятъ на него сразу всѣми силами, но что онъ будетъ имѣть дѣло съ отдѣльными атаками отдѣльныхъ частей—если даже и такъ, то онъ разсчиталъ необыкновенно вѣрно и дѣйствовалъ необыкновенно смѣло и удачно. Кагульская побѣда навсегда останется однимъ изъ незабвенныхъ подвиговъ русской арміи, блестящимъ примѣромъ русской храбрости и однимъ изъ драгоцѣннѣйшихъ свидѣтельствъ вѣры геніальнаго военачальника въ русскаго солдата и русскаго солдата въ своего достойнаго вождя.

23 іюля Бауръ дошелъ до Дуная и захватилъ огромный обозъ, котораго еще не успѣли переправить, и до 1000 плѣнныхъ; 26 іюля Репнинъ занялъ Измаилъ, который былъ оставленъ своимъ гарнизономъ. 21 августа Репнину сдалась на капитуляцію Килія: гарнизонъ получилъ право, оставивъ все оружіе и припасы, уйдти за Дунай; 25 сентября, послѣ десятидневной бомбардировки, сдался на такія же условія Аккерманъ; всего послѣ битвы при Кагулѣ русскіе взяли уже до 250 орудій. 26 сентября Глѣбовъ обложилъ Браиловъ, 24 октября сдѣлалъ штурмъ, но не удачно и снялъ осаду, но 9 ноября, когда Румянцевъ направилъ къ этому городу большія силы, турки его покинули; 14 ноября послѣ небольшаго дѣла Гудовичъ снова занялъ Бухарестъ, оставленный нами предъ открытіемъ кампаніи. Армія расположилась на зимнія квартиры въ Молдавіи и Валахіи; до конца года сколько нибудь важныхъ дѣлъ не было. Послѣ Ларги и Кагула начинались было мирные переговоры; но они ни къ чему не привели; мы разсмотримъ ихъ далѣе говоря о заключеніи мира.

Гр. П. И. Панинъ, командиръ второй арміи, имѣлъ въ

1770 г. до 23,000 пѣхоты, 12,000 регулярной кавалеріи и до 3,500 иррегулярной. Имѣя цѣлью овладѣть Бендерами Панинъ отрядилъ ген. Берга наблюдать за Крымомъ—онъ занялъ позицію у Перекопа—и ген. кн. Прозоровскаго наблюдать за Очаковымъ и 5 апрѣля выступилъ въ походъ; 11 мая переправился черезъ Днѣпръ по мосту, наведенному у Кременчуга, отъ 2 до 6 іюля армія его переправилась черезъ Днѣстръ и 15 приблизилась къ Бендерамъ; подъ ружьемъ было у русскихъ до 25,000 чел. Русскіе начали правильную осаду; съ 19 іюля начались земляныя работы; приближались къ крѣпости осторожно, прокладывая траншеи; затѣмъ стали подводить подкопы; турки нѣсколько разъ производили очень энергичныя вылазки, но всегда были отражаемы. Приблизившись достаточно къ стѣнамъ крѣпости, Панинъ рѣшился ее штурмовать; онъ попросилъ Румянцева отправить отъ своей арміи отрядъ, чтобы онъ могъ поддержать и прикрыть его корпусъ, если онъ потерпитъ неудачу и долженъ будетъ отступить; получивъ извѣстіе, что отрядъ идетъ, Панинъ въ ночь съ 15 на 16 іюля штурмовалъ Бендеры.

Въ 10 ч. вечера взорванъ былъ большой подкопъ съ 400 пудами пороху и немедленно русскіе тремя колоннами двинулись на приступъ; они быстро поднялись на валы и въ бреши стѣнъ, но встрѣтили отчаянное сопротивленіе внутри города; турки съ ожесточеніемъ защищались въ каждой улицѣ и изъ каждаго дома; всю ночь шла битва въ городѣ; къ утру онъ былъ уже почти совершенно въ нашихъ рукахъ; вдругъ большая толпа турецкаго войска вышла изъ города съ противоположной стороны и бросилась на русскій лагерь; но съ разныхъ сторонъ поспѣли противъ нея небольшіе отряды и вся эта толпа была истреблена или взята въ плѣнъ; тогда положили оружіе и другіе защитники Бендеръ. Съ оружіемъ въ рукахъ было взято янычаръ и спаговъ 5,400 чел., и кромѣ того еще мущинъ и женщинъ до 7,000; добыча была незначительна: городъ весь погибъ въ пламени отъ бомбардировокъ; уронъ русскихъ во время штурма былъ до 2,600 чел., въ томъ числѣ 690 убитыхъ; общее же число потерь подъ Бендерами, со времени ихъ обложенія до взятія достигало 1,670 чел. убитыми и 4,500 ранеными.

Военные историки отзываются о дѣйствіяхъ Панина подъ

Бендерами съ большою похвалою [1]); несомнѣнно, Панинъ обнаружилъ свойства хорошаго генерала и дѣйствія его представляютъ, кажется, хорошій образецъ осторожнаго и надежнаго достиженія цѣли,—но и только; въ его дѣйствіяхъ нѣтъ вовсе того генія, той простоты и смѣлости плана, какую видимъ у Румянцева: тѣ же традиціонныя три колонны, центръ и два крыла, пропорціональный резервъ для штурма и сохраненіе значительнаго отряда для прикрытія штурмующихъ на случай неудачи штурма; не этимъ ли объясняются и сравнительно большія потери у Панина? Румянцевъ сразу вводилъ всѣ силы въ бой и быстро достигалъ успѣха; дѣйствія Панина поучительны, дѣйствія Румянцева представляли образецъ недосягаемый.

Простоявши въ Бендерахъ до 6 октября, Панинъ ушелъ на зимнія квартиры, оставивъ гарнизонъ изъ 5,000 чел.; отряды Берга и Прозоровскаго имѣли нѣсколько небольшихъ, но удачныхъ дѣлъ съ татарами; этимъ и ограничились дѣйствія второй арміи. Едва ли не важнѣе ихъ были переговоры съ татарами, которые гр. Панинъ велъ съ большою твердостью и ловкостью. Въ Петербургѣ, однако, были не очень довольны дѣйствіями П. И. Панина, находя ихъ недостаточно быстрыми и энергичными и сопровождающимися къ тому же очень большою потерею въ людяхъ; въ свою очередь Панинъ остался недоволенъ орденомъ Георгія 1 ст., такъ какъ ожидалъ фельдмаршальства; онъ попросился въ отставку и получилъ ее; начальникомъ второй арміи былъ назначенъ 18 декабря 1770 г. генералъ-аншефъ князь Василій Михайловичъ Долгорукій [2]).

Лѣтомъ 1770 г. одержалъ блестящую побѣду и русскій флотъ; она была одержана ранѣе даже побѣды при Ларгѣ, но стала извѣстна въ Петербургѣ значительно позже.

Появленіе русскаго флота въ Средиземномъ морѣ было совершенно неожиданно для турокъ; кажется они не думали даже, что возможно изъ Россіи моремъ туда дойдти; герцогъ Шуазель не скрывалъ своего недружелюбнаго отношенія къ этой экспедиціи, отзывался о ней обыкновенно насмѣшливо или пренебре-

---

[1]) *Фриманъ*, Исторія крѣпости въ Россіи, 191—194, 221—226.
[2]) *Сборникъ*, т. XCVII, 184—187.

жительно [1]); говорятъ, будто бы онъ въ королевскомъ совѣтѣ прямо предлагалъ уничтожить русскій флотъ, но совѣтъ отклонилъ это предложеніе [2]). Въ Петербургѣ, впрочемъ, ожидали всякихъ недружелюбныхъ поступковъ отъ тогдашняго французскаго правительства и контръ-адмиралу Эльфингстону было предписано особенно тщательно избѣгать малѣйшихъ поводовъ къ тому, что бы подать бурбонскимъ домамъ поводъ, котораго они искали, выслать въ море наблюдательныя эскадры, которыя, какъ это отлично понимали въ Петербургѣ, скоро обратились бы въ активныя; поэтому Эльфингстонъ долженъ былъ быть крайне осторожнымъ въ осмотрѣ всякихъ судовъ [3]). Графъ А. Г. Орловъ, назначенный главнымъ начальникомъ этой экспедиціи, еще съ прошлаго года подъ предлогомъ нездоровья жилъ въ Италіи и оттуда подготовлялъ возстаніе на Балканскомъ полуостровѣ и въ Мореѣ; оно и вспыхнуло, едва только приблизился русскій флотъ. Но вообще дѣйствія этой экспедиціи, за исключеніемъ одного блестящаго, громкаго дѣла, не отмѣчены значительными успѣхами. Очевидно въ Петербургѣ не представляли себѣ достаточно ясно мѣстныхъ условій; Екатерина, напримѣръ, писала Румянцеву еще въ маѣ 1770 г., т. е. даже до крупныхъ первыхъ успѣховъ надъ турками: «статься и то можетъ, что не такъ весьма трудно будетъ, какъ на первый взглядъ кажется, открыть вамъ съ нашими въ Мореѣ коммуникацію» (!) [4]); экспедиція Орлова представляла, такъ сказать, набѣгъ, и какъ набѣгъ она достигла достаточныхъ результатовъ [5]).

Русскіе высадились 19 февраля 1771 г. въ портѣ Витулѣ, въ Мореѣ; вскорѣ имъ сдался Наваринъ; затѣмъ произведено было наступленіе на крѣпости Корну и Модину, но ни той, ни другой овладѣть не удалось; турки успѣли сосредоточить въ Мореѣ сухопутныя силы, съ которыми русскіе не могли

---

[1]) *Соловьевъ*, Исторія Россіи, книга VI, 628.

[2]) *Zinkeisen*, V, 927.

[3]) *Сборникъ*, т. XCVII, 74—77.

[4]) *Сборникъ*, т, XCVII, 72; см. еще т. XCVII. 33—36, 166.

[5]) См. *А. Соколовъ*, Архипелагскія кампаніи 1769—1774 гг. въ «Запискахъ гидрографическаго департамента», ч. VII, 1849; «Рескрипты и инструкціи, имѣющіе отношеніе къ Архипелагской экспедиціи», *Сборникъ*, т. I 115—168; т. XCVII, 21—22, 25—28, 74—77 и др.

успѣшно бороться; вскорѣ Наваринъ былъ оставленъ, русскіе снова сѣли на суда и флотъ нашъ поплылъ по Архипелагу, отыскивая турецкій. Тогда въ Мореѣ произошла кровопролитнѣйшая расправа съ несчастными возставшими греками; множество ихъ было вырѣзано, масса бѣжала въ горы; однажды и грекамъ удалось совершенно уничтожить въ горахъ значительный отрядъ турокъ; но всѣ укрѣпленые пункты были въ рукахъ мусульманъ и въ теченіе осени 1770 г. и въ началѣ 1771 г. турки вполнѣ возстановили свою власть на полуостровѣ.

Но на морѣ русскіе одержали надъ ними блестящій успѣхъ. Начальники турецкаго флота совершенно правильно разсчитывали, что, не имѣя ни одного пункта на материкѣ, русская эскадра должна будетъ вскорѣ удалиться и потому уклонялись отъ битвы съ нею. Но 22 іюня графъ А. Г. Орловъ, подвигаясь къ Дарданелламъ, по слухамъ, что туда направился и турецкій флотъ для защиты столицы, нашелъ, наконецъ, непріятельскій флотъ, стоявшій въ узкомъ проливѣ между о-вомъ Хіосомъ и берегомъ Малой Азіи; увидавши русскую эскадру турки стали ожидать нападенія и потому развернули свой флотъ, чтобы удобнѣе было дѣйствовать артиллерійскимъ огнемъ. Они стали тыломъ къ берегу (къ сѣверу), однимъ крыломъ онъ прилегалъ къ песчаной отмели, другимъ къ острову Хіосу; влѣво находилась обширная и удобная бухта Чесменская.

24 іюня послѣ разсвѣта русская эскадра стала приближаться къ турецкому флоту; впереди шелъ корабль «Св. Евстафій»; онъ немедленно открылъ огонь, продолжая подвигаться по линіи турецкаго флота; за нимъ шли корабли: «Европа», «Трехъ Святителей», «Януарій», «Три іерарха», «Ростиславъ»; каждый изъ нихъ начиналъ огонь подошедши на выстрѣлъ. Перестрѣлка продолжалась довольно долго; вдругъ турецкій корабль выдвинулся изъ линіи и приблизился къ кораблю «Св. Евстафій», намѣреваясь сцѣпиться съ нимъ. Когда турки были уже всего на пистолетный выстрѣлъ, отъ русскаго огня у нихъ загорѣлась мачта; турки ее срубили, и она, падая, сцѣпилась съ рангоутомъ «Св. Евстафія»; такимъ образомъ огонь перешелъ и на русскій корабль; тушить пожаръ, подъ огнемъ непріятеля, было, конечно, какъ русскимъ, такъ и туркамъ невозможно;

очевидно, предстоялъ взрывъ пороховой камеры; и дѣйствительно, едва успѣли съѣхать съ корабля адмиралъ Спиридовъ и графъ Ѳ. Г. Орловъ, какъ взлетѣлъ турецкій корабль, а за нимъ и русскій. Турецкій флотъ, сильно пострадавшій отъ огня, укрылся въ Чесменскую гавань.

Тогда на совѣтѣ русскихъ адмираловъ и капитановъ рѣшено было сжечь его. На слѣдующій же день приготовлены были брандеры, т. е. небольшія суда, наполненныя всевозможными горючими матеріалами; лейтенанты Ильинъ и князь Гагаринъ и англійскіе добровольцы Дугдаль и Мэкензи вызвались ихъ прицѣпить къ турецкимъ кораблямъ и поджечь. Въ ночь на 26 іюня русскій флотъ подошелъ къ Чесменской гавани и открылъ жестокій огонь, а затѣмъ, по сигнальной ракетѣ, четыре брандера поплыли прямо къ турецкимъ кораблямъ. По нимъ былъ открытъ усиленный ружейный огонь, но они подошли къ вражескимъ судамъ, прицѣпили къ нимъ брандеры, подожгли ихъ и тогда отъѣхали. Черезъ нѣсколько времени пламя распространилось отъ брандера, прикрѣпленнаго Ильинымъ, затѣмъ перешло и на другія суда. Начался ужаснѣйшій пожаръ; на каждомъ кораблѣ взрывалась пороховая камера, а затѣмъ онъ догоралъ до линіи воды; къ вечеру 26 іюня весь флотъ, собравшійся въ Чесменской гавани, былъ уничтоженъ: онъ состоялъ изъ 15 большихъ кораблей, 6 фрегатовъ и множество мелкихъ судовъ; все сгорѣло, за исключеніемъ 60-пушечнаго корабля «Родосъ», который сѣлъ на мель при входѣ въ гавань и былъ взятъ русскими, равно какъ и 5 галеръ; всѣ они были включены въ составъ русской эскадры. Экипажъ турецкаго флота тоже большею частью погибъ въ пламени и въ волнахъ; всего нѣсколько тысячъ успѣли высадиться на сушу и бѣжать, вмѣстѣ съ начальникомъ флота, который сошелъ на берегъ еще до битвы [1]).

Извѣстіе объ этой побѣдѣ пришло въ Петербургъ лишь въ самомъ концѣ іюля, а точныя сообщенія отъ графа

---

[1]) *Herrmann*, т. V, 622—623, признавая это пораженіе турецкаго флота величайшимъ послѣ битвы при Лепанто, спѣшитъ приписать всю честь побѣды Эльфингстону, Грейгу и Дугдалю и поведеніе Орлова изображаетъ даже трусливымъ (!)—на основаніи отзыва Кастеры!

Орлова—лишь въ началѣ сентября; императрица праздновала ее особенно торжественно и радостно, тѣмъ болѣе, что предпріятіе въ Мореѣ кончилось такъ неудачно; надъ гробомъ Петра Великаго, основателя русскаго флота, была отслужена торжественная панихида, затѣмъ благодарственный молебенъ. Гр. А. Г. Орловъ получилъ прибавленіе къ фамиліи «Чесменскій», всѣ начальствующія лица получили ордена и денежныя или земельныя пожалованія; на низшихъ офицеровъ и на экипажъ выдано было 200.000 руб.

Результатомъ побѣды было занятіе почти всѣхъ небольшихъ островов Архипелага; но флотъ нашъ не былъ достаточно силенъ даже для того, чтобы покорить такой островъ, какъ Лемносъ; значительная часть флота старалась въ теченіе двухъ мѣсяцевъ его блокировать, но безуспѣшно; другая часть эскадры крейсировала противъ Дарданеллъ, препятствовала подвозу въ Константинополь припасовъ и вызвала въ турецкой столицѣ сильнѣйшій страхъ. Къ сожалѣнію, русская эскадра не имѣла никакой возможности предпринять что либо большее — это неоспоримо. Въ ноябрѣ флотъ расположился на зимовку при островѣ Паросѣ [1]).

Такъ кончился 1770 годъ, по военнымъ подвигамъ русскихъ почти безпримѣрный въ исторіи.

III.

Зимою 1770—1771 г. военныхъ дѣйствій не было, но шли все время переговоры съ татарами. Еще раннею весною 1770 г. гр. П. И. Панинъ началъ съ ними сношенія; татарамъ рѣ-

[1]) Германъ и Цинкейзенъ, если не отрицающіе, то сильно умаляющіе подвиги русскихъ при Ларгѣ и Кагулѣ, согласно порицаютъ медленность и нерѣшительность Орлова, не форсировавшаго Дарданеллъ! *Zinkeisen*, т. V, 938, *Herrmann*, V, 623—624. Но достаточно только спросить: что стали бы дѣлать русскія парусныя суда съ экипажемъ едва ли въ 12,000 человѣкъ — сначала въ Дарданеллахъ, въ узкомъ проливѣ, а затѣмъ подъ Константинополемъ? допустимъ, что они туда прошли бы—навѣрно бы они оттуда не вышли! И если тогда являлась подобная идея, заслуга Орлова предъ Россіей огромна, если онъ не допустилъ этой безразсудной попытки, которая не могла привести ни къ чему другому, кромѣ потери всей эскадры.

шено было прежде всего внушать желаніе совершенно избавиться отъ зависимости отъ Турціи и обѣщать сильнѣйшую поддержку Россіи въ достиженіи этого. Послѣ пораженія при Ларгѣ и при Кагулѣ татары буджакскіе и джамбулуцкіе формально начали переговоры и дали заложниковъ, а затѣмъ и прямо заявили, что отступаютъ отъ турецкаго подданства и переходятъ подъ русское покровительство. Крымскіе татары еще не склонялись на это, но ген. Щербининъ, принявшій въ свое завѣдываніе переговоры послѣ отставки П. И. Панина, успѣлъ уже привлечь подарками на сторону Россіи нѣкоторыхъ вліятельныхъ среди нихъ лицъ. Изъ Петербурга немедленно же снабдили его деньгами и всякими золотыми и серебряными вещами на сумму до 30,000 р., разрѣшили ему обѣщать татарамъ всевозможныя удобства для ихъ кочевій, облегченія въ торговлѣ, вознагражденіе за убытки, нанесенные имъ во время войны запорожцами и пр. Такими мѣрами удалось уже къ веснѣ 1771 г. прямо склонить на русскую сторону многихъ вліятельныхъ татаръ, такъ что не только начались среди крымцевъ колебанія, но цѣлые роды прямо выходили изъ Крыма и заявили о своемъ желаніи быть подъ русскимъ покровительствомъ и независимыми отъ Турціи. Между тѣмъ производились и приготовленія къ походу въ Крымъ, къ походу, которымъ надѣялись окончательно склонить большинство татаръ на желательныя для Россіи рѣшенія. И дѣйствительно, когда состоялось лѣтомъ 1771 г. занятіе русскими войсками всего крымскаго полуострова—татары согласились на давно предложенное имъ объявленіе ханства независимымъ отъ Турціи; Россія признала ханомъ Селимъ-Гирея; немедленно въ Крымъ былъ назначенъ резидентомъ Веселицкій, а посломъ отправился туда генералъ-поручикъ Щербининъ; оба они были обильно снабжены деньгами и подарками, и окончательно утвердили татаръ въ принятомъ ими намѣреніи; осенью въ Петербургъ явилось торжественное посольство изъ Крыма; русское правительство затѣмъ, во время мирныхъ переговоровъ, очень искусно употребляло въ свою пользу создавшіяся такимъ образомъ отношенія и особенно выставляло невозможность для него согласиться на сохраненіе прежнихъ отношеній Крыма къ Турціи, потому что

оно не только уже признало независимость ханства, но и обѣщало ему эту независимость сохранить [1]).

Это былъ наиболѣе важный, и дѣйствительно очень важный, результатъ, достигнутый въ 1771 г.; военныя дѣйствія въ теченіе его далеко уступали по своему значенію кампаніи 1770 г.

Кампанія первой арміи въ 1771 г. не ознаменована ничѣмъ особенно важнымъ. Турки, наученные опытомъ прошлаго года, приняли другой способъ веденія войны. Они не полагали уже какъ прежде, всей надежды на многочисленность войска, и удалили съ театра войны всю массу иррегулярныхъ войскъ, которыя оказались совершенно безполезными противъ русскихъ и только производили безпорядокъ въ своемъ же лагерѣ; у нихъ осталось тогда до 150,000 регулярнаго войска и съ ними турецкіе начальники рѣшили держаться оборонительной тактики. У Румянцева было въ Молдавіи и Валахіи до 40,000 человѣкъ, да въ Бессарабіи 13,000; съ такими силами онъ, конечно, принялъ бы бой въ открытомъ полѣ и почти навѣрно остался бы побѣдителемъ; но онъ не могъ ничего сдѣлать, когда турки держались за Дунаемъ, владѣя всѣми укрѣпленными пунктами на его правомъ берегу и даже свободною переправою на лѣвый, на крайнемъ правомъ флангѣ русскихъ, у Виддина или Никополя. Румянцевъ же положительно не могъ переправиться на турецкій берегъ, какъ ни желали этого и какъ не побуждали его къ этому изъ Петербурга: не было возможности обезпечить армію на достаточное время продовольствіемъ, не было и перевозочныхъ средствъ; весною Румянцевъ началъ заготовленіе небольшихъ судовъ, но дѣло шло крайне медленно за отсутствіемъ матеріаловъ, инструментовъ и пр.

Замѣчательными въ эту кампанію являются набѣги, такъ называвшіеся «поиски», генерала Вейсмана за Дунай. Начиная съ середины марта и до октября Вейсманъ неоднократно, съ совершенно незначительными силами, обыкновенно даже безъ артиллеріи, переправлялся изъ Измаила на правый берегъ Дуная, неожиданно нападалъ на Тульчу, Исакчу, истреблялъ

[1]) Архивъ Государственнаго Совѣта, I, 41, 44—45, 56, 73, 97, 102, 122—125, *Сборникъ*, т. XCVII, 181—183, 199, 204—206, 232—234, 245—246, 284 и др.

турецкіе магазины, захватывалъ пушки, суда; его появленіе всегда наводило на турокъ чрезвычайный страхъ; вслѣдствіе необыкновенной быстроты его движеній силы его всегда казались врагу гораздо болѣе значительными, чѣмъ онѣ были на самомъ дѣлѣ; сейчасъ же распространялась мысль, что идетъ со всею арміею самъ Румянцевъ—и турки бросали все и бѣжали. Самый большой набѣгъ совершилъ Вейсманъ въ октябрѣ, когда онъ переправился съ 6,000 человѣкъ и съ двумя орудіями; онъ не только занялъ Тульчу, выбивши изъ нея турокъ, но двинулся на Бабадагъ, гдѣ стоялъ корпусъ турокъ по меньшей мѣрѣ въ 25,000 чел.—и этотъ корпусъ бѣжалъ, послѣ перваго же нападенія русскихъ, въ убѣжденіи, что это лишь авангардъ всей идущей на нихъ арміи. Румянцевъ былъ особенно доволенъ тѣмъ, что Вейсманъ успѣлъ собрать во время своихъ поисковъ до сотни судовъ; они всѣ должны были пригодиться для предстоявшаго въ будущемъ перенесенія дѣйствій за Дунай.

На среднемъ Дунаѣ русскихъ постигли двѣ довольно чувствительныя неудачи. 21 февраля была взята штурмомъ Журжа, 24 сдался и ея замокъ; въ немъ оставленъ былъ русскій гарнизонъ въ 700 человѣкъ. Но 26 мая майоръ Гензель, начальникъ этого отряда, сдался туркамъ, обложившимъ Журжу, на капитуляцію, послѣ незначительной бомбардировки; русскій отрядъ получилъ свободный выходъ. Румянцевъ немедленно предалъ всѣхъ его офицеровъ военному суду; судъ приговорилъ трехъ старшихъ офицеровъ къ разстрѣлянію, всѣхъ другихъ—къ разжалованію или пониженію въ чинѣ. Императрица смягчила приговоръ; самымъ тяжелымъ наказаніемъ назначено было исключеніе изъ службы съ лишеніемъ чиновъ.

7 августа генералъ Эссенъ штурмовалъ эту-же самую Журжу и былъ отбитъ. Русскіе оказали чудеса храбрости: въ отрядѣ не осталось почти ни одного офицера не раненаго; 81 были ранены, 17 убиты; всего отрядъ въ 6,000 потерялъ убитыми и ранеными 2,295 чел., т. е. почти 40%—потеря почти неслыханная, съ несомнѣнностью свидѣтельствующая объ изумительной отвагѣ нападенія и стойкости въ огнѣ. Отбитый, Эссенъ оставался подъ огнемъ нѣкоторое время, надѣясь выманить ту-

рокъ на преслѣдованіе и тутъ отомстить имъ, но турки не вышли изъ крѣпости. Донося Румянцеву объ неудачѣ, Эссенъ высказывалъ сожалѣніе, что положеніе командующаго генерала запрещало ему самому броситься въ самую горячую схватку и найдти тамъ смерть, такъ что теперь онъ «отягченъ жизнью». Поведеніе Эссена было съ военной точки зрѣнія, очевидно, совершенно безупречно, потому что Румянцевъ оставилъ его командовать тѣмъ-же корпусомъ. 20 октября Эссенъ разбилъ довольно значительныя силы турокъ, шедшія отъ Виддина атаковать Бухарестъ; послѣ этого 24 октября турки очистили Журжу, которая и была занята нами. На этомъ и кончились военныя дѣйствія арміи Румянцева; въ концѣ октября она расположилась на зимнихъ квартирахъ.

Вторая армія въ кампанію 1771 г., подъ начальствомъ кн. В. М. Долгорукова, выступила въ походъ 20 апрѣля; главная квартира ея зимою была въ Полтавѣ. 14 іюня русскіе смѣлою атакою заняли перекопскія линіи укрѣпленій, 15—сдалась крѣпость, ихъ прикрывавшая; затѣмъ атакою русскіе захватили Арабатскую крѣпость; далѣе они уже почти не встрѣчали сопротивленія, занимая Керчь, Еникале, Судакъ, Козловъ, Кафу, Ялту, Балаклаву, Бахчисарай; ханъ бѣжалъ въ Константинополь и тамъ былъ объявленъ лишеннымъ ханства. Такое легкое покореніе Крыма было подготовлено переговорами кн. Долгорукаго съ татарами въ теченіе всей зимы 1770—1771 г. Крымъ былъ весь въ нашихъ рукахъ; азовская флотилія адмирала Сенявина вышла въ Черное море. Императрица пожаловала кн. В. М. Долгорукову Георгія I степени, при милостивомъ письмѣ, которое начиналось такъ: «Кн. Василій Михайловичъ! Вчерашній день обрадована я была вашими вѣстниками, они пріѣхали другъ за другомъ слѣдующимъ образомъ: на разсвѣтѣ кн. Иванъ Одоевскій со взятіемъ Кафы, въ полдень подпоручикъ Щербининъ съ занятіемъ Керчи и Еникуля, а предъ захожденіемъ солнца, поручикъ Семеновъ, съ ключами всѣхъ сихъ мѣстъ и съ вашими письмами» и т. д. [1]).—Дѣйствія русской эскадры въ Средиземномъ морѣ не были ознаменованы ничѣмъ выдающимся,

---

[1]) *Сборникъ*, т. XCVII, 372, 17 іюля 1771 г., то-же *Сборникъ*, т. XIII, 128.

ей тамъ почти нечего было дѣлать: турецкій флотъ не существовалъ, а силы русской эскадры были слишкомъ незначительны для того, чтобы произвести дессантъ, отъ котораго-бы можно было ждать какихъ-нибудь серьезныхъ результатовъ; попытки овладѣть крѣпостями Неграпонтомъ и Митилене были оставлены; приходилось ограничиться захватомъ судовъ, шедшихъ въ Константинополь и раззореніемъ магазиновъ въ приморскихъ пунктахъ; въ ноябрѣ флотъ опять собрался на зимовку къ о—ву Паросу.—Военныя дѣйствія по Кизлярской линіи не имѣли почти никакого значенія; съ союзникомъ Россіи, грузинскимъ царемъ Иракліемъ, генералъ Тотлебенъ поссорился и потому не могъ предпринять ничего важнаго [1]).

Въ кампанію 1772 г. военныхъ дѣйствій не было, потому что раннею весною начались переговоры о мирѣ и все время, въ которое возможны были военныя операціи, было занято перемиріемъ. Мы разсмотримъ въ послѣдней главѣ, посвященной раздѣлу Польши, тѣ переговоры, которые велись о мирѣ Россіи съ Турціей между Петербургомъ, Вѣной и Берлиномъ; здѣсь-же упомянемъ только, что изъ Петербурга были сдѣланы предложенія вступить въ переговоры немедленно по полученіи извѣстій о знаменитыхъ побѣдахъ 1770 г., турки подъ впечатлѣніемъ неудачъ тоже склонялись къ миру и просили у Пруссіи и Австріи посредничества въ Петербургѣ, но такъ какъ русская императрица посредничество это отклонила, то Австрія начала съ Турціей переговоры о союзѣ и успѣла вмѣстѣ съ тѣмъ представить предложенія Россіи, какъ доказательство ея истощенія. Поэтому Турція рѣшилась продолжать борьбу. Безуспѣшная борьба въ теченіе всего 1771 г. и утомленіе отъ войны заставило, наконецъ, турокъ снова думать о мирѣ.

Въ мартѣ 1772 г. Румянцевъ получилъ изъ Константинополя письма отъ великаго визиря и отъ прусскаго и австрійскаго представителей, съ предложеніемъ вступить въ мирные переговоры. Уполномоченный на это еще ранѣе Румянцевъ отвѣчалъ согласіемъ; 9 апрѣля въ Журжѣ съѣхались русскіе

---

[1]) *Сборникъ*, т. XCVII, 87—104.

и турецкіе представители и 19 мая заключили перемиріе—по 1 іюня въ Европѣ и по 1 августа въ Азіи; затѣмъ срокъ перемирія былъ продолженъ; было условлено, что ни русскіе, ни турки не будутъ переходить черезъ Дунай, но передвиженіе войскъ каждой воюющей стороны и плаваніе по Черному морю были разрѣшены; мѣстомъ для мирнаго конгресса назначены были Фокшаны подъ Бухарестомъ.

Уполномоченные съ русской стороны, гр. Г. Г. Орловъ и Обрѣзковъ прибыли въ Фокшаны ранѣе турецкихъ уполномоченныхъ; гр. Орловъ былъ окруженъ царскимъ великолѣпіемъ и пышностью [1]). Представитель Турціи, рейсъ-эффенди Османъ и Яссинъ-Заде-Эффенди пріѣхали въ Фокшаны 15 іюля; съ ними были Тугутъ и Цегелинъ, представители Австріи и Пруссіи въ Константинополѣ. Турки разсчитывали, что и тотъ и другой будутъ допущены къ прямому участію въ переговорахъ; но такъ какъ посредничество было въ Петербургѣ отклонено, то русскіе уполномоченные рѣшительно отказались допустить Тугута и Цегелина къ участію на конгрессѣ; Тугутъ увѣрилъ Османа-Эффенди, что ему и неудобно было-бы участвовать на немъ, такъ какъ его полномочія не такъ обширны, какъ полномочія Османа и Орлова.

Первое засѣданіе 27 іюля было посвящено обмѣну полномочіями и другимъ формальностямъ. Но на второмъ-же засѣданіи начались затрудненія.

Такъ какъ въ это время, какъ увидимъ ниже, вознагражденіе для Россіи было уже опредѣлено въ Польшѣ, то русскіе уполномоченные не требовали уже ни независимости Молдавіи и Валахіи, ни острова въ Архипелагѣ, уменьшили и требованія территоріи по Днѣпру и Днѣстру. Они говорили, что въ своихъ требованіяхъ Россія выходитъ изъ слѣдующихъ соображеній: необходимо устранить на будущее время причины, могущія вызывать столкновенія Россіи и Турціи, Россія имѣетъ право на вознагражденіе, потому что война начата турками, и желаетъ соблюсти выгоды обоихъ государствъ. Изъ перваго соображенія выводили необходимость признать независимость татаръ, которые

[1]) На проѣздъ уполномоченныхъ на этотъ конгрессъ было выдано 138,000 р. *Сборникъ*, т. XXVIII, 206.

своимъ поведеніемъ всего болѣе содѣйствуютъ охлажденію между Россіей и Турціей, изъ втораго—право Россіи на территоріальныя пріобрѣтенія, изъ третьяго—свободу плаванія русскихъ судовъ по Черному морю.

Турецкіе уполномоченные возражали противъ каждаго пункта; дѣйствовала-ли тутъ надежда на поддержку Австріи, не понимали-ли уполномоченные дѣйствительнаго положенія вещей—это все равно; но они обнаружили крайнюю несговорчивость. Они утверждали, что войну вызвала Россія, что турки понесли еще большія потери и потому не имѣютъ никакого основанія вознаграждать Россію; до обсужденія подробностей дѣло не дошло, потому что пунктъ о независимости татаръ вызвалъ противорѣчіе столь упорное, что на немъ уполномоченные окончательно разошлись. Турки говорили, что по ихъ закону всѣ правовѣрные должны подчиняться одному султану, какъ преемнику пророка, и что признаніе независимаго мусульманскаго владѣтеля равносильно невозможному признанію одновременно двухъ преемниковъ пророка; они говорили, что татары, получивъ независимость, станутъ вести себя относительно Россіи еще хуже, навлекутъ на себя войну съ нею, обратятся тогда за помощью къ султану—а онъ, опять-таки по религіознымъ предписаніямъ, не имѣетъ права отказать въ защитѣ своимъ единовѣрцамъ. Русскіе отвѣчали, что Россія считаетъ все-таки свои границы болѣе безопасными отъ татаръ, которые предоставлены своимъ только силамъ, а не соединены съ Портою, и что кромѣ того Россія уже обѣщала татарамъ доставить имъ свободу и своего обѣщанія не можетъ не исполнить. Обѣ стороны, конечно, отлично понимали, что независимость татаръ равносильна признанію Турціею себя не въ силахъ господствовать на сѣверѣ Чернаго моря и что татары непремѣнно подпадутъ подъ власть Россіи; Османъ-Эффенди говорилъ, что Турція будетъ воевать еще хоть 10 лѣтъ, а не согласится на это условіе; русскіе со своей стороны не могли отказаться отъ желанія сдѣлать столь выгодное пріобрѣтеніе послѣ своихъ блестящихъ успѣховъ. Въ такомъ положеніи и безъ надежды, дѣйствительно, на лучшее движеніе стояли переговоры, когда Орловъ, встревоженный слухами о паденіи своего значенія въ

Петербургѣ, объявилъ конгрессъ несостоявшимся и уѣхалъ изъ Фокшанъ. 28 августа уѣхали и турецкіе уполномоченные.

Но великій визирь непремѣнно хотѣлъ продолжать переговоры: помимо того, что вообще война была очень тяжела для турокъ, армія визиря сильно уменьшилась въ числѣ, такъ какъ подъ вліяніемъ слуховъ о скоромъ заключеніи мира солдаты массами расходились по домамъ. Визирь послалъ къ Румянцеву довѣреннаго человѣка и Румянцевъ 9 сентября согласился продолжить перемиріе еще на 40 дней и начать новые переговоры. Такъ какъ такое продленіе перемирія было равносильно рѣшенію не вести уже войны въ эту кампанію, то на первомъ же собраніи новыхъ уполномоченныхъ срокъ открытія военныхъ дѣйствій былъ перенесенъ на 10 марта слѣдующаго, 1773 года. Новые переговоры были начаты 31 октября въ Бухарестѣ — Обрѣзковымъ съ русской стороны и Элгази-Абдуръ-Разаномъ-эффенди съ турецкой. Съ обѣихъ сторонъ были сдѣланы уступки. Еще по донесеніямъ изъ Фокшанъ императрица разрѣшила согласиться на то, чтобы крымскіе ханы получали утвержденіе отъ султана; турки приняли статью о плаваніи по Черному морю и статью о Крымѣ предлагали пока постановить условно, съ тѣмъ, чтобы окончательно принять по ней рѣшеніе послѣ соглашенія по всѣмъ другимъ статьямъ. Послѣ многихъ споровъ турки обязались, наконецъ, дать полную амнистію всѣмъ возставшимъ противъ нихъ въ Мореѣ и въ славянскихъ земляхъ, и уступили Россіи Азовъ,— съ русской стороны отказались отъ требованія Очакова; затѣмъ русскіе получили обѣ Кабарды, Керчь и Еникале, но обязались не спускать на Черномъ морѣ военныхъ судовъ; не рѣшивши окончательно вопроса о Крымѣ, уполномоченные разъѣхались. Султанъ не согласился подписать миръ даже съ постановленными въ Бухарестѣ условіями и съ весны военныя дѣйствія должны были возобновиться.—Изъ дѣйствій русскихъ въ теченіе 1772 г. заслуживаетъ упоминанія попытка построить на Дунаѣ флотилію не только для переправы черезъ Дунай, но и для плаванія по морю. Для выполненія этого предпріятія изъ Петербурга присланы были адмиралъ Нольсъ и Е. П. Кашкинъ; но они ничего не сдѣлали: Нольсъ нашелъ, что при

тѣхъ средствахъ, какія находились на мѣстѣ, построить суда, способныя ходить по морю, абсолютно невозможно.

Къ началу кампаніи у Румянцева въ княжествахъ было до 50,000 чел. Изъ Петербурга настаивали, чтобы онъ перешелъ за Дунай. Румянцевъ представилъ мнѣніе, что имѣющихся у него силъ далеко недостаточно для того, чтобы достигнуть какого-нибудь важнаго успѣха: турки могли отступать въ горы, оставивши вмѣстѣ съ тѣмъ въ крѣпостяхъ гарнизоны достаточно сильные для того, чтобы нельзя было ни взять этихъ крѣпостей, ни оставить ихъ спокойно за собой; всѣ три командира отдѣльныхъ корпусовъ его арміи—Вейсманъ, командиръ восточнаго, гр. Салтыковъ—центральнаго и Потемкинъ—западнаго, согласились съ его мнѣніемъ, которое и было представлено въ Петербургъ. Между тѣмъ съ марта начались снова военныя дѣйствія.

Въ половинѣ апрѣля Вейсманъ совершилъ удачный набѣгъ на Бабадагъ и Карасу; попытка турокъ овладѣть Журжею была отбита; 9 мая, въ одинъ и тотъ же день, рѣшились произвести поиски—турки изъ Туртукая (крѣпость между Рущукомъ и Силистріей) на русскій берегъ, и Суворовъ—на Туртукай. Суворовъ встрѣтилъ турокъ уже на лѣвомъ берегу, разбилъ и прогналъ ихъ, а черезъ нѣсколько часовъ, когда стемнѣло, произвелъ свой предположенный поискъ: съ 500 человѣкъ онъ переправился на правый берегъ, неожиданно напалъ на Туртукай, турки бѣжали изъ города и Суворовъ его сжегъ; въ скоромъ времени онъ снова сдѣлалъ удачный набѣгъ на Туртукай; но почти въ то же время подъ Мавродиномъ русскіе потерпѣли неудачу; поискъ былъ отраженъ и даже часть отряда, съ полковникомъ кн. Репнинымъ была захвачена въ плѣнъ, потому что лодка, въ которой ѣхала эта часть, сѣла на мель.

Между тѣмъ изъ Петербурга пришло опять предложеніе перейдти за Дунай. Румянцевъ рѣшилъ повиноваться. 27 мая Вейсманъ, по его приказанію, переправился черезъ Дунай съ 6,000 чел., у Карасу онъ разбилъ 11,000-й отрядъ турокъ и двинулся вверхъ по Дунаю; 5 іюня онъ выбилъ турокъ изъ укрѣпленій при Гуробалѣ, верстахъ въ 40—50 ниже Сили-

стріи; 10 и 11 іюня подъ Гуробаломъ переправилась вся армія Румянцева; 12-го былъ разбитъ Османъ-паша, пытавшійся задержать наступленіе русскихъ; 15-го подошли къ Силистріи; 17-го Суворовъ смѣлымъ и удачнымъ набѣгомъ на Туртукай заставилъ турокъ не ослаблять охраны этого пункта и такимъ образомъ, помѣшалъ усиленію силистрійскаго гарнизона; 18 іюня русскіе штурмомъ взяли одинъ редутъ, господствовавшій надъ городомъ Силистріей и выстрѣлами съ него произвели въ Силистріи пожаръ и въ тотъ же день совершенно разсѣянъ былъ русскими отрядъ, подвигавшійся отъ Базарджика на выручку крѣпости. Но вѣсти, что отъ Варны и Шумлы идутъ значительныя силы, заставили Румянцева отступить нѣсколько отъ Силистріи, чтобы занять позицію, болѣе безопасную отъ нападеній съ тылу. 22 іюня отрядъ Вейсмана, встрѣтилъ при дер. Кучукъ-Кайнарджи, самъ того не зная, всю турецкую армію, шедшую на выручку Силистріи. Русскіе смѣло бросились въ атаку, не зная совершенно, какъ силенъ непріятель; въ самомъ началѣ боя на глазахъ солдатъ генералъ Вейсманъ палъ, смертельно пораженный пулею прямо въ сердце. Смерть этого генерала, котораго солдаты очень любили, привела ихъ въ такое ожесточеніе, что турки не могли выдержать ихъ нападеній и въ безпорядкѣ отступили; но этотъ успѣхъ далеко не вознаграждалъ за потерю Вейсмана. 24 іюня на военномъ совѣтѣ рѣшено было перейдти обратно на лѣвый берегъ, въ виду крайняго истощенія людей и особенно лошадей. 25 іюня армія и переправилась. Ободренные этимъ турки попробовали сами перейдти въ наступленіе—со стороны Виддина и на Журжу, но потерпѣли неудачу и тутъ и тамъ. Въ августѣ Унгернъ и Суворовъ возобновили на лѣвомъ флангѣ набѣги Вейсмана; Унгернъ доходилъ до самаго Бабадага, Суворовъ разбилъ турокъ 3 сентября у Гирсово, Салтыковъ 16 сентября у Турно; 30 октября Унгернъ съ 4,000-мъ отрядомъ предпринялъ атаку Варны, но былъ отбитъ съ потерею до 700 чел.; въ ноябрѣ армія опять расположилась на зимнія квартиры.

И въ Петербургѣ и въ арміи были очень недовольны, что предстояла еще кампанія; казна была истощена; тяжело ложи-

лись на страну и безпрерывные рекрутскіе наборы [1]); между тѣмъ армія была уже не та, что прежде: болѣе чѣмъ на половину состояла она изъ новобранцевъ, а не изъ опытныхъ солдатъ, прошедшихъ школу Семилѣтней войны; обозъ арміи былъ въ ужасномъ положеніи; наконецъ, жители Молдавіи и Валахіи, видя, что рѣшено возвратить княжество Турціи, начали относиться къ русской арміи явно недружелюбно. Въ силу всего этого изъ Петербурга разрѣшили Румянцеву не только вести переговоры и подписать миръ, но даже начать переговоры самому; Румянцевъ же со своей стороны рѣшился рискнуть на очень смѣлыя операціи въ надеждѣ принудить ими непріятеля къ миру.

Положеніе и самой Турціи и ея арміи было, конечно, еще гораздо хуже и турки еще раннею весною предложили возобновить мирные переговоры. Румянцевъ согласился, но не согласился на перемиріе и переговоры шли далѣе параллельно съ военными дѣйствіями.

Наступившая, послѣдняя, кампанія 1774 г. отличалась очень смѣлымъ образомъ дѣйствій Румянцева. Въ апрѣлѣ Суворовъ и Каменскій перешли Дунай въ нижнемъ его теченіи; 2 іюня они взяли съ бою Базарджикъ. 6 іюня переправилась вся армія Румянцева въ трехъ пунктахъ: въ Гуробалѣ, ниже Силистріи, въ Туртукаѣ, ниже Рущука и въ Ликорештахъ, между этими двумя пунктами; отдѣльные корпуса должны были обложить Силистрію и Рущукъ, а Суворовъ и Каменскій— дѣйствовать наступательно противъ Шумлы. 9 іюня русскіе одержали двѣ побѣды: Салтыковъ разбилъ у Туртукая 15,000 турокъ, а Суворовъ у Козлуджи, къ юго-западу отъ Базарджика, почти посрединѣ между Шумлой и Варной—на голову разбилъ 40,000-й корпусъ изъ арміи великаго визиря; турки

---

[1]) Кн. М. М. Щербатовъ говоритъ по этому поводу слѣдующее: «въ семь рекрутскихъ наборовъ собрано 327,044 чел.»; «сіи наборы раззорительны государству, ибо считая со всего числа душъ уже почти 23-й человѣкъ въ рекруты взятъ, а съ числа работниковъ смѣло можно положиться 11-й или 10-й» — «Библіографическія Записки», 1858, I, 409. По «генеральному перечню», всѣхъ расходовъ, связанныхъ съ войною за 1768 — 1774 г. кн. Вяземскій считалъ 47.516,000 р.—*Сборникъ*, т. XXVIII, 212.

укрылись въ Шумлу [1]). 16 іюня русскіе дошли до Шумлы; 29 іюня отрядъ полковника Заборовскаго имѣлъ удачную стычку уже за Балканами; съ 3 іюля Шумла была вполнѣ блокирована; успѣшно шла также блокада Силистріи отрядомъ самого Румянцева, и блокада Рущука отрядомъ Салтыкова.

Такія смѣлыя нападенія и побѣды русскихъ привели въ совершенное отчаяніе турокъ, особенно новаго султана, занявшаго престолъ послѣ брата своего Мустафы, умершаго въ началѣ года; даже запершись въ крѣпостяхъ турки если и спасались отъ полныхъ разгромовъ, подобныхъ пораженіямъ при Ларгѣ или при Кагулѣ, то все-таки каждая встрѣча съ русскими оканчивалась для нихъ неудачею,—особенно чувствительно было пораженіе при Козлуджи; русскіе были полными господами за Дунаемъ, а отдѣльные отряды переходили даже черезъ Балканы.

4 іюля къ Румянцеву, стоявшему въ деревнѣ Кучукъ-Кайнарджи, прибыли уполномоченные отъ визиря съ предложеніемъ мира; Румянцевъ принялъ ихъ на слѣдующій день и согласился начать переговоры, но съ тѣмъ только условіемъ, чтобы миръ былъ непремѣнно подписанъ черезъ пять дней, военныхъ же дѣйствій не только не пріостановилъ, но еще сдѣлалъ усиленное движеніе къ Шумлѣ. Турки согласились и на другой же день 6 іюля началъ съ ними переговоры кн. Н. В. Репнинъ, подъ непосредственнымъ руководствомъ самого Румянцева. Прежде принятыя условія мира, т. е. уступка Россіи Большой и Малой Кабарды и Азова—уже не обсуждались; 6 іюля въ принципѣ турецкіе уполномоченные согласились признать независимость крымскихъ татаръ, уступить Россіи Керчь и Еникале съ округами и уплатить $4^1/_2$ милліона рублей контрибуціи; оставалось только все это окончательно оформить; Румянцевъ написалъ тогда Каменскому и Суворову, чтобы они не предпринимали ничего, что можетъ стоить потерь, потому что теперь, когда такъ вѣроятно заключеніе мира, «намъ потеря одного человѣка дороже ста турковъ убитыхъ». Переговоры подвигались

---

[1]) Это сраженіе было выиграно однимъ Суворовымъ, хотя онъ и дѣйствовалъ вообще вмѣстѣ съ Каменскимъ; Суворовъ двигался быстрѣе Каменскаго и только незначительная часть отряда Каменскаго успѣла принять участіе въ этой битвѣ—*Петрушевскій*, I, 173—178; *Смитъ*, I, 101—103.

быстро и къ назначенному Румянцевымъ сроку, 10 іюля, подписанъ былъ, дѣйствительно, мирный договоръ въ Кучукъ-Кайнарджи. 15 іюля подписанный договоръ былъ ратификованъ визиремъ и Румянцевымъ, который, вручая турецкимъ уполномоченнымъ подписанный имъ экземпляръ, воскликнулъ: «да многолѣтствуютъ наши государи и да благоденствуютъ ихъ народы»!

Донося императрицѣ о заключеніи мира, Румянцевъ писалъ, что «все дѣло было трактовано безъ всякихъ обрядовъ министеріальныхъ а единственно скорою ухваткою военною, соотвѣтствуя положенію оружія, съ одной стороны превозмогающаго, а съ другой до крайности утѣсненнаго»; онъ писалъ, что миръ этотъ увѣнчиваетъ ее славою. Императрица благодарила его за эту важную услугу отечеству и признавала, что слава принадлежитъ особенно и преимущественно ему. Это было, конечно, правда; военные успѣхи именно Румянцева доставили Россіи полное торжество; въ послѣдній моментъ въ переговорахъ, онъ обнаружилъ большое умѣнье обходиться и съ турецкими дипломатами; существенныя услуги оказалъ ему въ этомъ случаѣ и кн. Н. В. Репнинъ, проявившій и здѣсь свое замѣчательное умѣнье подчинять себѣ окружающихъ.

Вѣсть о заключеніи мира остановила незначительныя военныя предпріятія въ Крыму и въ Средиземномъ морѣ. 19 іюля русская армія перешла за Дунай, княжества были очищены въ началѣ 1775 г., по исполненіи турками всѣхъ условій мира. Еще изъ подъ Силистріи уѣхалъ въ Константинополь полковникъ Петерсонъ, чтобы приготовить все къ пріѣзду туда чрезвычайнаго и уполномоченнаго посла императрицы, которымъ былъ назначенъ кн. Н. В. Репнинъ [1]). Не успѣли еще русскія войска выйдти изъ княжествъ, какъ осенью же 1774 г., австрійскій отрядъ ген. Борха занялъ пограничную съ Австріею полосу въ Банатѣ, обнесъ ее столбами съ имперскимъ гербомъ и сообщилъ Румянцеву, что австрійское правительство намѣрено удержать за собою занятую область. Дѣло это обсуждалось въ Петербургѣ въ совѣтѣ, рѣшено было уклониться отъ всякаго участія въ немъ; Румянцевъ написалъ Борху, что княжества возвращены по усло-

---

[1]) Любопытныя документы за это время, *Сборникъ*, т. V, 128—218, «Бумаги кн. Н. В. Репнина».

віямъ мира Турціи и что уже на Турціи лежитъ забота объ охранѣ цѣлости ихъ территоріи [1]). Австрійцы удержали за собою части областей своего бывшаго союзника, съ котораго они еще три года тому назадъ взяли деньги за свое обязательство вернуть имъ все занятое тогда Россіею благодаря блестящимъ ея побѣдамъ...

Мирный трактатъ, подписанный въ Кучукъ-Кайнарджи, заключалъ слѣдующія условія [2]). Прежде всего (п. 1) говорится о возстановленіи между обѣими имперіями дружбы; вслѣдствіи этого прощаются всѣ подданные того и другаго государства, въ послѣднее время чѣмъ либо провинившіеся предъ своимъ правительствомъ изъ-за приверженности къ другому; затѣмъ условлено (п. 2), что впредь бѣглые будутъ взаимно выдаваемы, за исключеніемъ тѣхъ, которые въ Россіи примутъ христіанство, а въ Турціи магометову вѣру; (п. 3) крымскіе, буджакскіе и едисанскіе татары объявляются вольными; (п. 4) оба государства имѣютъ право въ своихъ предѣлахъ строить крѣпости гдѣ и когда найдутъ необходимымъ; въ пп. 5 и 6 условлено, что впредь при Константинопольскомъ и Петербургскомъ дворахъ будутъ русскій и турецкій министры (т. е. посланники) [3]); пп. 7 и 8 обезпечиваютъ покровительство Порты русскимъ паломникамъ въ Палестинѣ, пп. 9 и 10 содержатъ условіе, что военныя столкновенія, могущія произойдти послѣ подписанія уже мира, останутся безъ результатовъ. Въ пп. 11 и 12 Порта признаетъ свободу русской торговли въ тѣхъ размѣрахъ, какъ ею пользуются англичане и французы и обѣщаетъ свое покровительство русской торговлѣ въ Триполи, Тунисѣ и Алжирѣ. По п. 13 турецкое правительство обязалось признавать за русскими государями титулъ, равный титулу падишаха, чѣмъ до этого времени пользовались только французскіе короли. Въ п. 14 русскимъ разрѣшается имѣть церковь въ Константинополѣ при посольствѣ и въ Галацѣ; въ п. 15 опредѣленъ порядокъ разбора мелкихъ пограничныхъ дѣлъ; въ пп. 16 и 17 находится перечень возвра-

---

[1]) Сборникъ, V, 158—159.

[2]) Онъ напечатанъ въ *Полномъ Собраніи законовъ*, № 14.164 и у *Юзефовича*, Договоры Россіи съ востокомъ, 24—41.

[3]) До этого времени Порта не считала себя обязанною принимать у себя постоянныхъ пословъ, а только допускала это — *Сборникъ*, т. XCVII, 255.

щаемыхъ Россіею Турціи областей и острововъ, съ перечисленіемъ обязательствъ, какія турецкое правительство приняло на себя по отношенію къ ихъ жителямъ; въ пп. 18, 19 и 20 говорится объ уступкѣ Россіи Кинбурга, Керчи, Еникале, Азова; относительно земель Кабардинскихъ въ пунктѣ 21 постановлено, что вслѣдствіе близкой ихъ связи съ крымскимъ ханствомъ Россіи предоставляется съ ханомъ условиться о томъ, кому онѣ должны принадлежать; п. 22 объявляетъ лишенными силы всѣ прежніе договоры между Россіей и Турціей кромѣ договора 1700 г., опредѣлявшаго границы Азова; по п. 23 русскіе возвращаютъ туркамъ крѣпости въ Мингреліи и Грузіи, которыя имъ раньше принадлежали, а турки обѣщаются не преслѣдовать мѣстныхъ жителей; наконецъ въ пп. 24—28 опредѣлены сроки очищенія русскими турецкихъ земель и взаимная выдача плѣнныхъ, кромѣ перемѣнившихъ вѣру, вслѣдъ за размѣномъ ратификацій. Новая граница между Россіею и Турціей была установлена особою конвенціей въ 1775 г.

Такъ кончилась эта война, столь славная для Россіи, первая въ ряду дальнѣйшихъ блестящихъ столкновеній Россіи съ другими государствами, столкновеній, которыя доставили Россіи военную славу, конечно, не уступающую военной славѣ никакого другаго народа, хотя у насъ почему то не принято объ этомъ часто говорить.

Миръ былъ отпразднованъ блестящимъ торжествомъ въ Москвѣ въ 1775 г.; это было дѣйствительно торжество русскаго народа, вынесшаго такую войну, давшаго такихъ героевъ-вождей и героевъ-солдатъ, это было торжество и русскаго правительства и императрицы, усмирившихъ Пугачева, уничтожившихъ чуму въ Москвѣ, пріобрѣвшихъ очень важные успѣхи не только относительно Турціи, но еще и относительно Польши. За этимъ періодомъ напряженной политической и частью военной дѣятельности наступилъ періодъ важныхъ и благодѣтельныхъ реформъ внутри государства. Изложеніе ихъ, однако, не входитъ уже въ настоящее наше изслѣдованіе, которое мы закончимъ теперь разсмотрѣніемъ тѣсно связаннаго съ русско-турецкою войною перваго раздѣла Польши.

Глава шестая.

Первый раздѣлъ Польши.

I.

Переговоры между Россіей, Австріей и Пруссіей, начавшіеся по вопросу о заключеніи мира между Россіей и Турціей, прежде чѣмъ закончить войну привели къ раздѣлу Польши.

Подробное изслѣдованіе этого событія принадлежитъ всеобщей исторіи, не потому только, что въ раздѣлѣ приняли участіе вмѣстѣ съ Россіею и два западно-европейскія государства, но главнымъ образомъ потому, что для полнаго уразумѣнія его необходимо—съ одной стороны подробно и обстоятельно изучить въ исторіи Польши причины и пути, которые довели это государство до его печальнаго конца, съ другой—изучить вообще международныя отношенія Европы, чтобы выяснить тѣ условія, въ силу которыхъ три европейскія державы такъ спокойно и смѣло приступили къ уничтоженію самостоятельности цѣлаго государства, а остальныя такъ спокойно на это смотрѣли [1]). Подобныя изслѣдованія не относятся прямо къ исторіи Россіи въ царствованіе Екатерины II и невозможны въ трудѣ, посвященномъ спеціально этому царствованію, уже по одному тому, что они неизбѣжно повлекли бы за собою черезчуръ значительную непропорціональность, несоразмѣрность изложенія. По вопросу о паденіи Польши существуетъ цѣлая большая лите-

---

[1]) Много сдѣлано для выясненія этихъ общихъ условій и обстоятельствъ Зибелемъ въ его «Geschichte des Zeitalter der Revolution», и еще болѣе — въ замѣчательномъ трудѣ Сореля, не разъ уже нами упомянутомъ.

ратура [1]), высказаны были самыя противорѣчивыя сужденія какъ относительно причинъ этого явленія, такъ и относительно роли и значенія въ раздѣлѣ каждаго изъ его участниковъ; согласить противорѣчія, объяснить ошибки однихъ сужденій, доказать неосновательность другихъ—все это требуетъ особаго большаго изслѣдованія, которое не можетъ входить какъ составная часть въ изслѣдованіе, посвященное изученію отдѣльной эпохи въ русской исторіи. Дошедши до этого раздѣла въ нашемъ изслѣдованіи внѣшней политики Россіи мы считаемъ своею обязанностью изложить главнѣйшимъ образомъ лишь участіе Россіи въ этомъ дѣлѣ, разсмотрѣть общіе у нея съ Пруссіею и Австріею переговоры по этому вопросу настолько, чтобы можно было установить истинные размѣры и истинный характеръ участія въ этомъ дѣлѣ Россіи, а слѣдовательно и двухъ другихъ его участниковъ; лишь постольку, поскольку намъ кажется это небходимымъ для выясненія участія и роли Россіи въ этомъ дѣлѣ, мы коснемся и участія въ немъ Пруссіи и Австріи и общеевропейскаго его значенія.

Мы не считаемъ, такимъ образомъ, нужнымъ начать наше изученіе этого событія съ разрѣшенія вопроса, кто первый высказалъ мысль объ этомъ раздѣлѣ; для насъ достаточно установить какъ фактъ, что планы подѣлить Польшу возникали постоянно. Въ теченіе приблизительно ста послѣднихъ лѣтъ предъ тѣмъ, какъ дѣйствительно состоялся первый раздѣлъ, мысль объ этомъ, ожиданіе этого не исчезали въ средѣ европейскихъ политиковъ и высказывались то тутъ, то тамъ при самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ. Въ 1661 г. король Янъ Казиміръ въ обращеніи своемъ къ сенату польскому предсказалъ, что если продолжатся господствующіе въ Польшѣ порядки, то сосѣди подѣлятъ ее. Русскіе, сказалъ онъ, возьмутъ великое княжество литовское, курфирстъ бранденбургскій отниметъ воеводства, которыя съ нимъ пограничны и Пруссію, домъ австрійскій возьметъ Краковъ и другіе ближайшія области [2]). Въ теченіе первой четверти XVIII вѣка извѣстно не менѣе

---

[1]) Обзоръ ея—у *Карѣева*, «Паденіе Польши» въ исторической литературѣ, С.-Петербургъ, 1888 г.

[2]) *Morawskiego*, Dzieje narodu polskiego, III, 566.

пяти проектовъ подѣлить Польшу между Россіей, Пруссіей и Саксоніей, причемъ три раза предлагалъ такой проектъ никто иной, какъ король польскій Августъ II: онъ охотно готовъ былъ бы уступить своимъ сосѣдямъ значительныя части своихъ владѣній, которыми онъ правилъ какъ избирательный король, съ тѣмъ только, чтобы часть ихъ присоединить къ своимъ наслѣдственнымъ землямъ; предлагалъ подобный проектъ и король прусскій Фридрихъ I Карлу XII шведскому; при выборахъ преемника Августу II опять возникали предположенія привлечь Пруссію содѣйствовать видамъ Россіи и Австріи уступкою ей части Польши [1]). Едва умеръ Августъ III, какъ уже въ 1763 же году изъ Петербурга пишутъ въ Парижъ и изъ Варшавы въ Лондонъ, что предстоитъ раздѣлъ Польши между Россіею и Пруссіею [2]), о томъ же говорили въ 1766 г.; въ 1770 г. Турція дѣлала Австріи предложенія, за союзъ противъ Россіи, подѣлить Польшу [3]); первые же слухи о вступленіи австрійцевъ въ польскіе предѣлы въ 1770 г. вызвали въ Данцигѣ полную увѣренность, что раздѣлъ Польши есть дѣло рѣшенное [4]). Такимъ образомъ мы видимъ, что на пространствѣ 115 лѣтъ объ этомъ заговариваютъ по крайней мѣрѣ разъ десять, навѣрно болѣе. Ко времени Екатерины самая идея раздѣла польскихъ земель не представляла ничего новаго и необычнаго; предположенія дѣлить государства не казались въ XVIII в. чѣмъ то страннымъ; они примѣнялись и къ другимъ государствамъ [5]). Поэтому то и мы въ нашемъ изученіи перваго польскаго раздѣла не будемъ опредѣлять самый генезисъ его идеи, а попытаемся раскрыть постепенное осуществленіе тѣхъ намѣреній и плановъ, которые и закончились раз-

---

[1]) *Соловьевъ*, Исторія Россіи, книга VI, 673—675; *Костомаровъ*, Послѣдніе годы Речи Посполитой, т. I, 15, 16.

[2]) *Соловьевъ*, книга VI, 675—676; *Raumer*, Beitrage zur neueren Geschichte, III, 317; *Rambaud*, Recueil des instructions, données aux ministres et ambassadeurs de France, Russie IX, 225; напомнимъ выше упомянутый нами планъ Чернышева, представленный въ Петербургѣ 6 октября 1763 г.—см. выше, 223.

[3]) *Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго общества*, т. XII, 147, 282; *Raumer*, Beiträge, IV, 543—544.

[4]) *Соловьевъ*, книга VI, 697.

[5]) *Сорель*, Европа и французская революція, т. I, 31—36.

дѣломъ. Мы говоримъ именно «раскрыть постепенное осуществленіе плановъ», и хотимъ отличить такую постановку задачи отъ опредѣленія, кто первый произнесъ слово «раздѣлъ» въ тѣхъ переговорахъ, которые раздѣломъ заключились, такъ какъ намъ кажется, что толчекъ этому дѣлу, послѣ котораго оно не останавливаясь и дошло до конца, былъ данъ не оттуда, гдѣ было впервые произнесено слово «раздѣлъ».

Мы рѣшаемся подвергнуть новому пересмотру весь ходъ переговоровъ о раздѣлѣ: по нашему убѣжденію они не представлены удовлетворительно ни въ одномъ изслѣдованіи, первому польскому раздѣлу посвященномъ.

Въ числѣ сочиненій, посвященныхъ цѣликомъ или частію польскому раздѣлу, есть не мало трудовъ весьма замѣчательныхъ, авторы которыхъ обнаружили и большую эрудицію, и сильное желаніе разобрать вопросъ самымъ безпристрастнымъ и точнымъ образомъ, и большой критическій талантъ; ихъ трудами многіе частные эпизоды, представляющіеся чрезвычайно запутанными и очень трудными для изслѣдованія, разрѣшены вполнѣ удовлетворительно. Но на всѣ эти труды оказали неблагопріятное вліяніе нѣкоторыя особыя обстоятельства, и въ числѣ ихъ особенно два: во-первыхъ, преувеличенное представленіе роли Фридриха II во всѣхъ общихъ у него съ другими дворами переговорахъ, во-вторыхъ неполнота доступныхъ тогда источниковъ, полное незнаніе однихъ, и невѣрное представленіе о содержаніи другихъ очень важныхъ для этого вопроса документовъ.

Выше мы уже имѣли неоднократно случай указывать, что внимательное изученіе документовъ раскрываетъ невѣрность положенія объ огромномъ вліяніи Фридриха II на петербургское, по крайней мѣрѣ, министерство; и если признать справедливость такого вывода—а намъ онъ представляется положительно несомнѣннымъ—то является вполнѣ понятнымъ, что должны быть подвергнуты пересмотру результаты изслѣдованій, въ которыхъ авторы признавали доказаннымъ противуположное положеніе. Что же касается незнакомства ихъ со м источниками или невѣрнаго представленія о содер: гихъ—то мы приведемъ лишь два-три примѣр

можности вдаваться въ сколько-нибудь обстоятельный критическій разборъ той литературы, одинъ самый бѣглый обзоръ которой далъ Н. И. Карѣеву матеріалъ для цѣлой книги.

Рейманъ въ первомъ томѣ своей «Новой исторіи Пруссіи», вышедшемъ въ 1888 г. [1]), пользовался изложеніемъ «политическаго духовнаго завѣщанія» Фридриха, сдѣланнымъ Дункеромъ въ его «Erwerbung der Ost-Preussen» [2]). Завѣщаніе это было написано въ 1768 г. По изложенію Дункера Фридрихъ указывалъ въ немъ какъ одну изъ задачъ своего дома пріобрѣтеніе польской Пруссіи и видѣлъ въ этомъ наилучшее средство защитить и обезопасить свои границы со стороны Россіи; король высказывалъ, по изложенію Дункера, что лучше пріобрѣсти эту область по частямъ, мирными переговорами, чѣмъ завоеваніемъ; «въ одномъ только случаѣ, если Россія будетъ особенно настоятельно нуждаться въ помощи Пруссіи, окажется, быть можетъ, возможнымъ присоединеніе Торна и Эльбинга съ округомъ» [3]). Рейманъ вполнѣ довѣрялъ пересказу Дункера и потому не придалъ должной цѣны нѣкоторымъ своимъ собственнымъ наблюденіямъ подъ политикою Пруссіи послѣднихъ, предшествовавшихъ раздѣлу, годовъ, потому что тѣ выводы, которые надо было бы сдѣлать изъ этихъ его замѣчаній, противорѣчили бы тому, въ какомъ видѣ представлялась прусская политика въ свѣтѣ завѣщанія Фридриха. Но вотъ что говоритъ Рейманъ въ особомъ приложеніи ко второму тому своего изслѣдованія, послѣ того, какъ имѣлъ возможность самъ лично изучить завѣщаніе Фридриха: «мы видѣли, какъ занимаетъ Фридриха идея о пріобрѣтеніи польской Пруссіи; но чтобы уже въ то время (завѣщаніе писано въ 1768 г.) онъ намѣревался приступить къ ея осуществленію—объ этомъ онъ не говоритъ ни слова. И даже болѣе. Онъ разсматриваетъ разрывъ между Петербургомъ и Константинополемъ какъ выгодный для себя; но какую пользу для себя надѣется онъ изъ него извлечь? онъ

---

[1]) *Reimann*, «Neuere Geschichte des preussischen staates»—въ серіи Geschichte der europeischen Staaten, herausgegeben von Heeren, Ukert und Giesebrecht.

[2]) *Duncker*, Aus der Zeit Friedrichs des Grossen und Friedrichs Wilhelms III, 176—177.

[3]) *Reimann*, I. 257—ср. *Duncker*, 176—177.

надѣется, что русскіе будутъ нуждаться въ его поддержкѣ, что они продолжатъ поэтому свой союзъ съ нимъ и что ему удастся склонить императрицу обезпечить ему пріобрѣтеніе Анспаха и Байрейта» [1]).

Вотъ какія невѣрныя свѣдѣнія были въ распоряженіи изслѣдователей польскаго раздѣла даже объ источникахъ иностранныхъ, которые вообще гораздо скорѣе русскихъ дѣлаются извѣстными, доступными изслѣдованію и изученію. Что же касается до источниковъ русскихъ, то они стали извѣстны и доступны изученію въ сколько-нибудь достаточномъ количествѣ лишь за послѣдніе 10—15 лѣтъ, благодаря изданіямъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества и до сихъ поръ еще ни кто, кромѣ Соловьева, не изучалъ ихъ для этого вопроса самостоятельно. Соловьевъ могъ пользоваться ими, однако, лишь въ рукописномъ видѣ. Кто когда-нибудь имѣлъ дѣло съ рукописными матеріалами, тотъ знаетъ, какія почти непреодолимыя трудности представляетъ онъ для полнаго и точнаго изученія какого-нибудь обширнаго и сложнаго вопроса; точное и обстоятельное изслѣдованіе по рукописямъ частнаго, сравнительно мелкаго вопроса не даромъ почитается настоящею ученою заслугою; изучить же по рукописному матеріалу цѣлый періодъ сложныхъ дипломатическихъ сношеній— есть подвигъ, самая попытка котораго составляетъ огромную заслугу, хотя сколько-нибудь совершенное исполненіе ея невозможно — по крайней мѣрѣ при томъ состояніи архивовъ, въ какомъ они находятся у насъ: въ главнѣйшихъ нашихъ древне-хранилищахъ документы находятся, правда, въ порядкѣ, но и только; изслѣдователь безъ особаго труда получитъ документы извѣстнаго, указаннаго имъ года, но никакихъ описаній, никакихъ указателей или чего-либо подобнаго, что̀ облегчило бы трудъ изслѣдователя—за весьма рѣдкими исключеніями еще не имѣется. Какъ бы ни былъ привыченъ и внимателенъ изслѣдователь, но онъ не можетъ, очевидно, сразу же, при первомъ же прочтеніи, отмѣтить все замѣчательное, прослѣдить все нужное, не пропустивъ ничего; возвратиться же къ какому ни-

---

[1]) *Reimann*, т. II, 701, Beilage III, zu I, 257.

будь проскользнувшему прежде намеку, значеніе котораго разъясняется мало по малу при дальнѣйшемъ изученіи—при занятіи по обширному рукописному матеріалу совершенно невозможно. Поэтому мы не думаемъ отнестись съ недостаточнымъ уваженіемъ къ Соловьеву, труды котораго вообще почитаемъ безмѣрно, если скажемъ, что данное имъ изложеніе перваго польскаго раздѣла представляется намъ далеко не всегда достаточно правильнымъ; отмѣтимъ еще, что Соловьевъ, по нашему убѣжденію больше, чѣмъ стоило бы, удѣлилъ вниманія донесеніямъ въ Петербургъ изъ Берлина, изъ Варшавы и меньше, чѣмъ бы слѣдовало—распоряженіямъ и предписаніямъ, шедшимъ изъ Петербурга, и напомнимъ, что какъ мы уже говорили ранѣе, онъ признавалъ слишкомъ большое вліяніе въ Петербургѣ Фридриха; это тоже неблагопріятнымъ образомъ отразилось на изслѣдованіи его о польскомъ раздѣлѣ.

Что касается всѣхъ другихъ, писавшихъ о первомъ польскомъ раздѣлѣ, то они русскихъ документовъ совершенно не знали и не только о дѣйствіяхъ, но даже о планахъ и намѣреніяхъ русскихъ дипломатовъ судили по домысламъ иностранныхъ дипломатовъ, или въ лучшемъ случаѣ, по ихъ передачѣ словъ и дѣйствій русскихъ участниковъ въ общихъ переговорахъ. Мы уже имѣли неоднократно случай видѣть, какъ часто эти сообщенія оказывались невѣрными; да и совершенно понятно, что они и не могли быть вѣрными, непонятно только, какъ это упускалось изъ виду. Смитъ въ своемъ изслѣдованіи о раздѣлѣ сказалъ однажды, говоря о нѣкоторыхъ заявленіяхъ Фридриха: «on ne dit pas ses plus secrètes pensées à son adversaire» [1]), но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ни разу не подвергъ сомнѣнію искренность ни одного слова сказаннаго русскими дипломатами, не говоря уже о томъ, конечно, что ни разу не усумнился въ точности передачи иностраннымъ свидѣтелямъ словъ какого либо русскаго министра. Положительно невозможно понять, какъ ни разу не пришла ему мысль, что хоть кто нибудь изъ переговорившихся съ русскими дипломатами былъ въ ихъ глазахъ соперникомъ, которому не слѣдовало открывать всѣхъ своихъ мыслей. Смитъ

---

[1]) *Smitt*, Frédéric le Grand, Catherine et le partage de la Pologne, 87.

считалъ, правда, что Фридрихъ всѣхъ такъ безусловно ослѣплялъ въ Петербургѣ, что тамъ всѣ смотрѣли на все его глазами; этого, конечно, не было, но Смитъ такъ думалъ; но вѣдь не съ однимъ же Фридрихомъ велись переговоры!! И если мы знаемъ теперь, что отношенія русскихъ дипломатовъ къ своимъ товарищамъ по переговорамъ были совершенно иныя, чѣмъ какими представлялъ ихъ себѣ Смитъ, то мы, очевидно, не можемъ довольствоваться и выводами Смита, къ которымъ онъ пришелъ, исходя изъ своихъ невѣрныхъ основаній. Онъ, напримѣръ, исходилъ изъ положенія, что въ 1763—1764 гг. у Россіи ни только не было, но даже и не могло быть никакой мысли о какихъ либо внѣшнихъ пріобрѣтеніяхъ [1]), — разъ мы теперь знаемъ несомнѣнно, по плану Чернышева, что рѣчь объ пріобрѣтеніяхъ отъ Польши шла уже въ 1763 г., мы не можемъ уже полагаться на выводы Смита, которому этотъ планъ былъ совершенно неизвѣстенъ [2]). Совершенно подобнымъ же образомъ неблагопріятно повліяло незнакомство съ русскими документами и на изложеніе Курда-фонъ-Шлецера: онъ совершенно вѣрно

---

[1]) «Nous remarquerons à ce sujet, que l'Imperatrice était encore trop occupée à l'interieur à l'affermir son trône chancelant et n'avait alors (1763) *aucun projec d'une grande porteé à l'egard de la Pologne*, (курсивъ автора)».— Frédéric le Grand, 18, supplément.

[2]) Какъ книга Смита представляетъ яркій примѣръ безплодности всѣхъ усилій изслѣдователя приблизиться къ истинѣ, если онъ не обладаетъ точнымъ знаніемъ фактовъ, о которыхъ ему приходится говорить, такъ яркій примѣръ безплодности и критики безъ такого же точнаго знанія фактовъ представляетъ разборъ книги Смита въ сочиненіи Н. И. Карѣева: «Паденіе Польши въ исторической литературѣ», 133—139. Н. И. Карѣевъ ограничился въ своей критикѣ лишь тѣми же самыми фактами, которые были въ распоряженіи авторовъ тѣхъ книгъ, о которыхъ онъ говорилъ, не привнесъ въ своемъ сочиненіи никакихъ новыхъ фактическихъ свѣдѣній и потому иногда признавалъ за вѣрные не тѣ выводы, которые ближе къ истинѣ, а тѣ, которые съ большимъ тщаніемъ обоснованы; такъ онъ (136) цѣликомъ принялъ выводъ Смита, что Россія согласилась на раздѣлъ неохотно и только подъ угрозою европейской коалиціи, и даже заявилъ, что «въ настоящее время этотъ взглядъ можно считать наиболѣе утвердившимся въ исторической литературѣ». Между тѣмъ очень важные и цѣнные документы, обнародованные послѣ книги Смита, если, допустимъ, не убѣдили бы Н. И. Карѣева вполнѣ въ ошибочности принятаго имъ вывода, то несомнѣнно должны были бы убѣ[illegible] выводы Смита по крайней мѣрѣ нуждаются въ п[illegible] собственно же говоря, мы увѣрены, чт[illegible]

отмѣтилъ нѣкоторые очень важные моменты въ переговорахъ Сольмса и Панина, но не могъ доказать, что они дѣйствительно имѣли то значенія, о какомъ онъ догадывался, именно благодаря тому, что ему неизвѣстны были нѣкоторые русскія документы, которые съ несомнѣнностью подтверждаютъ его догадку [1]).

Смитъ еще очень внимательно, все таки, отнесся къ разслѣдованію своего вопроса; во многихъ случаяхъ онъ доказалъ, что очень многія свидѣтельства разныхъ современниковъ, принимавшіяся прежде за истину, совершенно не заслуживаютъ довѣрія: обнародованные впослѣдствіи документы неоднократно вполнѣ подтвердили частныя догадки и соображенія Смита; другіе ученые, не рѣдко серьезные, ограничивались иногда просто пересказомъ повѣствованій такихъ писателей, какъ Ферранъ или Рюльеръ, ни мало не задаваясь вопросомъ: откуда могли они знать точно интимнѣйшіе переговоры въ Петербургѣ, и не смущаясь иногда очень явными ихъ противорѣчіями другъ другу [2]).

---

[1]) *Курдъ-фонъ-Шлецеръ*, Friedrich der Grosse und Katharina, II, 160, отмѣтилъ именно донесеніе Сольмса отъ 19 (30) декабря 1763 г., о словахъ Панина, что королю прусскому не придется раскаиваться, если онъ окажетъ самую сильную поддержку Россіи и т. д., донесеніе, въ которомъ и Фридрихъ увидѣлъ намеки на возможность пріобрѣтеній отъ Польши и о которомъ мы еще будемъ говорить—*Сборникъ*, т. XXII, 188—189 и 194—195. Противъ такого толкованія конечно, возражаетъ, очень рѣшительно, но не основательно, Смитъ,—supplément, 18. Приведемъ еще одинъ любопытный образчикъ того, къ какимъ свидѣтельствамъ приходилось (или, лучше сказать, находили возможнымъ) обращаться прежде при изложеніи дѣйствій Россіи—Смитъ говоритъ, supplément, 20: «ce que prouve combien peu alors la Russie pensait à un partage, c'est une dépêche de Béranger a Praslin (!?), datéé de Pétersbourg, 20 novembre 1763 où il dit: il n'est plus question aujourdhui de démembrement»—письмо третьестепеннаго, если не ниже, иностраннаго дипломатическаго представителя почитается за основаніе для сужденія о планахъ и цѣляхъ русскаго правительства! Курдъ-фонъ-Шлецеръ тоже долженъ былъ считаться съ такими же документами, но онъ хоть ихъ опровергалъ, 159—160.

[1]) См. напр. *Herrmann*, Geschichte des russischen Staates V, 509—510—513, прямо Герману слѣдовалъ Костомаровъ, Послѣдніе годы Речи Посполитой, I, 142—145—во всемъ, что касалось пребыванія и переговоровъ пр. Генриха въ Петербургѣ.—Проф. Ѳ. Ѳ. Мартенсъ въ своемъ трудѣ «Современное международное право цивилизованныхъ народовъ», I, 109—111, во всѣхъ его трехъ изданіяхъ, дословно одинаково, безъ малѣйшихъ измѣненій излагаетъ первый раздѣлъ Польши. Н. И. Карѣевъ въ своемъ, уже упомянутомъ нами, обзорѣ

Но удовлетворительному разслѣдованію вопроса о раздѣлѣ Польши препятствовало не только недостаточное знакомство съ источниками; этому были еще и другія причины. Едва-ли мы ошибемся, если скажемъ, что до самаго послѣдняго времени въ западно-европейской, особенно нѣмецкой, ученой литературѣ господствовало такое отношеніе ко всему, касающемуся Россіи и русской исторіи, которое неизбѣжно должно было привести къ результатамъ, менѣе удачнымъ, чѣмъ можно было-бы ожидать, изслѣдованія историковъ даже очень замѣчательныхъ по своимъ дарованіямъ, разъ только эти изслѣдованія касались не такихъ фактовъ, которые представляютъ чисто и исключительно научный интересъ. Мы видѣли уже поразительные примѣры изъ книги Смита и Сенъ-При какіе источники признавались достаточными, разъ дѣло касалось Россіи! Возможно-ли себѣ представить, чтобы донесеніемъ третьестепен-

---

ограничивается замѣчаніемъ, что проф. Мартенсъ «даетъ краткую исторію польскихъ раздѣловъ» (170). Между тѣмъ, двѣ странички проф. Мартенса, заключающія эту «краткую исторію» заслуживаютъ несравненно большаго вниманія, потому что онѣ испещрены совершенно непостижимыми ошибками и неточностями. Проф. Мартенсъ говоритъ, что по завоеваніи въ 1770 г. Молдавіи и Валахіи Екатерина просила о посредничествѣ вѣнскій дворъ, который, однако въ немъ отказалъ—это совершенно невѣрно: какъ мы увидимъ *вѣнскій дворъ предложилъ свое посредничество*, но оно было отклонено. Затѣмъ, проф. Мартенсъ находитъ, что когда Австрія, въ іюлѣ 1770 г. подписала союзъ съ Турціей, война между Россіею и Австріей стала почти неизбѣжна, но что Фридрихъ, который, какъ союзникъ Россіи, долженъ былъ-бы принять участіе въ этой войнѣ, чего ему вовсе не хотѣлось, «началъ изыскивать средства предупредить разрывъ Россіи и Австріи и остановился на комбинаціи, которая удовлетворяла интересы и его и противниковъ»—тутъ все неточно: во-первыхъ, переговоры объ этомъ удовлетвореніи шли гораздо раньше, чѣмъ Австрія заключила свой союзъ съ Турціей, а не начались лишь послѣ него, во-вторыхъ нельзя, конечно, доказать, чтобы могъ повести къ новой войнѣ такой союзъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ котораго кн. Кауницъ же предлагалъ Россіи подѣлить кое-какія владѣнія той-же самой Турціи—(*Сборникъ*, I, 154, донесеніе Голицына изъ Вѣны отъ 28 (29) января 1772 г.)—очевидно союзъ этотъ былъ не особенно искрененъ, а русскіе политики, какъ мы видѣли не разъ выше, слишкомъ хорошо понимали тогда политиковъ австрійскихъ, чтобы быть такъ обманутыми съ ихъ стороны; наконецъ и Фридрихъ, какъ мы тоже указали выше, вовсе не придавалъ серьезнаго значенія вооруженіямъ и угрозамъ Австріи. Далѣе, проф. Мартенсъ говоритъ: «Еще въ 1769 г. Фридрихъ сообщилъ гр. Панину *черезъ своего посла графа Линара* проектъ»—это явная фактич[еская] ошибка: *не черезъ Линара* былъ сообщенъ проектъ, а *Линару былъ пр*

наго французскаго дипломатическаго агента воспользовался какой-нибудь нѣмецкій ученый для того, чтобы **утверждать** нѣчто напр., о **намѣреніяхъ** Фридриха, — сравнительно еще недавно это представлялось вполнѣ возможнымъ по отношеніи къ исторіи Россіи. Еще до послѣднихъ лѣтъ серьезные иностранные ученые положительно словно нарочно закрываютъ глаза на самыя очевидныя доказательства несправедливости нѣкоторыхъ обвиненій противъ Россіи и продолжаютъ ихъ повторять. Такъ, мы видѣли, Германъ говоритъ объ участіи русскаго правительства въ возбужденіи гайдамацкаго возстанія, хотя самъ король польскій свидѣтельствовалъ тогда-же, — и не предъ русскими — что обвиненія противъ Россіи въ данномъ случаѣ неосновательны; значительно послѣ того, какъ появились труды Соловьева, частью переведенные и на нѣмецкій языкъ, эти обвиненія повторяются, а возраженія противъ нихъ замалчиваются [1]). Наконецъ,

---

проектъ, сообщенный черезъ Сольмса; затѣмъ опять: «прусскій король направилъ въ Петербургъ въ 1771 г. своего брата пр. Генриха, который въ личныхъ переговорахъ съ императрицею доказывалъ великую пользу предлагаемаго плана»,—а выше была именно рѣчь о разсчетахъ Фридриха пріобрѣсти кое-что отъ Польши,—такое изложеніе есть повтореніе устарѣлыхъ и совершенно невѣрныхъ разсказовъ разныхъ недостовѣрныхъ свидѣтелей; ко времени написанія проф. Мартенсомъ своей книги давно были извѣстны подлинныя сообщенія пр. Генриха о его переговорахъ въ Петербургѣ — изданныя въ т. XXXVII *Сборника* и въ *Oeuvres de Frédéric le Grand*, XXVI, — тамъ эти переговоры рисуются совершенно иначе: переписка Фридриха и Генриха, какъ напечатанная еще въ 1847 г., такъ и сообщенная въ извлеченіяхъ Дункеромъ, не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что Фридрихъ и не касался въ письмахъ къ Генриху передъ поѣздкою его въ Петербургъ польскаго вопроса—тѣмъ болѣе раздѣла. Наконецъ, свое изложеніе польскаго раздѣла проф. Мартенсъ заканчиваетъ словами, что послѣ соглашенія Россіи съ Австріей былъ заключенъ миръ Россіи съ Турціей на предложенныхъ Россіею условіяхъ; но такъ какъ выше указаны были лишь два условія, а именно независимость татаръ и Молдавіи и Валахіи, то читатель долженъ вынести совершенно ложное представленіе, будто-бы по Кучукъ-Кайнарджійскому миру были освобождены отъ турокъ Молдавія и Валахія. — Совершенно недоумѣваемъ, какимъ образомъ допущены такія очевидныя неточности и ошибки, но еще болѣе изумляемся, что онѣ остались незамѣченными критикою.

[1]) Станиславъ Понятовскій въ письмѣ къ m-me Жоффрэнь—Соловьевъ, [illegible] VI, 533. О Германѣ см. выше; такія-же обвиненія, еще болѣе страст[illegible] повторены Янсеномъ—см. *Карѣевъ*, 140—141.

нельзя не замѣтить, что очень часто иностранные ученые совершенно различно оцѣниваютъ совершенно однородные факты, смотря по тому, кѣмъ они совершены.

Мы говоримъ не о томъ, что историкъ какой-нибудь національности съ бо̀льшимъ удовольствіемъ останавливается на такихъ случаяхъ, въ которыхъ его родина, его страна имѣла успѣхъ въ борьбѣ съ тѣмъ или другимъ противникомъ; чувство удовольствія, даже чувство гордости за своихъ предковъ въ такомъ случаѣ совершенно понятно и неестественно было-бы, еслибы изслѣдователь его не испытывалъ; какъ каждый радуется успѣху своему и успѣху своихъ близкихъ болѣе, чѣмъ успѣху постороннихъ и чужихъ, такъ естественно радоваться и успѣху своей родины въ какой-либо борьбѣ. Но въ изслѣдованіяхъ иностранныхъ ученыхъ замѣчаютъ не то: мы видимъ у нихъ совершенно различную оцѣнку факта, въ зависимости отъ этого, кѣмъ фактъ этотъ совершенъ. Не то, что они радуются успѣху своему или даже неуспѣху Россіи — мы спокойно смотрѣли-бы на это; но совершенно одинаковые поступки выставляются вполнѣ простительными, естественными—если они совершены нѣмцами; если-же они совершены русскими — они оцѣниваются какъ ужасные, несправедливые, непозволительные... Смитъ всѣ силы напрягаетъ на то, чтобы очистить Россію отъ тяжкаго обвиненія, что она вызвала раздѣлъ Польши, и обвиненіе это онъ переноситъ на Фридриха — но только Фридриха онъ вовсе за подобное, ему имъ приписываемое дѣло, не пятнаетъ и не порицаетъ, напротивъ, на каждомъ шагу восхищается его геніемъ и говоритъ о немъ постоянно съ величайшимъ уваженіемъ. Историкъ въ высшей степени почтенный, спокойный, Раумеръ, возвышается, повидимому, въ своемъ безпристрастіи до того, что признаетъ вину за участіе въ раздѣлѣ Польши всѣхъ трехъ участниковъ Россіи, Пруссіи и Австріи равною, и объявляетъ, что кто изъ нихъ первый произнесъ слово «раздѣлъ»—не болѣе важно, чѣмъ то, на чьей сторонѣ при началѣ войны выстрѣлило первое ружье—но даже на такомъ безпристрастіи Раумеръ не удерживается и въ другомъ своемъ сочиненіи оправдываетъ дальнѣйшую роль Фридриха въ этомъ дѣлѣ.

тѣмъ, что онъ платилъ Россіи субсидіи во время турецкой войны и за нихъ имѣлъ право себя вознаградить... [1])—такимъ образомъ, нѣмецкое государство, выплативъ приблизительно два милліона въ теченіи пяти лѣтъ, получаетъ, по взгляду Раумера, бо̀льшія права отыскивать себѣ удовлетвореніе и вознагражденіе, чѣмъ Россія, которая вынесла изъ за этихъ именно отношеній пятилѣтнюю войну, не говоря уже о всѣхъ предшествовавшихъ русско-польскихъ отношеніяхъ [2]). Намъ кажется можно безъ

[1]) *Raumer*, Polens Untergang, 51, пр. I; его же, Beiträge, IV, 544—545.

[2]) Приведемъ еще нѣсколько очень характерныхъ замѣчаній такого почтеннаго и высокоталантливаго ученаго, какъ Зибель; они не относятся къ вопросу о раздѣлѣ Польши и даже къ изученію внѣшней политики Екатерины, но очень ярко отражаютъ именно такой взглядъ на Россію, о какомъ мы говоримъ.—Въ числѣ сочиненій Зибеля есть этюдъ «Katharina II von Russland». Въ общихъ замѣчаніяхъ о дѣятельности Екатерины на тронѣ, въ вѣрномъ пониманіи событія 6 *іюля*, Зибель вполнѣ обнаружилъ свой блестящій историческій талантъ; но и у него нельзя не замѣтить отраженія мысли, что русскій народъ — это какой то неполноправный народъ, что по отношенію къ нему возможно и допустимо многое, непозволительное относительно всякаго другаго народа. Потемкина, напр., Зибель спокойно рисуетъ по политическому памфлету «Пансальвинъ, князь тьмы» настоящимъ псевдоклассическимъ злодѣемъ, который, овладѣвъ волею монархини, только на зло эту волю и направляетъ, который и стремился этою волею овладѣть именно для того, чтобы направлять ее на зло—и вотъ какъ говоритъ Зибель о Петрѣ Ѳеодоровичѣ, всѣ недостатки котораго онъ объясняетъ между прочимъ единственно какъ результаты дурнаго воспитанія (полученнаго въ Россіи): «er zeigte sich in der neuen hohen Stellung wie es seine Vergangenheit erwarten liesz. Ursprüngliche Herzensgüte, lang angesammelten Aerger, tiefe Unbildung, überhastiger Eifer bezeichneten jeden seinen Schritte... Alles müsste besser werden in Russland, rief er, und Alles auf der Stelle, Alles mit einander. Den hallen Tag war er auf dem Exercierplatz (!) bei seinen Recruten, die halbe Nacht bei den Feuerspritzen, deren Reform er als die wichsigste Staatsfrage behandelte (!!) Was es vor Allem nicht leiden mochte, war die russische Geistlichkeit (!!?)... Was es vor allem verehrte, war Preussen und dessen König»... *Sybel*, Kleine historische Schriften, 147 — 177, особ. 157, 161, 165, 168 — одинъ изъ лучшихъ нѣмецкихъ ученыхъ спокойно говоритъ обо всемъ этомъ, такое поведеніе ему непонятно, но не возмущаетъ его; у него, очевидно, и мысли нѣтъ, что русскій правитель долженъ уважать и почитать русскій народъ; почтеніе къ нѣмцамъ вполнѣ примиряетъ Зибеля къ какимъ угодно отношеніемъ къ славѣ, чести и вѣрованіямъ русскаго народа! Въ этомъ отношеніи императрица Екатерина стояла поразительно высоко надъ всѣми иностранцами; она имѣла достаточно умственной силы, чтобъ понять русскій народъ и чтобъ понять, что такого народа нельзя не уважать глубоко и не любить искренно, хотя бы и быть ему чужимъ по крови... Въ этомъ отношеніи Екатерина дѣйствительно Великая.

преувеличеній сказать, что многіе иностранные ученые, особенно писавшіе лѣтъ 20 — 30 тому назадъ, говоря о Россіи никакъ не могли стать на единственно правильную и обязательную точку зрѣнія—не умѣли или не хотѣли признать, что русскій народъ и русское государство вполнѣ равноправны со всякимъ другимъ, что русскій народъ и русское государство никоимъ образомъ не обязаны ни къ какимъ уступкамъ, ни къ какимъ стѣсненіямъ, которыя не считаются обязательными для всѣхъ другихъ націй и государствъ. И конечно нельзя ожидать, чтобы правильно были изображаемы событія, если авторъ изслѣдованія своимъ отношеніемъ къ разнымъ ихъ участникамъ напоминаетъ тѣ семейства, гдѣ есть любимыя и не любимыя дѣти, гдѣ однимъ вполнѣ позволяется то, что другимъ не позволено, и однихъ порицаютъ и бранятъ за то, что другимъ доставляетъ лишь ласки и похвалы. Только за самое послѣднее время, и преимущественно въ французской ученой литературѣ, начинаемъ мы встрѣчать другое, болѣе серьезное и научное отношеніе къ русской исторіи и къ ея изученію и критикѣ; и лишь тогда, когда всѣ пишущіе о Россіи или объ общихъ у нея съ другими государствами дѣлахъ будутъ мѣрять и цѣнить всѣ и всякіе поступки тѣхъ и другихъ однѣми мѣрами—лишь тогда западно-европейскіе ученые будутъ въ состояніи правильно разрабатывать и оцѣнивать такія событія, какъ польскіе раздѣлы. Всѣ прежніе труды, посвященные имъ, не представляются намъ достаточными въ силу частью неполнаго знакомства съ источниками, частью указанныхъ сейчасъ особенностей ихъ; ни одному изъ существующихъ уже трудовъ мы не можемъ слѣдовать въ изложеніи нашего вопроса цѣликомъ, и считаемъ себя обязанными пересмотрѣть вопросъ о раздѣлѣ вновь по источникамъ, при чемъ, однако,—оговариваемся еще разъ—мы ставимъ своею задачею выяснить не причины паденія Польши и не причины, по какимъ въ средѣ европейскихъ государствъ сталъ возможенъ раздѣлъ одного изъ нихъ, — а обстоятельства этого событія и особенное вниманіе посвятимъ опредѣленію степени и характера участія, какое приняла въ этомъ дѣлѣ Россія.

II.

Чтобы вѣрно представить себѣ обстоятельства, которыя привели къ польскому раздѣлу, необходимо вернуться нѣсколько назадъ и повторить нѣчто изъ сказаннаго ранѣе.—Припомнимъ, что 6 октября 1763 г., въ засѣданіи главныхъ дѣятелей петербургскаго министерства, созванномъ черезъ нѣсколько часовъ по полученіи въ Петербургѣ извѣстія о кончинѣ Августа III польскаго, былъ читанъ проектъ нѣкоторыхъ пріобрѣтеній отъ Польши, желательныхъ и выгодныхъ для Россіи; проектъ этотъ былъ уже ранѣе предоставленъ гр. Чернышевымъ императрицѣ и хранился у нея въ запечатанномъ пакетѣ, съ собственноручною надписью императрицы: «кромѣ меня никому не распечатывать» [1]). Графъ Чернышевъ указывалъ, какъ мы видѣли, что во время замѣшательствъ, которыя всегда происходятъ въ Польшѣ при избраніи новаго короля, Россія легко можетъ завладѣть довольно значительными пограничными областями и что пріобрѣтеніе это можетъ быть очень облегчено и обезпечено, если немедленно же по смерти короля объявить о русскихъ правахъ на эти области и сдѣлать заблаговременно соотвѣтственныя военныя распоряженія. Въ протоколѣ конференціи по поводу этого плана сказано, что «пользы отъ него по многимъ причинамъ скорѣе ожидать, чѣмъ дѣйствительно надѣяться можно», но, вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшено было «не выпускать его изъ виду» и первыя движенія войскъ сдѣлать сообразно съ изложенными въ планѣ соображеніями [2]). Припомнимъ также, что «терминомъ нашихъ дѣлъ съ Польшею» въ Петербургѣ полагали кончину короля [3]); наконецъ, какъ мы тоже видѣли уже, въ секретнѣйшей инструкціи, составленной Панинымъ, который именно во время работы надъ нею назначенъ былъ первенствующимъ членомъ въ Коллегію иностранныхъ дѣлъ, было открыто посламъ, единственно для

[1]) Полностью надпись содержала въ себѣ слѣдующее: «Секретный планъ поднесенный мнѣ отъ гр. Чернышева. С. С. К. П. (т. е. случай смерти короля польскаго). Окромѣ меня никому не распечатывать».

[2]) См. выше, стр. 223; *Сборникъ*, т. LI, 9—11.

[3]) См. выше, стр. 217.

[4]) См. выше, стр. 231; *Сборникъ*, т. LI, 100.

свѣдѣнія ихъ самихъ, что если Россіи придется въ устройствѣ предпринимаемыхъ ею въ Польшѣ дѣлъ добиваться желаемаго вооруженною рукою, то оружіе не будетъ оставлено ранѣе, чѣмъ Россія не вознаградитъ себя нѣсколькими территоріальными пріобрѣтеніями отъ Польши—такимъ образомъ, несомнѣнно, что уже въ то время, въ самомъ началѣ новаго царствованія, въ средѣ руководящихъ русскихъ дѣятелей были мысли о нѣкоторыхъ пріобрѣтеніяхъ [1]).

Планъ Чернышева обсуждался 6 октября 1763 г., инструкція Кейзерлингу и Репнину отправлена 11 ноября, а въ декабрѣ того же года Панинъ, разговаривая съ прусскимъ посломъ графомъ Сольмсомъ о заключеніи союза съ Пруссіею въ виду именно польскихъ дѣлъ, сказалъ слѣдующія знаменательныя слова: «королю прусскому не придется сожалѣть о вступленіи въ обязательства съ русскимъ дворомъ, потому что, если, сверхъ ожиданія, дѣла дойдутъ до послѣдней крайности, то онъ ручается, что король прусскій, равно какъ и Россія, будутъ вознаграждены за свой трудъ и что даромъ хлопотать не придется». «Это дѣло, замѣтилъ онъ графу Сольмсу, я впередъ устроилъ, но не могу объяснить его прежде, чѣмъ обстоятельства болѣе выяснятся» [2]). Передавая своему государю этотъ разговоръ, Сольмсъ, повидимому, со-

---

[1]) Мы именно говоримъ о «нѣкоторыхъ пріобрѣтеніяхъ»; мы увѣрены, что о полномъ подчиненіи Польши, которая въ то время по своему населенію очень немного уступала Россіи, никто тогда не думалъ; Панинъ ужъ во всякомъ случаѣ не былъ склоненъ къ такимъ увлеченіямъ и иллюзіямъ. Онъ говорилъ, какъ мы видѣли, что Россія теряетъ треть своей силы, если Польша въ зависимости не отъ нея; но онъ ясно говорилъ и о томъ, какую зависимость онъ себѣ представляетъ — и говорилъ лишь о возможности сильною партіею добиваться желательныхъ для Россіи рѣшеній и никогда не обнаруживалъ онъ мысли о полномъ подчиненіи всей Польши Россіи, такомъ подчиненіи, которое бы прямо усиливало Россію, а не дѣлало бы для нея возможнымъ лишь съ меньшими затратами, съ затратами на содержаніе партіи, а не арміи, добиваться желаемаго. Мы увѣрены, что гр. Панинъ поступилъ бы совершенно также какъ Августъ II польскій, который охотно соглашался уступить часть Польши, гдѣ онъ правилъ, какъ избирательный король, сосѣдямъ, съ тѣмъ, чтобы остальнымъ править какъ наслѣдственный владѣлецъ: если бы Панину прямо предложили на выборъ: не вполнѣ вѣрное, но весьма вѣроятное господство дипломатическимъ путемъ и съ большими денежными затратами надъ цѣлымъ, или треть въ постоянное и полное владѣніе—онъ, не сомнѣваемся, избралъ бы послѣднее.

[2]) *Сборникъ*, т. XXII, 188—189, депеша 19 (30) декабря 1763 г.

вершенно не понялъ намека Панина; но для насъ, когда мы знаемъ о засѣданіи 6 октября и о секретнѣйшемъ сообщеніи Кейзерлингу и Репнину, не можетъ, кажется, быть сомнѣнія, что слова эти стоятъ въ ближайшей связи съ приведенными выше разговорами въ петербургскомъ правительствѣ о возможности и желательности пріобрѣтеній отъ Польши. Фридрихъ намекъ понялъ и вотъ что отвѣтилъ онъ Сольмсу: «скажу вамъ откровенно, что конецъ депеши вашей (именно тѣ самыя слова, которыя мы выше привели) заставляетъ меня придти относительно видовъ петербургскаго кабинета къ заключеніямъ, которыя бы я не желалъ видѣть осуществившимися на дѣлѣ. Намекъ, сдѣланный вамъ графомъ Панинымъ въ темныхъ выраженіяхъ, мнѣ кажется такъ ясно обнаруживаетъ мысль о раздѣлѣ Польши въ случаѣ войны въ ней, что я не могу не подозрѣвать въ этомъ министрѣ плановъ первостепенной важности, могущихъ, въ случаѣ осуществленія, вновь повергнуть Европу въ тѣ бѣдствія, отъ которыхъ она едва избавилась»; далѣе Фридрихъ развиваетъ мысль, что необходимо устранять все, что могло бы вызвать вооруженныя столкновенія въ Польшѣ, такъ какъ вѣнскій дворъ, едва Пруссія приметъ какое нибудь активное участіе въ польскихъ замѣшательствахъ, немедленно нападетъ на нее и завяжется общеевропейская война [1]). Въ депешѣ отъ 20 (31) января 1764 г. Сольмсъ сообщаетъ, что Панинъ снова сказалъ ему, что «если сверхъ всякаго ожиданія вѣнскій дворъ вздумаетъ отважиться на войну, то на этотъ случай графъ Панинъ, повидимому, на-

---

[1]) *Сборникъ*, т. XXII, 194—197, депеша короля отъ 9 (20) января 1764 г. Эти именно депеши и привлекли особое вниманіе Курда-фонъ Шлецера,— Friedrich der Grosse und Katharina II, 159—162, онъ ихъ приводитъ, какъ первый намекъ на раздѣлъ Польши; но позднѣйшіе—какъ увидимъ ниже, умышленно—очень сдержанные отвѣты Панина заставили его представлять себѣ совершенно инымъ отношеніе Панина къ мысли о раздѣлѣ, когда онъ сталъ близокъ къ осуществленію; Курдъ-фонъ-Шлецеръ представлялъ себѣ мнѣнія Панина такими неустойчивыми безъ сомнѣнія потому, что не зналъ предшествовавшихъ и послѣдующихъ интимнѣйшихъ разсужденій Петербургскаго кабинета. Смитъ толкуетъ эти слова Панина какъ приглашеніе къ поддержкѣ кандидатуры Понятовскаго—очевидно, что толкованіе это крайне натянуто и бездоказательно; къ тому же о Понятовскомъ Екатерина и Фридрихъ уже ранѣе сговорились окончательно.

мѣренъ возмѣстить военныя издержки съ кого то, но онъ» [1])— далѣе въ подлинникѣ, къ сожалѣнію, небольшой пропускъ; но по всей вѣроятности тутъ повторено было сказанное Панинымъ Сольмсу въ первый разъ, т. е. заявленіе, что онъ не можетъ сказать пока, съ кого именно. Графъ Сольмсъ все еще не додумался до значенія намековъ, какіе дѣлалъ ему Панинъ: въ этой же депешѣ онъ утверждаетъ, что графъ Панинъ сознаетъ, что расширеніе своихъ предѣловъ для Россіи не только безполезно, но даже опасно—мы видѣли, однако, что Панинъ именно это предполагалъ и потому едва ли не нужно объяснять намековъ Панина тѣмъ, что онъ желалъ навести своего собесѣдника на мысль о нѣкоторыхъ пріобрѣтеніяхъ, которые бы его король могъ предложить Россіи—тѣмъ болѣе, что они для Россіи не очень удобны! Наконецъ, еще черезъ два съ половиною года въ Петербургѣ опять были сдѣланы такія заявленія, въ которыхъ трудно не видѣть осторожныхъ намековъ на тѣ же, ранѣе затронутые, вопросы: по донесеніямъ Сольмса графъ Панинъ убѣждалъ его, что нѣтъ большой опасности для короля прусскаго двинуть свои войска въ Польшу; «онъ часто говоритъ мнѣ это, продолжаетъ Сольмсъ, причемъ указываетъ на выгоды, которыя ваше величество могли бы прежде всего доставить себѣ, вознаградивъ себя въ самой странѣ за незначительныя издержки, сопряженныя съ передвиженіемъ войскъ, а затѣмъ, пріучивъ поляковъ исполнять на будущее время съ большею готовностью то, чего отъ нихъ требуютъ» [2]).

Переписка эта велась параллельно съ различными мѣропріятіями для устройства дѣлъ нашихъ въ Польшѣ. Выше мы уже говорили, какъ нервно, съ какою тревогою относился Фридрихъ ко всему, что тамъ происходило, какъ безпокоила его твердость въ преслѣдованіи поставленныхъ цѣлей, проявляемая русскимъ правительствомъ, упоминали его переписку, въ кото-

---

[1]) *Сборникъ*, т. XXII, 200—201. Это упоминаніе во второмъ разговорѣ о «военномъ вознагражденіи» неоспоримо доказываетъ, что Смитъ невѣрно понималъ первую депешу, видя тамъ лишь приглашеніе поддержать кандидатуру Понятовскаго.

[2]) *Сборникъ*, т. XXII, 500, депеша отъ 6 (17) октября 1760 г.

рой такъ ясно отражаются быстрыя перемѣны настроенія, смѣна опасеній — удастся-ли ему сохранить миръ для своего истощеннаго государства надеждами на счастливый исходъ дѣлъ; если-бы мы захотѣли приводить всѣ доказательства его тревоги или даже если-бы мы захотѣли слѣдить за всѣми перипетіями его душевнаго настроенія, то намъ пришлось-бы чуть не цѣликомъ выписывать его переписку, такъ часто эти перемѣны происходили [1]). Въ числѣ множества другихъ депешъ подобнаго содержанія Фридрихъ писалъ 26 января н. ст. 1767 г., что онъ имѣетъ очень тревожныя свѣдѣнія о намѣреніяхъ не

---

[1]) Позволимъ себѣ привести здѣсь изъ переписки прусскаго короля нѣсколько выписокъ, отчасти для пополненія приведенныхъ уже выше, отчасти для того, чтобы напомнить снова читателю истинный характеръ участія его въ польскихъ дѣлахъ Россіи. Когда въ 1766 г. Репнинъ сорвалъ сеймъ, Фридрихъ писалъ Сольмсу, что русскій посолъ поступаетъ «уже слишкомъ деспотично и строго»; ему казалось, что подобныя мѣры «не замедлятъ произвести возстаніе въ республикѣ и пожалуй даже приведутъ къ такимъ послѣдствіямъ, какихъ, быть можетъ, и не воображаютъ въ Петербургѣ»; «мнѣ прискорбно видѣть, писалъ онъ послѣ, что русскій дворъ остается при прежнемъ мнѣніи и я боюсь, чтобы въ случаѣ его упорства предусматриваемыя мною печальныя послѣдствія не заставили его раскаяться»; онъ самъ «не желаетъ непосредственно вступать въ эти дѣла, опасность и трудность которыхъ онъ заранѣе неоднократно указывалъ»—см. *Сборникъ*, т. XXII, 345, 462, 464, 473, 477, 483, 498, 501, 560, 574. Въ январѣ 1767 г. онъ бьетъ отчаянную тревогу, ему кажется, что Австрія вооружается очень серьезно, и онъ боится, что она сдѣлаетъ какую-нибудь демонстрацію, Россія не сразу уступитъ, тогда со стороны Австріи за первымъ шагомъ послѣдуетъ второй и дѣло, пожалуй, дойдетъ до столкновенія; Панинъ отвѣчалъ на всѣ тревожныя представленія Фридриха черезъ Сольмса очень спокойно. Въ февралѣ 1767 г., когда Панинъ предпринималъ въ Польшѣ послѣднія мѣры, которыя и привели его къ желаемому результату, Фридрихъ пишетъ Сольмсу: «всякое государство, монархическое или республиканское, имѣетъ право уничтожать и создавать у себя законы. Польша воспользовалась этимъ правомъ. Она издала законъ, что диссиденты не должны занимать государственныхъ должностей и лишила ихъ этого права. Поэтому, вопросъ въ слѣдующемъ: какъ императрица Россіи можетъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла Польши? Въ виду какой власти? На эти вопросы вамъ могутъ дать отвѣты лишь очень неудовлетворительные» и т. д...— *Сборникъ*, т. XXXVII, 29—30. Мы видимъ, такимъ образомъ, сильнѣйшее безпокойство Фридриха по поводу польскихъ дѣлъ; о руководительствѣ его въ нихъ не можетъ быть и рѣчи. Очень возможно, что мысли, какія передумалъ Фридрихъ въ это время, подготовили въ его умѣ тѣ рѣшенія, какія онъ принялъ впослѣдствіи и какія старался осуществить; но не надо забывать, что именно изъ Петербурга создавали тотъ ходъ дѣлъ, который такъ повліялъ на Фридриха; а какіе тамъ были планы и намѣренія относительно Польши—мы уже видѣли и увидимъ еще.

только Австріи, но и другихъ католическихъ державъ относительно польскихъ дѣлъ, что Австрія производитъ очень значительныя вооруженія; онъ сообщалъ свои мысли на счетъ того, сколько и куда надо заблаговременно направить войска и въ заключеніе писалъ: «Такъ какъ по всей вѣроятности дѣло это кончится открытымъ разрывомъ, то я ожидаю, что русскій дворъ заключитъ со мною договоръ, по которому обяжется вознаградить меня за потери, которыя я понесу оттого, что приму участіе въ усмиреніи смутъ, возникшихъ изъ-за диссидентскаго дѣла. Повторяю еще разъ, что по моему мнѣнію дѣла эти очень серьезны и такъ какъ русскіе непремѣнно хотятъ приложить къ дѣлу военную силу, то безъ открытаго разрыва не обойдется. Передайте все вышесказанное гр. Панину секретно и также секретно донесите мнѣ, какое впечатлѣніе на него это произведетъ». Мы видимъ тутъ, что Фридрихъ говоритъ о «вознагражденіи за потери»—въ объясненіе того, что̀ имѣлъ онъ въ виду, напомнимъ категорическое заявленіе Реймана, что въ духовномъ завѣщаніи, писанномъ еще на полтора года позже чѣмъ эта депеша—нѣтъ ни слова о пріобрѣтеніяхъ отъ Польши и союзъ съ Россіею разсматривается, какъ выгодный и необходимый для того, чтобы обезпечить Пруссіи Анспахъ и Байрейтъ; другой изслѣдователь тоже утверждаетъ, что до самаго начала 1769 г. въ перепискѣ Фридриха съ его представителемъ въ Петербургѣ нѣтъ рѣшительно никакихъ указаній на то, чтобы уже тогда у прусскаго короля были какіе-нибудь планы сдѣлать пріобрѣтенія отъ Польши [1]).

Не знаемъ, какъ говорилъ Сольмсъ съ Панинымъ, по поводу этой депеши, насколько секретно; но отвѣтъ данъ былъ ему не секретный. Сольмсу было сказано: «императрица убѣждена, что король, какъ вслѣдствіе договора, заключеннаго имъ съ императрицей, такъ и вслѣдствіе смысла самаго союза, основаннаго на цѣлости обоихъ государствъ, не спроситъ ничего, что могло-бы нанести ущербъ Россіи, а также не потребуетъ, чтобы вознагражденіе было уплачено Россіей. Императрица охотно соглашается, чтобы король отыскалъ себѣ вознагражденіе повсюду,

---

[1]) *Сборникъ*, т. XXXVII, 21; см. выше *Kurd von Schlözer*, 159—160.

гдѣ представится возможность взять (de lui faire trouver partout où il pourra être pris) на счетъ державы, которая своими поступками возбудитъ войну [1]) и тѣмъ заставитъ взять предосторожности. Когда подобная война возгорится, императрица со своей стороны ставитъ себѣ въ непремѣнную обязанность и даже въ долгъ чести не класть оружія до тѣхъ поръ, пока непріятель не выплатитъ требуемаго королемъ вознагражденія. Она ожидаетъ, когда королю угодно будетъ высказаться по этому предмету совершенно опредѣленно и когда король сообщитъ ей условія, на которыхъ ему угодно будетъ войдти съ нею въ соглашеніе по этому предмету» [2]).

Это были, очевидно, намеки уже чрезвычайно ясные и они произвели, наконецъ, желаемое дѣйствіе на короля: въ скоромъ времени, когда случай показался ему удобнымъ, онъ, какъ увидимъ, и попробовалъ высказаться опредѣленнѣе. Въ тотъ же моментъ, о которомъ мы теперь говоримъ, онъ, еще не дождавшись отвѣта изъ Петербурга отъ Сольмса, послалъ ему новую обширную депешу, отъ 8 (19) февраля, въ которой писалъ между прочимъ: «Что касается вознагражденія за военные убытки, о которомъ я считаю нужнымъ условиться, то я надѣюсь, что оно не встрѣтитъ ни малѣйшаго затрудненія со стороны гр. Панина, такъ какъ было-бы несправедливо, чтобы я принялъ на себя всѣ издержки и рискъ въ такой войнѣ, въ которую я буду вовлеченъ вслѣдствіе союза съ Россіей; кромѣ того, я не прошу ничего болѣе того, что самъ-же этотъ министръ находилъ всегда справедливымъ съ моей стороны требовать, въ случаѣ вмѣшательства моего въ польскія дѣла. Онъ намекалъ на это во время послѣдняго междуцарствія и нѣсколько разъ послѣ того. Вы припомните ваши разговоры съ нимъ, о которыхъ вы доносили мнѣ депешами отъ 30 декабря 1763 г. и 31 января 1764 г. [3]) и

---

[1]) Конечно, не могли-же въ Петербургѣ подразумѣвать Австрію подъ именемъ державы, отъ которой можно будетъ взять вознагражденіе!

[2]) *Сборникъ*, т. XXXVII, 49—50, депеша отъ 1 (12) февраля 1767 г.

[3]) Ссылка Фридриха вѣрна и далѣе депеши повторены очень близко къ подлинному ихъ тексту—значитъ, справлялись съ документами...

въ которыхъ гр. Панинъ, разговаривая съ вами о тогдашнихъ обстоятельствахъ и о послѣдствіяхъ, которыя они могли имѣть въ случаѣ возможности, хотя и отдаленной, сказалъ вамъ, что мнѣ не придется сожалѣть о вступленіи въ обязательства съ его дворомъ, потому что, если сверхъ чаянія, дѣла дойдутъ до послѣдней крайности, то онъ отвѣчаетъ, что я, равно какъ и Россія, будемъ вознаграждены и что даромъ работать не придется. По разговорамъ его съ вами, я съ удовольствіемъ вижу, что этотъ министръ остается при прежнемъ мнѣніи» [1]). Эта депеша очень интересна въ томъ отношеніи, что въ ней король, заговаривая особенно рѣшительно о вознагражденіи, ссылается на то письмо Сольмса, о которомъ мы выше говорили уже, вспоминаетъ намекъ, котораго Сольмсъ въ свое время не понялъ, а Фридрихъ хотя и понялъ, но который тогда онъ считалъ абсолютно неосуществимымъ. Теперь онъ измѣнилъ свое мнѣніе. Припоминая всѣ намеки Панина, имѣя въ виду успѣхи, достигнутые русскими въ Польшѣ и ту слабость, какую проявила республика, Фридрихъ теперь выражаетъ полную готовность содѣйствовать осуществленію тѣхъ плановъ Панина, которые прежде называлъ неисполнимыми.

Король находился въ такомъ состояніи, когда пришелъ къ нему отвѣтъ на предпослѣднее письмо его, нами упомянутое. Въ тотъ же день, когда эта депеша Сольмса была имъ получена, онъ написалъ своему послу: «объясненіе по поводу вознагражденія, какое я необходимо долженъ обезпечить себѣ на случай военныхъ дѣйствій, не оставляетъ желать ничего лучшаго и я съ удовольствіемъ вижу въ этомъ объясненіи какъ чувство справедливости со стороны императрицы Россіи, такъ и дружественное расположеніе ея ко мнѣ. Мнѣ остается прибавить лишь одно слово, которое, впрочемъ, и само собою подразумѣвается—именно, что расходы и заботы по вознагражденію никоимъ образомъ не лягутъ на Россію; этого бы я никогда не допустилъ и потому можете совершенно успокоить съ этой стороны гр. Панина» [2]).

Такимъ образомъ обѣ стороны поняли другъ друга и обѣ

[1]) *Сборникъ*, т. XXXVII, 60—61.
[2]) *Сборникъ*, т. XXXVII, 54, 62.

были довольны; объ удовольствіи Фридриха мы знаемъ изъ его собственныхъ словъ; объ удовольствіи Панина намъ говоритъ Сольмсъ. Онъ пишетъ, что когда онъ сообщилъ гр. Панину послѣднюю упомянутую нами депешу Фридриха, гр. Панинъ казался вообще очень довольнымъ; но самъ Сольмсъ, по собственному своему признанію, замѣтилъ, что Панинъ, повидимому, ожидалъ, что король прусскій прямѣе выскажется по вопросу о вознагражденіи; онъ сдѣлалъ, по словамъ Сольмса, нѣсколько попытокъ выспросить у Сольмса, не извѣстно ли ему чего нибудь болѣе по этому поводу; когда Сольмсъ отвѣтилъ, что ничего болѣе подробнаго не знаетъ и что умѣренность его государя не дозволила ему совершенно это дѣло обдумать, Панинъ прекратилъ разговоръ; черезъ нѣсколько времени онъ только повторилъ Сольмсу, что Россія будетъ очень довольна, если король прусскій «получитъ вознагражденіе съ той самой державы, которая введетъ его въ войну» [1]). Передъ самымъ началомъ турками войны, въ октябрѣ 1768 г., Панинъ писалъ Репнину, что турки, конечно, «по одной щедрости» за поляковъ воевать не будутъ, а имѣютъ въ виду какія либо выгоды; и онъ предписывалъ намекнуть полякамъ, что «намъ вреднаго ничего не прибавится, если мы, увидя продолжающимся такое католико-фанатическое у поляковъ ослѣпленіе, поступимся туркамъ частью ихъ Подоліи, а сами удовольствуемся выгоднѣйшимъ округленіемъ своихъ границъ [2])»—послѣ всего вышеизложеннаго не можетъ быть никакого сомнѣнія, что тутъ говорится о «выгоднѣйшихъ округленіяхъ» на счетъ Польши.

Такимъ образомъ, въ принципѣ было окончательно рѣшено между Россіей и Пруссіей, что въ случаѣ войны онѣ получатъ вознагражденіе на счетъ Польши; оставалось, конечно, выискать удобный моментъ и предлогъ свои притязанія предъявить и осуществить. Фридриху показалось подходящимъ для этого начало русско-турецкой войны. Война эта была самымъ удобнымъ моментомъ для Австріи, если бы она рѣшилась напасть на Россію или союзника ея, Фридриха; при началѣ

[1]) *Сборникъ*, т. XXXVII, 66, 73.
[2]) *Сборникъ*, т. LXXXVII, 172.

войны въ Европѣ господствовало мнѣніе, что русскимъ будетъ очень трудно справиться съ турками и что, пожалуй, Россію постигнутъ неудачи; на это надѣялась и Австрія и выжидала такого момента. Фридрихъ, опасаясь австрійскаго вмѣшательства при самомъ началѣ войны, попробовалъ предложить такую комбинацію, которая бы удовлетворила не только Россію и его собственныя ожиданія, которыя были поддержаны и послѣдними объясненіями гр. Панина съ Сольмсомъ, но и Австрію.

III.

Военныя дѣйствія еще не начинались, какъ Фридрихъ прислалъ слѣдующую депешу гр. Сольмсу, отъ 2 февраля н. ст. 1769 г.: «гр. Линаръ возымѣлъ довольно смѣлую мысль соединить въ пользу Россіи интересы всѣхъ государей и разомъ дать дѣламъ Европы другой оборотъ. Онъ хочетъ, чтобы Россія предложила вѣнскому двору за его содѣйствіе противъ турокъ Леополь (Лембергъ), Ципсъ, а намъ польскую Пруссію съ Варміею и право покровительствовать Данцигу, а Россія, чтобы вознаградить себя за военныя издержки, захватила бы такую часть Польши, какую хочетъ; тогда зависть между Пруссіей и Австріей прекратилась бы и они наперерывъ другъ предъ другомъ помогали бы Россіи противъ турокъ. Этотъ планъ блестящъ, нѣсколько соблазнителенъ, но черезъ чуръ смѣлъ и я счелъ нужнымъ сообщить вамъ о немъ. Вы, который знаете образъ мыслей гр. Панина, или не воспользуетесь имъ, или употребите его въ дѣло, если найдете нужнымъ [1])». Еще не успѣвши переговорить съ Панинымъ по поводу этой депеши, Сольмсъ высказалъ королю свои сомнѣнія, чтобы гр. Панинъ согласился на проектъ Линара; онъ писалъ Фридриху, что въ Петербургѣ слишкомъ не до-

[1]) *Сборникъ*, т. XXXVII, 205. Въ запискахъ, и на этотъ разъ, кажется, вѣрно, Фридрихъ говоритъ, что планъ этотъ составилъ онъ самъ и только приписалъ его гр. Линару—*Oeuvres*, VI, 26. Гр. Линаръ былъ въ началѣ 30-хъ годовъ XVIII в. саксонскимъ посланникомъ въ Петербургѣ; онъ тогда представилъ русскому правительству планъ раздѣла Польши; но ему отвѣтили, что это негодная бумага, которую можно только бросить въ огонь—*Соловьевъ*, книга V, 66.

вѣряютъ Австріи и думаютъ, что если въ Вѣнѣ представить такой проектъ, то имъ воспользуются лишь для того, чтобы бросить тѣнь на всѣ предшествовавшіе поступки императрицы и станутъ объяснять ихъ, какъ давно составленный планъ разграбленія Польши [1])—эти слова до такой степени согласуются съ тогдашнимъ отношеніемъ Россіи къ Австріи и даже прямо съ нѣкоторыми послѣдующими депешами Панина, что нельзя не видѣть въ нихъ результата многократныхъ разговоровъ Сольмса съ Панинымъ и, слѣдовательно, до извѣстной степени мыслей послѣдняго. Когда Сольмсъ заговорилъ съ Панинымъ по поводу письма Фридриха, то услышалъ отъ него, дѣйствительно, что если устраивать союзъ между Россіей, Пруссіей и Австріей противъ Турціи, то развѣ ужъ только съ цѣлью совершенно изгнать ихъ изъ Европы и на мѣстѣ ихъ имперіи устроить республику; изъ бывшихъ турецкихъ областей тогда легко было бы — по словамъ Панина — доставить Австріи такое вознагражденіе, которое заставило бы ее забыть потерю Силезіи, а Пруссія была бы удовлетворена, убѣдившись, что Силезія окончательно обезпечена за нею. На замѣчаніе Сольмса, что онъ какъ бы забылъ указать долю Россіи въ этомъ дѣлежѣ, Панинъ отвѣтилъ, что Россія не имѣетъ никакой претензіи участвовать въ дѣлежѣ, такъ какъ у нея и безъ того земель болѣе чѣмъ нужно. Гр. Сольмсъ высказалъ по поводу этой бесѣды два заключенія, которыя доказываютъ, что Панинъ совершенно убѣдилъ его въ искренности своихъ заявленій: Сольмсъ находилъ, что Панинъ, не имѣвши времени заранѣе приготовиться къ отвѣту, высказалъ мысль, которую онъ дѣйствительно питаетъ—мысль о необходимости для Россіи заботиться о выгодахъ Пруссіи, — и радовался несомнѣнному миролюбію Панина и отсутствію у него всякой мысли о пріобрѣтеніяхъ [2]).

Это заявленіе на первый взглядъ, дѣйствительно, звучитъ нѣсколько странно въ ряду всѣхъ другихъ заявленій Панина по польскимъ дѣламъ; но далѣе мы увидимъ, что черезъ два

[1]) Сборникъ, т. XXXVII, 209.
[2]) Сборникъ, т. XXXVII, 205, 209, 215—218, 270.

года Панинъ снова говоритъ совершенно такъ же, какъ говорилъ прежде. Мы должны заключить поэтому, что говоря такъ, онъ не мѣнялъ своихъ цѣлей, а переходилъ лишь на другой путь для ихъ достиженія. Онъ увидалъ, что король прусскій теперь уже крѣпко ухватился за идею пріобрѣтеній, совмѣстно съ Россіею, нѣкоторыхъ провинцій отъ Польши; зная Фридриха Панинъ, конечно, не сомнѣвался ни на минуту, что безъ крайней необходимости король уже не оставитъ этой идеи; поэтому теперь Панинъ считалъ своею задачею создать для Россіи такое положеніе, которое бы по возможности менѣе обязывало ее и предоставляло бы ей послѣднее, рѣшающее слово; и Панинъ принялъ для этого тактику отмалчиванія, уклоненія отъ совѣщаній, ожидая пока Фридрихъ устроитъ свои отношенія къ Австріи такъ, что явится увѣренность въ мирномъ окончаніи предположенныхъ дѣлъ. Въ депешахъ своихъ къ Сальдерну, обнародованныхъ въ самое послѣднее время, Панинъ прямо раскрываетъ предъ нами, что онъ именно такого пути умышленно держался и этими его депешами совершенно естественно связываются всѣ заявленія, сдѣланныя имъ когда либо по польскимъ дѣламъ [1]).

Фридрихъ оказался прозорливѣе своего министра. Онъ не заключилъ изъ донесенія о словахъ Панина, что Россія не захочетъ пріобрѣтеній, онъ понялъ, что Россія не сдѣлаетъ перваго шага, понялъ и намекъ, сдѣланный относительно вѣнскаго двора. Онъ началъ теперь изыскивать способъ къ тому, чтобы дѣло, на которое уже имѣлось довольно прозрачное согласіе Россіи, было бы начато и приведено близко къ концу не

---

[1]) Курдъ фонъ-Шлецеръ, какъ мы уже говорили, отмѣтилъ вѣрно въ депешѣ Сольмса отъ 30 декабря 1763 г. намеки Панина на возможность пріобрѣтеній отъ Польши; нельзя не удивляться наивности иностранныхъ писателей, когда читаемъ у нихъ иныя разсужденія о русскихъ дипломатахъ, какъ напримѣръ у Курда-фонъ-Шлецера по поводу послѣдняго отвѣта Панина Сольмсу: «Panin war *naiv genug* zu antworten» и т. д.—тѣмъ болѣе, что дальнѣйшее поведеніе Фридриха Курдъ-фонъ-Шлецеръ опять таки понимаетъ вѣрно, признаетъ, что изъ отвѣта Панина Фридрихъ увидалъ, что Россія не сдѣлаетъ перваго шага и потому рѣшился дѣйствовать самъ—214; или и это соображеніе надо понимать, какъ мысль, что стоило только Фридриху сдѣлать предъ русскими первый шагъ, какъ они ужъ и пошли за нимъ послушно, куда онъ ихъ направилъ?

Россiею. Война, начатая турками, давала для подобныхъ переговоровъ удобное поле, тѣмъ болѣе, что Фридрихъ принималъ въ ней косвеннымъ образомъ участiе: немедленно послѣ ея начала онъ выразилъ готовность платить условленныя по договору субсидiи и дѣйствительно ихъ платилъ.

Война эта вызвала чрезвычайную дѣятельность европейской дипломатiи. Францiя поднявши Турцiю стремилась лишить Россiю поддержки Пруссiи и потому въ это именно время изъ Парижа сдѣланы были попытки возобновить дипломатическiя сношенiя съ Берлиномъ, не возстановленныя еще послѣ Семилѣтней войны. Эти попытки Францiи чрезвычайно встревожили князя Кауница; онъ сталъ бояться, какъ бы Францiя не сблизилась съ Пруссiею настолько, чтобы отказаться отъ союза съ Австрiей, которая бы осталась такимъ образомъ въ полномъ одиночествѣ. Въ то же время онъ самъ не прочь былъ бы бросить Францiю, если бы дѣло стало приближаться къ войнѣ Францiи съ Англiей; князь Кауницъ желалъ обезпечить себѣ соглашенiемъ съ Пруссiей возможность отказаться тогда отъ союза съ Францiей и слѣдовательно отъ необходимости помогать ей въ войнѣ—обсужденiе такого поворота въ политикѣ называлось «нейтрализированiемъ нѣмецкихъ государствъ»; въ Берлинѣ тогда же догадывались, что вѣнскiе политики надѣются отвлечь Пруссiю отъ Россiи—но, кажется, тамъ не были склонны къ такой перемѣнѣ союзниковъ [1]). Фридрихъ участвовалъ и въ переговорахъ съ Парижемъ, и въ переговорахъ съ Вѣной, былъ въ союзѣ съ Петербургомъ и, конечно, искренно желалъ прекращенiя войны между Россiей и Турцiей—пусть не изъ опасности распространенiя военнаго пламени, которой въ сущности не было и въ существованiи которой онъ никогда не могъ убѣдить русское министерство [2]),—но во всякомъ случаѣ уже потому, что онъ долженъ былъ платить 400,000 р. въ годъ субсидiи (что составляло тогда для Россiи болѣе двухъ процентовъ ея бюджета).

---

[1]) *Dunker*, Aus der Zeit Friedrichs des Grossen, 170.

[2]) См. напримѣръ, *Архивъ Государственнаго Совѣта*, т. I, 75,—по поводу очень тревожныхъ сообщенiй Фридрихъ въ совѣтѣ высказалъ было мнѣнiе, что Австрiя не рѣшится на войну; см. выше 60, 62, 72 и др.

Въ этомъ хаосѣ переговоровъ трудно, если не невозможно, выдѣлить, такъ сказать, прямыя линіи переговоровъ, такіе переговоры, которые бы, разъ начавшись въ извѣстномъ направленіи, такъ въ томъ же направленіи и шли и завершились; каждый участникъ этой оживленной дипломатической работы преслѣдовалъ не одну какую нибудь опредѣленную цѣль, а нѣсколько, примѣнялся постоянно ко всякой перемѣнѣ обстоятельствъ и полученные результаты явились слѣдствіемъ самыхъ различныхъ, сложныхъ воздѣйствій.

Въ январѣ 1769 г., еще до начала военныхъ дѣйствій, въ Петербургѣ уже знали о предстоящемъ свиданіи Фридриха съ императоромъ Іосифомъ II въ Нейссѣ; когда это свиданіе произошло, въ Петербургѣ относились къ этому факту совершенно спокойно; «увѣрена, писала Екатерина, что Фридрихъ не похитилъ императора и что никто не похитилъ великаго Фридриха» [1]),—повидимому русскіе дѣятели считали слишкомъ мало вѣроятнымъ, чтобы дѣйствительно примирились и сблизились два эти соперника; въ дипломатической перепискѣ 1769 г. мы не замѣчаемъ сколько нибудь ясно выраженныхъ слѣдовъ свиданія двухъ нѣмецкихъ государей; Фридрихъ старался дать новыя завѣренія въ своей твердости въ союзѣ; въ апрѣлѣ онъ сообщалъ Сольмсу для передачи Панину, что герцогъ Шуазель черезъ недавно назначеннаго въ Парижъ прусскаго посла Гольца предлагаетъ ему, Фридриху, дѣйствовать въ Швеціи противъ Россіи и за это обѣщаетъ ему польскую Пруссію; Фридрихъ сообщалъ, что въ отвѣтъ на это предложеніе онъ предпишетъ Гольцу уѣхать, подъ предлогомъ нездоровья, изъ Парижа и никѣмъ его не замѣнитъ; такимъ образомъ теперь, до сколько нибудь рѣшительныхъ происшествій на театрѣ войны, Фридрихъ вполнѣ сохранялъ прежнія отношенія къ Россіи.

Въ теченіе лѣта и осени 1770 г. предстояли два новыя свиданія европейскихъ государей: Фридрихъ долженъ былъ снова встрѣтиться съ императоромъ, отдавая ему визитъ, а братъ его, принцъ Генрихъ, долженъ былъ ѣхать въ Швецію. Въ прежнихъ сочиненіяхъ по исторіи польскаго раздѣла говори-

[1]) *Сборникъ*, т. XXXVII, 212; т. X, 389.

лось, что Фридрихъ послалъ принца Генриха въ Петербургъ убѣждать императрицу Екатерину въ пользѣ и удобствѣ предложенныхъ имъ пріобрѣтеній отъ Польши [1]). Но такое мнѣніе совершенно неосновательно. Въ перепискѣ Фридриха съ Генрихомъ постоянно говорится только о дѣлахъ шведскихъ: король поручалъ своему брату удержать ихъ сестру, шведскую королеву, отъ ея попытокъ поднять Швецію на Россію; и это представлялось тѣмъ болѣе важнымъ для Фридриха, что по новой конвенціи его съ Россіей онъ обязанъ былъ помогать ей войскомъ и противъ Швеціи, а не только противъ Австріи, какъ прежде—Фридрихъ принималъ это новое обязательство все въ виду той же надежды обезпечить себѣ Анспахъ и Байрейтъ. Во время уже пребыванія принца Генриха въ Стокгольмѣ пришло къ Фридриху письмо Екатерины, въ которомъ императрица говорила о желаніи своемъ, чтобы принцъ Генрихъ посѣтилъ ее; король сообщилъ объ этомъ брату и писалъ, что хотя эта поѣздка вовсе не можетъ быть ему интересна и пріятна, но что необходимо исполнить желаніе императрицы; онъ говорилъ, что принцъ можетъ оказать большую услугу ему, королю, если успѣетъ склонить императрицу нѣсколько уступить полякамъ, этимъ ускорить водвореніе въ Польшѣ полнаго покоя и тишины и такимъ образомъ удалить одинъ лишній возможный поводъ дальнѣйшихъ вооруженныхъ столкновеній, а также если успѣетъ содѣйствовать заключенію мира съ Турціей. Такъ приходилось представлять себѣ эту поѣздку до самаго послѣдняго времени [2]). Но недавно опубликованы новые, небольшіе размѣромъ, но очень любопытные документы, проливающіе совершенно новый свѣтъ на это свиданіе; такъ какъ до сихъ поръ ничего о нихъ не было извѣстно, то мы остановимся на этомъ эпизодѣ нѣсколько подробнѣе.

Письмомъ изъ Берлина къ вице-канцлеру кн. Голицыну, отъ 20 февраля 1770 г. кн. Д. А. Голицынъ сообщалъ, что пр. Генрихъ сказалъ ему, что король отправляетъ его лѣтомъ въ Стокгольмъ для внушенія королевѣ, ихъ сестрѣ, миролю-

---

[1]) Въ послѣднее время, какъ мы видѣли, это повторено у Θ. Θ. Мартенса.

[2]) Подробно изложено все это у Дункера—Aus der Zeit Friedrich des Grossen, 194—229.

бивыхъ чувствъ и рѣшимости не отконяться отъ приверженцевъ императрицы. Принцъ сказалъ, что онъ чрезвычайно доволенъ этимъ порученіемъ, но былъ бы еще болѣе доволенъ, если бы ему удалось по этому поводу побывать въ Петербургѣ, единственно для засвидѣтельствованія своего почтенія императрицѣ, но что это рѣшительно невозможно иначе, какъ если бы сама императрица оказала этому свое содѣйствіе и немедленно по прибытіи его въ Стокгольмъ написала бы объ этомъ королю, который, быть можетъ, съ перваго раза и не согласится, но конечно уступитъ, если императрица будетъ настаивать. Принцъ закончилъ просьбою, чтобы кн. Голицынъ донесъ императрицѣ объ этомъ его желаніи, единственная цѣль котораго — познакомиться съ великою монархинею, и во всякомъ случаѣ хранилъ эту просьбу въ строжайшей тайнѣ, дабы не компрометировать его передъ королемъ, который рѣшительно ничего объ этомъ не знаетъ [1]). Императрица отвѣчала на это письмо собственноручно слѣдующимъ письмомъ: «Кн. Голицынъ. На письмо ваше отъ 20 февраля къ вице-канцлеру, доставленное сегодня курьеромъ, отвѣчаю я. Скажите извѣстной особѣ, что все будетъ исполнено буквально согласно съ ея желаніемъ, что я очень довольна ея идеею и что надѣюсь имѣть еще большее удовольствіе въ скоромъ времени. Вы можете показать ей эти строки, если хотите» [2]). По этому же поводу императрица получила второе письмо отъ того же кн. Д. А. Голицына, на которое писала между прочимъ, слѣдующее — въ собственноручномъ отвѣтѣ отъ 20 апрѣля ст. ст.: «Я прочла то письмо, которое вы написали вице-канцлеру о томъ же предметѣ, о которомъ вы говорите во второмъ письмѣ ко мнѣ, предметѣ, весьма для меня интересномъ. Меня по этому вопросу беретъ нетерпѣніе. Мнѣ нужно обсудить съ вами нѣсколько предварительныхъ по этому поводу вопросовъ. Газеты объявляютъ объ отъѣздѣ извѣстной особы въ половинѣ іюля. Согласно первому, февральскому, вашему письму я должна писать лишь послѣ ея отъѣзда. У нашихъ сосѣдей она пробудетъ нѣкоторое время, положимъ

---

[1]) *Сборникъ*, т. XCVII, 34.

[2]) *Сборникъ*, т. XCVII, 34—подлинникъ по французски, отъ 25 февраля ст. ст.

мѣсяцъ. Такимъ образомъ вотъ уже августъ или сентябрь. Не будетъ ли рискованно отправляться сюда въ эту пору моремъ? Я, правда, пошлю за ней мою золоченую эскадру, т. е. яхты, которыми я сама пользуюсь и въ которыхъ увѣрена; тѣмъ не менѣе, время года будетъ меня тревожить. Сверхъ того, признаюсь, что я бы предпочла, чтобы эта особа пріѣхала сюда въ такое время года, когда бы она могла наслаждаться со мною удовольствіями моихъ различныхъ загородныхъ дворцовъ. Въ городѣ всегда болѣе стѣсненій. Я также сознаю, что осенью и зимой у меня нѣчто общее съ морскою свинкою и что я, кажется, бываю болѣе оживлена лѣтомъ и весною, чѣмъ осенью. И такъ изъ всего этого вытекаетъ—вы не догадаетесь какимъ образомъ, что я желала бы знать: во 1) нужно ли мнѣ ждать отъѣзда въ Швецію, чтобы писать королю; во 2) неизмѣнно ли рѣшено, что предварительная поѣздка въ Швецію состоится въ іюлѣ. А затѣмъ мы приложимъ всѣ старанія къ пріему столь достойной особы и къ засвидѣтельствованію ей, какъ намъ пріятенъ ея пріѣздъ» [1]).

Не трудно видѣть все громадное значеніе этой переписки. Изъ нея оказывается, что прибытіе пр. Генриха въ Петербургъ было устроено по соглашенію его и императрицы безъ всякаго вѣдома Фридриха; король ни въ одномъ своемъ письмѣ не даетъ даже самаго слабаго намека но то, что ему извѣстны такія обстоятельства, предшествовавшія приглашенію пр. Генриха въ Петербургъ, принцъ же Генрихъ выразилъ свое изумленіе въ письмѣ къ королю, по поводу этого приглашенія [2]). Мы вообще крайне неохотно допускаемъ такую неискренность во взаимныхъ отношеніяхъ дѣятелей, обязанныхъ служить одному общему дѣлу, и вполнѣ готовы будемъ признать силу хотя бы даже довольно слабыхъ соображеній или доказательствъ, что переписка эта начата, напр. Голицынымъ, безъ вѣдома принца; но пока имѣютъ силу соображенія, которыя говорятъ противъ подозрѣній въ подлинности изложенныхъ въ этихъ письмахъ фактовъ, если признать возможными таковыя подозрѣнія. Прежде всего важно, что въ письмѣ Голицына совершен-

[1]) *Сборникъ*, т. XCVII, 66—67.
[2]) *Dunker*, 195—196.

но точно передана сущность порученія, возложеннаго на пр. Генриха въ Швеціи; затѣмъ такой шагъ принца вполнѣ объясняетъ то письмо его, съ какимъ онъ обратился впослѣдствіи къ Сольмсу, выражая желаніе, чтобы императрица письменно признала, что ему принадлежалъ починъ въ переговорахъ, приведшихъ къ полезнымъ для Пруссіи пріобрѣтеніямъ [1]); оно являлось не совсѣмъ понятнымъ, пока были извѣстны только самые переговоры въ Петербургѣ принца съ Екатериною, потому что въ нихъ иниціатива исходила не отъ него; но теперь, когда мы видимъ, что отъ него исходила иниціатива самаго свиданія, просьба пр. Генриха становится болѣе понятною; наконецъ Тьебо въ своихъ воспоминаніяхъ такъ говоритъ о взаимныхъ отношеніяхъ короля и пр. Генриха, что неискреннее поведеніе его относительно короля не представляется невѣроятнымъ [2]).

---

[1]) 5 апрѣля 1772 г., т. е. вскорѣ послѣ того, какъ въ Берлинѣ получена была конвенція, подписанная въ Петербургѣ, пр. Генрихъ писалъ гр. Сольмсу: «Во всемъ этомъ дѣлѣ я не думалъ никогда о моей собственной выгодѣ, ни объ томъ, чтобы устроить себя. Я счастливъ, что мнѣ удалось услужить великой императрицѣ, и быть полезнымъ королю и своему отечеству и это мнѣ пріятнѣе, чѣмъ если бы я самъ получилъ какое нибудь выгодное владѣніе, чего, быть можетъ, я и могъ бы добиться, если бы желалъ. По истинѣ я могу сказать, что мое пребываніе въ Петербургѣ ознаменовано было началомъ отношеній, поведшихъ къ тѣснѣйшему сближенію короля съ Россіей. И я могу безъ излишнихъ претензій—я имѣю на это свидѣтельство въ болѣе чѣмъ 20-ти собственноручныхъ письмахъ короля,—сказать, что я началъ дѣло, окончившееся конвенціей. Но я не требую за это никакой награды, я желаю только славы и признаюсь вамъ, что я былъ бы счастливъ принять ее изъ рукъ императрицы. Она можетъ мнѣ это сдѣлать, если удостоитъ, по случаю принятія во владѣніе провинцій, почтить меня письмомъ, съ выраженіемъ своего удовольствія, которое будетъ служить мнѣ доказательствомъ, что я устроилъ это великое дѣло. Я прямо скажу вамъ, что на такое письмо съ ея стороны я буду смотрѣть какъ на лучшій памятникъ моей славы»—*Мартенсъ*, VI, 68 и *Соловьевъ*, «Исторія паденія Польши», 148—149. Императрица написала ему: «По принятіи во владѣніе губерніи Бѣлорусской, считаю справедливымъ засвидѣтельствовать вашему высочеству, сколь чувствую себя вамъ обязанною за всѣ заботы, употребленныя вами при совершеніи этого великаго дѣла, котораго ваше высочество можете считаться первымъ виновникомъ»—*Соловьевъ*, «Исторія паденія Польши», 149. Тьебо,—*Thiébault*, Mes souvenirs de vingt ans de séjour à Berlin, Paris, 1806, II, 181—разсказываетъ, что пр. Генрихъ порицалъ второй и третій раздѣлъ Польши, и что, кажется, онъ надѣялся стать королемъ этого государства.

[2]) *Mes souvenirs*, II, 137—141 и др.

Такимъ образомъ мы должны, пока по крайней мѣрѣ, признать, что пр. Генрихъ и императрица сговорились о своей встрѣчѣ совершенно безъ вѣдома короля; а изъ этого вытекаютъ и другія важныя заключенія. Во первыхъ, это является новымъ подтвержденіемъ, что Фридрихъ не можетъ быть признанъ руководителемъ въ общихъ у него съ Россіею дѣлахъ, такъ какъ принимались рѣшенія безъ его вѣдома и прямо съ намѣреніемъ сохранить ихъ неизвѣстными отъ короля. Во вторыхъ, когда мы теперь знаемъ, что въ Петербургѣ охотно устроили пріѣздъ пр. Генриха помимо вѣдома Фридриха, то получаетъ чрезвычайно важное значеніе, что съ нимъ тамъ впервые съ русской стороны заговорили о раздѣлѣ Польши; это заставляетъ заключить, что въ Петербургѣ желали и искали возможности такіе разговоры завести.

Но прежде пріѣзда пр. Генриха въ Петербургъ и прежде еще втораго свиданія Фридриха съ Іосифомъ, Панинъ сдѣлалъ Сольмсу два очень любопытныя сообщенія для передачи ихъ Фридриху. Сначала въ депешѣ отъ 19 (30) марта 1770 г. Сольмсъ доносилъ, что до императрицы дошли слухи о враждебномъ настроеніи вѣнскаго и версальскаго дворовъ и о намѣреніи ихъ сдѣлать нѣкоторыя попытки привлечь Фридриха на свою сторону; нѣкоторыя фразы этого сообщенія Панина объ опасеніяхъ на счетъ возрастающей силы Россіи очень близки къ тому, что говорилъ именно на эту тему Фридриху Іосифъ въ Нейссѣ въ прошломъ году [1]); но «гр. Панинъ прибавилъ къ этому, по словамъ Сольмса, что онъ твердо увѣренъ, что до сихъ поръ король еще не получилъ по этому поводу никакихъ заявленій, такъ какъ онъ слишкомъ увѣренъ, что по дружбѣ къ императрицѣ король подѣлился-бы съ нею этими свѣдѣніями» [2]). Въ іюнѣ Сольмсъ сообщалъ своему государю, что въ Петербургѣ «не сомнѣваются, что—только-бы при свиданіи короля съ императоромъ произошло объясненіе по вопросу о войнѣ—оно непремѣнно послужитъ къ успокоенію вѣнскаго двора и предупредитъ такимъ образомъ всякое

[1]) Ср. *Сборникъ*, т. XXXVII, 276 и *Соловьевъ*, кн. VI, 623.
[2]) *Сборникъ*, т. XXXVII, 276—277.

столкновеніе» [1]). Зная, что въ Петербургѣ отлично понимали часто неискреннія дѣйствія Фридриха, мы должны видѣть въ первомъ указанномъ сообщеніи Панина намеки изъ Петербурга, что тамъ понимаютъ, какія могутъ быть у Фридриха разговоры съ Іосифомъ, а можетъ быть и знаютъ, какіе разговоры происходили въ прошлое свиданіе; во второмъ-же сообщеніи Сольмса обращаетъ на себя вниманіе увѣренность петербургскаго министерства, что переговоры Фридриха съ императоромъ непремѣнно должны привести къ такимъ результатамъ, которые будутъ только пріятны Россіи.

Второе свиданіе нѣмецкихъ государей состоялось въ Нейштадтѣ въ августѣ 1770 г. Ходъ войны, который, конечно, долженъ былъ самымъ сильнымъ образомъ вліять на дальнѣйшее поведеніе и Пруссіи и Австріи по отношенію къ Россіи, окончательно опредѣлился: русскіе одержали двѣ замѣчательныя побѣды на сушѣ и истребили весь турецкій флотъ. При такомъ оборотѣ дѣлъ стало несомнѣннымъ, что нѣмецкія державы рѣшатся лишь на дипломатическое воздѣйствіе на Россію; оно вскорѣ и послѣдовало, какъ сейчасъ увидимъ, но еще ранѣе въ совѣтѣ императрицѣ было разсуждаемо, что послѣ трехъ такихъ побѣдъ очень прилично будетъ съ русской стороны предложить миръ.

Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ своихъ неудачъ турки обратились съ просьбою о посредничествѣ къ вѣнскому и берлинскому правительству; курьеръ привезъ эти депеши во время свиданія Фридриха съ Іосифомъ въ Нейштадтѣ и тогда-же Кауницъ сказалъ Фридриху, что Австрія согласна и проситъ Фридриха къ ней въ этомъ случаѣ присоединиться. Фридрихъ согласился и написалъ о желаніи турокъ и Сольмсу для сообщенія русскому министерству, а затѣмъ и самой императрицѣ [2]); въ концѣ письма король заговаривалъ о необходимости составить планъ умиротворенія Польши, по возможности на умѣренныхъ началахъ. Эти внушенія о мирѣ уже опоздали: пред-

---

[1]) *Сборникъ*, т. XXXVII, 302—303.

[2]) *Сборникъ*, т. XXXVII, 308—311; т. XX, 274—277; послѣднее письмо датировано 24 сентября н. ст., но оно уже изъ Потсдама; письмо къ Сольмсу безъ даты, но оно получено было Сольмсомъ 24 сентября нов. ст., т. е. 13 сентября ст. ст.

ложить туркамъ миръ рѣшено было въ засѣданіи совѣта еще 12 августа [1]), 26 августа уже читано было въ совѣтѣ приготовленное Панинымъ письмо къ визирю отъ имени Румянцева, а 14 сентября посланъ былъ рескриптъ гр. Румянцеву, составленный въ этомъ смыслѣ; къ рескрипту приложено было и письмо, съ какимъ онъ имѣлъ обратиться къ великому визирю. Въ письмѣ этомъ говорилось, что всему свѣту извѣстно, какъ всевозможными происками старались обмануть Порту и вызвали ее на войну «постороннимъ и ненавистнымъ ковомъ» люди, «злобствующіе къ славнымъ, великимъ и всѣмъ высокимъ сосѣдямъ общеполезнымъ дѣламъ Ея Императорскаго Величества», «мало заботясь, кто въ поверхности войны останется, лишь-бы только они до своихъ коварныхъ и обѣимъ сторонамъ равно для переду вредныхъ замысловъ чрезъ то достигнули»; Румянцевъ, какъ бы отъ своего имени, сообщалъ визирю, что его государыня скорбитъ о пролитіи человѣческой крови и охотно согласится на начало мирныхъ переговоровъ съ однимъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы Обрѣзковъ былъ освобожденъ изъ заключенія и отпущенъ изъ предѣловъ Турціи [1]). 17 сентября императрица писала Румянцеву, что «турки весьма зачали суетиться о мирѣ, но они тутъ желаютъ впутать медіацію прусскаго короля и вѣнскаго двора» и предписывала ему внушить имъ, «что черезъ другихъ околичныхъ дорогъ имъ петербургскаго отвѣта ждать будетъ три мѣсяца, тогда когда они черезъ васъ (т. е. Румянцева) прямымъ трактомъ онаго получить могутъ въ одинъ мѣсяцъ и менѣе» [1]).

Съ русской стороны предполагалось: удержать за собой Азовъ и Таганрогъ, «кои по трактату вѣчнаго мира съ Турціей нами раззорены и оставлены барьерою; но какъ вѣчный миръ не устоялъ и турки оный нарушили, то для утвержденія его впредь требовать, чтобъ съ обѣихъ сторонъ дана была свободность коммерціи проѣздомъ изъ Азовскаго въ Черное море нашимъ купеческимъ судамъ»; такое требованіе мотивировалось тѣмъ, что установленіе непосредственныхъ живыхъ торговыхъ

---

[1]) *Архивъ Государственнаго Совѣта*, 52—57.

[2]) *Сборникъ*, т. XCVII, 139—143.

[3]) *Сборникъ*, т. XLVII, 138—139.

сношеній Россіи и Турціи будетъ удерживать Турцію впредь въ болѣе миролюбивыхъ чувствахъ къ Россіи; истребовать генеральную амнистію всѣмъ тѣмъ, «кои для своего защищенія приняли противъ Порты оружіе; ежели же между тѣмъ случиться можетъ, что нашъ флотъ завладѣетъ какимъ нибудь островомъ въ Архипелагѣ, то оный выговаривать надлежитъ»; настоять, чтобы «татарамъ, если они отторгнутся отъ власти турецкой, оставаться въ независимости»; наконецъ, предполагалось заявить, что «княжества Молдавское и Валашское удержать справедливость требовала бы, чтобы тѣмъ наградить наши убытки, которыя почитать надобно до 25 милліоновъ; но понеже Ея Императорское Величество съ самаго своего восшествія на престолъ доказать изволила своею политическою системою всѣмъ чужестраннымъ дворамъ, что она не ищетъ распространенія своей имперіи пріобрѣтеніемъ себѣ земель, то требовать, чтобы для удовлетворенія понесенныхъ нами убытковъ оставлены были намъ сіи княжества на столько лѣтъ, во сколько объявленная нами сумма изъ годовыхъ ихъ доходовъ выбрана быть можетъ, а для вѣрности сдѣлать сіе подъ гарантіею интересованныхъ дворовъ; заключительно же можно о сихъ княжествахъ сказать, что Ея Императорское Величество жертвуетъ и сими убытками, если Молдавія и Валахія оставлены будутъ въ независимости и Дунай будетъ поставленъ турецкою границею» [1]). Несомнѣнно, въ такомъ духѣ говорилъ Панинъ съ принцемъ Генрихомъ и произвелъ на него такое впечатлѣніе, что по его письму Фридрихъ находилъ, что русскія условія «настолько умѣренны, что вполнѣ предвѣщаютъ успѣхъ переговоровъ» [2]). Но переговоры между Россіей и Турціей не начались; Турція вступила въ другіе переговоры—съ Австріей о союзѣ; предложеніе же мира съ русской стороны было истолковано, какъ знакъ утомленія Россіи и страха ея за предстоящую кампанію; поэтому Турція рѣшилась на продолженіе борьбы.

24 сентября императрица отвѣтила Фридриху — очень вѣжливымъ, но рѣшительнымъ отказомъ принять медіацію

[1]) *Архивъ Государственнаго Совѣта*, т. I, 60—61.

[2]) *Сборникъ*, т. XXXVII, 335.

его и Австріи. Она писала: «я хорошо знаю, что не могу желать лучшаго посредника, чѣмъ ваше величество... но часто случается, что именно въ дѣлахъ, ближе принимаемыхъ къ сердцу, и чувствуешь себя всего болѣе стѣсненнымъ»— далѣе императрица сообщала, что англійскій король уже съ самаго начала предлагалъ свое посредничество, и что потому теперь, если принять чье либо посредничество, то придется пригласить и Англію, а тогда Франція непремѣнно потребуетъ такого же участія, но Францію къ переговорамъ императрица ни подъ какимъ видомъ допустить не соглашалась; «я не вижу другаго средства въ этомъ стеченіи обстоятельствъ, писала императрица, какъ избѣжать имени и формальностей медіаціи, но я готова принять предложеніе добрыхъ услугъ двора вѣнскаго; прошу таковыхъ отъ вашего величества» [1]). Король былъ очень недоволенъ рѣшеніемъ русской императрицы; въ письмѣ къ пр. Генриху отъ 15 (26) октября онъ говорилъ объ отвѣтѣ императрицы, какъ объ отказѣ даже неделикатномъ [2]).

Свое неудовольствіе онъ еще не разъ высказалъ въ письмахъ къ пр. Генриху, который вскорѣ послѣ этого прибылъ ко двору Екатерины. И съ этого времени главнымъ содержаніемъ его переписки съ Генрихомъ становятся заботы о мирѣ. «Мира, мира во что бы то ни стало и какъ можно скорѣе», такими словами пишетъ онъ Генриху [3]). И съ петербургскимъ министерствомъ черезъ Сольмса и съ самою императрицею переписывался Фридрихъ объ условіяхъ мира [4]); время отъ времени въ этихъ сношеніяхъ упоминалось о Польшѣ и ея замиреніи—но долгое время разговоръ шелъ главнымъ образомъ объ условіяхъ, на какихъ согласилась бы Россія заключить миръ. Фридрихъ очень опасался, какъ бы не рѣшилась на какой нибудь серьезный, важный шагъ Австрія, воспользовавшись тѣмъ временемъ, пока

---

[1]) «...Ces gens là peuvent nous accepter ou nous refuser comme mediateurs, mais ils ne faut pas qu ils se moquent ouvertement de nous» — *Oeuvres*, XXVI, 330.

[2]) *Сборникъ*, т. XX, 277—281; обстоятельная нота Сольмсу, отъ 29 сентября, о томъ же предметѣ, упоминаемая императрицею въ письмѣ къ Фридриху—*Сборникъ*, т. XCVII, 150—157.

[3]) *Oeuvres*, XXVI, 330—340.

[4]) *Сборникъ*, т. XXXVII, 318—320, 335; т. XX, 281—295.

его союзникъ занятъ съ Турціей; поэтому онъ постоянно писалъ о мирѣ; разъ онъ постоянно объ этомъ писалъ—о томъ же, естественно, приходилось и отвѣчать ему. Но намъ кажется, что эта переписка имѣетъ значеніе преимущественно какъ біографическая подробность изъ жизни Фридриха, а не для исторіи событій того времени; намъ кажется, что переговоры непосредственно о мирѣ вовсе не развивались, а оставались въ сущности въ одномъ положеніи, до того самаго времени, пока не были рѣшительно перенесены на совершенно новую почву—на вопросъ о пріобрѣтеніяхъ отъ Польши; съ перенесеніемъ же на эту почву быстро приведены были къ концу и переговоры о мирѣ. Но существенно важные шаги были сдѣланы для такого перенесенія не Фридрихомъ, а въ Петербургѣ. Нѣкоторыя замѣчанія въ русской дипломатической перепискѣ дѣлаютъ совершенно несомнѣннымъ, что къ окончательному результату всѣ переговоры были направляемы изъ Петербурга, а вовсе не перепискою между тремя державами о мирѣ Россіи съ Турціей.

Условія мира сообщены были Фридриху при письмѣ императрицы отъ 9 декабря 1771 г. [1]); императрица писала, что «не ставитъ границъ своему довѣрію къ королю, сообщая ему свой планъ и самыя тайныя мысли относительно замиренія съ Портою»; она выражала твердую увѣренность, что онъ «сдѣлаетъ изъ этого сообщенія лучшее употребленіе»; условія эти были тѣ самыя, какія предположены были на засѣданіи Совѣта 16 сентября, съ прибавленіемъ еще, что обѣ Кабарды отходятъ къ Россіи; подробно они изложены, съ мотивировкою требованій русскаго правительства, въ письмѣ Панина къ графу А. Г. Орлову, отъ 22 марта 1776 г., которымъ Орловъ уполномоченъ былъ и со своей стороны вступить въ переговоры, если представится случай, съ такими условіями [1]). Фридрихъ въ любезныхъ выраженіяхъ отвѣтилъ императрицѣ, что онъ не надѣется, чтобы турки и даже вѣнскій дворъ признали эти условія за удобныя для принятія и въ особой запискѣ изло-

---

[1]) *Сборникъ*, т. XX, 284—288.

[2]) *Сборникъ*, т. XCVII, 246—256.

жилъ свои возраженія [1]) Но въ письмѣ къ брату онъ писалъ, что русскія условія мира невозможны, что у него при чтеніи ихъ стали дыбомъ волосы и что онъ ни за что не рѣшится сообщить ихъ въ Вѣну или въ Константинополь [2]). Тѣмъ не менѣе, въ половинѣ мая 1771 г., когда въ Петербургѣ узнали объ освобожденіи, наконецъ, Обрѣзкова [3]), тѣ же самыя требованія были представлены князю Лобковичу, послу Австріи; они изложены были очень обстоятельно, съ большимъ умѣньемъ, которое мы уже не разъ видѣли въ перепискѣ Панина, никакихъ сколько нибудь существенныхъ уступокъ русское правительство не соглашалось сдѣлать [4]).

Панинъ твердо, съ обычнымъ своимъ искусствомъ отстаивалъ выставленныя Россіею условія, находя неизмѣнно полную поддержку со стороны императрицы и въ свою очередь исполнялъ ея желанія. Вотъ что написала императрица Екатерина, по полученіи письма и мемуара Фридриха, въ которыхъ онъ возражалъ противъ русскихъ мирныхъ условій. «Моимъ первымъ условіемъ было освобожденіе моего министра. Я думала, что совершаю великій подвигъ умѣренности, предлагая планъ, на основаніи котораго я хотѣла вести мирные переговоры, и не думала я найдти въ прусскомъ королѣ адвоката турковъ. Я не говорю о вѣнскомъ дворѣ; я не могу думать, чтобъ ему пріятнѣе было имѣть сосѣдями турокъ въ Молдавіи и Валахіи, чѣмъ видѣть эти области въ рукахъ государя, независимаго отъ трехъ имперій. Было бы желательно, чтобы перестали намъ постоянно показывать вооруженную или поднятую руку Австріи, ибо Россія, подвергшись нападенію, сумѣетъ защищаться, она не боится никого. Съ другой стороны, мы ведемъ мирные переговоры съ турками, а не съ вѣнскимъ дворомъ, съ которымъ у насъ нѣтъ войны. Крымъ дальше отъ Вѣны, чѣмъ Молдавія или Валахія, а потому о немъ не можетъ быть и рѣчи въ переговорахъ съ

---

[1]) *Сборникъ*, т. XX, 288—295.

[2]) *Oeuvres*, т. XXVI, 344.

[3]) Освобожденъ былъ въ апрѣлѣ и тогда же прибылъ въ Журжѣ къ русской арміи—*Сборникъ*, т. XIX, 206.

[4]) *Сборникъ*, т. XCVII, 286—316.

Австріею, для которой можетъ быть выгоднѣе, чтобы онѣ не возвращались подъ власть турокъ и имѣли независимаго владѣтеля. Во всѣхъ этихъ бумагахъ (письмо и мемуаръ Фридриха) видно большое неудовольствіе, мелкая зависть и угрозы; но эти угрозы не прямо отъ него, а все положено на счетъ вѣнскаго двора; но когда увидятъ, что угрозами ни чего не выиграютъ, то остальное найдется само собою. Держитесь крѣпко и ни шага назадъ; все обдѣлается какъ нельзя лучше; а если увидятъ, что мы гонимся за миромъ, получимъ миръ дурной» [1]).

Въ іюнѣ Панинъ опять имѣлъ объясненіе по тому же поводу съ княземъ Лобковичемъ, опять поддерживалъ всѣ прежнія требованія и, какъ ему показалось по крайней мѣрѣ, даже убѣдилъ его «въ справедливости и основательности нашихъ требованій и видовъ, ихъ согласіи съ интересами его двора» [2]). Въ концѣ іюля опять Панинъ говорилъ съ княземъ Лобковичемъ по поводу мирныхъ условій, послѣ того, какъ посолъ получилъ изъ Вѣны отвѣтъ князя Кауница крайне недружелюбный по тону и рѣзко отличавшійся отъ тона прежнихъ его сообщеній черезъ Лобковича. Въ Петербургѣ были этимъ очень удивлены [3])—но все таки стояли на прежнихъ условіяхъ; въ такомъ духѣ составленъ и отвѣтъ Панина, врученный Лобковичу 1 августа.

На этомъ можно сказать, переговоры Россіи съ Австріей о замиреніи ея съ Турціею и остановились; въ декабрѣ они были уже прямо и ясно поставлены на почву переговоровъ о пріобрѣтеніяхъ отъ Польши и на этой почвѣ Австрія прекратила всякія свои возраженія; но до того момента, когда состоялось, наконецъ, это сближеніе Россіи и Австріи, хотя и на почвѣ другихъ дѣлъ, вся переписка о мирныхъ условіяхъ не привела ни къ чему. Потому-то мы и находимъ, что эта переписка интересна и важна преимущественно для біографіи Фридриха, отчасти Кауница и Іосифа; но русская дипломатическая переписка и до-

[1]) *Соловьевъ*, кн. VI, 727.
[2]) *Сборникъ*, т. XCVII, 332—335.
[3]) *Сборникъ*, т. XCVII, 394.

ступные изслѣдованію протоколы Совѣта не даютъ основаній думать, чтобы внушенія этой переписки оказали существенно вліяніе на ходъ мирныхъ переговоровъ Россіи съ Турціей. Всѣ эти сношенія важны главнымъ образомъ лишь потому, что на почвѣ ихъ состояло соглашеніе о Польшѣ. Когда это соглашеніе состоялось — не только русскимъ, но и всѣмъ другимъ, принимавшимъ участіе въ этихъ переговорахъ, стало очевидно, что все значеніе этихъ переговоровъ исчерпано...

IV.

Поводъ къ послѣднимъ, уже совершенно откровеннымъ, совѣщаніемъ, поданъ былъ поведеніемъ Австріи.

При началѣ войны между Россіей и Турціей австрійцы въ 1769 г. заняли кордономъ часть польской территоріи, которая нѣкогда принадлежала Венгріи и находилась собственно въ залогѣ у Польши—хотя уже въ теченіе болѣе трехсотъ лѣтъ—за занятыя нѣкогда венгерскимъ правительствомъ у Польши деньги; эта оккупація была сдѣлана по настоянію военнаго совѣта; объявлено было, что имперія желаетъ предохранить эту область,—которая могла вернуться къ ней, съ уплатою долга—отъ раззоренія, какое ей грозило, потому что она оказалась во власти конфедератовъ, усмирить которыхъ войска республики были не въ силахъ. Никто противъ этого ничего не возражалъ. Но вотъ въ концѣ лѣта 1770 г., послѣ свиданія Фридриха и Іосифа въ Нейштадтѣ, австрійцы—теперь уже по настоянію канцлера—заняли и еще нѣкоторыя пограничныя мѣста; какъ основаніе для этого они выставляли то, что перешедшія прежде отъ Венгріи къ Польшѣ земли теперь распредѣлены были не по прежнему дѣленію на округа: австрійцы и начали захватывать цѣликомъ округа, въ которые входила хотя бы незначительная часть земель, прежде Венгріи принадлежавшихъ; затѣмъ они объявили эти округа инкорпорированными импе-

ріи[1]). Первоначальное занятіе австрійскимъ кордономъ нѣкоторыхъ польскихъ областей представлялось довольно естественнымъ; но невольно останавливаетъ на себѣ наше вниманіе то обстоятельство, что инкорпорированіе этихъ областей Австріею было объявлено вскорѣ послѣ того, какъ Іосифъ и Кауницъ свидѣлись съ Фридрихомъ, который только что читалъ сообщеніе своего министра изъ Петербурга, что тамъ считаютъ невозможнымъ входить съ Австріею въ переговоры о раздѣлѣ польскихъ земель, ибо «недовѣряютъ искренности вѣнскаго двора и думаютъ, что когда ему представить такой проектъ, то онъ воспользуется этимъ лишь для того, чтобы бросить тѣнь на всѣ предшествовавшія дѣйствія Россіи» [2]).

Въ это время пр. Генрихъ былъ въ Петербургѣ, куда онъ пріѣхалъ въ сентябрѣ 1770 г.; онъ велъ нѣкоторые переговоры, но они касались преимущественно вопроса о замиреніи Россіи съ Турціей,—и Фридрихъ ставилъ это Генриху первымъ предметомъ его миссіи; дѣлъ польскихъ эти переговоры касались лишь слегка, и ничего существеннаго о нихъ сказано не было; въ октябрѣ Панинъ и гр. Сольмсъ обмѣнялись, съ вѣдома принца Генриха, «планами умиротворенія» Польши, но эти планы не заключали ничего инаго, какъ повтореніе взглядовъ русскаго правительства на польскія дѣла, многократно уже и ранѣе сообщенныхъ во всеобщее свѣдѣніе—или въ перепискѣ съ русскимъ посломъ въ Варшавѣ для объявленія публично, или въ перепискѣ русскаго министерства по польскимъ дѣламъ съ другими правительствами; условія, на которыхъ замиреніе Польши признавалось желательнымъ, были тѣ самыя, какія уже ранѣе Панинъ выставилъ въ своей декларацiи о гарантіи и

---

[1]) См. *Beer*, Die erste Theilung, II, 48; *Ranke*, Sämmtliche Werke, Bb, 51—52, 391; *Villermont*, Marie Thérèse, II, 314, 329—331; *Wolf und Zwedinek*, Oesterreich unter Maria Theresia, Iosef II und Leopold, 159.

[2]) *Сборникъ*, т. XXXVII, 209. Дункеръ говоритъ объ этомъ рѣшеніи Австріи такъ: «Oesterreich wollte einen starken Eindruck auf Russland hervorbringen...—227,—и сейчасъ же о рѣшеніи передвинуть изъ Бельгіи и Италіи войска, о рѣшеніи сдѣлать заемъ, о началѣ переговоровъ съ Турціей и т. д.; эти послѣднія дѣйствія еще могутъ быть признаны за попытки испугать Россію; но онѣ велись очень не энергично—и Россію ни мало не испугали.

дальнѣйшей перепискѣ съ Волконскимъ [1]); насколько мало переговоры съ пр. Генрихомъ отличались оживленностью, доказывается всего лучше тѣмъ, что Сольмсу приходилось письменно, и даже очень, упрашивать Панина о томъ, чтобы онъ говорилъ съ принцемъ о дѣлахъ [2]). Генрихъ собирался уже уѣзжать въ самомъ началѣ декабря [3]), но его задержали—и вскорѣ послѣдовали чрезвычайно важныя заявленія со стороны русскихъ руководящихъ дѣятелей.

28 декабря 1770 г. (по ст. ст., 8 января 1771 г. по нов. ст.) пошли изъ Петербурга къ Фридриху очень интересныя письма—отъ гр. Сольмса и отъ пр. Генриха. Сольмсъ писалъ: «не считаю себя въ правѣ скрыть отъ вашего величества, что вотъ уже дней восемь, какъ здѣсь сильно поговариваютъ о томъ, что императрица-королева должно быть завладѣла дистриктомъ Зандецомъ въ Польшѣ... Это даетъ поводъ къ такого рода толкамъ, что Австрія подаетъ примѣръ къ расчлененію Польши и что ваше величество и Россія поступите неправильно, если не сдѣлаете того же; въ архивахъ Берлина и Петербурга легко найдти права для возврата епископства вармійскаго къ Пруссіи и польской Ливоніи къ Россіи» [4])—для насъ очень важно указаніе, что уже цѣлую недѣлю говорятъ объ этомъ кругомъ пр. Генриха и Сольмса, а они, какъ это сейчасъ видно будетъ изъ письма пр. Генриха, не принимали въ обсужденіе этого факта сколько нибудь активнаго участія. Вотъ что говоритъ пр. Генрихъ въ концѣ своего письма къ королю отъ того же 28 декабря ст. ст. 1770 г.: «уже написавши это письмо я вечеромъ былъ у императрицы, которая шутя сказала мнѣ, что австрійцы заняли въ Польшѣ два староства и обвели ихъ пограничными столбами съ имперскимъ гербомъ. Она прибавила: «почему бы и всѣмъ не взять точно также»? (mais pourquoi tout le mond ne prendrait-il aussi)? Я сказалъ, что вы, мой любезный братъ, хотя и держите кордонъ въ Польшѣ, но староствъ не зани-

---

[1]) *Сборникъ*, т. XXXVII, 323—334.
[2]) *Smitt*, Frédéric II, Catherine et le partage de la Pologne, 139.
[3]) *Oeuvres* de Frédéric le Grand, XXVI, 336, 341.
[4]) *Сборникъ*, т. XXXVII, 340.

мали. «А почему же бы и не занять»? (mais pourquoi n'en pas occuper?), сказала императрица со смѣхомъ. Немного спустя ко мнѣ подошелъ гр. Чернышевъ [1]) и, заговоривъ со мною по тому же поводу, сказалъ: «почему бы вамъ не взять епископства вармійскаго? потому что надо уже всѣмъ взять что-нибудь» (car il faut apres tout, que chacun ait quelque chose). Хотя это и были шутливыя рѣчи (discours de plaisanterie), но несомнѣнно, что это не даромъ, и мнѣ кажется очень возможнымъ, что вы воспользуетесь случаемъ» [2]). И такъ, вотъ когда сдѣлали пр. Генриху такія предложенія, о возможности которыхъ говорили въ высшихъ кругахъ столицы уже болѣе недѣли. На другой день пр. Генрихъ видѣлся съ гр. Панинымъ, но тотъ ничего подобнаго ему не повторилъ и показался принцу недовольнымъ поступкомъ австрійцевъ [3]); но гр. Панинъ говорилъ по этому поводу черезъ три дня (31 декабря ст. ст. 1771 г.) съ гр. Сольмсомъ и вотъ какъ передаетъ

---

[1]) Смитъ, передавая въ supplément разговоръ пр. Генриха и Екатерины, по изложенію Курда фонъ-Шлецера, продолжаетъ: «Le comte Tzernyschow, partisan connu du Roi, qui se trouvait aussi présent et qui, comme l'explique l'auteur, n'attendait *probablement* (подчеркнуто Смитомъ) qu'une occasion pour parler au prince sur ce sujet»—38—39, и т. д.; насколько Чернышевъ былъ partisan connu du Roi—мы не знаемъ—во всякомъ случаѣ онъ теперь предложилъ для Пруссіи такую долю Польши, которая Фридриху показалось очень недостаточной—но что онъ представилъ императрицѣ еще до октября 1763 г. свой планъ пріобрѣтеній отъ Польши—это не подлежитъ сомнѣнію; такъ незнаніе нѣкоторыхъ фактовъ заставляло изслѣдователей отыскивать и принимать искусственныя и невѣрныя объясненія поступковъ, которые совершенно иначе и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно просто объясняются при знаніи нѣкоторыхъ обстоятельствъ.

[2]) *Oeuvres*, XXVI, 345; Рейманъ говоритъ по этому поводу: «Während so Friedrich in ganz unbestimmter Weise von einer Erwerbung sprach, dehnte der Wiener Hof seine Grenzen unerwartet und eigenmächtig aus und gab dadurch der Kaiserin von Russland eine gute Gelegenheit zu Eröffnungen, welche die erste Theilung Polens herbeigeführt haben», I, 362; но Рейманъ тоже не знаетъ нѣкоторыхъ сообщеній Панина, которыя очень важны для разъясненія нашего вопроса и которыя мы приведемъ далѣе. Дункеръ представляетъ себѣ поступокъ вѣнскаго двора какъ нѣчто вполнѣ неожиданное и развязавшее руки Россіи и Пруссіи; если бы этотъ фактъ дѣйствительно имѣлъ такой характеръ, то онъ стоялъ бы совершенно особнякомъ во всей дѣятельности Кауница.

[3]) *Oeuvres*, XXVI, 346.

Сольмсъ этотъ разговоръ: «говорилъ я также съ этимъ министромъ о территоріи, занятой австрійцами въ Польшѣ. Онъ очень смѣялся надъ призрачностью ихъ правъ, будучи того мнѣнія, что если вѣнскій дворъ и позволяетъ себѣ подобныя выходки, то вашему величеству и Россіи скорѣе должно помѣшать ему, чѣмъ слѣдовать его примѣру; что касается его, то онъ никогда не дастъ своей государынѣ совѣта завладѣть чѣмъ либо ей не принадлежащимъ. Наконецъ онъ меня просилъ не говорить въ такомъ тонѣ во всеуслышаніе и не поощрять въ Россіи идеи пріобрѣтенія на основаніи того лишь, что поступить такъ удобно» [1]). 25 января (5 февраля) 1771 г. гр. Сольмсъ опять писалъ королю, что гр. Панинъ, также какъ и нѣкоторые другіе, имѣющіе отношеніе къ этимъ дѣламъ, часто его спрашиваютъ, не даетъ ли ему его король въ своихъ депешахъ какихъ-либо наставленій по поводу того, что австрійскій дворъ сдѣлалъ свои присоединенія. «До сихъ поръ, заканчиваетъ Сольмсъ, гр. Панинъ не прибавилъ къ своимъ вопросамъ никакихъ собственныхъ разсужденій; но онъ удивляется, что я не въ состояніи дать ему какія либо разъясненія на этотъ счетъ» [2]); а 1 (12) февраля 1771 г. гр. Панинъ говорилъ Сольмсу, что Россія можетъ отказаться отъ предположенныхъ ею условій мира съ Турціей лишь за какое-нибудь другое вознагражденіе; «мнѣ хотѣлось, пишетъ Сольмсъ, чтобы онъ яснѣе выразился, что онъ подразумѣваетъ подъ другимъ вознагражденіемъ, равнымъ предложенному, но я ничего болѣе не могъ вывѣдать отъ него. Онъ прервалъ разговоръ. Такъ какъ они всѣ увѣряютъ, что они требуютъ не провинцій, то я предполагаю, что они скорѣе всего имѣютъ въ виду деньги, но что имъ стыдно спрашивать ихъ и что они желаютъ, чтобы имъ предложили взять деньги» [3]).

---

[1]) *Сборникъ*, т. XXXVII, 344, Беръ, Курдъ фонъ-Шлецеръ и Рейманъ вполнѣ принимаютъ за чистую монету такія заявленія Панина; они приписываютъ ему непослѣдовательность, измѣненіе своихъ взглядовъ,—мы сейчасъ увидимъ, насколько они правы.

[2]) *Сборникъ*, т. XXXVII, 363.

[3]) *Сборникъ*, т. XXXVII, 368, 370. Этотъ разговоръ доказываетъ, что не-

До сихъ поръ, какъ мы видимъ, Панинъ ничего не сказалъ самъ прямо; но несомнѣнно, что онъ дѣлалъ намеки; такое поведеніе его мы должны объяснять его недовѣріемъ къ прусскому королю и къ Австріи; онъ, вѣроятно, опасался — и конечно, не безъ основаній — что и тотъ и другая создали бы ему различныя затрудненія, если бы онъ прямо высказалъ свои желанія и намѣренія раньше, чѣмъ достаточно сказали, или даже и сдѣлали, Пруссія и Австрія; конечно удобнѣе было узнать maximum требованій своихъ союзниковъ, maximum, съ котораго всегда можно было сбавить и который не могъ быть уже чрезмѣрно высокъ, потому что король прусскій долженъ былъ опасаться, какъ бы не представить такихъ требованій, что не пожелали бы даже и вести переговоры на ихъ основаніи; Панинъ, конечно, понималъ, что всякія предложенія съ русской стороны частей для Пруссіи и Австріи будутъ приняты за minimum и, повидимому, предпочелъ лучше сокращать чужія требованія, чѣмъ дать расширять свои предложенія.

Но правильно ли приписывать Панину въ данномъ случаѣ уловки, не надо ли признать, что онъ высказалъ дѣйствительно то, что думалъ, когда говорилъ Сольмсу, въ концѣ февраля 1771 г., что если въ совѣтѣ возникнетъ вопросъ о присоединеніи отъ Польши нѣкоторыхъ частей и къ Россіи, то онъ будетъ говорить противъ, хотя въ концѣ концовъ ему, вѣроятно, придется согласиться, потому что значительное большинство будетъ за присоединеніе [1])? Вѣрнаго отвѣта мы должны искать, конечно, не въ томъ, что̀ говорилъ онъ иностраннымъ представителямъ: настоящаго его мнѣнія надо искать въ его перепискѣ или разговорахъ съ русскими дѣятелями, товарищами его по служенію Россіи. И вотъ что находимъ мы въ протоколѣ засѣданія совѣта при Высочайшемъ дворѣ 19 мая 1771 г.: «дѣйствительный тайный совѣтникъ Панинъ открылъ, что, по случаю извѣстнаго уже предъявленнаго вѣнскимъ дворомъ на польскія, смежныя съ

правы тѣ, которые, какъ напр. кн. П. Вяземскій (*Восемнадцатый вѣкъ*, I, 234) склонны толковать неоднократно уже упомянутую нами депешу отъ 31 декабря 1763 г., какъ намекъ на Турцію, отъ которой можно нѣчто получить.

[1]) *Сборникъ*, т. XXXVII, 406.

Венгріею, староства права и дѣйствительнаго ихъ захваченія, король прусскій отозвался здѣшнему двору въ довѣренности, что онъ не намѣренъ быть спокойнымъ зрителемъ такого сосѣдомъ его въ польскихъ земляхъ завладѣнія; что имѣетъ и онъ такъ же право на сосѣдпія съ его владѣніями польскія земли и намѣренъ равномѣрно же присоединить ихъ и чтобъ потому и Россія, если имѣетъ такія же требованія и хочетъ пользоваться симъ удобнымъ случаемъ, сдѣлала съ нимъ общее дѣло; что сіе представляетъ ему, дѣйствительному тайному совѣтнику, такой случай, о которомъ всегда помышляемо для исполненія всѣми желаемаго; что находимъ мы теперь удобность въ ограниченіи себя отъ Польши рѣками; что хотя Россія и не имѣетъ никакого права на польскую Лифляндію, однако намѣренъ онъ вывесть права на оставленныя въ Польшѣ десять заднѣпровскихъ полковъ и требовать возвращенія, а особливо, что Польша не исполнила своего за полученіе оныхъ обѣщанія; что негоцируя о семъ и согласясь на всегдашнюю уступку присвоенныхъ австрійцами и нѣкоторыхъ изъ требуемыхъ королемъ прусскимъ польскихъ земель, исключая Гданска (Данцигъ), можемъ мы получить польскую Лифляндію и желаемое ограниченіе (границы), а Польшѣ отдать, въ замѣну отбираемыхъ у нея земель, княжества Молдавское и Валашское, что интересовавъ симъ образомъ вѣнскій и берлинскій дворы, скорѣе можно будетъ заключить предполагаемый нынѣ миръ съ Турціей, и успокоить польскія замѣшательства, и что если совѣтъ на все сіе согласенъ, будетъ онъ надъ тѣмъ трудиться и отозвавшись слегка князю Лобковичу, при сообщеніи ему помянутыхъ бумагъ, приготовитъ дворъ его къ сей негоціаціи. На что и согласились» [1]).

И такъ, вотъ что говорилъ Панинъ въ совѣтѣ русскихъ министровъ. Послѣ всѣхъ своихъ осторожныхъ недомолвокъ, тонкихъ намековъ Сольмсу, послѣ своихъ завѣреній предъ прусскимъ посломъ, что онъ не посовѣтуетъ пріобрѣтеній, что онъ будетъ противъ подобнаго шага—онъ здѣсь прямо высказывается, что видитъ въ представившемся «случай, о которомъ

---

[1]) *Архивъ Государственнаго Совѣта*, т. I, ч. I. 83—84.

всегда помышляли» и что онъ выведетъ права Россіи на нѣкоторыя области Польши, хотя Россія ихъ и не имѣетъ—въ данномъ случаѣ мы позволимъ себѣ поправить Панина и замѣтить, что только незнаніе древней исторіи Россіи, вполнѣ понятное въ XVIII в., давало ему поводъ такъ говорить. Читая это заявленіе Панина въ совѣтѣ, мы видимъ, что въ теченіе всѣхъ восьми лѣтъ, пока вопросъ этотъ стоялъ на очереди, Панинъ не измѣнилъ на него своего взгляда существенно: какъ въ 1763 г. писалъ онъ въ инструкціи Кейзерлингу и Репнину о желательномъ для Россіи пріобрѣтеніи польской Лифляндіи, такъ о томъ же говоритъ онъ и теперь; все, что говорилъ онъ предъ иностранцами о своемъ несочувствіи такой идеѣ, было, значитъ, лишь хитростью съ его стороны; то обстоятельство, что онъ заговорилъ объ этомъ въ совѣтѣ только тогда, когда уже все было подготовлено для утвердительнаго отвѣта, служитъ доказательствомъ, что идея эта сама по себѣ не была ему непріятна; если бы дѣло представлялось ему нежелательнымъ, то было бы естественно ожидать, что онъ сдѣлалъ бы въ совѣтѣ заблаговременно попытки отклонить подобное предложеніе, пока дѣло не дошло уже почти до конца: для противника раздѣла всякій моментъ къ тому, чтобы поднять объ этомъ рѣчь въ совѣтѣ, былъ удобнѣе, чѣмъ тотъ, въ который его поднялъ Панинъ, т. е. тогда, когда онъ могъ сообщить, что все для раздѣла подготовлено окончательно. Въ связи съ этимъ откровеннымъ заявленіемъ Панина въ совѣтѣ нѣкоторыя его депеши, о которыхъ намъ придется еще говорить, получаютъ совершенно ясный смыслъ и подтверждаютъ, что Панинъ желалъ именно такого хода переговоровъ, какой мы видѣли, и что, значитъ, его не заставили согласиться на раздѣлъ Польши, но что онъ самъ къ этому направлялъ дѣла.

Въ отвѣтъ на то письмо пр. Генриха изъ Петербурга, въ которомъ принцъ сообщалъ королю своему брату о разговорѣ съ нимъ императрицы и гр. Чернышева, Фридрихъ писалъ ему отъ 20 (31) января 1771 г.: «что касается до захвата епископства въ вармійскаго, то я отъ этого воздержусь, потому что игра не стоитъ свѣчъ. Эта порція такъ ничтожна, что не вознаградитъ за тотъ шумъ, который изъ-за нея поднимется; но

польская Пруссія—это, пожалуй, стоитъ работы (on voudrait la peine), даже если Данцигъ въ нее не будетъ включенъ, потому что мы будемъ имѣть Вислу и свободное сообщеніе въ королевствѣ, что составляетъ нѣчто существенное. Если для этого нужны деньги, можно дать и деньги, и даже щедро дать (s'il s' agissait de depenser de l'argent, cela en voudrait la peine, et d'en donner même largement); но пустяковъ брать не стоитъ» [1]). Но ужъ разъ явилась довольно серьезная надежда на пріобрѣтенія, разъ о возможности ихъ заговорили прямо—аппетитъ Фридриха все болѣе и болѣе разгорался; съ этихъ поръ онъ только уже и говоритъ о пріобрѣтеніяхъ, торопливо сообщая Сольмсу каждую свою мысль на этотъ счетъ. 8 (19) февраля онъ предписалъ одному изъ довѣренныхъ своихъ чиновниковъ собрать и представить ему свѣдѣнія о доходности разныхъ прилежащихъ къ его границамъ польскихъ округовъ [2]); а на слѣдующій день онъ писалъ Сольмсу: «я не вижу другаго средства для сохраненія равновѣсія, какъ послѣдовать примѣру вѣнскаго двора, заявить подобно ему древнія права, находящіяся въ моихъ архивахъ и завладѣть какой-нибудь маленькой провинціей отъ Польши, съ тѣмъ, чтобы возвратить ее, если-бы австрійцы отказались отъ своихъ предпріятій, или-же сохранить, если они захотятъ поддержать свои притязанія. Вы сами понимаете, что пріобрѣтеніе такого рода не можетъ бросить тѣнь на кого-бы то ни было. Одни поляки были-бы въ правѣ кричать, но они не заслуживаютъ своимъ поведеніемъ того, чтобы русскій дворъ или я щадилъ ихъ. Разъ, что первостепенныя державы согласятся между собою, дѣло умиротворенія Польши изъ-за этого не будетъ остановлено; но я хотѣлъ-бы прежде всего знать мнѣніе русскаго двора по этому поводу» [3]),—въ то-же время онъ и дѣйствительно занялъ части польской территоріи [4]). Черезъ недѣлю

---

[1]) *Oeuvres*, XXVI, 349, 350.

[2]) *Smitt*, supplément, 46; странно, что дата этого распоряженія, состоявшагося уже послѣ возвращенія Генриха изъ Петербурга, не наводитъ Смита ни на какія соображенія о томъ, что Фридриху лишь согласіе петербургскаго кабинета дало рѣшимость приступить къ подобнымъ мѣрамъ.

[3]) *Сборникъ*, т. XXXVII, 395.

[4]) *Reimann*, I, 363.

опять шлетъ Фридрихъ письмо Сольмсу: «мнѣ, право, кажется, что для Россіи все равно, съ какой стороны она получитъ вознагражденіе, которое, судя по вашимъ депешамъ, она очень желаетъ получить. Такъ какъ ея настоящая война возникла исключительно изъ-за польскихъ дѣлъ, то я не понимаю, отчего-бы ей не искать вознагражденія въ территоріи этой республики; а что касается меня, то если я не желаю допустить перевѣса австрійцевъ, то я не могу отказаться отъ пріобрѣтенія какой-нибудь маленькой части отъ Польши, какъ-бы въ вознагражденіе за субсидіи, которыя я платилъ, и другіе расходы, которые я несъ во время войны» [1]); въ депешѣ отъ 17 (28) марта 1771 г. Фридрихъ опять говоритъ о томъ-же; въ депешѣ отъ 20 (31) марта онъ снова поручаетъ Сольмсу употребить всѣ усилія, чтобы провести его мысль, не падая духомъ отъ неудачъ. Въ депешѣ отъ 24 марта (4 апрѣля) король прусскій высказываетъ крайнее нетерпѣніе, досадуетъ на медлительность Панина, соглашается уже «удовольствоваться» епископствомъ вармійскимъ и кульмскимъ, если Россіи трудно будетъ содѣйствовать ему въ пріобрѣтеніи большаго; онъ повторяетъ, что вѣдь изъ-за Польши, изъ-за просьбъ конфедератовъ предъ Турціей, Россія ведетъ войну, слѣдовательно можетъ относиться къ Польшѣ, какъ къ государству враждебному; въ новомъ письмѣ, на другой день, Фридрихъ припоминаетъ, что вѣдь гр. Чернышевъ и гр. Орловъ сами-же заговаривали объ этомъ съ пр. Генрихомъ въ Петербургѣ [2]).

Такъ безпокоился король прусскій, не получая никакого отвѣта отъ русскаго министра; но не надо думать, что Панинъ колебался, что на него въ этотъ моментъ еще не дѣйствовали настоянія Фридриха, но вскорѣ затѣмъ повліяли; Панинъ просто оставлялъ Фридриха говорить, чтобы онъ сказалъ все, что имѣлъ по тому дѣлу сказать, а у Панина свое рѣшеніе уже было: свидѣтельствуетъ о томъ не только уже упомянутое нами заявленіе его въ Совѣтѣ, въ маѣ 1771 г., но и слѣдующее обстоятельство: именно въ мартѣ, 10-го числа, среди

---

[1]) *Сборникъ*, т. XXXVII, 397, 417.
[2]) *Сборникъ*, т. XXXVII, 433, 434, 435.

этихъ самыхъ нетерпѣливыхъ и нервныхъ настояній Фридриха, Панинъ писалъ между прочимъ Станиславу Понятовскому: «ваше величество не можетъ не признать истинной и непоколебимой преданности моей къ вамъ, если я вамъ скажу, что никогда положенію вашего королевства не предстояло большей опасности полнаго распаденія. Я умоляю ваше величество признать достойнымъ вашего самаго серіознаго вниманія эти не многія, вызванныя у меня истиною, слова и «вѣрить» и т. д.—[1]) эти слова содержатъ, намъ кажется, намекъ на судьбу, рѣшенную для Польши, и вмѣстѣ съ тѣмъ—если Панинъ не сообщилъ ничего болѣе точнаго о предложеніяхъ и просьбахъ Фридриха, то, конечно, потому, что не находилъ нужнымъ разглашать о нихъ раньше времени; но именно въ это самое время Сольмсу Панинъ говорилъ, что Россія ничего не будетъ имѣть противъ вознагражденія Пруссіи изъ польскихъ земель, что пожалуй въ совѣтѣ императрицы у большинства членовъ возникнетъ желаніе пріобрѣсть что нибудь и для Россіи и что, вѣроятно, въ концѣ концовъ и ему придется согласиться съ большинствомъ, хотя лично онъ противъ всякихъ подобныхъ пріобрѣтеній [2]). Эта депеша доставила Фридриху «нескончаемое удовольствіе» и онъ спѣшилъ заявить, что во всякомъ случаѣ онъ «ничего не предприметъ безъ согласія петербургскаго двора» [3]), въ это же самое время (25 марта н. ст. 1771 г.) Фридрихъ писалъ Финкенштейну: «я далъ Сольмсу кое какія наставленія (je ai laché quelque chose) на случай крайности: если не удастся получить части, граничащей съ моею Пруссіею—то Силезію, Новую Марку или Померанію. Все зависитъ

---

[1]) *Сборникъ*, т. XCVII, 241.

[2]) *Сборникъ*, т. XXXVII, 440.

[3]) *Сборникъ*, т. XXXVII, 441; — между письмами Фридриха къ Генриху есть письмо отъ 16 іюня (н. ст.) 1771 г., гдѣ онъ говоритъ, что очень доволенъ письмомъ императрицы, что ждетъ курьера отъ Сольмса и надѣется, что курьеръ этотъ привезетъ конвенцію, которая обезпечитъ интересы его и Россіи; «si cela est une fois conclu, je me moques des autrichiens, qui, n'ayant point de secours à tirer de leur alliés, seront bien obligés de passer par ce que nous voudrons»—*Oeuvres*, XXVI, 351—но въ серіи писемъ Екатерины и Фридриха, напечатанныхъ въ XX т. Сборника, отъ Екатерины нѣтъ ни одного письма за время отъ февраля 1771 г. до августа 1771 г., а послѣднее предъ этимъ письмо Фридриха къ Генриху—отъ марта того же года.

теперь отъ моего счастья, я былъ бы очень доволенъ, если бы мнѣ удалось присоединить къ моимъ владѣніямъ одинъ изъ этихъ участковъ. Посмотримъ, какъ возьмется за все это графъ Сольмсъ и будетъ ли онъ достаточно благоразуменъ и счастливъ, чтобы избрать правильный путь для этого важнаго и деликатнаго дѣла. Въ послѣдней депешѣ онъ получилъ отъ меня достаточныя наставленія и остается теперь взглянуть, будетъ ли онъ имѣть успѣхъ, какого, кажется, мы можемъ ожидать» [1]).

Теперь, когда съ прусской стороны было сказано уже такъ много и прямо, заговорилъ болѣе открыто и Панинъ. 25 марта по старому стилю 1771 г. Сольмсъ извѣщалъ короля, что Панинъ, по его собственнымъ словамъ: «будетъ съ удовольствіемъ способствовать тому, чтобы удовлетворить Пруссію, но надѣется, что и король облегчитъ ему возможность пригласить вѣнскій дворъ объяснить свои присоединенія въ Польшѣ, такъ какъ въ Петербургѣ не знаютъ, на какихъ условіяхъ дворъ этотъ захочетъ согласиться съ Россіею» [2]); черезъ шесть дней, 1 (12) апрѣля графъ Сольмсъ доносилъ о новомъ своемъ разговорѣ съ графомъ Панинымъ по тому же поводу— о захваченныхъ австрійцами земляхъ. Это донесеніе длинно, обстоятельно и очень интересно. Судя по нему, среди любезностей—въ родѣ, напримѣръ заявленія Панина, что онъ нуждается въ такомъ уважаемомъ авторитетѣ, какъ авторитетъ короля, что онъ проситъ совѣтовъ его не для того, чтобы ими злоупотреблять, но лишь въ качествѣ нити, по которой бы онъ могъ выбраться изъ лабиринта, среди такихъ любезностей, которыя въ общемъ, вѣроятно, переданы Сольмсомъ вѣрно—Панинъ дѣлалъ и такіе жесткіе намеки, какъ сообщеніе, что иные въ Петербургѣ подозрѣваютъ у короля, прусскаго слишкомъ обширные замыслы, другіе утверждаютъ, что вооруженія Австріи сдѣланы съ его вѣдома, причемъ Панинъ мимоходомъ вспоминалъ и два свиданія Фридриха и Іосифа [3]).

Между тѣмъ Фридрихъ отвѣчалъ Сольмсу на его депешу отъ

---

[1]) *Beer*, II, 353.

[2]) *Сборникъ*, т. XXXVII, 438.

[3]) *Сборникъ*, т. XXXVII, 450—454; см. *Архивъ Государственнаго Совѣта*, т. I, 81.

1 (12) апрѣля. Онъ писалъ, что Австрія несомнѣнно согласится на присоединеніе къ Россіи Азова и на доставленіе Россіи большей свободы плаванія по Черному морю, но не согласится никакъ на отторженіе отъ Турціи Молдавіи и Валахіи; поэтому Фридрихъ предлагалъ, чтобы императрица вмѣсто освобожденія этихъ княжествъ взяла бы себѣ по собственному выбору часть Польши; онъ писалъ, что изъ бесѣды съ Ванъ-Свитеномъ вполнѣ убѣдился, что Австрія согласится на присоединеніе частей Польши къ Россіи и Пруссіи, тѣмъ болѣе, что она сама подала этому примѣръ [1]); почти въ это самое время онъ писалъ Финкенштейну, что ему нѣтъ даже никакого дѣла, какъ взглянетъ на пріобрѣтенія его въ Польшѣ вѣнскій дворъ «если только мы войдемъ въ соглашеніе съ Россіей, говоритъ онъ, то австрійцы, конечно, принуждены будутъ согласиться, хотя бы и съ неудовольствіемъ, на то, чего они измѣнить не могутъ и изъ за чего они, безъ сомнѣнія не будутъ вести войны; они увеличатъ свою часть и рѣшатся молчать» [2]); вскорѣ послѣ этого письма, 15 мая н. ст., Фридрихъ послалъ тому же министру другое, въ которомъ приказывалъ сообщить Ванъ-Свитену, что «проектъ раздѣла Польши исходитъ прямо отъ Россіи, а не изъ его лавочки (non de ma boutique) [3]); это обстоятельство должно было, по словамъ короля, заставить австрійцевъ очень подумать прежде, чѣмъ рѣшиться на войну съ двумя государствами. Финкенштейнъ отвѣтилъ на другой день, что сообщеніе подѣйствовало, Ванъ-Свитенъ сталъ разговорчивѣе; кромѣ того, Финкенштейнъ и Фридрихъ еще разъ обмѣнялись соображеніями, что лучшее средство для Пруссіи обезпечить себѣ присоединенія—это сговориться съ Россіей [4]).

---

[1]) *Сборникъ*, т. XXXVII, 469—471.

[2]) *Сборникъ*, т. XXXVII, 477.

[3]) *Сборникъ*, т. XXXVII, 479; *Beer*, т. II, 86 и въ приложеніяхъ, № 15; подобное же заявленіе сдѣлалъ Фридрихъ Вольтеру: князь Вяземскій—*Восемнадцатый вѣкъ*, т. I, 247—248,—видитъ въ этомъ лишь его хитрость. Но трудно предположить, чтобы Фридрихъ сваливалъ обвиненіе съ себя на другаго корреспондента Вольтера, отношенія съ которымъ у Вольтера были лучше, чѣмъ съ нимъ.

[4]) *Сборникъ*, т. XXXVII, 480, 482.

Такъ дѣйствовалъ прусскій король. Припомнимъ прежніе, самые первые почти въ переговорахъ о пріобрѣтеніяхъ отъ Польши, намеки Панина, что Россія не считаетъ возможнымъ заводить подобныхъ объясненій съ Австріею — теперь многое было сказано уже Австріею; она не отнеслась къ предложеніямъ, сдѣланнымъ ей черезъ Фридриха, сразу враждебно, она сама уже пошла по намѣченному пути; теперь въ Петербургѣ сочли возможнымъ начать прямые переговоры и съ Вѣною.

Упомянутый выше отвѣтъ Фридриха на депешу Сольмса отъ 1 апрѣля ст. ст., отвѣтъ, съ сообщеніемъ, что изъ разговоровъ съ Ванъ-Свитеномъ король убѣдился, что Австрія не станетъ противиться пріобрѣтеніямъ Россіи и Пруссіи, отправленъ былъ 17 (28) апрѣля; не знаемъ, когда онъ былъ полученъ Сольмсомъ; нѣкоторыя депеши носятъ помѣту, что онѣ получены на 10 день. Во всякомъ случаѣ — 29 апрѣля состоялось наконецъ, непосредственное совѣщаніе графа Панина и князя Лобковича, австрійскаго посла въ Петербургѣ, совѣщаніе, которымъ оба участника остались очень довольны; они наговорили другъ другу много любезностей, много общихъ фразъ — о правахъ Польши, и о правахъ ихъ государствъ, о своихъ заботахъ лишь объ общемъ мирѣ и спокойствіи, и въ заключеніе, графъ Панинъ, взявъ князя Лобковича за руку, сказалъ ему; «князь, намъ нужно понять другъ друга и установить довѣріе между нами, тогда мы легко сойдемся въ томъ, что нужно для нашихъ общихъ интересовъ» (mon prince, il faut s'y connaître et établir une confiance entre nous, et nous conviendrons facilement de ce qu'il y aura à faire pour nos interêts communs»); князь Лобковичъ заявилъ послѣ этого совѣщанія, что онъ совершенно доволенъ имъ и убѣжденъ въ правотѣ и справедливости русскаго двора. Такъ довольно согласно передаютъ объ этомъ совѣщаніи прусскій и австрійскій послы [1]). Нечего, конечно, и говорить, какой высокій интересъ имѣетъ изложеніе этого же разговора, исходящее отъ Панина и обращаемое къ одному изъ русскихъ дипломатовъ; оно раскрываетъ намъ намѣренія и желанія Панина непосредственно, а не черезъ призму пониманія его рѣчей австрійскимъ или прусскимъ посломъ.

[1]) *Сборникъ*, т. XXXVII, 460—466, 473, *Beer*, II, 73.

29 апрѣля 1771 г. Панинъ писалъ Сальдерну. Только что онъ успѣлъ написать слѣдующія слова: «кн. Лобковичъ оказывается полонъ усердія и доброжелательства къ содѣйствію нашимъ дѣламъ, согласно намѣреніемъ его двора, но такъ какъ высказывается лишь въ общихъ чертахъ, не касаясь прямо никакого точно опредѣленнаго предмета, то и я предполагаю ограничиться подобными же отзывами, дабы не показать ему поспѣшности, которая противна твердости, какой требуетъ существо нашихъ дѣлъ. Но я нахожу, что слѣдуетъ немедля выяснить положеніе и я предполагаю привести его въ скоромъ времени къ болѣе откровенному разговору, при которомъ я бы могъ дать ему точныя свѣдѣнія о видахъ нашего двора и получить отъ него таковыя же о намѣреніяхъ его двора» — какъ къ нему и пріѣхалъ австрійскій посолъ; вторая половина письма, въ которой Панинымъ изложена его бесѣда, написана была немедленно послѣ визита кн. Лобковича. Гр. Панинъ говорилъ съ нимъ о мирѣ, доказывая справедливость желаній императрицы, чтобы прежде начала переговоровъ былъ освобожденъ Обрѣзковъ, затѣмъ, чтобы Россія была лучше ограждена на будущее время отъ вѣроятности новаго нападенія, получила бы возмѣщеніе расходовъ и чтобы миръ можно было сдѣлать надежнымъ и прочнымъ; сколько можно судить по депешѣ Панина онъ не коснулся никакихъ точно опредѣленныхъ условій замиренія; а тѣ общія разсужденія, какія онъ тутъ высказалъ — конечно, не могли встрѣтить возраженій; затѣмъ разговоръ перешелъ на дѣла Польши и тогда, послѣ нѣкоторыхъ общихъ разсужденій было сказано слѣдующее — продолжимъ далѣе опять словами Панина: «я коснулся занятія округа, въ который они вступили и въ которомъ установили свое управленіе... Я ему сказалъ, что нѣтъ государства, которое бы не имѣло притязаній на своего сосѣда и которое бы не могло предъявить основаній для нихъ, когда представился бы случай дать имъ ходъ. Что тѣмъ не менѣе, когда желаютъ положить конецъ замѣшательствамъ, то лучше всего выслушать другъ друга (le mieux est de s'entendre), что это, можетъ быть, лучшее средство привести дѣла въ соглашеніе и закончить ихъ ко взаимному удовольствію. Мнѣ показалось,

что онъ остался очень доволенъ этого рода намекомъ и вообще, повторивъ намъ завѣренія добраго желанія его двора услужить намъ при замиреніи, а также и увѣренія въ своихъ личныхъ чувствахъ, завѣренія, которыя я считаю искренними, онъ обѣщалъ сдѣлать кн. Кауницу точное донесеніе обо всемъ нашемъ разговорѣ» [1]). Такимъ образомъ въ первой же бесѣдѣ своей въ австрійскимъ представителемъ Панинъ, какъ самъ откровенно признаетъ, дѣлалъ ему намекъ,— намекъ именно на пріобрѣтенія отъ Польши; говоря о мирѣ Панинъ, какъ кажется, просто хотѣлъ выставить не непріятными для Австріи поступки Россіи въ томъ вопросѣ, о которомъ постоянно и много писали ему изъ Берлина и о которомъ тревожились въ Вѣнѣ; но ничего существеннаго, точнаго, опредѣленнаго онъ не сказалъ.

Въ самомъ началѣ мая гр. Панинъ имѣлъ еще разговоръ съ Сольмсомъ, по поводу котораго Сольмсъ говоритъ между прочимъ, что у всѣхъ высшихъ дѣятелей петербургскаго министерства замѣчается склонность къ соглашенію съ Австріей; «признаюсь, продолжаетъ онъ, что въ другое время я былъ бы встревоженъ послѣдствіями, которыя могли бы имѣть подобное возстановленіе согласія между двумя императорскими дворами, но я вполнѣ увѣренъ, что съ принципами, принятыми въ настоящее время за основаніе — о необходимости прусскаго союза — нечего бояться за настоящую систему. Гр. Панинъ далъ мнѣ положительнѣйшія завѣренія, что относительно пріобрѣтеній въ Польшѣ онъ будетъ заботиться объ интересахъ вашего величества, какъ объ интересахъ своего государства; я, насколько я его знаю, убѣжденъ, что онъ твердо рѣшился сдержать это обязательство и что онъ искренно будетъ способствовать вашему величеству получить удовлетвореніе, котораго вы желаете» [2]). Всѣ эти послѣдніе по времени переговоры и извѣстія доставили большое успокоеніе Фридриху. «Я такъ доволенъ вашей послѣдней депешей, писалъ онъ Сольмсу въ началѣ іюня, что если бы даже мнѣ не удалось пріобрѣсти ни

[1]) *Сборникъ*, т. XCVII, 259, 265; этого письма, кажется не зналъ Соловьевъ, онъ, по крайней мѣрѣ, не цитуетъ его.

[2]) *Сборникъ*, т. XXXVII, 473—474.

одной деревни въ Польской Пруссіи, то одно настроеніе петербургскаго двора, дружественное и откровенное, замѣнитъ мнѣ всякое пріобрѣтеніе. Однако, такъ какъ дворъ этотъ находится въ такомъ благопріятномъ для насъ настроеніи, я думаю начать съ предложенія уступить мнѣ Померанію, за исключеніемъ Данцига, а вмѣсто этого города просить воеводства Кульмъ или Маріенбургъ» и т. д. [1]).

Очень цѣнныя свѣдѣнія о поведеніи Панина во всѣхъ этихъ переговорахъ мы опять находимъ въ депешѣ его къ Сальдерну отъ 11-го іюня. Правда онъ говоритъ въ самомъ началѣ: «я перейду теперь къ переговорамъ, которые я велъ по предложенію короля прусскаго» и такимъ образомъ, какъ бы тоже выставляетъ Фридриха иниціаторомъ ихъ; но во первыхъ, возможно, что логическое удареніе въ этой фразѣ на словѣ «*я*», съ чѣмъ совершенно согласны и нѣкоторыя другія выраженія его же депешъ [2]); во вторыхъ, для насъ особенно важно, что въ этой депешѣ своему товарищу по русской службѣ, человѣку, занимавшему мѣсто посла именно въ Польшѣ, Панинъ представляетъ свое поведеніе, свое отношеніе къ возникавшему вопросу совершенно не такъ, какъ изображалъ онъ его въ своихъ бесѣдахъ съ иностранцами; во всѣхъ своихъ депешахъ Панинъ вообще очень скромно говоритъ о своей дѣятельности, никогда не старается ее особенно ярко очертитъ и выдвинуть; но мы не можемъ думать, чтобы онъ не сумѣлъ, или бы по крайней мѣрѣ не постарался бы, чѣмъ нибудь объяснить свое поведеніе, если бы ему казалось, что онъ пишетъ о такихъ отношеніяхъ, гдѣ Россія — говоря его же словами—«выступала лишь за другими державами, что есть удѣлъ державъ второстепенныхъ».

Мы видѣли, что говорилъ Панинъ на первыя недостаточно опредѣленныя предложенія Фридриха относительно пріобрѣтеній въ Польшѣ; онъ отвѣчалъ, что Россія вовсе не нуждается въ пріобрѣтеніяхъ, что онъ никогда ничего подобнаго не посовѣтуетъ, что въ Совѣтѣ будетъ противъ этого. Но изъ собственнаго изложенія Панинымъ своего поведенія въ

[1]) *Сборникъ*, т. XXXVII, 483—484.

[2]) См. напр., *Сборникъ*, т. XCVII, 337—342.

этомъ дѣлѣ мы видимъ, что онъ не даромъ сказалъ въ другой депешѣ, относящейся къ лѣту того же 1771 г.: «сдержанность и скрытность [1]) (до послѣдняго момента)—поведеніе принятое нами разъ навсегда». «Такое настроеніе и такіе запросы—говоримъ далѣе словами Панина—со стороны союзника и важность предмета побудили меня представить этотъ вопросъ на самое серьезное разсмотрѣніе Ея Императорскаго Величества. Государыня императрица, взвѣсивъ съ одной стороны справедливость принциповъ великой державы относительно своего сосѣда, равно какъ и обязательства какъ древнихъ, такъ и новыхъ трактатовъ россійской имперіи и польской республики, а съ другой стороны—права и интересъ своей имперіи, заключающійся въ значительныхъ убыткахъ, понесенныхъ безплодною донынѣ поддержкою, оказываемою сосѣднему государству для доставленія ему благополучія, которое онъ отвергаетъ; принимая во вниманіе, что узы гарантіи владѣній республики, которыя она благоволила возложить на себя, далеко не будучи приняты какъ важное благодѣяніе, являются предметомъ отвращенія столько же для всего государства, сколько и для отдѣльныхъ личностей, что упорствовать въ желаніи заставить Польшу насладиться этимъ благодѣяніемъ значило бы не только пожертвовать правами своей имперіи, но и продолжить и увеличить бѣдствіе своихъ собственныхъ подданныхъ, что все, чего Польша можетъ по справедливости требовать, это—прекращеніе ея внутреннихъ смутъ, поддержаніе царствующаго короля на престолѣ и сохраненіе внутренней формы правленія—ея императорское величество, справедливо рѣшившись дать предпочтеніе, какое монархъ, отечески пекущійся о своемъ народѣ, прежде всего обязанъ давать его интересамъ, его безопасности, его спокойствію и выгодамъ своей державы, постановила вступить въ предложенное королемъ прусскимъ соглашеніе; а вслѣдствіе сего я попросилъ гр. Сольмса сообщить намъ точныя свѣдѣнія о видахъ и требованіяхъ его двора, дабы, сообщивъ ему съ нашей стороны права и требованія Россіи, мы могли бы формулировать все ихъ въ особой конвенціи, въ коей мы

[1]) Пожалуй даже «притворство»—въ депешѣ стоитъ dissimulation.—*Сборникъ*, т. XCVII, 356.

условимся и о способахъ обезпеченія успѣха соглашенія обоихъ союзниковъ, ибо сколь бы ни полагаться на истинныя намѣренія вѣнскаго двора, все таки слѣдуетъ принять мѣры на случай сопротивленія съ его стороны или со стороны какой либо иной державы. — Вслѣдствіе вышеизложеннаго я далъ этому дѣлу слѣдующее направленіе. Такъ какъ мы всегда просили короля прусскаго заставить вѣнскій дворъ довѣрительно объясниться относительно пространства его намѣреній касательно расширенія его границъ въ сторону Польши, и такъ какъ король,—не будучи ли въ состояніи склонить вѣнскій дворъ къ дачѣ категорическаго отвѣта, или же не желая, чтобы мы раньше времени были сполна освѣдомлены о его образѣ мыслей,—всегда однако давалъ намъ понять, что онъ какъ бы увѣренъ, что вѣнскій дворъ не сдѣлаетъ затрудненій относительно соглашеній, какія могли бы заключить между собою союзники и что онъ считаетъ даже возможнымъ поручиться за возможность такого соглашенія безъ всякихъ препятствій, то я взиралъ на это разногласіе какъ на доказательство необходимости для меня выяснить истинные виды вѣнскаго двора. Поэтому я затронулъ этотъ предметъ съ кн. Лобковичемъ; я сказалъ, что не находя въ вопросѣ о нашемъ примиреніи съ Турціею повода къ ихъ вооруженіямъ, по необходимости обращаюсь къ польскимъ дѣламъ; что если мое предположеніе вѣрно, то я нахожу, что идея такого (т. е. на счетъ Польши) соглашенія тѣмъ болѣе можетъ быть удобна для Россіи, которая не только вооружена, но имѣетъ свои войска въ центрѣ Польши и которая находится въ открытой войнѣ съ частью (польскаго) народа.

Я сказалъ кн. Лобковичу, что если дѣйствительно есть,— а я въ этомъ не могу сомнѣваться,—какое либо основаніе моему предположенію, то я прошу его доставить мнѣ со стороны кн. Кауница знакъ довѣрія сообщеніемъ мнѣ намѣреній и предмета касательно Польши, какіе онъ могъ имѣть, совѣтуя своему двору вооруженія; что онъ можетъ сдѣлать это съ полною увѣренностью, что я никогда этимъ не злоупотреблю и что, мало того, я всегда буду радъ содѣйствовать всему, что можетъ способствовать болѣе тѣсному сближенію нашихъ мо-

нарховъ къ ихъ обоюдной выгодѣ; что по всей вѣроятности здѣсь не придется рѣшать вопроса о магометанскомъ владычествѣ надъ христіанскими провинціями, а дѣло будетъ идти о распредѣленіи между христіанскими державами нѣкоторыхъ христіанскихъ владѣній съ цѣлью политическаго равновѣсія, болѣе пригоднаго къ объединенію интересовъ сосѣдей и къ упроченію ихъ спокойствія. Имѣя такимъ образомъ въ виду округленіе границъ сосѣдей Польши, нельзя однако сомнѣваться, что и послѣ этого эта республика можетъ еще существовать на положеніи значительной державы и что части, которыя будутъ отъ нея отдѣлены, ничего, конечно, не потеряютъ отъ того, что не будутъ болѣе подъ такою державою, которая въ настоящее время представляетъ собою лишь хаосъ и безпорядокъ.

Кн. Лобковичъ увѣрилъ меня, что ему рѣшительно ничего неизвѣстно о видахъ его двора, но что онъ прослѣдилъ мои разсужденія и признаетъ ихъ основательными; что онъ довѣрительно сообщитъ кн. Кауницу все, что я ему сказалъ, и попроситъ его отвѣтить взаимностью на мое довѣріе и откровенность, присовокупивъ, что онъ надѣется, что я останусь доволенъ его отвѣтомъ» [1]).

Изъ этой депеши очевидно, во первыхъ, что Панинъ пишетъ Сальдерну уже спустя долгое время послѣ того, какъ посолъ короля прусскаго получилъ принципіальное согласіе Россіи: Панинъ говоритъ о неоднократной пересылкѣ его по поводу русскаго согласія—слѣдовательно и разговоръ Панина съ императрицею долженъ быть отнесенъ тоже къ самому началу этихъ переговоровъ — а отсюда выходитъ, что Панинъ давно уже зналъ ея рѣшенія, когда говорилъ Сольмсу, что не посовѣтуетъ ей никакихъ пріобрѣтеній; во вторыхъ, мы видимъ и тутъ, что Панинъ вовсе не слѣдуетъ слѣпо за прусскими внушеніями, а по прежнему, относится далеко не съ полнымъ довѣріемъ къ дѣйствіямъ Фридриха и допускаетъ, что король прусскій или «не былъ въ состояніи склонить вѣнскій дворъ къ рѣшительному отвѣту, или не желалъ, чтобы мы раньше времени были освѣдомлены сполна о его образѣ мыслей»,—и въ третьихъ,

[1]) *Сборникъ*, т. XCVII, 335—340.

наконецъ, нельзя не видѣть изъ всего характера изложенія Панина, что онъ вовсе не былъ противъ этого дѣла, что онъ искалъ не случаевъ и средствъ его отклонить, а напротивъ случаевъ и способовъ привести его къ тому именно концу, къ которому оно и пришло.

Во всѣхъ переговорахъ, связанныхъ съ этимъ дѣломъ гр. Н. И. Панинъ является предъ нами очень ловкимъ дипломатомъ; онъ сумѣлъ довести благополучно до конца чрезвычайно сложное и затруднительное дѣло, не сказавши ни одного лишняго слова, не попавшись ни въ какую ловушку, въ которую другіе его товарищи по этимъ переговорамъ, конечно, очень рады были бы его поймать. Мы видѣли уже выше, что Панинъ никогда искренно не довѣрялъ Фридриху, враждебность же Австріи была ему совершенно ясна; онъ, конечно, понималъ, что Австрія и Пруссія каждая заботятся всего болѣе о себѣ и всего менѣе о Россіи; изъ переписки Кауница и Фридриха совершенно ясно, что они постоянно имѣли въ виду дать Россіи извлечь изъ войны какъ можно менѣе выгодъ [1]). И не смотря на все это затаенное недоброжелательство, подстерегавшее, конечно, малѣйшій ложный шагъ русской политики, чтобы сдѣлать изъ него наиболѣе вредное для Россіи употребленіе, Панинъ сумѣлъ провести очень щекотливые переговоры и, постоянно преслѣдуя давно поставленную цѣль, высказаться послѣднимъ, предъявить претензіи наиболѣе опредѣленно и точно и не отступить отъ нихъ ни на шагъ. Единственно, отъ чего отказались съ русской стороны—это требованіе, которое и съ самаго начала должно было казаться недостижимымъ, именно требованіе освобожденія отъ Турціи Молдавіи и Валахіи; но намъ кажется, что на рѣшеніе въ такомъ смыслѣ долженъ былъ повліять самый ходъ военныхъ дѣйствій, когда даже послѣ такого удивительнаго успѣха, какой достигнутъ былъ въ 1770 г., тремя кампаніями не удалось русскимъ окончательно и вполнѣ утвердиться въ этихъ княжествахъ. Какъ мы надѣемся разъяснить далѣе, Панинъ, устроивъ мирный раздѣлъ земель несчастнаго государства — не забудемъ, уже болѣе столѣтія дававшаго пищу планамъ именно такого рода—обезпечилъ Россіи очень суще-

[1]) См. *Beer*, I, 309, 321 326, 328 и др.; II, 8—10, 16—23, 152—153.

ственныя выгоды, всѣ выгоды, связанныя съ присоединеніемъ Крыма. Когда дѣло шло уже къ окончательной развязкѣ — естественнымъ результатомъ всего поведенія Панина явилось то, что въ его рукахъ оказалось руководительство переговорами всѣхъ трехъ участниковъ этого дѣла. Во всемъ этомъ дѣлѣ Панинъ бнаружилъ замѣчательныя дипломатическія дарованія. Но обладая въ великой степени всѣмъ дипломатическимъ искусствомъ того вѣка, который самъ назвалъ себя просвѣщеннымъ, Панинъ не сталъ, какъ мы уже говорили, выше своего вѣка: какъ всѣ его современники онъ, стремясь къ усиленію своего государства, признавалъ усиленіемъ лишь увеличеніе матеріальныхъ силъ государствъ—его населенія и доходовъ казны; мысль о томъ, что истинные успѣхи государства и народа гораздо болѣе связаны съ улучшеніемъ внутреннихъ отношеній, съ распространеніемъ въ массѣ просвѣщенія, съ подъемомъ народнаго благосостоянія — осталась ему чуждою. Признаніе этого не мѣшаетъ, однако, видѣть намъ въ Панинѣ человѣка, который въ своемъ стремленіи усилить общеевропейское политическое значеніе Россіи сдѣлалъ такъ много, что больше его сдѣлали лишь очень и очень немногіе.

Когда Фридрихъ прислалъ Сольмсу послѣднюю свою нами упомянутую депешу, посолъ извѣстилъ его, что гр. Панинъ очень доволенъ этими извѣстіями отъ короля; но въ болѣе обстоятельныя разсужденія Панинъ не вступалъ, ссылаясь на недостатокъ времени и на безпокойства вслѣдствіе болѣзни великаго князя; три мѣсяца не получалъ король прусскій сколько-нибудь обстоятельнаго отвѣта и опять началъ очень волноваться, какъ бы не разстроилось соглашеніе между Россіей и Австріей; опять ему стала мерещиться общеевропейская война, онъ началъ разсчитывать, какихъ расходовъ она отъ него потребуетъ и снова началъ настоятельно взывать о мирномъ соглашеніи [1]).

---

[1]) *Сборникъ*, т. XXXVII, 498—502, 503, 506, 510, 515 и др. Въ одной депешѣ отъ 10 сентября н. ст. Фридрихъ между прочимъ, пишетъ: «il est certain que jusqu'à ce moment il n' y a aucun traité de signé entre l' Autriche et la Porte» — *Сборникъ*, т. XXXVII, 500; Смитъ замѣчаетъ, что это доказываетъ, что Фридрихъ тогда еще не зналъ о существованіи такого договора; да, но если такъ, то это же несомнѣнно доказываетъ, что Фридрихъ иногда утвер-

Панинъ же еще въ іюнѣ былъ совершенно убѣжденъ въ благополучномъ исходѣ переговоровъ: въ депешѣ отъ 23 іюня Сальдерну онъ писалъ, что «мы приближаемся къ моменту, когда для насъ выяснятся истинные виды вѣнскаго двора и отношеніе его къ нашимъ дѣламъ; до тѣхъ поръ сдержанность и скрытность— поведеніе, принятое нами разъ навсегда» [1]) — послѣ всего того, что мы видѣли, трудно предполагать въ этихъ словахъ, что-либо кромѣ видовъ на Польшу; что касается австрійскихъ вооруженій, то къ нимъ относились совершенно спокойно [2]), да и несомнѣнно, что еслибы въ Петербургѣ думали о нападеніи Австріи на Россію, то не такъ бы говорили; кромѣ того раскрывается съ полною несомнѣнностью, что Панинъ все время не выпускалъ изъ виду пріобрѣтенія отъ Польши, въ депешѣ отъ 5 декабря 1776 г., о которой придется намъ говорить.

Но въ это время произошло совершенно неожиданное. и дѣйствительно странное событіе, которое едва было не разстроило всего почти окончательно установленнаго соглашенія: Австрія заключила оборонительный союзъ съ Турціей. Переговоры о немъ начаты были вѣнскимъ правительствомъ, въ его стремленіи какъ-нибудь извлечь себѣ выгоды изъ войны своихъ сосѣдей, еще въ прошломъ, 1770 г., немедленно послѣ свиданія Іосифа и Кауница съ Фридрихомъ; Тугутъ, впослѣдствіи знаменитый министръ, тогда еще только резидентъ въ Константинополѣ, успѣлъ привести эти переговоры къ концу и 6 іюня (н. ст., 25 мая по ст. ст.) 1771 г. ночью подписанъ былъ этотъ договоръ; Турція уплачивала Австріи 20.000 «мѣшковъ» (которые составляли 11.500.000 талеровъ) въ пять сроковъ, черезъ четыре мѣсяца каждый; Австрія обязывалась доставить ей миръ на условіяхъ Бѣлградскаго мира—въ послѣднюю минуту предъ подписаніемъ Тугутъ успѣлъ склонить турецкихъ уполномоченныхъ внести въ трактатъ, что Австрія обязуется

ждалъ совершенно положительно, не зная точно, вѣрно ли его утвержденіе; странно, что этого вывода у Смита не сдѣлано.

[1]) *Сборникъ*, т. XCVII, 356.

[2]) *Сборникъ*, т. XCVII, 39—61, апрѣль 1771 г., и *Архивъ Государственнаго Совѣта*, I, 75, февраль 1771 г.

доставить Портѣ миръ на условіяхъ Бѣлградскаго мира «или на другихъ условіяхъ, соотвѣтствующихъ времени и обстоятельствамъ»; пятая часть всей суммы была немедленно Турціею выплачена и Австріею получена [1]).

Подписаніе этого договора поставило австрійскихъ дипломатовъ въ затруднительное положеніе: имъ приходилось рѣшить,—что̀ выгоднѣе: предстоящее ли соглашеніе съ Россіей и Пруссіей, или уже состоявшееся съ Турціей? и какъ держаться, если признать выгоднѣйшимъ второе? На первый моментъ, совершенно естественно, возобладало вліяніе ближайшаго, уже состоявшагося соглашенія и въ іюнѣ кн. Кауницъ сообщилъ кн. Голицыну записку, названную «Словесный отвѣтъ на конфиденціальное изложеніе русской императрицы о мирѣ съ турками и на дальнѣйшія сообщенія, сдѣланныя князю Лобковичу». Кауницъ пространно доказывалъ въ этой запискѣ, что на предложенныхъ Россіею условіяхъ Турція мира не заключитъ, такъ какъ подобный миръ въ будущемъ неизбѣжно лишь ускорилъ бы столкновенія и что кромѣ того онъ не соотвѣтствуетъ интересамъ Австріи. Кауницъ говорилъ тутъ прямо, что признаніе независимости татаръ необходимо поведетъ къ зависимости ихъ отъ Россіи [2]), что Турція не можетъ признать себя не въ силахъ болѣе господствовать на сѣверномъ берегу Чернаго моря; независимость татаръ онъ выставлялъ опасною для спокойствія Австріи, утверждая, что не сдерживаемые Турціею татары будутъ безпокоить границы имперіи; что же касается независимости Молдавіи и Валахіи, то онъ говоритъ, что если они перейдутъ подъ власть сильнаго государства, то этимъ будетъ нарушено равновѣсіе силъ на востокѣ, если же

---

[1]) *Beer*, II, 33—37; *Raumer*, Beiträge, IV, 492; текстъ конвенціи напечатанъ у *Görtz*, Mémoires et actes authentiques, relatifs au partage de la Pologne, и у *Hammer*, Geschichte des osmanischen Reichs; мы пользовались копіею съ него, сообщенною Голицынымъ изъ Вѣны Панину при письмѣ отъ 3 іюля 1772 г.—Моск. Главн. Архивъ Мин. Ин. дѣлъ, Сношенія съ Австріею, 1772, связка 23.

[2]) Такъ же понимали это и въ Англіи и во Франціи — *Сборникъ*, т. XIX, 129; *Соловьевъ*, книга VI, 765, 872; безъ сомнѣнія такъ понимали это въ Петербургѣ—не говоря уже объ указанныхъ нами ранѣе наставленіяхъ консулу Никифорову—см. выше, 198—199—въ этомъ убѣждаетъ уже одно то, что такія указанія въ русскихъ отвѣтахъ прямо замалчивались.

подъ власть слабаго, то не будутъ служить барьеромъ между Австріей и татарами [1]).

Этотъ отвѣтъ, такъ отличавшійся отъ всего того, что говорилъ Лобковичъ [2]), очень удивилъ въ Петербургѣ; тамъ еще, очевидно, не знали причины, побуждавшей кн. Кауница такъ говорить. Но прямо заявленное австрійскимъ канцлеромъ несогласіе на самыя существенныя требованія Россіи отъ Турціи не заставило Панина ни мало отъ нихъ отступиться.

Отвѣтъ Панина, врученный Лобковичу съ высочайшей апробаціи 1 августа [3]) отличается всѣми присущими перепискѣ Панина достоинствами: то же умѣнье взглянуть шире своего соперника, та же способность указать новыя точки зрѣнія, та же находчивость и умѣнье поставить своего противника въ неловкое положеніе именно тогда, когда, повидимому, выставлены возраженія самыя трудныя для Панина.

Панинъ отклонилъ прежде всего возраженія Кауница на счетъ того, что татары и Молдавія и Валахія будутъ, по освобожденіи отъ турецкаго владычества, опасными для Австріи; да и дѣйствительно, эти замѣчанія не трудно было опровергнуть: если допускать, что татары сохранятъ независимость, то

---

[1]) *Соловьевъ*, книга VI, 764—765.

[2]) *Сборникъ*, т. XCVII, 394, 411; *Архивъ Государственнаго Совѣта* I, 93—94, засѣданіе 14 іюля.

[3]) *Соловьевъ*, книга VI, 765—767, приводитъ длинную выписку изъ этого отвѣта и очевидно считаетъ его произведеніемъ самой императрицы. «Екатерина сама написала возраженія на этотъ отвѣтъ»—такъ начинаетъ Соловьевъ его изложеніе. Но несомнѣнно, что возраженія написаны при ближайшемъ участіи Панина и имъ лишь приданъ видъ заявленій, идущихъ прямо отъ императрицы — мы выше уже говорили, что къ такому способу прибѣгали, когда хотѣли сказать что-либо такое, или такъ сказать, что и какъ казалось невозможнымъ говорить отъ имени министровъ. Въ данномъ же случаѣ мы имѣемъ и прямое свидѣтельство Панина; вотъ что писалъ онъ Сальдерну въ очень секретной депешѣ: «я счелъ нужнымъ принять предосторожность въ нашемъ отвѣтѣ, дабы въ немъ по меньшей мѣрѣ въ одинаковой степени выразить и твердость, требуемую достоинствомъ императрицы, и безусловную независимость ея дѣла въ настоящей войнѣ и естественно необходимое для насъ уваженіе къ столь важному для насъ дѣлу. *Я полагалъ, что придамъ болѣе силы нашимъ доводамъ, удалившись отъ методы словесныхъ сообщеній просто отъ министра министру, какая была принята въ принципѣ и практиковалась донынѣ съ притворною добросовѣстностью.* Я изложилъ письменно собственное разсужденіе ея величества» и т. д.—*Сборникъ*, т. XCVII, 412.

легко было доказывать, что они опасны менѣе, чѣмъ будучи подчинены туркамъ, если же допускать, что подчинитъ ихъ себѣ Россія, то было еще болѣе несомнѣнно, что они не станутъ тогда дѣлать какъ прежде набѣговъ [1]). Затѣмъ Панинъ переходитъ къ замѣчаніямъ на счетъ того вообще, что Австрія такъ сильно принимаетъ на себя защиту интересовъ Турціи. Онъ говоритъ: но если даже и признать, что Турція значительно ослабѣетъ отъ принятія тѣхъ условій мира, какія ставитъ Россія, то вѣдь это выгодно не только для одной Россіи, а не меньше и для Австріи; противнаго заключенія «нельзя себѣ и вообразить, по словамъ Панина, безъ цѣлаго развращенія всѣхъ идей, общепринятыхъ и утвержденныхъ толикихъ вѣковъ опытомъ». Онъ говоритъ, что союзъ съ Портою невозможенъ, потому что со стороны христіанскихъ государей «всѣ правила чести и достоинства никогда не позволятъ принять ее въ корпусъ союза, а если бы она по несчастью въ оный принята была, то бы конечно дала познать себя своимъ вѣроломствомъ и несчастными и пагубными ударами, наносимыми равномѣрно—какъ друзьямъ своимъ, такъ и непріятелямъ». Въ заключеніи же этой своей депеши Панинъ высказывается замѣчательно вѣрно на счетъ того, чего нельзя дѣлать, чего не надо допускать въ отношеніяхъ турецкихъ, если не желаютъ на многіе вѣка задержать разрѣшеніе такъ называемаго восточнаго вопроса. Онъ говоритъ, что было бы неслыханною выгодною для Порты, если бы со стороны христіанскихъ государей было признано за необходимое сохраненіе Оттоманской имперіи «и ра-

---

[1]) Замѣчательно, что въ этомъ отвѣтѣ, врученномъ Лобковичу 1 августа, Россія стоитъ на своемъ требованіи освобожденія Молдавіи и Валахіи, между тѣмъ, какъ въ депешѣ Сальдерну 11 іюня графъ Панинъ сообщалъ, что онъ сказалъ между прочимъ Лобковичу, что «по всей вѣроятности Россіи и Австріи не придется рѣшать вопроса о магометанскомъ владычествѣ надъ христіанскими провинціями, о дѣлѣ будетъ идти о распредѣленіи между христіанскими державами нѣкоторыхъ христіанскихъ владѣній съ цѣлью политическаго равновѣсія»—*Сборникъ*, т. XCVII, 339. Какъ увидимъ ниже, Панинъ несомнѣнно имѣлъ тутъ въ виду пріобрѣтенія отъ Польши. Такъ польскія отношенія занимали въ этихъ переговорахъ его съ Австріей существенно важное мѣсто: несогласіе на желанія Россіи въ нихъ вызвало шагъ назадъ со стороны русскаго правительства въ отношеніи мирныхъ его условій.

зумѣлось бы соединеннымъ съ ихъ собственнымъ сохраненіемъ, тогда какъ со своей стороны Турція не затрудняется нападать на европейскія державы» [1]). Панинъ отъ имени императрицы говоритъ: «Какая же это была бы неслыханная выгода для Порты, если бы относительно ея христіанскіе государи приняли бы за незыблемое основаніе своей политической системы сохраненія ея, если бы ни одинъ государь не могъ помышлять объ освобожденіи отъ нея ни одной, завоеванной ею провинціи, и по отвоеваніи былъ бы обязанъ ее возвратить. И какое было бы положеніе государства, которое, какъ въ данномъ случаѣ мое, вело бы съ Портою справедливую и удачную войну? Довольствуясь однимъ тщетнымъ блескомъ торжества, оно не смѣло бы прикоснуться къ добычѣ, потому только, что непріятель ея Порта? Христіане, воюя между собою, поступаютъ не столь великодушно».

Такимъ образомъ русскій отвѣтъ не обнаруживалъ ни малѣйшей уступчивости; и дѣйствительно, не хотѣли ни въ чемъ уступать Вѣнѣ; въ протоколахъ Совѣта записано по поводу доклада Панинымъ объ отвѣтѣ Кауница, что онъ «явно доказываетъ его недоброжелательство; что надобно, однакожъ, отвѣтствовать ему и не вступая въ опроверженіе и изъясненіе его мнѣній, изъявить ему сожалѣніе о встрѣтившихся въ безкорыстныхъ желаніяхъ нашихъ затрудненіяхъ и что не можемъ мы со всѣмъ тѣмъ отступить отъ столь справедливыхъ и всему христіанству полезныхъ требованій» [2]). Еще яснѣе говоритъ о своихъ намѣреніяхъ, объ ожидавшихся отъ этого отвѣта въ Вѣну результатахъ, Панинъ въ перепискѣ своей съ Сальдерномъ; въ депешѣ отъ 23 августа онъ сообщалъ послу о странномъ отвѣтѣ Кауница, и далѣе говорилъ: «послѣ столь недвусмысленнаго проявленія неблагопріятнаго расположенія вѣнскаго двора нашею первою заботою было озаботиться о новыхъ мѣрахъ и о новыхъ соглашеніяхъ, которыя начаты съ королемъ прусскимъ... Мы должны отправляться отъ одного твердаго и неизмѣннаго пункта, именно, что удастся ли убѣдить вѣнскій дворъ приступить къ нашему соглашенію

[1]) *Сборникъ*, т. XCVII, 382—394, особенно 386, 387—388, 390—392.
[2]) *Архивъ Государственнаго Совѣта*, I, 94.

съ королемъ прусскимъ, или же онъ останется въ сторонѣ или формально воспротивится ему — во всякомъ случаѣ рѣшено, что мы тѣмъ не менѣе будемъ его приводить въ исполненіе... На основаніи соглашенія, которое мы заключаемъ съ королемъ прусскимъ, онъ долженъ будетъ первый захватить округа, на которые онъ заявляетъ притязанія, а мы съ нашей стороны стянемъ къ нынѣшней осени значительный корпусъ второй арміи къ границамъ для занятія территорій, которыя должны быть включены въ новую нашу пограничную линію; но въ случаѣ надобности эти войска будутъ имѣть возможность зайдти и далѣе, дабы тѣмъ болѣе стѣснить конфедератовъ. Къ тому времени у меня будетъ на готовѣ и я препровожу вашему превосходительству декларацію для оправданія этого захвата, или—вѣрнѣе сказать—согласившись съ королемъ прусскимъ о часѣ и минутѣ, когда мы объявимъ о нашихъ видахъ и приступимъ къ имъ исполненію, мы согласимся съ нимъ касательно обоюдной нашей деклараціи, въ которой каждый изъ союзниковъ изложитъ свои давнія притязанія или же права на вознагражденіе за ущербъ, причиненный поляками. Если ужъ платить, то лучше платить ради нашихъ интересовъ, чѣмъ ихъ. Я полагаю, что весь этотъ огромный расходъ на конфедерацію, которая займется лишь замиреніемъ Польши, долженъ быть произведенъ лишь на такую конфедерацію, которая подчинится всѣмъ нашимъ условіямъ и нашихъ союзниковъ» [1]).

Изъ этой депеши совершенно очевидно, что Панинъ желаетъ соглашенія на счетъ Польши; онъ—совершенно очевидно — ищетъ способа его осуществить, а не способа его избѣгнуть; о какомъ нибудь принужденіи его къ этому не можетъ быть и рѣчи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ эта депеша, такъ и нѣсколько послѣдующихъ еще разъ доказываютъ, что вовсе Фридрихъ не являлся руководителемъ этого дѣла, что онъ былъ лишь просителемъ, который желалъ бы примѣнить установленное соглашеніе какъ можно шире, но вовсе не иниціаторомъ. Въ припискѣ къ этой же депешѣ, о которой

---

[1]) *Сборникъ*, т. XCVII, 412, 413, 414, 415 и 416.

мы выше говорили, Панинъ сообщалъ Сольдерну проектъ конвенціи о присоединеніяхъ отъ Польши, свой контръ-проектъ и прибавлялъ: «я полагаю, что дѣло должно непремѣнно заключиться согласно условіямъ нашего контръ-проекта» — а насколько важными казались Панину эти бумаги, насколько тщательно старался онъ держать ихъ въ глубочайшемъ секретѣ, видно изъ слѣдующей приписки, все къ той же депешѣ: «Документы, упомянутые мною въ этомъ письмѣ, не будутъ приложены къ этой посылкѣ. Дабы вѣрнѣе доставить ихъ вамъ, я ихъ передалъ ген. Бибикову, который, конечно, будетъ тщательнѣе охраняемъ, чѣмъ курьеръ. Такъ какъ онъ отправился уже 9-го числа, то я думаю, что онъ прибудетъ въ Варшаву вскорѣ послѣ настоящаго курьера, если даже не скорѣе» [1]).

Въ то же самое время, какъ Панинъ встрѣтилъ довольно неожиданно сопротивленіе вѣнскаго двора, ему пришлось отвращать усиленныя притязанія Фридриха включить въ предположенныя пріобрѣтенія Пруссіи такой важный пунктъ, какъ Данцигъ; довольно несомнѣнно, что Фридрихъ предъявлялъ эти притязанія именно потому, что въ эту минуту русское правительство было уже затрудняемо со стороны Вѣны: въ письмѣ къ пр. Генриху отъ 27 сентября нов. ст. 1771 г. Фридрихъ, извѣщая объ несогласіи между Россіей и Австріей, писалъ: «вотъ моментъ для заключенія конвенціи съ Россіей — все это улучшитъ условія, какія я получу», а 2 октября н. ст. онъ извѣщалъ, что сдѣлалъ попытку получить Данцигъ [2]). Для выясненія истинаго характера участія въ этомъ дѣлѣ Россіи и Пруссіи вполнѣ сохраняетъ значеніе тотъ фактъ, что въ тотъ самый моментъ, когда въ Петербургѣ рѣшали настаивать на присоединеніяхъ отъ Польши не смотря на противодѣйствіе Австріи, въ тотъ самый моментъ не считали тамъ нужнымъ уступать Пруссіи. Фридрихъ началъ свои настоянія объ уступкѣ ему Данцига съ сентября и до второй половины декабря многократно и на разные лады писалъ Сольмсу, подавая ему разные совѣты, какъ добиться согласія

[1]) *Сборникъ*, т. XCVII, 418.
[2]) *Oeuvres*, XXVI, 353, 355.

Россіи по этому пункту [1]) — все напрасно; онъ встрѣтилъ рѣшительное несогласіе и наконецъ уполномочилъ Сольмса заявить, что отказывается отъ Данцига [2]). До самаго того момента пока Фридрихъ не отказался окончательно отъ мысли о включеніи этого города въ свою долю, Панинъ не давалъ никакого отвѣта на его настоянія, чтобы скорѣе назначенъ былъ срокъ вступленія во владѣніе и даже состоялось бы самое вступленіе; но, заставивши Фридриха отказаться отъ своихъ притязаній, гр. Панинъ, по донесенію Сольмса, «былъ въ восторгѣ» и тогда началъ извиняться, «что просилъ послѣднее время отсрочекъ для вступленія во владѣніе» — онъ объяснялъ это свое поведеніе заботами по поводу чумы въ Москвѣ [3]).

5 декабря Панинъ отправилъ въ Вѣну къ нашему послу кн. Голицыну для сообщенія кн. Кауницу обстоятельную депешу, а на другой день вручилъ въ Петербургѣ кн. Лобковичу «собственный отвѣтъ» императрицы, который въ копіи былъ сообщенъ и Голицыну—все по польско-турецкому вопросу.

Въ депешѣ Голицыну для сообщенія кн. Кауницу въ краткихъ, но сильныхъ выраженіяхъ повторены были возраженія противъ условій мира, предложенныхъ Кауницемъ въ іюлѣ; городъ Азовъ — утверждалъ Панинъ, не есть пріобрѣтеніе, потому что онъ и принадлежалъ Россіи, которая отказалась лишь отъ пользованія имъ, а не отъ права собственности, а тѣмъ менѣе уступала это право Турціи; Кабарды — области совершенно не важныя, ничтожныя, какъ это от-

---

[1]) Мы знаемъ, впрочемъ, объ этомъ лишь отрывки: 12 депешъ за конецъ сентября 1771 г. не были сообщены Императорскому Русскому Историческому обществу изъ Берлинскаго тайнаго архива, *Сборникъ*, т. XXXVII, 497.

[2]) *Сборникъ*, т. XXXVII, 547, 552—554, 585—586, 602 и др. Фридрихъ писалъ затѣмъ Сольмсу: «чѣмъ больше я размышляю, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что единственно внушеніямъ Англіи я долженъ приписать затрудненія, встрѣченныя мною для включенія Данцига въ мою часть Польши» — *Сборникъ*, т. XXXVII, 608 — въ перепискѣ англійскихъ пословъ Данцигъ упоминается лишь мимоходомъ и нѣтъ сколько нибудь обстоятельныхъ инструкцій по поводу его; намъ нѣтъ подобности искать внушеній Англіи: не по собственнымъ размышленіямъ, а изъ документовъ мы знаемъ, что сами Панинъ и Екатерина вовсе не склонны были много уступать Фридриху.

[3]) *Сборникъ*, т. XXXVII, 602—603.

лично знаютъ въ Россіи, тогда какъ въ другихъ странахъ представленія о нихъ совершенно не вѣрныя; право торговли по Черному морю — не есть сколько нибудь важное пріобрѣтеніе, потому что логически Россія и должна бы его имѣть, невладѣніе имъ есть несправедливое ограниченіе Россіи; что же касается денежнаго вознагражденія—то «какая же бы, держава, говоритъ Панинъ, пожертвовала когда либо кровію толикихъ тысячъ своихъ подданныхъ единственно для денегъ»? Послѣ этого Панинъ говоритъ, что почетный и спокойный миръ «не можетъ существовать для Россіи безъ перемѣны границъ ея, которую она и учинить хочетъ», а затѣмъ послѣ нѣсколькихъ фразъ, слѣдуетъ: «да позволено намъ будетъ изъясниться прямодушно и искренно съ министромъ, толь совершенно знающимъ истинные дворовъ интересы, и особливо съ столь отличнымъ честностію и качествами ума своего. Его дворъ требуетъ возвращенія тѣхъ польскихъ дистриковъ, на кои имѣетъ онъ права; но можно-ль отнять то у князя Кауница, чтобы онъ не проникъ и недовольно взялъ въ уваженіе, что нѣтъ такого государства, которое не имѣло бы всегда явныхъ правъ [1]), на своихъ сосѣдей и права взыскать на нихъ то при удобномъ случаѣ, и что также нѣтъ ни одного, которое не было-бъ удостовѣрено о надобности равновѣсія могущества, которое одно только можетъ каждаго обезпечить въ сохраненіи своего владѣнія.

Для соблюденія истины и для доказательства безпредѣльной нашей довѣренности къ честности и правосудію князя Кауница, мы изъясняемся точнѣе и не скрываемъ отъ него, что Россія имѣетъ также и находитъ себя въ состояніи предъявить весьма основательныя притязанія на Польшу, и что мы надежно можемъ сказать то же самое и о союзникѣ нашемъ прусскомъ королѣ, такомъ же сосѣдѣ Польши. Здѣсь скажу я вашему сіятельству, что какъ статскія правила императрицы никогда не рождали соперничества или ревнованія къ Вѣн-

---

[1]) Эти слова какъ будто со страницъ 29 — 31 книги Сореля «Европа и французская революція», I и эти страницы прекрасная имъ иллюстрація и доказательство, что Панинъ дѣйствовалъ совершенно согласно съ духомъ времени.

скому двору, то ежели сей дворъ признаетъ за приличное для себя вступить въ соглашеніе и мѣры съ нами и союзникомъ нашимъ, дабы права трехъ державъ могли быть снесены, разочтены и распоряжены между ими, то мы готовы на сіе согласиться и мы постараемся рѣшить на сіе его величество прусскаго короля [1]). — «Собственный отвѣтъ» императрицы, сообщенный Лобковичу, заключалъ рѣшительное, хотя и въ мягкихъ фразахъ, заявленіе ея желанія остаться при условіяхъ мира, предложенныхъ Россіею [2]).

Эти сообщенія, наконецъ, подѣйствовали, тѣмъ болѣе, что къ этому времени Тугутъ успѣлъ достигнуть согласія Турціи, чтобы трактатъ 6 іюня 1771 г. остался не ратификованнымъ и такимъ образомъ Австрія избавилась отъ принятыхъ ею на себя предъ Турціей обязанностей; Австрія предлагала вернуть и полученныя деньги, но, кажется, это не состоялось [3]). Тогда Кауницъ успѣлъ склонить императрицу Марію Терезію къ согласію на раздѣлъ Польши — и послѣ этого онъ совершенно перемѣнилъ свое обхожденіе съ Голицынымъ, слушалъ его, по словамъ Голицына, «противъ обыкновенія съ особливымъ вниманіемъ, ни противъ чего не разгорячался, признавался ему, наконецъ, сколь онъ право разсуждаетъ»; Голицынъ скоро «совершенно увѣрился», что вѣнскій дворъ «не продолжитъ болѣе своего упорства, но паче составитъ съ нами общее дѣло». Наконецъ, 17 января 1772 г. (ст. ст.) Кауницъ пригласилъ Голицына къ себѣ и между ними произошелъ слѣдующій разговоръ—сообщаетъ далѣе подлинными словами донесенія Голицына: «Я сообщилъ только князю Лобковичу, говорилъ онъ мнѣ, отвѣтъ ихъ величествъ на послѣднее собственное предъявленіе Императрицы вашей Госуда-

---

[1]) *Сборникъ*, XCVII, 501—507.

[2]) *Сборникъ*, т. XCVII, 508—514.

[3]) *Beer*, II, 103—125. Фридрихъ высказывалъ потомъ предположеніе, что Австрія рѣшилась на соглашеніе съ Россіей лишь послѣ того, какъ Кауницъ успѣлъ вынудить у Франціи отказъ отъ всякаго вмѣшательства въ польскія дѣла, каторымъ онъ затѣмъ и будетъ отвращать всякіе упреки со стороны Франціи за соглашеніе Австріи съ Пруссіей и Россіей—*Сборникъ*, т. LXXII, 7. Какую путаницу противорѣчивыхъ показаній представляютъ по этому поводу слова Кауница, Эгильона и Фридриха—см. *Raumer*, Beiträge. IV, 496, 530—537.

рыни; но вамъ, государь мой, вручу я (и въ то-же время взялъ онъ со стола бумагу) откровенное изъясненіе, касающееся до Польши, о чемъ не разсудилъ я совсѣмъ писать къ нашему министру въ Петербургъ, ибо письмо его сіятельства графа Панина, на которое сей отвѣтъ относится, также ему совсѣмъ неизвѣстно, а вся сія часть негоціаціи вамъ была предоставлена. Затѣмъ, далъ онъ мнѣ знать, какъ не чаетъ онъ, чтобы отъ проницанія вашего сіятельства то уйдти могло, что, принявъ систему раздѣла, съ намѣреніемъ не возмущать равновѣсія государствъ, можетъ быть не нужно было-бы искать убѣжища у одной Польши; что если-бы ее не совсѣмъ достало для равнаго между тремя дворами раздѣла, то, въ такомъ случаѣ, нашлось-бы средство отобрать еще земли у кого другаго, имѣющаго въ ней излишекъ и которой былъ-бы принужденъ согласиться на то по неволѣ, увидя, что три двора въ томъ уже согласны, что, однако-же, оставляетъ онъ россійскому двору о семъ средствѣ еще подумать. Когда я примѣтилъ ему, что онъ тутъ никого другаго кромѣ турецкой имперіи разумѣть не можетъ, то онъ отвѣчалъ мнѣ на сіе именно: да, и что могу я въ семъ разумѣ изъясниться объ ономъ вашему сіятельству» [1]).

Депеша эта заключаетъ еще кое-какія фразы, даже и разсужденія—но все остальное для насъ неважно; важно, что теперь уже и изъ Вѣны согласились на желаемое въ Петербургѣ рѣшеніе русско-польскаго вопроса [2]). И опять, нѣкоторыя мелочи, связанныя съ этимъ объясненіемъ, очень ясно рисуютъ, какое значеніе придавалось тогда въ этихъ переговорахъ Петербургу и Берлину: Кауницъ разговаривалъ въ Вѣнѣ съ Голицынымъ 17 января ст. ст.—а въ Берлинъ къ Ванъ-Свитену пріѣхалъ курьеръ съ отвѣтомъ Кауница на послѣднія русскія

---

[1]) *Сборникъ*, т. I, 153, 154. Кауницъ и еще разъ, въ февралѣ повторялъ Голицыну, что дворъ его «серьезно расположенъ сдѣлать нѣкоторыя пріобрѣнія въ ущербъ Портѣ»—*Сборникъ*, т. LXXII, 37.

[2]) Разсужденія Кауница и Іосифа о болѣе выгодномъ оборотѣ дѣлъ и о пріобрѣтеніяхъ отъ Польши—*Beer*, II, 130—139. Интересно, что 3 іюля (н. ст.) 1770 г. Іосифъ послалъ Кауницу карту съ проектированными имъ присоединеніями и писалъ: «Littea «C» est in pessimum casum et différe si peu de la proposition russe que je ne doute pas, qu'elle sera acceptée». *Beer*, II, 346.

предложенія лишь 31 января н. ст., т. е. 20 ст. ст. [1]); 24 января ст. ст. Сольмсъ доносилъ еще изъ Петербурга, что Панинъ готовъ уже рѣшиться «противоставить силу хитрости», такъ какъ нѣтъ надежды склонить Австрію на соглашеніе—но 2 февраля ст. ст. Панинъ получилъ депешу Голицына и сообщалъ Сольмсу «о счастливой и неожиданной перемѣнѣ образа мыслей вѣнскаго двора»,—но тутъ-же Сольмсъ доносилъ: «что я нахожу необыкновеннымъ въ дѣйствіяхъ кн. Кауница, такъ это то, что онъ отдалъ князю Голицыну однимъ мемуаромъ больше, чѣмъ послалъ вашему величеству и о чемъ онъ не далъ даже ни малѣйшаго извѣстія министру своего двора здѣсь» [2]).

Такимъ образомъ достигнуто было полное соглашеніе подѣлить части Польши между тремя ея сосѣдями; оставалось теперь окончательно установить его размѣръ, порядокъ и, наконецъ, его осуществить.

V.

Переворотъ въ настроеніи вѣнскаго двора прежде всего подалъ поводъ къ тому, что конвенція по дѣламъ Польши, подписанная между Россіей и Пруссіей 6 февраля ст. ст. 1772 г. была помѣчена мѣсяцемъ ранѣе, 4-мъ января—для того, чтобы, приступая къ послѣднимъ, откровеннымъ переговорамъ съ Австріею, можно было ссылаться на эту конвенцію, какъ на уже заключенную ранѣе, чѣмъ стало извѣстно согласіе Австріи присоединиться къ двумъ державамъ и этимъ устранить какіе-либо возраженія Австріи противъ нея; въ конвенціи этой между прочимъ сказано было, что принятый планъ присоединеній примѣненъ будетъ даже и въ томъ случаѣ, если вѣнскій дворъ не пожелаетъ къ нему приступить. Датировку конвенціи заднимъ числомъ предложилъ Панинъ и Сольмсъ нашелъ это предложеніе настолько полезнымъ, что согласился на него, даже не обославшись съ королемъ; равнымъ образомъ и ратификація, подписанная 4 марта, была помѣчена 10-мъ февраля, чтобы не

[1]) *Сборникъ*, т. XXXVII, 617.
[2]) *Сборникъ*, т. XXXVII, 630, 648, 650.

пропустить шестинедѣльнаго срока ратификаціи, въ конвенціи назначеннаго [1]). Декларація эта говорила вообще о попыткахъ обоихъ дворовъ умиротворить Польшу, которая «ожесточеніемъ тамъ духа партій и крамолы» приближается къ разложенію; а такъ какъ императрица-королева заняла, для охраны своихъ правъ, нѣкоторыя области Польши, то и императрица всероссійская и король прусскій, «зрѣло взвѣсивъ тѣ непосредственныя отношенія, которыя такое положеніе сосѣдственнаго государства имѣетъ къ собственнымъ интересамъ ихъ монархій, признали необходимымъ предохранить и свои права, присоединивъ къ нимъ нѣкоторые округа королевства Польскаго»—далѣе и опредѣлены эти округа и условлена взаимная гарантія новыхъ пріобрѣтеній, а также стоитъ и то условія относительно Австріи, которое мы уже упомянули выше [2]).

Въ теченіе января и февраля 1772 г. между Берлиномъ и Вѣной происходилъ обмѣнъ мыслей о томъ, что необходимо полное равенство пріобрѣтеній [3]), а затѣмъ въ мартѣ начались переговоры по польскимъ дѣламъ въ Петербургѣ, между гр. Панинымъ, гр. Сольмсомъ и кн. Лобковичемъ. Австрійскій канцлеръ предлагалъ, чтобы Россія и Пруссія постановила между собою соглашеніе, и затѣмъ пригласили бы присоединиться къ нему Австрію [4]); но принято было рѣшеніе, что каждая изъ

---

[1]) *Сборникъ*, т. XXXVII, 649—650; т. LXXII, 40.

[2]) Декларація эта напечатана въ VI т. Собранія трактатовъ Θ. Θ. Мартенса, 70—81,—причемъ датировка ея заднимъ числомъ осталась незамѣченною, см. стр. 80—и *Сборникъ*, т. LXXII, 20—24. У Смита—Frédéric II, Catherine et la partage de la Pologne, 72 и слѣд. сообщено и о проектѣ ея, предложенныхъ Фридрихомъ. Въ принятомъ проектѣ фраза «la ville Dantzic avec son terrétoire exceptés» замѣнила предложенную Фридрихомъ фразу «la ville Dantzic avec sa territoire y compris» и выпущена фраза: «la quelle ville (Dantzic) sera entiérement libre et indépendante de la couronne de Pologne», стоявшая послѣ словъ: «le roi se désistant en même temps de toute prétention sur la ville Dantzic et sur son territoire», кромѣ того, нѣсколько иначе описана граница Пруссія—ср. Собраніе трактатовъ, 74, и *Smitt*, 76, пр. 3.

[3]) См. *Beer*, Friedrich und Van-Swieten, и *Сборникъ*, LXXII, 31—39—Сольмсу сообщали донесенія Ванъ-Свитена о его разговорахъ съ Фридрихомъ, хотя по этимъ донесеніямъ было очевидно, что король въ своихъ сообщеніяхъ о бесѣдахъ съ австрійскимъ посломъ невѣрно передавалъ ему свои отношенія къ Петербургу, а въ Петербургъ—свои сообщенія Ванъ-Свитену.

[4]) *Beer*, II, 173.

трехъ державъ отдѣльно уговорится съ каждою изъ двухъ другихъ. Гр. Сольмсъ сообщалъ Фридриху, что въ Петербургѣ вообще, и гр. Панинъ въ особенности, очень польщены тѣмъ, что король прусскій «направилъ» въ Петербургъ вѣнскій дворъ для того, чтобы условиться о пріобрѣтеніяхъ отъ Польши—многое изъ того, что мы выше изложили, даетъ намъ полное основаніе видѣть въ перенесеніи переговоровъ въ Петербургъ до извѣстной степени свидѣтельство, какъ оцѣнивали участники переговоровъ значеніе въ нихъ петербургскаго правительства. При началѣ же переговоровъ гр. Панинъ вручилъ Лобковичу ноту о необходимости соблюдать въ пріобрѣтеніяхъ строгое равенство, а затѣмъ сообщилъ и о томъ, какія части опредѣлили себѣ Россія и Пруссія. Когда кн. Голицынъ бесѣдовалъ по этому поводу съ Кауницемъ, австрійскій канцлеръ сказалъ ему съ улыбкой, что оба двора себя не обидѣли; въ апрѣлѣ представлено было Лобковичемъ въ Петербургѣ сообщеніе объ участкѣ, избранномъ для себя Австріею. Фридрихъ уже давно говорилъ, что австрійскій дворъ навѣрно обнаружитъ большую алчность и что потому необходимо будетъ внимательно оцѣнить его требованія; но онъ тогда же высказывался, что такъ какъ Россія не менѣе ею заинтересована въ сохраненіи равновѣсія между тремя державами, то онъ надѣется, что гр. Панинъ не отнесется слишкомъ снисходительно къ чрезмѣрнымъ требованіямъ вѣнскаго двора [1]). Австрія предъявила претензіи кромѣ того, что она потомъ получила, получить еще воеводства Люблинское и Хельмское; эти притязанія вызвали чрезвычайную тревогу Фридриха; онъ сейчасъ-же написалъ Сольмсу, что доля, назначенная себѣ Австріей, равна долѣ его и Россіи вмѣстѣ взятымъ и поручалъ ему обратить на это вниманіе Панина [2]). Но и на этотъ разъ, какъ не однажды бывало прежде,

---

[1]) *Сборникъ*, т. LXXII, 9, 61.

[2]) Тонъ письма Фридриха по этому поводу нисколько не пахожъ на тонъ руководителя въ этомъ дѣлѣ. Вотъ что писалъ Фридрихъ: «Je me suis contenté de lui (Van-Swieten) répondre sur la part, que sa Cour s'arroge sur la Pologne que je trouvais, qu'ell n'étais pas dégoûtée et qu'au fond leur portion etait équivalente à celle des Russes et à la mienne prises ensemble. Je n'ai point voulu m'expliquer davantage sur ce sujet, ne sachaut pas encore comme on pense à ce sujet à la Cour on vous êtes»—*Smitt*, Fréderic II, 110,

Панинъ предупредилъ Фридриха: еще за 4 дня до полученія въ Петербургѣ его послѣдняго упомянутаго письма Сольмсъ доносилъ ему, что Панинъ положительно сказалъ Лобковичу, что изъ ихъ доли придется многое убавить и представилъ свое вычисленіе размѣровъ, населенности и доходовъ пріобрѣтенныхъ каждою державою частей [1]). Пока замѣчанія по этому поводу были отправлены въ Вѣну, такъ какъ кн. Лобковичъ имѣлъ лишь очень ограниченныя полномочія, онъ вдругъ заявилъ претензіи церемоніальнаго характера, именно потребовалъ, чтобы во всѣхъ экземплярахъ соглашенія императоръ римскій былъ упоминаемъ постоянно впереди другаго государя; онъ говорилъ, что если бы былъ представителемъ лишь императрицы-королевы, то не спорилъ бы противъ альтернативы, но что при имени императора не можетъ ея допустить. Гр. Сольмсъ обратился за указаніемъ, какъ поступать, къ своему королю; но прежде, чѣмъ пришелъ отъ него отвѣтъ, уже принятъ былъ въ Петербургѣ предложенный гр. Панинымъ способъ избѣжать этого затрудненія: рѣшено было, что каждый министръ выдастъ каждому изъ двухъ другихъ участниковъ переговоровъ единообразно составленныя обязательства отъ имени своего двора; такимъ образомъ вопросъ объ альтернативѣ былъ обойденъ [2]). Такъ какъ переговоры тянулись довольно медленно, то Фридрихъ опять сталъ торопить со вступленіемъ во владѣніе, которое предположено было въ іюнѣ; но Панинъ убѣдилъ Сольмса, что необходимо подождать отвѣта отъ Австріи, во избѣжаніе какихъ нибудь непріятныхъ споровъ съ ея стороны. Отвѣтъ Кауница пришелъ только въ іюнѣ; австрійскій канцлеръ писалъ, что представленные ему доводы не убѣдили его, что справедливость требуетъ, чтобы Австрія отказалась отъ соляныхъ копій Галиціи и настаивалъ на сохраненія австрійской доли въ намѣченныхъ имъ размѣрахъ. Тогда Фридрихъ сталъ просить себѣ прибавки нѣкоторыхъ участковъ въ сторонѣ Силезіи, но

---

112. Фридрихъ говоритъ то же о порціи Австріи, что Кауницъ говорилъ о его порціи; нельзя сомнѣваться, что оба они сказали бы то же, если бы Россія ранѣе сообщила о своихъ желаніяхъ.

[1]) *Сборникъ*, т. LXXII, 70, 84; 89; *Beer*, II, 177, III, 121—127; Фридрихъ былъ очень радъ извѣстіямъ отъ Сольмса—*Smitt*, 121.

[2]) *Сборникъ*, т. LXXII, 103—108, 108—110.

Панинъ успѣлъ отклонить и его притязанія и добиться отъ Австріи отказа отъ претензій на воеводства Люблинское и Хелминское; Фридрихъ въ депешѣ отъ 3 (14) іюля заявилъ, что онъ доволенъ такимъ рѣшеніемъ; тогда и гр. Панинъ высказалъ свое согласіе [1]) и вечеромъ 25 іюля (ст. ст.) 1772 г. наконецъ подписано было соглашеніе въ заранѣе условленной формѣ [2]) и временемъ вступленія во владѣнія назначено 12—18 сентября ст. ст. Опредѣлить сколько нибудь точно размѣръ пріобрѣтеній, благодаря крайне несовершенному состоянію статистическихъ свѣдѣній въ XVIII в., чрезвычайно трудно, если не невозможно. Несомнѣнно, что Австрія получила самую населенную часть, Пруссія самую доходную и важную для нея, Россія отъ Польши получила какъ бы самый незначительный кусокъ [3]); но нѣсколько ниже мы укажемъ значеніе этихъ пріобрѣтеній ея. Приведемъ здѣсь пока только слѣдущія слова лучшаго знатока исторической географіи Европы, Фримана: «Нужно помнитъ, что при всѣхъ трехъ раздѣлахъ ни одна часть первоначальнаго польскаго государства не досталась Россіи. Россія получила обратно свою территорію отнятую у нея

---

[1]) *Сборникъ*, т. LXXII, 133—135, 160—163, 167, 170, 171, 177, 181, 184, 185; *Beer*, II, 181—182.

[2]) *Сборникъ*, т. LXXII, 208, 229.

[3]) Границы пріобрѣтеній трехъ державъ по всѣмъ тремъ раздѣламъ, обозначены на картѣ, приложенной къ первому тому сочиненія *Смита*, Суворовъ и паденіе Польши; по этой картѣ можно, конечно, довольно точно установить поверхность, полученную каждымъ государствомъ, но это, очевидно, всего менѣе важно. Панинъ опредѣлялъ части такъ: Россія получаетъ 1389 кв. миль съ 550.600 чел., населенія и съ доходомъ въ 132.000 р.; Пруссія—505 кв. миль съ 378.700 чел. жителей и съ доходомъ въ 457.000 р.; Австрія—1021 кв. миль, 816.800 чел. жителей и дохода 201.000 р.—*Beer*, III 121—127,—Evaluation aussi precise qu'il est possible de la faire de la valeur intrinseque des parts des cours, переданное Лобковичу въ маѣ. Германъ опредѣляетъ размѣры пріобрѣтеній такъ: Россія получила 2500 кв. миль и $1^1/_2$ миліона жителей, Австрія 1500 кв. м., $2^1/_2$ м. жителей, Пруссія 700 кв. миль, 9υ0.000 жителей—Ѵ, 523,524; Соловьевъ (книга VI, 853) упоминаетъ о цифрахъ, сообщенныхъ Панинымъ, Костомаровъ, I, 144—прямо повторяетъ цифры Германа; наконецъ Wiechmam, I, 10, опредѣляетъ русскую часть въ 1662 кв. мили — о количествѣ жителей на нихъ онъ не говоритъ (см. I, 184—186). Вообще, опредѣлить хотя бы приблизительно точное населеніе Польши въ XVIII в. почти невозможно—ср. *Crome*, Ueber die Grösse und Bevölkerung der samtlichen europäischen, Staaten, Leipzig 1785 и *Смитъ*, Суворовъ и паденіе Польши II, 62, гдѣ приведены цифры по Бюшингу и Гаттереру.

Литвою, и соединила большую часть самой Литвы съ
расположенными непосредственно на сѣверѣ отъ не
польское королевство дѣлится между Пруссіей и А
древнѣйшая Польша выпадаетъ за долю Пруссіи»

Уже ранѣе поднимался вопросъ о томъ, какъ об
Польшѣ о рѣшеніи, принятомъ союзными державами
было предположено составить одинъ манифестъ, ко
воспользуются всѣ три державы, но потомъ рѣшили, ч
сторона составитъ свой манифестъ; Фридрихъ заяв
не можетъ не признать за Россіею больше правъ, чѣ
у него или у Австріи, и потому предпочитаетъ быть кра

Въ манифестѣ, составленномъ отъ имени Россіи, [2]) го
что русское правительство постоянно принимало, со
трактатамъ и дружбѣ своей съ Польшею, живѣйшее
во всемъ, что могло служить ко благу республики; но нѣ
часть польскихъ гражданъ, ослѣпленная фанатизмомъ и ча
выгодами, препятствовала всякими мѣрами благимъ начин
Россія, не принимая никакихъ, самыхъ умѣренныхъ и выго
польскимъ же гражданамъ предложеній Россіи, вступи
открытую борьбу противъ Россіи и возбудила противъ
Турцію. Послѣ всего этого русскій императорскій дворъ во
въ соглашеніе съ берлинскимъ и вѣнскимъ для возстановлені
Польшѣ тишины и порядка; вмѣстѣ съ тѣмъ «Ея Императорс
Величество, желая удовлетворить свое государство и народ
не имѣя возможности далѣе ожидать справедливости отъ Польш
не нанося очевиднаго ущерба своему государству и народ
признала нужнымъ нынѣ же удовлетворить ихъ, принявъ в
владѣніе и собственность» такія то земли республики. Далѣ
говорится, что эти земли далеко еще не удовлетворяютъ закон-
нымъ претензіямъ Россіи и если бы Польша сама мирно и
спокойно вела переговоры, то не могла бы и сама предложить
вознагражденія болѣе умѣреннаго. Со стороны Россіи выставлены
были слѣдующія обвиненія противъ Польши: поляки незаконно,
въ противность мирнымъ трактатамъ, завладѣли пространствомъ

---

[1]) Фриманъ, Историческая географія Европы, С.-Петербургъ, 1892, 393.

[2]) Сборникъ, т. LXXII, 15, 50—53, 189, 197, 200, 214, 232.

[3]) Сборникъ, т. LXXII, 137—159.

русской земли до 1300 кв. верстъ и заняли еще до 8000 кв. верстъ земли, которая по договорамъ должна была оставаться нейтральною, и заселили эти земли преимущественно бывшими русскими подданными, которыхъ отчасти сами привлекли на свои земли обманами и обѣщаніями, а отчасти вывезли даже прямо насильно; число жителей, которыхъ Польша лишила Россію, опредѣлено приблизительно въ 300.000. Далѣе представлено очень живое изображеніе различныхъ несправедливостей и притѣсненій, какія испытывали русскіе подданные во время пребыванія своего въ Польшѣ съ торговыми цѣлями. Насколько всѣ эти жалобы основательны, или лучше сказать насколько вѣрны размѣры, въ какихъ онѣ представлены—это, конечно, очень трудно сказать; но нельзя не признать, что съ подобными обвиненіями и претензіями каждое государство имѣло бы вполнѣ достаточное основаніе для того, чтобы объявить своему сосѣду войну и обойдтись съ нимъ какъ, съ государствомъ побѣжденнымъ, если оно не поднялось для самозащиты.

Фридрихъ издалъ со своей стороны «Изложеніе правъ его величества короля прусскаго на княжество Померанію и на многія другія области королевства Польскаго» [1]). Тутъ права Пруссіи на части Польши выводятся преимущественно изъ ихъ положенія въ XII—XIV вв.; затѣмъ дается такое толкованіе миру Велавскому и Оливскому, что въ нихъ трактовалось лишь о вопросахъ, спеціально послужившихъ къ заключенію этихъ трактатовъ, но что они не вносятъ существенныхъ измѣненій въ прежнія законныя отношенія; далѣе подвергается критикѣ ученіе о давности и безспорности владѣнія, признается, что многіе ученые за него, а другіе противъ, и ученіе это отвергается. Въ заключеніе говорится, что такъ какъ всѣ притязанія короля прусскаго основаны на историческомъ правѣ и подкрѣплены трактатами, то король рѣшилъ «предъявить и осуществить свои справедливыя претензіи».—Въ австрійскомъ манифестѣ кратко было сказано о правахъ Австріи на области, какія она занимаетъ, затѣмъ указаны ихъ границы и жители

[1]) «Recueil des déductions manifestes, déclarations, traités et autres actes et ecrits publics, qui ont été redigés et publiés pour la Cour de Prusse par le ministre d'état comte de Hertrberg», I, 324—352.

приглашены къ покорности подъ угрозою законныхъ наказаній [1]).

Переговоры по польскому дѣлу велись въ Петербургѣ въ глубочайшей тайнѣ; сохраняли секретъ и въ Берлинѣ и въ Вѣнѣ. Англійскій посланникъ въ Петербургѣ Каскартъ ничего не зналъ о нихъ до февраля 1771 г.; въ депешѣ отъ 11 февраля ст. ст. 1771 г. англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ предупреждалъ лорда Каскарта, что до него доходятъ различныя извѣстія, заставляющія думать, что король прусскій, въ согласіи съ вѣнскимъ дворомъ, имѣетъ какіе то замыслы на Польшу; онъ предполагалъ, что графу Панину ничего объ этомъ неизвѣстно и поручалъ послу осторожно сообщить ему объ этомъ. Въ іюлѣ Каскартъ отвѣчалъ, что есть много причинъ предполагать, что до сихъ поръ не сложилось подобной комбинаціи. 17 января 1772 г., т. е. уже послѣ своей депеши отъ 5 декабря, рѣшившей согласіе вѣнскаго двора, Панинъ прямо сказалъ Каскарту, что «императрицѣ ничего не извѣстно о намѣреніи короля прусскаго раздѣлить Польшу и такое намѣреніе не могло бы быть ей пріятно»; въ концѣ апрѣля, т. е. когда въ Петербургѣ уже велись послѣдніе, окончательные переговоры о подробностяхъ между Панинымъ, Сольмсомъ и Лобковичемъ, онъ опять сказалъ Каскарту, что «охраненіе цѣлости республики польской есть и будетъ одною изъ главныхъ цѣлей политики императрицы, что ей неизвѣстно о намѣреніи короля прусскаго удержать за собою польскую Пруссію или какимъ-либо инымъ способомъ подѣлить Польшу»,—всѣ эти заявленія Панина Каскартъ передавалъ своему двору, самъ имъ вполнѣ довѣряя [2]). Понятно, въ какомъ неловкомъ положеніи онъ оказался, когда ему пришлось въ депешѣ отъ 1 іюня 1772 г. сообщить, что между Россіей, Пруссіей и Австріей с о с т о я л о с ь соглашеніе и что каждая изъ нихъ получаетъ часть Польши. Не можемъ сказать насколько искренно, но совершенно утвердительно Каскартъ сталъ послѣ этого изобра-

---

[1]) *Beer*, II, 204. Беръ сообщаетъ, что въ проектѣ манифеста, во фразѣ: «rechtmässige Ansprüche geltend machen», Марія Терезія подчеркнула слово rechtmässige и приписала на полѣ «auslassen»; слово это было выпущено.

[2]) *Сборникъ*, т. XIX, 175, 224, 249, 257, 259, 260, 268—269.

жать дѣло такъ: очевидно—и онъ потомъ еще разъ повторилъ это утвержденіе—гр. Панинъ впервые отъ него узналъ о намѣреніи короля прусскаго, когда онъ ему передалъ вышеупомянутое сообщеніе англійскаго министра иностранныхъ дѣлъ; отъ Панина узналъ король прусскій о возможности встрѣтить въ вѣнскомъ дворѣ готовность къ сближенію и немедленно же сговорился съ нимъ по этому пункту совершенно окончательно, такъ что, сравнительно уже въ самое послѣднее время, оба эти двора пригласили русскій дворъ присоединиться къ ихъ соглашенію, въ такое время и въ такихъ выраженіяхъ, что ему ничего не осталось другаго, какъ согласиться [1]); лордъ Каскартъ повторяетъ, что до начала мая 1772 г. по нов. ст. Панинъ ничего еще не зналъ объ этомъ [2])! Въ іюлѣ еще Панинъ утверждалъ, что относительно Польши ничего не рѣшено, но сказалъ, что поляки, наконецъ, не могутъ же надѣяться, что всѣ ихъ несправедливыя дѣйствія относительно сосѣдей всегда будутъ оставаться безнаказанными [3]). Только въ сентябрѣ Панинъ собралъ всѣхъ пословъ и объявилъ о принятыхъ рѣшеніяхъ, увѣривъ за нѣсколько дней предъ тѣмъ болѣе къ нему близкихъ изъ ихъ числа, что молчаніе его было вызвано принятымъ на себя участниками переговоровъ обязательствомъ соблюдать полнѣйшую тайну [4]).

Сообщенія Каскарта по настоящему случаю еще разъ указываютъ намъ, насколько ошибочны будутъ представленія наши о политикѣ Панина, если мы будемъ судить о ней по тому, что Панинъ находилъ нужнымъ сообщать иностраннымъ представителямъ; если онъ предъ Каскартомъ рѣшительно—и для собесѣдника убѣдительно—отрицалъ несомнѣнно происходившіе уже переговоры, то, конечно, читая и донесенія Сольмса о его переговорахъ съ Панинымъ мы не должны забывать, что и съ нимъ, какъ съ другими иностранными представителями, онъ не былъ же совершенно откровененъ и не раскрывалъ ему всѣхъ своихъ плановъ и своихъ истинныхъ намѣреній.

---

[1]) *Сборникъ*, т. XIX, 271—272, 274—275.
[2]) *Сборникъ*, т. XIX, 273.
[3]) *Сборникъ*, т. XIX, 284.
[4]) *Сборникъ*, т. XIX, 317, 320.

Затѣмъ, нельзя не думать, что если бы Панинъ въ данномъ случаѣ былъ принужденъ вести дѣло, которому бы онъ не сочувствовалъ, которое считалъ бы невыгоднымъ для Россіи, то онъ, такъ смѣло отрицавшій уже происходившіе переговоры, нашелъ бы тысячу способовъ не только распространить о нихъ свѣдѣнія, оставаясь самъ совершенно въ сторонѣ, но сумѣлъ бы даже найдти поддержку тому направленію дѣла, какое представлялось бы ему болѣе правильнымъ, въ томъ впечатлѣніи, какое вѣсть о переговорахъ должна была бы произвести въ Лондонѣ, Парижѣ, въ Константинополѣ и въ самой Польшѣ. По этому, если бы Панинъ былъ противъ раздѣла Польши, а тѣмъ болѣе если бы онъ при этомъ, какъ многіе думаютъ, былъ, въ сущности и противъ императрицы, то несомнѣнно, онъ что нибудь подобное предпринялъ бы; это было бы такъ цѣлесообразно и такъ просто, что невозможно было не напасть на подобную мысль человѣку, опытному въ пріемахъ тогдашней внѣшней политики. Но Панинъ ничего подобнаго не предпринималъ, а твердо, спокойно, осторожно и рѣшительно велъ дѣло до конца.

Такъ завершились переговоры трехъ сосѣдей Польши, приведшіе къ ея первому раздѣлу. Несчастное государство перенесло отнятіе важныхъ и обширныхъ областей, не выказавъ сопротивленія бóльшаго, чѣмъ выказывало оно при несравненно менѣе важномъ вмѣшательствѣ иностранныхъ державъ; оно явно и быстро приближалось къ своему полному уничтоженію, какъ отдѣльное политическое тѣло. Мы уже заявили ранѣе, что не считаемъ возможнымъ въ настоящемъ изслѣдованіи вдаваться въ изученіе причинъ паденія Польши; мы вполнѣ раздѣляемъ, однако, все болѣе и болѣе распространяющееся мнѣніе, что такое явленіе прежде всего и болѣе всего должно зависѣть отъ внутреннихъ причинъ; нѣтъ, кажется, внѣшней силы, достаточно могущественной, для того, чтобы у милліоновъ людей отнять столь драгоцѣнное, какъ государственная самостоятельность, если эти милліоны умѣютъ ее любить, цѣнить и защищать такъ, какъ ее слѣдуетъ любить, цѣнить и защищать.

2 сентября прибылъ въ Варшаву на смѣну Сальдерна, новый русскій посолъ, гр. Штакельбергъ, 5 сентября онъ имѣлъ аудіен-

цію у короля, а 7 (18) вмѣстѣ съ Бенуа, вручилъ министерству республики декларацію о присоединеніяхъ, или, какъ ее называли, о новыхъ границахъ; австрійскій представитель, баронъ Ревицкій и даже его секретарь, еще не пріѣхали въ Варшаву, чѣмъ Штакальбергъ былъ очень недоволенъ [1]). Штакельбергъ сообщалъ, что поляки уже приблизительно догадывались, что имъ предстоитъ и потому впечатлѣніе менѣе сильное, чѣмъ можно было бы ожидать; но все таки, смущеніе и возбужденіе было не малое; предположенія возможности подобнаго факта, все таки, не могли ослабить достаточно впечатлѣніе этого небывалаго происшествія. Польское министерство протестовало противъ соглашенія трехъ державъ, особенно противъ притязаній Пруссіи и Австріи, указывая, что эти государства давно и окончательно уступили Польшѣ тѣ права, на какія теперь ссылались. Силою три державы, конечно, могли осуществить свои притязанія; но онѣ хотѣли добиться формальной и, по внѣшности какъ бы добровольной уступки, чтобы лишить Польшу хотя формально права впослѣдствіи протестовать противъ отнятія областей. Панинъ предложилъ добиться этого путемъ подкупа; Кауницъ писалъ, что онъ слишкомъ хорошаго мнѣнія о польскихъ дворянахъ, чтобы допустить, что они за деньги измѣнятъ отечеству—и предлагалъ добиться согласія на первоначальныя требованія, предъявивъ претензіи еще и на другія области.

Въ началѣ ноября три посла потребовали у короля созванія сейма, который бы призналъ уступку областей; король противился, произнося краснорѣчивыя тирады, которыя Штакельбергъ, будто бы, называлъ предъ самимъ королемъ «лучшими страницами Плутарха», но приглашалъ короля обратиться къ современности, къ положенію своего государства и своему собственному [2]); русскій посолъ, наконецъ, сообщилъ

---

[1]) Текстъ деклараціи—*Сборникъ*, т. XIX, 305—310; *Herrmann* говоритъ о врученіи деклараціи представителями всѣхъ трехъ державъ, въ числѣ ихъ и Ревицкимъ—т. V, 525; но Штакельбергъ въ своемъ донесеніи именно говоритъ, что австрійцы еще не прибыли, см. *Соловьевъ*, Исторія паденія Польши, 145 и депеши Штакельберга въ Моск. Глав. Ар. Мин. Иностр. дѣлъ, Дѣла польскія, связка 23.

[2]) *Соловьевъ*, Исторія паденія Польши, 146; *Beer*, т. II, 211.

ему содержаніе столь рѣшительныхъ депешъ Панина, что король уступилъ; затѣмъ онъ вздумалъ было снова отступать, и снова уступилъ новымъ настояніямъ [1]): 11 декабря онъ объявилъ о созваніи сената. Сенатъ собрался 29 января (8 февраля) 1773 г. въ числѣ всего 35 или 36 человѣкъ, вмѣсто полнаго числа приблизительно въ 150 человѣкъ [2]); большинство сенаторовъ были подкуплены; они назначили сеймъ на 29 марта (8 апрѣля) того же года. Выборы пословъ на сеймъ происходили подъ сильнѣйшимъ давленіемъ союзныхъ державъ; по замѣчанію одного историка Россія дѣйствовала подкупами, Пруссія угрозами, Австрія обѣщаніями; но тѣмъ не менѣе въ очень многихъ мѣстахъ выборы не состоялись вовсе; выбрано было всего едва 111 человѣкъ, вмѣсто того, что обыкновенно на сеймѣ собиралось 600—700. Епископъ краковскій Солтыкъ, въ февралѣ 1773 г. по представленію Штакельберга возвращенный изъ своей ссылки въ Калугѣ и встрѣченный въ Варшавѣ чрезвычайно торжественно, показывалъ полную покорность постигшей Польшу судьбѣ, говорилъ, что поляки навлекли на себя Божій гнѣвъ своими преступленіями, и что всѣ ихъ несчастія посланы Богомъ; только въ вопросѣ о сохраненіи вѣры онъ объявлялъ невозможными никакія уступки; но тайно онъ подстрекалъ тѣхъ, которые хотѣли силою противиться признанію соглашенія трехъ державъ; когда Штакельбергъ узналъ объ этомъ и въ письмѣ упрекалъ его въ вѣроломствѣ, Солтыкъ отвѣчалъ письмомъ же: «вы называете это лживостью; а я считаю это обыкновеннымъ политическимъ пріемомъ, позволенною хитростью, своимъ правомъ на ложь (reservatio mentalis)».

Послы съѣзжались въ Варшаву. Представители Россіи, Пруссіи и Австріи хотѣли чтобы сеймъ былъ объявленъ сконфедерованнымъ, потому что на единогласное принятіе предложеній союзныхъ державъ, конечно, никакъ нельзя было разсчитывать. Кауницъ, прежде возстававшій противъ подкуповъ, теперь согласился дѣйствовать путемъ ихъ; была устроена общая

---

[1]) *Соловьевъ*, Паденіе Польши, 146—147.

[2]) Эти цифры даетъ Раумеръ; Германъ опредѣляетъ число собравшихся 31, а общее число сенаторовъ 123, т. V, 529.

касса, изъ которой и производились расходы для достиженія поставленныхъ цѣлей. 1 (12) апрѣля объявлена была конфедерація, хотя этимъ и нарушены были польскіе законы, касавшіеся открытія сейма; 8 апрѣля открылся сеймъ. Нѣкоторые послы, особенно нѣкто Рейтанъ, чрезвычайно рѣзко настаивали на томъ, что королевскимъ декретомъ объявлены были выборы на сеймъ не сконфедерованный, а вольный, и что поэтому по законамъ онъ не можетъ быть объявленъ сконфедерованнымъ; тѣмъ не менѣ 12 апрѣля, сеймъ призналъ себя «подъ узломъ конфедераціи». Послѣ этого, какъ обыкновенно дѣлалось въ такихъ случаяхъ, предложено было избрать делегацію, или комиссію, которая бы разсмотрѣла требованія трехъ дворовъ и пришла къ окончательному соглашенію съ ними. Дѣло не обошлось безъ сильнаго сопротивленія не только со стороны противниковъ соглашенія съ Россіей, Австріей и Пруссіей, но и со стороны короля, который былъ противъ делегаціи, такъ какъ вслѣдствіе крайней непопулярности своей, особенно въ это время, боялся, что делегація сдѣлаетъ какія нибудь невыгодныя лично для него постановленія. Тогда три посла объявили, что въ Варшаву вступятъ ихъ войска и дѣйствительно, 1 (12) мая вступили два эскадрона. Эта мѣра подѣйствовала; сеймъ просилъ отсрочить вступленіе войскъ на два дня, отсрочка была дана—и большинствомъ 6-ти—по другимъ свѣдѣнія 11-ти—голосовъ была избрана делегація, которая затѣмъ уполномочена была поставить рѣшеніе, уже не нуждающееся въ утвержденіи сейма; предсѣдательство въ делегаціи предложено было примасу Подосскому, но онъ рѣшительно отказался отъ этого и предсѣдателемъ избранъ былъ епископъ куявскій, Островскій [1]). Тремъ державамъ добиться назначенія делегаціи стоило 8,000 дукатовъ [2]).

Засѣданія делегаціи начались 22 мая (2 іюня). Актъ объ

---

[1]) Беръ приводитъ мало вѣроятныя, на нашъ взглядъ, сообщенія, будто князь Любомірскій за свое согласіе на делегацію получилъ 30 дукатовъ, и что будто бы одинъ членъ делагаціи продалъ свой голосъ за нѣсколько десятковъ пудовъ соли—*Beer*, т. II, 225, 239.

[2]) Германъ (т. V, 531, 551, 553) по Феррану и Лелевелю опредѣляетъ расходы Россіи за это время въ 100,000, расходы Пруссіи—въ 50,000 дукатовъ; соотвѣтственно этому онъ говорилъ о пенсіяхъ членамъ делегаціи въ

Кауницъ особеннаго этого желалъ, надѣясь—и не безъ основанія—что на мѣстѣ, имѣя дѣло съ одними польскими представителями, легче ему будетъ добиться какихъ либо уступокъ, чѣмъ въ делегаціи, гдѣ поляки находили поддержку у двухъ другихъ пословъ. Окончательное разграниченіе съ Австріей у Польши состоялось лишь въ 1777 г. [1]). Трактатъ между Россіей и Польшей о возстановленіи мира между обѣими державами и о пріобрѣтеніи къ Россіи нѣкоторыхъ земель отъ Польши помѣченъ 18 сентября 1774; 15 апрѣля 1775 г. подписаны были особые акты, заключающіе постановленія о торговлѣ русскихъ и польскихъ подданныхъ, а также о диссидентахъ, и между прочимъ слѣдующія очень важныя постановленія: «чтобы удалить все, чтобы хотя къ малѣйшему разврату между польскимъ народомъ служить могло» диссиденты исключаются изъ сената и министерства, на сеймъ они могутъ посылать лишь трехъ пословъ, по одному отъ провинціи; имъ сохраняются права свободнаго исповѣданія религіи; въ этихъ же актахъ повторена гарантія Россіей фундаментальныхъ польскихъ законовъ. Такъ, достигнувъ своей цѣли—усилиться на счетъ Польши—Екатерина и Панинъ отступили въ значительной степени и отъ того дѣла, которое они выставляли какъ нѣчто такое, въ чемъ уступить ничего и никакъ не могутъ, пока имъ необходимо было имѣть поводъ къ вмѣшательству въ дѣла Польши. 4 іюля 1775 г. окончательно установлено въ м. Холмичѣ разграниченіе Россіи и Польши [2]).

Европейскія державы, не принимавшія участія въ раздѣлѣ Польши, отнеслись къ этому событію съ удивительнымъ равнодушіемъ. Правительство Людовика XV держалось относительно Польши вообще политики чрезвычайно странной; оно основывалось не на точныхъ и правдивыхъ донесеніяхъ объ

---

[1]) *Dohm*, Denkwürdigkeiten meiner Zeit, 510.

[2]) *Полное Собраніе законовъ*, №№ 14,042, 14,271, 14,346.—Событія въ Варшавѣ со времени предъявленія тамъ декларацін Россіи, Пруссіи и Австріи—см. *Beer*, II, 199—244, XVIII Capitel, Die Verhandlungen in Warschau; также—*Raumer*, Beiträge, IV, 489—553; *Herrmann*, V, 525—540; *Костомаровъ*, I, 145—152; *Русскій Архивъ*, 1872, 1—96—между прочимъ дневникъ сейма; Соловьевъ въ данномъ случаѣ очень кратокъ — Исторія Россіи, книга VI, 867 и Исторія паденія Польши, 145—149.

его поссорятся и пожалуй даже вступятъ въ войну между собою [1]).

Къ совершившемуся факту отнеслась спокойно и Англія. На жалобныя письма Станислава Августа не отвѣчали; спеціальное посольство польское, съ протестомъ противъ раздѣла было отклонено; въ отвѣтѣ по этому поводу Польшѣ давали понять, что поляки сами навлекли на себя бѣду своими вѣчными неурядицами; на сообщеніе представителей Россіи, Австріи и Пруссіи о раздѣлѣ, сдѣланное англійскому правительству въ октябрѣ 1772 г., данъ былъ такой отвѣтъ: «его величество король очень желаетъ думать, что три двора основывали свои притязанія на справедливости, хотя его величество не освѣдомленъ объ основаніяхъ, на какихъ они дѣйствовали». При открытіи ближайшей слѣдующей сессіи парламента въ тронной рѣчи было высказано удовольствіе по поводу продолжающагося общаго мира; ни въ рѣчи, ни въ отвѣтѣ на нее какъ верхней, такъ и нижней палаты не было упомянуто о Польшѣ ни единымъ словомъ [2]).

VI.

Чтобы правильно оцѣнить, что̀ получилъ отъ раздѣла каждый изъ трехъ его участниковъ, надо разсматривать не самый раздѣлъ только, а событія на востокѣ Европы приблизительно за всю третью четверть вѣка, такъ какъ раздѣлъ Польши и стоялъ съ ними въ самой тѣсной связи, завершая длинный рядъ сложныхъ отношеній.

Въ раздѣлѣ приняли активное участіе три державы, которыя играли главныя роли въ Семилѣтней войнѣ. Изъ числа ихъ Пруссія вышла изъ борьбы съ цѣннымъ пріобрѣтеніемъ, но крайне истощенною; самое пріобрѣтеніе не казалось окончательно упроченнымъ за королевствомъ и заботы о его сохраненіи никогда не покидали Фридриха; кромѣ того, въ теченіе четырехъ лѣтъ Пруссія платила Россіи довольно замѣтныя для ея бюджета

---

[1]) *Flassan*, Histoire générale et raisonnée de la diplomatie française, t. VII, 90.

[2]) *Raumer*, IV, 501—502; *Сборникъ*, т. XIX, 310.

Затѣмъ, нельзя не думать, что если бы Панинъ въ данномъ случаѣ былъ принужденъ вести дѣло, которому бы онъ не сочувствовалъ, которое считалъ бы невыгоднымъ для Россіи, то онъ, такъ смѣло отрицавшій уже происходившіе переговоры, нашелъ бы тысячу способовъ не только распространить о нихъ свѣдѣнія, оставаясь самъ совершенно въ сторонѣ, но сумѣлъ бы даже найдти поддержку тому направленію дѣла, какое представлялось бы ему болѣе правильнымъ, въ томъ впечатлѣніи, какое вѣсть о переговорахъ должна была бы произвести въ Лондонѣ, Парижѣ, въ Константинополѣ и въ самой Польшѣ. По этому, если бы Панинъ былъ противъ раздѣла Польши, а тѣмъ болѣе если бы онъ при этомъ, какъ многіе думаютъ, былъ, въ сущности и противъ императрицы, то несомнѣнно, онъ что нибудь подобное предпринялъ бы; это было бы такъ цѣлесообразно и такъ просто, что невозможно было не напасть на подобную мысль человѣку, опытному въ пріемахъ тогдашней внѣшней политики. Но Панинъ ничего подобнаго не предпринималъ, а твердо, спокойно, осторожно и рѣшительно велъ дѣло до конца.

Такъ завершились переговоры трехъ сосѣдей Польши, приведшіе къ ея первому раздѣлу. Несчастное государство перенесло отнятіе важныхъ и обширныхъ областей, не выказавъ сопротивленія бо̀льшаго, чѣмъ выказывало оно при несравненно менѣе важномъ вмѣшательствѣ иностранныхъ державъ; оно явно и быстро приближалось къ своему полному уничтоженію, какъ отдѣльное политическое тѣло. Мы уже заявили ранѣе, что не считаемъ возможнымъ въ настоящемъ изслѣдованіи вдаваться въ изученіе причинъ паденія Польши; мы вполнѣ раздѣляемъ, однако, все болѣе и болѣе распространяющееся мнѣніе, что такое явленіе прежде всего и болѣе всего должно зависѣть отъ внутреннихъ причинъ; нѣтъ, кажется, внѣшней силы, достаточно могущественной, для того, чтобы у милліоновъ людей отнять столь драгоцѣнное, какъ государственная самостоятельность, если эти милліоны умѣютъ ее любить, цѣнить и защищать такъ, какъ ее слѣдуетъ любить, цѣнить и защищать.

2 сентября прибылъ въ Варшаву на смѣну Сальдерна, новый русскій посолъ, гр. Штакельбергъ, 5 сентября онъ имѣлъ аудіен-

ему содержаніе столь рѣшительныхъ депешъ Панина, что король уступилъ; затѣмъ онъ вздумалъ было снова отступать, и снова уступилъ новымъ настояніямъ [1]): 11 декабря онъ объявилъ о созваніи сената. Сенатъ собрался 29 января (8 февраля) 1773 г. въ числѣ всего 35 или 36 человѣкъ, вмѣсто полнаго числа приблизительно въ 150 человѣкъ [2]); большинство сенаторовъ были подкуплены; они назначили сеймъ на 29 марта (8 апрѣля) того же года. Выборы пословъ на сеймъ происходили подъ сильнѣйшимъ давленіемъ союзныхъ державъ; по замѣчанію одного историка Россія дѣйствовала подкупами, Пруссія угрозами, Австрія обѣщаніями; но тѣмъ не менѣе въ очень многихъ мѣстахъ выборы не состоялись вовсе; выбрано было всего едва 111 человѣкъ, вмѣсто того, что обыкновенно на сеймѣ собиралось 600—700. Епископъ краковскій Солтыкъ, въ февралѣ 1773 г. по представленію Штакельберга возвращенный изъ своей ссылки въ Калугѣ и встрѣченный въ Варшавѣ чрезвычайно торжественно, показывалъ полную покорность постигшей Польшу судьбѣ, говорилъ, что поляки навлекли на себя Божій гнѣвъ своими преступленіями, и что всѣ ихъ несчастія посланы Богомъ; только въ вопросѣ о сохраненіи вѣры онъ объявлялъ невозможными никакія уступки; но тайно онъ подстрекалъ тѣхъ, которые хотѣли силою противиться признанію соглашенія трехъ державъ; когда Штакельбергъ узналъ объ этомъ и въ письмѣ упрекалъ его въ вѣроломствѣ, Солтыкъ отвѣчалъ письмомъ же: «вы называете это лживостью; а я считаю это обыкновеннымъ политическимъ пріемомъ, позволенною хитростью, своимъ правомъ на ложь (reservatio mentalis)».

Послы съѣзжались въ Варшаву. Представители Россіи, Пруссіи и Австріи хотѣли чтобы сеймъ былъ объявленъ сконфедерованнымъ, потому что на единогласное принятіе предложеній союзныхъ державъ, конечно, никакъ нельзя было разсчитывать. Кауницъ, прежде возстававшій противъ подкуповъ, теперь согласился дѣйствовать путемъ ихъ; была устроена общая

---

[1]) *Соловьевъ*, Паденіе Польши, 146—147.

[2]) Эти цифры даетъ Раумеръ; Германъ опредѣляетъ число собравшихся 31, а общее число сенаторовъ 123, т. V, 529.

кассъ, изъ которой и производились расходы для достиженія поставленныхъ цѣлей. 1 (12) апрѣля объявлена была конфедерація, хотя этимъ и нарушены были польскіе законы, касающіеся открытія сейма; 8 апрѣля открылся сеймъ. Нѣкоторые послы, особенно нѣкто Рейтанъ, чрезвычайно рѣзко настаивали на томъ, что королевскимъ декретомъ объявлены были выборы на сеймъ не сконфедерованный, а вольный, и что поэтому по законамъ онъ не можетъ быть объявленъ сконфедерованнымъ; тѣмъ не менѣе 12 апрѣля, сеймъ призналъ себя «подъ узломъ конфедераціи». Послѣ этого, какъ обыкновенно дѣлалось въ такихъ случаяхъ, предложено было избрать делегацію, или коммиссію, которая бы разсмотрѣла требованія трехъ дворовъ и пришла къ окончательному соглашенію съ ними. Дѣло не обошлось безъ сильнаго сопротивленія не только со стороны противниковъ соглашенія съ Россіей, Австріей и Пруссіей, но и со стороны короля, который былъ противъ делегаціи, такъ какъ вслѣдствіе крайней непопулярности своей, особенно въ это время, боялся, что делегація сдѣлаетъ какія нибудь невыгодныя лично для него постановленія. Тогда три посла объявили, что въ Варшаву вступаютъ ихъ войска и дѣйствительно, 1 (12) мая вступили два эскадрона. Эта мѣра подѣйствовала: сеймъ просилъ отсрочить вступленіе войскъ на два дня, отсрочка была дана—и большинствомъ 6-ти—по другимъ свѣдѣніямъ 11-ти—голосовъ была избрана делегація, которая затѣмъ уполномочена была поставить рѣшеніе, уже не нуждающееся въ утвержденіи сейма; предсѣдательство въ делегаціи предложено было примасу Подоскому, но онъ рѣшительно отказался отъ этого и предсѣдателемъ избранъ былъ епископъ куявскій, Островскій [2]). Тремъ державамъ добиться назначенія делегаціи стоило 8,000 дукатовъ [3]).

Засѣданія делегаціи начались 22 мая (2 іюня). Актъ объ

[2]) Беръ приводитъ мало вѣроятныя, на нашъ взглядъ, сообщенія, будто князь Любомірскій за свое согласіе на делегацію получалъ 30 дукатовъ, и что будто бы одинъ членъ делегаціи продалъ свой голосъ за нѣсколько десятковъ пудовъ соли.—*Beer*, т. II, 225, 239.

[3]) Германъ (т. V, 521, 551, 552) по Феррану и Лелевелю опредѣляетъ расходы Россіи за это время въ 100,000, расходы Пруссіи—въ 50,000 дукатовъ; соотвѣтственно этому онъ говоритъ о пенсіяхъ членамъ делегаціи въ

уступкѣ области Россіи прошелъ безъ всякихъ затрудненій; онъ былъ предложенъ делегаціи совершенно согласно съ тѣмъ, какъ былъ установленъ въ Петербургѣ; тамъ хорошо обдумали свои желанія. Но Ревицкій и Бенуа предъявили увеличенныя, сравнительно съ петербургскимъ соглашеніемъ, требованія. Кауницъ сталъ доказывать, что доля Австріи неудобна, потому что Австрія получаетъ лишь части воеводствъ и округовъ, въ то время, какъ Россія и Пруссія получаютъ цѣлые округа; поэтому онъ настаивалъ на уступкѣ Австріи еще нѣкоторыхъ земель; затѣмъ изъ Вѣны заявили, что рѣчки Подгорцы, по которой предполагалось провести новую австрійскую границу, не существуетъ; сначала изъ Вѣны стали настаивать, что подъ этимъ именемъ надо понимать рѣку Серетъ, а затѣмъ стали утверждать, что Подгорца это ничто иное какъ р. Сбручъ; Бенуа снова заговорилъ о Данцигѣ; изъ Вѣны дали Фридриху согласіе поддерживать его въ этомъ пунктѣ; кромѣ того Фридрихъ претендовалъ на обладаніе обоими берегами р. Нейссы — въ этомъ и Штакельбергъ поддержалъ прусскія требованія и поляки уступили. Истекалъ уже срокъ, на который избрана была делегація, а она еще далеко не окончилъ своего дѣла; по требованію пословъ Россіи, Пруссіи и Австріи сеймъ въ сентябрѣ продолжалъ ея засѣданія до 11 (22) января 1774 г., причемъ Станиславъ Августъ успѣлъ провести прибавку, что делегація имѣетъ право постановить только соглашеніе съ тремя державами — такимъ образомъ онъ оградилъ себя отъ какихъ либо постановленій ея, направленныхъ противъ него лично.

18 сентября ст. ст. 1774 г. делегація, наконецъ, пришла къ соглашенію съ тремя державами. Требованія Россіи, какъ уже сказано, были удовлетворены вполнѣ и безъ измѣненій; Фридрихъ Данцига не получилъ; подробности разграниченія съ Австріей оставлены были для рѣшенія ихъ на мѣстѣ;

8,000, въ 12,000 дукатовъ въ годъ; мы думаемъ, что цифры эти сильно преувеличены. Тому самому графу Понинскому, напримѣръ, которому по словамъ Германа была назначена пенсія въ 8,000 гульденовъ, Сальдернъ и Волконскій, какъ видно ихъ подлинныхъ донесеній, платили по 200 р. въ мѣсяцъ. Цифра въ текстѣ заимствована нами изъ изслѣдованія Бера.

Кауницъ особеннаго этого желалъ, надѣясь—и не безъ основанія—что на мѣстѣ, имѣя дѣло съ одними польскими представителями, легче ему будетъ добиться какихъ либо уступокъ, чѣмъ въ делегаціи, гдѣ поляки находили поддержку у двухъ другихъ пословъ. Окончательное разграниченіе съ Австріей у Польши состоялось лишь въ 1777 г. [1]). Трактатъ между Россіей и Польшей о возстановленіи мира между обѣими державами и о пріобрѣтеніи къ Россіи нѣкоторыхъ земель отъ Польши помѣченъ 18 сентября 1774; 15 апрѣля 1775 г. подписаны были особые акты, заключающіе постановленія о торговлѣ русскихъ и польскихъ подданныхъ, а также о диссидентахъ, и между прочимъ слѣдующія очень важныя постановленія: «чтобы удалить все, чтобы хотя къ малѣйшему разврату между польскимъ народомъ служить могло» диссиденты исключаются изъ сената и министерства, на сеймъ они могутъ посылать лишь трехъ пословъ, по одному отъ провинціи; имъ сохраняются права свободнаго исповѣданія религіи; въ этихъ же актахъ повторена гарантія Россіей фундаментальныхъ польскихъ законовъ. Такъ, достигнувъ своей цѣли—усилиться на счетъ Польши—Екатерина и Панинъ отступили въ значительной степени и отъ того дѣла, которое они выставляли какъ нѣчто такое, въ чемъ уступить ничего и никакъ не могутъ, пока имъ необходимо было имѣть поводъ къ вмѣшательству въ дѣла Польши. 4 іюля 1775 г. окончательно установлено въ м. Холмичѣ разграниченіе Россіи и Польши [2]).

Европейскія державы, не принимавшія участія въ раздѣлѣ Польши, отнеслись къ этому событію съ удивительнымъ равнодушіемъ. Правительство Людовика XV держалось относительно Польши вообще политики чрезвычайно странной; оно основывалось не на точныхъ и правдивыхъ донесеніяхъ объ

---

[1]) *Dohm*, Denkwürdigkeiten meiner Zeit, 510.

[2]) *Полное Собраніе законовъ*, №№ 14,042, 14,271, 14,346.—Событія въ Варшавѣ со времени предъявленія тамъ декларацін Россіи, Пруссіи и Австріи—см. *Beer*, II, 199—244, XVIII Capitel, Die Verhandlungen in Warschau; также—*Raumer*, Beiträge, IV, 489—553; *Herrmann*, V, 525—540; *Костомаровъ*, I, 145—152; *Русскій Архивъ*, 1872, 1—96—между прочимъ дневникъ сейма; Соловьевъ въ данномъ случаѣ очень кратокъ — Исторія Россіи, книга VI, 867 и Исторія паденія Польши, 145—149.

истинномъ положеніи дѣлъ, а исходило изъ общихъ разсужденій, составленныхъ королемъ на основаніи донесеній его тайныхъ агентовъ, которые преимущественно старались сообщать лишь такія извѣстія, которыя могли бы быть пріятны королю, хотя бы они и не были вѣрны. Опала, постигшая Шуазеля и замѣна этого министра де-ля-Вриллiеромъ, еще болѣе ослабила и безъ того далеко не достаточное вниманіе, какое удѣляемо было отношеніямъ польскимъ [1]). Герцогъ Эгильонъ, вступившій затѣмъ въ управленіе внѣшними дѣлами Франціи, точно умышленно облегчалъ для трехъ державъ соглашеніе ихъ относительно Польши. Онъ самъ далъ понять Фридриху, что союзническія чувства Франціи къ имперіи вовсе не особенно живы и горячи, и этимъ облегчилъ необходимое для Россіи и Пруссіи привлеченіе Австріи къ участію въ ихъ дѣлѣ; еще въ 1771 г., при первыхъ захватахъ Австріею польскихъ земель, Сенъ-При писалъ Эгильону изъ Константинополя, что такой образъ дѣйствій грозитъ Польшѣ чрезвычайными опасностями и указывалъ, что Франція, въ качествѣ поручительницы по Оливскому миру, должна поднять вопросъ о нарушеніи цѣлости польской территоріи. Эгильонъ не обратилъ никакого вниманія на эти совѣты, и когда раздѣлъ состоялся, сталъ утверждать, что французское правительство застигнуто этимъ событіемъ совершенно врасплохъ и что оно дотолѣ было обманываемо своими союзниками [2]). Онъ предлагалъ даже напасть на Австрію въ Бельгіи, чтобы принудить ее отказаться отъ участіи въ этомъ дѣлѣ; но такая мѣра была отклонена на основаніи слѣдующихъ соображеній, высказанныхъ въ королевскомъ совѣтѣ: исторія Польши должна была рано или поздно привести къ чему либо подобному; пропорціональное увеличеніе силъ Россіи, Пруссіи и Австріи не увеличиваетъ относительно силы ни одной изъ нихъ (devenait respectivement nul pour elles), а между ними Франція всегда будетъ въ состояніи найдти себѣ союзницу; три державы, участвовавшія въ раздѣлѣ, вѣроятно, по поводу

---

[1]) *Broglie*, Le secret du roi, II, 357.

[2]) *Raumer*, Beiträge, IV, 490—491, 496—497, 502, 510, 511, 530—535; *Broglie*, II, 392—393.

его поссорятся и пожалуй даже вступятъ въ войну между собою [1]).

Къ совершившемуся факту отнеслась спокойно и Англія. На жалобныя письма Станислава Августа не отвѣчали; спеціальное посольство польское, съ протестомъ противъ раздѣла было отклонено; въ отвѣтѣ по этому поводу Польшѣ давали понять, что поляки сами навлекли на себя бѣду своими вѣчными неурядицами; на сообщеніе представителей Россіи, Австріи и Пруссіи о раздѣлѣ, сдѣланное англійскому правительству въ октябрѣ 1772 г., данъ былъ такой отвѣтъ: «его величество король очень желаетъ думать, что три двора основывали свои притязанія на справедливости, хотя его величество не освѣдомленъ объ основаніяхъ, на какихъ они дѣйствовали». При открытіи ближайшей слѣдующей сессіи парламента въ тронной рѣчи было высказано удовольствіе по поводу продолжающагося общаго мира; ни въ рѣчи, ни въ отвѣтѣ на нее какъ верхней, такъ и нижней палаты не было упомянуто о Польшѣ ни единымъ словомъ [2]).

VI.

Чтобы правильно оцѣнить, что̀ получилъ отъ раздѣла каждый изъ трехъ его участниковъ, надо разсматривать не самый раздѣлъ только, а событія на востокѣ Европы приблизительно за всю третью четверть вѣка, такъ какъ раздѣлъ Польши и стоялъ съ ними въ самой тѣсной связи, завершая длинный рядъ сложныхъ отношеній.

Въ раздѣлѣ приняли активное участіе три державы, которыя играли главныя роли въ Семилѣтней войнѣ. Изъ числа ихъ Пруссія вышла изъ борьбы съ цѣннымъ пріобрѣтеніемъ, но крайне истощенною; самое пріобрѣтеніе не казалось окончательно упроченнымъ за королевствомъ и заботы о его сохраненіи никогда не покидали Фридриха; кромѣ того, въ теченіе четырехъ лѣтъ Пруссія платила Россіи довольно замѣтныя для ея бюджета

---

[1]) *Flassan*, Histoire générale et raisonnée de la diplomatie française, t. VII, 90.

[2]) *Raumer*, IV, 501—502; *Сборникъ*, т. XIX, 310.

субсидіи; Австрія вышла изъ войны съ потерею, но съ тѣхъ поръ въ теченіи 10 лѣтъ отдохнула, оправилась и, конечно, могла заставить задуматься всякаго изъ своихъ сосѣдей, который пошелъ бы на вооруженную борьбу съ нею; наконецъ Россія вышла изъ войны безъ пріобрѣтеній и безъ потерь, но послѣдніе четыре года вела новую тяжелую войну, которая порядочно утомила государство, тѣмъ болѣе, что уже девять лѣтъ оно несло значительные расходы по дѣламъ польскимъ; устраивая раздѣлъ Россія получала согласіе сосѣдей на объявленіе татаръ независимыми, что, какъ мы уже видѣли, въ глазахъ всѣхъ было лишь переходною ступенью къ подчиненію татаръ непосредственной власти Россіи и слѣдовательно важнымъ шагомъ къ утвержденію Россіи на всемъ сѣверномъ берегу Чернаго моря— извѣстно, что такъ и случилось черезъ девять лѣтъ послѣ заключенія мира съ Турціей.

Состоявшіяся присоединенія различныхъ областей отъ Польши и надо разсматривать и оцѣнивать въ связи съ прежними пріобрѣтеніями Пруссіи, съ прежними потерями Австріи и съ подготовленными пріобрѣтеніями Россіи. Въ результатѣ всѣхъ отношеній на востокѣ Европы, за періодъ времени отъ 1756 до 1783 г., отношеній, очень тѣсно связанныхъ между собою, Пруссія пріобрѣла Силезію и не особенно большой кусокъ Польши, Австрія лишилась Силезіи, но пріобрѣла большой кусокъ Польши, Россія пріобрѣла часть Польши и—Крымъ со всѣмъ сѣвернымъ побережьемъ Чернаго моря, обезопасила свои южныя границы и получила возможность спокойно развивать естественныя богатства богатѣйшаго края. Едва ли можно сказать, чтобы Россія пріобрѣла сравнительно меньше, чѣмъ другія державы, даже принимая въ разсчетъ, что она одна воевала, получая лишь денежную субсидію отъ Пруссіи.

Какое значеніе, въ глазахъ всѣхъ современниковъ, имѣлъ для Россіи успѣхъ ея надъ Польшею и Турціею—видно всего лучше изъ того, что послѣ первой турецкой войны и перваго раздѣла Польши совершенно перемѣнились отношенія къ Россіи всѣхъ главнѣйшихъ европейскихъ державъ. Вмѣсто прежняго стремленія пользоваться ея силами для своихъ цѣлей у большинства державъ явилось прямое стремленіе противодѣйствовать

активному участію Россіи въ общеевропейскихъ дѣлахъ, которое именно въ это время проявилось впервые, проявилось съ такою силою и привело къ такимъ блестящимъ для Россіи результатамъ. Пруссія прежде постоянно искала у Россіи поддержки—со второй половины Екатерининскаго царствованія она довольно быстро и совершенно явно переходитъ въ лагерь ея враговъ. Австрія прежде считала наиболѣе опаснымъ для себя врагомъ Турцію и для борьбы съ нею искала союза Россіи—теперь она увидала рядомъ съ собою новое могущество, гораздо болѣе внушительное, и съ этого времени перешла къ политикѣ противодѣйствія всякому успѣху Россіи и стала ревностно поддерживать Турцію; Іосифъ II сдѣлалъ еще одну попытку разрѣшить турецкій вопросъ по прежнему пути—въ союзѣ съ Россіей и борьбою съ Турціей; попытка эта не увѣнчалась успѣхомъ, цѣль, поставленная себѣ Россіею и Австріею не была достигнута, Австрію постигъ рядъ военныхъ неудачъ—и это было послѣднее столкновеніе ея съ Турціей. Англія до середины царствованія Екатерины чаще была въ дружбѣ съ Россіей, такъ какъ имѣла въ нашемъ отечествѣ огромныя торговыя связи; но когда она увидала, что именно отъ Россіи грозитъ наибольшая опасность существованію Турціи, она тоже перешла въ рядъ защитниковъ Турціи и вообще въ число противниковъ Россіи, потому что англичане завели къ тому времени обширныя торговыя связи и съ Турціей и желали, какъ всегда, охранить прежде всего свои коммерческіе интересы, а этимъ ихъ интересамъ, конечно, грозила большая опасность отъ водворенія на мѣстѣ турецкой имперіи христіанскаго государства, такъ какъ никакое христіанское, европейское государство не остается такимъ удобнымъ полемъ для эксплуатаціи, какое находятъ англичане въ странахъ и государствахъ не европейскихъ.

Результаты, достигнутые Россіею съ заключеніемъ Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, повліяли и на отношенія Россіи и Франціи. Событія міроваго значенія, совершившіяся во Франціи на рубежѣ XVIII и XIX столѣтій, помѣшали спокойному развитію этихъ отношеній; они подверглись множеству колебаній, но во всякомъ случаѣ именно послѣ того какъ стало ясно, что французскій народъ въ своей борьбѣ съ нѣмецкими государствами

можетъ найдти поддержку не въ Турціи, не въ Польшѣ, не въ Швеціи, а только въ Россія и послѣ того, какъ съ присоединеніемъ къ Россіи Крыма и побережья Чернаго моря открыты были новые рынки для французской торговли и промышленности—началось впервые послѣ долгаго періода взаимной недоброжелательности сближеніе Россіи съ Франціей, сближеніе, которое, во всемъ своемъ міровомъ значеніи, кажется, завершается на нашихъ глазахъ. Если мы припомнимъ, какую роль играла Россія въ то время, когда всѣ нѣмецкія государства испытали ужаснѣйшій разгромъ отъ французскихъ армій, то намъ станетъ очевидно, что въ результатѣ всего Екатерининскаго царствованія для Россія получила очень замѣтное усиленіе своего международнаго значенія.

Такое особенное недружелюбіе иностранныхъ державъ, конечно, не было вызвано какими либо особенными свойствами политики Россіи. Всякій, кто только способенъ понимать факты въ ихъ истинномъ значеніи, не поддаваясь утвержденіямъ, не соотвѣтствующимъ истинѣ, потому только, что они повторяются часто и увѣренно, всякій, изучивъ дипломатическую исторію Европы, убѣдится, что недоброжелательство большинства европейскихъ державъ къ Россіи объясняется главнымъ образомъ ихъ совершенно естественнымъ страхомъ передъ быстрымъ увеличеніемъ ея могущества: ничего особеннаго, отличнаго отъ образа дѣйствій всѣхъ другихъ державъ, Россія въ свою дѣятельность не вносила: русская политика прибѣгала лишь къ такимъ же средствамъ, какія были давно уже извѣстны въ европейской дипломатіи, примѣнялись ею и раньше и послѣ примѣненія ихъ дипломатіею русскою, русская политика ставила себѣ лишь такія же цѣли, какія преслѣдовали и другія современныя правительства. Если въ чемъ русская дипломатія заслуживаетъ, быть можетъ, упрековъ болѣе, чѣмъ какая-нибудь другая—то развѣ что въ склонности иногда обращать слишкомъ много вниманія на желанія другихъ державъ, въ излишней готовности поступаться интересами русскаго государства въ пользу другихъ, въ данный моментъ союзныхъ съ Россіею, державъ.

Нельзя не видѣть, что Россія не сохранила постоянно въ европейскихъ дѣлахъ такого значенія, какое она пріобрѣла при Екате-

ринѣ. Мы думаемъ даже, что вполнѣ сохранить то положеніе, какое заняла тогдаРоссія было невозможно; но во всякомъ случаѣ предстоитъ еще изслѣдовать, когда, въ силу какихъ именно причинъ и при какихъ обстоятельствахъ утратила Россія на довольно долгое время то значеніе, какое получила она въ царствованіе Екатерины II. Отвѣты на эти вопросы надо искать, вѣроятно, въ исторіи первой четверти XIX в., когда Франція, такъ блистательно торжествовавшая надъ своими противниками, лишена была почти всѣхъ плодовъ своихъ подвиговъ преимущественно силами Россіи, которая вела съ нею почти двадцатилѣтнюю борьбу и, наконецъ, во главѣ европейской коалиціи, заставила Францію подчиниться волѣ остальной Европы; какъ ни стараются нѣмецкіе историки затушевывать тотъ фактъ, что успѣшно бороться съ Наполеономъ нѣмцы начали лишь послѣ того, какъ Россія выдержала его сильнѣйшій ударъ и какъ въ Россіи погибла лучшая и большая часть арміи Наполеона, не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, что главная роль въ борьбѣ и въ побѣдѣ наконецъ надъ Наполеономъ принадлежала именно Россіи. Но если и необходимъ былъ энергичный отпоръ энтузіазму блестящаго народа, такъ возбужденнаго міромъ новыхъ идей, въ немъ создавшихся, и дошедшаго въ своемъ увлеченіи до крайностей, то остается еще большимъ вопросомъ, соотвѣтственно ли истиннымъ интересамъ Европы, особенно— соотвѣтственно ли интересамъ Россіи приложены были силы Россіи, и затѣмъ не удалось ли почему либо обратить въ свою выгоду главные результаты борьбы тѣмъ государствамъ, которыя сами испытали отъ французовъ лишь рядъ безпримѣрныхъ пораженій? Во всякомъ случаѣ во многихъ событіяхъ европейской исторіи XIX вѣка нельзя не видѣть печальныхъ слѣдствій того, что силы Россіи и силы Франціи такъ часто другъ друга парализовали. Сближеніе этихъ двухъ великихъ государствъ должно имѣть чрезвычайно важное и благотворное значеніе для всей исторіи Европы. То, что сдѣлано было покойнымъ государемъ Александромъ III для сближенія Россіи и Франціи, останется навсегда блестящимъ свидѣтельствомъ его глубокаго пониманія истинныхъ интересовъ Россіи и его великою заслугою въ дѣлѣ упроченія европейскаго мира.

Безъ сомнѣнія много любопытнаго и поучительнаго представитъ изученіе и дальнѣйшей политики Россіи въ царствованіе Екатерины и въ царствованіе ея преемниковъ. Будемъ ждать новыхъ матеріаловъ для подобнаго изученія и новыхъ изслѣдованій. Но какого бы рода перемѣны въ нашихъ представленіяхъ объ отдѣльныхъ частныхъ случаяхъ ни внесли новыя изслѣдованія, въ одномъ нельзя сомнѣваться — нельзя сомнѣваться въ томъ, что всякій новый шагъ въ изслѣдованіяхъ такого рода явится новымъ подтвержденіемъ, что во внѣшнихъ отношеніяхъ приноситъ государству и народу пользу только политика истинно національная. Тѣ люди, которымъ выпадаетъ высокая и трудная доля направлять во внѣшнихъ отношеніяхъ силы великаго государства, конечно, должны стоять на высотѣ современнаго имъ развитія политической мысли; но вмѣстѣ съ тѣмъ они должны при рѣшеніи каждаго отдѣльнаго вопроса имѣть прежде всего въ виду интересы, потребности и серьезныя стремленія своего народа, ни на минуту не забывать его достоинство и его право на уваженіе; если эти условія соблюдены — то дѣятельность этихъ людей оказываетъ плодотворное вліяніе и на внутреннюю жизнь государства, такъ какъ наилучшимъ образомъ поддерживаетъ въ другихъ ту бодрость духа, то уваженіе къ своему народу, которыя въ свою очередь вызываютъ искреннѣйшее желаніе, почти потребность, служить ему на пользу,— а въ такихъ стремленіяхъ трудиться для своего народа и лучшій путь къ лично счастливой жизни и вѣрнѣйшій залогъ широкаго развитія полезной общественной дѣятельности.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЪ ЛИЧНЫХЪ.

Августъ II, король польскій, 13, 127, 139, 364, 375.
Августъ III, король польскій, 14, 15, 56, 57, 128, 130, 134, 137, 141, 143, 210, 211, 212, 218, 221, 233, 236, 242, 244, 248, 364, 376.
Адольфъ-Фридрихъ, король шведскій, 111.
Альмодоваръ, маркизъ, посолъ испанскій, 118, 119.
Александръ I Павловичъ, императоръ, 90.
Александръ III Александровичъ, императоръ, 455.
Анна Іоанновна, императрица, 13, 16, 17, 21, 23, 25, 127, 128, 142, 324.
Апраксинъ, графъ Степанъ Өедоровичъ, фельдмаршалъ, 29.
Ассебургъ, баронъ, дипломатъ, 89, 177.
Ашкенази, Симонъ, изслѣдователь, 53, 63, 81, 217, 220, 224, 230, 231, 241—244, 246, 252, 253, 256, 257, 258, 259, 264.
Бакунинъ, Петръ Васильевичъ, совѣтникъ иностранной коллегіи, 141.
Бандре, маіоръ, 252.
Бауръ, Өедоръ Вилимовичъ, генералъ, 334, 335, 336, 340.
Безбородко, князь Александръ Андреевичъ, 104.
Бель-Иль, французскій маршалъ, 19.
Бенуа, прусскій дипломатъ, 62, 73, 75, 78, 81, 236, 277, 287, 288, 289, 309, 445, 448.
Беранже, французскій повѣренный въ дѣлахъ въ Петербургѣ, 187, 370,
Бергъ, генералъ, 330, 341, 342.
Беръ, изслѣдователь, 46, 53, 64, 74, 77, 213, 229, 231, 238, 239, 241, 243, 245—248, 253, 256, 258, 259, 269, 277, 279, 281, 285, 288, 289, 294, 295, 300, 304, 307, 313, 322, 403, 406, 413, 422, 425, 433, 434, 436, 438, 439, 442.
Берисдорфъ, графъ, датскій министръ, 177, 178.
Бестужевъ-Рюминъ, графъ Алексѣй Петровичъ, канцлеръ, 23 — 32, 39, 40, 82, 88, 101, 102, 108, 164, 216, 218, 222.
Бестужевъ-Рюминъ, графъ Михаилъ Петровичъ, русскій дипломатъ, 24, 25.
Бибиковъ, Александръ Ильичъ, генералъ-поручикъ, 262, 317, 318, 430.
Бильбасовъ, В. А. изслѣдователь, 26, 28.
Биронъ, Карлъ, сынъ герцога, 145.
Биронъ, Эрнестъ-Іоаннъ, герцогъ курляндскій, 103, 106, 126, 128, 129, 130, 132, 133, 134, 136, 137, 138, 139, 140, 142, 143, 144, 209, 254, 266.
Борхъ, австрійскій генералъ, 359.
Борхъ, камергеръ саксонскій, 140, 141.
Боссетъ-де, маркизъ, французскій дипломатъ, 42, 88, 110, 120, 121, 123, 187.

Бракель, русскій дипломатъ, 20, 21.
Браницкій, графъ, гетманъ коронный, 202, 242—247, 250,—254, 259, 280.
Браницкій, графъ, референдарь, 310, 311.
Бретейль, баронъ, французскій дипломатъ, 42, 84, 85, 88, 110, 117, 118, 119, 120, 166, 168, 176, 187, 212, 213, 240.
Бржостовскій, графъ, 280.
Брикнеръ, А., изслѣдователь, 83, 86.
Брольи, герцогъ, изслѣдователь, 240, 450.
Брюль, графъ, саксонскій министръ 212, 242, 248.
Брюсъ, генералъ, 336, 337.
Букингамъ, лордъ, англійскій посланникъ, 67, 84, 87, 88, 99, 117, 148, 149, 150, 151, 152, 156, 220.
Бюшингъ, писатель, 439.
Ванъ-Свитенъ, баронъ австрійскій дипломатъ, 61, 414, 434, 436, 437.
Веймарнъ, Иванъ Ивановичъ, генералъ, 262, 314.
Вейсманъ, баронъ, Отто Адольфъ, генералъ, 348, 349, 355, 356.
Верженъ, графъ, французскій министръ, 105, 202, 247.
Вернесъ, Фридрихъ, генералъ, 330.
Веселицкій, Петръ Петровичъ, русскій резидентъ въ Крыму, 200, 347.
Вешняковъ, Алексѣй Андреевичъ, русскій резидентъ въ Константинополѣ, 16.
Виллермонъ, изслѣдователь, 403.
Вихманъ, изслѣдователь, 177, 178, 290, 439.
Воейковъ, Өедоръ Матвѣевичъ, генералъ-аншефъ, 107, 108, 209, 295.
Волковъ, Дмитрій Васильевичъ, секретарь конференціи, 32.
Волконскій, князь Михаилъ Никитичъ, генералъ-поручикъ, 46, 47, 77, 78, 145, 218, 224, 253, 269, 309, 311, 313—318, 321, 403, 448.
Вольтеръ, писатель, 414, 415.
Вольфъ, изслѣдователь, 241, 298.
Воронцовъ, графъ Александръ Романовичъ, дипломатъ, 36.
Воронцовъ, графъ Михаилъ Илларіоновичъ, канцлеръ, 25, 30, 43, 82, 108, 119, 128, 129, 130, 198, 208, 218, 226.
Воронцовъ, князь, 43, 86, 162, 300.
Вяземскій, князь Александръ Алексѣевичъ. генералъ-прокуроръ, 91, 162, 321, 357.
Вяземскій, кн. П. П., изслѣдователь, 407, 414.
Гагаринъ, князь, мичманъ, 345.
Гакстгаузенъ, баронъ, датскій посланникъ въ Петербургѣ, 112, 115.
Гаммеръ, изслѣдователь, 425.
Гаррисъ, англійскій дипломатъ, 99.
Гаттереръ, изслѣдователь, 439.
Гееренъ, изслѣдователь, 366.
Гейеръ, изслѣдователь, 168, 171.
Гейкингъ, оберъ-гауптманъ Митавы, 132.
Гензель, майоръ, 349.
Геннади, Г. Н. издатель, 90.
Геннинъ, тайный агентъ Франціи въ Варшавѣ, 229.
Генрихъ, принцъ прусскій, 57, 58, 59, 74, 78, 85, 308, 370, 372, 389, 390, 392, 393, 394, 397, 398, 403—405, 409, 410—412, 430.
Георгій (Конискій) епископъ, 211, 263.
Георгъ, принцъ голштинскій, 116, 131.
Гервасій, епископъ, 295.
Германъ, Эристъ, изслѣдователь, 42, 132, 134, 135, 136, 211. 240, 244, 245, 246, 253, 256,

его поссорятся и пожалуй даже вступять въ войну между собою [1]).

Къ совершившемуся факту отнеслась спокойно и Англія. На жалобныя письма Станислава Августа не отвѣчали; спеціальное посольство польское, съ протестомъ противъ раздѣла было отклонено; въ отвѣтѣ по этому поводу Польшѣ давали понять, что поляки сами навлекли на себя бѣду своими вѣчными неурядицами; на сообщеніе представителей Россіи, Австріи и Пруссіи о раздѣлѣ, сдѣланное англійскому правительству въ октябрѣ 1772 г., данъ былъ такой отвѣтъ: «его величество король очень желаетъ думать, что три двора основывали свои притязанія на справедливости, хотя его величество не освѣдомленъ объ основаніяхъ, на какихъ они дѣйствовали». При открытіи ближайшей слѣдующей сессіи парламента въ тронной рѣчи было высказано удовольствіе по поводу продолжающагося общаго мира; ни въ рѣчи, ни въ отвѣтѣ на нее какъ верхней, такъ и нижней палаты не было упомянуто о Польшѣ ни единымъ словомъ [2]).

VI.

Чтобы правильно оцѣнить, что̀ получилъ отъ раздѣла каждый изъ трехъ его участниковъ, надо разсматривать не самый раздѣлъ только, а событія на востокѣ Европы приблизительно за всю третью четверть вѣка, такъ какъ раздѣлъ Польши и стоялъ съ ними въ самой тѣсной связи, завершая длинный рядъ сложныхъ отношеній.

Въ раздѣлѣ приняли активное участіе три державы, которыя играли главныя роли въ Семилѣтней войнѣ. Изъ числа ихъ Пруссія вышла изъ борьбы съ цѣннымъ пріобрѣтеніемъ, но крайне истощенною; самое пріобрѣтеніе не казалось окончательно упроченнымъ за королевствомъ и заботы о его сохраненіи никогда не покидали Фридриха; кромѣ того, въ теченіе четырехъ лѣтъ Пруссія платила Россіи довольно замѣтныя для ея бюджета

---

[1]) *Flassan*, Histoire générale et raisonnée de la diplomatie française, t. VII, 90.

[2]) *Raumer*, IV, 501—502; *Сборникъ*, т. XIX, 310.

субсидіи; Австрія вышла изъ войны съ потерею, но съ тѣхъ поръ въ теченіи 10 лѣтъ отдохнула, оправилась и, конечно, могла заставить задуматься всякаго изъ своихъ сосѣдей, который пошелъ бы на вооруженную борьбу съ нею; наконецъ Россія вышла изъ войны безъ пріобрѣтеній и безъ потерь, но послѣдніе четыре года вела новую тяжелую войну, которая порядочно утомила государство, тѣмъ болѣе, что уже девять лѣтъ оно несло значительные расходы по дѣламъ польскимъ; устраивая раздѣлъ Россія получала согласіе сосѣдей на объявленіе татаръ независимыми, что, какъ мы уже видѣли, въ глазахъ всѣхъ было лишь переходною ступенью къ подчиненію татаръ непосредственной власти Россіи и слѣдовательно важнымъ шагомъ къ утвержденію Россіи на всемъ сѣверномъ берегу Чернаго моря— извѣстно, что такъ и случилось черезъ девять лѣтъ послѣ заключенія мира съ Турціей.

Состоявшіяся присоединенія различныхъ областей отъ Польши и надо разсматривать и оцѣнивать въ связи съ прежними пріобрѣтеніями Пруссіи, съ прежними потерями Австріи и съ подготовленными пріобрѣтеніями Россіи. Въ результатѣ всѣхъ отношеній на востокѣ Европы, за періодъ времени отъ 1756 до 1783 г., отношеній, очень тѣсно связанныхъ между собою, Пруссія пріобрѣла Силезію и не особенно большой кусокъ Польши, Австрія лишилась Силезіи, но пріобрѣла большой кусокъ Польши, Россія пріобрѣла часть Польши и—Крымъ со всѣмъ сѣвернымъ побережьемъ Чернаго моря, обезопасила свои южныя границы и получила возможность спокойно развивать естественныя богатства богатѣйшаго края. Едва ли можно сказать, чтобы Россія пріобрѣла сравнительно меньше, чѣмъ другія державы, даже принимая въ разсчетъ, что она одна воевала, получая лишь денежную субсидію отъ Пруссіи.

Какое значеніе, въ глазахъ всѣхъ современниковъ, имѣлъ для Россіи успѣхъ ея надъ Польшею и Турціею—видно всего лучше изъ того, что послѣ первой турецкой войны и перваго раздѣла Польши совершенно перемѣнились отношенія къ Россіи всѣхъ главнѣйшихъ европейскихъ державъ. Вмѣсто прежняго стремленія пользоваться ея силами для своихъ цѣлей у большинства державъ явилось прямое стремленіе противодѣйствовать

активному участію Россіи въ общеевропейскихъ дѣлахъ, которое именно въ это время проявилось впервые, проявилось съ такою силою и привело къ такимъ блестящимъ для Россіи результатамъ. Пруссія прежде постоянно искала у Россіи поддержки—со второй половины Екатерининскаго царствованія она довольно быстро и совершенно явно переходитъ въ лагерь ея враговъ. Австрія прежде считала наиболѣе опаснымъ для себя врагомъ Турцію и для борьбы съ нею искала союза Россіи—теперь она увидала рядомъ съ собою новое могущество, гораздо болѣе внушительное, и съ этого времени перешла къ политикѣ противодѣйствія всякому успѣху Россіи и стала ревностно поддерживать Турцію; Іосифъ II сдѣлалъ еще одну попытку разрѣшить турецкій вопросъ по прежнему пути—въ союзѣ съ Россіей и борьбою съ Турціей; попытка эта не увѣнчалась успѣхомъ, цѣль, поставленная себѣ Россіею и Австріею не была достигнута, Австрію постигъ рядъ военныхъ неудачъ—и это было послѣднее столкновеніе ея съ Турціей. Англія до середины царствованія Екатерины чаще была въ дружбѣ съ Россіей, такъ какъ имѣла въ нашемъ отечествѣ огромныя торговыя связи; но когда она увидала, что именно отъ Россіи грозитъ наибольшая опастность существованію Турціи, она тоже перешла въ рядъ защитниковъ Турціи и вообще въ число противниковъ Россіи, потому что англичане завели къ тому времени обширныя торговыя связи и съ Турціей и желали, какъ всегда, охранить прежде всего свои коммерческіе интересы, а этимъ ихъ интересамъ, конечно, грозила большая опасность отъ водворенія на мѣстѣ турецкой имперіи христіанскаго государства, такъ какъ никакое христіанское, европейское государство не остается такимъ удобнымъ полемъ для эксплуатаціи, какое находятъ англичане въ странахъ и государствахъ не европейскихъ.

Результаты, достигнутые Россіею съ заключеніемъ Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, повліяли и на отношенія Россіи и Франціи. Событія міроваго значенія, совершившіяся во Франціи на рубежѣ XVIII и XIX столѣтій, помѣшали спокойному развитію этихъ отношеній; они подверглись множеству колебаній, но во всякомъ случаѣ именно послѣ того какъ стало ясно, что французскій народъ въ своей борьбѣ съ нѣмецкими государствами

Минихъ, графъ, Эрнстъ, 153.
Мировичъ, поручикъ, 94.
Миштекъ, графъ, 280, 311.
Молдаванжи-паша, великій визирь, 329, 330.
Моравскій, изслѣдователь, 363.
Морицъ саксонскій, герцогъ курляндскій, 128.
Мустафа, султанъ, 358.
Монсили, англійскій доброволецъ, 345
Наполеонъ I, императоръ, 455.
Неплюевъ, Иванъ Ивановичъ, д. т. с., 16, 184, 332.
Ноевъ, миѳическое лицо, 274.
Никифоровъ, рускій резидентъ въ Крыму, 198, 199, 200.
Ноульсъ (Knowels), адмиралъ, 354
Обрѣзковъ, Алексѣй Михайловичъ, рускій дипломатъ, 50, 70, 72, 79, 94, 100, 193, 193, 194, 195, 197, 200, 301, 303, 303, 304, 305, 307, 347, 348, 379, 293, 294, 298, 300, 301, 304, 307, [illegible], 354, 390, 400.
Ориналь... [illegible], 344
Огинскій, князь Иванъ, 350.
[illegible], Петръ Ивановичъ, генералъ, [illegible]
[illegible], Адамъ Васильевичъ, [illegible] секретарь, 93, 164, 222.
[illegible] паша 456
[illegible] графъ [illegible], 352, 353.
[illegible] австрійскій посланникъ [illegible]
[illegible], графъ Андрей Ивановичъ, [illegible] министръ, 33,
[illegible]
[illegible] графъ Иванъ Андреевичъ [illegible], 96, 103, [illegible], 166, 167, [illegible], 173, 176.
[illegible] Алексѣй Григорьевичъ [illegible], 344, 345, 346,
[illegible] Григорьевичъ [illegible]
[illegible]

40, 88, 91, 92, 222, 243, 321, 352, 353, 411.
Орловъ, графъ Ѳедоръ Григорьевичъ, 345.
Оскерка, графъ, 253.
Островскій, епископъ куявскій 447.
Павелъ Петровичъ, великій князь, цесаревичъ, 34, 87, 88, 89, 90, 111, 112, 115, 116, 178.
Панинъ, Графъ Никита Ивановичъ, первенствующій членъ Иностранной Коллегіи, 33, 38—49, 51—54, 62, 63, 67—69, 71—84, 86—105, 107, 109, 113—115, 120, 121, 122, 124, 125, 143, 144, 145, 150, 151—159, 161—185, 187, 188, 190, 191, 195, 196, 197, 200—207, 208, 213, 214, 216, 218, 222, 225, 226, 231—235, 238, 239, 242, 245, 248, 250, 251, 253, 254, 257—266, 270, 271, 273—285, 287—292, 298—302, 304, 305, 307, 309—319, 321, 323, 370, 377—387, 389, 394—397, 399, 400, 401, 403—409, 411—413, 415—419, 421—439, 442—446, 449.
Панинъ, гр. Петръ Ивановичъ, генералъ-аншефъ, 321, 330, 340, 341, 342, 346, 347.
Паоли, глава возстанія на Корсикѣ, 190.
Пенклеръ, баронъ, австрійскій представитель въ Константинополѣ, 202.
Петерсонъ, полковникъ, 359.
Петровъ, А. изслѣдователь, 295, 299, 320, 331, 333.
Петрушевскій, генералъ изслѣдователь, 320, 333, 358.
Петръ I Алексѣевичъ, Великій, императоръ, 1—3, 5, 6, 9, 10, 13, 15, 17, 23, 24, 25, 42, 51, 101, 128, 127, 161, 177, 290, 324, 346.
Петръ II Алексѣевичъ, императоръ, 10, 13
Петръ III Ѳедоровичъ, императоръ,

ринѣ. Мы думаемъ даже, что вполнѣ сохранить то положеніе, какое заняла тогдаРоссія было невозможно; но во всякомъ случаѣ предстоитъ еще изслѣдовать, когда, въ силу какихъ именно причинъ и при какихъ обстоятельствахъ утратила Россія на довольно долгое время то значеніе, какое получила она въ царствованіе Екатерины II. Отвѣты на эти вопросы надо искать, вѣроятно, въ исторіи первой четверти XIX в., когда Франція, такъ блистательно торжествовавшая надъ своими противниками, лишена была почти всѣхъ плодовъ своихъ подвиговъ преимущественно силами Россіи, которая вела съ нею почти двадцатилѣтнюю борьбу и, наконецъ, во главѣ европейской коалиціи, заставила Францію подчиниться волѣ остальной Европы; какъ ни стараются нѣмецкіе историки затушевывать тотъ фактъ, что успѣшно бороться съ Наполеономъ нѣмцы начали лишь послѣ того, какъ Россія выдержала его сильнѣйшій ударъ и какъ въ Россіи погибла лучшая и большая часть арміи Наполеона, не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, что главная роль въ борьбѣ и въ побѣдѣ наконецъ надъ Наполеономъ принадлежала именно Россіи. Но если и необходимъ былъ энергичный отпоръ энтузіазму блестящаго народа, такъ возбужденнаго міромъ новыхъ идей, въ немъ создавшихся, и дошедшаго въ своемъ увлеченіи до крайностей, то остается еще большимъ вопросомъ, соотвѣтственно ли истиннымъ интересамъ Европы, особенно— соотвѣтственно ли интересамъ Россіи приложены были силы Россіи, и затѣмъ не удалось ли почему либо обратить въ свою выгоду главные результаты борьбы тѣмъ государствамъ, которыя сами испытали отъ французовъ лишь рядъ безпримѣрныхъ пораженій? Во всякомъ случаѣ во многихъ событіяхъ европейской исторіи XIX вѣка нельзя не видѣть печальныхъ слѣдствій того, что силы Россіи и силы Франціи такъ часто другъ друга парализовали. Сближеніе этихъ двухъ великихъ государствъ должно имѣть чрезвычайно важное и благотворное значеніе для всей исторіи Европы. То, что сдѣлано было покойнымъ государемъ Александромъ III для сближенія Россіи и Франціи, останется навсегда блестящимъ свидѣтельствомъ его глубокаго пониманія истинныхъ интересовъ Россіи и его великою заслугою въ дѣлѣ упроченія европейскаго мира.

Безъ сомнѣнія много любопытнаго и поучительнаго представитъ изученіе и дальнѣйшей политики Россіи въ царствованіе Екатерины и въ царствованіе ея преемниковъ. Будемъ ждать новыхъ матеріаловъ для подобнаго изученія и новыхъ изслѣдованій. Но какого бы рода перемѣны въ нашихъ представленіяхъ объ отдѣльныхъ частныхъ случаяхъ ни внесли новыя изслѣдованія, въ одномъ нельзя сомнѣваться — нельзя сомнѣваться въ томъ, что всякій новый шагъ въ изслѣдованіяхъ такого рода явится новымъ подтвержденіемъ, что во внѣшнихъ отношеніяхъ приноситъ государству и народу пользу только политика истинно національная. Тѣ люди, которымъ выпадаетъ высокая и трудная доля направлять во внѣшнихъ отношеніяхъ силы великаго государства, конечно, должны стоять на высотѣ современнаго имъ развитія политической мысли; но вмѣстѣ съ тѣмъ они должны при рѣшеніи каждаго отдѣльнаго вопроса имѣть прежде всего въ виду интересы, потребности и серьезныя стремленія своего народа, ни на минуту не забывать его достоинство и его право на уваженіе; если эти условія соблюдены — то дѣятельность этихъ людей оказываетъ плодотворное вліяніе и на внутреннюю жизнь государства, такъ какъ наилучшимъ образомъ поддерживаетъ въ другихъ ту бодрость духа, то уваженіе къ своему народу, которыя въ свою очередь вызываютъ искреннѣйшее желаніе, почти потребность, служить ему на пользу, — а въ такихъ стремленіяхъ трудиться для своего народа и лучшій путь къ лично счастливой жизни и вѣрнѣйшій залогъ широкаго развитія полезной общественной дѣятельности.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЪ ЛИЧНЫХЪ.

Шверинъ, графъ, полковникъ прусской службы, 86.
Шеппингъ, баронъ, депутатъ курляндскаго сейма, 129, 130.
Шетарди-де-ла, маркизъ, дипломатъ французскій, 27, 30.
Ширлей, англійскій дипломатъ, 157.
Шлоссеръ, изслѣдователь, 171, 172, 177, 179.
Шредеръ, полковникъ, 142.
Штакельбергъ, баронъ, Отто-Магнусъ, русскій дипломатъ, 444—446, 448.
Штоффельнъ, Карлъ, генералъ, 332.
Шуазель, герцогъ, французскій министръ, 103, 117, 118, 121, 122, 124, 125, 243, 342, 389, 450.
Шуваловы, графы, 82.
Щебальскій, П., изслѣдователь, 32, 131.
Щербатовъ, князь Михаилъ Михайловичъ, исторіографъ, 357.
Щербининъ, Евдокимъ Алексѣевичъ, генералъ-поручикъ, 347.
Щербининъ, подпоручикъ, 350.
Эгильонъ, герцогъ, французскій министръ, 433, 450.
Элгази, Абдуръ—Разанъ—Эффенди, 354.
Эльмптъ, графъ, Иванъ Карловичъ, генералъ, 330.
Эльфингстонъ, контръ-адміралъ, 322, 342, 345.
Эммануилъ, принцъ португальскій, 14.
Энгельгардтъ, Левъ Николаевичъ, мемуаристъ, 338.
Эссенъ, дипломатъ саксонскій, 262, 295.
Эссенъ, Вильгельмъ Ивановичъ, генералъ, 349, 350.
Эстергази, посолъ австрійскій, 86.
Юзефовичъ, изслѣдователь, 360.
Юль, датскій посланникъ въ Швеціи, 176.
Янсенъ, изслѣдователь, 372.
Янъ-Казиміръ, король польскій, 363.
Ясинъ-Заде-Эффенди, 352.
Өеоктистовъ, Е. М., изслѣдователь, 19, 28, 29, 59.

Оглавленіе.

Предисловіе . . . . 1—VII

Глава первая. Общій очеркъ внѣшней политики Россіи въ первой половинѣ XVIII в.—Предварительныя замѣчанія о политикѣ Екатерины II . . . . 1—105

I. Участіе Россіи въ европейскихъ отношеніяхъ до Петра Великаго и послѣ него; причины, неблагопріятно вліявшія на внѣшнюю политику Россіи . . . . 1—9

II. Общій обзоръ русской внѣшней политики отъ кончины Петра Великаго до воцаренія Елизаветы Петровны.—Царствованіе Елизаветы Петровны и внѣшняя политика гр. А. П. Бестужева-Рюмина . . . . 9—33

III. Правительство Екатерины II ставитъ своею цѣлью политику самостоятельную и національную . . 33—51

IV. Вопросъ о вліяніи Фридриха II прусскаго въ Петербургѣ и объ значеніи его историческихъ трудовъ, для изученія русской внѣшней политики . . . . . 51—82

V. Вопросъ о личныхъ отношеніяхъ Екатерины II и гр. Н. И. Панина; участіе императрицы и ея министра въ направленіи внѣшней политики; характеръ и значеніе политической дѣятельности Панина. . . . . . 82—105

Глава вторая. Первыя дѣйствія правительства Екатерины II во внѣшней политикѣ.—Медіація, датское вмѣшательство въ опеку, вопросы церемоніала и этикета; возстановленіе Бирона въ Курляндіи . . . . . 106—146

I. Неудачная попытка Екатерины принять участіе въ заключеніи мира между Пруссіей и Австріей . 106—111

II. Претензія датскаго короля на соопекунство съ Екатериною надъ в. кн. Павломъ Петровичемъ, какъ герцогомъ голштинскимъ, и отклоненіе ея . . . . 111—116

III. Споры нѣкоторыхъ пословъ по вопросамъ этикета.—Французскій посолъ поднимаетъ вопросъ объ императорскомъ титулѣ русскихъ государей; декларація 21 ноября 1762 г. Новый споръ объ императорскомъ титулѣ и переписка по этому поводу Панина съ Шуазелемъ. . 116—125

IV. Положеніе Курляндіи въ XVIII в.; усиленіе русскаго вліянія въ ней. — Елизавета Петровна уступаетъ герцогство принцу Карлу.—Екатерина рѣшаетъ возстановить въ герцогскомъ достоинствѣ Бирона.—Биронъ и пр. Карлъ въ Митавѣ. — Переписка русскаго и польскаго министерства.—Удаленіе пр. Карла, возстановленіе Бирона.—Преобладаніе русскаго вліянія въ Курляндіи при Биронѣ . . . . 126—146

Глава третья. Отношенія къ Англіи, Швеціи, Даніи.—Проектъ «Сѣверной системы».—Отношенія къ Франціи, къ Турціи и къ прочимъ европейскимъ державамъ . . . . 147—207

I. Отношенія къ Англіи.—Вопросъ о договорахъ торговомъ и союзномъ.—Подписаніе торговаго договора Макартнеемъ.—Переговоры во время турецкой войны. . 147—159

II. Отношенія къ Швеціи.—Россія стремится къ сохраненію въ Швеціи status quo.—Чрезвычайный сеймъ 1765 г.—Торжество русской партіи и новое ея паденіе въ 1769 г. 159—173

III. Отношенія къ Даніи.—Дѣйствія Даніи въ Швеціи; союзный договоръ 1765 г.; договоръ о Голштиніи; охлажденіе между Россіей и Даніей въ 1770 г. . . . 173—179

IV. Проектъ «Сѣверной системы». — Истинная цѣль Панина и его дѣйствія, направленныя къ установленію «системы» . . . . 179—185

V. Отношенія къ Франціи; причины соперничества Франціи и Россіи.—Отношенія къ Австріи.—Попытки завести болѣе близкія сношенія съ итальянскимъ государствомъ. 185—192

VI. Отношенія къ Турціи.—Пограничные споры.—Посланецъ отъ православныхъ турецкихъ славянъ въ Петербургѣ въ 1764 г.—Отношенія къ Крыму.—Вліяніе дѣйствій Россіи въ Польшѣ на отношенія Россіи и Турціи. 192—207

Глава четвертая. Политика Россіи въ Польшѣ предъ первымъ раздѣломъ . . . . 208—319

I. Польскія дѣла выдвинуты на первый планъ.—Кейзерлингъ въ Польшѣ.—Отношенія къ Чарторижскимъ.—Слухи о смерти Августа III и рѣшеніе избрать въ короли Станислава Понятовскаго.—Смерть Августа III.—Планъ Чернышева.—Инструкція Кейзерлингу и Репнину.—Требованія предъявленныя русскому кандидату. . . . . 208—233

II. Союзъ съ Пруссіей 1764 г.—Россія сохраняетъ за собою главную роль въ польскихъ дѣлахъ.—Противодѣйствіе Австріи и Франціи.—Партіи въ Польшѣ.—Выборъ пословъ на сеймъ.—Объясненія въ Петербургѣ съ Лобковичемъ . . . . 233—251

III. Провозглашеніе конфедераціи.—Сеймъ конвокаціи.—

Реформы, проведенныя Чарторижскими.—Избирательный сеймъ и избраніе Станислава Понятовскаго.—Россія поднимаетъ вопросъ о диссидентахъ.—Онъ отложенъ до сейма 1766 г.—Чарторижскіе противятся требованіямъ Россіи.—Характеръ и значеніе ихъ дѣятельности . . . . 251—270

IV. Борьба короля и Чарторижскихъ противъ требованій Россіи предъ открытіемъ сейма 1766 г.—Уничтоженіе конфедераціи и разрывъ сейма.—Составленіе Россіею новыхъ конфедерацій.—Сеймъ 1767 г.—Арестованіе трехъ сенаторовъ.— Уполномоченная сеймомъ коммиссія соглашается на возстановленіе диссидентовъ въ ихъ правахъ.—Государственное устройство Польши ставится подъ гарантію Россіи . . . . 271—292

V. Конфедерація въ Барѣ.—Возстаніе крестьянъ въ Польшѣ.—Турція объявляетъ войну Россіи.—Панинъ дѣлаетъ уступки въ гарантіи.—Попытка Станислава Понятовскаго принудить императрицу къ полному уничтоженію всего, сдѣланнаго Россіей въ Польшѣ, и отвѣтъ ему Екатерины.—Замѣна Репнина Волконскимъ.—Россія составляетъ себѣ въ Польшѣ новую партію. — Senatus consilium 1769 г.—Замѣна Волконскаго Сальдерномъ и дѣятельность этого послѣдняго въ 1771 г. . . . . 292—319

Глава пятая. Первая турецкая война . . . . 320—361

I. Планъ военныхъ дѣйствій Россіи и Турціи.—Набѣгъ Крымъ-Гирея.—Кампанія 1769 г.—Наступленіе Голицына на Хотинъ.—Занятіе его.—Дѣйствія арміи Румянцева.—Назначеніе Румянцева начальникомъ первой арміи и занятіе части дунайскихъ княжествъ . . . . 320—332

II. Кампанія 1770 г.—Побѣда при Ларгѣ.—Побѣда при Кагулѣ.—Новое занятіе дунайскихъ княжествъ.—Дѣйствія арміи П. И. Панина и взятіе Бендеръ.—Дѣйствія русской эскадры въ Средиземномъ морѣ и побѣда при Чесмѣ. 333—346

III. Кампанія 1771 г.—Сношенія съ татарами.—Дѣйствія первой арміи на Дунаѣ.—Военныя дѣйствія ген. Вейсмана и неудачи подъ Журжею.—Занятіе Крыма кн. Долгоруковымъ.—Перемиріе и мирные переговоры 1772 г.—Конгрессъ въ Фокшанахъ.—Его неуспѣхъ.—Переговоры въ Бухарестѣ.—Турція рѣшается продолжать борьбу.—Кампанія 1773 г.—Переходъ Румянцева за Дунай.—Смерть Вейсмана.—Осада Силистріи и переходъ русской арміи обратно на лѣвый берегъ Дуная.—Кампанія 1774 г.—Дѣйствія Суворова.—Побѣда при Козлуджи.—Блокада Шумлы, Рущука и Силистріи.—Новые мирные переговоры и миръ въ Кучукъ-Кайнарджи.—Его условія . . . . . . 346—361

Глава шестая. Первый раздѣлъ Польши. . . 362—456

I. Постановка вопроса о польскомъ раздѣлѣ въ предлагаемомъ изслѣдованіи.—Недостаточность его разработки въ прежнихъ трудахъ и причина ея. . . . . 362—375

II. Переписка Панина съ Фридрихомъ, заключающая намеки на возможность и желательность пріобрѣтеній отъ Польши . . . . 376—385

III. Фридрихъ присылаетъ въ Петербургъ планъ Линара.—Отвѣтъ Панина.—Свиданія Фридриха съ императоромъ Іосифомъ и принца Генриха съ императрицей Екатериной.—Предложеніе медіаціи изъ Берлина и Вѣны и отклоненіе ея. . . . . 385—402

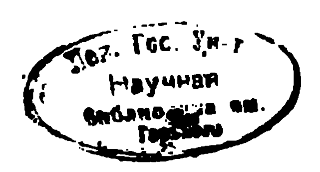
IV. Занятіе Австріей польскихъ староствъ.—Разговоры по этому поводу съ пр. Генрихомъ въ Петербургѣ.—Отвѣтъ Панина прусскимъ представителямъ и заявленіе его въ совѣтѣ русскихъ министровъ.—Переговоры Панина съ кн. Лобковичемъ.— Союзъ Австріи съ Турціей.— Колебанія Австріи и, наконецъ, согласіе на пріобрѣтенія отъ Польши . . . . 402—435

V. Соглашеніе между Россіей, Пруссіей и Австріей, подписанное въ Петербургѣ.—Манифесты трехъ державъ о присоединеніяхъ.—Объясненія Панина съ иностранными представителями въ Петербургѣ.—Послы Россіи, Австріи и Пруссіи достигаютъ въ Варшавѣ согласія польскаго правительства на раздѣлъ.—Отношеніе къ раздѣлу Франціи и Англіи. . . . . 435—451

VI. Значеніе совершившихся событій для Россіи 451—456

Указатель именъ личныхъ . . . . 459—468

[28-,]

